ИЗДАНІЯ НИКОЛАЯ ТИБЛЕНА.

(Мартъ, 1863 г.).

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ:

Русская лира, христоматія. . . . . 20 к.
Бокль: Исторія цивилизаціи въ Англіи т. 1 (2 части). . . 2 р. 30 к.
(каждая часть отдѣльно 1 р. 50 к.)
Вызинскій: Лордъ Маколей (*біографія*) . . . . . 60 к.
Гизо: Исторія цивилизаціи въ Европѣ . . . . . 1 р. 50 к.
Грибоѣдовъ: Горе отъ ума (*2-е изданіе*) . . . . . 10 к.
Тоже: *роскошное, иллюстрированное изданіе, съ 25 рисунками, рѣзанными на деревѣ* . . . . . 5 р. к. к.
Кольбъ: Руководство къ сравнительной статистикѣ (*два тома*). . . . . 3 р. 50 к.
Костомаровъ: Очеркъ торговли московскаго государства . 1 р. 50 к.
Куресель-Сенелль: Трактатъ о политической экономіи, т. 1. 2 р. к. к.
Маколей: Полное собраніе сочиненій, т. 1 . . . . . 2 р. к. к.
Его же: Id. т. 2, 3, 4, 6, 7 и 8. . . . . по 1 р. 50
(каждый томъ продается отдѣльно).
Марко-Вовчокъ: Повѣсти, съ малороссійско-польско-русскимъ словаремъ . . . . . 50 к.
Мейеръ: Русское гражданское право, т. 2 (1-е изд.) . . 2 р. 50 к.
Его же: Id. (оба тома, 2-ое изд.) . . . . . 3 р. 50 к.
Молинари: Курсъ политической экономіи . . . . . 1 р. 75 к.
Куно Фишеръ: Исторія новой философіи, т. 1 и 2 по 2 р. 50 к.
(При подпискѣ на всѣ 4 тома—7 р. 50 к.)

Цѣны назначены безъ пересылки.—При требованіи книгъ изъ конторы Н. Тиблена и комп. (на Васил. остр., по 8 л., № 25) дѣлается обычная уступка.

Digitized by Google

Digitized by Google

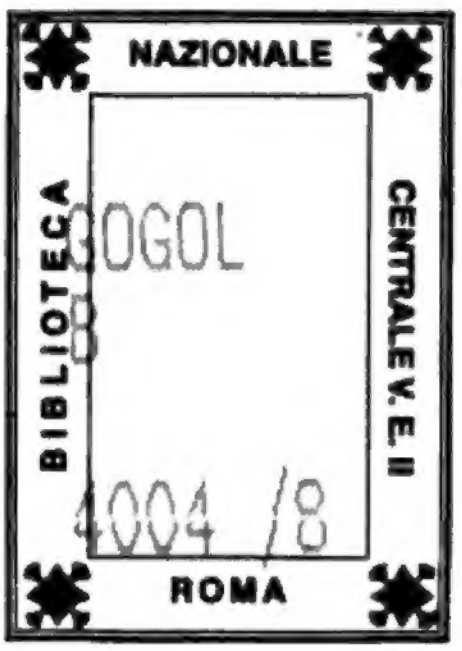
Digitized by Google

МАКОЛЕЙ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

ТОМЪ VIII.

Digitized by Google



Томъ этотъ переведенъ г. Думшинымъ.

Digitized by Google

МАКОЛЕЙ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

ТОМЪ VIII.

ИСТОРІЯ АНГЛІИ

ОТЪ ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ІАКОВА II.

ЧАСТЬ III.

ИЗДАНІЕ

НИКОЛАЯ ТИБЛЕНА.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1863.

Digitized by Google

606a B 4004/8

Одобрено цензурою. С. Петербургъ, 10 марта, 1863 года.

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

BUE035693
8. BUE0357020
Digitized by Google

ИСТОРІЯ АНГЛІИ.

ГЛАВА VII.

Мѣсто, которое Вильгельмъ Генрихъ, принцъ Оранско-Нассаускій, занимаетъ въ исторіи Англіи и человѣчества, такъ важно, что не лишнимъ будетъ пообстоятельнѣе изобразить рѣзкія черты этого характера (*). Принцъ Вильгельмъ Оранскій.

Ему шелъ тогда тридцать седьмой годъ. Но и тѣломъ и духомъ онъ казался старше другихъ людей того же возраста. Дѣйствительно, можно было бы сказать, что онъ никогда не былъ молодъ. Его наружность знакома намъ почти такъ же хорошо, какъ и его полководцамъ и совѣтникамъ. Ваятели, живописцы и медальеры употребили все свое искусство, чтобы передать его Его наружность.

(*) Главные матеріалы, на основаніи которыхъ я составилъ характеристику принца Оранскаго, находятся въ «*Исторіи*» Борнета, въ мемуарахъ Темпля и Гурвиля, въ дипломатическихъ бумагахъ графовъ д'Эстрада и д'Аво, въ письмахъ сэра Джорджа Доунинга къ лорду-канцлеру Кларендону, въ многотомной «*Исторіи*» Вагенаара, въ Van Kamper's «*Karakterkunde der Vaderlandsche Geschiedenis*» и преимущественно въ конфиденціяльной перепискѣ самого Вильгельма, съ которой герцогъ Портландъ позволилъ сэру Джемсу Макинтошу снять копію.

Digitized by Google

черты потомству; а черты его были таковы, что художникъ не могъ не потрафить ихъ, и таковы, что, увидѣвши разъ, нельзя было никогда ихъ забыть. При его имени, намъ тотчасъ представляется худощавый и хилый станъ, высокій и широкій лобъ, носъ, загнутый на подобіе орлинаго клюва, глаза, въ блескѣ и зоркости не уступавшіе орлинымъ, многодумное и нѣсколько угрюмое выраженіе лица, твердо и нѣсколько сурово сжатыя губы, блѣдныя и впалыя щеки, глубоко изборожденныя недугомъ и заботами. Этотъ задумчивый, строгій и торжественный видъ едва ли могъ бы принадлежать счастливому или веселому человѣку. Но онъ несомнѣннымъ образомъ показываетъ способность, которой подъ силу самыя трудныя предпріятія, и мужество, которому ни по чемъ превратности счастья и опасности.

Его отрочество и воспитаніе.

Природа щедро одарила Вильгельма качествами великаго правителя; а воспитаніе развило эти качества въ необыкновенной степени. Съ крѣпкимъ природнымъ смысломъ и рѣдкою силою воли, онъ, когда умъ его только-что началъ пробуждаться, очутился круглымъ сиротою, главою большой, но подавленной и упавшей духомъ партіи, наслѣдникомъ обширныхъ и безграничныхъ притязаній, возбуждавшихъ страхъ и отвращеніе олигархіи, которая тогда господствовала въ Соединенныхъ провинціяхъ. Простой народъ, искренно привязанный въ теченіе столѣтія къ его дому, всякій разъ, при встрѣчѣ съ нимъ, заявлялъ несомнѣннымъ образомъ, что считалъ его законнымъ своимъ главою. Искусные и опытные министры республики, смертельные враги его фамиліи, являлись каждый день свидѣтельствовать ему притворное почтеніе и наблюдать за развитіемъ его ума. Они тщательно подмѣчали первыя проявленія его честолюбія и записывали каждое сказанное имъ неосторожное слово. Онъ не имѣлъ при себѣ ни одного совѣтника, на котораго могъ бы положиться. Едва исполнилось ему пятнадцать лѣтъ, какъ подозрительное правительство удалило изъ его дома всѣхъ слугъ, преданныхъ его интересамъ, или мало-мальски пользовавшихся его довѣріемъ. Онъ протестовалъ съ энергіей, необыкновенной въ его лѣта, но протестъ оказался безплоднымъ. Внимательные наблюдатели видѣли, какъ слезы не разъ закипали въ глазахъ молодаго государственнаго плѣн-

Digitized by Google

ника. Его отъ природы нѣжное здоровье разстроилось на время отъ душевныхъ волненій, причиненныхъ безотраднымъ положеніемъ. Такія положенія смущаютъ и разслабляютъ слабыхъ, но вызываютъ наружу всю силу сильныхъ. Окруженный ловушками, въ которыхъ обыкновенный юноша погибъ бы, Вильгельмъ научился ступать бережно и въ то же время твердо. Задолго до возмужалости, онъ уже умѣлъ хранить тайны, отдѣлываться отъ любопытства сухими и осторожными отвѣтами и скрывать всѣ страсти подъ неизмѣнною личиною важнаго спокойствія. Между тѣмъ въ свѣтскомъ и ученомъ отношеніи онъ сдѣлалъ мало успѣховъ. Манеры голландской аристократіи того времени не отличались изяществомъ, которое доведено было до совершенства между французскими дворянами и которое, въ нѣсколько меньшей степени, украшало собою англійскій дворъ; а манеры Вильгельма были совершенно голландскія. Даже соотечественники считали его нелюбезнымъ. Иностранцамъ онъ часто казался грубымъ. Въ сношеніяхъ съ людьми вообще онъ обнаруживалъ непривычку или пренебреженіе къ тѣмъ тонкостямъ обхожденія, которыя удвоиваютъ цѣну милости и смягчаютъ горечь отказа. Онъ мало интересовался литературою или наукою. Открытія Ньютона и Лейбница, стихотворенія Драйдена и Буало были неизвѣстны ему. Драматическія представленія утомляли его; онъ охотно отворачивался отъ сцены, чтобъ поговорить о государственныхъ дѣлахъ, въ то время, какъ Орестъ безумствовалъ, или въ то время, какъ Тартюфъ жалъ руку Эльмиры. У него былъ талантъ къ сарказму, и онъ нерѣдко, совершенно безсознательно, обнаруживалъ природное краснорѣчіе, правда, неуклюжее, но сильное и оригинальное. У него, однако, не было ни малѣйшаго поползновенія прослыть остроумцемъ или ораторомъ. Его вниманіе исключительно устремлялось на тѣ занятія, которыя образуютъ энергическихъ и проницательныхъ дѣловыхъ людей. Съ дѣтскихъ лѣтъ любилъ онъ слушать бесѣды о важныхъ дипломатическихъ, финансовыхъ и военныхъ вопросахъ. Геометрію зналъ онъ на столько, на сколько необходимо было для постройки равелина или горнверка. Языки, благодаря своей удивительно сильной памяти, зналъ онъ на столько, на сколько необходимо было для умѣнья

понимать и вести, безъ посторонней помощи, всякаго рода разговоръ и переписку. Голландскій языкъ былъ его природнымъ языкомъ. Онъ понималъ по латыни, по итальянски и по испански. Онъ говорилъ и писалъ по французски, по англійски и по нѣмецки, неизящно, правда, и неправильно, но бѣгло и вразумительно. Никакое другое качество не могло имѣть болѣе важнаго значенія для человѣка, жизнь котораго должна была пройдти въ составленіи великихъ союзовъ и въ командованіи разноплеменными арміями.

Его богословскіе мнѣнія

Одинъ разрядъ философскихъ вопросовъ былъ навязанъ его вниманію обстоятельствами и, кажется, интересовалъ его болѣе, чѣмъ можно было ожидать отъ общаго строя его характера. Между протестантами Соединенныхъ провинцій, какъ и между протестантами нашего острова, существовали двѣ великія религіозныя партіи, которыя почти вполнѣ совпадали съ двумя великими политическими партіями. Представители муниципальной олигархіи были арминіане и въ глазахъ простаго народа почти ничѣмъ не отличались отъ папистовъ. Принцы Оранскіе, напротивъ, покровительствовали кальвинистскому духовенству и не малою долею популярности обязаны были своему рвенію о догматахъ предопредѣленія и неизмѣнной благодати, рвенію, не всегда просвѣщенному знаніемъ и не всегда умѣренному гуманностью. Вильгельмъ съ дѣтства тщательно былъ обученъ богословской системѣ, которой держалась его фамилія, и относился къ этой системѣ съ пристрастіемъ, превосходившимъ даже то чувство, какое обыкновенно питаютъ люди къ своей наслѣдственной вѣрѣ. Онъ много размышлялъ о великихъ загадкахъ, которыя обсуживались на Дортрехтскомъ соборѣ, и нашелъ въ суровой и непреклонной логикѣ Женевской школы нѣчто такое, что соотвѣтствовало его уму и характеру. Тому примѣру нетерпимости, который подавали нѣкоторые изъ его предшественниковъ, онъ никогда не подражалъ. Ко всякому гоненію питалъ онъ рѣшительное отвращеніе, которое заявлялъ не только тамъ, гдѣ заявленіе очевидно требовалось политическими соображеніями, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда, по видимому, интересы его выиграли бы отъ притворства или молчанія. А между тѣмъ его богослов-

скія мнѣнія были еще рѣшительнѣе, чѣмъ мнѣнія его предковъ. Догматъ о предопредѣленіи былъ краеугольнымъ камнемъ его религіи. Вильгельмъ не рѣдко объявлялъ, что, еслибы ему пришлось отказаться отъ этого догмата, онъ долженъ былъ бы отказаться съ нимъ отъ всякой вѣры въ верховный Промыслъ и сдѣлаться просто эпикурейцемъ. За исключеніемъ этого единственнаго пункта, вся жизненная сила его могучаго духа съ раннихъ поръ обратилась отъ умозрительныхъ къ практическимъ вопросамъ. Способности, необходимыя для веденія важныхъ дѣлъ, созрѣли у него въ тотъ періодъ жизни, когда онѣ едва начинаютъ расцвѣтать у обыкновенныхъ людей. Со временъ Октавія міръ не видѣлъ такого примѣра скороспѣлой политической мудрости. Искусные дипломаты изумлялись, слушая мѣткія замѣчанія семнадцатилѣтняго принца о государственныхъ дѣлахъ и еще болѣе изумлялись, видя, что этотъ юноша, даже тамъ, гдѣ отъ него можно было ожидать сильной пылкости, сохранялъ подобно имъ, невозмутимое хладнокровіе. Восемнадцати лѣтъ, онъ засѣдалъ между отцами отечества, серьёзный, осторожный и разсудительный, подобно самому маститому изъ нихъ. Двадцати одного года, въ періодъ уныніи и страха, онъ былъ поставленъ во главѣ управленія. Двадцати трехъ лѣтъ, онъ славился по всей Европѣ какъ воинъ и политикъ. Онъ попралъ внутреннія факціи, сдѣлался душою могущественной коалиціи и съ честью подвизался на полѣ битвы противъ нѣкоторыхъ изъ величайшихъ полководцевъ того времени.

Его военскія качества.

Личныя его наклонности были наклонностями скорѣе воина, нежели государственнаго человѣка; но онъ, подобно прадѣду своему, молчаливому принцу, который основалъ Батавскую республику, занимаетъ гораздо болѣе высокое мѣсто между государственными людьми, нежели между воинами. Исходъ сраженій, разумѣется, не можетъ быть безошибочнымъ мѣриломъ способностей полководца; и особенно несправедливо было бы прилагать это мѣрило къ Вильгельму, такъ какъ ему почти всегда приходилось сражаться противъ полководцевъ, которые были вполнѣ мастерами своего дѣла, и противъ войскъ, которыя въ дисциплинѣ далеко превосходили его войска. Однако, есть осно-

ваніе думать, что онъ, какъ боевой генералъ, отнюдь не могъ равняться даже съ нѣкоторыми изъ тѣхъ, которые далеко уступали ему въ умственныхъ способностяхъ. Тѣмъ, кому онъ довѣрялъ, онъ говорилъ объ этомъ предметѣ съ благородною откровенностью человѣка, который совершилъ великія дѣла и который легко могъ признать за собою нѣкоторые недостатки. По его словамъ, онъ никогда не готовился къ военному званію. Онъ былъ еще мальчикомъ, когда его поставили во главѣ арміи. Между его офицерами не было ни одного, способнаго обучить его ратному дѣлу. Собственныя его ошибки и послѣдствія ихъ были единственными его уроками. «Я отдалъ бы, воскликнулъ онъ однажды, добрую часть моихъ имѣній за то, чтобъ прослужить нѣсколько кампаній подъ начальствомъ принца Кондэ, прежде чѣмъ мнѣ пришлось командовать противъ него.» Очень можетъ быть, что обстоятельство, помѣшавшее Вильгельму достичь особеннаго искусства въ стратегіи, имѣло вообще благопріятное дѣйствіе на энергію его ума. Если его битвы не были битвами великаго тактика, за то онѣ дали ему право называться великимъ человѣкомъ. Никакое злополучіе ни на минуту не могло лишить его твердости или полнаго присутствія духа. Его пораженія исправлялись съ такою изумительною быстротою, что, прежде чѣмъ враги его успѣвали отслужить благодарственный молебенъ, онъ уже снова готовъ былъ къ бою; сверхъ того, неудачи никогда не лишали его уваженія и довѣрія его солдатъ. Этимъ уваженіемъ и довѣріемъ онъ не мало обязанъ былъ личной своей храбрости. Храбрость въ той степени, которая необходима, чтобы солдатъ не опозорился въ теченіе кампаніи, имѣется, или, при надлежащей выучкѣ, можетъ явиться у огромнаго большинства людей. Но храбрость, какою обладалъ Вильгельмъ, представляетъ дѣйствительно рѣдкое явленіе. Онъ былъ испытанъ всяческими испытаніями: войною, ранами, тяжкими и гнетущими недугами, бушующими морями, крайнею и постоянною опасностью отъ руки убійцъ, опасностью, которая потрясала очень крѣпкіе нервы, опасностью, которая жестоко поколебала даже адамантовую твердость Кромвелля. Однако никто никогда не могъ открыть такого предмета, котораго бы принцъ Оранскій боялся. Его со-

вѣтники съ трудомъ могли уговорить его принимать предосторожности противъ пистолетовъ и кинжаловъ заговорщиковъ (*). Старые моряки изумлялись спокойствію, которое онъ сохранялъ среди ревущихъ буруновъ у опаснаго берега. Въ бою храбрость его обращала на себя вниманіе даже между десятками тысячъ храбрыхъ воиновъ, вызывала благородное одобреніе у непріятельскихъ армій и никогда не заподозривалась даже несправедливостью враждебныхъ факцій. Во время первыхъ своихъ кампаній онъ подвергался опасности какъ человѣкъ, искавшій смерти, всегда былъ первымъ при нападеніи и послѣднимъ при отступленіи, съ мечомъ въ рукѣ, дрался въ самой густой толпѣ и, не взирая ни на пулю, засѣвшую въ его рукѣ, ни на кровь, струившуюся по его кирасѣ, стойко держался на мѣстѣ и махалъ шляпою подъ самымъ жаркимъ огнемъ. Друзья заклинали его беречь жизнь, безцѣнную для его родины. Знаменитѣйшій его противникъ, великій Кондэ, послѣ кровопролитнаго сраженія при Сенефѣ, замѣтилъ, что принцъ Оранскій во всѣхъ отношеніяхъ велъ себя какъ старый генералъ, за исключеніемъ того, что подвергался опасности какъ молодой новобранецъ. Вильгельмъ не признавалъ себя виновнымъ въ безразсудной отвагѣ. Онъ говорилъ, что былъ всегда на опасномъ мѣстѣ по чувству долга и по холодному разсчету требованій общественной пользы. Войска, которыми онъ командовалъ, были мало привычны къ войнѣ и боялись рукопашной схватки съ опытными французскими солдатами. Нужно было, чтобы ихъ вождь показалъ имъ, какъ выигрываются

(*) Друзья Вильгельма, послѣ Рисвикскаго мира, настоятельно упрашивали его, чтобы онъ серьёзно поговорилъ съ французскимъ посломъ о злодѣйскихъ умыслахъ, которые постоянно составлялись противъ его жизни сенъ-жерменскими якобитами. Холодное великодушіе, съ какимъ принимались эти предостереженія, необыкновенно характеристично. Бентинку, который прислалъ изъ Парижа весьма тревожное извѣстіе, Вильгельмъ, въ концѣ длиннаго дѣловаго письма, отвѣтилъ только: — «Pour les assasins je ne luy en ay pas voulu parler, croiant que c'étoit au desous de moy.» $^{1}/_{12}$ мая 1698. Удерживаю подлинное правописаніе, если только оно можетъ быть названо правописаніемъ.

сраженія. И дѣйствительно, не разъ случалось, что битва, казавшаяся безнадежно проигранною, оканчивалась успѣшно, благодаря неустрашимости, съ какою онъ собиралъ свои разстроенные батальоны и собственноручно убивалъ трусовъ, подававшихъ примѣръ бѣгства. Иногда, впрочемъ, онъ какъ будто находилъ какое-то странное удовольствіе рисковать собою. Замѣчено было, что расположеніе его духа никогда не бывало такъ хорошо, а манеры такъ граціозны и развязны, какъ среди шума и кровопролитія битвы. Даже въ забавахъ искалъ онъ упоенія опасностью. Карты, шахматы и бильярдъ не доставляли ему никакого удовольствія. Охота была любимымъ его развлеченіемъ, и чѣмъ болѣе было въ ней риску, тѣмъ болѣе она ему нравилась. Онъ иногда заставлялъ своего коня дѣлать такіе скачки, что отважнѣйшіе его товарищи не рѣшались слѣдовать за нимъ. Самыя смѣлыя англійскія забавы считалъ онъ, кажется, изнѣженными и тосковалъ въ большомъ виндзорскомъ паркѣ по дичи, которую привыкъ травить въ гельдерскихъ лѣсахъ: по волкамъ, дикимъ кабанамъ и огромнымъ оленямъ съ рогами о шестнадцати вѣтвяхъ (*).

Его любовь къ опасности.

Его плохое здоровье.

Отважность его духа была тѣмъ замѣчательнѣе, что тѣлосложеніе его было необыкновенно нѣжно. Съ дѣтскаго возраста онъ былъ слабъ и болѣзненъ. Въ цвѣтѣ лѣтъ къ недугамъ его присоединилась жестокая оспа. Онъ страдалъ одышкой и имѣлъ расположеніе къ чахоткѣ. Его слабая грудь изнемогала отъ постояннаго хриплаго кашля. Онъ не могъ уснуть, не подложивши подъ голову нѣсколькихъ подушекъ, и почти не могъ дышать въ мало-мальски нечистомъ воздухѣ. Его часто мучили жестокія

(*) Изъ Виндзора онъ писалъ Бентинку, бывшему тогда посломъ въ Парижѣ: «J'ay pris avant hier un cerf dans la forest avec les chains du Pr. de Denm. et ay fait un assez jolie chasse, autant que ce vilain paiis le permest.» $\frac{20 \text{ марта}}{1 \text{ апрѣля}}$ 1698. Орѳографія плоха, но не хуже орѳографіи Наполеона. Въ лучшемъ расположеніи духа писалъ Вильгельмъ изъ Лоо: «Nous avons pris deux gros cerfs, le premier dans Dorewaert, qui est un des plus gros que je sache avoir jamais pris. Il porte seize.» $\frac{25 \text{ окт.}}{4 \text{ нояб.}}$ 1697.

головныя боли. Напряженіе силъ быстро утомляло его. Доктора постоянно поддерживали надежды его враговъ, то и дѣло назначая срокъ, далѣе котораго, по всѣмъ сколько-нибудь достовѣрнымъ соображеніямъ медицинской науки, невозможно было, чтобы его разстроенный организмъ могъ выдержать. Однако, въ теченіе всей жизни Вильгельма, которая была однимъ продолжительнымъ недугомъ, сила его духа ни разу, во всѣхъ важныхъ случаяхъ, не переставала поддерживать его страждущее и немощное тѣло.

Холодность его манеръ и сила его чувствъ.

Природа надѣлила его пылкими страстями и живою впечатлительностью; но свѣтъ и не подозрѣвалъ силы его чувствъ. Отъ взоровъ толпы его радости и печали, симпатіи и антипатіи, скрывались личиною флегматическаго хладнокровія, вслѣдствіе чего онъ прослылъ за самаго холоднаго изъ людей. Тѣ, которые приносили ему хорошія вѣсти, рѣдко могли подмѣтить въ немъ признаки удовольствія. Тѣ, которые видѣли его послѣ пораженія, тщетно искали на его лицѣ слѣдовъ огорченія. Онъ хвалилъ и бранилъ, награждалъ и наказывалъ съ суровымъ спокойствіемъ могокскаго вождя; но тѣмъ, которые хорошо его знали и близко его видѣли, извѣстно было, что подъ ледяною оболочкою постоянно пылалъ жестокій огонь. Гнѣвъ рѣдко лишалъ его способности самообладанія. Но когда ему случалось дѣйствительно разгнѣваться, первый взрывъ его страсти былъ ужасенъ. Почти нельзя было тогда подступать къ нему. Впрочемъ, въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ, какъ только онъ приходилъ въ себя, онъ немедленно давалъ тѣмъ, кого оскорбилъ, такое полное удовлетвореніе, что у нихъ чуть не рождалось желанія, чтобы онъ снова пришелъ въ бѣшенство. Его расположеніе было также стремительно, какъ и его гнѣвъ. Кого онъ любилъ, того любилъ онъ со всею энергіею сильной души. Когда смерть разлучала его съ предметомъ любви, немногочисленные свидѣтели его отчаянія трепетали за его разсудокъ и жизнь. Для очень небольшаго кружка задушевныхъ друзей, на вѣрность и скромность которыхъ онъ могъ безусловно полагаться, онъ былъ совершенно другимъ человѣкомъ, не похожимъ на того сдержаннаго и стоическаго Вильгельма, котораго толпа считала лишеннымъ человѣческихъ чувствъ. Онъ былъ ла-

сковъ, радушенъ, откровененъ, даже обходителенъ и шутливъ, охотно просиживалъ за столомъ цѣлые часы и принималъ живое участіе въ веселой бесѣдѣ. Болѣе всѣхъ въ милости у него былъ одинъ изъ членовъ его придворнаго штата, по имени Бентинкъ, потомокъ благородной батавской фамиліи, которому суждено было сдѣлаться родоначальникомъ одного изъ знаменитыхъ патриціянскихъ домовъ Англіи. Преданность Бентинка выдержала необыкновенное испытаніе. Въ то время, когда Соединенныя провинціи боролись за свое существованіе противъ Французской державы, молодой принцъ, на котораго возлагались всѣ ихъ надежды, занемогъ оспою. Эта болѣзнь была роковою для многихъ членовъ его фамиліи и сначала имѣла у него крайне злокачественный характеръ. Общественное смущеніе было велико. На улицахъ Гаги съ ранняго утра до поздняго вечера толпились лица, заботливо освѣдомлявшіяся о здоровьи его высочества. Наконецъ его недугъ принялъ благопріятный оборотъ. Спасеніе его приписывалось частью его собственному удивительному терпѣнію, частью же неустрашимой и неутомимой дружбѣ Бентинка. Изъ рукъ одного только Бентинка принималъ Вильгельмъ пищу и лекарство. Одинъ только Бентинкъ поднималъ Вильгельма съ постели и укладывалъ его. «Спалъ или не спалъ Бентинкъ во время моей болѣзни, съ необыкновенною нѣжностью говорилъ Вильгельмъ Темплю: этого я не знаю. Но знаю то, что въ теченіе шестнадцати дней и ночей, лишь только мнѣ случалось спросить что-нибудь, Бентинкъ тотчасъ же являлся передо мною.» Прежде чѣмъ вѣрный слуга окончательно исполнилъ свою задачу, онъ самъ заразился оспою. Не смотря на то, онъ боролся съ дремотою и лихорадкою до тѣхъ поръ, пока его государь не былъ признанъ выздоравливающимъ. Тогда, наконецъ, Бентинкъ попросилъ позволенія отправиться домой. Да и пора была, потому что онъ едва держался на ногахъ. Онъ былъ на краю гроба, но оправился, и, какъ только всталъ съ постели, тотчасъ поспѣшилъ въ армію, гдѣ, въ теченіе многихъ трудныхъ кампаній, какъ и въ опасности другаго рода, постоянно находился подлѣ Вильгельма.

Его дружба къ Бентинку.

Таково было начало горячей и чистой дружбы, не уступающей

ни одной изъ тѣхъ дружескихъ связей, о которыхъ повѣствуетъ древняя или новая исторія. Потомки Бентинка до сихъ поръ хранятъ многія письма, писанныя Вильгельмомъ къ ихъ предку; и безъ преувеличенія можно сказать, что тотъ, кто не изучалъ этихъ писемъ, не въ состояніи составить себѣ правильнаго понятія о характерѣ принца. Тотъ, котораго даже поклонники его считали самымъ недоступнымъ и холоднымъ человѣкомъ, забываетъ здѣсь всѣ условія этикета и высказываетъ всѣ свои мысли съ простосердечіемъ школьника. Онъ напрямикъ сообщаетъ тайны величайшей важности и совершенно просто излагаетъ обширные замыслы, касающіеся всѣхъ европейскихъ правительствъ. Къ его разсказамъ о такихъ предметахъ примѣшиваются другіе разсказы совершенно инаго, но почти не менѣе интереснаго рода. Всѣ его приключенія, всѣ его впечатлѣнія, его долгія погони за огромными оленями, его пиры въ день св. Губерта, успѣхъ его плантацій, неурожай его дынь, состояніе его конскаго завода, его желаніе пріобрѣсти для жены покойную верховую лошадь, его досада при извѣстіи, что одинъ изъ его придворныхъ, обольстивъ дѣвушку хорошей фамиліи, отказался жениться на ней, его припадки морской болѣзни, его кашель, его головныя боли, минуты его благоговѣнія, его благодарность божественному Промыслу послѣ избавленія отъ какой-нибудь великой опасности, его усилія покориться божественной волѣ послѣ какого-нибудь пораженія, описываются съ милою болтливостью, почти невѣроятною со стороны самаго молчаливаго и степеннаго государственнаго человѣка того времени. Еще замѣчательнѣе безъискуственное изліяніе его нѣжности и братское участіе, которое онъ принимаетъ въ домашнемъ счастьи своего друга. По случаю рожденія наслѣдника у Бентинка, Вильгельмъ пишетъ: «Изъ него, надѣюсь, выйдетъ такой же славный малый, какъ вы; а если у меня родится сынъ, наши дѣти, надѣюсь, будутъ любить одинъ другаго, какъ мы любили другъ друга (*).» Всю жизнь продолжаетъ онъ относиться къ маленькимъ Бентинкамъ съ родительскою нѣжностью. Онъ называетъ ихъ ласкательными именами, печется о нихъ въ от-

(*) 3 марта 1679.

сутствіе ихъ отца и, хотя ему больно отказать имъ въ какомъ-нибудь удовольствіи, не рѣшается взять ихъ на охоту, гдѣ имъ предстояла бы опасность отъ роговъ оленя, или позволить имъ просидѣть цѣлую ночь за шумнымъ ужиномъ ([a]). Когда ихъ мать занемогаетъ во время отсутствія своего мужа, Вильгельмъ, среди занятій величайшей важности, находитъ время отправить въ одинъ день нѣсколько гонцовъ съ коротенькими записками, содержащими въ себѣ извѣстія о состояніи ея здоровья ([b]). Въ одномъ изъ подобныхъ случаевъ, когда она, послѣ жестокаго припадка болѣзни, признана была внѣ опасности, принцъ разражается горячими выраженіями благодарности Богу. «Пишу, говоритъ онъ, со слезами радости на глазахъ ([c]).» Есть какая-то особенная прелесть въ такихъ письмахъ, писанныхъ человѣкомъ, чья непреодолимая энергія и непреклонная твердость вынуждали уваженіе у враговъ, чье холодное и непривѣтливое обхожденіе отталкивало привязанность почти всѣхъ его сторонниковъ, и чей умъ былъ занятъ гигантскими планами, которые произвели переворотъ въ политическомъ мірѣ.

Онъ не ошибся въ выборѣ друга. Бентинкъ, котораго Темпль уже давно призналъ лучшимъ и вѣрнѣйшимъ слугою, какого когда-либо удавалось имѣть государю, всю жизнь продолжалъ оправдывать эту лестную репутацію. Друзья были какъ бы созданы одинъ для другаго. Вильгельмъ не нуждался ни въ руководителѣ, ни въ льстецѣ. У него была твердая и основательная увѣренность въ собственномъ своемъ сужденіи, и потому онъ не жаловалъ совѣтниковъ, которые любили дѣлать наставленія и возраженія. Въ то же самое время у него было слишкомъ много проницательности и слишкомъ много благородства, чтобы удов-

([a]) «Voilà en peu de mot le detail de nostre St. Hubert. Et j'ay eu soin que M. Woodstoc (старшій сынъ Бентинка) n'a point esté à la chasse, bien moin au soupé, quoyqu'il fut icy. Vous pouvez pourtant croire que de n'avoir pas chassé l'a un peu mortifié, mais je ne l'ay pas ausé prendre sur moy, puisque vous m'aviez dit que vous ne le souhaitiez pas.» Изъ Лоо, 4 нояб. 1697.

([b]) 15 іюня 1688.

([c]) 6 сент. 1679.

летворяться ласкательствомъ. Наперсникомъ такого государя долженствовалъ быть человѣкъ, не изобрѣтательнаго ума и не повелительнаго духа, но храбрый и вѣрный, способный пунктуально исполнять приказанія, ненарушимо хранить тайны, бдительно слѣдить за событіями и точно доносить о нихъ. Таковъ и былъ Бентинкъ.

Вильгельмъ и въ супружествѣ былъ счастливъ не менѣе, чѣмъ въ дружбѣ. Его супружество, впрочемъ, на первыхъ порахъ, не обѣщало большаго семейнаго благополучія. Выборъ невѣсты былъ у него рѣшенъ преимущественно политическими соображеніями; да и невѣроятнымъ казалось, чтобы могла возникнуть сильная привязанность между красивою шестнадцатилѣтнею дѣвушкою, доброю, конечно, и отъ природы неглупою, но неопытною и простодушною, и женихомъ, который, хотя ему не исполнилось еще и двадцати восьми лѣтъ, съ виду казался старше ея отца, женихомъ, манеры котораго были холодны, и голова котораго постоянно была занята государственными дѣлами или охотою. Нѣкоторое время Вильгельмъ былъ небрежнымъ мужемъ. Онъ забывалъ свою жену ради другихъ женщинъ, въ особенности ради одной изъ ея придворныхъ дамъ, Елисаветы Вилльерзъ, которая, хотя и не отличалась физическими прелестями и хотя была обезображена страшнымъ косоглазіемъ, однако обладала талантами, дѣлавшими ее способною дѣлить его заботы ([a]). Правда, онъ стыдился своихъ проступковъ и всѣми силами старался скрыть ихъ; но, не смотря на всѣ его предосторожности, Марія хорошо знала, что онъ не вполнѣ ей вѣренъ. Шпіоны и сплетники, поощряемые ея отцомъ, всячески пытались воспламенить ея гнѣвъ. Человѣкъ совершенно инаго характера, честный Кенъ, который нѣсколько мѣсяцевъ былъ ея капелланомъ въ Гагѣ, до того былъ раздраженъ нанесенными ей оскорбленіями, что, болѣе ревностно, нежели благоразумно, грозился сдѣлать строгій выговоръ ея мужу ([b]). Она, впрочемъ, переносила обиды съ кротостью и терпѣніемъ,

Принцесса Марія Оранская.

([a]) См. разсказъ Свифта о ней въ «*Journal to Stella.*»

([b]) Henry Sidney's «*Journal*», March 31. 1680, въ интересной коллекціи м-ра Блекко.

которыя заслуживали и мало по малу пріобрѣли уваженіе и признательность Вильгельма. Однако все еще оставалась одна причина холодности между супругами. Принцесса, воспитаніе которой ограничивалось умѣньемъ вышивать, играть на клавикордахъ да читать Библію и «*Полное Изложеніе Обязанностей Человѣка*», по всей вѣроятности, должна была со временемъ сдѣлаться главою великой монархіи и опорою политическаго равновѣсія Европы, между тѣмъ какъ ея мужъ, честолюбивый, опытный въ государственныхъ дѣлахъ и склонный къ великимъ предпріятіямъ, не нашелъ бы для себя въ британскомъ правленіи никакого опредѣленнаго мѣста и пользовался бы властью только по милости своей жены и пока ей было бы угодно. Неудивительно, что человѣкъ, столь властолюбивый, какъ Вильгельмъ, и столь хорошо сознававшій въ себѣ властительскій геній, долженъ былъ сильно чувствовать ту зависть, которая, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ правленія, породила разладъ между Гильдфордомъ Додли и леди Іоанной и которая причинила еще болѣе трагическій разрывъ между Дарнли и шотландскою королевою. Принцесса Оранская ни мало не подозрѣвала чувствъ своего мужа. Ея наставникъ, епископъ Комтонъ, тщательно обучилъ ее правиламъ религіи и въ особенности предостерегъ ея умъ отъ козней римско-католическаго духовенства, но оставилъ ее въ глубокомъ невѣдѣніи относительно англійской конституціи и собственнаго ея положенія. Она знала, что супружескій обѣтъ обязывалъ ее повиноваться мужу; но ей и въ голову никогда не приходило, что отношеніе, въ которомъ они находились другъ къ другу, могло со временемъ совершенно измѣниться. Она была уже девять лѣтъ за-мужемъ, прежде чѣмъ открылась для нея причина Вильгельмова недовольства: отъ него самого она никогда не узнала бы ее. По характеру своему, онъ вообще расположенъ былъ скорѣе таить въ себѣ, нежели высказывать свои огорченія; а въ этомъ частномъ случаѣ весьма естественная деликатность налагала на уста его печать молчанія. Наконецъ, благодаря Джильберту Борнету, между супругами послѣдовало полное объясненіе и примиреніе.

Репутація Борнета подвергалась необыкновенно злобнымъ и упорнымъ нападкамъ. Нападки эти начались еще въ молодости его и до сихъ поръ продолжаются съ неослабною силою, хотя онъ уже болѣе ста двадцати пяти лѣтъ покоится въ могилѣ. Дѣйствительно, онъ представляетъ собою такую мишень, какой только могутъ пожелать враждебность партій и насмѣшливость остроумцевъ. Недостатки его ума и характера очевидны сами собою и не могутъ ускользнуть отъ самаго поверхностнаго вниманія. Они не были тѣми недостатками, которые обыкновенно считаются принадлежностью его соотечественниковъ. Изъ множества шотландцевъ, достигшихъ почета и благосостоянія въ Англіи, одинъ онъ отличался тѣмъ характеромъ, который сатирики, романисты и драматическіе писатели единогласно приписываютъ ирландскимъ авантюристамъ. Его чрезвычайная живость, хвастовство, наивное тщеславіе, безалаберность, дерзкая нескромность, безстыдная смѣлость служили неистощимымъ предметомъ насмѣшекъ для торіевъ. И враги не упускали случая, иногда безъ всякой деликатности, позабавиться надъ шириною его плечъ, надъ толщиною его икръ и надъ успѣхомъ его супружескихъ видовъ относительно влюбчивыхъ и зажиточныхъ вдовъ. При всемъ томъ Борнетъ, хотя и подавалъ во многихъ отношеніяхъ поводъ къ насмѣшкѣ и даже къ строгому порицанію, былъ человѣкъ недюжинный. Онъ отличался быстрыми способностями, неутомимымъ трудолюбіемъ, разнообразною и чрезвычайною начитанностью. Онъ былъ въ одно и то же время историкомъ, антикваріемъ, богословомъ, проповѣдникомъ, памфлетчикомъ, диспутантомъ, дѣятельнымъ политическимъ коноводомъ и въ каждой изъ этихъ ролей успѣлъ обратить на себя вниманіе среди искусныхъ соперниковъ. Многочисленные остроумные трактаты его о тогдашнихъ событіяхъ извѣстны теперь только спеціалистамъ; но его «*Исторія моего Времени*», «*Исторія Реформаціи*», «*Изложеніе Статей Вѣры*», «*Бесѣда о Пастырской Обязанности*», «*Жизнеописаніе Геля*», «*Жизнеописаніе Вильмота*» до сихъ поръ перепечатываются, и безъ нихъ не обходится ни одна хорошая частная библіотека. Противъ такого факта тщетны всѣ усилія хулителей. Писатель, многотомныя сочиненія котораго по различнымъ отраслямъ литературы

Джильбертъ Борнетъ

находятъ многочисленныхъ читателей черезъ сто тридцать лѣтъ послѣ его смерти, могъ имѣть большіе недостатки, но долженъ былъ имѣть и большія достоинства. И дѣйствительно, Борнетъ имѣлъ большія достоинства: плодовитый и сильный умъ и оригинальный слогъ, правда, далеко не безукоризненный, но всегда ясный, часто живой, а по временамъ даже возвышающійся до торжественнаго и пламеннаго краснорѣчія. На каѳедрѣ дѣйствіе его рѣчей, которыя онъ произносилъ безо всякой подготовки, усиливалось благородною наружностью и мастерскимъ изложеніемъ. Онъ былъ часто прерываемъ одобрительнымъ шопотомъ своихъ слушателей; и не разъ, когда онъ, по прошествіи урочнаго часа, оканчивалъ проповѣдь и поднималъ въ рукѣ песочные часы, которые въ тѣ времена были необходимою принадлежностью каждой каѳедры, конгрегація шумно убѣждала его продолжать до тѣхъ поръ, пока песокъ въ склянкѣ не пересыплется вторично ([a]). Какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, дурныя свойства въ немъ съ избыткомъ уравновѣшивались превосходными качествами. Хотя предразсудки и страсти часто вводили его въ заблужденіе, однако онъ былъ вполнѣ честный человѣкъ. Хотя онъ и поддавался соблазнамъ тщеславія, однако его духъ былъ недоступенъ вліянію корыстолюбія или страха. Онъ отъ природы былъ добръ, великодушенъ, признателенъ, незлопамятенъ ([b]). Его религіозное рвеніе, при всемъ своемъ упорствѣ и пылкости, вообще обуздывалось гуманностью и уваженіемъ къ правамъ совѣсти. Сильно преданный тому, что́ ему казалось духомъ христіанства, онъ безразлично относился къ обрядамъ, терминамъ и формамъ церковнаго устройства и не имѣлъ ни малѣйшаго расположенія

([a]) Speaker Onslow's note on Burnet, I. 596.; Johnson's «*Life of Sprat.*»

([b]) Никто не противорѣчилъ Борнету такъ часто и съ такою желчью, какъ Дартмутъ. А между тѣмъ Дартмутъ писалъ: «Я не думаю, чтобы онъ умышленно издалъ что-нибудь такое, что́ считалъ ложью.» Впослѣдствіи Дартмутъ, раздраженный нѣкоторыми замѣтками о немъ во второмъ томѣ «*Исторіи*» епископа, объявилъ эту похвалу недѣйствительною; но такому объявленію нельзя придавать особенной важности. Даже Свифтъ счелъ долгомъ замѣтить: «Однимъ словомъ,

быть строгимъ даже къ тѣмъ изъ невѣрныхъ и еретиковъ, жизнь которыхъ была чиста, и заблужденія которыхъ оказывались слѣдствіемъ скорѣе какого-нибудь извращенія ума, нежели испорченности сердца. Но, подобно многимъ другимъ хорошимъ людямъ того времени, дѣло Римской церкви считалъ онъ исключеніемъ изъ всѣхъ обыкновенныхъ правилъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Борнетъ пользовался европейскою извѣстностью. Его «*Исторія Реформаціи*» заслужила громкое одобреніе всѣхъ протестантовъ и нанесла жестокій ударъ католикамъ. Величайшій богословъ, какого только произвела Римская церковь со времени раскола XVI столѣтія, Боссюэтъ, занимался составленіемъ тщательнаго опроверженія этой книги. Борнетъ удостоился получить благодарность отъ одного изъ ревнительныхъ парламентовъ, засѣдавшихъ въ бурную эпоху Папистскаго заговора, съ просьбою, отъ имени палаты общинъ, продолжать историческія изслѣдованія. Онъ допускался въ дружескій кружокъ Карла и Іакова, находился въ очень близкихъ отношеніяхъ со многими знаменитыми государственными людьми, особенно съ Галифаксомъ, и былъ духовнымъ пастыремъ нѣкоторыхъ лицъ самаго высокаго сана. Онъ исторгъ изъ атеизма и разврата одного изъ самыхъ блестящихъ распутниковъ того времени, Джона Вильмота, графа Рочестера. Лордъ Стаффордъ, жертва Отса, хотя и католикъ, былъ въ послѣдніе часы своей жизни назидаемъ увѣщаніями Борнета, касавшимися тѣхъ предметовъ, относительно которыхъ всѣ христіане

онъ былъ человѣкъ благородной души и добраго сердца.» — «*Short Remarks on Bishop Burnet's History.*»

Обыкновенно порицаютъ Борнета какъ чрезвычайно неточнаго историка; но, по моему, это обвиненіе совершенно несправедливо. Онъ кажется чрезвычайно неточнымъ только потому, что его сочиненіе подвергалось чрезвычайно строгой и непріязненной критикѣ. Еслибы кто-нибудь изъ виговъ заблагоразсудилъ подвергнуть подобной же критикѣ Reresby's «*Memoirs*», North's «*Examen*», Mulgrave's «*Account of the Revolution*» или «*Life of James the Second*», edited by Clarke то не замедлило бы оказаться, что Борнетъ былъ далеко не самый неточный писатель тогдашняго времени.

согласны между собою. Нѣсколько лѣтъ спустя, другой еще болѣе знаменитый страдалецъ, лордъ Россель, былъ провожаемъ Борнетомъ изъ Тоуэра къ эшафоту на Линкольнъ-Иннъ-Фильдзѣ. Дворъ не пренебрегалъ никакими средствами для того, чтобы привлечь на свою сторону такого дѣятельнаго и способнаго богослова. Королевскія ласки и обѣщанія доходнаго мѣста расточались безъ счету. Но Борнетъ, хотя и зараженный въ ранней молодости тѣми раболѣпными ученіями, которыхъ держалось большинство тогдашняго духовенства, сдѣлался вигомъ по убѣжденію и, не смотря на всѣ превратности счастья, оставался неизмѣнно вѣренъ своимъ принципамъ. Онъ, впрочемъ, не принималъ никакого участія въ томъ заговорѣ, который навлекъ столько позора и бѣдствія на вигскую партію, и не только гнушался злодѣйскими умыслами Гудинофа и Фергюсона, но и былъ того мнѣнія, что даже его любимый и уважаемый другъ, Россель, зашелъ непозволительно далеко въ оппозиціи правительству. Наконецъ наступило время, когда и невинность сдѣлалась недостаточною защитою. Борнетъ, невиновный ни въ какомъ противозаконномъ поступкѣ, тѣмъ не менѣе подвергся гоненію мстительнаго двора. Онъ удалился на материкъ и, проведя около года въ тѣхъ странствованіяхъ по Швейцаріи, Италіи и Германіи, о которыхъ онъ оставилъ намъ занимательный разсказъ, пріѣхалъ въ Гагу лѣтомъ 1686 года и былъ принятъ тамъ съ благосклонностью и уваженіемъ. Онъ не разъ откровенно бесѣдовалъ съ принцессой о политикѣ и религіи и вскорѣ сдѣлался ея духовнымъ наставникомъ и довѣреннымъ совѣтникомъ. Вильгельмъ оказался гораздо болѣе любезнымъ хозяиномъ, чѣмъ можно было ожидать отъ него: изо всѣхъ недостатковъ навязчивость и нескромность были для него самыми противными; а Борнетъ — въ чемъ соглашались даже его друзья и поклонники — былъ человѣкъ самый навязчивый и нескромный. Но проницательный принцъ догадался, что этотъ назойливо-болтливый богословъ, вѣчно разглашавшій тайны, предлагавшій неумѣстные вопросы, навязывавшій непрошенные совѣты, былъ тѣмъ не менѣе честный, мужественный и способный человѣкъ, хорошо знакомый съ характеромъ и воззрѣніями британскихъ сектъ и факцій. Кромѣ того, краснорѣчіе и

ученость Борнета пользовались огромною извѣстностью. Вильгельмъ самъ мало читалъ. Но онъ уже давно стоялъ во главѣ голландской администраціи, въ тотъ вѣкъ, когда голландская пресса была однимъ изъ самыхъ грозныхъ орудій, посредствомъ которыхъ приводилось въ движеніе общественное мнѣніе Европы; и хотя онъ не имѣлъ склонности къ литературнымъ наслажденіямъ, однако былъ слишкомъ уменъ и слишкомъ наблюдателенъ, чтобы не знать, какія важныя услуги можетъ оказывать литература. Онъ зналъ, что популярный памфлетъ могъ иногда быть не менѣе полезенъ, чѣмъ побѣда на полѣ сраженія. Онъ чувствовалъ также необходимость имѣть всегда при себѣ человѣка, хорошо знакомаго съ гражданскимъ и церковнымъ устройствомъ нашего острова; а Борнетъ могъ какъ нельзя лучше служить живымъ лексикономъ британскихъ дѣлъ. Его свѣдѣнія, хотя и не всегда точныя, были громаднаго размѣра; сверхъ того, въ Англіи и Шотландіи не много было замѣчательныхъ людей какой бы то ни было политической или религіозной партіи, съ которыми бы онъ не находился въ сношеніяхъ. Поэтому онъ удостоился такой милости и такого довѣрія, какія оказывались кому бы то ни было, кромѣ тѣхъ, которые составляли очень небольшой интимный кружокъ личныхъ друзей принца. Когда Борнетъ позволялъ себѣ лишнее, что́ случалось нерѣдко, его патронъ дѣлался холоднѣе и угрюмѣе обыкновеннаго, а иногда отвѣчалъ короткимъ, сухимъ сарказмомъ, который зажалъ бы ротъ всякому другому менѣе самоувѣренному лицу. Не взирая на такіе случаи, дружба между этою удивительною четою, за исключеніемъ нѣкоторыхъ временныхъ размолвокъ, продолжалась до тѣхъ поръ, пока не расторглась смертью. Въ самомъ дѣлѣ, не легко было оскорбить чувства Борнета. Его самодовольство, живость и безтактность были таковы, что, хотя онъ и часто оскорблялъ другихъ, однако самъ никогда не оскорблялся.

Всѣ эти особенности его характера дѣлали его способнымъ быть примирителемъ между Вильгельмомъ и Маріей. Когда люди, которые должны были бы уважать и любить другъ друга, по какой-нибудь причинѣ, устранить которую могли бы два-три слова откровеннаго объясненія, держатся, какъ это часто бы-

Онъ возстановляетъ доброе согласіе между принцемъ и принцессою.

ваетъ, врозь, счастливы они, если у нихъ есть нескромный другъ, выбалтывающій всю правду. Борнетъ ясно показалъ принцессѣ, какого рода чувство мучило душу ея супруга. Она впервые, къ немалому своему удивленію, узнала, что, когда она сдѣлается англійскою королевою, Вильгельмъ не раздѣлитъ съ нею ея престола. Она горячо объявила, что не было такого доказательства супружеской покорности и привязанности, котораго она не была бы готова представить. Борнетъ, разсыпаясь въ извиненіяхъ и торжественно увѣряя, что слова его не были слѣдствіемъ чьего-либо наущенія, сказалъ ей, что средство пособить горю находилось въ собственныхъ ея рукахъ. Когда ей досталась бы корона, она легко могла бы убѣдить парламентъ не только даровать ея мужу королевскій титулъ, но и передать ему законодательнымъ актомъ бразды правленія. «Но, прибавилъ онъ, ваше королевское высочество должны хорошенько поразмыслить, прежде чѣмъ объявите подобное рѣшеніе. Это рѣшеніе такого рода, что, разъ объявивши его, уже не безопасно и не легко будетъ взять его назадъ.» — «Мнѣ не нужно времени для размышленія, отвѣчала Марія: довольно того, что мнѣ представляется случай доказать мое уваженіе къ принцу. Передайте ему мои слова и приведите его ко мнѣ: пусть онъ услышитъ ихъ изъ собственныхъ моихъ устъ.» Борнетъ отправился искать Вильгельма; но Вильгельмъ былъ за нѣсколько миль отъ города на охотѣ за оленемъ. Рѣшительное свиданіе состоялось только на слѣдующій день. «До вчерашняго дня, сказала Марія, я не знала, что существуетъ такая разница между англійскими законами и законами божескими. Но теперь обѣщаюсь вамъ, что вы всегда будете главою, и въ замѣнъ прошу одного только: какъ я буду соблюдать правило, которое обязываетъ женъ повиноваться мужьямъ, такъ и вы соблюдайте правило, которое обязываетъ мужей любить своихъ женъ.» Ея великодушная привязанность совершенно покорила сердце Вильгельма. Съ того времени вплоть до печальнаго дня, когда онъ безъ чувствъ унесенъ былъ отъ ея смертнаго одра, между ними царила полная дружба и довѣріе. Многія изъ ея писемъ къ нему до сихъ поръ существуютъ; они заключаютъ въ себѣ обильныя до-

казательства того, что этотъ человѣкъ, казавшійся толпѣ такимъ непривлекательнымъ, успѣлъ внушить прекрасной и добродѣтельной женщинѣ, которая по рожденію была выше его, страстную любовь, доходившую почти до обожанія.

Услуга, которую Бонвитъ оказалъ своему отечеству, имѣла большое значеніе. Наступило время, когда для общественной безопасности важно было, чтобы между принцомъ и принцессою существовало полное согласіе.

Отношенія между Вильгельмомъ и англиканскими партіями.

До подавленія Западнаго возстанія, серьёзныя причины раздора отдаляли Вильгельма и отъ виговъ и отъ торіевъ. Онъ съ неудовольствіемъ видѣлъ попытки виговъ лишить исполнительную власть такихъ правъ, которыя ему казались необходимыми для ея дѣйствительности и достоинства. Еще съ бо́льшимъ неудовольствіемъ видѣлъ онъ поддержку, оказанную значительною частью этой партіи притязаніямъ Монмута. Оппозиція, казалось, желала сперва отнять у англійской короны всякое значеніе, а потомъ возложить ее на главу бастарда и самозванца. Въ то же самое время религіозная система принца сильно разнилась отъ той, которая была отличительнымъ признакомъ торіевъ. Они были арминіяне и прелатисты. Они съ презрѣніемъ смотрѣли на протестантскія церкви материка и почитали каждую строчку своей литургіи и служебника почти такою же святынею, какъ евангеліе. Его мнѣнія касательно богословской метафизики были кальвинистскія. Его мнѣнія относительно церковнаго устройства и формъ богослуженія были латитудинаріянскія. Онъ признавалъ епископство законною и удобною формою церковнаго управленія; но рѣзко и презрительно говорилъ о пустосвятствѣ тѣхъ, которые считали епископское рукоположеніе существенно важнымъ для христіанской общины. Онъ не возставалъ противъ облаченій и тѣлодвиженій, предписываемыхъ Общимъ Молитвенникомъ. Но онъ признавался, что обряды Англійской церкви были бы ему болѣе по-сердцу, еслибы они менѣе напоминали ему обряды Римской церкви. Изъ устъ его вырвалось зловѣщее ворчанье, когда онъ впервые увидѣлъ въ домашней капеллѣ своей жены алтарь, украшенный по англикански, и на лицѣ его показалось недовольное выраженіе, когда онъ за-

сталъ жену свою съ «*Церковнымъ Устройствомъ*» Гукера въ рукахъ (*).

Его чувства къ Англіи.

Поэтому онъ долгое время внимательно слѣдилъ за борьбою между англійскими факціями, но не чувствовалъ особеннаго расположенія ни къ той, ни къ другой изъ нихъ. И дѣйствительно, онъ до конца своей жизни не былъ ни вигомъ, ни торіемъ. Ему не доставало того, что составляетъ общую основу обѣихъ партій: онъ никогда не былъ англичаниномъ. Правда, онъ спасъ Англію; но онъ никогда не любилъ ея и никогда не пріобрѣталъ ея любви. Для него она всегда была мѣстомъ ссылки, которое онъ посѣщалъ неохотно и покидалъ съ радостью. Даже и въ то время, когда онъ оказывалъ ей тѣ услуги, благія послѣдствія которыхъ мы до сихъ поръ чувствуемъ, ея счастье не было главной его задачею. Всѣ патріотическія чувства его сосредоточивались на Голландіи. Тамъ находилась великолѣпная гробница, гдѣ покоился великій политикъ, чья кровь, чье имя, чей темпераментъ и геній перешли къ нему по наслѣдству. Тамъ самый звукъ его имени былъ магическою силою, которая, въ теченіе трехъ поколѣній, возбуждала пламенный энтузіазмъ крестьянъ и ремесленниковъ. Голландскій языкъ былъ языкомъ его дѣтства. Изъ среды голландской знати избралъ онъ друзей своей юности. Увеселенія, архитектура, природа его отчизны были дороги его сердцу. Къ ней съ постоянною нѣжностью обращалъ онъ свои взоры отъ гордой и прекрасной ея соперницы. Въ галлереѣ Вайтголля онъ тосковалъ по любимомъ дворцѣ въ лѣсу близъ Гаги и никогда не бывалъ такъ счастливъ, какъ въ то время, когда ему удавалось покинуть великолѣпіе Виндзора для болѣе скромной резиденціи въ Лоо. Въ теченіе блестящей жизни на чужбинѣ онъ находилъ утѣшеніемъ созидать кругомъ себя изъ построекъ, плантацій и каналовъ сцену, напоминавшую ему правильныя зданія изъ краснаго кирпича, длинные каналы и симметрическія цвѣточныя гряды, посреди которыхъ прошла его молодость. Но и самая

Его чувства къ Голландіи и Франціи.

(*) Рукописный разсказъ д-ра Гукера, напечатанный въ приложеніи къ Lord Dukeannon's «*Life of William.*»

привязанность его къ родинѣ подчинялась другому чувству, которое издавна сдѣлалось господствующимъ въ его душѣ, которое примѣшивалось ко всѣмъ его страстямъ, которое побуждало его къ дивнымъ предпріятіямъ, которое поддерживало его, когда онъ изнемогалъ подъ бременемъ уничиженія, страданія, болѣзни и горести, которое, къ концу его поприща, казалось, на короткое время ослабѣло, но которое скоро проявилось сильнѣе прежняго и продолжало одушевлять его даже въ то время, когда у его постели читалась отходная. Чувствомъ этимъ была вражда къ Франціи и къ великолѣпному королю, который во многихъ отношеніяхъ былъ олицетвореніемъ Франціи, и въ которомъ къ чисто французскимъ доблестямъ и совершенствамъ присоединялось въ значительной мѣрѣ безпокойное, безсовѣстное и тщеславное честолюбіе, неоднократно навлекавшее на Францію месть цѣлой Европы.

Не трудно прослѣдить развитіе чувства, мало по малу овладѣвшаго всею душою Вильгельма. Когда онъ только-что вышелъ изъ отрочества, Людовикъ, нагло презрѣвъ справедливость и международное право, напалъ на его отчизну, опустошилъ, разорилъ и предалъ ее всѣмъ ужасамъ грабежа, своеволія и жестокости. Голландцы въ испугѣ смирились передъ завоевателемъ и молили о пощадѣ. Людовикъ отвѣтилъ имъ, что, если они желали мира, они должны были отречься отъ своей независимости и ежегодно присягать въ вѣрности дому Бурбоновъ. Оскорбленная нація, доведенная до отчаянія, прорвала свои плотины и призвала море въ союзники противъ французской тиранніи. Въ разгаръ этой борьбы, когда поселяне съ ужасомъ бѣжали отъ враговъ, когда сотни прекрасныхъ садовъ и дачъ были поглощены волнами, когда совѣщанія штатовъ прерывались обмороками и рыданіями престарѣлыхъ сенаторовъ, которые не могли примириться съ мыслью, что имъ придется пережить свободу и славу родной земли, Вильгельмъ былъ призванъ къ кормилу правленія. Нѣкоторое время сопротивленіе казалось ему безнадежнымъ. Онъ озирался, ища помощи, но озирался напрасно. Испанія была обезсилена, Германія разъединена, Англія подкуплена. Молодому штатгальтеру, повидимому, не оставалось ничего болѣе, какъ погиб-

нуть съ мечомъ въ рукѣ, или сдѣлаться Энеемъ великой эмиграціи и создать новую Голландію въ странахъ, недоступныхъ для французской тиранніи. Никакой преграды не осталось бы тогда для обузданія успѣха дома Бурбоновъ. Еще нѣсколько лѣтъ, и этотъ домъ могъ бы присоединить къ своимъ владѣніямъ Лотарингію и Фландрію, Кастилію и Арагонію, Неаполь и Миланъ, Мексику и Перу. Людовикъ могъ бы возложить на себя императорскую корону, могъ бы посадить принца своей фамиліи на польскій престолъ, могъ бы сдѣлаться единственнымъ владыкою Европы отъ Скиѳскихъ пустынь до Атлантическаго океана, и Америки отъ странъ на сѣверѣ за тропикомъ Рака до странъ на югѣ за тропикомъ Козерога. Такова была перспектива, которая открывалась передъ Вильгельмомъ, когда онъ впервые вступилъ въ публичную жизнь, и которая не переставала преслѣдовать его до послѣдняго дня его жизни. Французская монархія была для него тѣмъ же, чѣмъ Римская республика была для Аннибала, чѣмъ Оттоманская держава была для Скандербега, чѣмъ англійское господство было для Воллеса. Религія, съ своей стороны, освящала эту сильную и неукротимую вражду. Сотни кальвинистскихъ проповѣдниковъ провозглашали, что та самая власть, которая судила Самсону отъ чрева матери быть бичемъ филистимлянъ и которая призвала Гедеона съ гумна поразить мадіанитянъ, предназначила Вильгельму Оранскому быть поборникомъ всѣхъ свободныхъ націй и всѣхъ протестантскихъ церквей; и эта мысль не осталась безъ вліянія на умъ самого принца. Увѣренность, которую героическій фаталистъ питалъ въ свое высокое призваніе и въ святость своего дѣла, была отчасти причиною его удивительнаго равнодушія къ опасности. Ему предстояло исполнить великую задачу, и до исполненія ея ничто не могло причинить ему вреда. Вотъ отчего, наперекоръ предсказаніямъ врачей, онъ оправлялся отъ болѣзней, которыя казались безнадежными; вотъ отчего шайки убійцъ тщетно умышляли противъ его жизни; вотъ отчего утлая ладья, которой онъ ввѣрилъ себя въ беззвѣздную ночь, на бушующемъ океанѣ и близъ предательскаго берега, доставила его въ цѣлости на сушу; вотъ отчего въ двадцати сраженіяхъ ядра пролетали мимо его справа и слѣва. Жаръ и постоянство, съ которыми онъ

посвящалъ себя своему призванію, едва ли не безпримѣрны въ исторіи. Въ виду своей великой задачи, онъ такъ же мало дорожилъ чужою жизнью, какъ и своею собственною. Полководцы того времени, даже самые человѣколюбивые и великодушные, сплошь и рядомъ относились очень легко къ кровопролитію и опустошенію, неразлучнымъ съ великими военными подвигами; а сердце Вильгельма было закалено не только воинскою нечувствительностью, но и тою болѣе суровою нечувствительностью, которую порождаетъ чувство долга. Три великія коалиціи, три продолжительныя и кровопролитныя войны, въ которыхъ участвовала вся Европа отъ Вислы до Западнаго океана, должны быть приписаны его непреодолимой энергіи. Когда въ 1678 году генеральные штаты, изнеможенные и обезнадеженные, желали отдыха, его голосъ все еще раздавался противъ вложенія меча въ ножны. Если миръ и былъ заключенъ, онъ былъ заключенъ только потому, что Вильгельмъ не могъ вдохнуть въ другихъ людей такого же неукротимаго и рѣшительнаго мужества, какое его самого одушевляло. Въ самую послѣднюю минуту, въ надеждѣ прервать переговоры, которые, какъ онъ зналъ, были уже почти приведены къ концу, онъ далъ одно изъ самыхъ кровопролитныхъ и упорныхъ сраженій тогдашняго вѣка. Съ того дня, въ который подписанъ былъ Нимвегенскій трактатъ, онъ началъ замышлять вторую коалицію. Его борьба съ Людовикомъ, перенесенная съ поля битвы въ кабинетъ, вскорѣ ожесточилась личною враждою. По талантамъ, характеру, манерамъ и мнѣніямъ соперники были діаметрально противоположны другъ другу. Людовикъ, вѣжливый и сановитый, расточительный и сладострастный, другъ роскоши и врагъ опасности, щедрый покровитель искусствъ и наукъ и жестокій гонитель кальвинистовъ, представлялъ собою замѣчательный контрастъ Вильгельму, простому въ привычкахъ, непривѣтливому въ обхожденіи, неутомимому и неустрашимому въ войнѣ, невнимательному ко всѣмъ изящнымъ отраслямъ знанія и твердо привязанному къ женевскому богословію. Враги не долго соблюдали тѣ учтивости, которыми рѣдко пренебрегаютъ люди ихъ сана, даже стоящіе другъ противъ друга во главѣ враждебныхъ армій. Правда, Вильгельмъ изъявилъ было Людовику

формальную готовность къ услугамъ; но Людовикъ оцѣнилъ эту любезность по достоинству и отплатилъ за нее сухимъ выговоромъ. Великій король выражалъ презрѣніе къ незначительному принцу, который былъ слугою конфедераціи торговыхъ городовъ; но на каждый знакъ презрѣнія безстрашный штатгальтеръ отвѣчалъ новымъ вызовомъ. Вильгельмъ заимствовалъ свой титулъ, сдѣлавшійся, благодаря событіямъ предшествовавшаго столѣтія, однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ въ Европѣ, отъ города, который лежитъ на берегахъ Роны, неподалёку отъ Авиньона, и который, подобно Авиньону, хотя и окруженъ со всѣхъ сторонъ французскою территоріею, былъ собственно леномъ не французской, а императорской короны. Людовикъ, съ тѣмъ наглымъ презрѣніемъ къ международному праву, которое было характеристическою его чертою, занялъ Оранжъ, срылъ его укрѣпленія и конфисковалъ его доходы. Вильгельмъ громко объявилъ за столомъ у себя, въ присутствіи многихъ лицъ, что онъ заставитъ христіаннѣйшаго короля раскаяться въ этой обидѣ; а когда графъ д'Аво спросилъ у него, что значили эти слова, онъ положительно отказался взять ихъ назадъ, или дать по нимъ какое-нибудь объясненіе. Ссора зашла такъ далеко, что французскій посланникъ не осмѣливался показаться въ салонѣ принцессы изъ боязни подвергнуться какому-нибудь оскорбленію (²).

Чувство Вильгельма къ Франціи объясняетъ всю его политику относительно Англіи. Онъ дѣйствовалъ въ интересѣ цѣлой Европы. Главнымъ предметомъ его заботъ была не Англія, даже не родная его Голландія, но вся совокупность націй, которымъ угрожало порабощеніе одною слишкомъ могущественною державою. Тотъ, кто ошибочно глядитъ на него какъ на англійскаго государственнаго человѣка, необходимо долженъ видѣть всю его жизнь въ ложномъ свѣтѣ и не будетъ въ состояніи открыть никакого, ни хорошаго, ни дурнаго, ни вигскаго, ни торійскаго принципа, который могъ бы служить объясненіемъ важнѣйшихъ его дѣйствій. Но если мы взглянемъ на него какъ на человѣка, спе-

(²) Avaux, $^{10}/_{20}$ авг., $^{14}/_{24}$ сент., $\frac{28\ \text{сент.}}{8\ \text{окт.}}$ и $^{7}/_{17}$ дек. 1682.

ціяльною задачею котораго было соединить массу слабыхъ, разъединенныхъ и лишенныхъ бодрости государствъ въ твердый и энергическій союзъ противъ общаго врага, если мы взглянемъ на него какъ на человѣка, въ глазахъ котораго Англія была важна преимущественно потому, что безъ нея великая задуманная имъ коалиція была бы неполна, мы принуждены будемъ согласиться, что ничья продолжительная историческая дѣятельность не была такъ послѣдовательна отъ начала до конца, какъ дѣятельность этого великаго принца (*).

Строгая послѣдовательность его политики.

Руководящая нить, которою мы теперь обладаемъ, дастъ намъ возможность безъ всякаго затрудненія прослѣдить въ сущности прямой, хотя съ виду иногда извилистый, образъ его дѣйствій въ отношеніи къ нашимъ внутреннимъ факціямъ. Онъ ясно видѣлъ, — что̀ замѣчали даже люди, далеко уступавшіе ему въ проницательности, — что предпріятіе, которому онъ былъ преданъ всею душою, по всей вѣроятности, удалось бы, еслибы Англія была на его сторонѣ, имѣло бы сомнительный исходъ, еслибы Англія оставалась нейтральною, и было бы безуспѣшно, еслибы Англія дѣйствовала такъ, какъ дѣйствовала она во времена Кабали. Не менѣе ясно видѣлъ онъ, что между внѣшней и внутренней политикой англійскаго правительства была тѣсная связь; что государь этой страны, дѣйствовавшій въ согласіи съ законодательнымъ собраніемъ, долженъ былъ всегда имѣть огромное вліяніе на дѣла всего христіанскаго міра и кромѣ того долженъ былъ имѣть очевидный интересъ въ противодѣйствіи чрезмѣрному увеличенію могущества какого бы то ни было континентальнаго монарха; что

(*) Не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести изъ Массильона неблагопріятную, но мѣткую и превосходную характеристику Вильгельма: «Un prince profond dans ses vues; habile à former des ligues et à réunir les esprits; plus heureux à exciter les guerres qu'à combattre; plus à craindre encore dans le secret du cabinet, qu'à la tête des armées; un ennemi que la haine du nom Français avoit rendu capable d'imaginer de grandes choses et de les exécuter; un de ces génies qui semblent être nés pour mouvoir à leur gré les peuples et les souverains; un grand homme, s'il n'avoit jamois voulu être roi.» — «*Oraison funèbre de M. le Dauphin.*»

съ другой стороны, государь, находившійся въ разладѣ съ законодательнымъ собраніемъ, могъ имѣть лишь незначительный вѣсъ въ европейской политикѣ, и что весь этотъ незначительный вѣсъ склонялся бы не въ надлежащую сторону. Поэтому принцъ прежде всего желалъ, чтобы между престоломъ и парламентомъ существовало согласіе. Какимъ образомъ слѣдовало установить это согласіе, и съ которой стороны слѣдовало сдѣлать уступки, — это, въ его глазахъ, были вопросы второстепенной важности. Для него, безъ сомнѣнія, пріятнѣе всего было бы увидѣть полное примиреніе безъ малѣйшихъ пожертвованій со стороны прерогативы: какъ вѣроятный наслѣдникъ этой прерогативы, онъ былъ заинтересованъ въ ея неприкосновенности; при томъ же онъ отъ природы по крайней мѣрѣ такъ же жаждалъ власти и такъ же не терпѣлъ ограниченій, какъ любой изъ Стюартовъ. Но не было такого клейнода короны, которымъ бы онъ не былъ готовъ пожертвовать, даже когда корона уже была возложена на его главу, если только онъ убѣждался, что такая жертва была безусловно необходима для его великаго плана. Поэтому онъ, во времена Папистскаго заговора, хотя и не одобрялъ ярости, съ какою оппозиція нападала на королевскую власть, однако убѣждалъ правительство сдѣлать уступку. Образъ дѣйствій палаты общинъ относительно внутреннихъ дѣлъ былъ, по его словамъ, крайне неблагоразуменъ; но, пока палата общинъ оставалась недовольною, до тѣхъ поръ вольности Европы не могли быть прочны; и этому высшему соображенію должны были подчиниться всѣ прочія соображенія. Согласно съ этими началами дѣйствовалъ онъ и въ то время, когда билль объ исключеніи привелъ всю націю въ смятеніе. Нѣтъ никакого основанія думать, что онъ поощрялъ оппозицію внести этотъ билль или отвергнуть компромиссъ, который неоднократно былъ предлагаемъ короною. Но когда сдѣлалось очевиднымъ, что, въ случаѣ неутвержденія билля, между палатою общинъ и дворомъ произойдетъ серьёзный разрывъ, онъ весьма ясно, хотя и въ сдержанныхъ выраженіяхъ, высказалъ свое мнѣніе, что съ представителями народа слѣдовало примириться во что бы то ни стало. Когда сильная и быстрая перемѣна общественнаго мнѣнія оставила вигскую партію на нѣкоторое время совершенно безпомощною, онъ

попытался достичь своей великой цѣли новымъ способомъ, едва ли не болѣе пріятнымъ для его натуры, нежели тотъ, который былъ имъ прежде испытанъ. При измѣнившемся настроеніи націи, мало было надежды, чтобы избранъ былъ парламентъ, расположенный перечить желаніямъ государя. Карлъ нѣкоторое время царилъ полновластно. Склонить Карла на свою сторону было, поэтому, главнымъ желаніемъ принца. Лѣтомъ 1683 года, почти въ тотъ самый моментъ, когда открытіе Райгаусскаго заговора довершило пораженіе виговъ и торжество короля, на материкѣ Европы произошли событія, на которыя Вильгельмъ не могъ смотрѣть безъ крайняго смущенія и тревоги. Турецкія войска приблизились къ предмѣстьямъ Вѣны. Великая Австрійская монархія, на поддержку которой принцъ разсчитывалъ, казалось, была на краю погибели. Поэтому Бентинкъ поспѣшно отправленъ былъ изъ Гаги въ Лондонъ, съ порученіемъ употребить всѣ средства для снисканія благорасположенія англійскаго двора и съ особенною инструкціею заявить въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ отвращеніе, которое его государь чувствовалъ къ вигскому заговору.

Въ теченіе слѣдующихъ восемнадцати мѣсяцевъ представлялась нѣкоторая надежда, что вліяніе Галифакса одержитъ верхъ, и что вайтголльскій дворъ возвратится къ политикѣ Тройственнаго союза. Къ этой надеждѣ Вильгельмъ страстно прилѣпился. Онъ не щадилъ никакихъ усилій для того, чтобы задобрить Карла. Гостепріимство, которое Монмутъ нашелъ въ Гагѣ, должно быть главнымъ образомъ приписано заботливости принца исполнить дѣйствительныя желанія Монмутова отца. Лишь только умеръ Карлъ, Вильгельмъ, все еще неизмѣнно преслѣдуя свою цѣль, снова измѣнилъ свой образъ дѣйствій. Онъ пріютилъ Монмута въ угоду покойному королю. Для того, чтобы новый король не могъ имѣть повода жаловаться, Монмутъ былъ удаленъ изъ Гаги. Мы видѣли, что, когда вспыхнуло Западное возстаніе, британскіе полки, находившіеся въ голландской службѣ, благодаря дѣятельнымъ усиліямъ принца, были отправлены на родину по первому востребованію. Вильгельмъ предлагалъ даже принять на себя командованіе войсками противъ мятежниковъ

и предлагалъ совершенно искренно, въ чемъ не могутъ сомнѣваться тѣ, которые читали его конфиденціяльныя письма къ Бентинку (a).

Принцъ очевидно увлекался въ это время надеждою, что великій планъ, которому въ умѣ его подчинялись всѣ другія соображенія, могъ найти одобреніе и поддержку со стороны его тестя. Надменный тонъ, какого Іаковъ держался тогда въ отношеніи къ Франціи, готовность, съ какою онъ соглашался на оборонительный союзъ съ Соединенными провинціями, расположеніе, какое онъ обнаруживалъ ко вступленію въ связи съ Австрійскимъ домомъ, поощряли это ожиданіе. Но въ короткое время горизонтъ омрачился. Опала Галифакса, разрывъ между Іаковомъ и законодательнымъ собраніемъ, отсрочка парламента, рѣшительное объявленіе короля иностраннымъ посланникамъ, что континентальная политика не будетъ болѣе отвлекать его вниманія отъ внутреннихъ мѣръ къ усиленію его прерогативы и къ обезпеченію интересовъ его церкви, положили конецъ заблужденію. Ясно было, что, при наступленіи европейскаго кризиса, Англія, подъ владычествомъ Іакова, или останется въ бездѣйствіи, или будетъ дѣйствовать за-одно съ Франціею. А европейскій кризисъ близился. Австрійскій домъ рядомъ побѣдъ обезпечилъ себя отъ опасности со стороны Турціи и избавился отъ необходимости терпѣливо покоряться различнымъ посягательствамъ и оскорбленіямъ со стороны Людовика. Вслѣдствіе этого, въ іюлѣ 1686 года, подписанъ былъ въ Аугсбургѣ трактатъ, по которому государи Нѣмецкой имперіи тѣсно соединились между собою для взаимной обороны. Короли испанскій и шведскій были соучастниками въ этомъ договорѣ: король испанскій въ качествѣ государя областей,

Аугсбургскій трактатъ

(a) Напримѣръ: «Je crois Feversham un très brave et honeste homme. Mais je doute s'il a assez d'expérience à diriger une si grande affaire qu'il a sur le bras. Dieu lui donne un succès prompt et heureux. Mais je ne suis pas hors d'inquiétude.» $^{7}/_{17}$ іюля 1685. Далѣе, по полученіи извѣстія о Седжмурской битвѣ, онъ пишетъ: «Dieu soit loué du bon succès que les troupes du Roy ont eu contre les rebelles. Je ne doute pas que cette affaire ne soit entièrement assoupie, et que le règne du Roy sera heureux, ce que Dieu veuille.» $^{10}/_{20}$ іюля.

заключавшихся въ предѣлахъ Бургундіи, а шведскій король въ качествѣ герцога Померанскаго. Союзники объявили, что у нихъ не было ни намѣренія воевать, ни желанія оскорбить какую-нибудь державу, но что они рѣшились не терпѣть ни малѣйшаго нарушенія тѣхъ правъ, которыми Германскій союзъ пользовался подъ покровительствомъ международнаго права и международной чести. Они обязались, въ случаѣ надобности, стоять другъ за друга и опредѣлили количество войска, какое каждый изъ членовъ союза долженъ былъ выставить, еслибы потребовалось отразить чье-либо нападеніе (*). Имени Вильгельма не оказывалось въ этомъ документѣ; но всѣ знали, что договоръ былъ его дѣломъ, и предвидѣли, что принцъ въ непродолжительномъ времени снова явится вождемъ коалиціи противъ Франціи. При такихъ обстоятельствахъ, между нимъ и вассаломъ Франціи не могло быть сердечнаго согласія. Ни открытаго разрыва, ни обмѣна угрозъ или упрековъ не было. Но тесть и зять разошлись совершенно и навсегда.

Вильгельмъ становится главою англійской оппозиціи

Въ то самое время, когда принцъ отдалился такимъ образомъ отъ англійскаго двора, причины, которыя до тѣхъ поръ производили холодность между нимъ и двумя великими англійскими партіями, уничтожились. Значительное множество, быть можетъ, даже численное большинство виговъ благопріятствовало притязаніямъ Монмута; но Монмута уже не было. Торіи, съ другой стороны, питали опасенія, что интересы Англиканской церкви не будутъ обезпечены подъ управленіемъ человѣка, воспитаннаго между голландскими пресвитеріанами и явно державшагося латитудинаріанскихъ мнѣній относительно облаченій, обрядовъ и епископовъ; но съ тѣхъ поръ, какъ этой излюбленной церкви стали угрожать гораздо страшнѣйшія опасности совершенно съ иной стороны, опасенія эти утратили почти всю свою силу. Такимъ образомъ, въ одно и то же время, обѣ великія партіи начали сосредоточивать свои надежды и привязанности на одномъ и томъ же вождѣ. Старые республиканцы не могли отказать въ довѣріи тому, кто уже много лѣтъ достойнымъ образомъ исполнялъ обязанности высшаго сановника республики. Старые роялисты не

(*) Трактатъ находится въ «*Recueil des Traités*», IV. № 209.

находили никакого противорѣчія со своими принципами въ изъявленіи глубокаго уваженія принцу, столь близкому къ престолу. При такомъ положеніи дѣлъ, въ высшей степени важно было, чтобы между Вильгельмомъ и Маріею существовало полное согласіе. Недоразумѣніе между вѣроятною наслѣдницею короны и ея мужемъ могло бы произвести расколъ въ той огромной массѣ, которая со всѣхъ сторонъ стекалась къ одному общему сборному пункту. Къ счастью, всякая опасность такого недоразумѣнія была устранена въ критическую минуту вмѣшательствомъ Борнета; и принцъ сдѣлался безспорнымъ главою всей совокупности той партіи, которая противодѣйствовала правительству, партіи, обнимавшей почти всю націю.

Нѣтъ ни малѣйшаго основанія думать, что онъ въ это время уже замышлялъ то великое предпріятіе, къ которому впослѣдствіи понудила его суровая необходимость. Онъ зналъ, что общественное мнѣніе Англіи, хотя и раздраженное злоупотребленіями, отнюдь еще не созрѣло для революціи. Онъ безъ сомнѣнія, охотно избѣжалъ бы скандала, который долженъ былъ произойти отъ смертельной распри между лицами, связанными между собою тѣснѣйшими узами кровнаго родства и свойства. Самое его властолюбіе возбуждало въ немъ нежеланіе быть обязаннымъ насилію тѣмъ величіемъ, которое могло достаться ему въ удѣлъ въ силу естественнаго хода вещей и законнаго порядка наслѣдованія. Онъ хорошо зналъ, что, еслибы корона перешла къ его женѣ правильнымъ образомъ, то съ нею неприкосновенно перешли бы и всѣ ея прерогативы; а еслибы она пріобрѣтена была избирательнымъ порядкомъ, то, принимая ее, пришлось бы подчиниться такимъ условіямъ, какія только вздумали бы предписать избиратели. Поэтому онъ, какъ кажется, рѣшился терпѣливо ждать дня, когда для него открылась бы возможность сдѣлаться правителемъ Англіи по безспорному праву наслѣдства, а до тѣхъ поръ довольствоваться сильнымъ вліяніемъ на англійскія дѣла въ качествѣ перваго принца крови и главы партіи, которая была рѣшительно преобладающею въ націи и которая, въ случаѣ созванія парламента, навѣрное оказалась бы рѣшительно преобладающею въ обѣихъ палатахъ.

Правда, одинъ совѣтникъ, уступавшій ему въ проницательности, но превосходившій его пылкостью, уже побуждалъ его къ болѣе смѣлому образу дѣйствій. Этотъ совѣтникъ былъ молодой лордъ Мордонтъ. Тогдашній вѣкъ не производилъ ума болѣе изобрѣтательнаго и духа болѣе отважнаго. Если только замыселъ былъ блестящъ, Мордонтъ рѣдко спрашивалъ, исполнимъ ли онъ. Его жизнь была чуднымъ романомъ, составленнымъ изъ таинственныхъ политическихъ и любовныхъ интригъ, изъ рѣзкихъ и быстрыхъ перемѣнъ поприща и счастія, изъ побѣдъ, похожихъ скорѣе на побѣды Амадиса и Ланселота, нежели на побѣды Люксанбурга и Евгенія. Отдѣльные эпизоды этой странной сказки были одного чекана съ общимъ ея характеромъ. Между ними встрѣчаются и полуночныя стычки съ великодушными разбойниками, и освобожденія благородныхъ и прекрасныхъ дамъ отъ похитителей. Отличившись въ палатѣ лордовъ краснорѣчіемъ и смѣлостью своей оппозиціи двору, Мордонтъ, вскорѣ послѣ отсрочки парламента, отправился въ Гагу и настоятельно предлагалъ Вильгельму немедленно вторгнуться въ Англію. Онъ воображалъ, что напасть въ расплохъ на три большихъ королевства было бы такъ же легко, какъ впослѣдствіи оказалось для него легко напасть въ расплохъ на Барселону. Вильгельмъ выслушалъ, подумалъ и отвѣтилъ въ общихъ выраженіяхъ, что онъ принимаетъ большое участіе въ англійскихъ дѣлахъ и будетъ внимательно слѣдить за ними (*). Каково бы ни было его намѣреніе, во всякомъ случаѣ невѣроятно, чтобы онъ избралъ опрометчиваго и тщеславнаго странствующаго рыцаря въ свои повѣренные. Между этими двумя людьми не было ничего общаго, кромѣ личной храбрости, которая у обоихъ у нихъ доходила до баснословнаго героизма. Мордонтъ желалъ только наслаждаться сильными ощущеніями борьбы и поражать людей изумленіемъ. Вильгельмъ постоянно имѣлъ въ виду одну великую цѣль. Къ этой цѣли былъ онъ побуждаемъ сильною страстью, которая представлялась ему въ образѣ священнаго долга. Къ этой цѣли шелъ онъ съ терпѣніемъ, напоминавшимъ, какъ самъ онъ однажды выразился, терпѣніе лодочника, который

Мордонтъ предлагаетъ Вильгельму сдѣлать высадку въ Англія.

Вильгельмъ отвергаетъ этотъ совѣтъ.

(*) Burnet, I. 762.

борется противъ теченія, часто относится назадъ, но не перестаетъ грести впередъ, и бываетъ доволенъ, если, послѣ нѣсколькихъ часовъ труда, успѣетъ подвинуться на нѣсколько саженъ (²). Подвиги, не приближавшіе принца къ его цѣли, какими бы достославными ни казались они толпѣ, были въ его глазахъ ребяческими суетами, а не частью настоящаго дѣла жизни.

Онъ рѣшился отвергнуть совѣтъ Мордонта; и нѣтъ никакаго сомнѣнія, что рѣшеніе это было благоразумно. Еслибы Вильгельмъ въ 1686, или даже въ 1687 году, попытался сдѣлать то, что съ такимъ блестящимъ успѣхомъ сдѣлано имъ въ 1688, многіе виги, вѣроятно, взялись бы за оружіе по его призыву. Но онъ нашелъ бы, что нація не была еще приготовлена къ тому, чтобы радостно привѣтствовать вооруженнаго освободителя изъ чужой страны, и что церковь не была еще раздражена и оскорблена до забвенія догмата, который такъ долго былъ особеннымъ предметомъ ея гордости. Старые кавалеры стеклись бы къ королевскому знамени. Во всѣхъ трехъ королевствахъ, по всей вѣроятности, началась бы междоусобная война, столь же продолжительная и ожесточенная, какъ и усобица предшествовавшаго поколѣнія. Между тѣмъ какъ эта война свирѣпствовала бы на Британскихъ островахъ, чего бы не могъ предпринять Людовикъ на материкѣ? И что предстояло бы Голландіи, лишенной своихъ войскъ и покинутой своимъ штатгальтеромъ?

Неудовольствіе въ Англіи послѣ паденія Гайдовъ.

Вильгельмъ, поэтому, ограничился пока принятіемъ мѣръ къ соединенію и одушевленію той могущественной оппозиціи, которой онъ сдѣлался главою. Это было не трудно. Паденіе Гайдовъ возбудило во всей Англіи необыкновенное смятеніе и негодованіе. Всѣ понимали, что вопросъ заключался уже не въ томъ, будетъ ли протестантизмъ господствующимъ, а въ томъ, будетъ ли онъ терпимъ. Мѣсто лорда-казначея заняла коммиссія, главою которой былъ папистъ. Малая печать ввѣрена была паписту. Мѣсто лорда-намѣстника Ирландіи занялъ человѣкъ, права котораго на занятіе высокой государственной должности ограничивались только папизмомъ. Тирконнель былъ такой человѣкъ, что

(²) Temple's «*Memoirs*.»

правительство, сколько-нибудь внимательное къ общимъ интересамъ государства, ни за что не рѣшилось бы послать его въ Дублинъ въ качествѣ своего намѣстника. Грубыя манеры дѣлали его неспособнымъ быть представителемъ величія короны. Ограниченность ума и свирѣпость нрава дѣлали его неспособнымъ завѣдывать важными государственными дѣлами. Смертельная вражда, которую онъ питалъ къ владѣльцамъ большей части ирландской земли, дѣлала его особенно неспособнымъ управлять этимъ королевствомъ. Но необузданность его изувѣрства вполнѣ заглаживала собою, въ глазахъ правительства, необузданность всѣхъ другихъ его страстей; и, въ уваженіе ненависти, которую питалъ онъ къ протестантской вѣрѣ, ему предоставлялось безпрепятственно удовлетворять своей ненависти къ англійскому имени. Таковъ-то былъ дѣйствительный смыслъ уваженія его величества къ правамъ совѣсти. Іаковъ желалъ, чтобы его парламентъ отмѣнилъ всѣ стѣсненія, какимъ подвергались паписты, единственно для того, чтобы самому имѣть возможность подвергнуть такимъ же тягостнымъ стѣсненіямъ протестантовъ. Ясно было, что, при такомъ государѣ, вѣроотступничество было единственнымъ путемъ къ возвышенію. Избрать этотъ путь рѣшались, однако, не многіе: духъ націи былъ крайне возбужденъ; и каждому ренегату приходилось терпѣть такое бремя общественнаго презрѣнія и омерзѣнія, какого не могутъ не чувствовать даже самыя закоснѣлыя натуры.

Обращенія въ папизмъ.

Правда, нѣсколько замѣчательныхъ обращеній въ папизмъ уже совершилось; но они не дѣлали особенной чести Римской церкви. Къ ея общенію присоединились два человѣка высокаго сана: Генри Мордонтъ, графъ Питерборо, и Джемсъ Сесиль, графъ Салисбёри. Но Питерборо, нѣкогда дѣятельный воинъ, царедворецъ и дипломатъ, теперь былъ удрученъ лѣтами и недугами; и тѣ, которые видѣли, какъ онъ, закутанный въ фланели и пластыри, опираясь на трость, двигался нетвердыми шагами по галлереямъ Вайтголля, утѣшались по случаю его отступничества мыслью, что онъ до тѣхъ поръ не измѣнялъ своей религіи, пока не выжилъ изъ ума (*). Салисбёри былъ баснословно глупъ. Его фигура до

Питерборо.

Салисбери.

(*) См. стихотворенія подъ заглавіемъ: «*The Converts*» и «*The Delusion*.»

того была раздута плотоугодіемъ, что онъ почти не могъ двигаться; и это косное тѣло было мѣстопребываніемъ такого же коснаго духа. Популярныя сатиры изображали его человѣкомъ, созданнымъ для того, чтобы его дурачили, человѣкомъ, который былъ добычею игроковъ и который такъ же точно могъ бы быть добычею монаховъ. Пасквиль, явившійся около того времени, когда послѣдовало удаленіе Рочвстера отъ должности, и прибитый къ дверямъ Салисбёри-Гауса на Страндѣ, описывалъ въ грубыхъ выраженіяхъ ужасъ, съ которымъ мудрый Робертъ Сесиль, возставши изъ гроба, увидѣлъ бы, къ какому созданію перешли его почести ([a]).

Таковы были знатнѣйшіе изъ прозелитовъ Іакова. Были и другіе ренегаты совершенно иваго рода: талантливые бѣдняки, лишенные всякихъ принциповъ и всякаго чувства личнаго достоинства. Есть основаніе думать, что въ числѣ ихъ былъ Вилліамъ Вичирли, распутнѣйшій и безстыднѣйшій писатель крайне распутной и безстыдной школы ([b]). Извѣстно также, что Матью Тиндаль, который впослѣдствіи пріобрѣлъ большую извѣстность сочиненіями противъ христіанства, былъ въ это время принятъ въ лоно непогрѣшительной церкви: богословы, съ которыми онъ потомъ вступилъ въ полемику, разумѣется, не дали этому факту потонуть въ пучинѣ забвенія ([c]). Еще болѣе безчестнымъ отступникомъ былъ Джозефъ Гензъ, имя котораго теперь почти забыто, но который былъ хорошо извѣстенъ въ свое время какъ ловкій пройдоха, плутъ, фальшивый монетчикъ, лжесвидѣтель, лжепоручитель, танцмейстеръ, шутъ, поэтъ, комедіянтъ. Современники очень цѣнили нѣкоторые изъ его прологовъ и эпилоговъ и единогласно признавали его хорошимъ актеромъ. Этотъ человѣкъ объявилъ себя католикомъ и отправился въ Италію въ свитѣ Кастельмена, но вскорѣ былъ отставленъ за дурное поведеніе. Если

Вичирли.

Тиндаль.

Гензъ.

([a]) Стихи эти находятся въ «*Collection of State Poems.*»

([b]) Свѣдѣнія наши о Вичирли очень скудны; но два обстоятельства, что онъ подъ старость называлъ себя папистомъ, и что онъ получалъ деньги отъ Іакова, извѣстны навѣрное. Я почти не сомнѣваюсь, что обращеніе его въ папизмъ было слѣдствіемъ подкупа.

([c]) См. статью о немъ въ «*Biographia Britannica.*»

Digitized by Google

вѣрить преданію, долгое время сохранявшемуся въ театральныхъ фойе, Гензъ имѣлъ безстыдство утверждать, что Дѣва Марія явилась ему и склонила его къ раскаянію. Послѣ Революціи, онъ попытался примириться съ жителями столицы и для этого придумалъ такую штуку, которая оказалась зазорнѣе самой его вины. Однажды вечеромъ, когда ему предстояло играть въ какомъ-то фарсѣ, онъ появился на сценѣ въ бѣлой простынѣ, съ факеломъ въ рукѣ, и прочиталъ нѣсколько нечестивыхъ и непристойныхъ виршей, которыя называлъ своимъ покаяніемъ ([a]).

Къ имени Гензъ присоединялось во многихъ пасквиляхъ имя еще болѣе знаменитаго ренегата, Джона Драйдена. Драйденъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ. Послѣ многихъ успѣховъ и многихъ неудачъ, онъ дожилъ наконецъ до того, что общее мнѣніе признало за нимъ первое мѣсто между тогдашними англійскими поэтами. Изо всѣхъ писателей въ королевствѣ онъ имѣлъ наиболѣе правъ на признательность Іакова. Но Іаковъ гораздо болѣе заботился о деньгахъ, нежели о стихахъ. Со дня своего вступленія на престолъ, онъ принялся дѣлать такія скаредныя экономическія реформы, которыя, не производя никакого чувствительнаго облегченія для финансовъ, навлекаютъ на правительство укоръ въ скряжничествѣ. Одною изъ жертвъ его неразумной бережливости былъ поэтъ-лавреатъ. Отдано было приказаніе, чтобы въ новомъ патентѣ, который долженъ былъ послѣдовать по случаю перехода короны къ новому королю, исключена была ежегодная бочка хересу, первоначально пожалованная Джонсону и потомъ выдававшаяся преемникамъ Джонсона ([b]). Это былъ единственный знакъ вниманія, какого Іаковъ, въ теченіе перваго года своего царствованія, удостоилъ могучаго сатирика, который, въ самый разгаръ великой борьбы по поводу билля объ исключеніи, распространилъ ужасъ между вигами. Драйденъ былъ бѣденъ и та-

Драйденъ.

([a]) См. разсказъ Джемса Квина о Гензѣ въ Davies's «*Miscellanies*»; Tom Brown's «*Works*»; «*Lives of Sharpers*»; Dryden's «*Epilogue to the Secular Masque.*»

([b]) Этотъ фактъ, ускользнувшій отъ тщательныхъ разысканій Малона, явствуетъ изъ «*Treasury Letter Book of* 1685.»

готился бѣдностью. Онъ мало смыслилъ и еще меньше заботился о религіи. Если и коренилось въ немъ какое-нибудь глубокое чувство, чувствомъ этимъ было отвращеніе къ священнослужителямъ всѣхъ вѣроисповѣданій: левитамъ, авгурамъ, муфтіямъ, католическимъ богословамъ, пресвитеріанскимъ богословамъ, богословамъ Англійской церкви. Онъ не былъ отъ природы человѣкомъ высокой души; а занятія его были таковы, что не могли ни возвысить, ни облагородить его духа. Въ теченіе многихъ лѣтъ, онъ заработывалъ насущный хлѣбъ угодничествомъ испорченному вкусу партера и грубымъ ласкательствомъ богатымъ и знатнымъ патронамъ. Ни самоуваженія, ни тонкаго чувства приличія нельзя было ожидать отъ того, кто всю свою жизнь былъ попрошайкою и льстецомъ. Убѣдившись, что, еслибы онъ продолжалъ называться протестантомъ, услуги его оставались бы безъ вознагражденія, онъ объявилъ себя папистомъ. Бережливость короля тотчасъ же ослабѣла. Драйденъ былъ награжденъ ежегодною пенсіею во сто фунтовъ и получилъ наказъ защищать свою новую религію какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ.

Два знаменитыхъ человѣка, Самюэль Джонсонъ и Вальтеръ Скоттъ, всячески старались убѣдить самихъ себя и другихъ, что это достопамятное обращеніе было искреннее. Съ ихъ стороны естественно было желаніе снять позорное пятно съ памяти человѣка, генію котораго они справедливо удивлялись и политическимъ мнѣніямъ котораго сильно сочувствовали; но безпристрастный историкъ долженъ, къ сожалѣнію, произнести совершенно иной приговоръ. Противъ искренности обращенія, отъ котораго обращенный получаетъ прямую выгоду, всегда будетъ существовать сильное предубѣжденіе. Въ дѣлѣ Драйдена ничто не устраняетъ такого предубѣжденія. Его богословскія сочиненія ясно доказываютъ, что онъ никогда не испытывалъ ревностнаго и безпокойнаго стремленія къ познанію истины, и что его свѣдѣнія о церкви, которую онъ оставилъ, и о церкви, въ которую вступилъ онъ, были самаго поверхностнаго свойства. Да и послѣдующее его поведеніе не походило на поведеніе человѣка, котораго сильное чувство долга принудило сдѣлать страшно важный шагъ. Будь онъ такимъ человѣкомъ, убѣжденіе, побудившее

его присоединиться къ Римской церкви, навѣрное помѣшало бы ему грубо и постоянно нарушать правила, которыя церковь эта, обще со всѣми другими христіанскими исповѣданіями, признаетъ обязательными. Существовало бы замѣтное различіе между его прежними и позднѣйшими сочиненіями. Онъ съ угрызеніемъ совѣсти оглядывался бы на свою почти тридцатилѣтнюю литературную дѣятельность, въ теченіе которой его рѣдкое умѣнье владѣть прозою и стихомъ систематически употреблялось на распространеніе нравственной порчи. Ни одной строки, имѣющей цѣлью опошлить добродѣтель или воспламенить похоть, не вышло бы съ тѣхъ поръ изъ-подъ его пера. Къ несчастью, драматическія произведенія, написанныя имъ послѣ мнимаго его обращенія, точно такъ же грязны и точно такъ же нечестивы, какъ и драматическія произведенія его молодости. Даже въ роли переводчика, онъ постоянно отступалъ отъ подлинниковъ и пріискивалъ такіе образы, которыхъ долженъ былъ бы избѣгать, еслибъ и находилъ ихъ въ подлинникахъ. То, что́ было дурно, въ его передѣлкахъ становилось еще хуже. То, что́ было непорочно, пройдя черезъ его умъ, подвергалось растлѣнію. Онъ усиливалъ грубость самыхъ грубыхъ сатиръ Ювенала, вставлялъ похабныя описанія въ повѣсти Боккачіо и оскверняль сладостную и свѣтлую поэзію «*Георикъ*» такою грязью, которая причинила бы омерзѣніе Виргилію.

Помощь Драйдена была очень пріятна для тѣхъ римско-католическихъ богослововъ, которые съ трудомъ выдерживали борьбу противъ всего, что́ было наиболѣе знаменитаго въ Англиканской церкви. Они не могли не замѣтить, что ихъ стиль, обезображенный иностранными выраженіями, съ которыми они свыклись въ Римѣ и Дуэ, являлся въ невыгодномъ свѣтѣ сравнительно съ краснорѣчіемъ Тиллотсона и Шерлока. Обезпечить себя содѣйствіемъ величайшаго изъ тогдашнихъ англійскихъ стилистовъ казалось дѣломъ немаловажнымъ. Первою услугою, которую потребовали отъ него въ замѣнъ пенсіи, была защита въ прозѣ Римской церкви противъ Стиллингфлита. Но искусство красно говорить безполезно для человѣка, которому нечего сказать. Такъ оно и было съ Драйденомъ. Онъ скоро почувствовалъ, что ему

не подъ силу противникъ, вся жизнь котораго была однимъ долгимъ упражненіемъ въ полемикѣ. Испытанный гладіаторъ обезоружилъ новичка, презрительно нанесъ ему нѣсколько царапинъ и отвернулся отъ него для сшибки съ болѣе грозными бойцами.

«Лань и Пантера.» Тогда Драйденъ прибѣгнулъ къ тому оружію, которымъ онъ одолѣвалъ всѣхъ своихъ соперниковъ. Онъ удалился на время отъ шума кофеенъ и театровъ въ одинъ изъ мирныхъ уголковъ Гонтингдоншира и тамъ, съ необыкновеннымъ тщаніемъ и прилежаніемъ, сочинилъ знаменитую свою поэму о спорныхъ пунктахъ между Римскою и Англійскою церквами. Римскую церковь представилъ онъ въ видѣ бѣлой какъ молоко лани, которой постоянно грозитъ смерть, но которой умереть не суждено. Дикіе звѣри жаждутъ ея гибели. Трясучка-заяцъ (¹) соблюдаетъ, правда, робкій нейтралитетъ; но социніанка-лиса, пресвитеріанинъ-волкъ, индепендентъ-медвѣдь, анабаптистъ-вепрь, мечутъ свирѣпыя взоры на невинную лань. Не смотря на то, она дерзаетъ пить съ ними изъ общаго источника, подъ покровительствомъ своего друга, царственнаго льва. Англійская церковь олицетворена въ образѣ пантеры, правда, испещренной пятнами, но красивой, даже слишкомъ красивой для хищнаго звѣря. Лань и пантера, равно ненавидимыя свирѣпымъ населеніемъ лѣсовъ, разсуждаютъ вдвоемъ о своей общей опасности. Потомъ онѣ переходятъ къ обсужденію пунктовъ, составляющихъ предметы ихъ разногласія; помахивая хвостами и облизываясь, онѣ ведутъ продолжительный разговоръ о таинствѣ причащенія, объ авторитетѣ папъ и соборовъ, о карательныхъ законахъ, о Test-Act'ѣ, о клятвопреступленіяхъ Отса, о невознагражденныхъ услугахъ, оказанныхъ Ботлеромъ кавалерской партіи, о памфлетахъ Стиллингфлита, о широкихъ плечахъ и удачныхъ супружественныхъ спекуляціяхъ Борнета.

Нелѣпость этого плана очевидна. Въ самомъ дѣлѣ, аллегорія нарушается тутъ почти на каждомъ шагу. Никакое искусство выполненія не могло искупить недостатковъ такого замысла. Тѣмъ не менѣе «*Лань и Пантера*» — безспорно самое драгоцѣнное пріобрѣтеніе англійской литературы въ теченіе короткаго и тре-

(¹) *The quaking hare*—квакеръ.

вожнаго царствованія Іакова II. Ни въ какомъ другомъ произведеніи Драйдена нельзя найдти такихъ патетическихъ и великолѣпныхъ мѣстъ, такой гибкости и энергіи языка, такого пріятнаго и разнообразнаго благозвучія.

Поэма явилась въ свѣтъ со всѣми преимуществами, какія только могло доставить королевское покровительство. Для Шотландіи напечатано было роскошное изданіе въ католической типографіи, учрежденной въ Голирудскомъ дворцѣ. Но публика не была расположена прельщаться изящнымъ слогомъ и мелодическими стихами отступника. Отвращеніе, возбужденное его продажностью, тревога, возбужденная политикою, которую онъ восхвалялъ, не могли быть убаюканы пѣснями. Многія лица, пострадавшія отъ его насмѣшекъ, и многія лица, завидовавшія его славѣ, разжигали справедливое негодованіе публики. Вопреки всѣмъ стѣсненіямъ, которымъ подвергалась печать, нападки на его жизнь и сочиненія появлялись ежедневно. Онъ изображался то подъ именемъ Бейза, то подъ именемъ поэта Сквоба (²). Ему напоминали, что въ молодости онъ такъ же раболѣпно льстилъ дому Кромвелля, какъ теперь дому Стюартовъ. Нѣкоторые изъ его враговъ злонамѣренно перепечатали саркастическіе стихи, написанные имъ противъ папизма въ тѣ времена, когда званіе паписта не приносило никакой выгоды. Изъ множества явившихся по этому случаю сатирическихъ пьесъ самою удачною было совокупное произведеніе двухъ молодыхъ людей, Чарльза Монтегью и Матью Прайора, которые незадолго передъ тѣмъ окончили курсъ наукъ въ Кембриджѣ и были радушно приняты въ литературныхъ кофейняхъ Лондона какъ новички, подающіе большія надежды (³). Монтегью былъ потомокъ аристократической фамиліи; происхожденіе Прайора было такъ темно, что ни одинъ біографъ не могъ его разъяснить: но оба искателя приключеній были бѣдны и честолюбивы; оба одарены были острымъ и сильнымъ умомъ; оба потомъ пошли въ гору; оба въ замѣчательной

(²) *Bayes* отъ слова *bay*, лавръ. *Squab* значитъ толстякъ.

(³) Пародія, о которой упомянуто въ текстѣ, носитъ заглавіе «*The Country Mouse and City Mouse.*»

степени соединяли любовь къ литературѣ съ ловкостью въ тѣхъ дѣлахъ, къ которымъ литераторы вообще питаютъ сильное отвращеніе. Изъ пятидесяти поэтовъ, біографіи которыхъ написаны Джонсономъ, Монтегью и Прайоръ были единственною парою, отличавшеюся глубокимъ знаніемъ торговли и финансовъ. Дороги ихъ вскорѣ разошлись въ разныя стороны. Прежняя ихъ дружба порвалась. Одинъ изъ нихъ сдѣлался главою вигской партіи и былъ обвиненъ торіями. Другой былъ посвященъ во всѣ тайны торійской дипломатіи и долгое время находился въ строгомъ тюремномъ заключеніи по милости виговъ. Наконецъ, по прошествіи многихъ лѣтъ, товарищи, такъ долго разлученные другъ съ другомъ, вновь соединились въ Вестминстерскомъ аббатствѣ.

Перемѣна въ политикѣ двора относительно пуританъ.

Всякій, кто со вниманіемъ читалъ поэму «*Лань и Пантера*», долженъ былъ замѣтить, что, пока это сочиненіе писалось, замыслы тѣхъ, которые употребляли Драйдена своимъ истолкователемъ, подверглись существенному измѣненію. Сначала поэтъ относится къ Англійской церкви съ нѣжностью и съ уваженіемъ и убѣждаетъ ее соединиться съ католиками противъ пуританскихъ сектъ; но въ концѣ поэмы и въ предисловіи, которое было написано по окончаніи поэмы, онъ приглашаетъ диссидентовъ дѣйствовать за-одно съ католиками противъ Англійской церкви.

Эта перемѣна въ языкѣ придворнаго поэта означала большую перемѣну въ политикѣ двора. Первоначальнымъ намѣреніемъ Іакова было не только избавить членовъ Римско-католической церкви отъ всякихъ карательныхъ законоположеній и всякихъ гражданскихъ стѣсненій, но и предоставить имъ значительную долю церковныхъ и университетскихъ доходовъ, и въ то же время строго приводить въ исполненіе законы противъ пуританскихъ сектъ. Всѣ особенныя льготы, которыя онъ даровалъ, были дарованы католикамъ. Всѣ законы, которые наиболѣе тяготили пресвитеріанъ, индепендентовъ и баптистовъ, нѣкоторое время были сурово исполняемы имъ. Между тѣмъ какъ Гельзъ командовалъ полкомъ, между тѣмъ какъ Повисъ засѣдалъ въ государственномъ совѣтѣ, между тѣмъ какъ Масси занималъ должность декана, между тѣмъ какъ католическіе молитвенники и служеб-

ники печатались въ Оксфордѣ съ королевскаго разрѣшенія, между тѣмъ какъ остія публично выставлялась въ Лондонѣ подъ защитою пикъ и мушкетовъ пѣхотной гвардіи, между тѣмъ какъ монахи различныхъ наименованій бродили по улицамъ Лондона въ иноческихъ рясахъ,— Бакстеръ былъ въ тюрьмѣ, Гоу былъ въ изгнаніи, актъ о пятимильномъ разстояніи и актъ о молитвенныхъ сходбищахъ нонконформистовъ были въ полной силѣ, пуританскіе писатели принуждены были прибѣгать къ иностраннымъ или тайнымъ типографіямъ, пуританскія конгрегаціи могли собираться только по ночамъ или въ пустынныхъ мѣстахъ, а пуританскіе священнослужители должны были проповѣдывать въ одеждѣ угольщиковъ или матросовъ. Въ Шотландіи король, не щадившій никакихъ усилій для того, чтобы вынудить у тамошнихъ государственныхъ чиновъ полную вѣротерпимость въ пользу католиковъ, потребовалъ и добился новыхъ безпримѣрно строгихъ статутовъ противъ пресвитеріанъ. Его образъ дѣйствій относительно изгнанныхъ гугенотовъ не менѣе ясно показывалъ его чувства. Когда общественная щедрость вручила ему огромную сумму для пособія этимъ несчастнымъ людямъ, онъ, какъ мы видѣли, вопреки всѣмъ законамъ гостепріимства и честности, потребовалъ, чтобы они предварительно отреклись отъ дорогихъ имъ кальвинистскихъ обрядовъ и присоединились къ Англійской церкви: иначе онъ не хотѣлъ удѣлить имъ ни гроша изъ подаянія, ввѣреннаго его попеченію.

Такова была его политика, пока онъ могъ ласкать себя надеждою, что Англійская церковь согласится раздѣлить владычество съ Римскою церковью. Эта надежда дошла было до увѣренности. Энтузіазмъ, съ которымъ торіи привѣтствовали его восшествіе на престолъ, выборы, почтительный языкъ и щедрыя субсидіи парламента, подавленіе Западнаго возстанія, совершенное пораженіе партіи, которая пыталась устранить его отъ престола, вскружили ему голову. Онъ вообразилъ, что передъ его могуществомъ и рѣшимостью падутъ всѣ преграды. Парламентъ оказалъ ему сопротивленіе. Онъ попытался употребить строгіе выговоры и угрозы. Строгіе выговоры и угрозы не имѣли успѣха.

Онъ попытался отсрочить парламентъ. Со дня отсрочки противодѣйствіе его намѣреніямъ постоянно усиливалось. Ясно было, что его замыселъ не могъ осуществиться иначе, какъ наперекоръ той великой партіи, которая представила такія блестящія доказательства своей преданности его сану, его фамиліи и его особѣ. Все англиканское духовенство, все роялистское джентри были противъ него. Тщетно, въ силу своей церковной суприматіи, приказывалъ онъ духовенству воздерживаться отъ обсужденія спорныхъ пунктовъ. Каждый приходъ въ королевствѣ каждое воскресенье былъ предостерегаемъ отъ католическихъ заблужденій; и эти предостереженія были тѣмъ дѣйствительнѣе, что сопровождались изъявленіями глубокаго уваженія къ государю и рѣшимости терпѣливо подвергнуться всѣмъ гоненіямъ, какія бы ни вздумалось ему воздвигнуть. Роялистскіе найты и эсквайры, которые, въ теченіе сорока пяти лѣтъ войны и крамолъ, такъ мужественно отстаивали престолъ, теперь рѣзкимъ языкомъ выражали свою рѣшимость такъ же мужественно отстаивать церковь. При всей ограниченности своего ума, при всемъ деспотизмѣ своего характера, Іаковъ почувствовалъ необходимость измѣнить образъ своихъ дѣйствій. Онъ не могъ безопасно оскорбить разомъ всѣхъ своихъ протестантскихъ подданныхъ. Еслибы онъ рѣшился сдѣлать уступки партіи, преобладавшей въ обѣихъ палатахъ, еслибы онъ рѣшился оставить установленной религіи неприкосновенными всѣ ея почести, доходы и привилегіи, онъ могъ бы по прежнему разгонять пресвитеріанскія сходбища и наполнять тюрьмы баптистскими проповѣдниками. Но, вознамѣрившись ограбить іерархію, онъ волею-неволею долженъ былъ отказаться отъ удовольствія преслѣдовать диссидентовъ. Вступая во вражду съ прежними своими друзьями, онъ долженъ былъ заключить перемиріе съ прежними своими врагами. Онъ могъ преодолѣть Англиканскую церковь не иначе, какъ составивъ противъ нея огромную коалицію изо всѣхъ сектъ, которыя, хотя и отличались догматами и организаціею гораздо болѣе другъ отъ друга, нежели отъ установленной церкви, однако, подъ вліяніемъ общей ихъ зависти къ ея величію и общей ихъ ненависти къ ея нетерпимости, могли

бы согласиться прекратить свои раздоры до тѣхъ поръ, пока она уже не была бы въ состояніи угнетать ихъ.

Эта комбинація имѣла въ его глазахъ одно важное преимущество. Успѣй онъ только привлечь на свою сторону протестантскихъ нонконформистовъ, онъ могъ бы считать себя внѣ всякой опасности бунта. По ученію англиканскихъ богослововъ, никакія притѣсненія не могли оправдать подданныхъ въ сопротивленіи вооруженною рукою помазаннику Божію. Теорія пуританскихъ сектаторовъ была совершенно иная. Эти сектаторы ни мало не колебались поражать тирановъ мечемъ Гедеона. Многіе изъ нихъ не гнушались даже употреблять кинжалъ Аода. Они, по всей вѣроятности, даже и теперь умышляли новое Западное возстаніе или новый Райгаусскій заговоръ. Поэтому Іаковъ воображалъ, что онъ могъ бы безнаказанно преслѣдовать Англійскую церковь, еслибы только ему удалось задобрить диссидентовъ. Партія, принципы которой не представляли ему никакой гарантіи, была бы привязана къ нему интересомъ. Партія, на интересы которой нападалъ онъ, удерживалась бы отъ возстанія принципомъ.

Подъ вліяніемъ такихъ соображеній, Іаковъ съ тѣхъ поръ, какъ гнѣвно разстался съ парламентомъ, началъ замышлять общую лигу всѣхъ католическихъ и протестантскихъ нонконформистовъ противъ установленной религіи. О Рождествѣ 1685 года агенты Соединенныхъ провинцій дали знать генеральнымъ штатамъ, что проектъ общей вѣротерпимости уже составленъ и скоро будетъ обнародованъ (*). Слухи, дошедшіе до голландскаго посольства, оказались преждевременными. Обращеніе правительства съ сепаратистами въ 1686 году было, впрочемъ, замѣтно снисходительнѣе, нежели въ 1685. Но только мало по малу, и только послѣ продолжительной внутренней борьбы, успѣлъ король рѣшиться на союзъ съ людьми, которыми онъ наиболѣе гнушался. Онъ долженъ былъ преодолѣть ненависть, не вздорную и не причудливую,

(*) Leeuwen, $\frac{2\text{e}\ \text{liv.}}{4\ \text{ann.}}$ 168$^{5}/_{6}$.

не вчера родившуюся и не вдругъ созрѣвшую, а наслѣдственную въ его родѣ, укорененную страшными обидами, которыя причинялись и испытывались въ теченіе ста двадцати чреватыхъ событіями лѣтъ, и сроднившуюся со всѣми религіозными, политическими, семейными и личными его чувствами. Четыре поколѣнія Стюартовъ боролись не на животъ, а на смерть съ четырьмя поколѣніями пуританъ; но въ теченіе этой продолжительной борьбы не было ни одного Стюарта, который бы такъ ненавидѣлъ пуританъ, или такъ былъ ненавидимъ ими, какъ Іаковъ. Они пытались опорочить его честь и лишить его наслѣдственнаго права; они называли его зажигателемъ, головорѣзомъ, отравителемъ; они выжили его изъ адмиралтейства и тайнаго совѣта; они неоднократно гоняли его въ ссылку; они затѣвали умертвить его; они тысячами поднимали оружіе противъ него. Онъ отомстилъ имъ такимъ душегубствомъ, какого Англія никогда еще не видала. Ихъ головы и четвертованныя тѣла, воткнутыя на шесты, все еще гнили на всѣхъ торговыхъ площадяхъ Сомерсетшира и Дорсетшира. Престарѣлыя женщины, славившіяся между сектаторами благочестіемъ и милосердіемъ, были обезглавлены и сожжены живыя за такіе проступки, которыхъ ни одинъ добрый государь не счелъ бы заслуживающими даже строгаго выговора. Таковы были, даже въ Англіи, отношенія между королемъ и пуританами; въ Шотландіи же тираннія короля и ярость пуританъ доходили до того, что англичане почти не могли представить себѣ ничего подобнаго. Забыть такую продолжительную и такую смертельную вражду не легко было для натуры по преимуществу суровой и неумолимой.

Душевная борьба короля не укрылась отъ взоровъ Барильона. Въ концѣ января 1687 года онъ послалъ замѣчательное письмо въ Версаль. Король — такова была сущность этого документа — почти убѣдился въ невозможности доставить полную свободу католикамъ и въ то же время удержать законы противъ протестантскихъ диссидентовъ. Поэтому, онъ клонился къ плану общей вѣротерпимости; но въ душѣ ему было бы гораздо пріятнѣе, еслибы онъ, даже теперь, могъ раздѣлить свое покровитель-

ство и милость исключительно между Римскою и Англійскою церквами, въ ущербъ всѣмъ прочимъ исповѣданіямъ ([a]).

Шотландія дарована частная вѣротерпимость.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ написана была эта депеша, Іаковъ нерѣшительно и неохотно сдѣлалъ первый шагъ къ примиренію съ пуританами. Онъ рѣшился начать съ Шотландіи, гдѣ подслужливые государственные чины признавали за нимъ право дѣйствовать законодательнымъ путемъ помимо парламентскихъ актовъ. Вслѣдствіе этого, 12 февраля обнародована была въ Эдинбургѣ прокламація о дарованіи различныхъ льготъ нонконформистамъ ([b]). Эта прокламація вполнѣ доказываетъ правильность сужденія Барильона. Даже дѣлая уступки пресвитеріанамъ, Іаковъ не могъ скрыть омерзѣнія, которое они внушали ему. Свобода совѣсти, предоставленная католикамъ, была полная. Квакеры тоже не могли пожаловаться. Но льгота, дарованная пресвитеріанамъ, которые составляли массу шотландскаго народа, ограничивалась условіями, отнимавшими у нея почти всякую цѣну. Вмѣсто прежней присяги, устранявшей и католиковъ, и пресвитеріанъ отъ должностей, установлялась новая присяга, допускавшая католиковъ, но устранявшая большинство пресвитеріанъ. Католикамъ разрѣшалось строить часовни и даже торжественно носить святые дары вездѣ, за исключеніемъ главныхъ улицъ въ королевскихъ бургахъ; квакерамъ дозволялось собираться въ публичныхъ зданіяхъ; но пресвитеріанамъ запрещалось отправлять богослуженіе гдѣ бы то ни было, кромѣ частныхъ жилищъ; они не должны были строить молитвенныхъ домовъ; они не должны были пользоваться для религіозныхъ потребностей даже ригами или сараями; сверхъ того, имъ объявлялось, что если они осмѣлятся составлять сходбища подъ открытымъ небомъ, то законъ, грозившій смертною казнью какъ проповѣдникамъ, такъ и слушателямъ, будетъ исполняться безъ пощады. Всякій католическій священникъ могъ служить обѣдню; всякій квакеръ могъ держать рѣчь

([a]) Barillon, $\frac{11 \text{ янв.}}{10 \text{ ст. ст.}}$ 168^{6}/$_{7}$. «Je crois que, dans le fond, si on ne pouvoit laisser que la religion Anglicane et la Catholique établies par les loix, le Roy d'Angleterre en seroit bien plus content.»

([b]) Она находится въ Wodrow, Appendix, vol. II, № 129.

къ своимъ собратьямъ; но тайному совѣту поручено было наблюдать, чтобы никто изъ пресвитеріанскихъ священнослужителей не осмѣливался проповѣдывать безъ особеннаго дозволенія отъ правительства. Каждая строка этого акта и сопровождавшихъ его предписаній показываетъ, какъ много стоило королю ослабить въ малѣйшей степени ту строгость, съ которою онъ всегда относился къ стариннымъ врагамъ своего дома (²).

Дѣйствительно, есть основаніе думать, что Іаковъ, издавая эту прокламацію, еще не вполнѣ рѣшился на союзъ съ пуританами, и что цѣлью его было даровать имъ въ обрѣзъ столько льготъ, сколько нужно было для устраненія и смиренія церковниковъ. Поэтому король ждалъ цѣлый мѣсяцъ, чтобы увидѣть, какое дѣйствіе произведетъ въ Англіи эдиктъ, изданный въ Эдинбургѣ. Въ теченіе этого мѣсяца онъ, по совѣту Питкра, усердно занимался такъ называемымъ *closeting*, тайными кабинетными переговорами. Лондонъ былъ тогда биткомъ набитъ пріѣзжими. Всѣ ожидали, что парламентъ въ скоромъ времени снова приступитъ къ занятіямъ, и потому многіе члены уже находились въ столицѣ. Король принялся уговаривать ихъ по одиначкѣ. Онъ льстилъ себя надеждою, что ревностные торіи — а изъ нихъ, за немногими исключеніями, состояла вся палата общинъ — не рѣшатся противиться его настойчивой просьбѣ, обращенной къ нимъ не ко всѣмъ вмѣстѣ, а къ каждому порознь, не съ трона, а въ бесѣдѣ запросто. Поэтому, члены, являвшіеся въ Вайтголль засвидѣтельствовать свое почтеніе, были отводимы въ сторону и удостоивались продолжительныхъ частныхъ аудіенцій. Король убѣждалъ ихъ, какъ вѣрноподданныхъ джентльменовъ, исполнить единственную вещь, которая была предметомъ всѣхъ его помышленій. Дѣло, говорилъ онъ, касалось личной его чести. Законы, изданные въ прошлое царствованіе крамольными парламентами противъ католиковъ, въ сущности направлены были противъ него. Эти законы наложили на него клеймо безчестія, изгнали его изъ адмиралтейства, изгнали его изъ государственнаго совѣта. Онъ былъ въ правѣ надѣяться, что всѣ тѣ, которые его любили и уважали, будутъ

Тайные кабинетные переговоры.

(²) Wodrow, Appendix, vol. II. №№ 128, 129, 132.

содѣйствовать ему въ отмѣнѣ этихъ законовъ. Если собесѣдники не поддавались увѣщаніямъ, онъ прибѣгалъ къ угрозамъ и подкупамъ. Тѣмъ, которые отказывались угодить ему въ этомъ дѣлѣ, онъ прямо говорилъ, что они не должны ожидать отъ него никакого знака милости. При всемъ своемъ скряжничествѣ, онъ открылъ свои скрыни и щедро раздавалъ свои сокровища. Многіе изъ тѣхъ, которые были приглашены на совѣщаніе къ нему, уходили изъ его опочивальни съ деньгами, полученными прямо изъ королевскихъ рукъ. Судьи, совершавшіе въ это время весенніе объѣзды, получили отъ короля порученіе повидаться съ тѣми изъ членовъ парламента, которые оставались въ провинціи, и удостовѣриться въ намѣреніяхъ каждаго изъ нихъ. Въ результатѣ этого дознанія оказалось, что огромное большинство палаты общинъ по видимому твердо рѣшилось противодѣйствовать мѣрамъ двора (a). Неуспѣшность ихъ.

Между лицами, твердость которыхъ возбуждала общее удивленіе, былъ Артуръ Гербертъ, братъ верховнаго судьи, членъ парламента за Дувръ, гардеробмейстеръ и контръ-адмиралъ Англіи. Артуръ Гербертъ былъ очень любимъ моряками и пользовался репутаціею одного изъ лучшихъ морскихъ офицеровъ-аристократовъ. Всѣ полагали, что онъ охотно подчинится желаніямъ короля, потому что онъ не заботился о религіи, страстно любилъ удовольствія и роскошь, не имѣлъ никакого состоянія, получалъ отъ своихъ мѣстъ четыре тысячи фунтовъ ежегоднаго жалованья и долгое время считался однимъ изъ преданнѣйшихъ личныхъ приверженцевъ Іакова. Однако, когда король пригласилъ его къ себѣ въ кабинетъ и потребовалъ отъ него обѣщанія вотировать въ пользу отмѣны Test-Act'а контръ-адмиралъ отвѣтилъ, что честь и совѣсть не позволяли ему связывать себя такимъ обязательствомъ. «Никто не сомнѣвается въ вашей чести, сказалъ король: но человѣкъ, который ведетъ такую жизнь, какъ вы, не долженъ говорить о своей совѣсти.» На этотъ упрекъ, который какъ-то дико звучалъ въ устахъ любовника Катарины Седли, Гербертъ мужественно возразилъ: «У меня, конечно, есть свои Адмиралъ Гербертъ.

(a) Barillon, $\frac{28\ \text{фев}}{10\ \text{марта}}$ $168^{6}/_{7}$; Citters, $^{18}/_{28}$ фев.; Rebesby's «*Memoirs*»; Bonrepaux, $\frac{25\ \text{мая}}{4\ \text{июня}}$ 1687.

недостатки, государь; но я могъ бы назвать людей, которые говорятъ о совѣсти гораздо больше моего, а между тѣмъ ведутъ такую же распутную жизнь, какъ и я.» Онъ былъ отставленъ отъ всѣхъ должностей, при чемъ его гардеробмейстерская приходорасходная книга подверглась строгой и, какъ жаловался онъ, придирчивой ревизіи ([a]).

Очевидно стало, что всѣ надежды на союзъ между Англійскою и Римскою церквами, для дѣлежа должностей и доходовъ и для сокрушенія пуританскихъ сектъ, надобно было покинуть. Оставалось одно: попытаться образовать коалицію между Римскою церковью и пуританскими сектами противъ Англійской церкви.

18 марта король объявилъ тайному совѣту, что онъ рѣшился отсрочить парламентъ до конца ноября и собственною властью даровать полную свободу совѣсти всѣмъ своимъ подданнымъ ([b]). 4 апрѣля появилась достопамятная декларація объ индульгенціи.

Декларація объ индульгенціи

Въ этой декларацiи король открыто говорилъ, что видѣть своихъ подданныхъ членами той церкви, къ которой самъ онъ принадлежалъ, было ревностнымъ его желаніемъ. Но такъ какъ исполненіе этого желанія оказывалось невозможнымъ, то онъ возвѣщалъ о своемъ намѣреніи покровительствовать свободному исповѣданію ихъ вѣры. Онъ повторялъ всѣ тѣ фразы, которыя, восемь лѣтъ назадъ, когда самъ онъ подвергался угнетенію, не сходили у него съ языка, но которыя онъ пересталъ употреблять съ того дня, какъ перемѣна обстоятельствъ дала ему возможность сдѣлаться угнетателемъ. Онъ, по его словамъ, давно былъ убѣжденъ, что совѣсть не слѣдовало насиловать, что гоненіе было неблагопріятно народонаселенію и торговлѣ, и что оно никогда не достигало цѣлей, къ которымъ стремились гонители. Онъ повторялъ свое обѣщаніе, уже не разъ повторенное и не разъ нарушенное, обѣщаніе охранять законныя права Англиканской церкви. Послѣ

([a]) Barillon, $^{14}/_{24}$ марта 1688; леди Россель къ д-ру Фицвилліаму, 1 апрѣля; Burnet, I. 671. 762. Разговоръ между Іаковомъ и Гербертомъ нѣсколько иначе переданъ въ Clarke's «*Life of James*», II. 204. Но это мѣсто не входитъ въ составъ мемуаровъ самого короля.

([b]) «*London Gazette*», March 21. $168^{8}/_{7}$.

того онъ принялся самовластно уничтожать длинный рядъ статутовъ. Онъ отмѣнялъ всѣ карательные законы противъ всякаго рода нонконформистовъ. Онъ разрѣшалъ и католикамъ и диссидентамъ публично отправлять богослуженіе. Онъ воспрещалъ своимъ подданнымъ, подъ опасеніемъ крайняго его неудовольствія, безпокоить какое бы то ни было религіозное собраніе. Онъ отмѣнялъ также всѣ тѣ акты, которые требовали религіозной присяги, какъ необходимаго условія для занятія какой-нибудь гражданской или военной должности (*).

Что декларація объ индульгенціи была противна конституціи, въ этомъ всегда и вполнѣ соглашались между собою обѣ великія англійскія партіи. Всякій, кто въ состояніи судить о политическихъ вопросахъ, долженъ понять, что монархъ, который въ правѣ издать такую декларацію, ничѣмъ не отличается отъ абсолютнаго монарха. Защищать этотъ актъ Іакова тѣми доводами, которыми оправдывались или извинялись многіе произвольные акты Стюартовъ, нѣтъ никакой возможности. Нельзя сказать, что Іаковъ переступилъ предѣлы своей прерогативы по причинѣ ихъ неопредѣленности: дѣло въ томъ, что онъ нарушилъ новую межу, которая была у него прямо передъ глазами. Пятнадцать лѣтъ назадъ, декларація объ индульгенціи издана была его братомъ по наущенію Кабали. Эта декларація, въ сравненіи съ декларацією Іакова, могла назваться скромною и осторожною. Декларація Карла отмѣняла только карательные законы. Декларація Іакова отмѣняла кромѣ того всѣ религіозныя присяги. Декларація Карла дозволяла католикамъ отправлять богослуженіе только въ частныхъ жилищахъ. На основаніи декларацін Іакова, они могли строить и украшать храмы и даже совершать торжественные ходы по Флитъ-Стриту съ крестами, образами и кадилами. А между тѣмъ декларація Карла признана была незаконною самымъ формальнымъ образомъ. Общины рѣшили, что король не имѣлъ права отмѣнять статутовъ по дѣламъ церковнымъ. Карлъ приказалъ похѣрить ненавистный указъ въ своемъ присутствіи, оторвалъ отъ него печать собственною рукою и, какъ въ посланіи за своимъ подпи-

(*) «*London Gazette*», April 7. 1687.

сомъ, такъ и собственными своими устами съ трона, въ полномъ собраніи парламента, положительно обѣщалъ обѣимъ палатамъ, что мѣра, которая ихъ такъ оскорбила, никогда не будетъ имѣть значенія прецедента. Затѣмъ обѣ палаты единогласно постановили благодарить его за такое снисхожденіе къ ихъ желаніямъ. Никогда ни одинъ конституціонный вопросъ не былъ рѣшаемъ такъ обдуманно, такъ ясно и съ такимъ безусловнымъ единодушіемъ.

Защитники Іакова не рѣдко приводили въ его извиненіе приговоръ суда королевской скамьи по мнимому доносу, составленному противъ сэра Эдварда Гельза; но доводъ этотъ ничего не значитъ. Извѣстно, что Іаковъ добился этого приговора просьбами, угрозами, увольненіемъ добросовѣстныхъ судей и замѣщеніемъ ихъ другими, болѣе раболѣпными, судьями. И все-таки этотъ приговоръ, который, по общему мнѣнію магистратуры и націи, былъ противенъ конституціи, гласилъ только, что король, по особеннымъ государственнымъ соображеніямъ, могъ именными указами освобождать отдѣльныя лица отъ дѣйствія ограничительныхъ статутовъ. Но чтобы онъ былъ въ правѣ однимъ общимъ эдиктомъ разрѣшить всѣмъ своимъ подданнымъ не повиноваться цѣлымъ томамъ законовъ, — этого, въ виду торжественнаго парламентскаго рѣшенія 1673 года, не осмѣливалось утверждать никакое судилище.

Чувства протестантскихъ диссидентовъ.

Положеніе партій было, впрочемъ, таково, что декларація Іакова, будучи самымъ дерзновеннымъ изо всѣхъ посягательствъ Стюартовъ на общественную свободу, тѣмъ не менѣе хорошо была разсчитана на сочувствіе той самой части общества, которая наиболѣе ревностно сопротивлялась всѣмъ другимъ посягательствамъ Стюартовъ на общественную свободу. Почти невозможно было надѣяться, чтобы протестантскій нонконформистъ, отдѣленный отъ своихъ соотечественниковъ суровымъ и сурово исполнявшимся кодексомъ, захотѣлъ оспоривать законность декрета, который избавлялъ его отъ нестерпимыхъ притѣсненій. Хладнокровный и благоразумный наблюдатель, безъ сомнѣнія, объявилъ бы, что вся масса золъ, проистекавшихъ отъ всѣхъ составленныхъ парламентами стѣснительныхъ законовъ, не могла и сравниваться съ тѣмъ зломъ, которое было бы причинено пере-

ходомъ законодательной власти отъ парламента къ государю. Но такого хладнокровія и благоразумія нельзя ожидать отъ людей, страдающихъ отъ настоящихъ мукъ и искушаемыхъ предложеніемъ немедленнаго облегченія. Конечно, пуританскій богословъ не могъ отрицать, что разрѣшительная власть, на которую корона изъявляла притязаніе, была несовмѣстна съ основными началами конституціи. Но не слѣдовало ли извинить его, еслибы онъ спросилъ: что такое для него конституція? Актъ о единовѣріи, вопреки королевскимъ обѣщаніямъ, лишилъ его принадлежавшей ему бенефиціи и довелъ его до нищеты и зависимости. Актъ о пятимильномъ разстояніи изгналъ его изъ дому, изъ семейнаго круга, изъ дружеской среды и почти изо всѣхъ мѣстъ публичныхъ собраній. Актъ о молитвенныхъ сходбищахъ нонконформистовъ отнялъ у него все его достояніе и ввергалъ его изъ одной смрадной тюрьмы въ другую вмѣстѣ съ разбойниками и ворами. Внѣ тюрьмы, онъ постоянно былъ преслѣдуемъ полицейскими чинами; онъ принужденъ былъ откупаться отъ доносчиковъ; онъ долженъ былъ переряжаться въ позорныя одежды, прокрадываться къ своей паствѣ въ окна и потаенныя двери и, совершая обрядъ крещенія или причащенія, тревожно прислушиваться къ сигналу о приближеніи сыщиковъ. Не насмѣшкою ли было требовать, чтобы человѣкъ, такимъ образомъ ограбленный и угнетенный, подвергся мученичеству за собственность и свободу своихъ грабителей и угнетателей? Декларація, какою бы деспотическою ни казалась она его благоденственнымъ ближнимъ, приносила ему облегченіе. Ему предстоялъ выборъ не между свободою и рабствомъ, а между двумя игами. Ничего удивительнаго не было бы, еслибы иго короля показалось ему легче ига церкви.

Между тѣмъ какъ подобныя мысли бродили въ умахъ многихъ диссидентовъ, англиканская партія объята была изумленіемъ и ужасомъ. Новый оборотъ дѣлъ былъ дѣйствительно страшенъ. Домъ Стюартовъ въ союзѣ съ республиканскими и цареубійственными сектами противъ старыхъ англійскихъ кавалеровъ; папизмъ въ союзѣ съ пуританизмомъ противъ церковной системы, которую пуритане могли упрекнуть только въ томъ, что она удержала въ себѣ слишкомъ много папистскаго: таковы были зловѣ- Чувства Англійской церкви.

щіе симптомы, которые спутывали всѣ разсчеты государственныхъ людей. Церкви грозило такимъ образомъ нападеніе со всѣхъ сторонъ разомъ; и это нападеніе должно было послѣдовать подъ руководствомъ того, кто, по ея уставу, былъ ея главою. Немудрено, что она была поражена удивленіемъ и страхомъ. Къ удивленію и страху примѣшивались и другія горькія чувства: озлобленіе противъ клятвопреступнаго государя, которому она такъ ревностно служила, и раскаяніе въ жестокостяхъ, въ которыхъ онъ былъ ея сообщникомъ и за которыя онъ, повидимому, готовился стать ея карателемъ. Наказаніе ея было справедливо. Она пожинала то, что посѣяла. Послѣ Реставраціи, когда ея могущество достигло апогея, она дышала однимъ только мщеніемъ. Она поощряла, побуждала, почти принуждала Стюартовъ отплачивать вѣроломною неблагодарностью за услуги пресвитеріанъ. Еслибы она тогда, въ періодъ своего благоденствія, ходатайствовала, какъ подобало ей, въ пользу враговъ, она могла бы теперь, въ годину своего бѣдствія, найдти въ нихъ друзей. Быть можетъ, время еще не ушло. Быть можетъ, ей еще удалось бы употребить противъ коварнаго своего притѣснителя собственную его тактику. Между англиканскимъ духовенствомъ находилась умѣренная партія, которая всегда относилась дружелюбно къ протестантскимъ диссидентамъ. Партія эта была невелика; но способности, познанія и добродѣтели ея членовъ придавали ей значительный вѣсъ. Высшіе церковные сановники смотрѣли на нее не совсѣмъ благосклонно; пустосвяты школы Лода безпощадно ругали ее: но съ того дня, когда появилась декларація объ индульгенціи, и до того дня, когда власть Іакова перестала внушать ужасъ, вся Англійская церковь казалась проникнутою духомъ и руководимою совѣтами оклеветанныхъ латитудинаріевъ.

Дворъ и церковь.

И вотъ начался аукціонъ, безпримѣрный въ исторіи. Съ одной стороны король, съ другой — церковь, наперерывъ другъ передъ другомъ, стали надавать цѣну за благосклонность тѣхъ, кого до того времени и король и церковь угнетали соединенными силами. Протестантскіе диссиденты, которые, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, были презрѣннымъ и опальнымъ классомъ, держали теперь въ своихъ рукахъ судьбу власти. Суровость прежняго об-

ращенія съ ними подвергалась общему порицанію. Дворъ пытался свалить всю вину на іерархію. Іерархія, въ свою очередь, обвиняла дворъ. Король объявилъ, что онъ нехотя преслѣдовалъ сепаратистовъ: дѣла его были въ такомъ положеніи, что онъ не рѣшался прогнѣвить англиканское духовенство. Англиканское духовенство увѣряло, что оно принимало участіе въ жестокости, несвойственной его чувствамъ, единственно изъ покорности королевской власти. Король собралъ кучу анекдотовъ о ректорахъ и викаріяхъ, которые угрозами преслѣдованія вымогали деньги у протестантскихъ диссидентовъ. Онъ много и публично говорилъ объ этомъ предметѣ, грозился нарядить слѣдствіе, которое бы показало цѣлому свѣту истинный характеръ англиканскихъ священниковъ, и дѣйствительно уполномочилъ нѣсколькихъ, по его мнѣнію, надежныхъ агентовъ опредѣлить количество суммъ, вынужденныхъ у сектаторовъ въ различныхъ частяхъ государства проповѣдниками господствующей религіи. Защитники церкви, съ другой стороны, приводили примѣры честныхъ приходскихъ священниковъ, которые подвергались выговорамъ и угрозамъ двора за то, что проповѣдывали съ каѳедры вѣротерпимость, отказывались шпіонить и не соглашались преслѣдовать маленькія сходки нонконформистовъ. Король утверждалъ, что нѣкоторые изъ церковниковъ, на частныхъ аудіенціяхъ у него, предлагали сдѣлать большія уступки католикамъ, съ условіемъ, чтобы гоненіе пуританъ не прекращалось. Обвиняемые церковники горячо отвергали истину этого оговора и доказывали, что, еслибы они согласились на то, чего король требовалъ для своей религіи, онъ весьма охотно дозволилъ бы имъ притѣснять и грабить протестантскихъ диссидентовъ ([a]).

([a]) Warrant Book of the Treasury. См. въ особенности инструкціи отъ 8 марта 168⁷/₈; Burnet, I. 715.; «*Reflections on his Majesty's Proclamation for a Toleration in Scotland*»; «*Letters containing some Reflections on his Majesty's Declaration for Liberty of Conscience*»; «*Apology for the Church of England with relation to the spirit of Persecution for which she is accused*», 168⁷/₈. Но нѣтъ возможности перечислить всѣ памфлеты, по которымъ я составилъ себѣ понятіе о состояніи партій въ это время.

Дворъ по наружности измѣнился. Нарамникъ и ряса почти не могли показаться туда: появленіе ихъ тотчасъ вызывало язвительныя улыбки и злобныя шушуканья. Напротивъ, при видѣ пуританской физіономіи и одежды, которыя такъ долго были любимыми предметами насмѣшекъ въ модныхъ кружкáхъ, фрейлины переставали хихикать, а камергеры отвѣшивали низкіе поклоны. Тонтонъ, бывшій въ теченіе двухъ поколѣній твердынею пуританской партіи на западѣ, дважды рѣшительно отразившій войска Карла I, возставшій какъ одинъ человѣкъ въ защиту Монмута и превращенный Кэркомъ и Джеффризомъ въ бойню, вдругъ очутился въ такой милости у короля, въ какой нѣкогда былъ Оксфордъ ([a]). Король принуждалъ себя даже поддѣлываться къ именитымъ диссидентамъ. Однимъ изъ нихъ предлагалъ онъ деньги, другимъ—муниципальныя почести, а нѣкоторымъ прощеніе родственниковъ и друзей, которые были замѣшаны въ Райгаусскомъ заговорѣ, или сражались подъ знаменами Монмута, и за то скитались теперь по материку Европы, или мучились на сахарныхъ плантаціяхъ Барбадоса. Онъ доходилъ даже до сочувствія участію, которое англійскіе пуритане принимали въ своихъ иноземныхъ собратьяхъ. Въ Эдинбургѣ обнародованы были вторая и третья прокламація, значительно расширившія ничтожную вѣротерпимость, дарованную пресвитеріанамъ февральскимъ эдиктомъ ([b]). Изгнанные гугеноты, на которыхъ король долгое время косился и у которыхъ онъ отнялъ доставленное націею подаяніе, удостоились теперь не только пособія, но и ласковаго вниманія. Изъ тайнаго совѣта послѣдовало въ ихъ пользу новое воззваніе къ общественной щедрости. Постановленіе, требовавшее, чтобы они, для полученія благостыни, сообразовались съ англиканскимъ богослуженіемъ, кажется, было въ это время негласнымъ образомъ отмѣнено; а защитники королевской политики принялись нагло утверждать, что это постановленіе, которое, какъ намъ извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ, дѣйствительно было придумано королемъ

([a]) «*Letter to a Dissenter.*»
([b]) Wodrow, Appendix; vol II. №№ 132. 134.

и Барильономъ, явилось будто бы по настоянію прелатовъ Англійской церкви ([a]).

Между тѣмъ какъ король ухаживалъ такимъ образомъ около своихъ старинныхъ противниковъ, друзья церкви, въ свою очередь, не бездѣйствовали. Язвительности и презрѣнія, съ которыми прелаты и священники, со времени Реставраціи, имѣли обыкновеніе относиться къ сектаторамъ, какъ будто и не бывало. Недавніе еретики и фанатики были теперь дорогими товарищами-протестантами, пусть и заблудшими братьями, но все-таки братьями, религіозныя мнѣнія которыхъ заслуживали нѣжнаго вниманія. Еслибы они, говорили епископалы, согласились въ настоящую критическую минуту остаться вѣрными дѣлу англійской конституціи и протестантской религіи, великодушіе ихъ было бы скоро и щедро вознаграждено. Вмѣсто индульгенціи, не имѣвшей никакой законной силы, они получили бы дѣйствительную индульгенцію, обезпеченную парламентскимъ актомъ. Мало того: многіе церковники, которые прежде отличались непреклонною привязанностью къ каждому жесту и каждому слову, предписаннымъ въ Общемъ Молитвенникѣ, теперь выражали расположеніе не только къ терпимости, но и къ соглашенію. Споръ о стихаряхъ и тѣлоположеніяхъ, говорили они, слишкомъ долго разъединялъ тѣхъ, которые были согласны между собою въ существенныхъ пунктахъ религіи. По окончаніи борьбы на жизнь и на смерть противъ общаго врага, оказалось бы, что англиканское духовенство готово было сдѣлать всѣ возможныя уступки. Еслибы диссиденты ограничились только разумными требованіями, для нихъ открылся бы доступъ не только къ гражданскимъ, но и къ церковнымъ почестямъ; такъ что Бакстеръ и Гоу, ничѣмъ не пятная ни чести, ни совѣсти, получили бы возможность возсѣдать на епископской скамьѣ.

«Письмо къ Диссиденту.»

Изъ многочисленныхъ памфлетовъ, горячо и заботливо защищавшихъ въ это время дѣло двора и дѣло церкви передъ пуританиномъ, который вдругъ, вслѣдствіе странной перемѣны обстоятельствъ, сдѣлался рѣшителемъ судьбы своихъ гонителей, до

([a]) «*London Gazette*», April 21. 1687; «*Animadversions on a late paper entituled A Letter to a Dissenter*», by H. C. (Henry Care), 1687.

сихъ поръ памятенъ только одинъ: «*Письмо къ Диссиденту.*» Въ этомъ мастерскомъ сочиненьицѣ всѣ доводы, какіе только могли убѣдить нонконформиста, что союзъ съ церковью былъ для него нравственно-обязательнѣе и практически-выгоднѣе союза съ дворомъ, совмѣщены въ самый сжатый объемъ, изложены въ самомъ ясномъ порядкѣ, объяснены съ живымъ остроуміемъ и доказаны съ краснорѣчіемъ, пылкимъ, правда, но никогда, даже въ самомъ крайнемъ своемъ выраженіи, не переступающемъ границъ истинно-здраваго смысла и благовоспитанности. Дѣйствіе этого памфлета было громадно. Онъ состоялъ всего изъ одного листа, и потому болѣе 20,000 экземпляровъ его было разослано по почтѣ; такъ что не было ни одного уголка въ королевствѣ, въ которомъ бы не отразилось его дѣйствіе. Противъ него явилось двадцать четыре отвѣта; но публика признала ихъ плохими, а отвѣтъ Лестренджа самымъ плохимъ изъ всѣхъ двадцати четырехъ ([a]). Правительство было крайне раздражено и не щадило никакихъ усилій для открытія автора «*Письма*»; но найти законныя улики противъ него оказалось невозможнымъ. Нѣкоторые узнавали въ этомъ памфлетѣ образъ мыслей и слогъ Темпля([b]). Но въ дѣйствительности эта обширность и острота ума, эта живость воображенія, этотъ изящный и энергическій слогъ, это полуцаредворческое, полуфилософское спокойствіе, которое въ самомъ разгарѣ борьбы ни на минуту не теряло своего достоинства, принадлежали Галифаксу и только Галифаксу.

Поведеніе диссидентовъ.

Диссиденты колебались, но въ этомъ нельзя упрекать ихъ. Они страдали, а король даровалъ имъ облегченіе. Нѣкоторые именитые пастыри вышли изъ заточенія; другіе отважились возвратиться изъ-за границы. Конгрегаціи, которыя прежде собирались только украдкою и по ночамъ, сходились теперь среди бѣлаго

([a]) Lestrange's «*Answer to a Letter to a Dissenter*»; Care's «*Animadversions on A Letter to a Dissenter*»; «*Dialogue between Harry and Roger* (Harry Care and Roger Lestrange).»

([b]) Письмо подписано буквами T. W. Керъ въ своихъ «*Animadversions*» говоритъ: «Этотъ г-нъ политикъ T. B. или B. T.: послѣднее, по мнѣнію нѣкоторыхъ критиковъ, правильнѣе перваго.»

дня и громко пѣли псалмы вблизи судей, церковныхъ старостъ и констаблей. Скромные пуританскіе молитвенные дома начали возникать по всей Англіи. Наблюдательный путешественникъ еще и теперь замѣтитъ на нѣкоторыхъ изъ древнѣйшихъ молелень число 1687. Тѣмъ не менѣе, для благоразумнаго диссидента предложенія церкви были гораздо заманчивѣе предложеній короля. Декларація, въ глазахъ закона, была недѣйствительна. Она пріостанавливала дѣйствіе карательныхъ статутовъ противъ нонконформизма до тѣхъ только поръ, пока оставались бы безъ дѣйствія основныя начала конституціи и законная власть парламента. Чтó значили привилегіи, которыми приходилось бы пользоваться въ силу такого постыднаго и въ то же время непрочнаго права? Іаковъ могъ скоро умереть. На престолъ могъ взойти приверженецъ установленной религіи. Парламентъ могъ составиться изъ церковниковъ. Какъ плачевно было бы тогда положеніе диссидентовъ, которые вступили бы въ союзъ съ іезуитами противъ конституціи! Церковь предлагала индульгенцію, далеко отличавшуюся отъ той, которую даровалъ Іаковъ, индульгенцію такую же дѣйствительную и такую же священную, какъ Великая Хартія. Обѣ противныя стороны обѣщали сепаратисту вѣротерпимость; но одна сторона требовала, чтобы онъ купилъ религіозную свободу цѣною свободы гражданской, а другая предлагала ему пользоваться и гражданскою и религіозною свободою вмѣстѣ.

По этимъ причинамъ, еслибы даже можно было думать, что дворъ дѣйствовалъ чистосердечно, благоразуміе должно было бы заставить диссидента стать за одно съ церковью. Но кто могъ поручиться за чистосердечіе двора? Всѣ знали, каково было до тѣхъ поръ поведеніе Іакова. Конечно, доводы и опытъ могли убѣдить гонителя въ выгодахъ терпимости. Но Іаковъ не утверждалъ, что онъ убѣдился въ этомъ только недавно. Напротивъ, онъ не упускалъ ни одного случая заявить, будто бы онъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, былъ по принципу противникомъ всякой нетерпимости. А между тѣмъ, всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, онъ безпощадно преслѣдовалъ мужчинъ, женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ за ихъ религію. Дѣйствовалъ ли онъ тогда противъ разума и противъ убѣжденій своей совѣсти? Или говорилъ теперь

умышленную ложь? Изъ этой дилеммы не было выхода; и каждое изъ этихъ двухъ предположеній уничтожало всякое довѣріе къ честности короля. Извѣстно было также, что онъ былъ совершенно порабощенъ іезуитами. Всего за нѣсколько дней до обнародованія индульгенціи, орденъ этотъ, вопреки яснымъ желаніямъ папы, удостоился новаго знака королевскаго довѣрія и одобренія. Духовникъ Іакова, францисканскій патеръ Мансвитъ, кроткій нравъ и безукоризненная жизнь котораго пользовались общимъ уваженіемъ, но который уже давно возбуждалъ противъ себя ненависть Тирконнеля и Питера, удаленъ былъ отъ должности. Вакантное мѣсто перешло къ англичанину Ворнеру, который отрекся отъ отечественной своей религіи и сдѣлался іезуитомъ. Для умѣренныхъ католиковъ и для нунція перемѣна эта была далеко не пріятна. Каждый протестантъ смотрѣлъ на нее какъ на доказательство того, что господство іезуитовъ надъ умомъ короля было безусловно (*). Какихъ бы другихъ похвалъ ни заслуживали эти патеры, сама лесть не могла бы приписать имъ ни широкаго либерализма, ни строгой правдивости. О томъ, что они, въ интересѣ своей вѣры или своего ордена, никогда не совѣстились прибѣгать къ помощи междоусобнаго меча, или нарушать законы истины и чести, повѣдано было міру не только протестантскими обвинителями, но и людьми, добродѣтелью и геніемъ которыхъ славилась Римская церковь. Невѣроятно было, чтобы преданный ученикъ іезуитовъ былъ по принципу ревностнымъ поборникомъ свободы вѣроисповѣданій; за то весьма вѣроятно и достовѣрно было, что онъ могъ безъ зазрѣнія совѣсти скрывать свои дѣйствительныя чувства для того, чтобы оказать услугу своей религіи. Извѣстно было, что король въ душѣ предпочиталъ церковниковъ пуританамъ. Извѣстно было, что, пока онъ надѣялся склонить на свою сторону церковниковъ, онъ не оказывалъ ни малѣйшей благосклонности пуританамъ. Можно ли было, поэтому, сомнѣваться въ томъ, что онъ охотно пожертвовалъ бы пурита-

(*) Ellis «*Correspondence*», March 15. July 27. 1686; Barillon, $\frac{28 \text{ февр.}}{10 \text{ марта}}$, $^{3}/_{13}$ и $^{6}/_{16}$ марта 1687; Ronquillo, $^{9}/_{19}$ марта 1687, въ коллекціи Макинтоша.

нами, еслибы церковники согласились даже теперь уступить его желаніямъ? Его неоднократныя обѣщанія не помѣшали ему нарушить законныя права того духовенства, которое представило такія блестящія доказательства привязанности и преданности его дому. Какимъ же обезпеченіемъ могли служить его обѣщанія сектамъ, отдѣленнымъ отъ него воспоминаніемъ о тысячѣ взаимно причиненныхъ неизгладимыхъ обидъ?

Некоторые изъ нихъ принимаютъ сторону двора.

Когда первое волненіе, произведенное обнародованіемъ индульгенціи, утихло, оказалось, что въ пуританской партіи произошелъ расколъ. Меньшинство, подъ предводительствомъ нѣсколькихъ безпокойныхъ людей, которые или не понимали того, что́ дѣлали, или же руководились корыстными побужденіями, поддерживало короля. Генри Керъ, долгое время бывшій самымъ язвительнымъ и самымъ дѣятельнымъ памфлетчикомъ между нонконформистами и, во дни Папистскаго заговора, съ крайнимъ бѣшенствомъ нападавшій на Іакова въ еженедѣльномъ журналѣ подъ заглавіемъ «*Пакетботъ изъ Рима*», теперь также неумѣренно льстилъ, какъ прежде клеветалъ и ругался (a). Главнымъ агентомъ правительства въ переговорахъ съ пресвитеріанами былъ священникъ Винсентъ Ольсопъ, довольно извѣстный проповѣдникъ и писатель. Его сынъ, приговоренный къ наказанію за измѣну, былъ помилованъ, вслѣдствіе чего отецъ совершенно передался на сторону двора (b). Къ Ольсопу присоединился Томасъ Розвелль. Во время того гоненія диссидентовъ, которое послѣдовало за открытіемъ Райгаусскаго заговора, Розвелль, ложно обвиненный въ проповѣдываніи противъ правительства, былъ судимъ Джеффризомъ и, вопреки самымъ яснымъ доказательствамъ, осужденъ на смерть подтасованнымъ судомъ присяжныхъ. Несправедливость приговора была до того груба, что даже сторонники двора воз-

Керъ. Ольсопъ. Розвелль.

(a) Wood's «*Athenae Oxonienses*»; «*Observator*»; «*Heraclitus Ridens*», passim. Но собственныя сочиненія Кера представляютъ самые лучшіе матеріалы для оцѣнки его личности.

(b) Calamy's «*Account of the Ministers ejected or silenced after the Restoration*», Northamptonshire; Wood's «*Athenae Oxonienses*»; «*Biographia Britannica.*»

мущались ею. Одинъ торійскій джентльменъ, присутствовавшій при производствѣ суда, немедленно отправился къ Карлу и объявилъ, что въ случаѣ казни Розвелля, самый вѣрный подданный въ Англіи долженъ будетъ опасаться за цѣлость своей шеи. Сами присяжные, размысливши о своемъ поступкѣ, почувствовали угрызеніе совѣсти и принялись хлопотать о спасеніи жизни узника. Наконецъ помилованіе было даровано; но Розвелль оставался связанъ тяжкими обязательствами постоянно хорошаго поведенія и періодической явки въ судъ королевской скамьи. Обязательства его были теперь уничтожены по приказанію короля, который такимъ образомъ обезпечилъ себѣ его услуги ([a]).

Лоббъ. Обязанность задобривать индепендентовъ главнымъ образомъ возложена была на одного изъ ихъ священнослужителей, Стивна Лобба. Лоббъ былъ пустой, ярый и честолюбивый человѣкъ. Онъ до того доходилъ въ оппозиціи правительству, что подвергался спеціальной опалѣ въ нѣсколькихъ прокламаціяхъ. Теперь онъ примирился съ дворомъ и дошелъ до такой же крайности въ раболѣпіи, до какой прежде доходилъ въ мятежничествѣ. Онъ присоединился къ іезуитской факціи и ревностно предлагалъ мѣры, отъ которыхъ благоразумнѣйшіе и честнѣйшіе католики отступали съ ужасомъ. Замѣчено было, что онъ постоянно бывалъ во дворцѣ и нерѣдко въ королевскомъ кабинетѣ, что жилъ онъ съ необыкновеннымъ для пуританскаго священника блескомъ, и что его безпрестанно окружали просители, домогавшіеся черезъ него мѣстъ или милостей ([b]).

Пеннъ. Съ Лоббомъ въ тѣсной связи находился Вилліамъ Пеннъ. Пеннъ никогда не былъ человѣкомъ строгихъ правилъ; жизнь, которую онъ велъ въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, значительно притупила нравственную его чувствительность; если же совѣсть иногда и упрекала его, то онъ утѣшался повтореніемъ того, что у него была хорошая и благородная цѣль въ виду, и что онъ не бралъ денегъ за свои услуги.

([a]) «*State Trials*»; Samuel Rosewell's «*Life of Thomas Rosewell*», 1718; Calamy's «*Account.*»

([b]) «*London Gazette*», March 15. 168⁵/₆; Nichols's «*Defence of the Church of England*»; Pierce's «*Vindication of the Dissenters.*»

Вліяніемъ этихъ и другихъ менѣе замѣчательныхъ людей доставлены были королю благодарственные адресы отъ различныхъ диссидентскихъ общинъ. Торійскіе писатели справедливо замѣчали, что языкъ этихъ сочиненій не уступалъ гнуснымъ подобострастіемъ самымъ цвѣтистымъ панегирикамъ, произнесеннымъ епископами въ честь Стюартовъ. Но, при внимательномъ изслѣдованіи, оказывается, что позоръ этотъ падаетъ только на незначительную часть пуританской партіи. Въ Англіи не было почти ни одного мѣстечка, въ которомъ не находилось бы по крайней мѣрѣ небольшой группы сепаратистовъ. Правительство не щадило никакихъ усилій, чтобы склонить ихъ къ изъявленію признательности за индульгенцію. Циркуляры, которыми сторонники двора упрашивали ихъ подписывать адресы, разосланы были во всѣ углы королевства въ такомъ количествѣ, что почтовые чемоданы, по словамъ шутниковъ, оказывались не подъ силу почтовымъ лошадямъ. Не смотря на то, общее число адресовъ, полученныхъ, въ теченіе шести мѣсяцевъ, отъ всѣхъ пресвитеріанъ, индепендентовъ и баптистовъ, разсѣянныхъ по Англіи, было менѣе шестидесяти; и нѣтъ никакого основанія думать, чтобы эти адресы подписаны были многими лицами (*).

Большинство пуританъ высказывается противъ двора.

Огромная масса протестантскихъ нонконформистовъ, твердо преданная гражданской свободѣ и не довѣрявшая обѣщаніямъ короля и іезуитовъ, упорно отказывалась изъявить благодарность за милость, которая, какъ можно было предполагать, прикрывала собою ловушку. Таково было настроеніе всѣхъ наиболѣе знаменитыхъ предводителей партіи. Однимъ изъ нихъ былъ Бакстеръ. Онъ, какъ мы видѣли, былъ преданъ суду вскорѣ послѣ восшествія на престолъ Іакова, жестоко оскорбленъ Джеффризомъ и обвиненъ однимъ изъ тѣхъ судовъ присяжныхъ какихъ имѣли обыкновеніе подбирать тогдашніе раболѣпные шерифы. Бакстеръ уже около полутора года находился въ тюрьмѣ, когда дворъ началъ серьёзно помышлять о привлеченіи на свою сторону нонконформистовъ. Его не только освободили изъ тюремнаго заключенія, но и объявили ему, что онъ могъ, если

Бакстеръ.

(*) Адресы эти напечатаны въ «*Лондонской Газетѣ*.»

хотѣлъ, жить въ Лондонѣ, не опасаясь подвергнуться дѣйствію акта о пятимильномъ разстояніи. Правительство, вѣроятно, надѣялось, что память прошлыхъ страданій и чувство настоящаго спокойствія произведутъ на него такое же дѣйствіе, какъ на Розвелля и Лобба. Надежда не исполнилась. Бакстера нельзя было ни подкупить, ни провести. Онъ отказался присоединиться къ какому бы то ни было благодарственному адресу за индульгенцію и употребилъ все свое вліяніе, чтобы установить доброе согласіе между церковью и пресвитеріанами ([a]).

Гоу. Если былъ человѣкъ, который пользовался бо́льшимъ, чѣмъ Бакстеръ, уваженіемъ протестантскихъ диссидентовъ, этотъ человѣкъ былъ Джонъ Гоу. Гоу, подобно Бакстеру, лично выигралъ отъ послѣдней перемѣны политики. Та же самая тираннія, которая заточила Бакстера въ тюрьму, изгнала Гоу изъ отечества; и вскорѣ послѣ того, какъ Бакстеръ выпущенъ былъ изъ темницы королевской скамьи, Гоу возвратился изъ Утрехта въ Англію. Въ Вайтголлѣ ожидали, что Гоу употребитъ въ пользу двора все свое вліяніе на единовѣрцевъ. Король рѣшился лично просить помощи у подданнаго, котораго прежде угнеталъ. Гоу, кажется, поколебался; но Гамдены, съ которыми онъ находился въ тѣсной дружбѣ, убѣдили его остаться вѣрнымъ дѣлу конституціи. Въ его домѣ назначено было собраніе пресвитеріанскихъ священнослужителей, которые должны были обсудить положеніе дѣлъ и рѣшить вопросъ о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій. Во дворцѣ съ большимъ безпокойствомъ ожидали результатовъ этого совѣщанія. Два королевскихъ гонца присутствовали во время преній. Они привезли королю непріятную вѣсть, что Гоу рѣшительно высказался противъ разрѣшительной власти и что онъ, послѣ продолжительнаго пренія, увлекъ за собою большинство собранія ([b]).

Оніанъ. Къ именамъ Бакстера и Гоу надлежитъ присоединить имя

([a]) Calamy's «*Life of Baxter.*»

([b]) Calamy's «*Life of Howe.*» Объ участіи, которое семейство Гампденовъ принимало въ этомъ дѣлѣ, я узналъ изъ письма Джонстона-Вористауна, отъ 13 іюня 1688.

Digitized by Google

человѣка, далеко уступавшаго имъ въ общественномъ положеніи и образованіи, но равнаго имъ добродѣтелью и превосходившаго ихъ геніяльностью,—имя Джона Боніана. Боніанъ былъ ремесломъ мѣдникъ и служилъ простымъ солдатомъ въ парламентской арміи. Съ раннихъ лѣтъ началъ онъ страшно мучиться угрызеніями совѣсти за юношескіе свои грѣхи, изъ которыхъ, впрочемъ, даже самые тяжкіе принадлежали, кажется, къ числу извинительныхъ проступковъ. Чрезвычайная чувствительность и сильное воображеніе дѣлали его душевныя страданія необыкновенно ужасными. Ему представлялось, что онъ отверженъ Богомъ, что онъ провинился хулою противъ Святаго Духа, что онъ продалъ Христа, что онъ былъ дѣйствительно одержимъ бѣсомъ. По временамъ громкіе голоса съ неба предостерегали его отъ искушеній. По временамъ злые духи нашептывали ему нечестивые помыслы. Онъ видѣлъ призраки отдаленныхъ горныхъ вершинъ, на которыхъ ярко сіяло солнце, но отъ которыхъ онъ былъ отдѣленъ снѣжною пустынею. Онъ чувствовалъ, какъ дьяволъ дёргалъ его сзади за платье. Онъ думалъ, что на немъ лежитъ печать Каина. Онъ ежеминутно опасался лопнуть подобно Іудѣ. Умственная агонія разстроила его здоровье. Порою онъ трясся какъ паралитикъ. Порою онъ чувствовалъ огонь въ своей груди. Трудно понять, какимъ образомъ пережилъ онъ такія сильныя и продолжительныя страданія. Наконецъ тучи разсѣялись. Изъ бездны отчаянія покаянникъ перешелъ въ состояніе свѣтлаго счастія. Какая-то непреодолимая сила побуждала его теперь дѣлиться съ другими блаженствомъ, которое стало его достояніемъ. (a) Онъ присоединился къ баптистамъ и сдѣлался проповѣдникомъ и писателемъ. Его воспитаніе ничѣмъ не отличалось отъ воспитанія другихъ ремесленниковъ. Онъ не зналъ ни одного языка, кромѣ англійскаго простонароднаго нарѣчія. Онъ не изучалъ никакихъ образцовыхъ произведеній словесности, за исключеніемъ, безъ сомнѣнія, весьма важнымъ, нашего прекраснаго перевода Библіи. Его правописаніе было дурно. Онъ часто нарушалъ грамматическія правила. Не смотря на то, природная сила генія и опытное

(a) Bunyan's «*Grace Abounding.*»

знаніе всѣхъ религіозныхъ страстей, отъ отчаянія до восторга, съ избыткомъ замѣняли въ немъ отсутствіе учености. Его грубое краснорѣчіе возбуждало и умиляло слушателей, которые пропускали мимо ушей старательно обработанныя рѣчи великихъ логиковъ и гебраистовъ. Его сочиненія были чрезвычайно распространены между низшими классами. Одно изъ нихъ, «*Странствованіе Пилигрима*», еще при жизни его, было переведено на многіе иностранные языки. Оно, впрочемъ, оставалось почти неизвѣстно ученымъ и образованнымъ людямъ и, почти въ теченіе цѣлаго столѣтія, служило источникомъ отрады для набожныхъ крестьянъ и ремесленниковъ, прежде чѣмъ удостоилось гласной похвалы изъ устъ какой-нибудь литературной знаменитости. Наконецъ критики соблаговолили изслѣдовать, въ чемъ заключается тайна такой обширной и продолжительной популярности. Они принуждены были сознаться, что невѣжественная толпа судила правильнѣе ученой братіи, и что презрѣнная книжонка была дѣйствительно образцовымъ произведеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, Боніанъ такъ же рѣшительно первый изъ аллегориковъ, какъ Демосѳенъ первый изъ ораторовъ, или какъ Шекспиръ первый изъ драматическихъ писателей. Другіе аллегорики обнаруживали въ своихъ произведеніяхъ не менѣе замысловатости; но ни одинъ изъ нихъ не умѣлъ, подобно ему, трогать сердце и дѣлать отвлеченныя понятія предметами ужаса, сожалѣнія и любви. (a)

Едва ли кто-нибудь изъ англійскихъ диссидентовъ пострадалъ такъ жестоко отъ карательныхъ законовъ, какъ Джонъ Боніанъ. Изъ двадцати семи лѣтъ, которыя прошли со времени Реставраціи, двѣнадцать были проведены имъ въ заточеніи. Онъ не переставалъ проповѣдывать; но для того, чтобы имѣть возможность говорить проповѣди, онъ принужденъ былъ переодѣваться извозчи-

---

(a) Юнгъ относитъ прозу Боніана къ одному разряду съ поэзіей Дорфи. Свѣтскіе люди въ «*Spiritual Quixote*» ставятъ «*Pilgrim's Progress*» рядомъ съ «*Jack the Giantkiller*». Даже въ концѣ XVIII столѣтія Коупперъ не осмѣлился прямо похвалить великаго аллегорика:

«Не называю тебя изъ боязни, чтобы столь презираемое имя
Не возбудило насмѣшки надъ твоею заслуженною славою.»

комъ. Его часто вводили въ собранія задними дверями, въ балахонѣ на плечахъ и съ кнутомъ въ рукѣ. Еслибы онъ думалъ только о личномъ своемъ спокойствіи и безопасности, онъ привѣтствовалъ бы индульгенцію съ радостью. Онъ получилъ наконецъ возможность молиться и поучать среди бѣлаго дня. Его паства быстро увеличилась; тысячи жаждали услышать его слово; а въ Бедфордѣ, гдѣ онъ обыкновенно жилъ, собрана была значительная сумма на постройку для него молитвеннаго дома. Его вліяніе на простой народъ было таково, что правительство охотно дало бы ему какую-нибудь муниципальную должность; но его сильный умъ и твердое англійское сердце не поддавались никакому обольщенію и соблазну. Онъ былъ увѣренъ, что предложенная терпимость была лишь приманкою, придуманною для погибели пуританской партіи, и не хотѣлъ, принявъ мѣсто, на которое не имѣлъ права, признать законность разрѣшительной власти. Однимъ изъ послѣднихъ дѣяній его добродѣтельной жизни былъ отказъ отъ свиданія, на которое приглашалъ его одинъ изъ агентовъ правительства. (*)

Какъ ни силенъ былъ авторитетъ Бонтана между баптистами, Кифф. авторитетъ Виллiама Киффина былъ еще сильнѣе. Киффинъ занималъ между ними первое мѣсто по богатству и общественному положенію. Онъ имѣлъ обыкновеніе проповѣдывать въ ихъ собраніяхъ; но проповѣдь не служила для него средствомъ существованія. Онъ велъ обширную торговлю, пользовался большимъ кредитомъ на лондонской биржѣ и скопилъ огромное состояніе. Едва ли кто-нибудь другой могъ бы въ это время оказать двору болѣе важныя услуги. Но между нимъ и дворомъ стояло воспоминаніе объ одномъ ужасномъ событіи. Онъ былъ дѣдъ двухъ Гьюлинговъ, тѣхъ отважныхъ юношей, которые изо всѣхъ жертвъ Кровавыхъ ассизовъ были наиболѣе оплакиваемы. Въ печальной судьбѣ одного изъ нихъ Іаковъ былъ особенно виновенъ. Джеффризъ отсрочилъ казнь младшаго брата. Сестра бѣднаго юноши, благодаря Чорчиллю, получила доступъ къ королю

(*) Продолженіе «*Bunyan's Life*», приложенное къ его «*Grace Abounding*.»

и просила о помилованіи; но король былъ неумолимъ. Горе цѣлой семьи было велико; но Киффинъ въ особенности достоинъ былъ сожалѣнія. Ему было семьдесятъ лѣтъ, когда онъ такимъ образомъ лишился послѣдней опоры и пережилъ тѣхъ, которые должны были бы пережить его. Бездушные и продажные царедворцы Вайтголля, судя по себѣ, думали, что старикъ легко утѣшится ольдерменскою мантіею и денежнымъ вознагражденіемъ за конфискованное у его внуковъ имущество. Усилія Пенна, которому поручено было задобрить старика, остались тщетны. Король рѣшился испытать, какое дѣйствіе произведутъ собственныя его любезности. Киффинъ получилъ приказаніе явиться во дворецъ. Онъ засталъ тамъ блестящее собраніе нобльменовъ и джентльменовъ. Іаковъ тотчасъ подошелъ къ нему, очень милостиво заговорилъ съ нимъ и заключилъ словами: «Я хочу назначить васъ, мистеръ Киффинъ, ольдерменомъ Лондона.» Старикъ пристально посмотрѣлъ на короля, залился слезами и отвѣтилъ: «Государь, я слишкомъ старъ и не могу служить ни вашему величеству, ни городу. Притомъ же, государь, смерть моихъ бѣдныхъ внуковъ сокрушила мое сердце. Эта рана никогда не заживетъ. Я унесу ее съ собою въ могилу.» Король въ смущеніи помолчалъ съ минуту и потомъ сказалъ: «Мистеръ Киффинъ, я найду цѣлительный бальзамъ для этой раны.» Конечно, Іаковъ не хотѣлъ сказать ничего жестокаго или наглаго; напротивъ, онъ повидимому былъ въ необыкновенно кроткомъ расположеніи духа. А между тѣмъ никакія другія его рѣчи не даютъ такого невыгоднаго понятія о его личности, какъ эти нѣсколько словъ. Это—слова жестокосердаго и узколобаго человѣка, неспособнаго понять, что есть такія душевныя раны, которыя не излечиваются ни мѣстами, ни пенсіями. (a)

Та часть диссидентской партіи, которая благопріятствовала новой политикѣ короля, съ самаго начала была меньшинствомъ и вскорѣ стала еще болѣе уменьшаться. Нонконформисты въ непродолжительномъ времени замѣтили, что индульгенція скорѣе

(a) Kiffin's «*Memoirs*»; письмо Люсона къ Бруку, 11 мая 1773, въ Hughes «*Correspondence*».

Digitized by Google

ограничила, нежели расширила духовныя ихъ привилегіи. Главною характеристическою чертою пуританина было отвращеніе къ особенностямъ Римской церкви. Онъ потому только и отдѣлился отъ Англійской церкви, что она, по его мнѣнію, слишкомъ походила на свою гордую и пышную сестру, чародѣйку съ золотою чашею и въ пурпуровой ризѣ. Теперь онъ увидѣлъ, что одно изъ безмолвныхъ условій того союза, который нѣкоторые изъ его пастырей заключили съ дворомъ, вмѣняло ему въ обязанность почтительно и нѣжно относиться къ религіи двора. Онъ скоро началъ жалѣть о дняхъ гоненія. Въ періодъ господства карательныхъ законовъ онъ слушалъ живительныя слова тайкомъ и подвергая себя опасности; но все-таки онъ слушалъ ихъ. Когда его единовѣрцы собирались во внутреннихъ комнатахъ, когда повсюду разставлялись караульные, когда двери запирались на замокъ, когда проповѣдникъ, въ одеждѣ мясника или ломоваго извозчика, пробирался въ собраніе по крышамъ, тогда по крайней мѣрѣ отправлялось истинное богослуженіе. Ни малѣйшая частица божественной истины не утаивалась и не смягчалась изъ-за какихъ-нибудь мірскихъ цѣлей. Всѣ отличительныя ученія пуританскаго богословія излагались вполнѣ и даже грубо. Римской церкви не давалось никакой пощады. Звѣрь, Антихристъ, Человѣкъ Грѣха, мистическая Іезавель, мистическій Вавилонъ, были выраженія, обыкновенно употреблявшіяся для означенія этого державнаго и обаятельнаго суевѣрія. Таковъ былъ нѣкогда языкъ Ольсопа, Лобва, Розвелля и другихъ священнослужителей, которые въ послѣднее время удостоивались благосклоннаго пріема во дворцѣ; но теперь языкъ ихъ былъ уже не таковъ. Духовныя лица, стремившіяся заслужить особенное благорасположеніе и довѣріе короля, уже не осмѣливались рѣзко говорить о религіи короля. Конгрегаціи поэтому громко жаловались, что со времени появленія декларацін, которая должна была даровать имъ полную свободу совѣсти, они ни разу не слышали смѣлой и честной проповѣди евангельскихъ истинъ. Прежде они принуждены были хватать свою духовную пищу украдкою; но, хватая ее такимъ образомъ, они находили ее приготовленною какъ разъ по ихъ вкусу. Теперь они имѣли право открыто питаться; но пища ихъ

утратила весь свой вкусъ. Они собирались среди бѣлаго дня и въ удобныхъ зданіяхъ; но имъ приходилось слушать такія рѣчи, которыя удовлетворяли ихъ гораздо менѣе, чѣмъ рѣчи англиканскаго ректора. Въ приходской церкви суевѣріе и идолопоклонство Рима каждое воскресенье подвергались энергическимъ нападкамъ; а въ молитвенномъ домѣ пасторъ, который за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ говорилъ, что англиканскіе священники почти ничѣмъ не лучше папистовъ, теперь тщательно избѣгалъ случая порицать папизмъ, или же облекалъ свои порицанія въ такія деликатныя выраженія, которыя не оскорбили бы даже отца Питера. Въ пользу этой перемѣны невозможно было привести никакой уважительной причины. Римско-католическія ученія не подверглись никакому измѣненію. Римско-католическіе священники, насколько могли запомнить современники, никогда не были такъ дѣятельны въ дѣлѣ прозелитизма; никогда не выходило изъ печати такого множества римско-католическихъ изданій; никогда вниманіе ревнителей религіи не устремлялось такъ пристально на борьбу между католиками и протестантами. Что́ можно было думать объ искренности богослововъ, которые никогда не уставали глумиться надъ папизмомъ, когда папизмъ былъ сравнительно безвреденъ и безпомощенъ, и которые теперь, когда наступило время дѣйствительной опасности для протестантской вѣры, тщательно остерегались произнести хотя бы одно слово обидное для іезуита? Поведеніе ихъ, впрочемъ, легко объяснялось. Извѣстно было, что нѣкоторые изъ нихъ получили прощеніе. Относительно другихъ существовало подозрѣніе, что они получили деньги. Первообразъ ихъ можно было найти въ томъ малодушномъ апостолѣ, что́ изъ страха отрекся отъ Учителя, которому хвастливо поклялся въ неизмѣнной преданности, или въ томъ болѣе низкомъ апостолѣ, что́ продалъ своего Господа за горсть серебра. (a)

(a) См. между другими памфлетами того времени брошюру подъ заглавіемъ: «*Representation of the threatening Dangers impending over Protestants.*»

Такимъ образомъ диссидентскіе священнослужители, подкупленные дворомъ, быстро теряли вліяніе, которымъ нѣкогда пользовались надъ своими единовѣрцами. Съ другой стороны, сектаторы привлекались сильнымъ религіознымъ сочувствіемъ къ тѣмъ прелатамъ и священникамъ Англійской церкви, которые, вопреки королевскимъ повелѣніямъ, угрозамъ и обѣщаніямъ, вели энергическую войну съ Римскою церковью. Англиканцы и пуритане, такъ долго разъединенные смертельною враждою, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе сближались другъ съ другомъ, и каждый ихъ шагъ ко взаимному союзу усиливалъ вліяніе того, кто былъ ихъ общимъ главою. Вильгельмъ какъ нельзя болѣе годился для роли посредника между этими двумя великими частями англійской націи. О немъ нельзя было сказать, что онъ былъ членомъ той или другой изъ нихъ. Но обѣ онѣ, въ спокойномъ состояніи духа, не могли не видѣть въ немъ своего друга. Его богословская система согласовалась съ системою пуританъ. Въ то же самое время онъ, хотя и не считалъ епископства божественнымъ установленіемъ, однако признавалъ его совершенно законною и чрезвычайно полезною формою церковнаго управленія. Вопросы о тѣлоположеніяхъ, облаченіяхъ, праздникахъ и литургіяхъ не имѣли въ его глазахъ существенной важности. Простое богослуженіе, къ какому онъ привыкъ съ дѣтства, для него лично было бы болѣе всего по вкусу. Но онъ готовъ былъ сообразоваться со всякими обрядами, угодными націи, и настаивалъ только на томъ, чтобы отъ него не требовали гоненія его протестантскихъ единовѣрцевъ, которымъ совѣсть не позволила бы послѣдовать его примѣру. Двумя годами раньше, многочисленные изувѣры съ обѣихъ сторонъ провозгласили бы его настоящимъ лаодикейцемъ, ни холоднымъ, ни горячимъ, и годнымъ лишь на то, чтобъ быть изблеваннымъ. (¹) Но рвеніе, воспламенявшее церковниковъ противъ диссидентовъ и диссидентовъ противъ церковниковъ, до такой степени умѣрено было общею бѣдою и опасностью, что индифферентизмъ, который нѣкогда вмѣнялся принцу

(¹) Апокалипсисъ, III, 14—16.

въ преступленіе, считался теперь одною изъ главныхъ его добродѣтелей.

Принцъ и принцесса Оранскіе относятся враждебно къ декларація объ индульгенціи.

Всѣ съ нетерпѣніемъ желали узнать мнѣніе Вильгельма относительно декларація объ индульгенціи. Нѣкоторое время въ Вайтголлѣ питали надежду, что его извѣстное уваженіе къ правамъ совѣсти удержитъ его по крайней мѣрѣ отъ публичнаго порицанія политики, имѣвшей приличный видъ либерализма. Пеннъ послалъ множество диссертацій въ Гагу и даже самъ отправился туда, въ надеждѣ, что его краснорѣчіе, о которомъ онъ былъ высокаго мнѣнія, окажется непреодолимымъ. Но хотя онъ и разглагольствовалъ о своемъ любимомъ предметѣ съ такою подробностью, что утомлялъ слушателей, и хотя увѣрялъ, что наступленіе золотаго вѣка религіозной свободы было возвѣщено ему однимъ человѣкомъ, которому свыше дозволено было бесѣдовать съ ангелами, тѣмъ не менѣе онъ не произвелъ никакого впечатлѣнія на принца. ([a]) «Вы хотите, сказалъ Вильгельмъ одному изъ агентовъ короля, чтобы я одобрилъ посягательство на мою религію. Я не могу этого сдѣлать по чистой совѣсти и не сдѣлаю ни за что, ни за англійскую корону, ни за обладаніе вселенною.» Эти слова были переданы королю и сильно его встревожили. ([b]) Онъ собственноручно писалъ настоятельныя письма. Порою принималъ онъ тонъ оскорбленнаго человѣка: онъ-де глава королевской фамиліи; какъ глава королевской фамиліи, онъ въ правѣ ожидать повиновенія отъ младшихъ ея отраслей; поэтому ему очень больно видѣть сопротивленіе ихъ въ дѣлѣ, которому онъ преданъ всѣмъ сердцемъ. По временамъ сулилась приманка, считавшаяся непреодолимой: еслибы Вильгельмъ уступилъ только

([a]) Burnet, I. 693, 694.

([b]) «Le Prince d'Orange, qui avoit éludé jusqu'alors de faire une réponse positive, dit.....qu'il ne consentira jamais à la suppression de ces loix qui avoient été établies pour le maintien et la sureté de la religion Protestante, et que sa conscience ne le lui permettoit point, non seulement pour la succession du royaume d'Angleterre, mais même pour l'empire du monde; en sorte que le roi d'Angleterre est plus aigri contre lui qu'il n'a jamais été.»—Bonrepaux, $^{11}/_{21}$ июня 1687.

въ одномъ этомъ пунктѣ, англійское правительство оказало бы ему энергическое содѣйствіе въ его борьбѣ съ Франціею. Но Вильгельма нельзя было такимъ образомъ провести. Онъ зналъ, что Іаковъ, еслибъ даже и хотѣлъ, не могъ, безъ поддержки парламента, оказать дѣйствительной услуги общему дѣлу Европы; а между тѣмъ не подлежало сомнѣнію, что, въ случаѣ собранія парламента, обѣ палаты первымъ дѣломъ потребовали бы уничтоженія декларацiи.

Принцесса согласилась на всѣ предложенія своего мужа. Общее ихъ мнѣніе сообщено было королю въ твердыхъ, но умѣренныхъ выраженіяхъ. Они изъявляли глубокое сожалѣніе по поводу мѣръ, принятыхъ его величествомъ. Они были убѣждены, что онъ неправильно завладѣлъ прерогативою, которая по закону не принадлежала ему. Противъ этого завладѣнія они протестовали не только какъ друзья гражданской свободы, но и какъ члены королевскаго дома, глубоко заинтересованные въ сохраненіи правъ той короны, которая могла со временемъ перейти къ нимъ по наслѣдству. Опытъ показалъ, что въ Англіи произвольное правленіе неминуемо причиняло еще болѣе гибельную реакцію; слѣдовательно, надобно было опасаться, чтобы нація, встревоженная и раздраженная перспективою деспотизма, не возъимѣла отвращенія къ самой конституціонной монархіи. Поэтому они почтительно совѣтовали королю управлять во всемъ согласно съ закономъ. Они охотно допускали, что законъ могъ бы быть съ пользою измѣненъ компетентною властью, и что нѣкоторая часть королевской декларацiи могла бы съ успѣхомъ войти въ составъ какого-нибудь парламентскаго акта. Они не были гонителями. Они съ удовольствіемъ увидѣли бы католиковъ и диссидентовъ надлежащимъ образомъ освобожденными отъ бремени всѣхъ карательныхъ статутовъ. Они съ удовольствіемъ увидѣли бы протестантскихъ диссидентовъ надлежащимъ образомъ допущенными къ гражданскимъ должностямъ. Здѣсь ихъ высочества считали нужнымъ остановиться. Они не могли не питать серьёзныхъ опасеній насчетъ того, что, въ случаѣ допущенія католиковъ къ государственнымъ должностямъ, послѣдовало бы великое зло, и

ясно намекали, что эти опасенія главнымъ образомъ возбуждены были поведеніемъ Іакова. (*)

Защита ихъ образа мыслей относительно англійскихъ католиковъ.

Мнѣніе, выраженное принцемъ и принцессою относительно стѣсненій, которымъ подвергались католики, было мнѣніемъ почти всѣхъ государственныхъ людей и философовъ, подвизавшихся тогда за политическую и гражданскую свободу. Въ наше время, напротивъ, просвѣщенные люди часто съ сожалѣніемъ объявляли, что въ этомъ единственномъ отношеніи Вильгельмъ, сравнительно со своимъ тестемъ, является въ невыгодномъ свѣтѣ. Дѣло въ томъ, что нѣкоторыя соображенія, необходимыя для составленія правильнаго сужденія, повидимому ускользнули отъ вниманія многихъ писателей XIX столѣтія.

Всякій, кто изучаетъ лѣтописи нашего отечества, постоянно подвергается опасности впасть въ одно изъ двухъ противоположныхъ заблужденій: въ заблужденіе, побуждающее судить о настоящемъ по прошедшему, или въ заблужденіе, побуждающее судить о прошедшемъ по настоящему. Первое есть заблужденіе умовъ, наклонныхъ благоговѣть передъ всѣмъ старымъ; послѣднее—заблужденіе умовъ, легко привлекаемыхъ всѣмъ новымъ. Первое заблужденіе постоянно замѣчается въ разсужденіяхъ консервативныхъ политиковъ о современныхъ имъ вопросахъ. Послѣднее заблужденіе постоянно преобладаетъ въ умозрѣніяхъ писателей либеральной школы, когда они толкуютъ о событіяхъ прежняго времени. Первое заблужденіе особенно вредно въ государственномъ человѣкѣ, а послѣднее—въ историкѣ.

Для того, кто въ наше время принимается говорить о революціи, низвергнувшей Стюартовъ, не легко соблюсти счастливую средину между этими двумя крайностями. Вопросъ о томъ, безопасно ли допускать членовъ Римско-католической церкви въ парламентъ и въ государственную службу, волновалъ наше отечество въ царствованіе Іакова II, затихъ послѣ паденія этого государя и, пролежавши болѣе столѣтія подъ спудомъ, снова былъ возбужденъ тѣмъ великимъ броженіемъ умовъ, которое по-

(*) Burnet, I. 710. Bonrepaux, $\frac{24\ \text{мая}}{4\ \text{іюня}}$ 1687.

слѣдовало за открытіемъ французскаго національнаго собранія. Въ теченіе тридцати лѣтъ распря продолжалась въ обѣихъ палатахъ парламента, въ каждомъ избирательномъ собраніи, въ каждомъ общественномъ кругу. Она низвергала министерства, разстроивала партіи, поддерживала анархію въ одной изъ частей государства и наконецъ едва не вовлекла насъ въ междоусобную войну. Даже по окончаніи борьбы, страсти, возбужденныя ею, все еще продолжали свирѣпствовать. Для людей, умы которыхъ находились подъ вліяніемъ этихъ страстей, почти невозможно было видѣть событія 1687 и 1688 года въ ихъ настоящемъ свѣтѣ.

Одинъ разрядъ политиковъ, исходя отъ того правильнаго положенія, что Революція была великимъ благомъ для нашего отечества, приходилъ къ ложному заключенію, что ни одна изъ тѣхъ гарантій, которыя, по мнѣнію государственныхъ людей Революціи, были необходимыми для охраненія нашей религіи и свободы, не могла быть безопасно уничтожена. Другой разрядъ, исходя отъ того правильнаго положенія, что ограниченія правъ католиковъ долгое время не производили ничего, кромѣ зла, приходилъ къ ложному заключенію, что никогда не могло быть такого времени, когда эти ограниченія могли быть полезными и необходимыми. Первый софизмъ отразился въ парламентскихъ рѣчахъ прозорливаго и ученаго Эльдона. Послѣдній не остался безъ вліянія даже на такой спокойный и философскій умъ, какъ умъ Макинтоша.

Быть можетъ, однако, при ближайшемъ изслѣдованіи дѣла, окажется, что мы можемъ оправдать тотъ образъ дѣйствія, который единодушно одобрялся всѣми великими англійскими государственными людьми XVII столѣтія, не отрицая мудрости того образа дѣйствія, который такъ же единодушно одобрялся всѣми великими англійскими государственными людьми нашего времени.

Устраненіе какого бы то ни было гражданина отъ гражданскихъ должностей за религіозныя мнѣнія есть безспорное зло; но для человѣческой мудрости иногда ничего не остается, кромѣ выбора изъ нѣсколькихъ золъ. Любая нація можетъ очутиться въ такомъ положеніи, что большинство ея должно будетъ или подчинить

Digitized by Google

меньшинство, или же само подчиниться различнымъ стѣсненіямъ; и то, что, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, подверглось бы справедливому порицанію какъ гоненіе, можетъ оказаться лишь законнымъ самозащищеніемъ. Таково и было въ 1687 году положеніе Англіи.

Согласно съ конституціей государства, Іаковъ имѣлъ право назначенія почти всѣхъ должностныхъ лицъ по вѣдомствамъ внутренней и внѣшней политики, юстиціи, церкви, арміи и флота. Въ области этого права онъ не испытывалъ, подобно теперешнимъ нашимъ государямъ, необходимости дѣйствовать сообразно указанію министровъ, одобряемыхъ палатою общинъ. Очевидно, поэтому, что, еслибы онъ не былъ строго обязанъ по закону не давать должностей никому, кромѣ протестантовъ, въ его власти было бы не давать должностей никому, кромѣ католиковъ. Число католиковъ было невелико; и между ними не было ни одного человѣка, услуги котораго были бы существенно необходимы для государства. Отношеніе папистовъ къ населенію Англіи было гораздо менѣе теперешняго. Теперь изъ Ирландіи стремится въ наши большіе города непрерывный потокъ эмиграціи; но въ XVII столѣтіи ирландской колоніи не было даже и въ Лондонѣ. Сорокъ девять пятидесятыхъ жителей королевства, сорокъ девять пятидесятыхъ собственности королевства, почти всѣ политическія, юридическія и военныя способности и знанія, какія только можно было найти въ королевствѣ, принадлежали протестантамъ. Тѣмъ не менѣе король, подъ вліяніемъ сильнаго ослѣпленія, рѣшился употребить свой обширный патронатъ какъ средство прозелитизма. Принадлежность къ Римской церкви была въ его глазахъ главнѣйшимъ условіемъ для занятія какой бы то ни было должности. Принадлежность къ національной церкви была у него положительнымъ препятствіемъ. Правда, онъ осуждалъ, въ выраженіяхъ, одобрявшихся нѣкоторыми легковѣрными друзьями религіозной свободы, чудовищную несправедливость той религіозной присяги, которая устраняла ничтожное меньшинство націи отъ государственной службы; но въ то же самое время онъ установлялъ новую религіозную присягу, которая устраняла большинство. Онъ считалъ жестокимъ устраненіе человѣка, который былъ хорошимъ финансистомъ и вѣрнымъ

подданнымъ, отъ должности лорда-казначея за то только, что этотъ человѣкъ былъ папистомъ. Но самъ онъ удалилъ отъ должности лорда-казначея, котораго признавалъ хорошимъ финансистомъ и вѣрнымъ подданнымъ. за то только, что тотъ былъ протестантомъ. Онъ неоднократно и ясно заявлялъ свое рѣшеніе никогда не вручать бѣлаго жезла еретику. Относительно многихъ другихъ важныхъ государственнымъ должностей поступалъ онъ такимъ же точно образомъ. Лордъ-президентъ, лордъ малой печати, лордъ-камергеръ, гардеробмейстеръ, первый лордъ казначейства, одинъ изъ статсъ-секретарей, лордъ верховный коммиссаръ Шотландіи, канцлеръ Шотландіи, секретарь Шотландіи уже были, или притворялись, что были, католиками. Большинство этихъ сановниковъ, воспитанное въ правилахъ Епископальной церкви, частью явно, а частью тайно, измѣнило своей религіи, съ цѣлью получить или удержать за собою высокія мѣста. Каждый протестантъ, который занималъ еще какую-нибудь важную должность въ управленіи, находился въ постоянномъ сомнѣніи и тревогѣ. Безконечно было бы перечислять низшія должности, которыя были заняты покровительствуемымъ классомъ. Католики уже кишѣли во всѣхъ отрасляхъ государственной службы. Они были лордами-намѣстниками, помощниками намѣстниковъ, судьями, членами мировой юстиціи, таможенными коммиссарами, посланниками при иностранныхъ дворахъ, полковыми командирами, комендантами крѣпостей. Доля свѣтскаго патроната, которую они въ нѣсколько мѣсяцевъ получили отъ короны, была слишкомъ вдесятеро болѣе той, которую они имѣли бы при безпристрастной системѣ. Главное зло, однако, заключалось не въ этомъ. Они были сдѣланы іерархами Англійской церкви. Люди, увѣрившіе короля, въ томъ, что они его единовѣрцы, засѣдали въ Верховной коммиссіи и пользовались верховною юрисдикціею въ духовныхъ дѣлахъ надъ всѣми прелатами и священниками установленной религіи. Весьма значительныя церковныя бенефиціи пожалованы были отчасти явнымъ, отчасти тайнымъ папистамъ. И все это было сдѣлано въ то время, когда законы противъ папизма еще не были отмѣнены, и когда Іаковъ еще имѣлъ сильный интересъ притворяться уважающимъ права совѣсти. Каково

же было бы его поведеніе, еслибы его подданные согласились освободить его законодательнымъ актомъ отъ всякаго ограниченія? Можно ли сомнѣваться въ томъ, что протестанты были бы такъ же рѣшительно устранены отъ государственной службы строго законнымъ употребленіемъ королевской прерогативы, какъ устранялись католики парламентскимъ актомъ?

Какъ упорно было рѣшеніе Іакова надѣлить членовъ Римской церкви долею патроната, совершенно несоразмѣрною съ ихъ числомъ и значеніемъ, доказывается наставленіями, которыя онъ, будучи уже въ изгнаніи и въ преклонныхъ лѣтахъ, начерталъ для своего сына. Невозможно безъ жалости, смѣшанной съ презрѣніемъ, читать эти изліянія ума, для котораго всѣ уроки опыта и злосчастія остались безплодными. Претендентъ, говоритъ инструкція, въ случаѣ своего воцаренія въ Англіи, долженъ произвести раздѣлъ должностей и тщательно сохранить для членовъ Римской церкви такую долю, которой было бы достаточно для нихъ, еслибы они составляли не пятидеситую часть, а цѣлую половину націи. Одинъ статсъ-секретарь, одинъ коммиссаръ казначейства, военный секретарь, большинство высокихъ сановниковъ придворнаго штата, большинство армейскихъ офицеровъ, должны всегда быть католиками. Таковы были намѣренія Іакова послѣ того, какъ слѣпое его изувѣрство навлекло на него кару, ужаснувшую весь міръ. Можно ли, поэтому, сомнѣваться въ томъ, каково было бы его поведеніе, еслибы его народъ, обольщенный пустымъ названіемъ религіозной свободы, позволилъ ему дѣйствовать безъ всякаго ограниченія?

Даже Пеннъ, при всей неумѣренности и близорукости своего рвенія о декларацiи, кажется, понималъ, что пристрастіе, съ какимъ католики осыпались почестями и деньгами, могло весьма естественно возбудить зависть націи. Онъ признавалъ, что, въ случаѣ отмѣны Test Act'а, протестанты имѣли право на полученіе какого-нибудь эквивалента, и даже предлагалъ различные эквиваленты. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль слово *equivalent*, незадолго передъ тѣмъ заимствованное изъ Франціи, не сходило съ языка у всѣхъ ораторовъ кофейныхъ домовъ; но наконецъ нѣсколько остроумно-логическихъ и утонченно-саркастическихъ

страницъ, написанныхъ Галифаксомъ, положили конецъ этимъ пустымъ проектамъ. Одинъ изъ плановъ Пенна состоялъ въ томъ, чтобы изданъ былъ законъ, по которому патронатъ короны раздѣлился бы на три равныя части, и чтобы члены Римской церкви допускались только къ одной изъ этихъ частей. Даже и при такомъ порядкѣ, члены Римской церкви получили бы въ двадцать разъ болѣе надлежащаго числа оффиціяльныхъ должностей; а между тѣмъ нѣтъ никакого основанія думать, чтобы король согласился даже и на такую сдѣлку. Но, еслибы онъ и согласился, какое ручательство могъ бы онъ дать, что онъ останется вѣренъ своему обязательству? Дилемма, предложенная Галифаксомъ, была неотразима. Если законы обязательны для васъ, соблюдайте законъ, который уже существуетъ. Если законы не обязательны для васъ, въ такомъ случаѣ не къ чему предлагать намъ законъ въ обезпеченіе. (*)

Ясно, поэтому, что дѣло было не въ томъ, слѣдовало ли открыть доступъ къ свѣтскимъ должностямъ для всѣхъ сектъ безразлично. Пока Іаковъ былъ королемъ, устраненіе отъ должностей было неизбѣжно; а потому весь вопросъ заключался въ томъ, кто долженъ былъ подлежать устраненію: паписты или протестанты, меньшинство или большинство, сотня тысячъ или пять милліоновъ англичанъ.

Таковы тѣ важные доводы, посредствомъ которыхъ образъ дѣйствій принца Оранскаго относительно англійскихъ католиковъ можетъ быть соглашенъ съ принципами религіозной свободы. Эти доводы, надо замѣтить, отнюдь не касаются римско-католическаго богословія. Замѣтимъ также, что они утратили всю свою силу, когда корона перешла къ протестантскимъ государямъ, и когда могущество палаты общинъ въ государствѣ пріобрѣло такой рѣшительный перевѣсъ, что ни одинъ государь, каковы бы ни были его мнѣнія или наклонности, не могъ бы послѣдовать примѣру Іакова. Нація, впрочемъ, послѣ столькихъ тревогъ, бореній и опасностей, была въ подозрительномъ и мстительномъ располо-

---

(*) Johnstone, Jan. 13. 1688; Halifax's «*Anatomy of an Equivalent.*»

женіи духа. Поэтому, средства защиты, которыя нѣкогда оправдывались и которыя могли оправдываться одною лишь необходимостью, упорно употреблялись еще долго послѣ того, какъ необходимость прекратилась, и были покинуты только послѣ многолѣтней борьбы народнаго предубѣжденія со здравымъ смысломъ. Но во время Іакова здравый смыслъ и народное предубѣжденіе были на одной и той же сторонѣ. Фанатики и невѣжды желали устранить католика отъ государственной службы, потому что онъ обожалъ дерево и камни, потому что онъ былъ отмѣченъ печатью Звѣря, потому что онъ сжегъ Лондонъ, потому что онъ удушилъ сэра Эдмондсбёри Годфри; разсудительные и чуждые нетерпимости государственные люди, смѣясь надъ предразсудками простаго народа, въ свою очередь, только совершенно инымъ путемъ, приходили къ тому же самому заключенію.

Главною цѣлью Вильгельма было теперь соединить въ одно цѣлое многочисленныя факціи, смотрѣвшія на него какъ на своего общаго главу. Въ этомъ дѣлѣ онъ имѣлъ нѣсколькихъ способныхъ и надежныхъ помощниковъ, изъ которыхъ особенно полезными были двое: Борнетъ и Диквельтъ.

Вражда Іакова къ Борнету.

Услугами Борнета надобно было пользоваться съ нѣкоторою осторожностью. Благосклонный пріемъ, оказанный ему въ Гагѣ, возбудилъ ярость Іакова. Марія получила отъ отца два письма, исполненныя бранныхъ выраженій противъ наглаго и мятежнаго богослова, которому она покровительствовала. Но эти обвиненія произвели на нее такъ мало дѣйствія, что она послала отцу отвѣты, продиктованные ей самимъ Борнетомъ. Наконецъ, въ январѣ 1687 года, король прибѣгнулъ къ болѣе строгимъ мѣрамъ. Скельтонъ, представитель англійскаго правительства въ Соединенныхъ провинціяхъ, переведенъ былъ въ Парижъ, а на его мѣсто назначенъ былъ Альбевилль, самый безнравственный и низкій изъ всѣхъ членовъ іезуитской кабали. Деньги были единственною цѣлью Альбевилля, и онъ бралъ ихъ отъ кого ни попало. Онъ получалъ взятки и отъ Франціи, и отъ Голландіи. Мало того: онъ безъ всякихъ околичностей принималъ такіе ничтожные подарки, которые скорѣе были бы подъ стать носильщику или лакею, нежели посланнику, удостоенному титуловъ анг-

лійскаго баронета и иностраннаго маркиза. Однажды онъ безъ малѣйшаго затрудненія принялъ пятьдесятъ пистолей въ награду за услугу, оказанную имъ генеральнымъ штатамъ. Этому-то человѣку поручено было потребовать удаленія Борнета изъ Гаги. Вильгельмъ, не желавшій разстаться съ драгоцѣннымъ для него другомъ, отвѣтилъ сначала съ обычною своею холодностью: «Мнѣ неизвѣстно, сэръ, чтобы докторъ, въ бытность свою здѣсь, сдѣлалъ или сказалъ что-нибудь такое, на что его величество могъ бы справедливо пожаловаться.» Но Іаковъ былъ настойчивъ; пора для открытаго разрыва еще не настала; и потому необходимо было сдѣлать уступку. Болѣе полутора года Борнетъ ни разу не показывался ни у принца, ни у принцессы; но онъ жилъ неподалеку отъ нихъ; онъ получалъ обстоятельныя свѣдѣнія обо всемъ, что ни происходило; къ нему постоянно обращались за совѣтомъ; его перо употребляли во всѣхъ важныхъ случаяхъ; и многіе изъ самыхъ ѣдкихъ и мѣткихъ памфлетовъ, которые около того времени появились въ Лондонѣ, справедливо приписывались ему.

Іаковъ былъ внѣ себя отъ ярости. Онъ всегда былъ не въ мѣру склоненъ къ гнѣвнымъ страстямъ. Но никакіе его враги, ни даже тѣ, которые умышляли противъ его жизни, ни даже тѣ, которые пытались клятвопреступнымъ образомъ обвинить его въ измѣнѣ и смертоубійствѣ, никогда не возбуждали въ немъ такой злобы, какую питалъ онъ къ Борнету. Его величество ежедневно ругалъ доктора недостойными короля выраженіями и обдумывалъ планы беззаконнаго отмщенія. Даже кровь не утолила бы этой бѣшеной ненависти. Наглый богословъ долженъ былъ бы, прежде казни, подвергнуться жестокимъ истязаніямъ. Къ счастью, онъ былъ шотландецъ родомъ; а въ Шотландіи, прежде чѣмъ повѣсить его на Грассмаркетѣ, можно было бы переломать ему члены пыточными колодками. Вслѣдствіе этого, противъ него начатъ былъ искъ въ Эдинбургѣ; но такъ какъ онъ натурализовался въ Голландіи и женился на богатой уроженкѣ этой провинціи, то не подлежало сомнѣнію, что новое его отечество не выдало бы его. Поэтому рѣшено было его похитить. Для исполненія этого опаснаго и безчестнаго дѣла, нанято было за боль-

Digitized by Google

шія деньги нѣсколько разбойниковъ. Въ канцеляріи статсъ-секретаря заготовленъ былъ по этому случаю проектъ ордера о выдачѣ трехъ тысячъ фунтовъ. Людовикъ, извѣщенный объ умыслѣ, принялъ въ немъ горячее участіе. Онъ обѣщалъ оказать всевозможное содѣйствіе для доставленія бездѣльника въ Англію и ручался, что орудія мести Іакова найдутъ безопасное убѣжище во Франціи. Борнетъ очень хорошо зналъ о грозившей ему опасности; но робость не принадлежала къ числу его недостатковъ. Онъ издалъ мужественный отвѣтъ на обвиненія, которыя взводились на него въ Эдинбургѣ. Ему было извѣстно, говорилъ онъ, что его намѣрены были казнить безъ суда; но онъ возложилъ свое упованіе на Царя царей, къ Которому невинная кровь не напрасно вопіетъ даже противъ могущественнѣйшихъ изъ земныхъ владыкъ. Онъ далъ своимъ друзьямъ прощальный обѣдъ и потомъ торжественно простился съ ними, какъ человѣкъ, обреченный на смерть, съ которымъ уже не безопасно было имѣть сношенія. Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ такъ смѣло показываться во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ Гаги, что друзья сильно упрекали его за безумную отвагу. (a)

Посольство Диквельта въ Англію

Между тѣмъ какъ Борнетъ былъ секретаремъ Вильгельма по англійскимъ дѣламъ въ Голландіи, Диквельтъ имѣлъ не менѣе важное назначеніе въ Лондонѣ. Диквельтъ былъ однимъ изъ представителей замѣчательнаго класса государственныхъ лю-

---

(a) Burnet, I. 726—731.; «*Answer to the Criminal Letters issued out against Dr. Burnet*»; Avaux, 7/17, 14/24 и 28 іюня/7 авг. 1687, 19/29 янв. 1688; Людовикъ къ Барильону, 30 дек. 1687/9 янв. 1688; Johnstone of Waristoun, Feb. 21. 1688; леди Россель къ д-ру Фицвилліаму, 5 окт. 1687. Такъ какъ существовало предположеніе, что Борнетъ, который, конечно, былъ не прочь похвастать своимъ значеніемъ, преувеличивалъ грозившую ему опасность, то я приведу слова Людовика и Джонстона. «Qui que ce soit, говоритъ Людовикъ, qui entreprenne de l'enlever en Hollande trouvera non seulement une retraite assurée et une entière protection dans mes états, mais aussi toute l'assistance qu'il pourra désirer pour faire conduire surement ce scélérat en Angleterre.» «Козни противъ Бамфильда (Борнета) — сущая правда, говоритъ Джонстонъ. Никто здѣсь не сомнѣвается въ нихъ, и даже нѣкоторые

дей, которые, приготовившись къ политической дѣятельности въ благородной школѣ Іоанна Де-Витта, пришли, послѣ паденія этого великаго министра, къ тому убѣжденію, что самымъ лучшимъ для нихъ средствомъ исполнить свой долгъ относительно республики было соединиться вокругъ принца Оранскаго. Изъ дипломатовъ, состоявшихъ на службѣ у Соединенныхъ провинцій, ловкостью, хладнокровіемъ и манерами никто не превосходилъ Диквельта. Въ знаніи англійскихъ дѣлъ не было между ними ни одного равнаго ему соперника. Въ началѣ 1687 года нашелся предлогъ отправить его чрезвычайнымъ посланникомъ въ Англію съ вѣрительными грамотами отъ генеральныхъ штатовъ. Въ дѣйствительности же онъ былъ посланъ не къ правительству, а къ оппозиціи, и въ дѣйствіяхъ своихъ руководился секретными инструкціями, которыя были составлены Борнетомъ и одобрены Вильгельмомъ. (a)

Переговоры Диквельта съ англійскими государственными людьми

Диквельтъ донесъ, что Іаковъ былъ жестоко оскорбленъ образомъ дѣйствій принца и принцессы. «Обязанность моего племянника, сказалъ король, поддерживать меня; но онъ всегда находилъ какое-то удовольствіе перечить мнѣ.» Диквельтъ отвѣтилъ, что въ дѣлахъ частнаго интереса его высочество оказывалъ и готовъ оказывать всевозможное вниманіе къ желаніямъ короля; но что едва ли благоразумно было ожидать помощи протестантскаго принца противъ протестантской религіи. (b) Король

изъ соучастниковъ не отвергаютъ ихъ дѣйствительности. Его друзья говорятъ, что до нихъ дошли слухи, будто бы онъ не бережется и изъ тщеславія, чтобы показать свою храбрость, показываетъ свое безразсудство; такъ что, если съ нимъ случится какая-нибудь бѣда, всѣ будутъ смѣяться надъ нимъ. Пожалуйста, скажите ему это отъ имени Джонса (Джонстона). Еслибы можно было схватить молодцевъ, когда они будутъ дѣлать на немъ свой coup d'essai, это отбило бы у нихъ охоту отъ всякаго покушенія противъ Огля (принца).»

(a) Burnet, I. 708.; Avaux, $^{3}/_{13}$ янв., $^{6}/_{16}$ фев. 1687; Van Kamper, «*Karakterkunde der Vaderlandsche Geschiedenis.*»

(b) Burnet, I. 711. Депеши Диквельта къ генеральнымъ штатамъ, сколько мнѣ извѣстно, не содержатъ ни слова о дѣйствительной цѣли его посольства. Переписка его съ принцемъ Оранскимъ была весьма секретной.

замолчалъ, но не успокоился. Онъ не могъ скрыть своего неудовольствія при видѣ того, что Диквельтъ собиралъ во-едино и дисциплинировалъ всѣ различныя части оппозиціи съ ловкостью, которая сдѣлала бы честь искуснѣйшему англійскому государственному человѣку и была удивительною въ иностранцѣ. Духовенству голландскій посланникъ говорилъ, что оно найдетъ въ принцѣ поборника епископства и англиканской литургіи. Нонконформистамъ обѣщалъ онъ отъ Вильгельма не только терпимость, но и возсоединеніе съ Англійскою церковью. Даже католики были привлечены на сторону принца; нѣкоторые изъ наиболѣе почтенныхъ между ними объявили, въ глаза королю, что они были довольны предложеніями Диквельта и обезпеченную статутомъ терпимость предпочитали незаконному и временному преобладанію (a). Вожди всѣхъ значительныхъ факцій нерѣдко совѣщались между собою въ присутствіи ловкаго посланника. Главными представителями торійской партіи въ этихъ собраніяхъ были графы Данби и Нот-
Данби тингамъ. Хотя со времени паденія Данби прошло уже болѣе восьми лѣтъ, однако его авторитетъ все еще былъ силенъ между старыми англійскими кавалерами; даже многіе изъ тѣхъ виговъ, которые прежде преслѣдовали его, готовы были теперь признать, что онъ пострадалъ не за свои грѣхи, и что его рвеніе о прерогативѣ, часто сбивавшее его съ настоящаго пути, умѣрялось двумя похвальными чувствами: рвеніемъ объ установленной религіи и рвеніемъ о достоинствѣ и независимости отечества. Онъ пользовался также большимъ уваженіемъ въ Гагѣ, гдѣ никогда не забывали того, что онъ, вопреки вліянію Франціи и папистовъ, убѣдилъ Карла отдать руку леди Маріи ея двоюродному брату.

Нотингамъ. Даніэль Финчъ, графъ Нотингамъ, нобльменъ, имя котораго часто будетъ встрѣчаться въ исторіи трехъ богатыхъ событіями царствованій, происходилъ отъ знаменитой фамиліи юристовъ. Одинъ изъ его родственниковъ былъ хранителемъ печати при Карлѣ I, употребилъ во зло свои превосходныя дарованія и ученость и навлекъ на себя мщеніе англійскихъ общинъ, во главѣ

(a) Bonrepaux, $^{12}/_{22}$ сент. 1687.

которыхъ стоялъ тогда Фокландъ. Болѣе почтенной славы достигъ въ слѣдующемъ поколѣніи Гениджъ Финчъ. Онъ, немедленно послѣ Реставраціи, назначенъ былъ генералъ-солиситоромъ. Потомъ онъ былъ возведенъ въ званія генералъ-атторнея, лорда хранителя печати, лорда-канцлера, барона Финча и графа Ноттингама. Въ теченіе этой блестящей карьеры онъ всегда поддерживалъ королевскую прерогативу, насколько ему позволяли честь и приличіе, но никогда не участвовалъ ни въ какихъ злоумышленіяхъ противъ основныхъ законовъ государства. Среди развратнаго двора онъ оставался безукоризненно честнымъ человѣкомъ. Онъ пользовался славою замѣчательнаго оратора, хотя его краснорѣчіе, выработавшееся по образцамъ, предшествовавшимъ междоусобной войнѣ, было, къ концу его жизни, признано остроумцами молодаго поколѣнія чопорнымъ и педантическимъ. Въ Вестминстерской залѣ имя его до сихъ поръ вспоминается съ уваженіемъ, какъ имя человѣка, который изъ хаоса, съ незапамятныхъ временъ носившаго названіе справедливости, *equity*, первый извлекъ новую систему юриспруденціи, столь же правильную и полную, какъ та, которая дѣйствуетъ въ судахъ общаго права. (*) Значительная часть нравственныхъ и умственныхъ качествъ этого великаго юриста перешла съ титуломъ Ноттингама къ старшему его сыну. Сынъ этотъ, графъ Даніэль, былъ человѣкъ почтенный и добродѣтельный. Хотя онъ подчинялся нѣкоторымъ нелѣпымъ предразсудкамъ и подвергался страннымъ припадкамъ каприза, однако его нельзя обвинить, чтобы онъ, ради незаконной корысти или незаконнаго удовольствія, уклонялся съ прямой дороги. Подобно своему отцу, онъ былъ замѣчательнымъ ораторомъ. Рѣчи его производили впечатлѣніе, но были многословны и слишкомъ однообразно торжественны. Личность оратора вполнѣ гармонировала съ его краснорѣчіемъ. Его осанка была необыкновенно чопорна; цвѣтъ лица у него былъ до того смуглъ, что его можно было принять за уроженца страны болѣе жаркой, чѣмъ наше отечество; а суровыя черты придавали его физіономіи такое выра-

(*) См. Lord Campbell's «*Lives of the Lord Chancellors of England.*»

женіе, которое дѣлало его похожимъ на предводителя погребальнаго шествія. Вообще говорили, что онъ походилъ скорѣе на испанскаго гранда, нежели на англійскаго джентльмена. Прозвище Дизмаль (*), донъ Дизмалло и донъ Діего, данныя ему шутниками, до сихъ поръ не забыты. Онъ прилежно занимался наукою, послужившею основою величія его фамиліи, и, для аристократа и богача, былъ удивительно свѣдущъ въ законахъ своего отечества. Онъ былъ преданнымъ сыномъ Англиканской церкви и доказывалъ свое уваженіе къ ней двоякимъ образомъ, необыкновеннымъ между тѣми лордами, которые въ его время хвастались, что были лучшими ея друзьями, а именно: писалъ трактаты въ защиту ея догматовъ и сообразовалъ частную свою жизнь съ ея правилами. Подобно другимъ ревностнымъ церковникамъ, онъ долгое время былъ горячимъ поборникомъ монархической власти. Но къ политикѣ, которую правительство усвоило себѣ послѣ подавленія Западнаго возстанія, онъ относился крайне враждебно, тѣмъ болѣе, что его младшій братъ, Генриджъ, былъ удаленъ отъ должности генералъ-солиситора за отказъ защищать разрѣшительную власть короля. (*)

Галифаксъ. Къ этимъ двумъ вельможнымъ торіямъ присоединился Галифаксъ, знаменитый вождь триммеровъ. На Ноттингама Галифаксъ имѣлъ въ это время огромное вліяніе. Между Галифаксомъ и Даньи существовала непріязнь, начавшаяся при дворѣ Карла и впослѣдствіи тревожившая дворъ Вильгельма, но, подобно многимъ другимъ непріязнямъ, остававшаяся бездѣйственною во время тираніи Іакова. Враги часто встрѣчались на совѣщаніяхъ у Диквельта и сходились въ выраженіи отвращенія къ политикѣ правительства и уваженія къ принцу Оранскому. Различіе характеровъ этихъ двухъ государственныхъ людей рѣзко проявлялось въ ихъ сношеніяхъ съ голландскимъ посланникомъ. Галифаксъ обнаруживалъ удивительный діалектическій талантъ,

---

(*) *Dismal* значитъ *пасмурный, угрюмый.*

(*) Johnstone's «*Correspondence*»; Mackay's «*Memoirs*»; Arbuthnot's «*John Bull*»; Swift's «*Writings from 1710 to 1714*», passim; Whiston's «*Letter to the Earl of Nottingham, and the Earl's Answer.*»

но уклонялся отъ смѣлыхъ и непреложныхъ рѣшеній. Данби, гораздо менѣе тонкій и краснорѣчивый, превосходилъ его энергіею, безстрашіемъ и практическою замысловатостью.

Многіе изъ знатныхъ виговъ находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Диквельтомъ; но представители могущественныхъ домовъ Кавендишей и Росселей не могли принять въ этихъ переговорахъ такого дѣятельнаго и рѣшительнаго участія, какого можно было ожидать отъ ихъ общественнаго положенія и политическихъ мнѣній. Слава и богатство Девоншира подвергались въ это время невзгодѣ. Онъ имѣлъ неосторожность повздорить съ дворомъ, не изъ-за какого-нибудь общественнаго и почтеннаго дѣла, но изъ-за частной ссоры, въ которой даже самые горячіе его друзья не могли признать его совершенно невиннымъ. Явившись однажды въ Вайтголль засвидѣтельствовать почтеніе королю, онъ былъ оскорбленъ тамъ нѣкоимъ Кольпеппером, однимъ изъ тѣхъ головорѣзовъ, которые кишѣли въ переднихъ дворца и старались поддѣлаться къ правительству, оскорбляя членовъ оппозиціи. Самъ король выразилъ сильное негодованіе по поводу обиды, нанесенной подъ королевскою кровлею одному изъ знатнѣйшихъ перовъ. Девонширъ былъ успокоенъ увѣреніемъ, что обидчикъ никогда болѣе не будетъ допускаемъ во дворецъ. Запрещеніе, однако, скоро было отмѣнено. Гнѣвъ Девоншира пробудился съизнова. За графа стали его слуги. Драки, напоминавшія собою сцены болѣе грубаго вѣка, тревожили улицы Вестминстера. Разборъ взаимныхъ обвиненій противоположныхъ сторонъ отнималъ все время у тайнаго совѣта. Жена Кольпеппера жаловалась, что ей и мужу ея грозила опасность лишиться жизни, и что на ихъ домъ сдѣлано было нападеніе разбойниками въ ливреѣ Кавендиша. Девонширъ возражалъ, что въ него стрѣляли изъ оконъ Кольпеппера. Противная сторона рѣшительно отрицала правдивость этого показанія. Она соглашалась, что выстрѣлъ изъ пистолета холостымъ зарядомъ дѣйствительно былъ сдѣланъ, но говорила, что это совершено было въ минуту испуга, единственно съ цѣлью призвать на помощь гвардейцевъ. Въ самый разгаръ этой распри, графъ встрѣтилъ Кольпеппера въ пріемной залѣ Вайтголля и замѣтилъ выраженіе торжества

Девонширъ

и презрѣнія на лицѣ забіяки. Въ присутствіи короля не произошло ничего неприличнаго; но какъ только враги вышли изъ аудіенцъ-залы, Девонширъ предложилъ немедленно рѣшить споръ дуэлью. Вызовъ былъ отвергнутъ. Тогда высокомѣрный перъ, забывъ должное уваженіе къ мѣсту, гдѣ находился, и къ собственному сану, ударилъ Кольпеппера тростью по лицу. Всѣ классы общества единодушно порицали этотъ поступокъ, какъ дѣло крайне неблагоразумное и неприличное; да и самъ Девонширъ, поостывши, не могъ подумать о немъ безъ стыда и досады. Правительство, однако, съ обычнымъ своимъ безразсудствомъ, отнеслось къ нему такъ строго, что въ короткое время сочувствіе публики перешло вполнѣ на сторону графа. Уголовный искъ начался въ судѣ королевской скамьи. Отвѣтчикъ протестовалъ во имя привилегій перства; но по этому вопросу не замедлило состояться рѣшеніе противъ него: и нельзя не согласиться, что это рѣшеніе — сообразовалось или не сообразовалось оно съ буквою англійскихъ законовъ — было въ строгомъ согласіи съ великими началами, на которыхъ должны бы основываться всѣ возможные законы. Такимъ образомъ подсудимому не осталось ничего болѣе, какъ признать себя виновнымъ. Судъ королевской скамьи, посредствомъ цѣлаго ряда отставокъ, доведенъ былъ до такой безусловной покорности, что предоставилъ правительству, начавшему искъ, опредѣлить мѣру наказанія. Судьи отправились всѣмъ обществомъ къ Джеффризу, который настаивалъ, чтобы они назначили не менѣе 30,000 фунтовъ пени. Тридцать тысячь фунтовъ, въ сравненіи съ доходами англійскихъ вельможъ того времени, представляли собою цѣнность, равную полутораста тысячамъ фунтовъ въ XIX столѣтіи. Въ присутствіи канцлера не было произнесено ни одного возраженія; но, когда судьи удалились, сэръ Джонъ Повелль, въ которомъ сосредоточивалась вся малая доля честности судейскаго сословія, пробормоталъ, что предложенная пеня была чудовищна, и что десятой части ея было бы вполнѣ достаточно. Его товарищи не согласились съ нимъ; да и самъ онъ въ этомъ случаѣ не показалъ такого мужества, какимъ въ достопамятный день, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, возстановилъ свою славу. И такъ графъ былъ приго-

воренъ къ штрафу въ 30,000 фунтовъ и къ тюремному заключенію до уплаты всей суммы. Достать такую сумму въ одинъ день было тогда не подъ силу даже богатѣйшему изъ аристократовъ. Что же касается до приговора о тюремномъ заключеніи, то его легче было постановить, нежели исполнить. Девонширъ удалился въ Чатсвортъ, гдѣ старинный готическій замокъ его предковъ передѣлывался въ зданіе, достойное Палладія. Пикъ въ тѣ времена былъ почти такою же глушью, какъ теперь Конемара; а потому шерифъ — справедливо ли, нѣтъ ли — нашелъ затруднительнымъ арестовать владѣльца такой дикой мѣстности среди преданныхъ ему слугъ и арендаторовъ. Такимъ образомъ выиграно было нѣсколько дней; но наконецъ и графъ и шерифъ были заключены въ тюрьму. Между тѣмъ цѣлая толпа ходатаевъ старалась помочь узнику своимъ вліяніемъ. Носились слухи, что вдовствующая графиня Девонширъ получила доступъ въ королевскій кабинетъ, что она напомнила Іакову, какъ ея деверь, храбрый Чарльзъ Кавендишъ, палъ при Гензборо, сражаясь за корону, и что она представила росписки Карла I и Карла II въ полученіи большихъ суммъ, данныхъ въ займы ея мужемъ во время междоусобныхъ смутъ. Эти займы, по которымъ никогда не производилось платежей, вмѣстѣ съ процентами превышали, какъ говорятъ, огромный штрафъ, наложенный судомъ королевской скамьи. Было и другое соображеніе, которое, кажется, имѣло болѣе значенія для короля, нежели воспоминаніе о прежнихъ услугахъ. Могла встрѣтиться необходимость созвать парламентъ. Въ случаѣ такого созванія, Девонширъ не преминулъ бы протестовать противъ неправильнаго рѣшенія своего дѣла. Обстоятельство, по которому онъ намѣревался подать апелляцію на приговоръ суда королевской скамьи, касалось привилегій перства. Трибуналомъ, куда долженствовала поступить апелляція, была палата перовъ. Въ дѣлѣ такого рода дворъ не могъ разсчитывать на поддержку даже самыхъ угодливыхъ нобльменовъ. Почти не подлежало сомнѣнію, что приговоръ былъ бы уничтоженъ, и что правительство, домогаясь слишкомъ многаго, потеряло бы все. Поэтому, Іаковъ былъ не прочь отъ компромисса. Девонширу было объявлено, что еслибы онъ далъ долговое обязательство

на всю сумму штрафа и такимъ образомъ отказался отъ выгоды, которую могъ бы получить отъ апелляціи, въ такомъ случаѣ двери тюрьмы раскрылись бы передъ нимъ. Предъявленіе или непредъявленіе обязательства ко взысканію зависѣло бы отъ дальнѣйшаго поведенія графа. Еслибы онъ сталъ поддерживать разрѣшительную власть, отъ него ничего не потребовалось бы. Еслибы онъ погнался за популярностью, ему пришлось бы заплатить за нее 30,000 фунтовъ. Въ теченіе нѣкотораго времени онъ отказывался согласиться на эти условія; но заточеніе было невыносимо для него. Онъ подписалъ обязательство и былъ выпущенъ изъ тюрьмы; однако, хотя онъ и согласился обременить свое имѣніе этимъ тяжкимъ условіемъ, ничто не могло вынудить у него обѣщанія отказаться отъ своихъ принциповъ и своей партіи. Ему по прежнему довѣрялись всѣ тайны оппозиціи; но въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ его политическіе друзья считали за лучшее какъ для него самого, такъ и для общаго дѣла, чтобы онъ оставался на заднемъ планѣ. (a)

Эдвардъ Россель. Графъ Бедфордъ до самой смерти своей не могъ оправиться послѣ великаго бѣдствія, которое, четыре года назадъ, почти сокрушило его сердце. Какъ по личнымъ чувствамъ, такъ и по политическимъ убѣжденіямъ, онъ былъ враждебенъ двору, но не принималъ дѣятельнаго участія въ умыслахъ противъ него. Мѣсто его въ собраніяхъ недовольныхъ занималъ его племянникъ, знаменитый Эдвардъ Россель, человѣкъ несомнѣнно храбрый и даровитый, но шаткихъ правилъ и буйнаго нрава. Онъ былъ морякомъ, отличился въ морской службѣ и въ предшествовавшее царствованіе занималъ одну изъ придворныхъ должностей. Но всѣ

(a) Kennet's «*Funeral Sermon on the Duke of Devonshire*» и «*Memoirs of the family of Cavendish*»; «*State Trials*»; Privy Council Book, March 5. 168⁸/₉; Barillon, $\frac{30\ \text{июня}}{10\ \text{июля}}$ 1687; Johnstone, Dec. ⁸/₁₈ 1687; Lord's Journals, May 6. 1689. «Ses amis et ses proches, говоритъ Барильонъ, lui conseillent de prendre le bon parti, mais il persiste jusqu' à présent à ne se point soumettre. S'il vouloit se bien conduire et renoncer à être populaire, il ne payeroit pas l'amende, mais s'il opiniâtre, il lui en coûtera trente mille pièces, et il demeurera prisonnier jusqu'à l'actuel payement.»

узы, привязывавшія его къ королевской фамиліи, порваны были казнью его двоюроднаго брата Вилліама. Отважный, безпокойный и мстительный морякъ засѣдалъ теперь въ собраніяхъ у голландскаго посланника въ качествѣ представителя самой смѣлой и самой рьяной части оппозиціи, въ качествѣ представителя тѣхъ людей, которые, подъ названіемъ круглоголовыхъ, эксклюзіонистовъ и виговъ, съ перемѣннымъ счастьемъ вели сорокапятилѣтнюю борьбу противъ трехъ одинъ за другимъ слѣдовавшихъ королей. Эта партія, незадолго передъ тѣмъ побѣжденная и почти подавленная, но теперь снова ожившая и быстро усиливавшаяся, не тревожилась ни однимъ изъ тѣхъ сомнѣній, которыми все еще стѣснялись торіи и триммеры, и готова была обнажить мечъ противъ тирана тотчасъ же, какъ только оказалось бы возможнымъ обнажить его съ нѣкоторою надеждою на успѣхъ.

Остается упомянуть еще о трехъ лицахъ, съ которыми Диквельтъ находился въ конфиденціяльныхъ сношеніяхъ и съ помощью которыхъ онъ надѣялся пріобрѣсти благорасположеніе трехъ великихъ сословій. Епископъ Комтонъ былъ агентомъ, Комтонъ
дѣйствовавшимъ на духовенство; адмиралъ Герберть взялся упо- Герберть.
требить въ дѣло все свое вліяніе на флотъ; а въ арміи сторонники были пріобрѣтены посредствомъ Чорчилля.

Поведеніе Комтона и Герберта не требуетъ объясненія. Ревностные и вѣрные слуги короны во всѣхъ свѣтскихъ дѣлахъ, они навлекли на себя королевское неудовольствіе тѣмъ, что отказались быть орудіями гибели своей религіи. Оба они узнали по опыту, ка́къ скоро забывалъ Іаковъ услуги и ка́къ долго помнилъ онъ то, что́ ему угодно было считать обидами. Епископъ, въ силу незаконнаго приговора, отрѣшенъ былъ отъ епископской должности. Адмиралъ въ одинъ часъ низведенъ былъ отъ роскоши къ нищетѣ. Положеніе Чорчилля было совершенно иное. Чорчилль.
Королевская милость возвела его отъ ничтожества къ вельможеству и отъ бѣдности къ богатству. Начавши свою карьеру убогимъ прапорщикомъ, онъ теперь, на тридцать седьмомъ году отъ роду, былъ генералъ-маіоромъ, шотландскимъ и англійскимъ пе́ромъ, командовалъ отрядомъ лейбъ-гвардіи, занималъ различныя почетныя и доходныя должности и повидимому не лишался еще

ни малѣйшей доли той милости, которой былъ такъ много обязанъ. Онъ былъ связанъ съ Іаковомъ не только общимъ долгомъ вѣрноподданства, но и военною честью, личною признательностью и, какъ полагали поверхностные наблюдатели, крѣпчайшими узами интереса. Но самъ Чорчилль не былъ поверхностнымъ наблюдателемъ. Онъ прекрасно понималъ, въ чемъ дѣйствительно заключался его интересъ. Еслибы его государь получилъ полную возможность опредѣлять въ службу папистовъ, ни одинъ протестантъ не удержался бы въ государственной службѣ. Немногіе слуги короны, пользовавшіеся особеннымъ благоволеніемъ, можетъ быть, и были бы изъяты на время отъ общей опалы, въ ожиданіи, что они согласятся перемѣнить свою религію. Но и эти немногіе, послѣ короткой отсрочки, пали бы одинъ за другимъ, какъ палъ уже Рочестеръ. Конечно, присоединившись къ Римской церкви, Чорчилль могъ бы предохранить себя отъ опасности и еще болѣе войти въ милость у короля; и казалось бы, что человѣкъ, который корыстолюбіемъ и низостью отличался не менѣе, чѣмъ даровитостью и храбростью, не затруднится слушать мессу. Но человѣческая натура такъ непослѣдовательна, что чувствительныя мѣста встрѣчаются даже въ загрубѣлой совѣсти. Такимъ образомъ и этотъ человѣкъ, который возвышеніемъ своимъ обязанъ былъ безчестію сестры, который находился на содержаніи у самой сумасбродной, властолюбивой и безстыдной изъ непотребницъ, и общественная жизнь котораго, не смотря на ослѣпительный блескъ генія и славы, представляетъ собою чудовищную картину всякаго рода гнусностей, слѣпо вѣровалъ въ Англиканскую церковь и трепеталъ при мысли о торжественномъ отреченіи отъ нея. Ему предстояла ужасная альтернатива. Изо всѣхъ земныхъ золъ наиболѣе страшнымъ для него была бѣдность. Единственнымъ преступленіемъ, отъ котораго содрогалось его сердце, было вѣроотступничество. А между тѣмъ, еслибы замыслы двора удались, онъ не могъ сомнѣваться, что ему скоро пришлось бы выбирать одно изъ двухъ: или бѣдность, или вѣроотступничество. Поэтому онъ рѣшился помѣшать этимъ замысламъ; и вскорѣ оказалось, что не было такого преступнаго и безчестнаго дѣла, на которое бы онъ не отважился,

чтобы избѣжать необходимости разстаться со своими мѣстами или со своею религіею. (a)

Леди Чорчилль и принцесса Анна.

Услуги, которыя Чорчилль могъ оказать оппозиціи, не ограничивались однимъ содѣйствіемъ искуснаго и храбраго военачальника. Для успѣшности плановъ Вильгельма, если не безусловно необходимо, то въ высшей степени важно было, чтобы его своячиница, имѣвшая въ порядкѣ англійскаго престолонаслѣдованія первенство передъ мужемъ своей сестры, дѣйствовала въ сердечномъ согласіи съ нимъ. Всѣ его затрудненія значительно увеличились бы, еслибы Анна объявила себя въ пользу индульгенціи. Чью сторону она приметъ,—зависѣло отъ воли другихъ. Она не отличалась самодѣятельностью мысли; и хотя въ ея характерѣ таилось наслѣдственное своенравіе и упрямство, которыя впослѣдствіи, подъ вліяніемъ державной власти и сильныхъ раздраженій, выступили наружу, однако въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, она добровольно подчинялась другой гораздо болѣе живой и властолюбивой натурѣ. Личность, которая безусловно управляла ею, была жена Чорчилля, женщина, имѣвшая впослѣдствіи большое вліяніе на судьбу Англіи и Европы.

Имя этой знаменитой фаворитки было Сара Дженнингзъ. Старшая ея сестра, Франсизъ, отличалась красотою и вѣтреностью даже въ толпѣ красивыхъ лицъ и вѣтренныхъ характеровъ, украшавшихъ и позорившихъ Вайтголль въ теченіе дикаго карнавала Реставраціи. Однажды Франсизъ, нарядившись апельсинщицею, кричала по улицамъ: «апельсины, померанцы хорошіе!» (b) Степенные люди предсказывали, что дѣвица, у которой было такъ мало скромности и деликатности, не легко най-

---

(a) Причина, побудившая Чорчиллей избрать тотъ, а не другой образъ дѣйствій, коротко и ясно изложена въ «*Duchess of Marlborough's Vindication*».—«Для всѣхъ и каждаго, говоритъ герцогиня, очевидно было, что, при томъ образѣ дѣйствій, котораго держался король Іаковъ, всякому, кто не согласился бы сдѣлаться католикомъ, пришлось бы раньше или позже разориться. Это соображеніе заставило меня отъ души радоваться предпріятію принца Оранскаго, рѣшившагося избавить насъ отъ рабства.»

(b) «*Mémoires de Grammont*»; Pepys's «*Diary*», Feb. 21. 168¹/₂.

Digitized by Google

детъ себѣ мужа. Она, однако, два раза выходила за-мужъ и была теперь женою Тирконнеля. Сара, уступавшая ей въ красотѣ, едва ли не превосходила ее привлекательностью. У нея было выразительное лицо; станъ ея отличался всѣми женскими прелестями; обиліе прекрасныхъ ея волосъ, еще не обезображенныхъ пудрою по той варварской модѣ, до которой она потомъ дожила, восхищало многочисленныхъ ея поклонниковъ. Изъ ухаживавшихъ за нею кавалеровъ болѣе всѣхъ приглянулся ей молодой, красивый, изящный, вкрадчивый, краснорѣчивый и храбрый полковникъ Чорчилль. Онъ, надо полагать, былъ дѣйствительно влюбленъ. У него не было почти никакого состоянія, за исключеніемъ пожизненной ренты, которую купилъ онъ на позорныя деньги, подаренныя ему герцогинею Кливландъ; онъ ненасытно алкалъ сокровищъ; Сара была бѣдна; ему предлагали жениться на простой дѣвушкѣ съ огромнымъ состояніемъ. Любовь, послѣ нѣкоторой борьбы, взяла въ немъ верхъ надъ скупостью; супружество только усилило его страсть; Сара до послѣдняго часа его жизни оставалась единственнымъ существомъ, которое могло сбивать съ толку этотъ проницательный и твердый умъ, которое было пламенно любимо этимъ холоднымъ сердцемъ, и котораго рабски боялся этотъ безстрашный духъ.

Въ матеріальномъ отношеніи вѣрная любовь Чорчилля была щедро вознаграждена. Его далеко не богатая невѣста принесла ему такое приданое, съ помощью котораго онъ успѣлъ сдѣлаться англійскимъ герцогомъ, имперскимъ княземъ, главнокомандующимъ великой коалиціи, посредникомъ между могущественными государями и — что для него было всего дороже — богатѣйшимъ человѣкомъ въ Европѣ. Сара съ дѣтства воспитывалась вмѣстѣ съ принцессою Анною. Между обѣими дѣвицами возникла тѣсная дружба. Характерами онѣ очень мало походили другъ на друга. Анна была неповоротлива и молчалива. Тѣмъ, кого она любила, она подчинялась. Гнѣвъ у нея выражался надутымъ видомъ. Она была очень религіозна и до изувѣрства привязана къ обрядамъ и устройству Англійской церкви. Сара была бойка и говорлива, любила господствовать даже надъ тѣми, къ кому относилась наиболѣе благосклонно, и, когда бывала оскорб-

лена, изливала свое бѣшенство слезами и бурными упреками. На святость не имѣла она ни малѣйшаго притязанія и только-что не подвергалась обвиненію въ невѣріи. Она еще не была тѣмъ, чѣмъ сдѣлалась впослѣдствіи, когда одинъ разрядъ пороковъ вполнѣ развился въ ней подъ вліяніемъ благоденствія, а другой—подъ вліяніемъ злополучія, когда успѣхъ и ласкательство вскружили ей голову, когда невзгоды и оскорбленія ожесточили ея сердце. Она дожила до того, что изъ нея вышло самое ненавистное и жалкое созданіе, старая корга, враждебная всему человѣческому роду, враждебная собственнымъ дѣтямъ и внукамъ, знатная, конечно, и богатая, но цѣнившая знатность и богатства преимущественно потому, что они давали ей возможность презирать общественное мнѣніе и необузданно предаваться ненависти къ живымъ и мертвымъ. Въ царствованіе Іакова она считалась просто гордою красавицей, которая по временамъ являлась брюзгливой и своенравной, но недостатки которой легко прощались ради ея прелестей.

Извѣстно, что различіе вкусовъ, понятій и нравовъ не препятствуетъ дружбѣ, и что тѣснѣйшія связи часто существуютъ между такими лицами, изъ которыхъ каждое пополняетъ то, чего не достаетъ другому. Леди Чорчилль была любима и даже обожаема Анною. Принцесса не могла жить безъ предмета своей романической страсти. Она вышла за-мужъ и была вѣрною и даже нѣжною женою. Но принцъ Георгъ, тупой человѣкъ, любимыми удовольствіями котораго были ѣда и питьё, не пріобрѣлъ надъ нею такого вліянія, какимъ пользовалась ея подруга, и вскорѣ самъ съ глупымъ терпѣніемъ подчинился господству того пылкаго и повелительнаго духа, который управлялъ его женою. У царственной четы родились дѣти. Анна отнюдь не была лишена материнскихъ чувствъ; но нѣжность, которую она питала къ своимъ дѣтямъ, была слаба въ сравненіи съ ея привязанностью къ подругѣ ея дѣтства. Этикетъ, стѣснявшій эту дружбу, сдѣлался наконецъ невыносимъ для принцессы. Она не могла слышать словъ: «государыня» и «ваше высочество» изъ устъ той, которая для нея была дороже сестры. Такія слова, конечно, были необходимы въ галлереѣ или пріемной залѣ; но въ кабинетѣ они

не употреблялись. Анна была мистриссъ Морли, леди Чорчилль была мистриссъ Фриманъ. Подъ этими дѣтскими именами въ теченіе двадцати лѣтъ велась переписка, отъ которой впослѣдствіи зависѣла участь министерствъ и династій. Но въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, Анна не имѣла еще никакой политической власти и пользовалась лишь небольшимъ патронатомъ. Ея подруга состояла при ней въ качествѣ первой статсъ-дамы и получала всего четыреста фунтовъ ежегоднаго жалованья. Впрочемъ, есть основаніе думать, что Чорчилль, даже и въ это время, находилъ возможность удовлетворять свою господствующую страсть посредствомъ женнинаго вліянія. Принцесса, не смотря на значительность своихъ доходовъ и простоту своихъ привычекъ, надѣлала долговъ, которые отецъ ея уплатилъ не безъ ропота. Носились слухи, что причиной этихъ долговъ была ея расточительная щедрость къ фавориткѣ. (*)

Наконецъ наступило время, когда эта необыкновенная дружба должна была оказать большое вліяніе на государственныя дѣла. Какую роль изберетъ Анна въ борьбѣ, потрясавшей Англію, было предметомъ глубоко-тревожныхъ ожиданій. Съ одной стороны былъ дочерній долгъ. Съ другой — интересы религіи, къ которой принцесса была искренно привязана. Менѣе косная натура, влекомая въ противоположныя направленія такими сильными и почтенными побужденіями, могла бы долгое время оставаться въ нерѣшимости. Но вліяніе Чорчиллей рѣшило вопросъ; и покровительница ихъ сдѣлалась важнымъ членомъ того обширнаго союза, главою котораго былъ принцъ Оранскій.

Диквельтъ возвращается въ Гагу съ письмами отъ многихъ знатныхъ англичанъ.

Въ іюнѣ 1687 года Диквельтъ возвратился въ Гагу. Онъ представилъ генеральнымъ штатамъ королевское посланіе, исполненное похвалъ ему за время его пребыванія въ Лондонѣ. Похвалы эти были, впрочемъ, одною формальностью. Въ частныхъ собственноручныхъ письмахъ Іаковъ горько жаловался на то, что посланникъ находился въ тѣсной связи съ самыми интеж-

(*) Перечислять всѣ книги, по которымъ я составилъ свое мнѣніе о характерѣ герцогини, было бы нескончаемо долго. Ея письма, ея оправданіе и вызванныя имъ возраженія были главными моими источниками.

ными людьми въ государствѣ и поощрялъ ихъ во всѣхъ ихъ злоумышленіяхъ. Диквельтъ привезъ съ собою также пачку писемъ отъ знатнѣйшихъ изъ лицъ, съ которыми онъ велъ переговоры въ Англіи. Лица эти вообще выражали безграничное уваженіе и преданность Вильгельму и присовокупляли, что точнѣйшія свѣдѣнія объ ихъ намѣреніяхъ получитъ онъ отъ подателя писемъ. Галифаксъ съ обычною своею тонкостью и живостью толковалъ о настоящемъ и будущемъ положеніи страны, но уклонялся отъ прямаго участія въ какомъ бы то ни было опасномъ предпріятіи. Данби писалъ болѣе смѣлымъ и рѣшительнымъ тономъ и лукаво подсмѣивался надъ опасеніями и колебаніями блестящаго своего соперника. Но самое замѣчательное письмо было отъ Чорчилля. Оно было написано съ тѣмъ природнымъ краснорѣчіемъ, которое, при всемъ невѣжествѣ автора письма, никогда не измѣняло ему въ важныхъ случаяхъ, и съ тѣмъ наружнымъ благородствомъ, которое онъ, при всемъ своемъ вѣроломствѣ, умѣлъ необыкновенно ловко усвоивать себѣ. Принцесса Анна, говорилъ онъ, приказала ему увѣрить августѣйшихъ ея родственниковъ въ Гагѣ, что она съ Божьею помощью вполнѣ рѣшилась скорѣе лишиться жизни, чѣмъ сдѣлаться вѣроотступницей. Что касается до него, то его мѣста и королевская милость не имѣли для него никакого значенія въ сравненіи съ его религіей. Онъ заключалъ свое письмо пышною фразою, гласившею, что онъ, хотя и не могъ похвалиться жизнью святаго, однако готовъ, въ случаѣ надобности, умереть смертью мученика. (*)

Посольство Зулестейна.

Посольство Диквельта было такъ успѣшно, что скоро нашелся предлогъ къ отправленію другаго агента для продолженія такъ удачно начатаго дѣла. Новый посланникъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи родоначальникомъ благородной, нынѣ угаснувшей, англійской фамиліи, былъ побочнымъ двоюроднымъ братомъ Вильгельма и носилъ титулъ, заимствованный отъ помѣстья Зулестейнъ. Родство Зулестейна съ Оранскимъ домомъ придавало

(*) Оффиціяльное посланіе, которое Диквельтъ привезъ генеральнымъ штатамъ, хранится въ гагскомъ архивѣ. Прочія письма, упомянутыя въ этомъ параграфѣ, помѣщены у Дальримпля. App. to Book V.

ему значеніе въ глазахъ публики. Онъ имѣлъ видъ храбраго воина. Правда, дипломатическими талантами и свѣдѣніями онъ далеко уступалъ Диквкльту; но даже и это обстоятельство имѣло свою выгодную сторону. Военный человѣкъ, никогда не занимавшійся политическими дѣлами, могъ, не возбуждая никакого подозрѣнія, имѣть съ англійскою аристократіею сношенія, которыя, будь онъ извѣстнымъ дипломатомъ, подверглись бы тщательному надзору. Послѣ кратковременнаго отсутствія, Зулкствйнъ возвратился на родину съ письмами и словесными порученіями, не менѣе важными, чѣмъ тѣ, которыя были ввѣрены его предшественнику. Съ этихъ поръ между принцемъ и оппозиціею установилась правильная переписка. Разнаго званія агенты то и дѣло сновали между Темзой и Гагой. Наиболѣе полезнымъ изъ нихъ былъ одинъ довольно талантливый и чрезвычайно дѣятельный шотландецъ, по имени Джонстонъ. Онъ былъ двоюроднымъ братомъ Борнкта и сыномъ именитаго ковенантера, который, вскорѣ послѣ Реставраціи, былъ казненъ за измѣну, и котораго его партія чтила какъ мученика.

Возрастающая непріязнь между Іаковомъ и Вильгельмомъ.

Разладъ между англійскимъ королемъ и принцемъ Оранскимъ съ каждымъ днемъ усиливался больше и больше. Наконецъ возникла серьёзная ссора изъ-за шести британскихъ полковъ, состоявшихъ на жалованьѣ у Соединенныхъ провинцій. Король хотѣлъ назначить командирами этихъ полковъ католическихъ офицеровъ. Принцъ рѣшительно воспротивился его намѣренію. Король прибѣгнулъ къ любимымъ своимъ фразамъ о вѣротерпимости. Принцъ отвѣтилъ, что онъ только слѣдовалъ примѣру его величества. Всѣмъ извѣстно, говорилъ онъ, что преданные и способные люди были уволены отъ службы въ Англіи за то только, что были протестантами. Поэтому штатгальтеръ и генеральные штаты, конечно, въ правѣ были не допускать папистовъ къ занятію важныхъ государственныхъ должностей. Этотъ отвѣтъ до того раздражилъ Іакова, что онъ, въ бѣшенствѣ, забылъ правдивость и здравый смыслъ «Ложь! запальчиво говорилъ онъ: я никого не увольнялъ отъ службы по религіознымъ причинамъ. Но еслибы и увольнялъ, какое до этого дѣло принцу или штатамъ? Развѣ они господа мои? Развѣ они въ правѣ творить судъ надъ дѣйствіями иностранныхъ

государей?» Съ этого времени у него родилось желаніе отозвать назадъ англійскихъ подданныхъ, состоявшихъ въ голландской службѣ. Перемѣщеніемъ ихъ въ Англію онъ разсчитывалъ усилить себя и въ то же время ослабить злѣйшихъ своихъ непріятелей. Но тутъ оказались финансовыя затрудненія, преодолѣть которыя было для него невозможно. Число войскъ, уже находившихся въ его службѣ, было такъ велико, что на содержаніе ихъ только-что хватало его доходовъ, хотя доходы у него были несравненно значительнѣе, чѣмъ у его предшественниковъ, и хотя онъ распоряжался ими весьма бережливо. Еслибы къ наличной арміи присоединились еще батальоны, находившіеся въ Голландіи, казначейство обанкрутилось бы. Нельзя ли было склонить Людовика, чтобы онъ принялъ ихъ въ свою службу? Въ такомъ случаѣ они удалились бы изъ страны, гдѣ подвергались тлетворному вліянію республиканскаго правленія и кальвинистскаго богослуженія, и очутились бы въ странѣ, гдѣ никто не дерзалъ противиться ни велѣніямъ государя, ни ученіямъ истинной церкви. Солдаты скоро разучились бы всякому политическому и религіозному еретичеству. Природный ихъ государь могъ бы всегда быстро призывать ихъ къ себѣ на помощь и могъ бы во всякомъ случаѣ полагаться на ихъ вѣрность.

Между Вайтголлемъ и Версалемъ начались переговоры объ этомъ предметѣ. У Людовика и своихъ солдатъ было довольно; но еслибы даже у него ихъ было и менѣе, чѣмъ слѣдовало, все-таки онъ не былъ бы расположенъ принять въ свою службу англичанъ; ибо англійское солдатское жалованье, какимъ бы ничтожнымъ ни казалось оно нашему поколѣнію, было гораздо значительнѣе французскаго. А между тѣмъ весьма важно было лишить Вильгельма такой прекрасной бригады. Послѣ нѣсколькихъ недѣль переписки, Барильонъ получилъ полномочіе обѣщать, что, если Іаковъ отзоветъ британскія войска изъ Голландіи, Людовикъ возьметъ на себя издержки содержанія двухъ тысячъ изъ нихъ въ Англіи. Іаковъ принялъ это предложеніе съ горячими выраженіями благодарности. Уладивши это дѣло, онъ потребовалъ отъ генеральныхъ штатовъ, чтобы они отправили шесть полковъ обратно въ Англію. Генеральные штаты,

вполнѣ подчинявшіеся Вильгельму, отвѣтили, что такое требованіе, при такихъ обстоятельствахъ, не согласно съ существующими трактатами, и положительно отказались исполнить его. Замѣчательно, что Амстердамъ, подавшій голосъ за удержаніе этихъ войскъ въ Голландіи, когда Іаковъ нуждался въ ихъ помощи противъ западныхъ мятежниковъ, теперь горячо настаивалъ, чтобы требованіе англійскаго короля было удовлетворено. Въ обоихъ случаяхъ единственною цѣлью правителей этого знаменитаго города было поперечить принцу Оранскому. (a)

Вліяніе голландской прессы.

Голландскія войска, однако, едва ли были такъ страшны для Іакова, какъ голландскія типографіи. Англійскія книги и памфлеты противъ его правленія печатались въ Гагѣ ежедневно; и никакая бдительность не могла предотвратить тайнаго ввоза десятковъ тысячъ экземпляровъ этихъ изданій въ графства, граничащія съ Нѣмецкимъ моремъ. Между этими изданіями особенно отличилось одно важнымъ своимъ значеніемъ и громаднымъ впечатлѣніемъ, которое оно произвело на публику. Мнѣніе принца и принцессы Оранскихъ относительно индульгенціи очень хорошо было извѣстно всѣмъ близко знакомымъ съ общественными дѣлами. Но такъ какъ это мнѣніе не было заявлено оффиціяльно, то многія лица, не имѣвшія доступа къ источникамъ достовѣрныхъ свѣдѣній, были обмануты или сбиты съ толку увѣренностью, съ которою приверженцы двора утверждали, что ихъ высочества одобряли послѣднія дѣйствія короля. Публично опровергнуть эти увѣренія было бы очень легко, еслибы Вильгельмъ имѣлъ въ виду единственно усиленіе своего вліянія въ Англіи. Но онъ смотрѣлъ на Англію преимущественно какъ на орудіе, необходимое ему для исполненія его великаго европейскаго плана. Въ отношеніи этого плана онъ надѣялся пріобрѣсти содѣйствіе обѣихъ

(a) Сондерландъ къ Вильгельму, 24 авг. 1686; Вильгельмъ къ Сондерланду, $^{9}/_{19}$ сент. 1686; Barillon, $^{6}/_{16}$ мая, $\frac{26\ \text{мая}}{5\ \text{іюня}}$, $^{5}/_{15}$ окт., $\frac{28\ \text{нояб.}}{8\ \text{дек.}}$ 1687; Людовикъ къ Барильону, $^{14}/_{24}$ окт. 1687; записка Альвевилля, $^{13}/_{23}$ дек. 1687; Іаковъ къ Вильгельму, 17 янв., 16 фев., 2 и 13 марта 1688; Avaux, $^{1}/_{11}$, $^{6}/_{16}$, $^{8}/_{18}$ марта, $\frac{22\ \text{марта}}{1\ \text{апрѣля}}$ 1688.

отраслей Австрійскаго дома, итальянскихъ государей и даже римскаго первосвященника. Всякая декларація, отрадная для британскихъ протестантовъ, могла бы, пожалуй, возбудить тревогу и неудовольствіе въ Мадритѣ, Вѣнѣ, Туринѣ и Римѣ. По этой причинѣ принцъ долгое время удерживался отъ формальнаго заявленія своихъ мнѣній. Наконецъ ему представлено было, что продолжительное его молчаніе возбудило сильное безпокойство и недовѣріе между его доброжелателями, и что теперь наступила пора высказаться. Поэтому онъ рѣшился объясниться.

Переписка между Стьюартомъ и Фагелемъ.

Одинъ шотландскій вигъ, по имени Джемсъ Стьюартъ, спасаясь отъ пытки и висѣлицы, бѣжалъ, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, въ Голландію и подружился тамъ съ великимъ пенсіонаріемъ Фагелемъ, который въ значительной степени пользовался довѣріемъ и благосклонностью штатгальтера. Стьюартъ, между прочимъ, былъ авторомъ яраго и ѣдкаго манифеста Аргайля. Когда появилась индульгенція, онъ сообразилъ, что ему представляется удобный случай получить не только прощеніе, но и вознагражденіе. Онъ предложилъ свои услуги правительству, противъ котораго до тѣхъ поръ враждовалъ; онѣ были приняты; и онъ прислалъ Фагелю письмо, изъ котораго видно было, что оно написано по приказанію Іакова. Письмо это заклинало пенсіонарія употребить всѣ усилія, чтобы склонить принца и принцессу въ пользу политики ихъ отца. Спустя нѣсколько времени, Фагель отправилъ глубоко обдуманный и съ необыкновеннымъ искусствомъ написанный отвѣтъ. Всякій, кто будетъ изучать этотъ замѣчательный документъ, легко усмотритъ, что хотя онъ составленъ съ цѣлью успокоить и удовлетворить англійскихъ протестантовъ, однако въ немъ нѣтъ ни одного слова, которое могло бы возбудить непріятное чувство даже въ Ватиканѣ. Отвѣтъ гласилъ, что Вильгельмъ и Марія съ удовольствіемъ готовы были содѣйствовать отмѣнѣ всякаго закона, по которому кто-либо изъ англичанъ подвергался наказанію за свои религіозныя мнѣнія. Но между наказаніями и ограниченіями правъ дѣлалось различіе. Допущеніе католиковъ къ общественнымъ должностямъ, по мнѣнію ихъ высочествъ, не послужило бы ни къ общей пользѣ Англіи, ни даже къ частной пользѣ католиковъ.

Этотъ манифестъ былъ переведенъ на различные языки и шибко разошелся на континентѣ. Около 50,000 экземпляровъ англійскаго его перевода, тщательно изготовленнаго Борнетомъ, было ввезено въ восточные ширы и быстро распущено по всему королевству. Ни одна государственная бумага не имѣла такого полнаго успѣха. Протестанты нашего острова одобряли мужественную твердость, съ которою Вильгельмъ объявлялъ, что онъ не могъ согласиться на предоставленіе папистамъ участія въ правленіи. Католическіе государи, съ другой стороны, радовались кроткому и умѣренному тону, которымъ было выражено его рѣшеніе, и надеждѣ, которую онъ подавалъ, что подъ его управленіемъ никто изъ членовъ ихъ церкви не будетъ подвергаться религіозному преслѣдованію.

Посольство Кастельмена въ Римъ.

Весьма вѣроятно, что и самъ папа былъ въ числѣ тѣхъ, которые съ удовольствіемъ читали это знаменитое письмо. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, онъ отпустилъ отъ себя Кастельмена такимъ манеромъ, который не показывалъ особеннаго вниманія къ чувствамъ Кастельменова государя. Иннокентій положительно не одобрялъ ни внутренней, ни внѣшней политики англійскаго правительства. Онъ видѣлъ, что несправедливыя и неблагоразумныя мѣры іезуитской кабали могли гораздо скорѣе увѣковѣчить карательные законы, нежели послужить къ отмѣнѣ религіозной присяги. Его ссора съ Версальскимъ дворомъ съ каждымъ днемъ становилась серьёзнѣе; а потому онъ не могъ, ни въ качествѣ свѣтскаго государя, ни въ качествѣ верховнаго первосвященника, питать искренней дружбы къ вассалу этого двора. Кастельменъ отнюдь не былъ способенъ устранить это нерасположеніе. Правда, онъ очень хорошо зналъ Римъ и для свѣтскаго человѣка былъ глубоко свѣдущъ въ богословской полемикѣ. (a) Но у него не было ни малѣйшаго признака той ловкости, какой требовало его званіе; да и будь онъ даже искуснѣйшимъ дипломатомъ, одно обстоятельство все-таки сдѣлало бы его неспособнымъ къ исполненію возложеннаго на него особеннаго порученія. Онъ былъ извѣстенъ во всей Европѣ какъ

(a) Адда, $^{9}/_{19}$ нояб. 1685.

мужъ безстыднѣйшей изъ женщинъ; но этимъ и ограничивалась его извѣстность. Говоря съ нимъ или о немъ, невозможно было не вспомнить, какимъ образомъ пріобрѣтенъ былъ самый титулъ, которымъ онъ именовался. Это обстоятельство было бы не важно, еслибы онъ былъ аккредитованъ при какомъ-нибудь распутномъ дворѣ, въ родѣ того, гдѣ царила герцогиня Монтеспанъ. Но отправить его съ порученіемъ скорѣе духовнаго, нежели свѣтскаго свойства, къ первосвященнику, нравы котораго отличались безукоризненною строгостью, было очевиднымъ неприличіемъ. Протестанты насмѣхались надъ нимъ во всей Европѣ; а Иннокентій, уже и безъ того непріязненно расположенный къ англійскому правительству, принялъ оказанную ему съ такимъ трудомъ и съ такими издержками любезность почти за оскорбленіе. Жалованья послу назначено было сто фунтовъ въ недѣлю. Кастельменъ жаловался, что этого было слишкомъ мало. Тройной суммы, говорилъ онъ, едва хватило бы на всѣ расходы, потому что въ Римѣ посланники всѣхъ великихъ континентальныхъ державъ старались затмить другъ друга въ глазахъ народа, который, привыкши къ великолѣпнымъ зданіямъ, украшеніямъ и церемоніямъ, сдѣлался разборчивымъ. Кастельменъ постоянно твердилъ, что его посольство было ему въ убытокъ. Въ свитѣ его находилось много молодыхъ джентльменовъ изъ лучшихъ католическихъ фамилій въ Англіи: Ратклифы, Арондели и Тичборны. Въ Римѣ онъ жилъ во дворцѣ Памфили на южной сторонѣ роскошной Piazza Navona. Онъ былъ скоро допущенъ къ частному свиданію съ Иннокентіемъ, но публичная аудіенція долгое время откладывалась. Приготовленія Кастельмена къ этому важному случаю были такъ пышны, что, начавшись съ Пасхи 1686 года, тянулись до слѣдующаго ноября; а въ ноябрѣ папа подвергся, или притворился, что подвергся, припадку подагры, который причинилъ новую отсрочку аудіенціи. Наконецъ, въ январѣ 1687 года, торжественное представленіе посла совершилось съ необычайною пышностью. Парадныя кареты, заказанныя въ Римѣ для процессіи, отличались такою красотою, что признаны были достойными перейти къ потомству въ прекрасныхъ гравюрахъ и

быть воспѣтыми на различныхъ языкахъ. (a) Фасадъ посольскаго дворца украшенъ былъ въ этотъ торжественный день нелѣпыми аллегорическими картинами громадныхъ размѣровъ. Тутъ были и св. Георгій, попиравшій пятою Тита Отса, и Геркулесъ, поражавшій палицею Колледжа, протестантскаго столяра, который тщетно пытался защититься своимъ цѣпомъ. Послѣ этой публичной аудіенціи, Кастельменъ пригласилъ всю знать, какая тогда находилась въ Римѣ, на банкетъ въ той прелестной и блестящей галлереѣ, которая украшена картинами Пётра Кортоны, изображающими различные сюжеты изъ «*Энеиды*». Весь городъ собрался на это зрѣлище; отрядъ швейцарскихъ тѣлохранителей съ трудомъ поддерживалъ порядокъ между зрителями. Аристократы Папской области въ свою очередь давали послу роскошные пиры; поэты и остроумцы расточали въ честь его и его государя приторную и напыщенную лесть, какая наиболѣе процвѣтаетъ тогда, когда геній и вкусъ находятся въ самомъ крайнемъ упадкѣ. Первое мѣсто между хвалителями занимала коронованная особа. Болѣе тридцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Христина, дочь великаго Густава, добровольно отказалась отъ шведскаго престола. Послѣ долгихъ скитаній, въ теченіе которыхъ было совершено ею множество безумствъ и преступленій, она окончательно поселилась въ Римѣ, гдѣ занималась астрологическими вычисленіями и интригами конклава и забавлялась карти-

---

(a) Профессоръ греческаго языка въ коллегіи De Propaganda Fide выразилъ свой восторгъ отвратительными гекзаметрами и пентаметрами, о которыхъ можно судить по слѣдующему образчику:

Ρωγερίου δή σκεψόμενος λαμπροῖο θριαμβον,
Ὥκα μάλ' ἤισσεν καὶ θέεν ὄχλος ἅπας.
Θαυμάζουσα δὲ τὴν πομπὴν, παγχρύσεά τ' αὐτοῦ
Ἅρματα, τοὺς θ' ἵππους, τοιάδε Ῥώμη ἔφη.

Латинскіе стихи немного лучше. Негьюмъ Тетъ отвѣчалъ по англійски:

«Чтобы посмотрѣть на его блестящую свиту и торжественный поѣздъ,
Поѣздъ, который для самаго Рима былъ новостью,
Лица всѣхъ возрастовъ и половъ наполняли латинскія башни,
Лица всѣхъ возрастовъ и половъ проливали радостныя слезы.»

нами, драгоцѣнными камнями, манускриптами и медалями. Она сочинила теперь нѣсколько итальянскихъ стансовъ въ честь англійскаго государя, который, подобно ей, происходя отъ королей, считавшихся дотолѣ поборниками реформаціи, подобно же ей примирился съ древнею церковью. Въ ея дворцѣ собралось блестящее общество. Ея стихи, положенные на музыку, были спѣты при всеобщемъ рукоплесканіи; а одинъ изъ ея литературныхъ кліентовъ произнесъ на ту же тему рѣчь, написанную такимъ цвѣтистымъ слогомъ, что англійскіе слушатели почувствовали отвращеніе. Іезуиты, враждебные папѣ, преданные интересамъ Франціи и готовые всячески почтить Іакова, приняли англійское посольство съ необыкновенною торжественностью въ томъ великолѣпномъ зданіи, гдѣ бренные останки Игнатія Лойолы покоятся въ ракѣ изъ лазуреваго камня и золота. Въ честь иностранцевъ употреблены были всѣ средства ваянія, живописи, поэзіи и краснорѣчія; но всѣ эти искусства находились тогда въ состояніи крайняго упадка. На каждомъ шагу попадалась надутая и безобразная латынь, недостойная такого ученаго ордена; нѣкоторыя изъ надписей, украшавшихъ стѣны, отличались не только дурнымъ слогомъ, но и другими болѣе важными недостатками. Въ одномъ мѣстѣ говорилось, что Іаковъ отправилъ своего брата вѣстникомъ на небо, а въ другомъ, что Іаковъ доставилъ крылья, съ помощью которыхъ его братъ воспарилъ въ надзвѣздный міръ. Тутъ было и другое еще болѣе неудачное двустишіе, которое о ту пору не возбудило особеннаго вниманія, но которое, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, возобновилось въ памяти и подверглось злобнымъ толкованіямъ. «О, король, говорилъ поэтъ, перестань вздыхать по сынѣ. Хотя бы природа и не удовлетворила твоего желанія, небесныя свѣтила найдутъ способъ исполнить его.»

Среди этихъ празднествъ, Кастельмену приходилось терпѣть жестокія оскорбленія и униженія. Папа относился къ нему крайне холодно и сухо. Каждый разъ, какъ только посолъ заговаривалъ объ отвѣтѣ на просьбу, которую ему поручено было представить въ пользу Питера, съ Иннокентіемъ дѣлался сильный припадокъ кашля, полагавшій конецъ разговору. Молва объ этихъ

странныхъ аудіенціяхъ распространилась по всему Риму. Пасквили то и дѣло являлись. Все любопытное и болтливое населеніе самаго празднаго изъ городовъ, за исключеніемъ однихъ лишь іезуитовъ и прелатовъ французской факціи, трунило надъ неудачами Кастельмена. Отъ природы недружелюбнаго нрава, онъ вскорѣ ожесточился до бѣшенства и пустилъ по рукамъ записку, порицавшую папу. Такимъ образомъ изъ праваго онъ сдѣлался виноватымъ. Прозорливый итальянецъ одержалъ верхъ надъ нимъ и позаботился воспользоваться своею побѣдою. Онъ положительно объявилъ, что правило, устранявшее іезуитовъ отъ церковныхъ должностей, не будетъ нарушено въ пользу отца Питера. Кастельменъ, сильно раздраженный, погрозилъ оставить Римъ. Иннокентій съ кроткою наглостью, которая тѣмъ болѣе была обидною, что ее почти нельзя было отличить отъ простодушія, отвѣчалъ, что его милость можетъ ѣхать, если ему это угодно. «Но если мы должны лишиться его, прибавилъ почтенный первосвященникъ, то я надѣюсь, что онъ позаботится о своемъ здоровьѣ въ дорогѣ. Англичане не знаютъ, какъ опасно въ нашей странѣ путешествовать въ знойную пору дня. Лучше всего пускаться въ дорогу до разсвѣта и отдыхать въ полдень.» Съ этимъ полезнымъ совѣтомъ и со связкою четокъ и былъ отпущенъ несчастный посолъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, явилась на итальянскомъ и англійскомъ языкахъ напыщенная исторія посольства, великолѣпно напечатанная in folio и украшенная гравюрами. Заглавная картинка, къ великому соблазну всѣхъ протестантовъ, изображала Кастельмена въ мантіи пéра, съ нобльменскою короною въ рукѣ, цалующаго туфлю Иннокентія. (*)

(*) Переписка Іакова съ Иннокентіемъ въ Британскомъ музеѣ; Burnet, I. 703—705.; Welwood's «*Memoirs*»; Commons' Journals, Oct. 28. 1689; «*An Account of his Excellency Roger Earl of Castlemaine's Embassy*», by Michael Wright, chief steward of his Excellency's house at Rome, 1688.

ГЛАВА VIII.

Явная невѣжливость папы могла бы разсердить самаго кроткаго государя. Но единственное дѣйствіе, которое она произвела на Іакова, заключалось въ томъ, что онъ сталъ еще расточительнѣе на ласки и любезности. Между тѣмъ какъ Кастельменъ, раздраженный до глубины души, ѣхалъ обратно въ Англію, папскій нунцій былъ осыпаемъ почестями, отъ которыхъ собственный его разсудокъ долженъ былъ бы заставить его уклониться. Посредствомъ фикціи, нерѣдко употребляемой въ Римской церкви, онъ, не получивъ въ управленіе никакой епархіи, былъ около этого времени возведенъ въ санъ архипастыря и нареченъ въ архіепископы понтійскаго города Амазіи, мѣсторожденія Страбона и Митридата. Іаковъ настоялъ, чтобы обрядъ посвященія происходилъ въ капеллѣ Сентъ-Джемскаго дворца. Священнодѣйствіе совершали апостолическій викарій Либорнъ и двое ирландскихъ прелатовъ. Двери капеллы были открыты для публики; и между зрителями замѣчены были нѣкоторые изъ тѣхъ пуританъ, которые незадолго передъ тѣмъ превратились въ царедворцевъ. Вечеромъ Адда, въ присвоенномъ его новому сану облаченіи, явился среди общества, собравшагося въ покояхъ королевы. Іаковъ, въ присутствіи всего двора, сталъ передъ нимъ на колѣни и попросилъ у него благословенія. Не смотря на всю строгость эти-

Посвященіе нунція въ Сентъ-Джемскомъ дворцѣ.

кета, присутствовавшіе не могли скрыть своего удивленія и отвращенія. (*) Дѣйствительно, англійскіе государи давно уже не преклонялись ни передъ кѣмъ изъ смертныхъ; и тѣ, которые видѣли эту странную сцену, не могли не подумать о томъ позорномъ днѣ, когда Іоаннъ приносилъ на колѣняхъ вѣрноподданическую присягу передъ папскимъ легатомъ Пандольфомъ.

Публичный приемъ нунція.

Спустя короткое время, въ честь папскаго престола совершилась еще болѣе пышная церемонія. Рѣшено было, чтобы нунцій пріѣхалъ ко двору въ торжественной процессіи. Нѣкоторыя лица, на повиновеніе которыхъ король разсчитывалъ, обнаружили, при этомъ случаѣ, въ первый разъ признаки мятежническаго духа. Важнѣйшимъ изъ нихъ былъ второй свѣтскій перъ государства, Чарльзъ Сеймуръ, спесивый, какъ его называли, герцогъ Сомерсетъ. Въ самомъ дѣлѣ, родовая и сословная спесь доходила въ немъ почти до маніи. Наслѣдственное его состояніе не соотвѣтствовало высокому мѣсту, которое занималъ онъ между англійскою аристократіею; но, женившись на дочери и наслѣдницѣ послѣдняго Перси, носившаго древнюю корону Нортумберландовъ, онъ сдѣлался богатѣйшимъ землевладѣльцемъ въ Англіи. Ему шелъ всего тридцать пятый годъ отъ роду, и онъ былъ очень мало извѣстенъ публикѣ. Онъ былъ камергеромъ двора его величества и командиромъ одного изъ полковъ, сформированныхъ во время Западнаго возстанія. Онъ никогда не затруднялся въ праздничные дни носить скипетръ въ королевскую капеллу, но теперь рѣшительно отказался участвовать въ парадномъ шествіи нунція. Нѣкоторые изъ членовъ его фамиліи умоляли его не навлекать на себя королевской немилости; но просьбы ихъ не произвели на него никакого дѣйствія. Король лично настаивалъ. «Я думалъ, милордъ, сказалъ онъ, что я оказываю вамъ большую честь, назначая васъ въ кортежъ посланника перваго изъ вѣнценосцевъ». — «Государь, сказалъ герцогъ, меня предупредили, что исполненіе воли вашего величества было бы съ моей стороны нарушеніемъ закона.» — «Я научу васъ бояться меня не ме-

Герцогъ Сомерсетъ.

(*) Barillon, $^{2}/_{12}$ мая 1687.

нѣе, чѣмъ закона, высокомѣрно отвѣтилъ король. Развѣ вы не знаете, что я выше закона?»—«Ваше величество, можетъ быть, и выше закона, возразилъ Сомерсетъ, но я ниже его; а пока я повинуюсь закону, до тѣхъ поръ мнѣ нечего бояться.» Король отвернулся съ крайнимъ неудовольствіемъ и немедленно отрѣшилъ герцога отъ должностей при дворѣ и въ арміи. (a)

Въ одномъ отношеніи, впрочемъ, Іаковъ обнаружилъ нѣкоторое благоразуміе. Онъ не отважился на торжественный показъ папскаго посланника передъ огромнымъ населеніемъ столицы. Церемонія совершилась 3 іюля 1687 года въ Виндзорѣ. Въ этотъ городокъ стеклось безчисленное множество народа. Посѣтителей было столько, что для нихъ не нашлось ни пищи, ни помѣщенія; и многія знатныя лица, въ ожиданіи процессіи, просидѣли цѣлый день въ своихъ экипажахъ. Наконецъ, уже подъ вечеръ, показались служители гофмаршала, ѣхавшіе верхомъ. За ними тянулся длинный рядъ скороходовъ; потомъ, въ королевской каретѣ, появился Адда въ пурпуровомъ облаченіи, съ бриліантовымъ крестомъ на груди. За нимъ слѣдовали экипажи главныхъ придворныхъ особъ и государственныхъ министровъ. Въ этой свитѣ народъ съ отвращеніемъ узналъ гербы и ливреи Кру, епископа доргамскаго, и Картрайта, епископа честерскаго. (b)

На слѣдующій день явился въ «*Лондонской Газетѣ*» указъ о распущеніи парламента, который изо всѣхъ пятнадцати парламентовъ, собиравшихся при Стюартахъ, былъ самымъ покорнымъ законодательнымъ собраніемъ. Распущеніе парламента.

Между тѣмъ въ Вестминстерской залѣ возникли новыя затрудненія. Съ тѣхъ поръ, какъ нѣкоторые изъ судей были отставлены и замѣщены другими для рѣшенія въ пользу короны дѣла сэра Эдварда Гельза, прошло всего нѣсколько мѣсяцевъ; а между тѣмъ уже понадобились новыя перемѣны. (c)

(a) «*Memoirs of the Duke of Somerset*»; Citters, $^{8}/_{18}$ іюля 1687; Eachard's «*History of the Revolution*»; Clarke's «*Life of James the Second*», II. 116, 117, 118.; Lord Lonsdale's «*Memoirs.*»

(b) «*London Gazette*», July 7. 1687; Citters, $^{7}/_{17}$ іюля. Описаніе этой церемоніи перепечатано въ сочиненіяхъ Сомерза.

(c) «*London Gazette*», July 4. 1687.

Незаконныя наказанія за военные проступки.

Не успѣлъ король сформировать ту армію, на которую онъ преимущественно разсчитывалъ для осуществленія своихъ замысловъ, какъ уже оказалось, что и самъ онъ не былъ въ состояніи управлять ею. Въ военное время мятежники и дезертиры могли быть судимы военнымъ судомъ и наказываемы генералъ-гевальдигеромъ. Но теперь королевство наслаждалось глубокимъ миромъ. Англійское обычное право, возникшее въ такую пору, когда всѣ носили оружіе при случаѣ, и когда никто не носилъ его постоянно, не признавало, въ мирное время, никакого различія между солдатами и прочими подданными; сверхъ того, тогда еще не существовало ничего подобнаго тому акту, на основаніи котораго власть, необходимая для управленія регулярными войсками, ежегодно ввѣряется теперь государю. Правда, нѣкоторые старинные статуты признавали побѣгъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, уголовнымъ преступленіемъ. Но эти статуты примѣнялись только къ солдатамъ, служившимъ королю въ военное время; и безъ вопіющей несправедливости невозможно было подвести подъ нихъ рядоваго, который, во время глубокаго спокойствія внутри и внѣ государства, соскучился бы въ лагерѣ и вернулся бы къ себѣ въ деревню. Правительство не имѣло надъ такимъ рядовымъ никакой другой власти, кромѣ той, которую имѣютъ булочники и портныхъ дѣлъ мастера надъ своими работниками. Въ глазахъ закона, солдатъ былъ равенъ своимъ офицерамъ. Если ему случалось обругать ихъ, онъ подвергался обыкновенному штрафу за оскорбленіе. Если ему случалось поколотить ихъ, онъ подвергался обыкновенному судебному преслѣдованію. По истинѣ, субординація въ регулярной арміи была слабѣе, нежели въ милиціи; ибо милиція была учреждена парламентскимъ актомъ, а въ этомъ актѣ постановлено было, чтобы легкія наказанія за нарушеніе дисциплины опредѣлялись путемъ сокращеннаго судопроизводства.

Ничто не показываетъ, чтобы въ царствованіе Карла II особенно сильно ощущалось практическое неудобство такого состоянія закона. Это, кажется, объясняется тѣмъ, что войско, которое Карлъ, до послѣдняго года своего царствованія, содержалъ въ Англіи, состояло преимущественно изъ гвардейскихъ солдатъ, получавшихъ такое большое жалованье, что увольненіе отъ служ-

бы было бы для большинства ихъ страшнымъ бѣдствіемъ. Оклада рядоваго въ лейбъ-гвардіи достаточно было на содержаніе младшаго сына джентльмена. Даже пѣшая гвардія получала почти такую же плату, какъ фабричные работники въ хорошую пору, и потому находилась въ такомъ положеніи, на которое масса рабочаго населенія должна была взирать съ завистью. Возвращеніе тангерскаго гарнизона и учрежденіе новыхъ полковъ произвели большую перемѣну. Въ Англіи явилось нѣсколько тысячъ солдатъ, изъ которыхъ каждый получалъ всего по 8 пенсовъ въ день. Опасенія отставки уже недостаточно было, чтобы держать ихъ въ уздѣ; а тѣлеснаго наказанія офицеры не имѣли права употреблять. Поэтому Іакову предстояло выбрать одно изъ двухъ: или допустить, чтобы армія уничтожилась сама собою, или добиться, чтобы судьи объявили, будто законъ гласилъ то, чего онъ, какъ было извѣстно всякому адвокату въ Темплѣ, отнюдь не гласилъ.

Особенно важно было обезпечить себѣ содѣйствіе двухъ судебныхъ мѣстъ: суда королевской скамьи, который былъ высшимъ уголовнымъ судилищемъ въ государствѣ, и лондонскаго ассизнаго суда, который засѣдалъ въ Ольдъ-Бейли и рѣшалъ дѣла о преступленіяхъ, совершенныхъ въ столицѣ. Въ обоихъ этихъ судахъ встрѣтились большія затрудненія. Гербертъ, предсѣдатель суда королевской скамьи, не смотря на прежнее свое раболѣпіе, отказался отъ новаго нарушенія закона. Еще болѣе упорнаго сопротивленія надобно было ожидать отъ сэра Джона Гольта, который, въ качествѣ лондонскаго городскаго судьи, предсѣдательствовалъ въ Ольдъ-Бейли. Необыкновенно ученый и умный законовѣдъ, Гольтъ былъ въ то же время человѣкъ прямой и смѣлый; и хотя онъ никогда не увлекался духомъ партій, однако его политическія мнѣнія имѣли оттѣнокъ вигизма. Всѣ препятствія, впрочемъ, исчезли передъ королевскою волею. Гольтъ былъ отрѣшенъ отъ должности городского судьи. Гербертъ и еще одинъ судья были уволены изъ суда королевской скамьи, а мѣста ихъ отданы лицамъ, на которыхъ правительство могло положиться. Для этого, впрочемъ, пришлось низойти до послѣднихъ разрядовъ судейскаго сословія, прежде чѣмъ удалось найти

людей, готовыхъ оказать такія услуги, какія тогда требовались. Новый предсѣдатель суда королевской скамьи, сэръ Робертъ Райтъ, былъ баснословно невѣжественъ; но невѣжество было еще не главнымъ его недостаткомъ. Пороки довели его до разоренія. Тогда онъ прибѣгнулъ къ безчестнымъ способамъ добыванія денегъ и сдѣлалъ однажды ложное клятвенное показаніе, съ цѣлью пріобрѣсти пятьсотъ фунтовъ. Бѣдный, развратный и безстыдный, онъ сталъ однимъ изъ паразитовъ Джеффриза, который и покровительствовалъ, и оскорблялъ его. Таковъ былъ человѣкъ, избранный Іаковомъ въ главные судьи Англіи. Нѣкто Ричардъ Алибонъ, который еще менѣе Райта смыслилъ въ законахъ и который, какъ католикъ, не могъ занимать никакой должности, назначенъ былъ младшимъ судьею королевской скамьи. Сэръ Бартоломью Шовкръ, равно извѣстный и какъ раболѣпный тори и какъ скучный ораторъ, сдѣлался лондонскимъ городскимъ судьею. По учиненіи всѣхъ этихъ перемѣнъ, правительство отдало подъ судъ нѣсколькихъ дезертировъ. Они были осуждены вопреки буквѣ и духу закона. Одни изъ нихъ встрѣтили смертный приговоръ въ судѣ королевской скамьи, другіе — въ Ольдъ-Бейли. Ихъ повѣсили передъ полками, въ которыхъ они числились; и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлано было распоряженіе, чтобы о казни ихъ было объявлено въ «*Лондонской Газетѣ*», которая весьма рѣдко упоминала о подобныхъ событіяхъ. (a)

Дѣйствія Верховной коммиссіи.

Не трудно представить себѣ, что законъ, такъ грубо нарушенный судами, которые получали отъ него все свое значеніе и которые обыкновенно признавали его своимъ руководителемъ, не могъ быть строго соблюдаемъ судилищемъ, возникшимъ по прихоти деспотизма. Новая Верховная коммиссія, въ первые мѣсяцы своего существованія, ограничивалась воспрещеніемъ духовнымъ лицамъ совершать духовныя требы. Права собственности оставались пока неприкосновенными; но въ началѣ 1687 года рѣ-

---

(a) См. статуты 18 Henry 6. c. 19.; 2 and 3 Ed. 6. c. 2.; Eachard's «*History of the Revolution*;» Kennet, III. 468.; North's «*Life of Guildford*», 247.; «*London Gazette*», April 18. May 23. 1687; «*Vindication of the E. of R.*» (Earl of Rochester).

шено было нанести ударъ имущественнымъ интересамъ духовенства и такимъ образомъ внушить каждому англиканскому священнику и прелату, что отказъ ихъ отъ содѣйствія правительству въ ниспроверженіи установленной церкви могъ повлечь за собою немедленное ихъ разореніе.

Первый опытъ благоразумно было бы сдѣлать на какомъ-нибудь незначительномъ лицѣ. Но ослѣпленіе правительства было такъ велико, что въ болѣе наивную эпоху его назвали бы ниспосланнымъ свыше. Война, поэтому, была разомъ объявлена двумъ самымъ достопочтеннымъ корпораціямъ государства: Оксфордскому и Кембриджскому университетамъ. Университеты.

Могущество этихъ корпорацій искони было велико; но къ концу XVII столѣтія оно достигло своего апогея. Ни одна изъ сосѣдственныхъ странъ не могла похвалиться такими блестящими и богатыми средоточіями учености. Учебныя заведенія Эдинбурга и Гласго, Лейдена и Утрехта, Лёвена и Лейпцига, Падуи и Болоньи казались ничтожными воспитанникамъ великолѣпныхъ коллегій Вайкгама и Вольси, Генриха VI и Генриха VIII. Литература и науки въ англійской университетской системѣ были окружены блескомъ, вооружены властью и тѣсно связаны со всѣми самыми величавыми учрежденіями государства. Званіе университетскаго канцлера было почетнымъ отличіемъ, котораго ревностно домогались первые вельможи королевства. Званіе университетскаго представителя въ парламентѣ было любимою цѣлью честолюбія государственныхъ людей. Аристократы и даже принцы считали за честь получить отъ того или другаго университета право носить красную докторскую мантію. Университеты привлекали любознательныхъ людей старинными зданіями, богато украшенными средневѣковою рѣзьбою, новыми зданіями, представлявшими высшую степень искусства Джонса и Рена, прекрасными залами и капеллами, музеями, ботаническими садами и единственными большими публичными библіотеками, какія находились тогда въ королевствѣ. Пышность, которую особенно Оксфордъ выказывалъ въ торжественныхъ случаяхъ, могла поспорить съ пышностью державныхъ государей. Когда канцлеръ оксфордскаго университета, почтенный герцогъ Ормондъ, окруженный сотнями

баккалавровъ, магистровъ и докторовъ въ парадныхъ одеждахъ, возсѣдалъ, въ вышитой мантіи, на своемъ тронѣ, подъ расписаннымъ сводомъ Шельдонскаго театра, и принималъ благороднѣйшихъ юношей Англіи, которые торжественно представлялись ему въ качествѣ кандидатовъ на университетскія почести, видъ у него былъ почти такой же царственный, какъ у его государя въ пиршественной залѣ Вайтголля. (*) Почти всѣ знаменитые англійскіе богословы, юристы, медики, остроумцы, поэты и ораторы, вмѣстѣ съ огромною долею аристократіи и богатаго джентри, получали свое образованіе въ университетахъ. Надлежитъ также замѣтить, что связь между студентомъ и университетомъ не прекращалась и по окончаніи курса. Окончившій курсъ студентъ нерѣдко оставался всю жизнь членомъ университетской корпораціи и въ качествѣ такого члена подавалъ свой голосъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ. Поэтому любовь, съ которою онъ относился къ стариннымъ коллегіямъ на берегахъ Кема и Айсиса, оставляла далеко за собою то чувство, какое образованные люди обыкновенно питаютъ къ мѣсту своего воспитанія. Не было такого уголка въ Англіи, гдѣ бы оба университета не имѣли благодарныхъ и преданныхъ сыновъ. Стоило только задѣть честь или интересы Кембриджа или Оксфорда, чтобы возбудить негодованіе могущественнаго, дѣятельнаго и просвѣщеннаго класса, разсѣяннаго по всѣмъ графствамъ, отъ Нортумберланда до Корнваллиса.

Тогдашнее университетское сословіе едва ли было сильнѣе университетскаго сословія нашего времени; но его относительное положеніе въ обществѣ было гораздо выше теперешняго. Кембриджъ и Оксфордъ были тогда единственными въ королевствѣ провинціяльными городами, гдѣ можно было найти значительное число людей высшаго образованія. Даже столица питала большое уваженіе къ авторитету университетовъ, не только въ дѣлахъ касавшихся богословія, естествознанія и классической древности,

---

(*) Театръ въ Оксфордѣ, построенный въ 1669 году Джильбертомъ Шельдономъ, архіепископомъ кентербёрійскимъ и канцлеромъ тамошняго университета, до сихъ поръ служитъ мѣстомъ торжественныхъ университетскихъ митинговъ.

но и въ такихъ вопросахъ, относительно которыхъ столицы обыкновенно присвоиваютъ себѣ право окончательнаго рѣшенія. Изъ кофейни Вилля и партера королевскаго Дрюриленскаго театра спорныя дѣла переносились апелляціоннымъ порядкомъ въ два великія національныя средоточія вкуса и учености. Театральныя пьесы, встрѣченныя восторженными рукоплесканіями въ Лондонѣ, до тѣхъ поръ не считались безопасными отъ паденія, пока не выдерживали болѣе строгой критики людей, почти наизусть знавшихъ Софокла и Теренція. ([a])

Англійскіе университеты ревностно служили коронѣ огромнымъ своимъ нравственнымъ и умственнымъ вліяніемъ. Въ Оксфордѣ была главная квартира Карла I; для пополненія военной казны этого короля, всѣ тамошнія коллегіи сплавили свои серебряныя кружки и блюда. Кембриджъ показалъ не менѣе преданности. Онъ прислалъ въ королевскій лагерь значительную долю своего серебра, за которою послѣдовало бы и все остальное, еслибы городомъ не овладѣли войска парламента. Оба университета подвергались крайне строгому обращенію со стороны побѣдоносныхъ пуританъ. Оба съ восторгомъ привѣтствовали Реставрацію. Оба упорно противились биллю объ исключеніи. Оба выражали глубочайшее отвращеніе къ Райгаусскому заговору. Кембриджъ не только лишилъ Монмута канцлерскаго званія, но и заявилъ свое омерзѣніе къ его измѣнѣ недостойнымъ университетскаго города образомъ, предавши огню холстъ, на которомъ миловидныя черты герцога изображены были искусною кистью Кнеллера. ([b]) Оксфордъ, находившійся ближе къ западнымъ инсургентамъ, представилъ еще болѣе разительныя доказательства своей

([a]) Прологи Драйдена и мемуары Сиббера заключаютъ въ себѣ обильныя доказательства того уваженія, какимъ пользовались сужденія членовъ оксфордскаго университета у самыхъ любимыхъ поэтовъ и актеровъ.

([b]) См. стихотвореніе подъ заглавіемъ: «*Advice to the Painter upon the Defeat of the Rebels in the West.*» См. также другое (прескверное) стихотвореніе о томъ же предметѣ, вышедшее изъ-подъ пера Стиини, который тогда учился въ Троицкой коллегіи.

преданности королю. Студенты, съ разрѣшенія своихъ наставниковъ, взялись сотнями за оружіе въ защиту наслѣдственнаго права. Таковы были учрежденія, которыя Іаковъ рѣшился оскорбить и ограбить наперекоръ законамъ и собственной присягѣ.

Дѣйствія правительства противъ Кембриджскаго университета.

Парламентскіе акты весьма ясно гласили, что всякій, кто желалъ получить ученую степень въ одномъ изъ университетовъ, долженъ былъ предварительно дать супрематическую присягу и еще другое подобнаго же рода клятвенное обѣщаніе, называвшееся присягою на повиновеніе, *oath of obedience*. Не смотря на то, въ февралѣ 1687 года, отправлено было въ Кембриджъ королевское предписаніе о дарованіи бенедиктинскому монаху Альбану Франсису степени магистра наукъ.

Университетскіе сановники, поставленные въ необходимость или ослушаться короля, или нарушить законъ, находились въ большомъ затрудненіи. Они поспѣшили отправить гонцовъ къ герцогу Альбемарлю, преемнику Монмуѓа въ званіи канцлера университета, и просили его сдѣлать королю надлежащія представленія. Между тѣмъ регистраторъ и педели отправились къ Франсису и объявили, что если ему угодно дать установленныя закономъ присяги, то онъ немедленно будетъ признанъ магистромъ. Онъ отказался присягнуть, осыпалъ университетскихъ чиновниковъ упреками въ неуваженіи къ королевскому повелѣнію и, увидѣвши ихъ непреклонность, сѣлъ на коня и поскакалъ съ жалобами въ Вайтголль.

Начальники коллегій собрались для взаимнаго совѣщанія. Мнѣнія лучшихъ законовѣдовъ рѣшительно оказались въ пользу принятаго образа дѣйствій. Но второе предписаніе отъ Сондерланда, исполненное рѣзкихъ и угрожающихъ выраженій, уже находилось въ дорогѣ. Альбемарль, разсыпаясь въ изъявленіяхъ соболѣзнованія, увѣдомилъ университетъ, что онъ употребилъ всѣ зависѣвшія отъ него средства, но что король принялъ его холодно и непривѣтливо. Университетское сословіе, встревоженное королевскою немилостью и добросовѣстно желавшее исполнить королевскую волю, но рѣшившееся не нарушать яснаго закона страны, представило покорныя и почтительныя объясненія; но они ни къ чему не послужили. Въ непродолжительномъ вре-

мени вицеканцлеръ и сенатъ университета получили формальный позывъ явиться 21 апрѣля въ новую Верховную коммиссію, засѣдавшую въ Вестминстерѣ. Вице-канцлеру предписано было прибыть лично; сенатъ, состоящій изо всѣхъ докторовъ и магистровъ университета, обязанъ былъ прислать депутатовъ.

Въ назначенный день огромное стеченіе публики наполнило залу совѣта. Во главѣ коммиссіи засѣдалъ Джеффризъ. Рочестеръ, съ тѣхъ поръ какъ у него былъ отнятъ бѣлый жезлъ, уже не былъ ея членомъ. Мѣсто его занималъ лордъ оберъ-камергеръ Джонъ Шеффильдъ, графъ Мюльгревъ. Судьба этого нобльмена имѣетъ нѣкоторое сходство съ судьбою его товарища, Спрата. Мюльгревъ писалъ стихи, которые почти никогда не возвышались надъ уровнемъ положительной посредственности; но такъ какъ онъ игралъ важную роль въ политическомъ мірѣ и свѣтскомъ обществѣ, то и стихи его находили почитателей. Время уничтожило обаяніе имени; но, къ несчастью для Мюльгрева, это случилось слишкомъ поздно, когда стихи его уже пріобрѣли традиціонное право на мѣсто въ каждомъ сборникѣ произведеній англійскихъ поэтовъ. Его нелѣпые опыты въ стихахъ и жалкія пѣсни къ Аморетѣ и Глоріанѣ до сихъ поръ печатаются рядомъ съ «*Комусомъ*» и «*Пиромъ Александра*». Вслѣдствіе этого наше поколѣніе знаетъ и презираетъ Мюльгрева преимущественно какъ риѳмоплета. А между тѣмъ онъ, по отзывамъ даже тѣхъ людей, которые не любили и не уважали его, отличался прекрасными способностями и въ дѣлѣ парламентскаго краснорѣчія не уступалъ почти никому изъ тогдашнихъ ораторовъ. Нравственная сторона его личности не заслуживала никакого уваженія. Распутникъ, онъ былъ чуждъ той искренности и щедрости, которыя подъ часъ дѣлаютъ распутство привлекательнымъ; надменный аристократъ, онъ былъ чуждъ той возвышенности чувствъ, которая подчасъ дѣлаетъ надменность достойною уваженія. Сатирики того времени прозвали его лордомъ Гордецомъ, *Lord Allpride*. А между тѣмъ гордость его уживалась со всѣми гнусными пороками. Соединеніе въ одномъ человѣкѣ такого высокомѣрнаго чувства собственнаго достоинства съ такою скаредностью и скряжничествомъ во всѣхъ денежныхъ

Графъ Мюльгревъ.

дѣлахъ многимъ казалось почти невѣроятнымъ. Онъ глубоко оскорбилъ королевскую фамилію дерзкимъ своимъ домогательствомъ сердца и руки принцессы Анны. Претерпѣвши неудачу въ этой попыткѣ, онъ началъ подличаньемъ снова добиваться той милости, которой лишился вслѣдствіе заносчивости. Его эпитафія, написанная имъ самимъ, до сихъ поръ говоритъ посѣтителямъ Вестминстерскаго аббатства, что онъ жилъ и умеръ скептикомъ въ религіи; а изъ собственноручныхъ его записокъ мы знаемъ, что римское суевѣріе было однимъ изъ любимыхъ предметовъ его насмѣшекъ. Не смотря на то, какъ только на престолъ вступилъ Іаковъ, Мюльгревъ тотчасъ принялся выражать сильную наклонность къ папизму и наконецъ въ тихомолку притворился обращеннымъ. Это гнусное лицемѣріе было награждено мѣстомъ въ церковной коммиссіи. (*)

И вотъ передъ грознымъ судилищемъ явился вице-канцлеръ Кембриджскаго университета, докторъ Джонъ Печелль. Онъ не отличался ни особенною даровитостью, ни особенной энергіей; но его сопровождали восемь знаменитыхъ ученыхъ, избранныхъ университетскимъ сенатомъ. Однимъ изъ нихъ былъ Исаакъ Ньютонъ, членъ Троицкой коллегіи и профессоръ математики. Геній его былъ тогда въ полной силѣ. Великое твореніе, которое даетъ ему право на высшее мѣсто между геометрами и естествоиспытателями всѣхъ вѣковъ и народовъ, было за нѣсколько времени передъ тѣмъ одобрено Королевскимъ обществомъ и вскорѣ должно было выйти изъ печати. Онъ былъ неизмѣннымъ другомъ гражданской свободы и протестантской религіи; но его привычки ни мало не располагали его къ треволненіямъ дѣятельной жизни. Поэтому онъ хранилъ скромное молчаніе между депутатами и предоставилъ людямъ болѣе опытнымъ въ практиче-

(*) Характеристика Шеффильда у Макея, съ примѣчаніемъ Свифта; «*Satire on the Deponents*», 1688; «*Life of John, Duke of Buckinghamshire*», 1729; Barillon, 30 авг. 1687. У меня есть рукописный пасквиль на Мюльгрева 1690 года. Онъ не лишенъ остроумія. Замѣчательнѣйшіе стихи въ немъ слѣдующіе:

«Сегодня за Питеромъ, а завтра за Борнетомъ,
Онъ готовъ ухаживать за пройдохами всѣхъ партій и религій.»

скихъ дѣлахъ отстаивать интересы его возлюбленнаго университета.

Дѣло было какъ нельзя болѣе ясно. Законъ былъ точенъ. Практика почти неизмѣнно согласовалась съ закономъ. Могло случиться, конечно, что въ дни великаго торжества, когда раздавалось множество почетныхъ степеней, въ число избранниковъ могли попасть лица, не учинившія присягъ. Но такая неправильность, простое слѣдствіе торопливости и оплошности, не могла служить прецедентомъ. Правда, иностранные послы различныхъ вѣроисповѣданій, въ особенности одинъ мусульманинъ, получили университетскія степени безъ присягъ. Но очевидно, что такія изъятія изъ общаго правила не противорѣчили ни цѣли, ни духу парламентскихъ актовъ. Утверждать, что лицо, которому предложено было и которое отказалось учинить присяги, когда-либо получило какую-нибудь степень, никто даже и не покушался; а между тѣмъ Франсисъ находился именно въ такомъ положеніи. Депутаты брались доказать, что въ минувшее царствованіе нѣсколько королевскихъ повелѣній остались безъ исполненія, потому что указанныя въ нихъ лица не захотѣли подчиниться условіямъ, предписаннымъ закономъ, и что въ такихъ случаяхъ правительство всегда признавало правильнымъ образъ дѣйствія университета. Но Джеффризъ и слышать ничего не хотѣлъ. Онъ скоро замѣтилъ, что вице-канцлеръ былъ слабъ, несвѣдущъ и робокъ, и потому далъ полную волю всей своей наглости, которая такъ долго была грозою Ольдъ-Бейли. Несчастный докторъ, непривыкшій къ такой обстановкѣ и къ такому обхожденію, крайне смутился и вскорѣ совсѣмъ растерялся. Когда же пытался говорить кто-нибудь другой изъ членовъ университета, болѣе способный къ защищенію дѣла, Джеффризъ грубо зажималъ ему ротъ. «Вы не вице-канцлеръ. Когда сдѣлаетесь имъ, тогда и будете разговаривать. Теперь же не мѣшало бы вамъ держать языкъ за зубами.» Отвѣтчиковъ выпроводили изъ суда безъ всякихъ съ ихъ стороны объясненій. Черезъ нѣсколько времени ихъ опять призвали и объявили имъ, что члены коммиссіи рѣшили уволить Пкчелля отъ должности вице-канцлера и отнять у него всѣ доходы, которые онъ получалъ въ ка-

чествѣ директора одной изъ коллегій, и которые имѣли всѣ свойства личной собственности. «Что касается до васъ, сказалъ Джеффризъ депутатамъ, вы вѣдь большею частью богословы. Поэтому я прощусь съ вами текстомъ изъ Св. Писанія: *Не грѣшите же, чтобы не случилось съ вами чего-нибудь хуже.*» (*)

Состояніе Оксфорда.

Этотъ образъ дѣйствій могъ бы показаться достаточно несправедливымъ и насильственнымъ. Но король уже началъ такъ сурово поступать съ Оксфордомъ, что суровость его обращенія съ Кембриджемъ можно было бы сравнительно назвать кротостью. Университетская коллегія уже была обращена Овадіей Воккромъ въ римско-католическую семинарію. Коллегія Христовой церкви уже управлялась римско-католическимъ деканомъ. Месса уже ежедневно служилась въ обоихъ этихъ заведеніяхъ. Мирный и величественный городъ, такъ долго бывшій твердынею монархическихъ принциповъ, волновался теперь страстями, какихъ прежде никогда не знавалъ. Студенты, втайнѣ поощряемые своими начальниками, издѣвались надъ членами конгрегаціи Воккра и пѣли сатирическія пѣсни подъ его окнами. Нѣкоторые отрывки серенадъ, нарушавшихъ тогда тишину Гай-Стрита, сохранились до настоящаго времени. Вотъ припѣвъ одной изъ такихъ пѣсенъ:

«Old Obadiah
Sings Ave Maria.
(Старый Обадія
Поетъ Ave Maria.»)

Когда въ Оксфордъ пріѣхали актеры, общественное чувство выразилось еще сильнѣе. Пріѣзжая труппа поставила на сцену «*Комитетъ*» Говарда. Эта комедія, написанная вскорѣ послѣ Реставраціи, выставляла пуританъ въ гнусномъ и презрѣнномъ видѣ и потому, въ теченіе цѣлой четверти вѣка, была любимою пьесою оксфордской публики. Теперь она еще болѣе понравилась, такъ какъ, по счастливой случайности, однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ ней былъ старый лицемѣръ, по имени Обадія. При появленіи Обадіи въ послѣдней сценѣ съ веревкою

(*) См. процессъ Кембриджскаго университета въ «*Collection of State Trials.*»

на шеѣ, публика принялась восторженно апплодировать; а когда одинъ изъ актеровъ, отступивши отъ писаннаго текста комедіи, объявилъ, что Обадію слѣдовало бы за вѣроотступничество повѣсить, рукоплесканія удвоились. Король былъ крайне раздраженъ этимъ оскорбленіемъ. Настроеніе университета было такъ мятежно, что одинъ изъ ново-сформированныхъ полковъ, тотъ самый, который теперь называется вторымъ полкомъ гвардейскихъ драгунъ, былъ поставленъ въ Оксфордѣ для предупрежденія возстанія. (a)

Эти событія должны были бы убѣдить Іакова, что избранный имъ путь неминуемо велъ къ погибели. Къ лондонскимъ волненіямъ король давно привыкъ. Они не разъ возбуждались противъ него, подчасъ несправедливо, а подчасъ безплодно. Онъ неоднократно пренебрегалъ и все еще могъ пренебрегать ими. Но когда дѣло дошло до того, что Оксфордъ, средоточіе роялизма, главная квартира кавалерской арміи, городъ, куда отецъ и братъ Іакова, почувствовавши себя небезопасными въ бурной столицѣ, перенесли свой дворъ, городъ, гдѣ незадолго передъ тѣмъ были преданы огню сочиненія великихъ республиканскихъ учителей, закипѣлъ неудовольствіемъ; когда дѣло дошло до того, что тѣ храбрые юноши, которые, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, ревностно вызывались въ походъ противъ западныхъ мятежниковъ, теперь съ трудомъ обуздывались саблею и карабиномъ: это уже были зловѣщія предзнаменованія для дома Стюартовъ. Предостереженіе, однако, не подѣйствовало на тупаго, упрямаго и своенравнаго тирана. Онъ рѣшился передать своей церкви всѣ богатѣйшія и самыя блестящія учебныя заведенія Англіи. Лучшіе и умнѣйшіе изъ его католическихъ совѣтниковъ тщетно пытались отклонить его отъ этого намѣренія. Они доказывали ему, что онъ могъ оказать великую услугу своей религіи, не нарушая правъ собственности. Двухъ тысячъ фунтовъ ежегоднаго пособія изъ частной государевой казны было бы достаточно на содержаніе іезуитской коллегіи въ Оксфордѣ. Такая сумма легко

(a) Wood's «*Athenae Oxonienses*»; «*Apology for the Life of Colley Cibber*»; Citters, $^{2}/_{12}$ марта 1686.

могла бы найтись. Такая коллегія, подъ управленіемъ способныхъ, ученыхъ и ревностныхъ наставниковъ, была бы грозною соперницею старинныхъ университетскихъ учрежденій, которыя уже представляли множество признаковъ слабости, почти неразлучной спутницы богатства и обезпеченнаго положенія. Коллегія короля Іакова вскорѣ, даже протестантами, была бы признана первымъ учебнымъ заведеніемъ Англіи какъ въ образовательномъ, такъ и въ воспитательномъ отношеніи. Это было бы самымъ дѣйствительнымъ и наименѣе возмутительнымъ средствомъ унизить Англійскую церковь и возвеличить церковь Римскую. Графъ Эйльсбёри, одинъ изъ преданнѣйшихъ слугъ королевской фамиліи, объявилъ, что онъ, протестантъ и далеко не богатый человѣкъ, готовъ пожертвовать на этотъ предметъ тысячу фунтовъ, лишь бы его государь не нарушалъ правъ собственности и не измѣнялъ своему слову, данному установленой церкви. (a) Мысль объ учрежденіи іезуитской коллегіи въ Оксфордѣ не встрѣтила, однако, никакого сочувствія въ королѣ. Она во многихъ отношеніяхъ не соотвѣтствовала его суровой натурѣ. Гнуть и ломать чужую волю было для него наслажденіемъ; разставаться со своими деньгами было для него наказаніемъ. Чего не хватало у него великодушія сдѣлать на собственный счетъ, то принимался онъ дѣлать на счетъ другихъ. Разъ начавши что-нибудь, онъ уже изъ гордости и упрямства не могъ отступить, и такимъ образомъ, шагъ за шагомъ, дошелъ наконецъ до крайностей турецкаго деспотизма, до поступковъ, которые вселили въ націю убѣжденіе, что имущество англійскаго протестанта подъ управленіемъ католическаго короля подвергалось такой же опасности, какъ имущество грека подъ мусульманскимъ владычествомъ.

Магдалинская коллегія Оксфордскаго университета.

Магдалинская коллегія въ Оксфордѣ, основанная въ XV столѣтіи Вилліамомъ Вейнфлитомъ, епископомъ винчестерскимъ и лордомъ верховнымъ канцлеромъ, была однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ учебныхъ заведеній нашего острова. Изящная башня, съ вершины которой хоръ пѣвчихъ ежегодно привѣтствовалъ утро

(a) Burnet, I. 697.; письмо лорда Эйльсбери, напечатанное въ «*European Magazine*», за апрѣль 1795.

1 мая латинскимъ гимномъ, издалека привлекала взоры всякаго, кто ѣхалъ изъ Лондона. Приближаясь къ мѣсту, путешественникъ замѣчалъ, что эта башня возвышалась надъ низкимъ и неправильнымъ, но необыкновенно почтеннымъ зубчатымъ строеніемъ, которое, укрывшись въ зелени, осѣняло тихія воды Червелля. Онъ проходилъ въ ворота, надъ которыми выдавалось красивое слуховое окно, (*) и вступалъ въ обширную обитель, украшенную эмблемами добродѣтелей и пороковъ, грубо изваянными изъ сѣраго камня каменотёсами XV столѣтія. Обильный яствами столъ корпораціи накрывался въ великолѣпной трапезѣ, обвѣшанной картинами и испещренной затѣйливою рѣзьбою. Церковная служба совершалась утромъ и вечеромъ въ капеллѣ, которая жестоко пострадала отъ насилія реформаторовъ и пуританъ, но тѣмъ не менѣе осталась чрезвычайно красивымъ зданіемъ, реставрированнымъ въ наше время съ рѣдкимъ искусствомъ и вкусомъ. Обширные сады по берегу рѣки были замѣчательны величиною деревьевъ, между которыми высилось одно изъ растительныхъ чудесъ нашего острова: исполинскій дубъ, о которомъ говорили, что онъ былъ цѣлымъ столѣтіемъ старше самой старой изъ университетскихъ коллегій.

На основаніи уставовъ корпораціи, англійскіе короли и принцы валлійскіе имѣли въ ея домѣ особое помѣщеніе. Эдуардъ IV жилъ въ ея зданіи, когда оно еще достраивалось. Ричардъ III пріѣзжалъ туда со своимъ дворомъ, присутствовалъ на диспутахъ въ торжественной залѣ, царски пировалъ тамъ и присылалъ въ подарокъ своимъ хозяевамъ жирныхъ козуль изъ королевскихъ лѣсовъ. Двое наслѣдныхъ принцевъ, преждевременно похищенныхъ смертью, Артуръ, старшій братъ Генриха VIII, и Генрихъ, старшій братъ Карла I, были членами этой коллегіи. Тутъ же воспитывался и другой принцъ королевской крови, послѣдній и лучшій изъ католическихъ архіепископовъ кентербёрійскихъ, кроткій Реджинальдъ Поль. Во время междоусобной войны Магдалинская коллегія оставалась вѣрною коронѣ. Рупрехтъ расположилъ тутъ свою главную квартиру; и не разъ,

(*) Эти ворота теперь заперты.

передъ нѣкоторыми изъ отважнѣйшихъ его предпріятій, мирная обитель оглашалась звуками его трубъ, дававшихъ сигналъ садиться на коней. Большинство общинковъ коллегіи состояло изъ духовныхъ лицъ, которыя могли помогать королю только молитвами да денежными приношеніями. Но одинъ изъ членовъ корпораціи, докторъ гражданскаго права, собралъ отрядъ студентовъ и палъ, храбро сражаясь во главѣ ихъ противъ солдатъ Эссекса. По окончаніи войны, когда круглоголовые сдѣлались владыками Англіи, шесть седьмыхъ членовъ коллегіи отказались подчиниться незаконной власти. За это они были изгнаны изъ своихъ жилищъ и лишились своихъ доходовъ. Послѣ Реставраціи уцѣлѣвшіе изъ нихъ вернулись къ своимъ милымъ пенатамъ. Теперь на смѣну имъ явилось новое поколѣніе, наслѣдовавшее ихъ мнѣнія и мужество. Во время Западнаго возстанія тѣ изъ общинковъ Магдалининской коллегіи, которымъ лѣта и званіе не препятствовали носить оружіе, наперерывъ другъ передъ другомъ вызывались сражаться за корону. Трудно было бы назвать какую-нибудь другую корпорацію въ королевствѣ, которая бы имѣла столько правъ на признательность дома Стюартовъ. (a)

Корпорація состояла изъ президента, сорока общинковъ, тридцати стипендіатовъ, называвшихся полуобщниками, *demies*, и цѣлой толпы капелановъ, причетниковъ и клирошанъ. Во время генеральной визитаціи учебныхъ заведеній при Генрихѣ VIII, доходы этой коллегіи были гораздо значительнѣе доходовъ всякаго другаго подобнаго учрежденія въ государствѣ, почти на половину значительнѣе доходовъ великолѣпной коллегіи Генриха VI въ Кембриджѣ и слишкомъ вдвое болѣе тѣхъ доходовъ, которые Вилліамъ Вайкгамъ ассигновалъ на свою коллегію въ Оксфордѣ. Въ царствованіе Іакова II, богатства Магдалининской корпораціи были дѣйствительно громадны; но молва приписывала имъ небывалые размѣры. Коллегія эта, говорилъ народъ, была богаче самыхъ богатыхъ аббатствъ на материкѣ. По истеченіи прежнихъ арендныхъ сроковъ, — таковъ былъ общій слухъ, — новыя ренты

(a) Wood's «*Athenae Oxonienses*»; Walker's «*Sufferings of the Clergy.*»

ея должны были возвыситься до чудовищной суммы 40,000 фунтовъ въ годъ. (*)

На основаніи статутовъ, начертанныхъ учредителемъ коллегіи, общники ея имѣли право избирать своего президента изъ числа настоящихъ или бывшихъ общниковъ либо своей корпораціи, либо Новой коллегіи. Этимъ правомъ они вообще пользовались свободно. Но иногда получались королевскія письма, предлагавшія корпораціи избрать того изъ легальныхъ кандидатовъ, который находился въ милости при дворѣ. Въ такихъ случаяхъ принято было за правило оказывать уваженіе желаніямъ государя.

Въ мартѣ 1687 года президентъ коллегіи умеръ. Одинъ изъ общниковъ, докторъ Томасъ Смитъ, прозванный равви Смитомъ, знаменитый путешественникъ, библіофилъ, антикварій и оріенталистъ, состоявшій капеланомъ при англійскомъ посольствѣ въ Константинополѣ и занимавшійся собираніемъ и сличеніемъ александрійскихъ рукописей, изъявилъ желаніе занять вакантное мѣсто. Онъ полагалъ, что репутація ученаго человѣка и ревностнаго торія давала ему нѣкоторыя права на благосклонность правительства. Дѣйствительно, болѣе пламеннаго и стойкаго роялиста трудно было найти въ цѣлой Англійской церкви. Онъ издавна былъ коротко знакомъ съ Паркеромъ, епископомъ оксфордскимъ, и посредствомъ этого прелата надѣялся исходатайствовать себѣ королевское письмо въ коллегію. Паркеръ обѣщалъ сдѣлать все что можно, но вскорѣ объявилъ, что встрѣтилъ затрудненія. «Король, сказалъ онъ, не хочетъ рекомендовать никого изъ тѣхъ, кто не принадлежитъ къ числу друзей религіи его величества. Чтó можете вы сдѣлать, чтобы угодить ему съ этой стороны?» Смитъ отвѣчалъ, что, сдѣлавшись президентомъ, онъ будетъ стараться о распространеніи знанія, истинной христіанской вѣры и преданности престолу. «Этого мало», сказалъ епископъ. «Въ такомъ случаѣ, мужественно отвѣтилъ Смитъ, пусть

(*) Burnet, I. 697.; Tanner'ъ «*Notitia Monastica.*» При визитаціи въ двадцать шестой годъ царствованія Генриха VIII, оказалось, что ежегодный доходъ Королевской коллегіи составлялъ 751 ф., Новой коллегіи—487 ф., а Магдалинской коллегіи—1076 ф.

кто хочетъ будетъ президентомъ: я ничего больше не могу обѣщать.»

Король предлагаетъ въ президенты Антона Фармера.

Избраніе новаго президента назначено было на 13 апрѣля, и общники получили приглашеніе собраться. Между тѣмъ разнесся слухъ, что отъ короля придетъ письмо, съ предложеніемъ замѣстить вакансію нѣкоимъ Антони Фармеромъ. Жизнь этого человѣка представляла рядъ постыдныхъ дѣйствій. Онъ былъ когда-то членомъ Кембриджскаго университета, откуда его потому только не выгнали, что самъ онъ заблаговременно убрался. Послѣ того онъ присоединился къ диссидентамъ, потомъ отправился въ Оксфордъ, вступилъ въ Магдалининскую коллегію и вскорѣ пріобрѣлъ тамъ извѣстность всевозможными пороками. Онъ обыкновенно возвращался домой ночью безъ языка и безъ ногъ отъ пьянства. Онъ стяжалъ себѣ славу зачинщика одной изъ позорныхъ дракъ въ Абингдонѣ. Онъ былъ постояннымъ посѣтителемъ отъявленныхъ притоновъ разврата. Наконецъ онъ сдѣлался сводникомъ, низостью превзошелъ всѣхъ своихъ товарищей по низкому ремеслу и бралъ съ распутныхъ студентовъ деньги за такія услуги, о которыхъ исторія предпочитаетъ умалчивать. Этотъ негодяй, однако, притворился папистомъ. Отступничество его загладило въ глазахъ Іакова всѣ его пороки; и онъ, не смотря на свою молодость, попалъ въ кандидаты на должность правителя степенной и религіозной общины, въ которой еще свѣжа была память о соблазнѣ, причиненномъ его безнравственностью.

Какъ папистъ, онъ не могъ занять университетской должности по общему закону страны. Никогда не бывши членомъ ни Магдалининской, ни Новой коллегіи, онъ не могъ занять вакантнаго мѣста президента по особому постановленію Вилліама Вейнфлита. Вилліамъ Вейнфлитъ завѣщалъ, кромѣ того, чтобы тѣ лица, которыя пользовались его щедротами, обращали, при избраніи своего главы, особенное вниманіе на нравственныя качества кандидата. Впрочемъ, еслибы даже онъ и не оставилъ такого наказа, корпорація, состоявшая преимущественно изъ богослововъ, не могла бы, безъ нарушенія приличія, ввѣрить такому человѣку, какъ Фармеръ, управленіе воспитательнымъ заведеніемъ.

Общники почтительно представили королю затруднительное положеніе, въ которое они были бы поставлены, еслибы имъ, какъ носился слухъ, рекомендованъ былъ Фармеръ, и просили, чтобы его величество, если ему угодно было принять участіе въ избраніи президента, предложилъ такое лицо, въ пользу котораго они могли бы вотировать согласно съ закономъ и совѣстью. На эту почтительную просьбу не было обращено никакого вниманія. Королевское письмо явилось. Его привезъ одинъ изъ общниковъ, незадолго передъ тѣмъ обратившійся въ папизмъ, Робертъ Чарнокъ, человѣкъ умный и даровитый, но безпокойнаго и буйнаго характера, который, спустя нѣсколько лѣтъ, довелъ его до гнуснаго преступленія и до страшной участи. 13 апрѣля члены коллегіи собрались въ капеллѣ. Надежда, что король убѣдится представленными ему доводами, была еще не совсѣмъ утрачена. Поэтому собраніе отложило свои занятія до 15 числа, т. е. до послѣдняго дня, въ который, по уставу коллегіи, могли происходить выборы.

Избраніе президента.

15 апрѣля наступило. Общники снова явились въ капеллу. Изъ Вайтголля не пришло никакого отвѣта. Двое или трое старѣйшинъ, и въ томъ числѣ Смитъ, предложили лучше еще разъ отложить избраніе, нежели сдѣлать такой шагъ, который бы оскорбилъ короля. Но смыслъ статутовъ былъ ясенъ. Члены коллегіи клялись соблюдать эти статуты. Общее мнѣніе было противъ дальнѣйшей отсрочки. Начались горячія пренія. Избиратели были до того взволнованы, что не могли усидѣть на мѣстахъ и подняли страшный шумъ на хорахъ. Тѣ изъ нихъ, которые желали приступить къ избранію, ссылались на свои присяги и на правила, начертанныя учредителемъ общины. Король, справедливо говорили они, не имѣлъ никакого права навязывать имъ даже легальнаго кандидата. Во время пренія вырвалось нѣсколько выраженій, непріятныхъ для торійскаго уха. Они крайне раздражили Смита, который вскричалъ, что его собратій обуялъ духъ Фергюсона. Наконецъ, огромное большинство рѣшило, что нужно было немедленно приступить къ избранію. Чарнокъ удалился изъ капеллы. Прочіе общники, пріобщившись св. тайнъ, приступили къ подачѣ голосовъ. Избраннымъ оказался Джонъ

Гофъ, необыкновенно добродѣтельный и благоразумный человѣкъ, который, отличившись въ годину злополучія твердостью, а во время благоденствія мягкостью, достигши высокихъ почестей и скромно уклонившись отъ почестей еще высшихъ, умеръ въ глубокой старости, но въ цвѣтѣ умственныхъ силъ, спустя болѣе пятидесяти шести лѣтъ послѣ этого достопамятнаго дня.

Члены коллегіи поспѣшили увѣдомить короля о причинахъ, по которымъ оказалось нужнымъ безотлагательно избрать президента, и просили герцога Ормонда, какъ патрона всего университета, и епископа винчестерскаго, какъ визитатора Магдалининской коллегіи, походатайствовать о нихъ передъ правительствомъ. Но король былъ такъ золъ и такъ тупоуменъ, что не слушалъ никакихъ объясненій.

Общинки Магдалининской коллегіи передъ Верховною коммиссіею.

Въ началѣ іюня общинки получили предписаніе явиться въ Верховную коммиссію въ Вайтголлѣ. Пятеро изъ нихъ, отправленные остальными въ качествѣ депутатовъ, исполнили требованіе. Джеффризъ, по обыкновенію своему, обошелся съ ними крайне грубо. Когда одинъ изъ нихъ, почтенный докторъ Ферфаксъ, выразилъ нѣкоторое сомнѣніе насчетъ законности Верховной коммиссіи, канцлеръ заревѣлъ какъ дикій звѣрь. «Что это за человѣкъ? Кто ему далъ право нахальничать здѣсь? Взять его! Посадить его въ темную комнату! Отчего при немъ нѣтъ сторожа? Я беру его подъ присмотръ какъ сумасшедшаго. Удивляюсь, какъ это никто не предупредилъ меня, что его слѣдуетъ заключить въ желтый домъ.» Но когда утихла эта буря, и когда прочтены были показанія о нравственныхъ качествахъ королевскаго кандидата, ни у кого изъ членовъ коммиссіи не хватило духу признать такого человѣка достойнымъ званія главы знаменитой коллегіи. Обадія Вокеръ и другіе оксфордскіе паписты, явившіеся поддерживать своего прозелита, пришли въ крайнее смущеніе. Коммиссія признала избраніе Гофа недѣйствительнымъ и лишила Ферфакса званія общинка, но о Фармерѣ не было больше и рѣчи; а въ августѣ мѣсяцѣ члены коллегіи получили новое письмо отъ короля, который теперь предлагалъ имъ въ президенты Паркера, епископа оксфордскаго.

Паркеръ не былъ явнымъ папистомъ. Однако и противъ него имѣлось возраженіе, которое было бы рѣшительнымъ даже и въ томъ случаѣ, еслибы президентское мѣсто оставалось вакантнымъ: онъ никогда не былъ общникомъ ни Новой, ни Магдалинской коллегіи. Но президентское мѣсто не было вакантнымъ. Гофъ былъ правильно избранъ, и всѣ члены коллегіи обязались присягою поддерживать его въ должности президента. Поэтому, разсыпаясь въ изъявленіяхъ преданности и сожалѣнія, они просили извиненія въ томъ, что не могли исполнить королевскаго повелѣнія. Предложеніе Паркера въ президенты

Между тѣмъ какъ Оксфордъ оказывалъ такимъ образомъ твердое сопротивленіе тираніи, правительство и въ другомъ мѣстѣ встрѣтило не менѣе рѣшительный отпоръ. За нѣсколько времени передъ тѣмъ, Іаковъ приказалъ попечителямъ Чартергауса, людямъ высокаго званія, пользовавшимся большимъ уваженіемъ въ королевствѣ, принять на службу въ подвѣдомственный имъ госпиталь одного католика, по имени Попгама. Директоръ этого госпиталя, Томасъ Борнетъ, необыкновенно умный, ученый и добродѣтельный священникъ, не взирая на присутствіе свирѣпаго Джеффриза, имѣлъ смѣлость представить попечительному комитету, что требованіе короля было противно и завѣщанію учредителя, и парламентскому акту. «Какое до этого дѣло?» сказалъ одинъ изъ попечителей-царедворцевъ. «Очень большое, я полагаю», отвѣтилъ слабый отъ лѣтъ и кручины, но не утратившій своего авторитета между англичанами, голосъ герцога Ормонда. «Парламентскій актъ, продолжалъ патріархъ кавалерской партіи, по моему разумѣнію, не пустякъ.» Вопросъ о томъ, слѣдовало ли принять Попгама, былъ рѣшенъ отрицательно. Канцлеръ, который не могъ отвести душу бранью и проклятіями противъ Ормонда, удалился въ бѣшенствѣ и увлекъ за собою нѣсколько лицъ изъ меньшинства. Поэтому, за отсутствіемъ надлежащаго числа членовъ, оказалось невозможнымъ составить формальный отвѣтъ на королевскій указъ. Чартергаусъ.

Слѣдующее засѣданіе происходило всего черезъ два дня послѣ того, какъ Верховная коммиссія постановила приговоръ противъ Гофа и Ферфакса. Попечители Чартергауса получили новый

указъ за большою печатью; но деспотическій поступокъ короля съ Магдалининскою коллегіею не смирилъ, а напротивъ возбудилъ ихъ мужество. Они написали къ Сондерланду письмо, въ которомъ просили его увѣдомить короля, что они не могли, въ настоящемъ случаѣ, повиноваться его величеству, не нарушивъ закона и не измѣнивъ своему долгу.

Будь этотъ документъ подписанъ обыкновенными смертными, король, по всей вѣроятности, принялъ бы какую-нибудь крутую мѣру. Но знаменитыя имена Ормонда, Галифакса, Данби и Ноттингама, главныхъ представителей всѣхъ отдѣловъ той партіи, которой онъ былъ обязанъ короною, устрашили даже и его. Онъ ограничился тѣмъ, что поручилъ Джеффризу придумать необходимыя мѣры. Сначала было объявлено, что начатъ будетъ процессъ въ судѣ королевской скамьи, потомъ — что дѣло будетъ производиться въ церковной коммиссіи; но эти угрозы мало по малу прекратились. (¹)

Путешествіе короля.

Лѣто уже близилось къ концу, когда король предпринялъ путешествіе, самое продолжительное и самое блестящее изо всѣхъ высочайшихъ путешествій послѣдняго времени. Изъ Виндзора онъ отправился 16 августа въ Портсмутъ, осмотрѣлъ тамошнія укрѣпленія, прикоснулся къ нѣсколькимъ золотушнымъ и потомъ отплылъ на одной изъ своихъ яхтъ въ Соутгамптонъ. Изъ Соутгамптона поѣхалъ онъ въ Батъ, гдѣ пробылъ нѣсколько дней и гдѣ оставилъ королеву. Когда онъ уѣзжалъ оттуда, главный шерифъ Сомерсетшира и множество джентльменовъ сопровождали его до границы графства, гдѣ ожидалъ его главный шерифъ Глостершира съ такою же блестящею свитою. Герцогъ Бофортъ, поспѣшившій на встрѣчу королевскому поѣзду, проводилъ его въ Бадминтонъ, гдѣ приготовленъ былъ банкетъ, достойный той славы, которую пріобрѣлъ герцогъ своимъ блестящимъ хозяйствомъ. Послѣ обѣда кавалькада двинулась въ Глостеръ. Она была встрѣчена за двѣ мили отъ города епископомъ и духовенствомъ. У южныхъ воротъ ожидалъ ее меръ съ ключами. Когда король проѣзжалъ по улицамъ, ведущимъ къ оградѣ, которая окружаетъ

(¹) «*A Relation of the Proceedings at the Charterhouse*», 1689.

Digitized by Google

соборъ, колокола гудѣли, и вино лилось рѣкою. Іаковъ переночевалъ въ домѣ декана и на слѣдующее утро выѣхалъ въ Вустеръ. Изъ Вустера онъ отправился въ Лодло, Шрусбёри и Честеръ и повсюду былъ встрѣчаемъ внѣшними знаками радости и уваженія, которые онъ, по тупоумію, принималъ за доказательства того, что неудовольствіе, возбужденное его мѣрами, прекратилось, и что ему предстояла легкая побѣда. Болѣе проницательный Барильонъ увѣдомилъ Людовика, что англійскій король находился въ заблужденіи, что путешествіе его не принесло никакой дѣйствительной пользы, и что тѣ самые вустерширскіе и шропширскіе джентльмены, которые сочли долгомъ принять своего государя и гостя со всевозможнымъ почетомъ, оказались бы по прежнему непокорными, еслибы рѣчь зашла объ испытательной присягѣ. (a)

Дорогою къ королевскому поѣзду присоединилось двое царедворцевъ, которые характерами и мнѣніями рѣзко отличались одинъ отъ другого. Пеннъ находился въ Честерѣ по обязанностямъ своего пастырскаго званія. Его популярность и авторитетъ между квакерами значительно уменьшились съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался орудіемъ короля и іезуитовъ. (b) Іаковъ, впрочемъ, принялъ его весьма милостиво и въ воскресенье позволилъ ему говорить рѣчь на дворѣ, отведенномъ для игры въ мячъ, въ то самое время, когда Картрайтъ проповѣдывалъ въ соборѣ, и когда самъ король слушалъ мессу передъ алтаремъ, устроеннымъ въ комитатской залѣ. Говорятъ даже, что его величество соизволилъ заглянуть во дворъ, гдѣ проповѣдывалъ его другъ, и благосклонно послушалъ мелодическаго его краснорѣчія. (c)

(a) См. «*London Gazette*», from August 18. to September 1. 1687; Barillon, $^{19}/_{29}$ сентября.

(b) «Penn, chef des Quakers, qu'on sait être dans les intérêts du Roi d'Angleterre, est si fort décrié parmi ceux de son parti qu'ils n'ont plus aucune confiance en lui.» — Бонрепò къ Сеньлѐ, $^{19}/_{29}$ сент. 1687 То же самое свидѣтельствуетъ и Джерардъ Крэзъ. «Etiam Quakeri Pennum non amplius, ut ante, ita amabant ac magnifaciebant, quidam aversabantur ac fugiebant.» — «*Historia Quakeriana*», lib. II. 1695.

(c) Cartwright's «*Diary*», August 30. 1687. Clarkson's «*Life of William Penn.*»

Свирѣпый Тирконнель пріѣхалъ изъ Дублина для представленія отчета о своемъ управленіи. Всѣ наиболѣе почтенные англійскіе католики глядѣли на него косо, какъ на врага своего племени и какъ на позоръ своей религіи. Но государь принялъ его радушно и отпустилъ его съ увѣреніями въ неизмѣнномъ своемъ довѣріи и благоволеніи къ нему. Іаковъ съ радостью узналъ, что въ непродолжительномъ времени вся ирландская администрація будетъ находиться въ римско-католическихъ рукахъ. Англійскіе поселенцы были уже лишены всякой политической власти. Оставалось только лишить ихъ собственности. Это послѣднее насиліе отложено было лишь до пріобрѣтенія содѣйствія ирландскаго парламента. (6)

Изъ Чешира король повернулъ на югъ и, въ полной увѣренности, что общники Магдалинской коллегіи, какъ бы мятежливы они ни были, не посмѣютъ ослушаться изустнаго его приказанія, направилъ свой путь въ Оксфордъ. По дорогѣ онъ дѣлалъ небольшія поѣздки въ мѣста, особенно интересовавшія его какъ короля, какъ брата и какъ сына. Онъ посѣтилъ гостепріимный кровъ Боскобеля и осмотрѣлъ останки дуба, столь знаменитаго въ исторіи его дома. (7) Онъ проѣхалъ по Эджгилльскому полю, гдѣ кавалеры впервые скрестили мечи съ войсками парламента. 3 сентября онъ съ большою пышностью отобѣдалъ въ Вудстокскомъ дворцѣ, древнемъ и знаменитомъ чертогѣ, отъ котораго не

---

(6) «*London Gazette*», Sept. 5.; Sheridan MS.; Barillon $^{6}/_{16}$ сент. 1687. «Le Roi son maître, говоритъ Барильонъ, a témoigné une grande satisfaction des mesures qu'il a prises, et a autorisé ce qu'il a fait en faveur des Catholiques. Il les établit dans les emplois et les charges, en sorte que l'autorité se trouvera bientôt entre leurs mains. Il reste encore beaucoup de choses à faire en ce pays là pour retirer les biens injustement ôtés aux Catholiques. Mais cela ne peut s'exécuter qu'avec le tems et dans l'assemblée d'un parlement en Irlande.»

(7) *Boscobel* — названіе уединенной фермы на границѣ Стаффордшира. Тамъ нѣсколько времени скрывался Карлъ II послѣ сраженія при Вустерѣ. Неподалеку оттуда, на лѣсной полянѣ, стоялъ дубъ, прозванный впослѣдствіи Королевскимъ, *Royal Oak*, потому что на немъ, 6 сентября 1651, Карлъ цѣлыя сутки прятался отъ поисковъ солдатъ Кромвеля.

осталось теперь ни одного камня, но мѣстоположеніе котораго до сихъ поръ обозначается на дернѣ Бленгеймскаго парка двумя сикоморами, растущими близь великолѣпнаго моста. Вечеромъ прибылъ онъ въ Оксфордъ. Его приняли тамъ съ обычными почестями. Для встрѣчи его, студенты въ парадной одеждѣ были построены въ линію по обѣимъ сторонамъ дороги, отъ въѣзда въ городъ до главныхъ воротъ коллегіи Христовой церкви. Онъ остановился въ домѣ декана, гдѣ, между прочими удобствами, нашелъ капеллу, устроенную для совершенія мессы. (*) На другой день послѣ его пріѣзда, общники Магдалинской коллегіи получили приказаніе явиться къ нему. Когда они предстали предъ нимъ, онъ напустился на нихъ съ такою наглостью, какой никогда не испытывали ихъ предшественники даже отъ пуританскихъ визитаторовъ. «Вы поступили со мною не такъ, какъ поступаютъ джентльмены, воскликнулъ онъ. Вы были не только непокорны, но и невѣжливы.» Они пали на колѣни и представили просьбу. Онъ не хотѣлъ и глядѣть на нее. «Таково-то вѣрноподданство вашей Англійской церкви? Не думалъ я, чтобы столько членовъ Англійской церкви было замѣшано въ такомъ дѣлѣ. Ступайте домой! Убирайтесь отсюда! Я король. Я хочу, чтобы мнѣ повиновались. Ступайте сію же минуту въ вашу капеллу и изберите епископа оксфордскаго! Кто откажется, берегись! Ослушники почувствуютъ всю тяжесть моей руки. Они узнаютъ, что́ значитъ гнѣвъ ихъ государя.» Общники, продолжая стоять на колѣняхъ, снова подали ему свою просьбу. Онъ сердито швырнулъ ее на полъ. «Убирайтесь, говорю вамъ. Я ничего не приму отъ васъ, пока вы не изберете епископа.»

Король въ Оксфордѣ.

Онъ дѣлаетъ нагоняй общникамъ Магдалинской коллегіи.

Они удалились и тотчасъ же собрались въ своей капеллѣ. Предложенъ былъ вопросъ: исполнять ли приказаніе его величества. Смитъ былъ въ отсутствіи. Одинъ лишь Чарнокъ отвѣчалъ утвердительно. Остальные общники, присутствовавшіе въ собраніи, объявили, что во всѣхъ законныхъ дѣлахъ они готовы повиноваться королю, но что они не хотятъ нарушать своихъ статутовъ и присягъ.

(*) «*London Gazette*», Sept. 5. and Sept. 8. 1687.

Король, крайне раздраженный и оскорбленный этою неудачею, оставилъ Оксфордъ и отправился къ королевѣ въ Батъ. Упрямство и необузданность поставили его въ затруднительное положеніе. Онъ слишкомъ понадѣялся на эфектъ своего нахмуреннаго чела и сердитаго тона и опрометчиво связалъ съ исходомъ борьбы не только кредитъ своего управленія, но и личное свое достоинство. Могъ ли онъ уступить подданнымъ, которымъ грозилъ неистовымъ голосомъ и яростными жестами? А съ другой стороны, могъ ли онъ безбоязненно изгнать въ одинъ день изъ университета цѣлую толпу почтенныхъ богослововъ, которые исполнили то, чтó вся нація считала священнымъ долгомъ? Нельзя ли было найти какой-нибудь выходъ изъ этой дилеммы? Нельзя ли было угрозами, ласками или подкупомъ принудить коллегію къ повиновенію? Іаковъ прибѣгнулъ къ посредничеству Пенна.

Пенн пытается уладить дѣло.

У Пенна было слишкомъ много здраваго смысла, чтобы одобрять насильственныя и несправедливыя дѣйствія правительства. Онъ даже осмѣлился высказать кое-что изъ того, чтó думалъ; но Іаковъ, по обыкновенію, упорствовалъ въ ошибкѣ. Поэтому угодливый квакеръ употребилъ всѣ усилія, чтобы совратить коллегію съ прямаго пути. Сначала онъ попытался застращать ее. Коллегіи, говорилъ онъ, грозила погибель. Король былъ крайне раздраженъ. Дѣло, конечно, могло оказаться труднымъ. Многіе такимъ и считали его. Но каждому ребенку было извѣстно, что его величество любилъ поставить на своемъ и терпѣть не могъ противорѣчія. Поэтому Пенн увѣщалъ общниковъ не полагаться на правоту своего дѣла, но покориться, или по крайней мѣрѣ отложить рѣшительныя дѣйствія до другаго времени. Такой совѣтъ странно звучалъ изъ устъ человѣка, который самъ былъ изгнанъ изъ университета за то, что произвелъ бунтъ изъ-за стихаря, человѣка, который готовъ былъ скорѣе лишиться родоваго своего имущества, нежели снимать шляпу передъ принцами королевской крови, человѣка, который не разъ отправлялся въ тюрьму за то, что проповѣдывалъ на пуританскихъ сходбищахъ. Ему не удалось запугать членовъ Магдалинской коллегіи. Въ отвѣтъ на его тревожные намеки ему напомнили, что въ прошломъ поколѣніи тридцать четыре изъ сорока общниковъ ра-

достно покинули излюбленные свои аудиторіи и сады, залу и капеллу, и рѣшились лучше сдѣлаться бездомными горемыками, нежели нарушить вѣрноподданническую присягу. Король желалъ теперь, чтобы они нарушили другую присягу. Ему предстояло убѣдиться, что прежній духъ еще не угасъ.

Тогда Пеннъ заговорилъ болѣе кроткимъ тономъ. Онъ устроилъ свиданіе съ Гофомъ и съ нѣкоторыми изъ общниковъ и, послѣ многихъ увѣреній въ сочувствіи и дружбѣ, началъ намекать на компромиссъ. Король, говорилъ онъ, терпѣть не могъ противорѣчія. Коллегія должна сдѣлать уступку. Паркеръ долженъ быть избранъ. Здоровье его очень плохо. Всѣ его должности скоро будутъ вакантными. «Докторъ Гофъ, сказалъ Пеннъ, можетъ тогда сдѣлаться епископомъ оксфордскимъ. Какъ вы объ этомъ думаете, господа?» Пеннъ всю свою жизнь витійствовалъ противъ наёмнаго духовенства. Онъ считалъ себя обязаннымъ отказываться отъ платежа десятинъ даже въ то время, когда покупалъ обремененную десятинами землю и получалъ отъ продавца уступку, соотвѣтствовавшую стоимости десятинъ. На основаніи его собственныхъ принциповъ, онъ сдѣлалъ бы тяжкій грѣхъ, еслибы сталъ ходатайствовать о предоставленіи какой-нибудь бенефиціи на самыхъ почетныхъ условіяхъ самому благочестивому изъ духовныхъ лицъ. Но дурныя связи до того испортили его нравственность, а чрезмѣрное рвеніе объ одномъ предметѣ до того помрачило его умъ, что онъ не посовѣстился сдѣлаться посредникомъ въ симоніи особенно безчестнаго рода и употребить епископство приманкою для того, чтобы склонить одно изъ духовныхъ лицъ къ клятвопреступленію. Гофъ отвѣтилъ съ учтивымъ презрѣніемъ, что онъ ничего не желалъ отъ короны, кромѣ обыкновенной справедливости. «Мы настаиваемъ, сказалъ онъ, на соблюденіи нашихъ статутовъ и нашихъ присягъ; но, даже отложивши въ сторону наши статуты и присяги, мы понимаемъ, что намъ приходится защищать нашу религію. Паписты уже отняли у насъ Университетскую коллегію. Они отняли у насъ коллегію Христовой Церкви. Теперь борьба идетъ за Магдалининскую коллегію. Вскорѣ они захотятъ завладѣть всѣми остальными.»

Пеннъ имѣлъ глупость отвѣтить, что, по его искреннему

мнѣнію, паписты теперь удовлетворились бы. «Университетская коллегія, сказалъ онъ, прелестное заведеніе. Коллегія Христовой Церкви превосходное мѣсто. Магдалинская коллегія прекрасное зданіе. Мѣстоположеніе ея удобно. Аллеи вдоль рѣки восхитительны. Если католики благоразумны, они удовольствуются этими пріобрѣтеніями.» Одного этого нелѣпаго признанія было бы достаточно, чтобы отнять у Гофа и его собратій всякую возможность уступки. Переговоры прервались; и король поспѣшилъ привести въ исполненіе свою угрозу показать ослушникамъ, что значило подвергнуться его немилости.

Особая церковная коммиссія въ Оксфордѣ.

Картрайтъ, епископъ честерскій, Райтъ, главный судья королевской скамьи, и сэръ Томасъ Дженнеръ, одинъ изъ бароновъ казначейства, получили особое повелѣніе произвести визитаторское слѣдствіе надъ коллегіею. Они пріѣхали въ Оксфордъ 20 октября, въ сопровожденіи трехъ отрядовъ кавалеріи съ обнаженными саблями. На слѣдующее утро коммиссія открыла свои засѣданія въ залѣ Магдалинской коллегіи. Картрайтъ произнесъ вѣрноподданническую рѣчь, которая, нѣсколько лѣтъ назадъ, вызвала бы рукоплесканія у оксфордской публики, но теперь была выслушана съ мрачнымъ негодованіемъ. За нею послѣдовалъ продолжительный споръ. Президентъ отстаивалъ свои права искусно, хладнокровно и рѣшительно. Онъ изъявлялъ глубокое уваженіе къ королевской власти, но въ то же время твердо доказывалъ, что, на основаніи англійскихъ законовъ, онъ имѣлъ полное право пользоваться квартирою и доходами, присвоенными должности президента. Этого права, говорилъ онъ, не могъ отнять у него произвольный указъ государя. «Угодно ли вамъ, сказалъ епископъ, подчиниться нашей визитаціи?» — «Я подчиняюсь ей, весьма ловко отвѣтилъ Гофъ, настолько, насколько она согласна съ законами, но не болѣе.» — «Угодно ли вамъ отдать ключъ отъ вашей квартиры?» сказалъ Картрайтъ. Гофъ молчалъ. Вопросъ былъ повторенъ, и Гофъ отвѣтилъ кроткимъ, но рѣшительнымъ отказомъ. Коммиссія объявила его самозванцемъ, приказала общникамъ не признавать болѣе его власти и предложила имъ присутствовать при опредѣленіи къ должности епископа оксфордскаго. Чарнокъ ревностно обѣщалъ повиноваться; Смитъ

далъ уклончивый отвѣтъ; но большинство членовъ коллегіи твердо объявило, что оно по прежнему считало Гофа своимъ законнымъ главою.

Тогда Гофъ самъ попросилъ позволенія сказать нѣсколько словъ членамъ коммиссіи. Они очень любезно согласились, ожидая, можетъ быть, по спокойствію и учтивости его обращенія, что онъ хотѣлъ сдѣлать какую-нибудь уступку. «Милорды, сказалъ онъ, вы сегодня лишили меня моей собственности; а потому я протестую противъ всѣхъ вашихъ мѣръ, какъ незаконныхъ, несправедливыхъ и недѣйствительныхъ, и подаю на васъ апелляцію нашему державному государю королю въ его судебныя палаты.» Изъ толпы профессоровъ и студентовъ, наполнявшихъ залу, раздались громкія рукоплесканія. Члены коммиссіи пришли въ ярость. Сдѣлана была попытка отыскать нарушителей порядка, но безуспѣшно. Тогда бѣшенство всей коммиссіи обратилось противъ Гофа. «Не думайте запугать насъ, сэръ», воскликнулъ Дженнеръ, остря на счетъ фамиліи президента. (*) «Я буду поддерживать авторитетъ его величества до послѣдняго моего издыханія, сказалъ Райтъ. Все это происходитъ отъ вашего дерзкаго протеста. Вы нарушили порядокъ. Вы будете отвѣчать за это въ судѣ королевской скамьи. Обязываю васъ, подъ опасеніемъ штрафа въ тысячу фунтовъ, явиться туда въ ближайшій періодъ судебныхъ засѣданій. Посмотримъ, не смиритъ ли васъ гражданская власть. Если ея окажется недостаточно, мы употребимъ противъ васъ и военную силу.» Дѣйствительно, Оксфордъ былъ въ такомъ состояніи, которое не мало безпокоило коммиссію. Солдатамъ приказано было имѣть карабины заряженными. Говорили, что въ Лондонъ посланъ былъ гонецъ, съ цѣлью ускорить прибытіе новыхъ войскъ. Безпорядковъ, однако, не произошло никакихъ. Епископъ оксфордскій спокойно вступилъ въ должность президента; но при церемоніи присутствовало только двое членовъ Магдалинской коллегіи. Многіе признаки показывали, что духъ сопротивленія проникъ и въ простой народъ. Привратникъ кол-

Протестъ Гофа.

Вступленіе Паркера въ должность президента.

(*) Фамилія Hough и глаголъ *to huff*, стращать, произносятся почти одинаково.

легіи бросилъ свои ключи. Буфетчикъ отказался вычеркнуть фамилію Гофа изъ хозяйственной книги и былъ немедленно отставленъ отъ должности. Въ цѣломъ городѣ нельзя было найти слесаря, который бы согласился отомкнуть замокъ въ квартирѣ президента. Члены коммиссіи принуждены были употребить въ дѣло собственныхъ слугъ, которые взломали дверь желѣзными ломами. Проповѣди, сказанныя въ слѣдующее воскресенье въ университетской церкви, были исполнены такихъ разсужденій, которыя задѣвали Картрайта за живое, хотя и не представляли ничего такого, къ чему бы могъ онъ основательно придраться.

Еслибы Іаковъ не былъ ослѣпленъ, дѣло могло бы остановиться на этомъ. Общники вообще не были расположены къ дальнѣйшему сопротивленію. Они были того мнѣнія, что, отказавшись присутствовать при опредѣленіи къ должности самозванца, они достаточно заявили уваженіе къ своимъ статутамъ и присягамъ, и что теперь, когда онъ фактически сдѣлался президентомъ, имъ было позволительно подчиняться ему, какъ главѣ, до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ устраненъ отъ должности рѣшеніемъ надлежащаго судебнаго мѣста. Только одинъ общникъ, докторъ Фервфаксъ, отказался даже отъ такой уступки. Коммиссія охотно прекратила бы распрю на этихъ условіяхъ. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ продолжалось перемиріе, которое, по мнѣнію многихъ, должно было кончиться полюбовною сдѣлкою; но вскорѣ все снова пришло въ смятеніе. Общники замѣтили, что голосъ народа громко обвинялъ ихъ въ малодушіи. Горожане уже подтрунивали надъ магдалининскою совѣстью и кричали, что смѣлый Гофъ и честный Фервфаксъ преданы и покинуты. Еще оскорбительнѣе были насмѣшки Обадіи Вокера и его товарищей-ренегатовъ. Вотъ чѣмъ, говорили эти отступники, кончились всѣ пышныя фразы, которыми коллегія заявляла рѣшимость отстаивать своего законнаго президента и свою протестантскую вѣру. Между тѣмъ какъ общники, жестоко уязвленные общественнымъ порицаніемъ, жалѣли, что согласились на условную покорность, они узнали, что эта покорность отнюдь не удовлетворила короля. Этого недостаточно, говорилъ онъ, что они изъявили согласіе повиноваться епископу оксфордскому, какъ президенту de facto. Они должны

положительно признать коммиссію и всѣ ея дѣйствія законными. Они должны сознаться, что поступали противно долгу; они должны принести повинную; они должны обѣщать впередъ вести себя лучше, должны молить его величество о прощеніи и пасть къ его ногамъ. Два общника, на которыхъ король не имѣлъ причины жаловаться, Чарнокъ и Смитъ, освобождались отъ обязанности приносить эти унизительныя извиненія.

Даже Іаковъ никогда еще не дѣлалъ болѣе грубой ошибки. Общники, уже и безъ того досадовавшіе на самихъ себя за слишкомъ большія уступки и задѣтые за живое публичными порицаніями, съ жаромъ ухватились за представившійся имъ случай снова заслужить общественное уваженіе. Они единогласно объявили, что никогда не будутъ просить прощенія въ своей правотѣ и никогда не признаютъ, чтобы визитація ихъ коллегіи и низложеніе ихъ президента были законны.

Изгнаніе общниковъ изъ коллегіи.

Тогда король привелъ въ исполненіе свою угрозу и далъ имъ почувствовать всю тяжесть своей руки. Они были присуждены однимъ общимъ эдиктомъ къ изгнанію изъ коллегіи. Однако и это наказаніе сочтено было недостаточнымъ. Извѣстно было, что многіе нобльмены и джентльмены, обладавшіе церковнымъ патронатомъ, охотно доставили бы мѣста людямъ, которые такъ сильно пострадали за англійскіе законы и за протестантскую религію. Поэтому Верховная коммиссія объявила, что изгнанные общники навсегда лишаются права занимать какую бы то ни было церковную должность. Тѣ изъ нихъ, которые еще не были поставлены во священники, объявлены были недостойными поступленія въ духовное званіе. Іаковъ могъ наслаждаться мыслью, что многіе изъ нихъ, пользовавшіеся въ коллегіи всякаго рода удобствами и разсчитывавшіе въ будущемъ на блестящія карьеры, были доведены имъ до безнадежной нищеты.

Но всѣ эти строгости произвели дѣйствіе, прямо противоположное тому, котораго онъ ожидалъ. Духъ англичанъ, тотъ могучій духъ, пониманіе котораго, не смотря на уроки опыта, не далось ни одному королю изъ дома Стюартовъ, смѣло и сильно возсталъ противъ несправедливости. Оксфордъ, мирное средоточіе наукъ и вѣрноподданства, находился теперь въ такомъ состояніи,

что напоминалъ собою лондонское Сити на другой день послѣ попытки Карла I схватить пятерыхъ членовъ. Вице-канцлеръ получилъ приглашеніе отобѣдать съ членами коммиссіи въ день изгнанія общниковъ. Онъ отказался. «У меня, сказалъ онъ, не такой вкусъ, какъ у полковника Кэрка. Я не могу съ аппетитомъ ѣсть подъ висѣлицею.» Студенты отказывались снимать шапки передъ новыми начальниками Магдалининской коллегіи. Смитъ былъ прозванъ докторомъ Плутомъ, *Doctor Roguery*, и подвергся публичному оскорбленію въ одной изъ кофеенъ. Когда Чарнокъ потребовалъ, чтобы полуобщники явились къ нему для учебныхъ занятій, они отвѣтили, что у нихъ отняли законныхъ наставниковъ, и что они не намѣрены подчиняться неправильно захваченной власти. Они собирались отдѣльно какъ для ученія, такъ и для богослуженія. Дѣлались попытки подкупить ихъ обѣщаніями доходныхъ мѣстъ общниковъ, которыя только-что были объявлены вакантными; но студенты, одинъ за другимъ, мужественно отвѣчали, что совѣсть не позволяла имъ пользоваться несправедливостью. Одинъ молодой человѣкъ, рѣшившійся принять мѣсто общника, былъ выгнанъ своими товарищами изъ залы. Приглашались юноши изъ другихъ коллегій, но почти безъ всякаго успѣха. Богатѣйшее изъ учебныхъ заведеній въ королевствѣ, казалось, утратило всю свою привлекательность для недостаточныхъ студентовъ. Между тѣмъ въ Лондонѣ и во всемъ государствѣ собирались деньги для пособія изгнаннымъ общникамъ. Принцесса Оранская, къ великой радости всѣхъ протестантовъ, пожертвовала 200 фунтовъ. Король, однако, продолжалъ идти своимъ путемъ. За изгнаніемъ общниковъ скоро послѣдовало изгнаніе цѣлой толпы полуобщниковъ. Тѣмъ временемъ новый президентъ быстро изнемогалъ подъ бременемъ тѣлеснаго и душевнаго недуга. Онъ сдѣлалъ послѣднее слабое усиліе оказать услугу правительству и въ то самое время, когда коллегія открыто бунтовала противъ его власти, издалъ трактатъ въ защиту декларацiи объ индульгенціи, или скорѣе въ защиту ученія о пресуществленіи. Это сочиненіе вызвало множество отвѣтовъ, между которыми особенно отличался отвѣтъ Борнета, написанный необыкновенно сильно и язвительно. Спустя нѣсколько

недѣль послѣ изгнанія полуобщниковъ, Паркеръ скончался въ томъ домѣ, которымъ онъ завладѣлъ насильственно. Носились слухи, что сердце его было сокрушено стыдомъ и угрызеніями совѣсти. Онъ погребенъ въ преддверіи Магдалининской капеллы; но могила его не отмѣчена никакимъ памятникомъ.

Магдалининская коллегія обращена въ папистскую семинарію.

Весь планъ короля былъ приведенъ теперь въ исполненіе. Коллегія была обращена въ папистскую семинарію. Президентомъ ея назначенъ былъ католикъ Бонавентура Гиффардъ, епископъ мадурскій. Въ капеллѣ совершалось римско-католическое богослуженіе. Въ одинъ день двѣнадцать католиковъ приняты были въ число общниковъ. Нѣкоторые раболѣпные протестанты просились на вакантныя мѣста, но получили отказъ. Смитъ, пламенный роялистъ, но въ то же время искренній членъ Англиканской церкви, не могъ хладнокровно смотрѣть на измѣнившійся видъ коллегіи. Онъ удалился оттуда, получилъ приказаніе вернуться къ своему посту, ослушался и подвергся изгнанію. Ограбленіе совершилось вполнѣ. (*)

Характеръ англійской университетской системы таковъ, что всякое событіе, серьёзно затрогивающее интересы и честь того или другаго изъ университетовъ, неминуемо возбуждаетъ сильное чувство во всей странѣ. Поэтому, всѣ удары, одинъ за другимъ падавшіе на Магдалининскую коллегію, чувствовались на всемъ протяженіи королевства. Въ лондонскихъ кофейняхъ, въ школахъ правовѣдѣнія, въ обителяхъ всѣхъ каѳедральныхъ городовъ, въ пасторскихъ и помѣщичьихъ домахъ, разсѣянныхъ по самымъ отдаленнымъ ширамъ, состраданіе къ жертвамъ и негодованіе противъ правительства постоянно возрастали. Протестъ Гофа повсюду встрѣтилъ одобреніе; выломка его двери повсюду возбудила омерзѣніе; наконецъ приговоръ объ исключеніи общниковъ

(*) *«Proceedings against Magdalene College, in Oxon. for not electing Anthony Farmer president of the said College»* въ *«Collection of State Trials»*, Howell's edition; Luttrell's *«Diary»*, June 15. 17., Oct. 24., Dec. 10. 1687; Smith's *«Narrative»*; письмо д-ра Ричарда Робинсона, отъ 31 окт. 1687; Rebbby's *«Memoirs»*; Burnet, I. 699.; Cartwright's *«Diary»*; Citters, $\frac{25\ \text{окт.}}{4\ \text{нояб.}}$, $\frac{28\ \text{окт.}}{7\ \text{нояб.}}$, $^{8}/_{18}$ и $^{18}/_{28}$ нояб. 1687.

изъ коллегіи разрушилъ нѣкогда столь тѣсныя и дорогія узы, привязывавшія Англійскую церковь къ дому Стюартовъ. Горькая злоба и жестокая тревога заняли мѣсто любви и довѣрія. Не было ни одного пребендарія, ни одного ректора, ни одного викарія, котораго бы не преслѣдовала мысль о томъ, что, какъ бы миренъ ни былъ его характеръ, какъ бы скромно ни было его положеніе, произвольный эдиктъ могъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, выгнать его изъ жилища и заставить просить милостыни въ изодранной рясѣ, вмѣстѣ съ женою и дѣтьми, между тѣмъ какъ его бенефиція, обезпеченная за нимъ законами незапамятной древности и королевскимъ словомъ, сдѣлалась бы собственностью какого-нибудь отступника. Такова была награда за ту героическую преданность престолу, которая, вопреки всѣмъ превратностямъ, ни разу не ослабѣвала въ теченіе пятидесяти бурныхъ лѣтъ. Вотъ для чего подвергалось духовенство грабежу и преслѣдованію въ интересѣ Карла I. Вотъ для чего поддерживало оно Карла II въ его трудной борьбѣ съ вигскою оппозиціею. Вотъ для чего стояло оно въ челѣ битвы противъ тѣхъ, которые стремились устранить Іакова отъ престола. Вѣрности англиканскихъ священнослужителей, и только ей одной, обязанъ былъ ихъ притѣснитель тою властью, которую онъ употреблялъ теперь для погибели ихъ. Они издавна привыкли съ горечью разсказывать про все, что̀ имъ довелось вытерпѣть отъ рукъ пуританина въ періодъ его могущества. Но пуританина можно было отчасти извинить. Онъ былъ отъявленный врагъ; онъ мстилъ за обиды: но даже и онъ, преобразовывая церковное устройство страны и изгоняя всѣхъ, кто не хотѣлъ подписать его ковенанта, не совсѣмъ былъ чуждъ состраданія. Тѣмъ, у кого отнялъ онъ бенефиціи, онъ по крайней мѣрѣ назначилъ достаточное для пропитанія пособіе. Не такъ легко было утолить ненависть короля къ той церкви, которая избавила его отъ изгнанія и возвела его на престолъ. Ничто не могло удовлетворить его, кромѣ совершенной гибели его жертвъ. Недостаточно было того, что онѣ были выгнаны изъ своихъ домовъ и лишены своихъ доходовъ: всѣ поприща жизни, на которыхъ люди ихъ званія могли находить себѣ средства къ существованію, оказывались съ злоб-

Озлобленіе духовенства.

нымъ тщаніемъ закрытыми для нихъ, такъ что имъ не оставалось ничего, кромѣ ненадежнаго и унизительнаго средства — питаться мірскими подаяніями.

Поэтому, англиканское духовенство и та часть мірянъ, которая была сильно привержена къ протестантскому епископству, начали относиться къ королю съ такими чувствами, какія естественно возбуждаетъ несправедливость, усиленная неблагодарностью. Однако, церковнику предстояло еще преодолѣть множество тревогъ совѣсти и чести, прежде чѣмъ у него могла явиться рѣшимость противиться правительству силою. Его учили, что страдательное повиновеніе неограниченно и безусловно предписывалось божественнымъ закономъ. Онъ тщеславился этимъ ученіемъ. Онъ съ презрѣніемъ относился къ предположенію, что могъ явиться случай, который бы оправдалъ народъ въ обнаженіи меча противъ королевской тираніи. Поэтому, и принципъ и стыдъ одинаково не позволяли ему слѣдовать примѣру мятежныхъ круглоголовыхъ, пока оставалась хотя какая-нибудь надежда на мирное и законное избавленіе отъ напасти; а такая надежда могла основательно быть лелѣема до тѣхъ поръ, пока принцесса Оранская оставалась ближайшею наслѣдницею престола. Еслибы только онъ терпѣливо перенесъ это испытаніе его вѣры, законы природы скоро сдѣлали бы для него то, чего онъ, безъ грѣха и позора, не могъ сдѣлать самъ для себя. Обиды, нанесенныя церкви, загладились бы; ея собственность и достоинство оградились бы новыми гарантіями; а тѣ нечестивые министры, которые обижали и оскорбляли ее въ годину ея злополучія, подверались бы примѣрному наказанію.

Замыслы іезуитской кабалы относительно престолонаслѣдія.

Событіе, на которое Англійская церковь разсчитывала, какъ на почетное и мирное окончаніе своихъ бѣдствій, было таково, что даже безпечнѣйшіе изъ членовъ іезуитской кабалы не могли думать о немъ безъ мучительныхъ опасеній. Еслибы ихъ государь умеръ, не оставивши имъ какого-нибудь обезпеченія отъ карательныхъ законовъ понадежнѣе декларацiи, которая общимъ голосомъ націи признана была недѣйствительною; еслибы парламентъ, проникнутый тѣмъ же самымъ духомъ, который господствовалъ въ парламентѣ Карла II, собрался вокругъ престола

протестантскаго государя: не должны ли были бы они ожидать въ такомъ случаѣ грознаго возмездія, строгаго исполненія старинныхъ законовъ противъ паизма и появленія въ книгѣ статутовъ новыхъ, еще болѣе суровыхъ законовъ? Дурные совѣтники короля давно уже мучились этими мрачными опасеніями, а нѣкоторые изъ нихъ даже придумывали странныя и отчаянныя средства. Лишь только Іаковъ вступилъ на престолъ, какъ въ Вайтголлѣ уже начали перешептываться о томъ, что еслибы леди Анна обратилась въ римско-католическую вѣру, то, съ помощью Людовика, можно было бы передать ей наслѣдственное право старшей ея сестры. Во французскомъ посольствѣ планъ этотъ встрѣтилъ горячее одобреніе; Бонрепо прямо говорилъ, что, по его мнѣнію, получить согласіе Іакова было бы легко. (a) Вскорѣ, однако, сдѣлалось очевиднымъ, что Анна была неизмѣнно предана Англійской церкви. Поэтому мысль о возведеніи ея на престолъ была совершенно покинута. Тѣмъ не менѣе, горсть фанатиковъ продолжала лелѣять дикую надежду на возможность измѣнить порядокъ престолонаслѣдія. Планъ, составленный этими людьми, былъ изложенъ въ запискѣ, которая сохранилась въ грубомъ французскомъ переводѣ. Надлежало надѣяться, говорили они, что король будетъ въ состояніи утвердить истинную вѣру, не прибѣгая къ чрезвычайнымъ мѣрамъ; но въ крайнемъ случаѣ онъ могъ бы предоставить свою корону въ распоряженіе Людовика: лучше было англичанамъ быть вассалами Франціи, нежели рабами діавола. (b) Эта необыкновенная записка ходила по рукамъ между

(a) «Quand on connoit le dedans de cette cour aussi intimement que je la connois, on peut croire que Sa Majesté Britannique donnera volontiers dans ces sortes de projets.» — Бонрепо къ Сеньлѣ, $^{18}/_{28}$ марта 1686.

(b) «Que, quand pour établir la religion Catholique et pour la confirmer icy, il (Іаковъ) devroit se rendre en quelque façon dépendant de la France, et mettre la décision de la succession à la couronne entre les mains de ce monarque là, qu'il seroit obligé de le faire, parcequ'il vaudroit mieux pour ses sujets qu'ils devinssent vassaux du Roy de France, étant Catholiques, que de demeurer comme esclaves du Diable.» — Документъ этотъ находится какъ во французскомъ, такъ и въ голландскомъ архивахъ.

іезуитами и придворными до тѣхъ поръ, пока нѣкоторые изъ именитыхъ католиковъ, въ которыхъ изувѣрство не заглушило патріотизма, не сообщили копію съ нея голландскому послу. Тотъ вручилъ эту бумагу Іакову. Іаковъ, сильно взволнованный, объявилъ, что это гнусный подлогъ, придуманный какимъ-нибудь памфлетчикомъ въ Голландіи. Голландскій посолъ рѣшительно отвѣтилъ, что онъ могъ бы доказать противное посредствомъ свидѣтельства многихъ достойныхъ членовъ собственной церкви его величества, и что нетрудно было бы даже указать автора, который, наконецъ, написалъ только то, что̀ ежедневно говорилось многими священниками и политиканами въ галлереяхъ дворца. Король не счелъ нужнымъ спросить, кто именно былъ авторъ; но, переставши толковать о подлогѣ, принялся съ большою горячностью и торжественностью увѣрять, что ему никогда и въ голову не приходило лишить свою старшую дочь престола. «Никто, сказалъ онъ, никогда не осмѣливался намекать мнѣ на такое дѣло. Я не сталъ бы и слушать подобныхъ внушеній. Богъ не повелѣваетъ намъ распространять истинную религію помощью несправедливости; а такое дѣло было бы самою гнусною, самою безчеловѣчною несправедливостью.» ([a]) Не смотря на всѣ эти увѣренія, Барильонъ, нѣсколькими днями позже, донесъ своему двору, что Іаковъ началъ поддаваться внушеніямъ относительно измѣненія порядка престолонаслѣдія. Дѣло это, писалъ французскій посолъ, безъ сомнѣнія, щекотливо; но тѣмъ не менѣе можно надѣяться, что, со временемъ и съ умѣньемъ, найдется средство возложить корону на главу какого-нибудь католика, помимо обѣихъ принцессъ. ([b]) Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ наиболѣе рьяные и сумасбродные паписты не переставали толковать объ этомъ предметѣ при дворѣ и даже поименно называли кандидатовъ на королевскую должность. ([c])

([a]) Citters, $^{6}/_{16}$ и $^{17}/_{27}$ авг. 1686; Barillon, $^{19}/_{30}$ авг.

([b]) Barillon, $^{15}/_{25}$ сент. 1686. «La succession est une matière fort délicate à traiter. Je sais pourtant qu'on en parle au Roy d'Angleterre, et qu'on ne désespère pas avec le temps de trouver des moyens pour faire passer la couronne sur la tête d'un héritier Catholique.»

([c]) Bonrepaux, $^{11}/_{21}$ іюля 1687.

Замыселъ Іакова и Тирконнеля относительно Ирландіи.

Невѣроятно, однако, чтобы Іаковъ когда-либо намѣревался принять такую безумную мѣру. Онъ долженъ былъ знать, что Англія ни на одинъ день не склонилась бы подъ иго узурпатора, да еще и паписта, и что всякая попытка устранить леди Марію отъ престола встрѣтила бы отчаянное сопротивленіе не только со стороны всѣхъ поборниковъ билля объ исключеніи, но и со стороны всѣхъ его противниковъ. Несомнѣнно, впрочемъ, что король былъ соучастникомъ въ другомъ, менѣе нелѣпомъ, но не менѣе преступномъ умыслѣ противъ дѣтей своихъ. Тирконнель, съ одобренія своего государя, уже принималъ мѣры къ тому, чтобы тотчасъ, какъ только корона перешла бы къ протестантскому монарху, отдѣлить Ирландію отъ Великобританіи и поставить ее подъ покровительство Людовика. Бонрепо́, къ которому онъ обратился за совѣтомъ, сообщилъ объ этомъ намѣреніи своему двору и получилъ приказаніе увѣрить Тирконнеля, что Франція была не прочь фактически содѣйствовать исполненію этого великаго плана. (3) Переговоры эти едва ли были обстоятельно и точно извѣстны въ Гагѣ; тѣмъ не менѣе они возбуждали тамъ сильныя подозрѣнія. Поэтому, мы не должны упускать ихъ изъ виду, если хотимъ составить правильное сужденіе о томъ образѣ дѣйствій, который, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, избранъ былъ принцессою Оранскою. Тѣ, которые признаютъ ее виновною въ нарушеніи дочерняго долга, должны по крайней мѣрѣ согласиться, что ея проступокъ значительно изви-

---

(3) Бонрепо́ къ Сеньлé, $\frac{25 \text{ авг.}}{4 \text{ сент.}}$ 1687. Я приведу нѣсколько словъ изъ этой весьма замѣчательной депеши: «Je sçay bien certainement que l'intention du Roy d'Angleterre est de faire perdre ce royaume (Ирландію) à son successeur, et de le fortifier en sorte que tous ses sujets Catholiques y puissent avoir un asile assuré. Son projet est de mettre les choses en cet estat dans le cours de cinq années.» Въ «*Secret Consults of the Romish Party in Ireland*», напечатанныхъ въ 1690 году, есть мѣсто, которое показываетъ, что планъ этотъ не составлялъ строгой тайны. «Хотя король скрывалъ его отъ большинства членовъ своего совѣта, однако извѣстно, что онъ обѣщалъ предоставить французскому королю право распоряжаться этимъ намѣстничествомъ и королевствомъ, лишь только приспѣла бы надлежащая пора къ тому.»

нялся причиненными ей обидами. Если, въ интересѣ своей религіи, она разорвала священнѣйшія узы кровнаго родства, — она только послѣдовала примѣру отца. Она не покушалась низвергнуть его съ престола, пока онъ не покусился лишить ее наслѣдства.

Беременность королевы.

Не успѣлъ Бонрепо получить увѣдомленія, что Людовикъ рѣшился содѣйствовать предпріятію Тирконнеля, какъ всякая мысль объ этомъ предпріятіи была совершенно покинута. Передъ Іаковомъ блеснулъ первый лучъ надежды, которая привела его въ восторгъ и упоеніе. Королева была беременна.

Общее недовѣріе.

Толки объ этой важной новости начались въ концѣ октября 1687 года. Замѣчено было, что ея величество не присутствовала на нѣкоторыхъ публичныхъ церемоніяхъ, подъ предлогомъ нездоровья. Говорили, что она стала носить на себѣ множество частицъ мощей, которымъ приписывались чудотворныя свойства. Вскорѣ молва перешла изъ дворца въ кофейни столицы и быстро распространилась по всему государству. Весьма незначительнымъ меньшинствомъ вѣсть эта встрѣчена была съ радостью. Огромное большинство націи выслушивало ее съ насмѣшками и страхомъ. А между тѣмъ въ этомъ событіи не было ничего необыкновеннаго. Королю только-что исполнилось 54 года. Королева была въ цвѣтущей порѣ жизни. Она уже родила четырехъ дѣтей, которыя умерли малолѣтками, а впослѣдствіи разрѣшилась отъ бремени еще однимъ ребенкомъ, котораго никто не имѣлъ выгоды называть подложнымъ, и который поэтому никогда не слылъ подкидышемъ. Но такъ какъ со времени послѣдней ея беременности прошло уже пять лѣтъ, то народъ, подъ вліяніемъ самообольщенія, заставляющаго людей вѣрить въ то, чего они желаютъ, пересталъ тревожиться мыслью, что королева могла еще дать наслѣдника престолу. Съ другой стороны, ничто не могло быть естественнѣе и вѣроятнѣе того предположенія, что іезуиты устроили благочестивый подлогъ. Извѣстно было, что восшествіе на престолъ принцессы Оранской должно было казаться имъ однимъ изъ величайшихъ бѣдствій, какія только могли постигнуть ихъ церковь. Равнымъ образомъ извѣстно было, что они готовы были безъ зазрѣнія совѣсти сдѣлать все, что понадобилось бы

для спасенія ихъ церкви отъ великаго бѣдствія. Въ книгахъ, написанныхъ знаменитыми членами этого ордена и одобренныхъ его старшинами, ясно говорилось, что средства, еще болѣе противныя всѣмъ понятіямъ о справедливости и гуманности, нежели введеніе въ семью подложнаго наслѣдника, могли быть законно употребляемы для достиженія даже менѣе важныхъ цѣлей, чѣмъ обращеніе еретическаго королевства. Слухъ о томъ, что нѣкоторые изъ совѣтниковъ короля и даже самъ король умышляли лишить леди Марію либо всего, либо части ея законнаго наслѣдія, разнесся повсюду. Умами овладѣло подозрѣніе, неосновательное, правда, но далеко не такое нелѣпое, какимъ его обыкновенно считаютъ. Безразсудство нѣкоторыхъ католиковъ подтверждало народное предубѣжденіе. Они говорили о радостномъ для нихъ событіи, какъ о чемъ-то необычайномъ и чудесномъ, какъ о проявленіи той же божественной силы, которая осчастливила Сару Исаакомъ и ниспослала Аннѣ Самуила. Около этого времени умерла мать Маріи, герцогиня моденская. Говорили, что она, незадолго передъ смертью, обращалась къ лоретской Богоматери съ горячими обѣтами и богатыми приношеніями, умоляя ее даровать сына Іакову. Самъ король, во время своего путешествія въ минувшемъ августѣ мѣсяцѣ, заѣзжалъ въ Голивелль и молилъ тамъ св. Винифреда о ниспосланіи той благодати, безъ которой невозможно было полное осуществленіе великихъ его предначертаній касательно распространенія истинной вѣры. Безразсудные изувѣры, утѣшавшіеся этими розсказнями, съ увѣренностью предсказывали, что королева родитъ мальчика, и въ подтвержденіе своего мнѣнія предлагали биться объ закладъ на двадцать гиней противъ одной. Небо, утверждали они, не вмѣшалось бы, еслибы не имѣло въ виду великой цѣли. Одинъ фанатикъ объявилъ, что королева разрѣшится двойнями, изъ которыхъ старшій будетъ англійскимъ королемъ, а младшій римскимъ папою. Марія не могла скрыть радости, которую доставляло ей это пророчество; и придворныя ея дамы замѣтили, что ничѣмъ нельзя было такъ угодить ей, какъ разговорами о немъ. Католики поступили бы гораздо благоразумнѣе, еслибы говорили о беременности королевы какъ о естественномъ событіи и еслибы

умѣренно относились къ своему неожиданному благополучію. Ихъ наглое торжество возбудило народное негодованіе. Ихъ предсказанія усилили народныя подозрѣнія. Начиная отъ принца и принцессы Датскихъ и кончая носильщиками и прачками, никто не отзывался объ обѣтованномъ рожденіи безъ насмѣшки. Лондонскіе остряки описывали новое чудо въ стихахъ, которые, само собою разумѣется, не отличались особенною деликатностью. Грубые провинціяльные сквайры хохотали во все горло, когда встрѣчались съ такимъ простакомъ, который вѣрилъ, что королева дѣйствительно готовилась опять сдѣлаться матерью. Между тѣмъ явилась королевская прокламація, предписывавшая духовенству читать особенную благодарственную молитву, написанную для этого радостнаго случая епископами Кру и Спратомъ. Духовенство повиновалось; но замѣчено было, что конгрегаціи не дѣлали отповѣдей и не показывали никакихъ знаковъ благоговѣнія. Вскорѣ во всѣхъ кофейняхъ началъ ходить по рукамъ грубый пасквиль на раболѣпныхъ прелатовъ, которые, по приказанію короля, сочинили означенную молитву. Матушка Истъ, *Mother East*, (*) тоже была порядкомъ отдѣлана. Въ это тривіяльное названіе предки наши передѣлали имя знаменитаго дома д'Эсте, царствовавшаго въ Моденѣ. (*)

Новая надежда, ободрившая короля, смѣшивалась со множествомъ опасеній. Одного рожденія принца Валлійскаго было недостаточно для успѣха плановъ, составленныхъ іезуитскою партіею. Невѣроятно было, чтобы Іаковъ дожилъ до той поры, когда лѣта позволили бы его сыну принять въ свои руки бразды правленія. Законъ ничего не постановлялъ на случай несовершеннолѣтія наслѣдника престола. Царствующій государь не имѣлъ права постановить что-либо на такой случай своимъ завѣщаніемъ. Пополнить этотъ пробѣлъ могло одно лишь законодательное со-

---

(*) *East* значитъ востокъ.

(*) Сіттевъ, $\frac{28\ \text{окт.}}{7\ \text{нояб.}}$ и $\frac{22\ \text{нояб.}}{2\ \text{дек.}}$ 1687; принцесса Анна къ принцессѣ Оранской, 14 и 20 марта $168^{7}/_{8}$; Barillon, $^{1}/_{11}$ дек. 1687; «*Revolution Politics*»; пѣсня «*Two Toms and a Nat*»; Johnstone, April 4. 1688; «*Secret Consults of the Romish Party in Ireland*», 1690.

браніе. Еслибы Іаковъ умеръ до пополненія этого пробѣла, оставивши послѣ себя малолѣтняго наслѣдника, верховная власть несомнѣнно перешла бы къ протестантамъ. Тѣ самые торіи, которые особенно твердо держались ученія о безусловной незаконности сопротивленія подданныхъ государю, ни мало не задумались бы обнажить мечъ противъ папистки, которая дерзнула бы присвоить себѣ опеку надъ государствомъ и надъ несовершеннолѣтнимъ государемъ. Исходъ борьбы почти не подлежалъ сомнѣнію. Регентомъ сдѣлался бы принцъ Оранскій или его жена. Молодой король очутился бы въ рукахъ еретическихъ наставниковъ, чьи ухищренія быстро изгладили бы въ его душѣ тѣ впечатлѣнія, которыя могли бы быть произведены на нее въ дѣтствѣ. Онъ могъ бы оказаться вторымъ Эдуардомъ VI, такъ что благословеніе, исходатайствованное свыше чрезъ посредство Пресвятой Дѣвы и св. Винифреда, могло бы обратиться въ проклятіе. (*) Противъ такой опасности обезпеченіемъ могъ служить только парламентскій актъ; а добиться такого акта было не легко. Все указывало, что палаты, въ случаѣ ихъ созванія, собрались бы въ Вестминстеръ проникнутыя тѣмъ же духомъ, какъ и въ 1640 году. Исходъ комитатскихъ выборовъ былъ почти несомнѣненъ. Вся масса фригольдеровъ, крупныхъ и мелкихъ, духовныхъ и свѣтскихъ, была сильно раздражена противъ правительства. Въ значительномъ большинствѣ тѣхъ городовъ, гдѣ право подачи голоса зависѣло отъ платежа мѣстныхъ податей или отъ пользованія какимъ-нибудь недвижимымъ имуществомъ, ни одинъ правительственный кандидатъ не смѣлъ даже на глаза показаться. Огромная доля членовъ палаты общинъ избиралась муниципальными корпораціями. Эти корпораціи, незадолго

Настроеніе избирательныхъ корпорацій и перовъ.

(*) Безпокойство короля относительно этого предмета живо описано у Ронкильо, $^{12}/_{22}$ дек. 1688. «Un Principe de Vales y un Duque de York y otro di Lochaosterna (вѣроятно, Ланкастерскій) no bastan á reducir la gente; porque el Rey tiene 54 años, y vendrà á morir, dejando los hijos pequeños, y que entonces el reyno se apoderará dellos, y los nombrará tutor y los educará en la religion protestante, contra la disposicion que dejare el Rey, y la autoridad de la Reyna.»

передъ тѣмъ, были преобразованы, съ цѣлью уничтоженія въ нихъ вліянія виговъ и диссидентовъ. Болѣе сотни избирательныхъ корпорацій были лишены своихъ хартій преданными коронѣ судилищами, или же были вынуждены добровольно отказаться отъ нихъ во избѣжаніе насильственнаго отнятія. Всѣ меры, всѣ ольдермены, всѣ городскіе клерки, отъ Бервика до Гельстона, были торіи и церковники; но торіи и церковники уже не были преданы государю. Новые муниципалитеты были еще неподатливѣе прежнихъ и непремѣнно избрали бы такихъ представителей, первымъ дѣломъ которыхъ было бы обвиненіе всѣхъ папистскихъ членовъ тайнаго совѣта и всѣхъ членовъ Верховной коммиссіи.

Въ средѣ лордовъ перспектива была почти такъ же мрачна, какъ и въ средѣ общинъ. Огромное большинство свѣтскихъ перовъ несомнѣнно оказалось бы противъ мѣръ короля; а между духовными лордами, которые, семь лѣтъ назадъ, единодушно отстаивали его противъ тѣхъ, кто покушался лишить его наслѣдственнаго права, онъ могъ разсчитывать теперь только на четырехъ или на пятерыхъ низкопоклонниковъ, возбуждавшихъ общее презрѣніе своихъ собратій и соотечественниковъ. (a)

Всякому, кто не совсѣмъ былъ ослѣпленъ страстью, затрудненія эти казались непреодолимыми. Самые безсовѣстные рабы предержащей власти обнаруживали признаки безпокойства. Драйденъ роптал, что король, пытаясь поправить дѣла, только испортитъ ихъ, и вздыхалъ по золотымъ днямъ беззаботнаго и добродушнаго Карла. (b) Даже Джеффризъ колебался. Пока онъ былъ бѣденъ,

---

(a) До сихъ поръ существуютъ составленные въ это время три списка. Одинъ изъ нихъ находится во французскомъ архивѣ, а другіе два въ архивѣ фамиліи Портландовъ. Въ этихъ спискахъ каждый перъ означенъ подъ одною изъ трехъ рубрикъ: *За отмѣну Test-Act'a. Противъ отмѣны* и *Сомнителенъ*. По одному изъ списковъ, голоса распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: 31 за, 86 противъ и 20 сомнительныхъ; по другому, 33 за, 87 противъ и 19 сомнительныхъ; по третьему, 35 за, 92 противъ и 10 сомнительныхъ. Копіи съ этихъ трехъ списковъ находятся въ коллекціи Макинтоша.

(b) Въ Британскомъ музеѣ есть письмо Драйдена къ Этереджу, писанное въ февралѣ 1688. Сколько мнѣ помнится, я не видѣлъ его на-

онъ былъ вполнѣ готовъ ради корысти пренебрегать позоромъ и общественною ненавистью. Но теперь, накопивши лихоимствомъ и вымогательствомъ огромныя сокровища, онъ уже заботился больше о сохраненіи, нежели о пріумноженіи ихъ. Его нерѣшительность навлекла на него строгій выговоръ изъ королевскихъ устъ. Боясь лишиться большой печати, онъ обѣщалъ исполнить всѣ требованія государя; но Барильонъ, донося объ этомъ обстоятельствѣ Людовику, замѣтилъ, что англійскому королю нельзя было полагаться на тѣхъ людей, которымъ было что терять. (a)

Іаковъ рѣшается потасовать парламентъ.

Тѣмъ не менѣе Іаковъ рѣшился упорствовать. Для осуществленія его плановъ необходима была санкція парламента. Получить санкцію отъ независимаго и законнаго парламента очевидно было невозможно; но посредствомъ подкуповъ, угрозъ, злоупотребленія прерогативы и превратнаго толкованія закона можно было бы составить такое собраніе, которое бы называлось парламентомъ и узаконяло всѣ эдикты государя. Для этого надлежало назначить такихъ отчетныхъ чиновниковъ, которые, пользуясь малѣйшимъ предлогомъ, объявляли бы, что привержецы короля избраны законнымъ образомъ. Каждому чиновнику, отъ высшаго до низшаго, надлежало внушить, что если онъ желалъ сохранить свое мѣсто, то долженъ былъ въ настоящемъ случаѣ подать свой голосъ и употребить все свое вліяніе въ пользу престола. Верховная коммиссія между тѣмъ надзирала бы за духовенствомъ. Бурги, которые, незадолго передъ тѣмъ, были преобразованы для одной цѣли, могли бы быть снова преобразованы для другой. Такими средствами король надѣялся обезпечить себѣ большинство голосовъ въ палатѣ общинъ. Верхняя палата была бы тогда совершенно въ его власти. По закону онъ имѣлъ несомнѣнное право возводить своихъ подданныхъ въ перы безъ всякаго ограниченія, и онъ твердо рѣшился восполь-

---

печатаннымъ. «О, говоритъ Драйденъ, еслибы нашъ монархъ поощрялъ своимъ примѣромъ благородное far niente, какъ дѣлывалъ блаженной памяти его предшественникъ! Внутренній голосъ говоритъ мнѣ, что онъ ничего не возьметъ суетливостью.»

(a) Barillon, $\frac{29 \text{ авг.}}{8 \text{ сент.}}$ 1687.

зоваться этимъ правомъ. Онъ не желалъ, да и ни одинъ государь не пожелалъ бы, лишить всякой цѣны высшую почесть, какую только можетъ жаловать корона. Онъ питалъ надежду, что приглашеніе нѣсколькихъ старшихъ сыновей перовъ въ собраніе, въ которомъ они все равно должны были засѣдать со временемъ, и пожалованіе англійскихъ титуловъ нѣсколькимъ шотландскимъ и ирландскимъ лордамъ дадутъ ему возможность упрочить за собою большинство голосовъ, не возводя въ нобльмены такого числа коммонеровъ, которое подорвало бы уваженіе къ аристократическому званію. Но не было крайности, на которую онъ не отважился бы въ случаѣ необходимости. Когда въ одномъ многочисленномъ обществѣ выражено было мнѣніе, что перы окажутся несговорчивыми, Сондерландъ, обратившись къ Чорчиллю, воскликнулъ: «Пустяки! Мы пригласимъ вашихъ гвардейцевъ въ палату лордовъ.» (a)

Коммиссія регуляторовъ.

Рѣшившись подтасовать парламентъ, Іаковъ энергически и систематически принялся за дѣло. Въ «*Лондонской Газетѣ*» явилась прокламація, возвѣщавшая, что король рѣшился обревизовать списокъ мировыхъ судей и лордовъ-намѣстниковъ и оставить въ должностяхъ только тѣхъ джентльменовъ, которые изъявятъ готовность поддерживать его политику. (b) Въ Вайтголлѣ открылись засѣданія коммиссіи изъ семи членовъ тайнаго совѣта, на которыхъ возложена была обязанность регулировать — таково подлинное выраженіе — муниципальныя корпораціи. Въ этой коммиссіи единственнымъ представителемъ протестантскихъ интересовъ былъ Джеффризъ. Единственнымъ представителемъ умѣренныхъ католиковъ былъ Повисъ. Всѣ прочіе члены принадлежали къ іезуитской факціи. Между ними находился и Питеръ, который только-что былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта. До самаго вступленія его въ коммиссію, новое его повышеніе было хранимо въ глубокой тайнѣ отъ всѣхъ, кромѣ Сон-

---

(a) Разсказано Дартмуту лордомъ Брадфордомъ, который присутствовалъ въ собраніи; note on Burnet, I. 755.

(b) «*London Gazette*», Dec. 12. 1687.

ДЕРЛАНДА. Общественное негодованіе по поводу этого новаго нарушенія закона выразилось шумнымъ образомъ; замѣчено было даже, что католики порицали короля гораздо громче, нежели протестанты. Тщеславный и честолюбивый іезуитъ уполномоченъ былъ преобразовать половину избирательныхъ корпорацій въ королевствѣ. Спеціяльное дѣлопроизводство, подъ наблюденіемъ коммиссіи изъ членовъ тайнаго совѣта, было возложено на особый комитетъ, состоявшій изъ пронырь менѣе высокаго сана. Мѣстные комитеты регуляторовъ, учрежденные по всей странѣ, находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ центральною коммиссіею въ Вестминстерѣ. ([a])

Лица, на которыхъ преимущественно разсчитывалъ Іаковъ, какъ на своихъ помощниковъ въ этомъ новомъ и трудномъ предпріятіи, были лорды-намѣстники. Каждый лордъ-намѣстникъ получилъ предписаніе немедленно отправиться въ свое графство. По прибытіи туда, онъ долженъ былъ созвать всѣхъ своихъ помощниковъ и мировыхъ судей и предложить имъ рядъ опредѣленныхъ вопросовъ, чтобы удостовѣриться, какимъ образомъ намѣрены были они дѣйствовать на общихъ выборахъ. Онъ долженъ былъ записать отвѣты и прислать ихъ правительству. Онъ долженъ былъ составить списокъ тѣхъ католиковъ и диссидентовъ, которые оказались бы наиболѣе годными для занятія должностей мировыхъ судей и милиціонныхъ начальниковъ. Онъ долженъ былъ, кромѣ того, изслѣдовать состояніе всѣхъ бурговъ во ввѣренномъ ему графствѣ и представить такіе отчеты, которые могли бы служить руководствомъ для дѣйствій коммиссіи регуляторовъ. Ему предписывалось самому исполнить эти обязанности и отнюдь не дозволялось возлагать ихъ на кого-либо другаго. ([b])

Многіе лорды-намѣстники уволены отъ службы.

Дѣйствіе, произведенное этими предписаніями, сразу образумило бы государя менѣе взбалмошнаго, чѣмъ Іаковъ. Половина лордовъ-намѣстниковъ Англіи наотрѣзъ отказались унизиться до

([a]) Бонрепо́ къ Сеньяе́, $^{14}/_{24}$ нояб.; Сіттерс, $^{16}/_{26}$ нояб.; Lords' Journals, Dec. 20. 1689.

([b]) Сіттерс, $\frac{28\ \text{окт.}}{7\ \text{нояб.}}$ 1687.

гнусной услуги, которой отъ нихъ требовали. Они были немедленно отставлены. Всѣ лица, подвергшіяся этой достославной немилости, были высокоименитыми перами и всѣ до тѣхъ поръ считались ревностными приверженцами монархіи. Нѣкоторые изъ нихъ заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Обри Де-Веръ, двадцатый и послѣдній представитель старинного дома графовъ Оксфордовъ, былъ первымъ аристократомъ въ Англіи и даже — любили прибавлять англичане — первымъ аристократомъ въ Европѣ. Онъ велъ свой родъ, представлявшій непрерывную мужскую линію, съ того времени, когда фамиліи Говардовъ и Сеймуровъ были еще незнаемы, когда Невилли и Перси пользовались только провинціяльною извѣстностью, и когда даже великое имя Плантагенетовъ было еще невѣдомо въ Англіи. Одинъ изъ родоначальниковъ дома Де-Веровъ игралъ важную роль въ битвѣ при Гастингсѣ; другой, вмѣстѣ съ Готфридомъ и Танкредомъ, дошелъ, по грудамъ мусульманскихъ труповъ, до гроба Господня. Первый графъ Оксфордъ былъ министромъ Генриха Боклерка. Третій занималъ видное мѣсто между тѣми лордами, которые вынудили Великую Хартію у Іоанна. Седьмой храбро сражался при Кресси и Пуатье. Тринадцатый, испытавшій на своемъ вѣку много превратностей судьбы, былъ главою партіи Алой Розы и командовалъ авангардомъ въ день рѣшительной битвы при Босвортѣ. Семнадцатый блисталъ при дворѣ Елисаветы и стяжалъ себѣ почетное мѣсто между патріархами англійской поэзіи. Девятнадцатый палъ подъ стѣнами Мастрихта въ бою за протестантскую религію и за вольности Европы. Его сынъ Обри, въ лицѣ котораго прекратилась длиннѣйшая и знаменитѣйшая отрасль англійской аристократіи, человѣкъ распутный, но безобидный и учтивый, былъ лордомъ-намѣстникомъ Эссекса и полковымъ командиромъ Синихъ. Отъ природы чуждый мятежнаго духа, онъ имѣлъ прямой интересъ избѣгать разрыва съ дворомъ, потому что его помѣстье было обременено долгами, а военная его должность была доходна. Король призвалъ его къ себѣ въ кабинетъ и потребовалъ, чтобы онъ откровенно высказалъ свои намѣренія. «Государь, отвѣтилъ Оксфордъ, я го-

Графъ Оксфордъ.

товъ защищать ваше величество отъ всѣхъ враговъ до послѣдней капли моей крови. Но тутъ дѣло касается совѣсти, и я не могу исполнить вашего желанія.» Онъ былъ тотчасъ же уволенъ отъ должностей лорда-намѣстника и полковаго командира. (a)

Графъ Шрусбери. Домъ Тальботовъ древностію и блескомъ уступалъ одному только дому Де-Веровъ. Съ царствованія Эдуарда III, Тальботы постоянно засѣдали между перами государства. Титулъ графа Шрусбери пожалованъ былъ въ XV столѣтіи Джону Тальботу, противнику Орлеанской Дѣвы. Соотечественники долго вспоминали объ этомъ героѣ съ любовью и уваженіемъ, какъ объ одномъ изъ тѣхъ знаменитыхъ воиновъ, которые пытались основать великую англійскую державу на материкѣ Европы. Непреклонное мужество, которое онъ обнаруживалъ среди злополучій, сдѣлало его предметомъ такого участія, какого не внушали болѣе счастливые полководцы; а кончина его обогатила нашъ старинный театръ необыкновенно трогательною сценой. Потомство его, въ теченіе двухъ столѣтій, было въ большой чести. Главою этой фамиліи въ эпоху Реставраціи былъ Франсисъ, одиннадцатый графъ, католикъ. Его кончина сопровождалась такими обстоятельствами, что общество, даже въ тѣ развратныя времена, которыя наступили вслѣдъ за паденіемъ пуританской тиранніи, почувствовало ужасъ и сожалѣніе. Герцогъ Бокингамъ, постоянно занимавшійся любовными похожденіями, увлекся на минуту графинею Шрусбёри. Побѣда была одержана легко. Мужъ вызвалъ любовника на дуэль и палъ отъ его руки. Одни говорили, что преступная жена присутствовала при поединкѣ въ мужскомъ платьѣ, а другіе, что она прижимала къ своей груди побѣдоноснаго любовника въ то самое время, когда съ его рубахи

(a) Halstead's «*Succinct Genealogy of the Family of Vere*», 1685; Collins's «*Historical Collections.*» См. въ журналахъ палаты лордовъ и въ Jones's «*Reports*» акты, относящіеся до графства Оксфордъ, за мартъ и апрѣль $162^{4}/_{5}$. Вступленіе рѣчи лорда главнаго судьи Кру принадлежитъ къ наилучшимъ образцамъ древняго англійскаго краснорѣчія. Сіттерь, $^{7}/_{17}$ февр. 1688.

еще капала кровь ея мужа. Почести убитаго графа перешли къ его малолѣтнему сыну Чарльзу. Когда сирота возмужалъ, общее мнѣніе рѣшило, что изъ англійской аристократической молодежи никто не былъ такъ щедро одаренъ природою. Онъ отличался пріятною наружностью, необыкновенно кроткимъ нравомъ и такими способностями, что, родись онъ въ низкомъ званіи, они легко могли бы возвести его на высоту гражданскаго величія. Всѣ эти преимущества были имъ такъ усовершенствованы, что, прежде чѣмъ онъ достигъ совершеннолѣтія, соотечественники уже признавали его однимъ изъ образцовыхъ джентльменовъ и ученыхъ того времени. Его ученость доказывается собственноручными замѣтками его, до сихъ поръ сохранившимися на книгахъ почти по всѣмъ отраслямъ литературы. По французски говорилъ онъ не хуже любаго камергера Людовика, а по итальянски не хуже любаго гражданина Флоренціи. Невозможно было, чтобы такой даровитый юноша не стремился уяснить себѣ причинъ, по которымъ его фамилія отказалась присоединиться къ государственной религіи. Тщательно изучивъ спорные пункты, онъ представилъ свои сомнѣнія католическимъ священникамъ, сообщилъ отвѣты послѣднихъ Тиллотсону, долго и внимательно взвѣшивалъ доводы обѣихъ сторонъ и, послѣ двухлѣтняго изслѣдованія, объявилъ себя протестантомъ. Англійская церковь радостно привѣтствовала знаменитаго обращеннаго. Огромная его популярность еще болѣе увеличилась, когда узнали, что король тщетно употреблялъ просьбы и обѣщанія, чтобы привлечь его обратно къ тому суевѣрію, отъ котораго онъ отрекся. Впрочемъ, личность молодаго графа развилась не вполнѣ удовлетворительно для тѣхъ, кто игралъ главную роль въ его обращеніи. Нравственная его сторона не избѣгла заразы моднаго разврата. Въ самомъ дѣлѣ, толчокъ, разрушившій прежніе его предразсудки, въ то же время поколебалъ всѣ его мнѣнія и не оставилъ ему никакого руководящаго начала, кромѣ ощущеній. Но, при всей шаткости его принциповъ, побужденія его были такъ благородны, нравъ такъ мягокъ, манеры такъ изящны и ловки, что нельзя было не любить его. Онъ еще съ молоду былъ прозванъ Царемъ Сердецъ,

King of Hearts, и во всю свою долгую, бурную и разнообразную жизнь никогда не терялъ права на это названіе. ([a])

Шрусбёри былъ лордомъ-намѣстникомъ Стаффордшира и полковымъ командиромъ одного изъ кавалерійскихъ полковъ, сформированныхъ вслѣдствіе Западнаго возстанія. Онъ отказался дѣйствовать по указаніямъ коммиссіи регуляторовъ и лишился обѣихъ своихъ должностей.

Графъ Дорсетъ. Никто изъ англійскихъ вельможъ не пользовался такимъ общимъ расположеніемъ, какъ Чарльзъ Саквилль, графъ Дорсетъ. Это былъ дѣйствительно замѣчательный человѣкъ. Въ молодости онъ былъ однимъ изъ самыхъ отъявленныхъ распутниковъ того развратнаго времени, которое наступило послѣ Реставраціи. Онъ былъ грозою лондонской полиціи, не разъ ночевалъ въ караульнѣ и даже попалъ однажды въ Ньюгетъ. Его страсть къ Бетти Моррисъ и къ Нелли Гвиннъ, называвшей его своимъ Карломъ I, не мало забавляла и скандализовала столицу. ([b]) Однако, мужественный духъ, превосходный умъ и природное добродушіе его были замѣтны даже посреди дурачествъ и пороковъ. Знавшіе его люди говорили, что крайности, въ которыя онъ вдавался, были общи ему со всѣмъ поколѣніемъ веселой торійской молодежи, тогда какъ сочувствіе его къ человѣческимъ страданіямъ и великодушіе, съ какимъ онъ давалъ удовлетвореніе тѣмъ, кого обижалъ своими проказами, принадлежали исключительно ему одному. Его товарищи дивились различію, которое публика дѣлала между нимъ и ими. «Что́ бы ни дѣлалъ онъ, говорилъ Вильмотъ, онъ никогда не бываетъ неправъ.» Об-

---

([a]) Coxe's «*Shrewsbury Correspondence*»; Mackay's «*Memoirs*»; «*Life of Charles Duke of Shrewsbury*», 1718; Burnet, I. 762.; Birch's «*Life of Tillotson*», гдѣ читатель найдетъ письмо Тиллотсона къ Шрусбёри, которое кажется мнѣ образцомъ серьёзнаго, дружескаго и джентльменскаго увѣщанія.

([b]) Король былъ для Нелли лишь Карломъ III. Кому именно, Дорсету или маіору Гарту, принадлежала честь быть ея Карломъ I, объ этомъ можно еще поспорить. Но мнѣ кажется, что доказательства говорятъ болѣе въ пользу Дорсета. См. пропущенное мѣсто въ Burnet, I. 263., и Pepys's «*Diary*», Oct. 26. 1667.

щественное мнѣніе стало еще благосклоннѣе къ своему любимцу, когда время и женитьба остепенили Дорсета. Его прелестныя манеры, блестящее краснорѣчіе, кроткое сердце и щедрая рука были предметами всеобщихъ похвалъ. Не проходило дня, говорили современники, чтобы какая-нибудь горемычная семья не благословляла его имени. А между тѣмъ, при всемъ его добродушіи, колкость его остроумія была такова, что насмѣшники, сарказмовъ которыхъ боялся весь городъ, въ свою очередь трусили сарказмовъ Дорсета. Всѣ политическія партіи уважали и ласкали его; но политика была ему далеко не по вкусу. Заставь его необходимость трудиться, онъ, вѣроятно, достигъ бы самыхъ высокихъ степеней въ государствѣ; но онъ родился въ такомъ высокомъ званіи и наслѣдовалъ такое громадное богатство, что многія изъ тѣхъ побудительныхъ причинъ, которыя принуждаютъ людей посвящать себя общественной дѣятельности, для него не существовали. Въ парламентскихъ и дипломатическихъ дѣлахъ онъ принималъ настолько участія, насколько нужно было для доказательства, что ему не доставало только охоты, чтобы сдѣлаться соперникомъ Данби и Сондерланда, и покидалъ эти дѣла ради занятій, которыя были ему болѣе по вкусу. Подобно многимъ другимъ людямъ, одареннымъ большими природными способностями, но по темпераменту и привычкѣ лѣнивымъ, онъ сдѣлался духовнымъ сластолюбцемъ и достигъ совершенства во всѣхъ тѣхъ пріятныхъ отрасляхъ знанія, которыя могутъ быть усвоены безъ особеннаго прилежанія. Въ дѣлѣ живописи, ваянія, архитектуры и драматическаго искусства современники признавали его лучшимъ судьею, какимъ только могъ похвалиться дворъ. Его рѣшенія по вопросамъ изящной словесности считались во всѣхъ кофейняхъ безапелляціонными. Не одна хорошая пьеса, упавшая при первомъ представленіи, поддерживалась единственнымъ его авторитетомъ противъ общаго свиста партера и увѣнчивалась успѣхомъ послѣ вторичнаго представленія. Тонкость его вкуса во французскихъ сочиненіяхъ высоко цѣнилась Сентъ-Эвремономъ и Лафонтеномъ. Такого покровителя литературы Англія никогда еще не видала. Его меценатство отличалось столько же пониманіемъ дѣла, сколько и щедростью, и не ограничивалось никакою сек-

тою или факціею. Талантливые люди, отчужденные другъ отъ друга литературною завистью или различіемъ политическихъ мнѣній, единогласно признавали безпристрастную его доброту. Драйденъ сознавался, что истинно-вельможеская щедрость Дорсета спасла его отъ разоренія. А между тѣмъ тотъ же Дорсетъ ввелъ въ свѣтъ Монтегью и Прайора, которые такъ жестоко осмѣяли Драйдена, и въ помѣстьѣ Дорсета написана была лучшая комедія смертельнаго врага Драйдена, Шадвелля. Щедрый графъ могъ бы, еслибы пожелалъ, сдѣлаться соперникомъ тѣхъ, относительно кого довольствовался онъ ролью благодѣтеля. Стихи, писанные имъ въ часы досуга, при всей ихъ неотдѣланности, представляютъ слѣды такого дарованія, что, будь оно старательно развито, оно могло бы произвести нѣчто великое. Въ небольшомъ томикѣ его сочиненій можно найти пѣсни, отличающіяся непринужденностью и силою Соклинга, и сатиры, искрящіяся блестящимъ остроуміемъ Ботлера. (*)

Дорсетъ былъ лордомъ-намѣстникомъ Соссекса; а на Соссексъ коммиссія регуляторовъ смотрѣла съ большимъ безпокойствомъ, потому что ни въ какомъ другомъ графствѣ, за исключеніемъ Корнваллиса и Вильтшира, не было такого множества мелкихъ бурговъ. Онъ получилъ приказаніе отправиться къ своему посту. Изъ знавшихъ его никто и не ожидалъ, чтобы онъ повиновался. И дѣйствительно, онъ отвѣтилъ какъ слѣдовало и получилъ увѣдомленіе, что правительство не нуждалось больше

(*) Pepys's «*Diary*»; Prior's «*Dedication of his poems to the Duke of Dorset*»; Johnson's «*Life of Dorset*»; Dryden's «*Essay on Satire*» и «*Dedication of the Essay on Dramatic Poesy.*» О привязанности Дорсета къ женѣ и его строгой вѣрности ей упоминаетъ съ большимъ презрѣніемъ распутный хлыщъ, сэръ Джорджъ Этереджъ, въ своихъ письмахъ изъ Регенсбурга, отъ $^{9}/_{19}$ дек. 1687 и $^{16}/_{26}$ янв. 1688. Shadwell's *Dedication of the Squire of Alsatia*»; Burnet, I. 264.; Mackay's «*Characters.*» Нѣкоторыя стороны характера Дорсета удачно схвачены въ его эпитафіи, написанной Попомъ:

«У него была кроткая натура, хотя пѣснь его была строга;»

и далѣе:

«Блаженъ царедворецъ, который умѣлъ нравиться королю и роднѣ
И въ то же время свято соблюдать узы дружбы и спокойствіе души.»

въ его услугахъ. Участіе, которое онъ возбуждалъ многими благородными и любезными качествами, возрасло еще болѣе, когда узнали, что онъ получилъ по почтѣ безъименное письмо, гдѣ говорилось, что если онъ не поспѣшитъ исполнить желаній короля, то ни остроуміе, ни популярность не спасутъ его отъ насильственной смерти. Подобное же предостереженіе послано было и къ Шрусвёри. Угрозныя письма были тогда гораздо рѣже, чѣмъ впослѣдствіи. Поэтому неудивительно, что народъ, и безъ того уже возбужденный, легко повѣрилъ, будто бы лучшіе и благороднѣйшіе англичане дѣйствительно обречены папистскимъ кинжаламъ. ([a]) Въ то самое время, когда письма эти были предметомъ толковъ всего Лондона, найденъ былъ на улицѣ изуродованный трупъ одного именитаго пуританина. Вскорѣ обнаружилось, что убійца совершилъ преступленіе вовсе не изъ религіозныхъ или политическихъ побужденій. Но первыя подозрѣнія черни пали на папистовъ. Обезображенные останки были отнесены въ процессіи къ дому іезуитовъ въ Савой-Стритѣ, и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ страхъ и ярость простаго народа были почти не менѣе сильны, чѣмъ въ день погребенія Годфри. ([b])

О прочихъ уволенныхъ отъ службы лицахъ достаточно будетъ упомянуть вкратцѣ. Герцогъ Сомерсетъ, у котораго король, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, отнялъ полкъ, былъ отрѣшенъ теперь отъ должности лорда-намѣстника восточнаго округа Іоркшира. Сѣверный округъ того же графства былъ отнятъ у виконта Фоконберга, Шропширъ — у виконта Ньюарка, а Ланкаширъ — у графа Дерби, внука того доблестнаго кавалера, который такъ храбро шелъ на встрѣчу смерти, и на полѣ битвы, и на эшафотѣ, за домъ Стюартовъ. Графъ Пемброкъ, незадолго до того вѣрно и мужественно подвизавшійся въ пользу короны противъ Монмута, лишился своего мѣста въ Вильтширѣ, графъ Ротландъ — въ Лейстершире, графъ Бриджвотеръ — въ Боккингамширѣ, графъ Танетъ — въ Кумберландѣ, графъ Нортгамптонъ — въ Варвикширѣ, графъ Абингдонъ — въ

([a]) Barillon, $^{9}/_{19}$ янв. 1688; Citters, $\frac{31\ \text{янв}}{10\ \text{фев.}}$

([b]) Adda, $^{3}/_{13}$ и $^{10}/_{20}$ фев. 1688.

Оксфордширѣ и графъ Скарздель — въ Дербиширѣ. У Скарзделя были отняты, кромѣ того, кавалерійскій полкъ и должность въ придворномъ штатѣ принцессы Датской. Анна пыталась было удержать его при себѣ, но должна была уступить настоятельному приказанію отца. Графъ Гензборо былъ отрѣшенъ не только отъ гампширскаго намѣстничества, но и еще отъ двухъ мѣстъ: отъ должности градоначальника Портсмута и отъ должности форстмейстера Новаго Лѣса, за которыя онъ, всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, заплатилъ 5,000 фунтовъ. ([a])

Король не могъ найти ни высокосановныхъ, ни даже какихъ бы то ни было протестантскихъ лордовъ, которые согласились бы принять вакантныя должности. Пришлось поручить два шира Джеффризу, выскочкѣ, поземельная собственность котораго была невелика, и два Престону, который даже не былъ англійскимъ пéромъ. Прочія графства, оставшіяся безъ намѣстниковъ, почти всѣ безъ исключенія ввѣрены были явнымъ католикамъ, или царедворцамъ, втайнѣ обѣщавшимъ королю, при первой возможности, объявить себя католиками.

Вопросы, предложенные мировымъ судьямъ.

Наконецъ новый механизмъ былъ приведенъ въ дѣйствіе; но вскорѣ отовсюду стали приходить извѣстія о совершенной и безнадежной неудачѣ. Катихизисъ, посредствомъ котораго лордамъ-намѣстникамъ поручено было испытывать образъ мыслей провинціяльныхъ джентльменовъ, состоялъ изъ трехъ вопросовъ. Каждый мировой судья и каждый помощникъ намѣстника долженъ былъ отвѣтить: 1) намѣренъ ли онъ, въ случаѣ своего избранія въ члены парламента, вотировать за билль, составленный на основаніи декларацiи объ индульгенціи; 2) намѣренъ ли онъ, какъ избиратель, поддерживать тѣхъ кандидатовъ, которые обяжутся вотировать за такой билль; и 3) намѣренъ ли онъ, въ качествѣ частнаго лица, содѣйствовать благонамѣреннымъ планамъ короля и для этого жить въ согласіи съ людьми всѣхъ религіозныхъ убѣжденій. ([b])

([a]) Barillon, $^{8}/_{18}$, $^{9}/_{19}$ и $^{12}/_{22}$ дек. 1687; Citters, $\frac{29\ \text{нояб.}}{9\ \text{дек.}}$ и $^{9}/_{19}$ дек.

([b]) Citters, $\frac{28\ \text{окт.}}{7\ \text{нояб.}}$ Lonsdale's «*Memoirs*.»

Не успѣли эти вопросы сдѣлаться извѣстными, какъ по всему королевствукакъ распространилась и почти единодушно была принята отвѣтная формула, составленная съ удивительною ловкостью. Она гласила: «Какъ членъ палаты общинъ, если удостоюсь чести засѣдать въ ней, я сочту своимъ долгомъ тщательно взвѣсить тѣ доводы, которые во время преній могутъ быть представлены въ пользу и противъ билля объ индульгенціи, и затѣмъ буду вотировать сообразно съ моимъ искреннимъ убѣжденіемъ. Какъ избиратель, я буду оказывать поддержку тѣмъ кандидатамъ, понятія которыхъ о долгѣ представителя согласуются съ моими. Какъ частное лицо, я желаю жить въ мирѣ и любви со всѣми.» Этотъ отвѣтъ, гораздо болѣе оскорбительный, нежели прямой отказъ, потому что въ немъ слышалась сдержанная и приличная иронія, къ которой нельзя было придраться, былъ единственнымъ результатомъ, какого эмиссары двора могли добиться отъ большинства провинціяльныхъ джентльменовъ. Увѣщанія, посулы и угрозы не повели ни къ чему. Герцогъ Норфолькъ, не смотря на свой протестантизмъ и не смотря на свое недовольство дѣйствіями правительства, согласился сдѣлаться его агентомъ въ двухъ графствахъ. Сначала отправился онъ въ Сорри, но скоро убѣдился, что тамъ ничего нельзя было сдѣлать. (a) Потомъ онъ поѣхалъ въ Норфолькъ, откуда вернулся съ извѣстіемъ, что изъ семидесяти именитыхъ джентльменовъ, занимавшихъ общественныя должности въ этой обширной провинціи, только шестеро какъ будто обѣщали поддерживать политику двора. (b) Герцогъ Бофортъ, управлявшій четырьмя англійскими ширами и цѣлымъ Валлійскимъ княжествомъ, пріѣхалъ въ Вайтголль съ не менѣе печальнымъ донесеніемъ. (c) Рочестеръ былъ лордомъ-намѣстникомъ Гертфордшира. Въ борьбѣ противъ сильнаго искушенія продать свою религію ради корысти онъ истощилъ весь свой скудный запасъ честности. Все еще связанный

Отвѣты мировыхъ судей.

Неудача плановъ короля.

(a) Сіттввв, $\frac{22 \text{ нояб.}}{2 \text{ декаб.}}$ 1687.

(b) Ibid. $\frac{27 \text{ дек.}}{6 \text{ янв.}}$ $168^7/_8$.

(c) Ibid. $\frac{27 \text{ дек.}}{6 \text{ янв.}}$ $168^7/_8$.

съ дворомъ ежегодною пенсіею въ 4,000 фунтовъ, онъ желалъ, въ замѣнъ этой пенсіи, оказать какую угодно беззаконную или унизительную услугу, лишь бы отъ него не требовали формальнаго присоединенія къ Римской церкви. Онъ съ готовностью взялся обдѣлать дѣло въ своемъ графствѣ и, по обыкновенію, принялся за работу съ безразсудною горячностью и необузданностью. Но гнѣвъ его не произвелъ никакого дѣйствія на смѣлыхъ сквайровъ, которыхъ пытался онъ застращать. Они единогласно сказали ему, что не пошлютъ въ парламентъ такого представителя, который бы вотировалъ за уничтоженіе оплотовъ протестантской религіи. ([a]) Такой же отвѣтъ данъ былъ канцлеру въ Боккингамширѣ. ([b]) Шропширское джентри, собравшееся въ Лодло, единодушно отказалось связать себя обѣщаніемъ, котораго отъ него требовалъ король. ([c]) Графъ Ярмутъ донесъ изъ Вильтшира, что изъ шестидесяти мировыхъ судей и помощниковъ намѣстника, съ которыми онъ совѣщался, только семеро дали благопріятные отвѣты, и что даже на этихъ семерыхъ нельзя было полагаться. ([d]) Отступникъ Питерборо не имѣлъ никакого успѣха въ Нортгамптонширѣ. ([e]) Его собратъ, отступникъ Доверъ, тоже претерпѣлъ неудачу въ Кембриджширѣ. ([f]) Престонъ привезъ неутѣшительныя вѣсти изъ Кумберланда и Вестморланда. Дорсетширъ и Гонтингдонширъ также были проникнуты духомъ непокорства. Графъ Батъ, послѣ долгихъ искательствъ между избирателями, вернулся изъ западныхъ графствъ съ мрачными извѣстіями. Онъ имѣлъ полномочіе сдѣлать жителямъ этого края самыя соблазнительныя предложенія. Въ особенности онъ обѣщалъ имъ, что, еслибы они надлежащимъ образомъ уважили ко-

([a]) Объ оскорбительной горячности Рочестера при этомъ случаѣ дважды говоритъ Джонстонъ, 25 нояб. и 8 дек. 1687. О его неудачѣ упоминаетъ Ситтерсъ, $^{6}/_{16}$ дек.

([b]) Ситтерс, $^{6}/_{16}$ дек. 1687.

([c]) Ibid, $^{20}/_{30}$ дек. 1687.

([d]) Ibid. $\frac{30 \text{ марта}}{9 \text{ апрѣля}}$ 1687.

([e]) Ibid. $\frac{22 \text{ нояб.}}{2 \text{ дек.}}$ 1687.

([f]) Ibid. $^{13}/_{23}$ нояб. 1687.

Digitized by Google

ролевскія желанія, правительство освободило бы торговлю оловомъ отъ тягостныхъ стѣсненій, которымъ она подвергалась. Но эта приманка, которая въ другое время оказалась бы непреодолимою, была теперь съ презрѣніемъ отвергнута. Всѣ мировые судьи и помощники намѣстниковъ Девоншира и Корнваллиса, какъ одинъ человѣкъ, объявили, что они охотно пожертвовали бы за короля жизнью и собственностью, но что протестантская религія была имъ дороже и жизни, и собственности. «И если-бы ваше величество, сказалъ Батъ, отставили всѣхъ этихъ джентльменовъ, ихъ преемники дали бы точно такой же отвѣтъ.» (a) Единственнымъ округомъ, гдѣ правительство могло надѣяться на успѣхъ, былъ Ланканширъ. Результатъ того, что̀ тамъ происходило, возбуждалъ сильныя сомнѣнія. Нигдѣ въ цѣломъ государствѣ не было такого множества зажиточныхъ и почтенныхъ семействъ, придерживавшихся старой религіи. Представители многихъ изъ этихъ семействъ, въ силу разрѣшительной власти, занимали уже должности мировыхъ судей и милиціонныхъ начальниковъ. А между тѣмъ новый лордъ-намѣстникъ Ланкашира, также католикъ, донесъ, что двѣ трети его помощниковъ и мировыхъ судей были враждебны двору. (b) Но еще глубже оскорбили самолюбіе короля событія въ Гампширѣ. Лѣтъ за двадцать назадъ, Арабелла Чорчилль родила Іакову сына, который позже стяжалъ себѣ славу одного изъ самыхъ искусныхъ полководцевъ Европы. Юноша этотъ, по имени Джемсъ Фицджемсъ, покамѣстъ не подавалъ еще никакихъ надеждъ сдѣлаться тою знаменитостью, какою онъ сталъ впослѣдствіи; но всѣ его поступки были такъ кротки и безобидны, что у него не было ни одного врага, кромѣ Маріи Моденской, которая долго ненавидѣла сына наложницы съ ожесточеніемъ бездѣтной жены. До объявленія о беременности королевы, небольшая часть іезуитской факціи серьёзно думала противопоставить его принцессѣ Оранской, какъ сонска-

---

(a) Сіттвв, $^{10}/_{20}$ апрѣля 1688.

(b) О безпокойствѣ, которое возбуждалъ Ланкаширъ, упоминаетъ Ситтерсъ въ депешѣ отъ $^{18}/_{28}$ нояб. 1687, а о результатѣ—въ депешѣ, писанной четырьмя днями позже.

теля престола. ([a]) Вспомнивши, какая страшная неудача постигла въ подобномъ соискательствѣ законнаго, по мнѣнію народа, наслѣдника престола и поборника національной религіи, Монмута, нельзя не удивляться, какъ могли найтись люди, до того ослѣпленные фанатизмомъ, что помышляли возвести на престолъ человѣка, который всѣмъ и каждому былъ извѣстенъ какъ незаконнорожденный папистъ. Невѣроятно, чтобы король когда-либо одобрялъ этотъ нелѣпый замыселъ. Ребенокъ, впрочемъ, былъ признанъ своимъ отцомъ и удостоился всякихъ отличій, какихъ только можетъ надѣяться достигнуть подданный не королевской крови. Онъ получилъ титулъ герцога Бервика и теперь занималъ нѣсколько почетныхъ и доходныхъ мѣстъ, отнятыхъ у тѣхъ нобльменовъ, которые отказались исполнить королевскія приказанія. Онъ былъ преемникомъ графа Оксфорда въ должности полковаго командира Синихъ и графа Гензборо въ должностяхъ лорда-намѣстника Гампшира, форстмейстера Новаго Лѣса и градоначальника Портсмута. На границѣ Гампшира Бервикъ разсчитывалъ быть встрѣченнымъ, по обычаю, длинною кавалькадою баронетовъ, найтовъ и сквайровъ; но изъ знатныхъ лицъ никто не явился привѣтствовать его. Онъ разослалъ повѣстки джентльменамъ, съ приказаніемъ, чтобы они явились къ нему; но изъ всего мѣстнаго джентри только пять-шесть лицъ обратили вниманіе на его требованіе. Остальные не дожидались отставки. Они объявили, что не желаютъ принимать никакого участія ни въ гражданскомъ, ни въ военномъ управленіи своего графства, пока тамошнимъ представителемъ короля будетъ папистъ, и добровольно отказались отъ своихъ должностей. ([b])

Сондерландъ, который былъ назначенъ лордомъ-намѣстникомъ Варвикшира на мѣсто графа Нортгамптона, нашелъ какой-то предлогъ не ѣхать на встрѣчу негодованію и презрѣнію джентри этого шира; и его отговорка была охотно принята, тѣмъ болѣе, что король около этого времени уже началъ сознавать невозможность переломить упорство сельскаго джентри. ([c])

([a]) Bonrepaux, $^{11}/_{21}$ іюля 1687.
([b]) Citters, $^{3}/_{13}$ фев. 1688.
([c]) Ibid. $^{4}/_{16}$ апрѣля 1688.

Надобно замѣтить, что люди, оказывавшіе это упорство, не были старинными врагами дома Стюартовъ. Списки мировыхъ судей и помощниковъ намѣстниковъ уже давно были тщательно очищены отъ всѣхъ республиканскихъ именъ. Лица, у которыхъ дворъ тщетно пытался вынудить обѣщаніе поддержки, почти всѣ безъ исключенія были торіи. Старшіе изъ нихъ могли еще показать рубцы, нанесенные имъ саблями круглоголовыхъ, и росписки Карла I въ полученіи отъ нихъ серебряной посуды, посланной ему въ годину его злополучія. Младшіе твердо отстаивали Іакова противъ Шафтсбёри и Монмута. Таковы были люди, толпами отрѣшенные теперь отъ должностей тѣмъ самымъ государемъ, которому они представили такія блестящія доказательства преданности. Отставка, впрочемъ, придала имъ еще болѣе рѣшимости. Твердо держаться другъ друга въ эту критическую пору сдѣлалось у нихъ священнымъ пунктомъ чести. Не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что, еслибы голоса фригольдеровъ были собраны правильно, въ числѣ избранныхъ лицъ не оказалось бы ни одного представителя шира, благопріятнаго политикѣ правительства. Поэтому всѣ избиратели и неизбиратели тревожно спрашивали другъ друга, вѣроятно ли было, чтобы голоса собирались правильно. Списокъ шерифовъ на новый 1688 годъ составлялъ предметъ нетерпѣливыхъ ожиданій. Онъ появился въ то самое время, когда лорды-намѣстники продолжали еще вести переговоры съ избирателями, [illegible]встрѣченъ общимъ крикомъ тревоги и негодованія. Больш[illegible]цъ, долженствовавшихъ предсѣдательствовать на комитат[illegible] выборахъ, оказалось состоявшимъ либо изъ католиковъ, либо изъ тѣхъ протестантскихъ диссидентовъ, которые одобряли индульгенцію. (a) Нѣкоторое время господствовали самыя мрачныя предчувствія; но они скоро начали разсѣваться. Дѣло показало, что былъ предѣлъ, за которымъ король не могъ разсчитывать на поддержку даже со стороны тѣхъ шерифовъ, которые были членами одной съ нимъ церкви. Между римско-католическимъ царедворцемъ и римско-католическимъ провинціяльнымъ джентльменомъ

Списокъ шерифовъ.

Характеристика римско-католиче-

(a) «*London Gazette*», Dec. 5. 1687; Сіттвнв, $^{6}/_{16}$ дек.

сочувствія было очень мало. Кабаль, господствовавшая въ Вайтголлѣ, состояла частію изъ фанатиковъ, которые готовы были нарушить всѣ правила нравственности и причинить общую смуту, лишь бы распространить свою религію, частію же изъ лицемѣровъ, которые ради корысти отреклись отъ вѣры своихъ предковъ и теперь переступали предѣлы рвенія, характеризующаго неофитовъ. Какъ фанатическіе, такъ и лицемѣрные царедворцы были вообще лишены всякаго англійскаго чувства. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ преданность своей церкви подавила всю любовь къ отчизнѣ. Иные были ирландцами, патріотизмъ которыхъ состоялъ въ смертельной ненависти къ саксонскимъ завоевателямъ Ирландіи. Другіе были измѣнниками, получавшими опредѣленное жалованье отъ иноземной державы. Нѣкоторые же провели бо́льшую часть своей жизни за границею и либо сдѣлались простыми космополитами, либо чувствовали положительное отвращеніе къ нравамъ и учрежденіямъ той страны, которая теперь находилась подъ ихъ управленіемъ. Между такими людьми и владѣльцемъ какого-нибудь чеширскаго или стаффордширскаго помѣстья, все еще приверженнымъ къ старой церкви, не было почти ничего общаго. Онъ не былъ ни фанатикомъ, ни лицемѣромъ. Онъ былъ католикомъ, потому что и отецъ и дѣдъ его были католиками; но онъ держался наслѣдственной своей вѣры, какъ вообще держатся люди наслѣдственной вѣры: искренно [illegible] особеннаго энтузіазма. Во всѣхъ другихъ отношен[illegible]нъ былъ истымъ англійскимъ сквайромъ и если отличался отъ сосѣднихъ сквайровъ, то отличался отъ нихъ только тѣмъ, что былъ нѣсколько простоватѣе и мужиковатѣе ихъ. Ограниченія его гражданскихъ и политическихъ правъ мѣшали его уму развиться до того, хотя и очень умѣреннаго, уровня, до котораго обыкновенно достигали тогда умы протестантскихъ провинціяльныхъ джентльменовъ. Устраненный въ дѣтствѣ отъ Итонской и Вестминстерской школъ, въ юности отъ Оксфордскаго и Кембриджскаго университетовъ, въ зрѣломъ возрастѣ отъ парламента и судебныхъ палатъ, онъ обыкновенно прозябалъ такъ же мирно, какъ вязы аллеи, которая вела къ его прародительской мызѣ. Нивы, молочня и сидровая давильня, борзыя собаки,

свихъ провинціяльныхъ джентльменовъ.

удочка и ружье, эль и табакъ, поглощали почти всѣ его мысли. Съ сосѣдями, не смотря на свою религію, былъ онъ вообще въ хорошихъ отношеніяхъ. Они знали его за человѣка нечестолюбиваго и безобиднаго. Онъ почти всегда принадлежалъ къ хорошей старинной фамиліи. Онъ всегда былъ кавалеромъ. Онъ никому не навязывалъ личныхъ своихъ воззрѣній и никому не надоѣдалъ ими. Онъ не мучился и не мучилъ другихъ, подобно пуританину, тревогами совѣсти по поводу всякой пріятной вещи. Напротивъ, онъ былъ такимъ же страстнымъ охотникомъ и такимъ же веселымъ собутыльникомъ, какъ любой изъ тѣхъ англичанъ, которые давали супрематическую присягу и подписывали декларацію противъ пресуществленія. Онъ съѣзжался со своими товарищами-сквайрами у лисьей норы, не отставалъ отъ нихъ во все время травли и, по окончаніи охоты, приглашалъ ихъ къ себѣ на паштетъ съ дичью и на кружку четырехлѣтняго октябрскаго эля. Притѣсненія, которымъ онъ подвергался, были не таковы, чтобы побудить его къ какому-нибудь отчаянному рѣшенію. Даже въ то время, когда его церковь была жестоко гонима, жизнь и собственность его находились почти внѣ опасности. Самые наглые лжесвидѣтели колебались указывать на него, какъ на заговорщика, потому что такое обвиненіе оскорбляло здравый смыслъ человѣческій. Паписты, которыхъ Отсъ избиралъ своими жертвами, были перы, прелаты, іезуиты, бенедиктинцы, политическіе проныры, знаменитые адвокаты, придворные медики. Между тѣмъ какъ Кольманъ и Лангторнъ, Витъредъ и Пикерингъ, архіепископъ Плонкетъ и лордъ Стаффордъ погибали на висѣлицѣ или на плахѣ, римско-католическій провинціяльный джентльменъ, огражденный неизвѣстностью, мирнымъ своимъ поведеніемъ и добрымъ расположеніемъ сосѣдей, спокойно убиралъ свое сѣно или охотился за дичью. Правда, шайка мерзавцевъ попыталась было взвести обвиненіе въ измѣнѣ на сэра Томаса Гаскойня, престарѣлаго католика и іоркширскаго баронета; но двѣнадцать достойнѣйшихъ джентльменовъ западнаго округа іоркскаго графства, которымъ былъ извѣстенъ образъ жизни подсудимаго, рѣшительно отказались повѣрить, чтобъ ихъ почтенный старый знакомецъ подкупалъ головорѣзовъ убить короля и,

вопреки обвинительному акту, не дѣлавшему особенной чести судейскому сословію, признали Гаскойня невиннымъ. Правда, глава какой-нибудь старинной и почтенной провинціяльной фамиліи могъ иногда съ горечью помышлять о томъ, что онъ изъ-за религіи былъ устраняемъ отъ почетныхъ и вліятельныхъ мѣстъ, которыхъ безпрепятственно удостоивались люди менѣе знатнаго происхожденія и менѣе значительнаго состоянія; но онъ былъ мало расположенъ рисковать своимъ имуществомъ и жизнью въ борьбѣ противъ слишкомъ могущественнаго непріятеля, и его честное англійское сердце содрогнулось бы при одной мысли о такихъ средствахъ, какія замышлялись Питерами и Тирконнелями. Дѣйствительно, онъ былъ такъ же готовъ, какъ любой изъ его протестантскихъ сосѣдей, опоясать себя мечомъ и вложить пистолеты въ свои чушки, для защиты родной земли отъ нашествія французскихъ или ирландскихъ папистовъ. Таковъ былъ общій характеръ тѣхъ людей, на которыхъ Іаковъ смотрѣлъ какъ на самыя надежныя орудія для производства комитатскихъ выборовъ. Онъ скоро убѣдился, что они не чувствовали охоты жертвовать уваженіемъ своихъ сосѣдей и рисковать головою и состояніемъ для того, чтобы оказать ему безчестную и преступную услугу. Нѣкоторые изъ нихъ прямо отказались быть шерифами. Изъ тѣхъ же, которые приняли должности шерифовъ, многіе объявили, что они исполнятъ свою обязанность такъ же добросовѣстно, какъ исполнили бы ее члены установленной церкви, и не провозгласятъ избраннымъ ни одного кандидата, который не будетъ имѣть на своей сторонѣ дѣйствительнаго большинства голосовъ. (²)

(²) Лѣтъ за двадцать до этого времени, одинъ іезуитъ замѣтилъ отсутствіе честолюбія въ характерѣ римско-католическихъ провинціяльныхъ джентльменовъ Англіи. «La nobilità Inglese, senon se legata in serviglio di Corte, ò in opera di maestrato, vive, e gode il più dell' anno alla campagna, ne' suoi palagi e poderi, dove son liberi e padroni; e ciò tanto più sollecitamente i Cattolici quanto più utilmente, si come meno osservati colà.» — «*L'Inghilterra descritta dal P. Daniello Bartoli.*» Roma, 1667.

«Многіе изъ папистскихъ шерифовъ, писалъ Джонстонъ, имѣютъ

Если не много надеждъ могъ возлагать король даже на своихъ римско-католическихъ шерифовъ, то еще менѣе могъ онъ полагаться на пуританъ. Со времени обнародованія декларацiи объ индульгенціи прошло нѣсколько мѣсяцевъ, ознаменованныхъ важными событіями и непрерывною полемикою. Литературныя пренія открыли глаза многимъ диссидентамъ; но дѣйствія правительства и въ особенности строгое обращеніе его съ Магдалининскою коллегіею еще болѣе, чѣмъ перо Галифакса, способствовали къ возбужденію тревоги и къ соединенію протестантовъ всѣхъ наименованій. Очень многіе изъ тѣхъ сектаторовъ, которыхъ агенты двора убѣдили изъявить благодарность за индульгенцію, стыдились теперь своей ошибки и желали загладить ее дружнымъ стремленіемъ къ одной цѣли съ большинствомъ своихъ соотечественниковъ. Настроеніе диссидентовъ.

Вслѣдствіе этой перемѣны въ настроеніи нонконформистовъ, правительство встрѣтило въ городахъ почти такія же затрудненія, какъ и въ графствахъ. Приступая къ дѣлу, регуляторы считали несомнѣннымъ, что каждый диссидентъ, воспользовавшійся индульгенціей, будетъ содѣйствовать успѣху королевской политики. Поэтому они были увѣрены въ возможности замѣстить всѣ муниципальныя должности въ королевствѣ надежными друзьями. Въ новыхъ городскихъ хартіяхъ коронѣ предоставлялась власть увольПреобразованіе личнаго состава муниципальныхъ корпорацій.

помѣстья и объявляютъ, что ошибется тотъ, кто ожидаетъ отъ нихъ беззаконныхъ дѣйствій на выборахъ. Папистскіе джентльмены, живущіе въ своихъ имѣніяхъ, рѣзко отличаются отъ того джентри, которое живетъ здѣсь въ городахъ. Многіе изъ нихъ отказались быть шерифами или помощниками намѣстниковъ.» 8 дек. 1687.

Ронкильо говоритъ то же самое. «Algunos Catolicos que fueron nombrados por sherifes se han excusado.» $^{9}/_{19}$ янв. 1688. Нѣсколькими мѣсяцами позже, онъ увѣрялъ свой дворъ, что католическіе провинціяльные джентльмены охотно согласились бы на компромиссъ, условіями котораго были бы отмѣна карательныхъ законовъ и сохраненіе Test-Act'a. «Estoy informado, говоритъ онъ, que los Catolicos de las provincias no lo reprueban, pues no pretendiendo oficios, y siendo solo algunos de la Corte los provechosos, les parece que mejoran su estado, quedando seguros ellos y sus descendientes en la religion, en la quietud, y en la seguridad de sus haciendas.» $\frac{23\ \text{іюля}}{2\ \text{авг}}$ 1688.

нять должностныхъ лицъ по своему усмотрѣнію. Правительство воспользовалось теперь этою властью безъ всякаго ограниченія. Далеко не такъ ясенъ былъ вопросъ о томъ, имѣлъ ли король власть назначать новыя должностныя лица; но, принадлежала ли она ему или не принадлежала, онъ во всякомъ случаѣ рѣшился присвоить ее себѣ. Повсюду, отъ Твида до Ландзъ-Энда, торійскія должностныя лица были отставлены, а вакантныя мѣста отданы пресвитеріанамъ, индепендентамъ и баптистамъ. Въ новой хартіи лондонскаго Сити корона удержала за собою власть отрѣшать отъ должностей старшинъ, смотрителей и ассистентовъ всѣхъ цеховыхъ корпорацій. Вслѣдствіе этого болѣе восьмисотъ первостатейныхъ гражданъ, все членовъ той партіи, которая противодѣйствовала биллю объ исключеніи, было уволено отъ службы однимъ эдиктомъ. Въ непродолжительномъ времени явилось дополненіе къ этому длинному списку. ([a]) Но не успѣли новыя должностныя лица присягнуть на вѣрность службы, какъ оказалось, что они были такъ же непослушливы, какъ ихъ предмѣстники. Въ Ньюкастлѣ на Тайнѣ регуляторы назначили меромъ католика, а ольдерменами пуританъ. Они ни мало не сомнѣвались, что преобразованная такимъ образомъ муниципальная корпорація утвердитъ адресъ съ обѣщаніемъ поддерживать мѣры короля. Адресъ, однако, былъ отвергнутъ. Взбѣшенный меръ пріѣхалъ въ Лондонъ и сказалъ королю, что диссиденты оказались всѣ негодяями и бунтовщиками, и что въ цѣлой корпораціи правительство могло разсчитывать не болѣе, какъ на четыре голоса. ([b]) Въ Ридингѣ двадцать четыре торійскихъ ольдермена получили отставку. На ихъ мѣста назначено было двадцать четыре новыхъ ольдермена. Изъ этого числа двадцать три человѣка немедленно объявили себя противъ индульгенціи и въ свою очередь были отставлены. ([c]) Въ теченіе нѣсколькихъ дней въ бургѣ Ярмутѣ смѣнилось три ряда должностныхъ лицъ, и всѣ они оказались одинаково враждеб-

---

([a]) Privy Council Book, Sept. 25. 1687; Feb. 21. 168$^{7}/_{8}$.

([b]) Протоколы корпораціи, приведенные въ Brand's «*History of Newcastle*»; Johnstone, Feb. 21. 168$^{7}/_{8}$.

([c]) Johnstone, Feb. 21. 168$^{7}/_{8}$.

ными двору. ([a]) Это только примѣры того, что́ происходило во всемъ королевствѣ. Голландскій посолъ увѣдомилъ штаты, что во многихъ городахъ мѣстныя власти, въ продолженіе одного мѣсяца, были смѣняемы по два и даже по три раза, но всякій разъ безуспѣшно. ([b]) Изъ протоколовъ тайнаго совѣта видно, что число такъ называемыхъ регуляцій было свыше двухъ сотъ. ([c]) Регуляторы находили даже, что во многихъ мѣстахъ перемѣна была къ худшему. Недовольные торіи, даже ропща противъ политики короля, постоянно выражали уваженіе къ его особѣ и сану и чуждались всякой мысли о сопротивленіи. Совершенно иной былъ языкъ нѣкоторыхъ изъ новыхъ членовъ корпорацій. Говорили, будто старые солдаты республики, которые, къ собственному своему удивленію и къ изумленію публики, сдѣланы были ольдерменами, очень ясно дали понять агентамъ двора, что прежде польется кровь, чѣмъ въ Англіи утвердятся папизмъ и деспотическая власть. ([d])

Регуляторы нашли, что отъ принятыхъ мѣръ пользы было немного, или даже и вовсе не было. Оставался одинъ и только одинъ путь, которымъ они могли надѣяться достигнуть своей цѣли. Надлежало отобрать хартіи бурговъ и замѣнить ихъ другими жалованными граматами такъ, чтобы право подачи голоса на выборахъ ограничивалось весьма небольшими избирательными корпораціями, члены которыхъ назначались бы государемъ. ([e])

Но какъ было привести этотъ планъ въ исполненіе? Правда, въ нѣкоторыхъ изъ новыхъ хартій корона удержала за собою право ихъ отмѣны; но остальныя могли быть отобраны Іаковомъ только по добровольному согласію на то самихъ корпорацій, или же по приговору суда королевской скамьи. Не многія корпора-

---

([a]) Citters, $^{14}/_{24}$ фев. 1688.

([b]) Ibid. $^{1}/_{11}$ мая 1688.

([c]) На поляхъ журнала тайнаго совѣта можно замѣтить слова «Вторая регуляція» и «Третья регуляція» противъ тѣхъ корпорацій, которыя преобразовывались болѣе одного раза.

([d]) Johnstone, May 23. 1688.

([e]) Ibid. 21 Feb. 1688.

ціи были теперь расположены добровольно отказаться отъ своихъ хартій; а такихъ приговоровъ, которые бы соотвѣтствовали цѣлямъ правительства, трудно было ожидать даже отъ такого холопа какъ Райтъ. Указы *Quo Warranto* (10), изданные за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, съ цѣлью сокрушить вигскую партію, порицались всѣми безпристрастными людьми. А между тѣмъ эти указы имѣли по крайней мѣрѣ нѣкоторое подобіе справедливости: они были изданы противъ старинныхъ муниципальныхъ корпорацій; а между старинными муниципальными корпораціями не много было такихъ, гдѣ бы въ теченіе вѣковъ не развилось какого-нибудь злоупотребленія, достаточнаго для доставленія предлога къ уголовному преслѣдованію. Но корпораціи, на которыя теперь умышлялось нападеніе, находились еще въ невинномъ состояніи младенчества. Старѣйшей изъ нихъ не исполнилось еще и пяти лѣтъ. Невозможно было, чтобы многія изъ нихъ успѣли уже совершить проступки, заслуживавшія отнятія жалованныхъ грамотъ. Даже судьи чувствовали себя неловко. Они представляли, что услуги, которыя отъ нихъ требовались, прямо противорѣчили самымъ обыкновеннымъ началамъ права и справедливости; но всѣ представленія были тщетны. Бурги получили приказаніе выдать свои хартіи. Изъ нихъ повиновались не многіе; и образъ дѣйствій короля относительно этихъ немногихъ не поощрилъ другихъ довѣриться его величеству. Въ нѣсколькихъ городахъ право подачи голосовъ было отнято у гражданства и передано весьма небольшому числу лицъ, которыя должны были клятвенно обѣщать поддерживать правительственныхъ кандидатовъ. Въ Тьюксбёри, напримѣръ, право избирательства предоставлено было всего тринадцати лицамъ. А между тѣмъ даже и это число оказалось слишкомъ велико. Ненависть и страхъ до того овладѣли всѣмъ

(10) Такъ называются предписанія о производствѣ слѣдствія, имѣющаго цѣлью разъяснить, по какому полномочію, *quo warranto*, данное лицо или корпорація присвоиваетъ себѣ извѣстныя льготы и привилегіи. Въ послѣдніе годы царствованія Карла II, когда впервые появились такія предписанія, малѣйшее отклоненіе дѣйствительнаго состоянія какой-нибудь корпораціи отъ ея первоначальной хартіи служило предлогомъ къ отнятію жалованной грамоты.

обществомъ, что почти ни въ одномъ городѣ никакъ нельзя было подобрать тринадцати человѣкъ, на которыхъ бы дворъ могъ безусловно положиться. Разнесся слухъ, что большинство новой тьюксбёрійской избирательной корпораціи одушевлено тѣмъ же чувствомъ, которое господствовало во всей націи, и что въ рѣшительный день оно изберетъ въ парламентъ истинныхъ протестантовъ. Внѣ себя отъ гнѣва, регуляторы грозили сократить число избирателей до трехъ. ([a]) Между тѣмъ огромное большинство бурговъ твердо отказалось разстаться со своими привилегіями. Барнстапль, Винчестеръ и Боккингамъ особенно отличились смѣлостью своей оппозиціи. Въ Оксфордѣ предложеніе о томъ, чтобы городъ пожертвовалъ королю своими льготами, было отвергнуто восемьюдесятью голосами противъ двухъ. ([b]) Темпль и Вестминстерская зала были въ попыхахъ отъ внезапнаго прилива дѣлъ изо всѣхъ уголковъ королевства. Всѣ знаменитые адвокаты были завалены вѣрющими письмами корпорацій. Обыкновенные тяжебники жаловались, что ихъ процессы оставлялись безъ вниманія. ([c]) Очевидно было, что много времени должно было пройти, прежде чѣмъ могли состояться судебныя рѣшенія по такому огромному количеству важныхъ дѣлъ. Тираннія не могла примириться съ такою медленностью. Приняты были всѣ возможныя мѣры, чтобы застращать строптивые бурги. Въ Боккингамѣ нѣкоторые изъ муниципальныхъ сановниковъ говорили о Джеффризѣ такимъ языкомъ, котораго нельзя было назвать хвалебною рѣчью. За это они подверглись судебному преслѣдованію, при чемъ имъ дано было понять, что они не получатъ ни малѣйшей пощады, если не откупятся выдачею мѣстной хартіи. ([d]) Въ Винчестерѣ приняты были еще болѣе крутыя мѣры. Огромный отрядъ войскъ введенъ былъ въ этотъ городъ единственно для того, чтобы обременять и притѣснять жителей. ([e]) Городъ остался непреклоннымъ, и общественное мнѣніе громко обвиняло короля

([a]) Johnstone, Feb. 21. 1688.
([b]) Citters, $^{20}/_{30}$ марта 1688.
([c]) Ibid. $^{1}/_{11}$ мая 1688.
([d]) Ibid. $\frac{22\ \text{мая}}{1\ \text{іюня}}$ 1688.
([e]) Ibid. $^{1}/_{11}$ мая 1688.

въ томъ, что онъ подражалъ самымъ отвратительнымъ преступленіямъ своего французскаго братца. Драгонады начались, говорила публика. И дѣйствительно, было отъ чего тревожиться. Іакову представилось, что военный постой былъ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ обуздать духъ непокорныхъ городовъ. Ему, конечно, было извѣстно, что шестьдесятъ лѣтъ назадъ, мѣра эта возбудила грозныя неудовольствія, и что Прошеніе о Правѣ, законоположеніе, уважаемое англичанами почти не менѣе Великой Хартіи, торжественно признало ее противозаконною. Но онъ надѣялся склонить судебныя палаты къ объявленію, что даже Прошеніе о Правѣ не могло ограничивать прерогативы. Въ самомъ дѣлѣ, онъ совѣщался объ этомъ предметѣ съ предсѣдателемъ суда королевской скамьи, ([a]) но результатъ совѣщанія остался тайною; а черезъ нѣсколько недѣль дѣла приняли такой оборотъ, что страхъ, который былъ посильнѣе страха навлечь на себя королевскую немилость, началъ внушать нѣкоторую осторожность даже такимъ раболѣпнымъ людямъ, какъ Райтъ.

Перебор на личного состава всѣхъ вѣдомствъ.

Между тѣмъ какъ лорды-намѣстники допрашивали мировыхъ судей, между тѣмъ какъ регуляторы преобразовывали бурги, личный составъ всѣхъ вѣдомствъ подвергся строгой переборкѣ. Дѣло началось съ придворнаго штата. Каждый израненный старый кавалеръ, успѣвшій, въ замѣнъ крови и земель, потерянныхъ въ интересѣ королевскаго дѣла, получить какое-нибудь незначительное мѣсто при гардеробмейстерѣ или егермейстерѣ, долженъ былъ теперь волею-неволею сдѣлать выборъ между королемъ и церковью. Таможенные и акцизные коммиссары получили приказаніе представиться его величеству въ государственномъ казначействѣ. Тамъ онъ потребовалъ у нихъ обѣщанія поддерживать его политику и приказалъ имъ взять подобное же обѣщаніе со всѣхъ ихъ подчиненныхъ. ([b]) Одинъ изъ таможенныхъ чиновниковъ заявилъ свою покорность королевской волѣ такимъ образомъ, что возбудилъ и смѣхъ, и состраданіе. «У меня, сказалъ онъ,

---

([a]) Citters, $^{19}/_{29}$ мая 1688.

([b]) Ibid. $^{6}/_{16}$ апрѣля 1688; Treasury Letter Book, March 14. $168^{7}/_{8}$; Ronquillo, $^{16}/_{26}$ апрѣля.

четырнадцать причинъ повиноваться приказаніямъ его величества: жена и тринадцать малолѣтнихъ дѣтей.» (a) Такія причины, конечно, были убѣдительны; а между тѣмъ не мало было примѣровъ, что религіозныя и патріотическія чувства одерживали верхъ даже и надъ такими причинами.

Есть основаніе думать, что правительство въ это время серьёзно замышляло мѣру, которая ввергла бы тысячи семействъ въ нищету и потрясла бы всю общественную систему государства. Продажа вина, пива и кофе не могла производиться безъ установленнаго свидѣтельства. Разнесся слухъ, что всѣ лица, у которыхъ были подобныя свидѣтельства, въ скоромъ времени принуждены будутъ или вступить въ такія же обязательства относительно правительства, какія требовались отъ чиновниковъ, или же прекратить свою торговлю. (b) Почти несомнѣнно, что, въ случаѣ принятія такой мѣры, увеселительныя заведенія и трактиры по всему королевству закрылись бы вдругъ сотнями. Какое дѣйствіе произвело бы такое правительственное вмѣшательство въ область публичнаго комфорта, объ этомъ можно только догадываться. Негодованіе, возбуждаемое злоупотребленіями, не всегда бываетъ соразмѣрно ихъ важности; а потому очень можетъ быть, что отнятіе торговыхъ свидѣтельствъ сдѣлало бы то, чего не успѣло сдѣлать отнятіе жалованныхъ грамотъ. Свѣтскіе люди лишились бы шоколатни въ Сентъ-Джемсъ-Стритѣ, а дѣловые люди лишились бы кофейни въ Биржевомъ переулкѣ, гдѣ они имѣли обыкновеніе курить и толковать о политикѣ за чашкою кофе. Половина клубовъ не знала бы куда пріютиться. Путешественникъ, при наступленіи ночи, вмѣсто гостинницы, гдѣ онъ разсчитывалъ поужинать и переночевать, нашелъ бы опустѣлое помѣщеніе. Крестьянинъ пожалѣлъ бы о шинкѣ, гдѣ онъ имѣлъ обыкновеніе пить пиво, лѣтомъ на лавкѣ передъ дверью, а зимою въ уголкѣ у очага. Нація, подъ вліяніемъ такой обиды, могла бы поголовно взбунтоваться, не дожидаясь помощи отъ иноземныхъ союзниковъ.

Государь, который отъ самыхъ мелкихъ слугъ правительства отставка Сойера

(a) Сіттенъ, $^{18}/_{28}$ мая 1688.

(b) Ibid.

требовалъ, подъ опасеніемъ отставки, содѣйствія своей политикѣ, разумѣется, не могъ долго терпѣть на службѣ такого генералъ-атторнея, отвращеніе котораго къ этой политикѣ вовсе не было тайною. Сойеръ удерживалъ за собою свое мѣсто болѣе полутора года послѣ того, какъ объявилъ себя противъ разрѣшительной власти. Этимъ необыкновеннымъ снисхожденіемъ онъ обязанъ былъ крайнему затрудненію правительства найти ему достойнаго преемника. Для защиты денежныхъ интересовъ короны, необходимо было, чтобы изъ двухъ главныхъ коронныхъ юристовъ по крайней мѣрѣ одинъ былъ человѣкомъ даровитымъ и знающимъ; а между тѣмъ отнюдь не легко было понудить какого-нибудь даровитаго и знающаго адвоката къ тому, чтобы онъ, подвергая себя опасности, совершалъ такія дѣла, которыя будущій парламентъ, по всей вѣроятности, призналъ бы тяжкими уголовными преступленіями. Невозможно было отыскать лучшаго генералъ-солиситора, чѣмъ Повисъ, который, дѣйствительно, не останавливался ни передъ чѣмъ; но онъ не былъ въ состояніи исполнять даже обыкновенныхъ обязанностей, сопряженныхъ съ его должностью. При такихъ обстоятельствахъ, признано было полезнымъ допустить раздѣленіе труда. Обязанности атторнея, адвокатскіе таланты котораго теряли значительную долю цѣны отъ его добросовѣстности, были соединены съ обязанностями солиситора, у котораго отсутствіе добросовѣстности отчасти вознаграждало собою отсутствіе талантовъ. Когда правительство желало соблюсти законъ, оно прибѣгало къ Сойеру. Когда правительство желало нарушить законъ, оно прибѣгало къ Повису. Этотъ порядокъ вещей продолжался до тѣхъ поръ, пока король не отыскалъ такого адвоката, который былъ и безсовѣстнѣе Повиса, и способнѣе Сойера.

Генералъ-солиситоръ Вилліамъ.

Никто изъ тогдашнихъ адвокатовъ не ратовалъ противъ двора съ такимъ озлобленіемъ, какъ Вилліамъ Вилліамзъ. Онъ отличался въ предшествовавшее царствованіе какъ вигъ и эксклюзіонистъ. Во время преобладанія вигской партіи онъ былъ избранъ въ должность спикера палаты общинъ. Послѣ отсрочки Оксфордскаго парламента, онъ обыкновенно являлся судебнымъ защитникомъ самыхъ буйныхъ демагоговъ, которые обвинялись

въ мятежническихъ умыслахъ. По отзывамъ современниковъ, онъ былъ замѣчательно остроумнымъ и ученымъ человѣкомъ. Главными его недостатками считались опрометчивость и духъ партіи. Никто и не подозрѣвалъ, что у него были такіе недостатки, въ сравненіи съ которыми опрометчивость и духъ партіи могутъ считаться добродѣтелями. Правительство искало случая придраться къ нему и легко нашло, чего желало. Виллiамзъ, по приказанію палаты общинъ, издалъ разсказъ, написанный Данджерфильдомъ. Будь этотъ разсказъ изданъ какимъ-нибудь частнымъ лицомъ, онъ несомнѣнно былъ бы возмутительнымъ пасквилемъ. Въ судѣ королевской скамьи начался уголовный искъ противъ Виллiамза. Подсудимый тщетно ссылался въ свою защиту на парламентскія привилегіи: онъ былъ осужденъ и приговоренъ къ уплатѣ десяти тысячъ фунтовъ штрафа. Значительную часть этой суммы внесъ онъ деньгами, а на остальную далъ вексель. Графъ Питерборо, о которомъ въ разсказѣ Данджерфильда упоминалось оскорбительнымъ образомъ, поощренный успѣхомъ уголовнаго слѣдствія, началъ гражданскій искъ и потребовалъ огромнаго денежнаго удовлетворенія. Виллiамзъ доведенъ былъ до крайности. Въ это самое время ему представилось средство къ спасенію. Это средство, однако, для человѣка строгихъ правилъ или гордой души было бы ужаснѣе нищеты, заточенія и даже смерти. Онъ рѣшился продаться тому правительству, котораго былъ врагомъ и жертвою. Онъ рѣшился предложить себя въ коноводы всякаго посягательства на тѣ вольности и на ту религію, въ пользу которыхъ заявлялъ прежде такое неумѣренное рвеніе. Онъ рѣшился искупить свой вигизмъ такими услугами, отъ которыхъ содрогались изувѣрные торіи, запятнанные кровью Росселя и Сидни. Сдѣлка была заключена. Долгъ, причитавшійся коронѣ, былъ сложенъ съ должника. Питерборо, по личному ходатайству короля, согласился покончить дѣло мировою. Сойеръ былъ уволенъ отъ службы. Повисъ сталъ генералъ-атторнеемъ. Виллiамзъ былъ назначенъ генералъ-солиситоромъ, получилъ титулъ найта и вскорѣ сдѣлался любимцемъ короля. Хотя по мѣсту онъ былъ только вторымъ изъ коронныхъ юристовъ, однако

его способности, ученость и энергія были таковы, что онъ совершенно затмилъ своего принципала. ([a])

Вскорѣ послѣ своего назначенія, Виллiамзъ принужденъ былъ играть главную роль въ достопамятнѣйшемъ изо всѣхъ политическихъ процессовъ, о какихъ только разсказываютъ британскія лѣтописи.

Вторая декларація объ индульгенціи.

27 апрѣля 1688 король издалъ вторую декларацію объ индульгенціи. Въ этомъ актѣ онъ подробно повторилъ декларацію предшествовавшаго апрѣля. Его прошедшая жизнь, говорилъ онъ, должна была убѣдить народъ, что онъ былъ не такой человѣкъ, котораго бы легко было заставить отступить отъ принятаго имъ рѣшенія. Но такъ какъ неблагонамѣренные люди пытались увѣрить націю, будто его можно было принудить къ уступкѣ въ настоящемъ дѣлѣ, то онъ призналъ нужнымъ объявить всенародно, что его воля была неизмѣнна, что онъ рѣшился пользоваться услугами только тѣхъ лицъ, которыя готовы были содѣйствовать исполненію его намѣренія, и что, вслѣдствіе такого рѣшенія, онъ отставилъ многихъ изъ непокорныхъ слугъ своихъ отъ гражданскихъ и военныхъ должностей. Онъ объявлялъ, что намѣренъ былъ созвать парламентъ не позже ноября, и увѣщалъ своихъ подданныхъ избрать такихъ представителей, которые бы помогли ему исполнить предпринятое имъ великое дѣло. ([b])

Духовенство получаетъ приказаніе прочесть ее въ церквахъ.

Эта декларація сначала произвела мало впечатлѣнія. Она не заключала въ себѣ ничего новаго; и публика удивлялась, что король нашелъ нужнымъ издать торжественный манифестъ, единственно съ цѣлью сказать подданнымъ, что онъ не перемѣнилъ своего намѣренія. ([c]) Должно быть, Іаковъ былъ уязвленъ равнодушіемъ, съ какимъ публика встрѣтила объявленіе о его

([a]) «*London Gazette*», Dec. 15. 1687. См. процессъ Виллiамза въ «*Collection of State Trials.*» — «На hecho, говоритъ Ронкильо, grande susto el haber nombrado el abogado Williams, que fue el orador y el mas arrabiado de toda la casa des comunes en los ultimos terribles parlamentos del Rey difunto.» $\frac{27 \text{ нояб.}}{7 \text{ дек.}}$ 1687.

([b]) «*London Gazette*», April 30. 1688; Barillon, $\frac{26 \text{ апрѣля}}{6 \text{ мая}}$.

([c]) Сіттекс, $^{1}/_{11}$ мая 1688.

непреложномъ рѣшеніи, и вообразилъ, что санъ и власть его пострадаютъ, если онъ не приметъ безотлагательно какой-нибудь новой и необычайной мѣры. Вслѣдствіе этого, 4 мая явился указъ государственнаго совѣта о томъ, чтобы высочайшая декларація предшествовавшей недѣли, въ два воскресенья сряду, была прочитана, во время богослуженія, священнодѣйствующими лицами всѣхъ церквей и капеллъ королевства. Въ Лондонѣ и его предмѣстьяхъ чтеніе должно было происходить 20 и 27 мая, въ прочихъ частяхъ Англіи — 3 и 10 іюня. Епископы получили приказаніе разослать экземпляры декларацiи во всѣ мѣста ввѣренныхъ имъ епархій. (*)

Принимая во вниманіе, что почти все духовенство Англійской церкви видѣло въ индульгенціи посягательство на законы государства, нарушеніе честнаго слова короля и роковой ударъ, направленный противъ интересовъ и достоинства духовнаго сословія, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что указъ государственнаго совѣта имѣлъ цѣлью причинить англиканскимъ священнослужителямъ жестокое оскорбленіе. Молва говорила, что Питеръ высказалъ эту цѣль грубою метафорою въ восточномъ вкусѣ. Онъ грозился заставить іереевъ установленной церкви ѣсть грязь, самую мерзкую и отвратительную грязь. Но, при всей беззаконности и злонамѣренности королевскаго повелѣнія, могло ли англійское духовенство не повиноваться ему? Король былъ своенравенъ и строгъ. Дѣла въ церковной коммиссіи производились такимъ же сокращеннымъ порядкомъ, какъ и въ военномъ судѣ. Всякій, кто осмѣлился бы сопротивляться, могъ бы въ одну недѣлю быть изгнанъ изъ своего прихода, лишенъ всѣхъ своихъ доходовъ, признанъ недостойнымъ занимать какую бы то ни было другую духовную должность и пущенъ по міру. Конечно, еслибы все сословіе единодушно воспротивилось королевской волѣ, въ такомъ случаѣ даже Іаковъ, по всей вѣроятности, едва ли отважился бы наказать разомъ десять тысячъ виновныхъ. Но для составленія обширнаго союза не было времени. Указъ государственнаго совѣта явился въ «*Лондонской Газетѣ*» 7 мая; а

(*) «*London Gazette*», May 7. 1688.

20 числа того же мѣсяца декларація долженствовала уже быть прочитанною со всѣхъ каѳедръ Лондона и его окрестностей. При всѣхъ усиліяхъ, въ двѣ недѣли невозможно было тогда узнать намѣреній и десятой доли приходскихъ священниковъ, разсѣянныхъ по всему королевству. Въ такой короткій срокъ нелегко было собрать мнѣнія даже и однихъ епископовъ. Притомъ же надлежало опасаться, чтобы протестантскіе диссиденты, въ случаѣ отказа духовенства прочесть декларацію, не перетолковали этого отказа въ дурную сторону, не отчаялись добиться какой-нибудь терпимости отъ членовъ Англійской церкви и не перешли всею своею массою на сторону двора.

Оно колеблется.

Духовенство поэтому колебалось; но это колебаніе извинительно, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ именитыхъ мірянъ, пользовавшихся огромною долею общественнаго довѣрія, совѣтовали покориться. Они полагали, что на общую оппозицію трудно было разсчитывать; а частная оппозиція, гибельная для отдѣльныхъ лицъ, не принесла бы большой пользы ни церкви, ни націи. Таково было мнѣніе Галифакса и Ноттингама. Назначенный день приближался; а между тѣмъ все еще не было ни единомыслія, ни принятаго рѣшенія. (a)

Патріотизмъ протестантскихъ нонконформистовъ Лондона.

Въ это самое время протестантскіе диссиденты Лондона стяжали себѣ право на вѣчную признательность отечества. До сихъ поръ правительство разсчитывало на нихъ, какъ на часть своей силы. Нѣкоторые изъ ихъ самыхъ дѣятельныхъ и рьяныхъ проповѣдниковъ, подкупленные милостями двора, составляли адресы въ пользу королевской политики. Другіе, отчужденные воспоминаніемъ о множествѣ жестокихъ обидъ и отъ Англійской церкви и отъ дома Стюартовъ, съ злорадствомъ смотрѣли на ожесточенную вражду между деспотическимъ государемъ и деспотическою іерархіею, которые теперь, наперерывъ другъ передъ другомъ, искали помощи у сектъ, незадолго до того подвергавшихся гоненію и презрѣнію. Но это чувство, при всей своей естественности, мало по малу ослабѣло. Настала пора сдѣлать вы-

(a) Johnstone, May 27. 1688.

боръ; и лондонскіе нонконформисты съ благородною рѣшимостью присоединились къ членамъ Англійской церкви для защиты основныхъ законовъ государства. Бакстеръ, Бетсъ и Гоу особенно отличались своими усиліями осуществить эту коалицію; но великодушный энтузіазмъ, одушевлявшій всю массу пуританъ, дѣлалъ эту задачу легкою. Рвеніе паствъ превзошло усердіе пастырей. Тѣ пресвитеріанскіе и индепендентскіе проповѣдники, которые показывали наклонность дѣйствовать заодно съ королемъ противъ установленной церкви, получили ясное предостереженіе, что если они не измѣнятъ своего поведенія, то конгрегаціи не станутъ ни слушать ихъ, ни платить имъ за совершеніе духовныхъ требъ. Ольсопъ, ласкавшій себя надеждою привлечь на сторону короля огромное множество своихъ единовѣрцевъ, вдругъ увидѣлъ себя предметомъ презрѣнія и омерзѣнія для тѣхъ, которые прежде уважали его какъ духовнаго наставника, впалъ въ глубокую меланхолію и удалился отъ свѣта. Ко многимъ изъ членовъ лондонскаго духовенства явились депутаціи, умолявшія ихъ не судить о диссидентахъ по раболѣпной лести, которая незадолго передъ тѣмъ наполняла «*Лондонскую Газету*», и убѣждавшія ихъ, какъ передовыхъ бойцовъ въ этой великой битвѣ, мужественно подвизаться за вольности Англіи и за вѣру, завѣщанную святымъ отцамъ церкви. Увѣренія эти были приняты съ радостью и благодарностью. Однако между тѣми лицами, которыя должны были рѣшить, исполнять или не исполнять, въ воскресенье 20 числа, королевское повелѣніе, все еще было много недоумѣнія и разногласія. Лондонское духовенство, бывшее тогда, по общему признанію, цвѣтомъ своего сословія, устроило митингъ, на которомъ присутствовало пятнадцать докторовъ богословія. Тиллотсонъ, деканъ кентербёрійскій, знаменитѣйшій проповѣдникъ того времени, явился туда, не смотря на болѣзнь, которая удерживала его въ постели. Шерлокъ, президентъ Темпли, Патрикъ, деканъ питерборoскій и ректоръ обширнаго прихода св. Павла, что въ Ковентъ-Гарденѣ, и Стиллингфлитъ, архидіаконъ лондонскій и деканъ собора св. Павла, находились также въ числѣ присутствовавшихъ. Мнѣніе огромнаго большинства собранія повидимому склонялось въ пользу исполненія указа государствен-

Совѣщаніе лондонскаго духовенства.

наго совѣта. Пренія начинали становиться жаркими и могли бы имѣть роковыя послѣдствія, еслибы не были прекращены твердостью и благоразуміемъ доктора Эдварда Фаулера, викарія церкви св. Эгидія, что́ въ Криппльгетѣ, одного изъ представителей немногочисленнаго класса теологовъ, у которыхъ любовь къ гражданской свободѣ, отличавшая школу Кальвина, соединялась съ богословіемъ школы Арминія. ([a]) Вставши съ мѣста, Фаулеръ сказалъ: «Я буду говорить напрямикъ. Вопросъ такъ простъ, что разсужденія о немъ не могутъ вести къ уясненію дѣла и только могутъ породить безплодную полемику. Пусть каждый изъ насъ скажетъ да или нѣтъ. Но я не могу согласиться связать себя рѣшеніемъ большинства. Мнѣ будетъ прискорбно нарушить единство; но по совѣсти я не могу прочесть этой декларацiи.» Тиллотсонъ, Патрикъ, Шерлокъ и Стиллингфлитъ объявили, что они были того же мнѣнія. Большинство уступило авторитету такого почтеннаго меньшинства. Затѣмъ составлена была резолюція, которою всѣ присутствовавшіе обязались другъ передъ другомъ не читать декларацiи. Первымъ приложилъ къ ней руку Патрикъ, вторымъ — Фаулеръ. Бумага пошла въ обращеніе по всему городу и быстро была подписана восемьюдесятью пятью бенефиціаріями. ([b])

Между тѣмъ многіе изъ епископовъ съ безпокойствомъ разсуждали о предстоявшемъ имъ образѣ дѣйствій. 12 мая, за столомъ у примаса въ Ламбетѣ собралось важное и ученое общество. Въ числѣ гостей находились: Комтонъ, епископъ лондонскій, Торнеръ, епископъ плайскій, Вайтъ, епископъ питербо-

---

([a]) Мнѣ кажется, что покойный Александръ Ноксъ, человѣкъ весьма замѣчательный, краснорѣчивыя бесѣды и искусныя письма котораго имѣли большое вліяніе на современниковъ, заимствовалъ многія части своей богословской системы изъ сочиненій Фаулера. Книга Фаулера, подъ заглавіемъ «*Design of Christianity*», подвергалась яростнымъ нападкамъ Джона Бониана, которыхъ ничѣмъ нельзя оправдать, но которыя отчасти извиняются происхожденіемъ и воспитаніемъ честнаго мѣдника.

([b]) Johnstone, May 23. 1688. Объ этомъ митингѣ есть сатирическое стихотвореніе подъ заглавіемъ «*The Clerical Cabal.*»

роскій, и Тенисонъ, ректоръ прихода св. Мартина. Графъ Клаpендонъ, ревностный и неизмѣнный приверженецъ Англійской церкви, тоже былъ приглашенъ. Картрайтъ, епископъ честерскій, явился въ собраніе незваннымъ гостемъ, вѣроятно, въ качествѣ шпіона. При немъ откровенная бесѣда не могла имѣть мѣста; но какъ только онъ удалился, великій вопросъ, занимавшій всѣхъ и каждаго, тотчасъ былъ предложенъ и подвергся обсужденію. Общее мнѣніе рѣшило, что декларацію читать не слѣдовало. Ко многимъ изъ наиболѣе достопочтенныхъ прелатовъ кентербёрійской провинціи немедленно написаны были письма, съ просьбою безотлагательно прибыть въ Лондонъ и оказать въ настоящемъ дѣлѣ поддержку архіепископу. ([a]) Такъ какъ не подлежало сомнѣнію, что письма эти были бы вскрыты, еслибы проходили черезъ почтамтъ въ Ломбардъ-Стритѣ, то ихъ отправили съ гонцами въ ближайшіе провинціяльные города на разныхъ трактахъ. Епископъ винчестерскій, такъ блистательно доказавшій при Седжмурѣ свою преданность престолу, хотя и страдалъ отъ недуга, однако, получивши приглашеніе, рѣшился было отправиться въ Лондонъ, но почувствовалъ себя не въ силахъ вынести движеніе кареты. Письмо, адресованное Вилліаму Лойду, епископу норичскому, вопреки всѣмъ предосторожностямъ, было задержано почтмейстеромъ; и этотъ прелатъ, въ мужествѣ и рвеніи объ общемъ дѣлѣ своего сословія не уступавшій никому изъ своихъ собратій, не успѣлъ во время пріѣхать въ Лондонъ. ([b]) Его однофамилецъ, Вилліамъ Лойдъ, епископъ сентъ-асафскій, человѣкъ благочестивый, честный и ученый, но недалекаго ума и полупомѣшавшійся отъ настойчивыхъ усилій извлечь изъ Даніила и Апокалипсиса какія-нибудь свѣдѣнія о папѣ и французскомъ королѣ, поспѣшилъ въ столицу и прибылъ туда 16 числа. ([c]) На слѣдующій день явились въ Лондонъ благородный Кенъ, епископъ батскій и веллъзскій, Лекъ, епископъ чи-

---

([a]) Clarendon's «*Diary*», May 22. 1688.

([b]) Извлеченія изъ рукописи Таннера въ Howell's «*State Trials*»; «*Life of Prideaux*»; Clarendon's «*Diary*», May 16. 1688.

([c]) Clarendon's «*Diary*», May 16 and 17. 1688.

честерскій, и сэръ Джонъ Трелони, епископъ бристольскій, баронетъ и потомокъ старинной и почтенной корнваллійской фамиліи.

Совѣщаніе въ Ламбетскомъ дворцѣ.

18 числа прелаты и другіе знаменитые богословы собрались въ Ламбетѣ. На митингѣ присутствовали Тиллотсонъ, Тенисонъ, Стиллингфлитъ, Патрикъ и Шерлокъ. Передъ началомъ совѣщанія торжественно прочитаны были молитвы. Послѣ долгихъ обсужденій, архіепископъ собственноручно написалъ просьбу, излагавшую общее мнѣніе епископовъ. Форма ея была не совсѣмъ удачна. Дѣйствительно, тяжелые и неизящные обороты вызвали противъ Санкрофта нѣсколько насмѣшекъ, которыя раздражали его сильнѣе, чѣмъ болѣе тяжкія испытанія. Но въ сущности этотъ достопамятный документъ составленъ былъ необыкновенно искусно. Просители съ жаромъ отклоняли отъ себя всякій упрекъ въ непокорности и нетерпимости. Они увѣряли короля, что Англійская церковь была по прежнему неизмѣнно предана престолу. Они увѣряли его, что они, въ свое время и въ своемъ мѣстѣ, какъ лорды парламента и какъ члены верхней палаты конвокаціи, докажутъ, что у нихъ отнюдь не было недостатка въ снисхожденіи къ религіознымъ вѣрованіямъ диссидентовъ. Но парламентъ, какъ въ прошлое, такъ и въ настоящее царствованіе, объявилъ, что, на основаніи конституціи, государь не имѣлъ права отмѣнять статутовъ по церковнымъ дѣламъ. Слѣдовательно, декларація объ индульгенціи была незаконна; а потому ни благоразуміе, ни честь, ни совѣсть, не позволяли просителямъ содѣйствовать торжественному обнародованію незаконной декларація въ храмѣ Божіемъ и во время божественной службы.

Эта бумага была подписана архіепископомъ и шестью его суффраганами: Лойдомъ сентъ-асафскимъ, Торнеромъ илайскимъ, Лекомъ чичестерскимъ, Кеномъ батскимъ и вельзскимъ, Вайтомъ питерборскимъ и Трелони бристольскимъ. Епископъ лондонскій, будучи отрѣшенъ отъ должности, не подписался.

Просьба семи епископовъ представлена королю.

Митингъ кончился поздно вечеромъ въ пятницу; а въ воскресенье утромъ декларація долженствовала быть прочитанною во всѣхъ церквахъ Лондона. Необходимо было подать просьбу королю безотлагательно. Шестеро епископовъ отправились въ Вайт-

голль. Архіепископъ, которому уже давно воспрещенъ былъ пріѣздъ ко двору, не могъ сопровождать ихъ. Лойдъ, оставивши пятерыхъ своихъ товарищей въ домѣ лорда Дартмута, неподалёку отъ дворца, пришелъ къ Сондерланду и попросилъ этого министра прочитать просьбу и узнать, когда угодно будетъ королю принять ее. Сондерландъ, боясь компрометировать себя, отказался просмотрѣть бумагу, но тотчасъ же отправился въ кабинетъ короля. Іаковъ приказалъ впустить епископовъ. Онъ слышалъ отъ своего клеврета Картрайта, что они были расположены повиноваться королевскому указу, но желали нѣкоторыхъ маловажныхъ измѣненій въ формѣ и намѣревались съ этою цѣлью представить всеподданнѣйшее прошеніе. Его величество былъ поэтому въ очень хорошемъ расположеніи духа. Когда они пали передъ нимъ на колѣни, онъ милостиво приказалъ имъ встать, принялъ отъ Лойда бумагу и сказалъ: «Рука милорда кентербёрійскаго.» — «Да, государь, собственная его рука», былъ отвѣтъ. Іаковъ прочиталъ просьбу, сложилъ ее, и лицо его приняло мрачное выраженіе. «Это, сказалъ онъ, совершенная неожиданность для меня. Я не ожидалъ этого отъ вашей церкви и въ особенности отъ нѣкоторыхъ изъ васъ. Это знамя бунта.» Епископы начали разсыпаться въ горячихъ изъявленіяхъ вѣрноподданнической преданности; но король, по своему обыкновенію, твердилъ одно и то же. «Говорю вамъ, это знамя бунта.» — «Бунта! воскликнулъ Трелони, падая на колѣни: Ради Бога, государь, не говорите такъ дурно о насъ. Трелони не можетъ быть бунтовщикомъ. Вспомните, что мои предки сражались за корону. Вспомните, какъ я служилъ вашему величеству, когда Монмутъ былъ на Западѣ.» — «Мы подавили недавній бунтъ, сказалъ Лекъ: мы не возбудимъ другаго.» — «Мы бунтуемъ! воскликнулъ Торнеръ: мы готовы умереть у ногъ вашего величества.» — «Государь, болѣе мужественнымъ тономъ сказалъ Кенъ: надѣюсь, что вы предоставите и намъ ту свободу совѣсти, которую предоставляете всѣмъ и каждому.» Однако Іаковъ не переставалъ твердить: «Это бунтъ. Это знамя бунта. Слыханное ли дѣло, чтобъ истинные церковники отрицали законность разрѣшительной власти? Не сами ли вы проповѣдывали и писали въ

пользу ея? Это знамя бунта. Я хочу, чтобы моя декларація была обнародована.» — «Намъ предстоитъ исполнить двоякій долгъ, сказалъ Кенъ: долгъ передъ Богомъ и долгъ передъ вашимъ величествомъ. Васъ мы почитаемъ, но Бога мы боимся.» — «Заслужилъ ли я это? сказалъ король, все болѣе и болѣе увлекаясь гнѣвомъ. А я еще такъ дружелюбно относился къ вашей церкви! Не ожидалъ я этого отъ васъ. Я добьюсь повиновенія. Декларація моя будетъ обнародована. Вы проповѣдники мятежа. Что вы здѣсь дѣлаете? Ступайте въ свои епархіи и смотрите, чтобы воля моя была исполнена. Я оставлю у себя эту бумагу. Я не разстанусь съ нею. Я не забуду тѣхъ, кто подписалъ ее.» — «Да будетъ воля Божія», сказалъ Кенъ. «Богъ даровалъ мнѣ разрѣшительную власть, сказалъ король, и я поддержу ее. Говорю вамъ, что еще найдется семь тысячъ членовъ вашей церкви, которые не преклонились передъ Вааломъ.» Епископы почтительно удалились. (*) Въ тотъ же вечеръ просьба, которую они подали королю, явилась отъ слова до слова въ печати, очутилась на столахъ во всѣхъ кофейняхъ и продавалась разнощиками на улицахъ. Народъ повсюду вставалъ съ постелей и выходилъ покупать ее. Говорили, что типографъ въ нѣсколько часовъ выручилъ этимъ грошовымъ листкомъ тысячу фунтовъ стерлинговъ. Цифра эта, вѣроятно, преувеличена; но это преувеличеніе доказываетъ, что сбытъ былъ огроменъ. Какимъ образомъ просьба попала въ печать, до сихъ поръ остается тайною. Санкрофтъ объявилъ, что онъ принялъ всѣ предосторожности противъ ея обнародованія, и что онъ не зналъ другаго ея экземпляра, кромѣ того, который былъ имъ самимъ написанъ, и который Іаковъ взялъ изъ рукъ Лойда. Правдивость епископа не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Можетъ статься, впрочемъ, что кто-нибудь изъ духовныхъ лицъ, присутствовавшихъ при составленіи этой просьбы, успѣлъ затвердить ея немногосложный текстъ наизусть и потомъ отправилъ его въ печать. Въ публикѣ, однако, господствовало

(*) Разсказъ Санкрофта, напечатанный по рукописи Таннера. Sittens, $\frac{22 \text{ мая}}{1 \text{ іюня}}$ 1688.

мнѣніе, что загадка объяснялась неосторожностью или предательствомъ кого-нибудь изъ приближенныхъ короля. ([a]) Почти не менѣе впечатлѣнія произвело небольшое письмо, написанное чрезвычайно убѣдительно и сильно, напечатанное тайно и въ тотъ же день разосланное въ огромномъ количествѣ по почтѣ и съ обыкновенными гонцами. Экземпляры его были отправлены ко всѣмъ духовнымъ лицамъ въ королевствѣ. Авторъ этой прокламаціи не пытался скрыть опасности, которой могли подвергнуться ослушники королевскаго указа; но въ то же время онъ живо выставлялъ на видъ еще бо́льшую опасность повиновенія. «Если мы прочтемъ декларацію, говорилъ онъ, мы падемъ и уже никогда не возстанемъ. Мы падемъ и, вмѣсто состраданія, возбудимъ только презрѣніе. Мы падемъ среди проклятій націи, которую наша уступчивость погубитъ.» Одни думали, что эта прокламація явилась изъ Голландіи. Другіе приписывали ее Шерлоку. Но Придо, деканъ норичскій, бывшій однимъ изъ главныхъ ея распространителей, считалъ ее произведеніемъ Галифакса.

Общій голосъ восторженно превозносилъ поведеніе прелатовъ; но кое-гдѣ раздавались и порицанія. Хулители говорили, что, если такіе степенные люди считали себя нравственно обязанными протестовать противъ короля, имъ бы слѣдовало протестовать раньше. Честно ли было по отношенію къ нему откладывать объясненія съ нимъ до тѣхъ поръ, пока осталось всего тридцать шесть часовъ до срока, назначеннаго для прочтенія декларацій? Еслибъ даже онъ и пожелалъ отмѣнить указъ государственнаго совѣта, отмѣнить его было уже слишкомъ поздно. Выводъ изо всего этого, повидимому, былъ тотъ, что просьба имѣла цѣлью не подѣйствовать на умъ короля, а только воспламенить неудовольствіе народа. ([b]) Упреки эти были совершенно неосновательны. Порученіе, возложенное королемъ на епископовъ, было ново, неожиданно и затруднительно. Прежде чѣмъ принять какую-нибудь мѣру, они обязаны были снестись другъ съ другомъ и по возможности точно узнать мнѣніе сословія, котораго они были предста-

([a]) Burnet, I. 741.; «*Revolution Politics*»; Higgins's «*Short View.*»
([b]) Clarke's «*Life of James the Second*», II. 155.

вителями. Они были разсѣяны по всему королевству. Нѣкоторые изъ нихъ были удалены отъ другихъ на цѣлую недѣлю пути. Іаковъ далъ имъ всего двѣ недѣли для того, чтобы списаться, съѣхаться, обсудить дѣло и придти къ какому-нибудь рѣшенію; а потому онъ, разумѣется, не имѣлъ права обижаться тѣмъ, что узналъ ихъ рѣшеніе только въ концѣ второй недѣли. Несправедливо и то, будто бы они не оставили ему времени отмѣнить указъ государственнаго совѣта, еслибы у него оказалось достаточно благоразумія для такой отмѣны. Онъ могъ бы созвать свой совѣтъ въ субботу утромъ, а къ вечеру могло бы сдѣлаться извѣстнымъ всему Лондону и предмѣстьямъ, что король уступилъ настояніямъ отцовъ церкви. Суббота, однако, прошла безъ всякихъ признаковъ уступчивости со стороны правительства; и вотъ наступило достопамятное воскресенье.

Лондонское духовенство не слушается королевскаго указа.

Въ Лондонѣ и его предмѣстьяхъ находилось около ста приходскихъ церквей. Указъ государственнаго совѣта былъ приведенъ въ исполненіе только въ четырехъ изъ нихъ. Въ церкви св. Григорія декларація была прочтена священникомъ, по имени Мартиномъ. Какъ только онъ произнесъ первыя слова, всѣ присутствовавшіе въ храмѣ тотчасъ поднялись съ мѣстъ и удалились. Въ церкви св. Матѳея, что въ Фрайдей-Стритѣ, нѣкто Тимоти Голль, негодяй, опозорившій свой санъ ролью маклера при герцогинѣ Портсмутъ по части продажи амнистій и питавшій теперь надежду на полученіе вакантнаго мѣста оксфордскаго епископа, былъ подобнымъ же образомъ оставленъ своею конгрегаціею. Въ Сарджентсъ-Иннѣ, что въ Чансери-Ленѣ, священнослужитель сказалъ, что забылъ принести экземпляръ декларадіи; и предсѣдатель суда королевской скамьи, явившійся въ церковь для наблюденія за исполненіемъ королевскаго повелѣнія, принужденъ былъ удовольствоваться этою отговоркой. Самюэль Весли, отецъ Джона и Чарльза Весли, исправлявшій должность адъюнкта въ одномъ изъ лондонскихъ приходовъ, взялъ въ этотъ день текстомъ для проповѣди благородный отвѣтъ трехъ іудеевъ халдейскому тирану: «Да будетъ извѣстно тебѣ, о царь, что мы не послужимъ твоимъ богамъ и не поклонимся воздвигнутому тобою золотому истукану.» Даже въ капеллѣ Сентъ-Джемскаго

дворца священнодѣйствовавшій іерей имѣлъ смѣлость ослушаться указа. Воспитанники Вестминстерской коллегіи долгое время помнили, что происходило въ тотъ день въ аббатствѣ. Спратъ, епископъ рочестерскій, священнодѣйствовалъ тамъ въ качествѣ декана коллегіи. Лишь только онъ началъ читать декларацію, ропотъ и шумъ народа, толпою устремившагося къ выходу изъ церкви, совершенно заглушилъ его голосъ. Епископъ такъ сильно дрожалъ, что присутствовавшіе видѣли, какъ тряслась у него бумага въ рукѣ. Задолго до окончанія имъ чтенія, церковь была оставлена всѣми, кромѣ тѣхъ, кого удерживали тамъ обязанности званія. (a)

Никогда еще не была Англиканская церковь такъ дорога націи, какъ въ этотъ день пополудни. Духъ разномыслія какъ будто исчезъ. Бакстеръ со своей каѳедры произнесъ похвальное слово епископамъ и приходскому духовенству. Спустя нѣсколько часовъ, голландскій посолъ написалъ генеральнымъ штатамъ депешу съ извѣстіемъ, что англиканское духовенство неимовѣрно возвысилось въ глазахъ публики. Всѣ нонконформисты, говорилъ онъ, единогласно заявляли готовность скорѣе остаться по прежнему подъ гнетомъ карательныхъ статутовъ, нежели отдѣлить свое дѣло отъ дѣла прелатовъ. (b)

Прошла еще недѣля тревоги и волненія. Наступило опять воскресенье. Опять столичныя церкви наполнились сотнями тысячъ народа. Декларація не читалась нигдѣ, за исключеніемъ тѣхъ очень немногихъ мѣстъ, гдѣ она была прочитана недѣлею раньше. Іерей, священнодѣйствовавшій въ капеллѣ Сентъ-Джемскаго дворца, былъ отставленъ отъ должности, а вмѣсто него явился съ указомъ въ рукѣ другой болѣе угодливый священникъ, который, однако, былъ до того взволнованъ, что не могъ произнести ни слова. Въ самомъ дѣлѣ, настроеніе всей націи было таково, что, за исключеніемъ самыхъ лучшихъ и благороднѣйшихъ или самыхъ

(a) Citters, $\frac{22\ \text{мая}}{1\ \text{іюня}}$ 1688; Burnet, I. 740. и Lord Dartmouth's note; Southey's «*Life of Wesley.*»

(b) Citters, $\frac{22\ \text{мая}}{1\ \text{іюня}}$ 1688.

худшихъ и подлѣйшихъ людей, никто не могъ безбоязненно противостать ему. (a)

Колебаніе правительства. Самъ король на минуту пришелъ въ ужасъ при видѣ страшной бури, которую онъ возбудилъ. Что было ему дѣлать? Онъ долженъ былъ либо идти впередъ, либо отступить; но идти впередъ нельзя было безъ опасности, а отступить нельзя было безъ униженія. Онъ рѣшился было издать второй указъ, въ заносчивыхъ и гнѣвныхъ выраженіяхъ предписывавшій духовенству обнародовать королевскую декларацію и грозившій каждому ослушнику немедленнымъ отрѣшеніемъ отъ должности. Этотъ указъ былъ составленъ и отданъ въ печать, потомъ вытребованъ назадъ, затѣмъ вторично отданъ въ печать и наконецъ вторично же потребованъ назадъ. (b) Нѣкоторые изъ сторонниковъ крутыхъ мѣръ предлагали другаго рода планъ, а именно: потребовать подписавшихъ просьбу прелатовъ къ суду Верховной коммиссіи и лишить ихъ епархій. Но противъ этой мѣры представлены были сильныя возраженія въ государственномъ совѣтѣ. Король уже объявилъ, что палаты будутъ созваны до истеченія года. Лорды, конечно, признали бы рѣшеніе коммиссіи недѣйствительнымъ, настояли бы на томъ, чтобы Санкрофтъ и его товарищи, подписавшіе просьбу, были приглашены въ парламентъ, и отказались бы признать новаго архіепископа кентербёрійскаго или новаго епископа батскаго и веллъзскаго. Такимъ образомъ сессія, которая и безъ того обѣщала быть довольно бурною, началась бы смертельною распрею между короною и перами. А потому, если ужъ признавалось нужнымъ наказать епископовъ, наказаніе должно было послѣдовать на основаніи обыкновеннаго порядка англійскаго судопроизводства. Сондерландъ съ самаго начала, насколько у него хватало смѣлости, возставалъ противъ указа государственнаго совѣта. Теперь онъ предложилъ мѣру, хотя и представлявшую кое-какія неудобства, однако бывшую самымъ разумнымъ и самымъ достойнымъ выходомъ изъ того затруднительнаго положе-

(a) Сіттвв, $\frac{29\ \text{мая}}{8\ \text{іюня}}$ 1688.

(b) Ibid. $\frac{29\ \text{мая}}{8\ \text{іюня}}$ 1688.

Digitized by Google

нія, въ которое правительство поставило себя цѣлымъ рядомъ ошибокъ. Король могъ бы милостиво и величественно объявить во всеобщее свѣдѣніе, что непокорство Англійской церкви причинило ему глубокое оскорбленіе, но что онъ не могъ забыть услугъ, оказанныхъ этою церковью въ тяжкія времена его отцу, брату и ему самому; что, будучи поборникомъ свободы совѣсти, онъ не желалъ поступать строго съ людьми, которымъ дурно направленная и неразумно щекотливая совѣсть мѣшала повиноваться его повелѣніямъ; и что поэтому онъ предоставляетъ ослушниковъ тому наказанію, которымъ будетъ для нихъ собственное ихъ сознаніе, когда они покойно сличатъ недавніе свои поступки съ вѣрноподданническими ученіями, какими они такъ громко похвалялись. Не только Повисъ и Белласайзъ, всегда бывшіе сторонниками умѣреннаго образа дѣйствій, но даже Доверъ и Арондель, склонялись въ пользу этого предложенія. Джеффризъ, напротивъ, утверждалъ, что правительство опозорится, если такіе преступники, какъ семеро епископовъ, отдѣлаются однимъ только выговоромъ. Онъ, впрочемъ, не желалъ призывать ихъ къ суду церковной коммиссіи, гдѣ засѣдалъ онъ въ качествѣ главнаго или скорѣе единственнаго судьи. Бремя общей ненависти, которое уже и безъ того тяготѣло на немъ, было слишкомъ велико даже и для его безстыднаго лба и закоснѣлаго сердца. Уклоняясь отъ отвѣтственности, которую онъ навлекъ бы на себя, еслибы произнесъ незаконный приговоръ надъ отцами церкви и любимцами націи, онъ предложилъ начать обыкновенный уголовный искъ. Вслѣдствіе этого, рѣшено было предать архіепископа и шестерыхъ его товарищей суду королевской скамьи за возмутительный пасквиль. Въ осужденіи ихъ почти нельзя было сомнѣваться. Судьи и прочіе члены магистратуры были орудіями двора. Со времени отмѣны старинной хартіи лондонскаго Сити, присяжные не оправдали почти ни одного изъ тѣхъ подсудимыхъ, которыхъ правительство желало подвергнуть наказанію. Поэтому надо было полагать, что ослушные прелаты будутъ приговорены къ разорительнымъ денежнымъ пеням и къ продолжительному тюремному заключенію и будутъ рады купить свое освобожденіе

Епископовъ рѣшено предать суду за пасквиль.

цѣною содѣйствія, какъ внутри, такъ и внѣ парламента, замысламъ государя. ([a])

27 мая епископы получили приказаніе явиться 8 іюня въ тайный совѣтъ. Почему назначенъ былъ такой отдаленный срокъ, намъ неизвѣстно. Быть можетъ, Іаковъ надѣялся, что нѣкоторые изъ ослушниковъ, устрашась его гнѣва, покорятся до наступленія дня, назначеннаго для прочтенія декларацiи въ ихъ епархіяхъ, и, чтобы примириться съ нимъ, убѣдятъ свое духовенство исполнить его повелѣніе. Если такова была его надежда, то онъ жестоко обманулся. Воскресенье, 3 іюня, наступило, и вся Англія послѣдовала примѣру столицы. Епископы норичскій, глостерскій, салисбёрійскій, винчестерскій и эксетерскій уже подписали экземпляры просьбы въ знакъ своего одобренія. Епископъ вустерскій отказался разослать декларацію своему духовенству. Епископъ гирфордскій разослалъ ее; но всѣмъ было извѣстно, что онъ мучился раскаяніемъ и стыдомъ по поводу этой разсылки. На пятьдесятъ приходскихъ священниковъ не причиталось и одного, который бы исполнилъ указъ государственнаго совѣта. Въ обширной честерской епархіи, заключающей въ себѣ и ланкастерское графство, Картрайтъ успѣлъ уговорить только трехъ священниковъ повиноваться королю. Въ норичской епархіи числится нѣсколько сотъ приходовъ. Только въ четырехъ изъ нихъ была прочитана декларація. Угодливый епископъ рочестерскій ничѣмъ не могъ побѣдить твердости священника чатамской церкви, который, состоя въ морскомъ вѣдомствѣ, вполнѣ зависѣлъ въ средствахъ своего существованія отъ правительства. До сихъ поръ существуетъ трогательное письмо, которое этотъ честный іерей прислалъ секретарю адмиралтейства. «Я не имѣю основанія, писалъ онъ, разсчитывать на покровительство вашей милости. Да будетъ воля Божія. Я долженъ предпочесть страданіе грѣху.» ([b])

([a]) Barillon, $\frac{24\ \text{мая}}{3\ \text{іюня}}$ и $\frac{31\ \text{мая}}{10\ \text{іюня}}$ 1688; Citters, $^{1}/_{11}$ іюля; Adda, $\frac{25\ \text{мая}}{4\ \text{іюня}}$, $\frac{30\ \text{мая}}{9\ \text{іюня}}$ и $^{1}/_{11}$ іюня; Clarke's «*Life of James the Second*», II. 158.

([b]) Burnet. I. 740.; «*Life of Prideaux*»; Citters, $^{14}/_{24}$ и $^{18}/_{28}$ іюня 1688; Tanner MS.; «*Life and Correspondence of Pepys.*»

Они подвергаются допросу въ тайномъ совѣтѣ.

Вечеромъ 8 іюня, семеро прелатовъ, снабженные подробными наставленіями искуснѣйшихъ законовѣдовъ Англіи, отправились во дворецъ и были позваны въ залу совѣта. Просьба ихъ лежала на столѣ. Канцлеръ взялъ эту бумагу, показалъ ее архіепископу и спросилъ: «Та ли это просьба, которую ваше высокопреосвященство написали, и которую шестеро присутствующихъ здѣсь епископовъ подали его величеству?» Санкрофтъ, взглянувши на бумагу, обратился къ королю и сказалъ: «Государь, я нахожусь здѣсь въ качествѣ подсудимаго. Я никогда еще не бывалъ подъ судомъ. Мнѣ и въ голову не приходило, чтобы я когда-нибудь могъ попасть подъ судъ. Менѣе всего могъ я думать, чтобы меня обвинили въ какомъ-либо преступленіи противъ моего короля; но такъ какъ рокъ ужъ судилъ мнѣ очутиться въ этомъ положеніи, то, я надѣюсь, ваше величество не оскорбитесь, если я воспользуюсь моимъ законнымъ правомъ и уклонюсь отъ всякихъ отвѣтовъ, которые бы могли послужить къ обвиненію меня.» — «Это просто увёртка, сказалъ король: я надѣюсь, что ваше высокопреосвященство не дойдете до такой безсовѣстности, чтобы отречься отъ своей руки.» — «Государь, замѣтилъ Лойдъ, ревностно изучавшій казуистовъ: всѣ богословы единогласно признаютъ, что лицо, поставленное въ такое положеніе, въ какомъ теперь находимся мы, имѣетъ право не отвѣчать на подобный вопросъ.» Тупоумный и раздражительный король не могъ понять, что̀ именно хотѣли сказать прелаты. Онъ настаивалъ и видимо все болѣе и болѣе сердился. «Государь, сказалъ архіепископъ, я не обязанъ обвинять самого себя. Тѣмъ не менѣе, если ваше величество положительно прикажете мнѣ отвѣчать, я отвѣчу, въ увѣренности, что справедливый и великодушный монархъ не допуститъ, чтобы слова мои, сказанныя во исполненіе его приказанія, послужили впослѣдствіи уликою противъ меня.» — «Вы не должны предлагать условій вашему государю», сказалъ канцлеръ. «Нѣтъ, сказалъ король, я не дамъ такого приказанія. Если вамъ угодно отрицаться отъ собственноручныхъ вашихъ подписей, въ такомъ случаѣ мнѣ нечего болѣе сказать вамъ.»

Епископы были нѣсколько разъ высылаемы въ переднюю и нѣсколько разъ опять призываемы въ залу совѣта. Наконецъ Іаковъ

положительно приказалъ имъ отвѣчать на вопросъ. Онъ прямо не обязался не употреблять ихъ сознанія уликою противъ нихъ; но они весьма естественно предположили, что, послѣ всего происшедшаго, такое обязательство само собою подразумѣвалось въ его приказаніи. Санкрофтъ призналъ свою руку, и товарищи его послѣдовали его примѣру. Послѣ того имъ были предложены вопросы касательно смысла нѣкоторыхъ словъ въ просьбѣ и касательно письма, которое съ такимъ успѣхомъ распространилось по всему королевству; но ихъ отвѣты были такъ осторожны, что допросъ не послужилъ ни къ чему. Тогда канцлеръ сказалъ имъ, что противъ нихъ начнется уголовный искъ въ судѣ королевской скамьи, и потребовалъ, чтобы они дали письменное обязательство явиться туда. Они отказались. Они говорили, что они перы Англіи. Лучшіе законовѣды Вестминстерской залы предупредили ихъ, что ни отъ кого изъ перовъ нельзя было требовать подобнаго обязательства по дѣлу о пасквилѣ. Поэтому они считали себя не въ правѣ отказаться отъ привилегіи своего званія. Король имѣтъ глупость принять за личное для себя оскорбленіе, что они въ юридическомъ вопросѣ нашли нужнымъ руководствоваться юридическимъ авторитетомъ. «Вы готовы, сказалъ онъ, скорѣе повѣрить первому встрѣчному, нежели мнѣ.» Онъ былъ дѣйствительно оскорбленъ и встревоженъ: онъ зашелъ уже такъ далеко, что, въ случаѣ ихъ упорства, ему оставалось только посадить ихъ въ тюрьму; и хотя онъ никакъ не предвидѣлъ всѣхъ послѣдствій такой мѣры, однако, по всей вѣроятности, предвидѣлъ настолько, что невольно приходилъ въ смущеніе. Прелаты были непреклонны. Поэтому коменданту Тоуэра дано было предписаніе содержать ихъ подъ арестомъ и приготовлена была яхта для отправленія ихъ внизъ по рѣкѣ. (a)

Они заключены въ Тоуэрѣ.

Весь Лондонъ зналъ, что епископы были въ государственномъ совѣтѣ. Публика находилась въ крайне безпокойномъ состояніи. Огромная толпа наполняла дворы Вайтголля и сосѣднія улицы. Изъ столичныхъ жителей многіе имѣли обыкновеніе пользоваться

(a) Разсказъ Санкрофта, напечатанный по рукописи Таннера.

въ лѣтніе вечера свѣжимъ воздухомъ Темзы. Но въ этотъ вечеръ вся рѣка кишѣла лодками. Когда семеро епископовъ появились окруженные конвоемъ, волненіе публики достигло крайнихъ предѣловъ. Тысячи народа пали на колѣни и громко стали молиться за людей, которые, съ христіанскимъ мужествомъ Ридли и Латимера, дерзнули выступить противъ тирана, обуяннаго всѣмъ изувѣрствомъ Маріи. Многіе бросались въ рѣку и, стоя по поясъ въ тинѣ и водѣ, громко просили у святыхъ отцовъ благословенія. Вдоль всей рѣки, отъ Вайтголля до Лондонскаго моста, королевская яхта проходила между рядами лодокъ, съ которыхъ раздавался крикъ: «Благослови васъ Богъ, милорды!» Крайне встревоженный, король приказалъ удвоить гарнизонъ Тоуэра, содержать гвардію на военной ногѣ и, отдѣливши отъ каждаго полка въ королевствѣ по двѣ роты, немедленно отправить ихъ въ Лондонъ. Но войско, на которое онъ разсчитывалъ какъ на средство обуздать народъ, раздѣляло всѣ чувства народа. Даже часовые, стоявшіе подъ ружьемъ у Треторзъ-Гета, почтительно просили благословенія у мучениковъ, которыхъ они обязаны были сторожить. Комендантомъ Тоуэра былъ сэръ Эдвардъ Гельзъ. Онъ не чувствовалъ расположенія къ ласковому обхожденію со своими узниками. Онъ былъ отступникомъ отъ той церкви, за которую они страдали, и занималъ нѣсколько доходныхъ мѣстъ въ силу той разрѣшительной власти, противъ которой они протестовали. Съ негодованіемъ узнавши, что его солдаты пили за здоровье епископовъ, онъ приказалъ своимъ офицерамъ наблюдать, чтобы этого впередъ не было. Но офицеры вернулись съ донесеніемъ, что приказанія невозможно было исполнить, и что въ гарнизонѣ никто не предлагалъ инаго тоста. Уваженіе свое къ отцамъ церкви солдаты заявляли не однимъ лишь бражничаньемъ. Весь Тоуэръ принялъ такой набожный видъ, что благочестивые священнослужители благодарили Бога за то, что Онъ изъ худа извлекъ добро и гоненіе своихъ вѣрныхъ слугъ сдѣлалъ средствомъ спасенія многихъ душъ. Каждый день у тюремныхъ воротъ видны были кареты и ливреи знатнѣйшихъ англійскихъ вельможъ. Тысячи зрителей менѣе знатнаго происхожденія постоянно покры-

вали Тоуэръ-Гилль. ([a]) Но изъ всѣхъ проявленій общественнаго уваженія и сочувствія къ прелатамъ одно въ особенности взбѣсило и встревожило короля. Онъ узналъ, что въ Тоуэръ явилась депутація изъ десяти нонконформистскихъ священнослужителей. Онъ послалъ за четырьмя изъ этихъ лицъ и принялся упрекать ихъ. Они мужественно отвѣтили, что считали своимъ долгомъ забыть прежнія распри и стать за одно съ людьми, которые стояли за протестантскую религію. ([b])

Рожденіе претендента.

Не успѣли ворота Тоуэра затвориться за узниками, какъ новое событіе еще болѣе усилило народное волненіе. За нѣсколько времени передъ тѣмъ было объявлено, что королева разсчитывала разрѣшиться отъ бремени не раньше іюля. Но на другой день послѣ того, какъ епископы подверглись допросу въ тайномъ совѣтѣ, замѣчено было, что король обнаруживалъ безпокойство по поводу ея положенія. Вечеромъ, впрочемъ, она почти до полуночи сидѣла за картами въ Вайтголлѣ. Потомъ ее перенесли на носилкахъ въ Сентъ-Джемскій дворецъ, гдѣ для пріема ея на скорую руку приготовлены были покои. Вскорѣ по всѣмъ направленіямъ засновали гонцы за докторами и священниками, за членами тайнаго совѣта и статсъ-дамами. Спустя нѣсколько часовъ, множество знатныхъ лицъ обоего пола собралось въ покоѣ королевы. Тамъ, въ воскресенье утромъ, 10 іюня, которое у слишкомъ вѣрныхъ приверженцевъ неправаго дѣла долго почиталось священнымъ днемъ, родился несчастнѣйшій изъ принцевъ, обреченный на семьдесять семь лѣтъ изгнанія и скитаній, безплодныхъ проектовъ, почестей, болѣе оскорбительныхъ, чѣмъ обиды, и надеждъ, которыя болѣзненно растравляютъ сердце.

Всѣ думаютъ, что ребенокъ подложный.

Злополучія бѣднаго ребенка начались еще до его рожденія. Нація, надъ которою онъ, по обыкновенному порядку престолонаслѣдія, могъ бы царствовать, была вполнѣ убѣждена, что бе-

---

([a]) Burnet, I. 741.; Citters, $^{8}/_{18}$ и $^{19}/_{29}$ іюня 1688; Luttrell's «*Diary*», June 8.; Evelyn's «*Diary*», письмо д-ра Нальсона къ своей женѣ, отъ 14 іюня, напечатанное по рукописи Таннера; Reresby's «*Memoirs*.»

([b]) Reresby's «*Memoirs*.»

ременность его матери недѣйствительна. Какими бы свидѣтельствами ни былъ доказанъ фактъ его рожденія, значительное число лицъ, по всей вѣроятности, продолжало бы утверждать, что этотъ фактъ былъ просто на просто ловкою штукою іезуитовъ; но свидѣтельста, предъявленныя публикѣ, частію благодаря случайности, частію же благодаря грубой оплошности, возбуждали общее сомнѣніе. Въ королевской спальнѣ, когда ребенокъ впервые увидѣлъ свѣтъ, находилось много лицъ обоего пола; но никто изъ нихъ не пользовался значительною долею общественнаго довѣрія. Изъ присутствовавшихъ членовъ тайнаго совѣта половину составляли католики; а тѣ, которые называли себя протестантами, вообще считались измѣнниками передъ отечествомъ и отступниками передъ Богомъ. Многія изъ приглашенныхъ статсъ-дамъ были француженки, итальянки и португальки. Изъ англичанокъ однѣ были папистки, а другія — жены папистовъ. Лица, которыя особенно были въ правѣ присутствовать, и свидѣтельство которыхъ удовлетворило бы всѣхъ разсудительныхъ людей, находились въ отсутствіи; а виновникомъ того, что они отсутствовали, считался король. Изо всѣхъ жителей острова наиболѣе заинтересована въ этомъ событіи была принцесса Анна. Замужняя женщина, она была вполнѣ способна дѣйствовать въ качествѣ охранительницы наслѣдственнаго права своей сестры и своего собственнаго. Съ нѣкотораго времени она возъимѣла сильное подозрѣніе, которое ежедневно подтверждалось пустыми или воображаемыми обстоятельствами. Ей казалось, что королева тщательно избѣгала ея наблюдательнаго взора, и потому она приписывала виновности ту скрытность, которая могла быть простымъ слѣдствіемъ застѣнчивости. (*) Настроенная такимъ образомъ, Анна рѣшилась, при наступленіи критическаго дня, не отходить отъ королевы и внимательно слѣдить за нею. Но она не считала нужнымъ быть на своемъ посту за мѣсяцъ до этого дня и отправилась пить батскія воды, какъ носились слухи, по совѣту отца. Санкрофтъ, которому высокій санъ вмѣнялъ въ обязан-

(*) Переписка между Анною и Маріею у Дальрымпля. Clarendon's «*Diary*», Oct. 31. 1688.

ность присутствовать, и на честность котораго нація вполнѣ полагалась, былъ, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, отправленъ Іаковомъ въ Тоуэръ. Гайды были настоящими защитниками правъ обѣихъ принцессъ. Голландскій посолъ могъ считаться представителемъ Вильгельма, который, какъ первый принцъ крови и какъ супругъ старшей дочери короля, былъ глубоко заинтересованъ въ происходившемъ событіи. А между тѣмъ Іаковъ и не думалъ позвать кого-нибудь изъ членовъ семейства Гайдовъ; точно также и голландскій посолъ не получилъ приглашенія.

Потомство признало короля совершенно невиннымъ въ обманѣ, который приписывала ему нація; но признать его невиннымъ въ безразсудствѣ и самодурствѣ, которыми объясняется и извиняется заблужденіе его современниковъ, рѣшительно невозможно. Ему очень хорошо были извѣстны распространившіяся въ обществѣ подозрѣнія. (*) Онъ долженъ былъ знать, что подозрѣнія эти не могли быть разсѣяны свидѣтельствомъ папистовъ или такихъ лицъ, которыя, хотя и называли себя англиканами, однако уже заявили готовность пожертвовать интересами Англійской церкви, лишь бы заслужить его благоволеніе. Правда, рожденіе наслѣдника застигло его въ расплохъ. Но у него было двѣнадцать часовъ на то, чтобы сдѣлать необходимыя распоряженія. Онъ не встрѣтилъ никакого затрудненія наводнить Сентъ-Джемскій дворецъ ханжами и льстецами, словамъ которыхъ нація ни мало не довѣряла. Точно такъ же легко было бы собрать во дворцѣ нѣсколько именитыхъ лицъ, преданность которыхъ принцессамъ и установленной религіи не подлежала никакому сомнѣнію.

Впослѣдствіи, когда Іаковъ дорого поплатился за свое опрометчивое презрѣніе къ общественному мнѣнію, члены сенъ-жерменскаго кружка имѣли обыкновеніе сваливать его вину на другихъ. Нѣкоторые якобиты обвиняли Анну въ томъ, что будто бы она умышленно отсутствовала. Мало того: они не стыдились говорить, что Санкрофтъ нарочно раздражилъ короля и преднамѣренно попалъ въ Тоуэръ, чтобы не доставало свидѣтельства, ко-

(*) Это ясно изъ Clarendon's «*Diary*», Oct. 31. 1688.

торое бы могло опровергнуть клеветы недовольныхъ. ([a]) Нелѣпость этихъ обвиненій очевидна. Могли ли Анна и Санкрофтъ предвидѣть, что королева ошибется цѣлымъ мѣсяцемъ въ своихъ разсчетахъ? Еслибы эти разсчеты были правильны, Анна успѣла бы вернуться изъ Бата, а Санкрофтъ выйти изъ Тоуэра, заблаговременно до рожденія претендента. Во всякомъ случаѣ, дяди королевскихъ дочерей не были ни въ отсутствіи, ни въ тюрьмѣ. Тотъ же гонецъ, который созвалъ цѣлую толпу отступниковъ, Довера, Питерборо, Моррея, Сондерланда и Мюльгрева, такъ же легко могъ бы позвать и Кларендона. Кларендонъ, подобно имъ, былъ членомъ тайнаго совѣта. Домъ его находился въ Джерминъ-Стритѣ, менѣе чѣмъ въ двухъ стахъ шагахъ отъ покоевъ королевы. А между тѣмъ только въ Сентъ-Джемской церкви, по волненію и шопоту конгрегаціи, узналъ онъ, что его племянница перестала быть вѣроятною наслѣдницею короны. ([b]) Что́ же мѣшало пригласить его? То ли, что онъ былъ близкимъ родственникомъ принцессъ Оранской и Датской, или то, что онъ былъ неизмѣнно преданъ Англійской церкви?

Вся нація заголосила о подлогѣ. Паписты, говорилъ народъ, уже нѣсколько мѣсяцевъ, съ каѳедръ и въ печати, прозою и стихами, по англійски и по латыни, предсказывали, что Богъ услышитъ молитвы церкви и даруетъ королевѣ принца Валлійскаго. Теперь они осуществили свое пророчество. Всѣ свидѣтели, которыхъ нельзя было ни подкупить, ни провести, были тщательно отстранены. Анна была спроважена въ Батъ. Примасъ, на самомъ канунѣ того дня, когда должна была совершиться мошенническая штука, былъ посаженъ въ тюрьму вопреки предписаніямъ закона и привилегіямъ перства. Никто изъ лицъ, мало-мальски заинтересованныхъ въ открытіи обмана, не былъ допущенъ присутствовать при разрѣшеніи ея величества отъ бремени. Королева внезапно и въ глухую полночь была перенесена въ Сентъ-Джемскій дворецъ, потому что въ этомъ зданіи, менѣе Вайтголля удобномъ для честныхъ цѣлей, находились комнаты и переходы,

---

([a]) Clarke's «*Life of James the Second*», II. 159, 160.
([b]) Clarendon's «*Diary*», June 10. 1688.

вполнѣ соотвѣтствовавшіе цѣли іезуитовъ. Тамъ, посреди изувѣровъ, которые не считали преступленіемъ того, что́ клонилось къ упроченію интересовъ ихъ церкви, и посреди царедворцевъ, которые не считали преступленіемъ того, что́ клонилось къ ихъ собственному обогащенію и возвеличенію, чей-то новорожденный ребенокъ былъ подложенъ въ королевину постель и потомъ торжественно предъявленъ всѣмъ присутствовавшимъ, какъ наслѣдникъ трехъ королевствъ. Разгоряченный такими, конечно, несправедливыми, но тѣмъ не менѣе правдоподобными подозрѣніями, народъ усерднѣе прежняго стремился чествовать священныя жертвы тирана, который долгое время нагло обижалъ свой народъ и наконецъ, переполнивъ мѣру своихъ беззаконій, еще наглѣе обидѣлъ своихъ дѣтей. ([a])

Принцъ Оранскій, лично не подозрѣвавшій никакого плутовства и ничего не знавшій о состояніи общественнаго мнѣнія въ Англіи, приказалъ отслужить у себя во дворцѣ молебенъ за здравіе своего маленькаго шурина и послалъ въ Лондонъ Зулестейна съ формальнымъ поздравленіемъ. Зулестейнъ, къ изумленію своему, нашелъ, что всѣ лица, съ которыми онъ сходился, открыто говорили о безчестномъ подлогѣ, только-что совершенномъ іезуитами, и ежечасно встрѣчалъ какой-нибудь новый пасквиль по поводу беременности и родовъ ея величества. Въ скоромъ времени онъ написалъ въ Гагу, что изъ десяти человѣкъ почти ни одинъ не вѣрилъ, чтобы ребенокъ родился отъ королевы. ([b])

Между тѣмъ поведеніе семи прелатовъ усиливало участіе, возбужденное ихъ положеніемъ. Вечеромъ въ черную пятницу — такъ названъ былъ день, въ который ихъ подвергли тюремному заключенію — они прибыли въ темницу какъ разъ во время божествен-

---

([a]) Джонстонъ въ нѣсколькихъ словахъ превосходно излагаетъ сущность обвиненій, падавшихъ на короля. «Большинство народа убѣждено, что тутъ кроется обманъ, потому что разсчетъ, говорятъ скептики, оказался ложнымъ, принцесса удалена, никто изъ Кларендоновъ не позванъ, голландскій посолъ также не приглашенъ; а тутъ еще внезапность событія, проповѣди, увѣренность поповъ, торопливость.» 13 іюня 1688.

([b]) Ronquillo, $\frac{26 \text{ іюля}}{5 \text{ авг.}}$ Ронкильо прибавляетъ, что отзывъ Зулестейна о состояніи общественнаго мнѣнія былъ совершенно вѣренъ.

й службы. Они тотчасъ же поспѣшили въ капеллу. Случилось съ, что во второмъ чтеніи изъ Новаго Завѣта встрѣтились слѣющія слова: «Во всемъ являемъ себя, какъ служители Божія, великимъ терпѣніемъ въ бѣдствіяхъ, въ нуждахъ, въ тѣсныхъ стоятельствахъ, въ ранахъ, въ темницахъ.» (¹¹) Всѣ ревностные ковники обрадовались этой случайности и вспомнили, какую аду, лѣтъ сорокъ назадъ, доставила подобная же случайность рлу I въ день его казни.

На другой день вечеромъ, въ субботу, 9 числа, капеланъ Тоуэра училъ отъ Сондерланда предписаніе прочесть декларацію на дующее утро во время божественной службы. Срокъ, назначный указомъ государственнаго совѣта для прочтенія декларацін Лондонѣ, давно миновалъ; а потому это распоряженіе правительства могло имѣть значеніе только личнаго и при томъ крайне каго и ребяческаго оскорбленія почтеннымъ узникамъ. Капеъ отказался исполнить предписаніе. Его отставили отъ долости, а капеллу заперли. (²)

Епископы позваны въ судъ королевской скамьи и отпущены подъ условіемъ явиться туда по востребованію.

Епископы удивляли всѣхъ, кто имѣлъ къ нимъ доступъ, твергью и веселостью, съ которыми они переносили заточеніе, омностью и кротостью, съ которыми они принимали похвалы и гословенія цѣлой націи, и непоколебимою преданностью, кую они изъявляли гонителю, искавшему ихъ погибели. Они остались только недѣлю въ тюрьмѣ. Въ пятницу, 15 іюня, въ первый день открытія судебныхъ засѣданій, они были позваны въ судъ олевской скамьи. Огромная толпа ждала ихъ прибытія. Отъ стани до судебной палаты они шли между рядами зрителей, рые благословляли и хвалили ихъ. «Друзья, говорили прохоціе узники, чтите короля и поминайте насъ въ вашихъ мозахъ.» Эти смиренныя и благочестивыя слова тронули слушей до слезъ. Когда наконецъ процессія пробралась сквозь у и очутилась передъ судьями, генералъ-атторней предста- слѣдственный актъ, который ему поручено было приготовить, едложилъ, чтобы отвѣтчикамъ приказано было защищаться.

) Второе Посланіе къ Коринѳянамъ, VI, 4 и 5.

Сіттвкв, $^{12}/_{22}$ іюня 1688; Luttrell's «*Diary*», June 18.

Адвокатъ противной стороны возразилъ, что епископы были незаконно арестованы и потому неправильно позваны въ судъ. Вопросъ о томъ, можно ли было требовать отъ перовъ письменнаго обязательства, что они явятся въ судъ по обвиненію въ пасквилѣ, былъ долго обсуживаемъ и наконецъ рѣшенъ большинствомъ судей въ пользу короны. Тогда подсудимые объявили, что они признаютъ себя невинными. Дѣло ихъ положено было рѣшить черезъ двѣ недѣли, 29 іюня. До наступленія этого срока, имъ предоставлена была свобода, при чемъ съ нихъ были взяты подписки въ томъ, что они явятся въ судъ по востребованію. Коронные юристы не требовали порукъ и поступили благоразумно, потому что Галифаксъ распорядился, чтобы двадцать одинъ человѣкъ знатнѣйшихъ свѣтскихъ перовъ, по три на каждаго отвѣтчика, были въ готовности принять на себя поручительство; а такая манифестація со стороны аристократіи была бы немаловажнымъ ударомъ для правительства. Извѣстно было также, что одинъ изъ богатѣйшихъ диссидентовъ Сити добивался чести поручиться за Кена.

И такъ епископы получили дозволеніе отправиться по домамъ. Простой народъ, не понимавшій значенія тѣхъ судебныхъ дѣйствій, которыя происходили въ палатѣ королевской скамьи, и видѣвшій, что любимцы его приведены были въ Вестминстерскую залу подъ стражею, а вышли оттуда безъ конвоя, вообразилъ, что правое дѣло восторжествовало. Поднялись громкіе клики. Съ колоколенъ раздался радостный трезвонъ. Спратъ изумился, услышавъ, какъ весело гудѣли колокола его аббатства. Онъ тотчасъ же заставилъ ихъ умолкнуть; но его вмѣшательство возбудило гнѣвный ропотъ. Епископы съ трудомъ успѣли укрыться отъ докучливой толпы своихъ доброжелателей. Поклонники, остановивши Лойда на дворцовой площади, наперерывъ другъ передъ другомъ старались приложиться къ его рукамъ и поцаловать край его одежды, такъ что Кларендонъ насилу могъ освободить его и проводилъ его домой окольною дорогой. Картрайтъ, говорятъ, имѣлъ безразсудство вмѣшаться въ толпу. Кто-то изъ публики, замѣтивши его епископскую одежду, попросилъ у него благословенія. «Знаете ли, кто благословилъ васъ?» воскликнулъ одинъ изъ близстоявшихъ зрителей. «Конечно, отвѣтилъ только что удо-

стоившійся благословенія: это — одинъ изъ семерыхъ подвижниковъ.» — «Нѣтъ, возразилъ тотъ: это — папистъ, епископъ честерскій.» — «Папистскій песъ! закричалъ взбѣшенный протестантъ: возьми назадъ свое благословеніе.»

Стеченіе и волненіе народа были таковы, что голландскій посолъ удивлялся, какимъ образомъ день прошелъ безъ возмущенія. Король былъ далеко не спокоенъ. Чтобъ быть въ готовности къ подавленію безпорядковъ, онъ все утро производилъ въ Гайдъ-Паркѣ смотръ нѣсколькимъ батальонамъ пѣхоты. Сомнительно, однако, чтобы его войска оказали ему поддержку, еслибы онъ встрѣтилъ надобность въ ихъ услугахъ. Санкрофтъ, пріѣхавши по полудни въ Ламбетъ, нашелъ квартировавшихъ въ этомъ предмѣстьи гвардейскихъ гренадеръ собравшимися у воротъ архіепископскаго дворца. Они выстроились передъ нимъ въ двѣ шеренги и, когда онъ проходилъ между ними, просили у него благословенія. Онъ съ трудомъ уговорилъ ихъ не зажигать иллюминаціи въ честь его возвращенія. Въ Сити, однако, въ этотъ вечеръ горѣло множество потѣшныхъ огней. Двое католиковъ, имѣвшихъ безразсудство побить нѣсколькихъ ребятишекъ за участіе въ этихъ изъявленіяхъ радости, были схвачены чернью, раздѣты до нага и заклеймены позорными клеймами. (*)

Сэръ Эдвардъ Гельзъ явился теперь къ недавнимъ своимъ узникамъ требовать вознагражденія за оказанныя имъ въ темницѣ услуги. Они сказали ему, что за содержаніе ихъ въ тюрьмѣ, которое они считали противузаконнымъ, они ничего не заплатятъ должностному лицу, не имѣвшему, по ихъ убѣжденіямъ, ни малѣйшаго права состоять въ государственной службѣ. Комендантъ очень ясно далъ имъ понять, что въ другой разъ, если они попадутся въ его руки, онъ надѣнетъ на нихъ тяжелыя оковы и заставитъ ихъ валяться на голыхъ камняхъ. «Мы находимся подъ бременемъ гнѣва нашего государя, отвѣтили они, и глубоко чувствуемъ это; но угрозы такого же, какъ и мы, подданнаго не имѣютъ для насъ ни малѣйшаго значенія.» Нетрудно вообразить,

(*) Относительно событій этого дня см. «*State Trials*»; Clarendon's «*Diary*»; Luttrell's «*Diary*»; Citters, $^{18}/_{28}$ іюня; Johnstone, June 18.; «*Revolution Politics*.»

съ какимъ негодованіемъ долженъ былъ узнать уже и безъ того раздраженный народъ, что отступникъ отъ протестантской вѣры, занимавшій важное мѣсто вопреки основнымъ законамъ Англіи, осмѣлился грозить духовнымъ лицамъ почтеннаго возраста и сана всѣми ужасами крѣпостнаго заточенія. ([a])

Волненіе общественнаго мнѣнія.

До наступленія дня процесса, волненіе умовъ распространилось до самыхъ отдаленныхъ краевъ острова. Изъ Шотландіи епископы получили письменныя увѣренія въ сочувствіи къ нимъ тамошнихъ пресвитеріанъ, такъ долго и жестоко враждовавшихъ противъ прелатства. ([b]) Жители Корнваллиса, буйное, смѣлое и атлетическое племя, у котораго провинціяльное чувство было сильнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ частяхъ королевства, были крайне возбуждены опасностью, грозившею Трелони, котораго они уважали не столько, какъ іерарха Англійской церкви, сколько какъ главу почтенной фамиліи и наслѣдника двадцати поколѣній предковъ, успѣвшихъ прославиться, прежде чѣмъ норманны ступили на англійскую землю. По всему графству крестьяне распѣвали пѣсню, припѣвъ которой до сихъ поръ не забытъ:

«And shall Trelawney die, and shall Trelawney die?
Then thirty thousand Cornish boys will know the reason why.
А если Трелони будетъ казненъ, а если Трелони будетъ казненъ,
Тогда 30,000 ребятъ корнваллійскихъ узнаютъ, за что́ умеръ онъ.»

Рудокопы изъ своихъ пещеръ вторили этой пѣснѣ съ варіантомъ:

«Then twenty thousand under ground will know the reason why.
Тогда 20,000 подземныхъ рабочихъ узнаютъ, за что́ умеръ онъ.»([c])

Поселяне во многихъ частяхъ королевства громко высказывали странную надежду, не перестававшую жить въ ихъ сердцахъ. Они были увѣрены, что ихъ протестантскій герцогъ, ихъ возлюбленный Монмутъ, долженъ былъ внезапно явиться, повести ихъ къ побѣдѣ и попрать короля вмѣстѣ съ іезуитами. ([d])

([a]) Johnstone, June 18. 1688; Evelyn's «*Diary*», June 29.

([b]) Tanner MS.

([c]) Этотъ фактъ самымъ обязательнымъ образомъ сообщенъ мнѣ его преподобіемъ Р. С. Гокеромъ, священникомъ морвенстоускаго прихода въ Корнваллисѣ.

([d]) Johnstone, June, 18. 1688.

Министры были перепуганы. Даже Джеффризъ готовъ былъ отступить на попятный дворъ. Онъ передавалъ черезъ Кларендона дружескія вѣсти епископамъ и сваливалъ на другихъ вину преслѣдованія, котораго самъ же былъ зачинщикомъ. Сондерландъ снова попытался склонить короля къ уступкѣ. Недавнее благополучное рожденіе наслѣдника престола, говорилъ онъ, представляло королю отличный случай выйти изъ опаснаго и затруднительнаго положенія, не подвергаясь упреку въ робости или безхарактерности. По поводу такихъ счастливыхъ событій государи имѣли обыкновеніе радовать своихъ подданныхъ дѣлами милосердія; и ничто не могло быть благопріятнѣе для принца Валлійскаго, какъ сдѣлаться, еще въ колыбели, примирителемъ между своимъ отцемъ и взволнованною націею. Но рѣшеніе короля было неизмѣнно. «Не уступлю, говорилъ онъ. Я и такъ былъ слишкомъ снисходителенъ. Снисходительность погубила моего отца.» (a) Ловкій министръ смекнулъ, что совѣты его принимались прежде потому только, что приходились по нраву королю, но что съ той минуты, какъ началъ онъ дѣльно совѣтовать, онъ началъ совѣтовать безплодно. Онъ уже проявилъ нѣкоторые признаки слабости въ дѣлѣ противъ Магдалининской коллегіи. Недавно еще пытался онъ убѣдить короля, что планъ Тирконнеля о конфискованіи имуществъ англійскихъ поселенцевъ въ Ирландіи былъ крайне опасенъ, и, съ помощью Повиса и Белласайза, успѣлъ добиться того, что исполненіе этого замысла отложено было до слѣдующаго года. Но эти робость и нерѣшимость возбудили отвращеніе и подозрѣніе въ душѣ короля.(b) День возмездія наступилъ. Сондерландъ очутился въ такомъ же точно положеніи, въ какомъ, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, находился соперникъ его, Рочестеръ. Каждый изъ этихъ государственныхъ людей, въ свою очередь, испыталъ томительное по-

Безпокойство Сондерланда.

(a) Адда, $\frac{29 \text{ іюня}}{9 \text{ іюля}}$ 1688.

(b) На показанія самого Сондерланда, разумѣется, не слѣдуетъ безусловно полагаться. Но онъ призывалъ Годольфина въ свидѣтели того, что происходило по поводу акта объ англійскомъ поселеніи въ Ирландіи.

ложеніе человѣка, судорожно хватающагося за власть, которая видимо отъ него ускользаетъ. Каждый изъ нихъ, въ свою очередь, видѣлъ, какъ его совѣты отвергались съ пренебреженіемъ. Оба они мучились, читая неудовольствіе и недовѣріе на лицѣ и въ обхожденіи своего государя, и въ то же время оба несли передъ своею страною отвѣтственность за тѣ преступленія и ошибки, отъ которыхъ они тщетно пытались отклонить его. Между тѣмъ какъ онъ подозрѣвалъ ихъ въ стараніи пріобрѣсти популярность въ ущербъ его власти и достоинству, общественный голосъ громко обвинялъ ихъ въ стараніи пріобрѣсти высочайшее благоволеніе въ ущербъ собственной ихъ чести и общему благу. Однако, не смотря на оскорбленія и униженія, оба они держались за свои мѣста съ отчаяніемъ утопающихъ. Оба они пытались умилостивить короля изъявленіемъ готовности примириться съ его церковью. Но тутъ былъ предѣлъ, передъ которымъ Рочестеръ рѣшился остановиться. Онъ дошелъ до черты, за которой начиналось отступничество, но переступить эту черту не согласился; а потому нація, въ уваженіе къ твердости, съ какою онъ отказался сдѣлать послѣдній шагъ, великодушно отпустила ему всѣ его прежнія прегрѣшенія. Сондерландъ, болѣе безсовѣстный и болѣе безстыдный, рѣшился загладить недавнюю свою умѣренность и вновь пріобрѣсти довѣріе короля такимъ поступкомъ, который для истинно религіознаго человѣка долженъ казаться однимъ изъ самыхъ гнусныхъ преступленій, и который даже у обыкновенныхъ людей считается крайнею степенью низости. Почти за недѣлю до дня, назначеннаго для знаменитаго процесса, было публично объявлено, что Сондерландъ обратился въ папизмъ. Король съ восторгомъ говорилъ объ этомъ торжествѣ божественной благодати. Царедворцы и посланники употребляли всѣ усилія, чтобы сохранить серьёзное выраженіе лица, когда отступникъ принимался увѣрять, что онъ уже давно пришелъ къ убѣжденію въ невозможности найти спасеніе души внѣ общенія Римской церкви, и что совѣсть не давала ему покоя, пока онъ не отказался отъ ереси, въ которой былъ воспитанъ. Новость быстро распространилась. Во всѣхъ кофейняхъ разсказывали, какъ первый министръ Англіи, босикомъ и съ восковою свѣ-

Онъ объявляетъ себя католикомъ.

чею въ рукѣ, пришелъ къ королевской капеллѣ и смиренно постучалъ въ дверь; какъ священничій голосъ спросилъ изнутри: «кто тамъ?» какъ Сондерландъ отвѣтилъ, что несчастный грѣшникъ, долгое время блуждавшій вдали отъ истинной церкви, умоляетъ ее принять его и отпустить ему грѣхи; какъ двери капеллы отворились, и какъ новообращенный причастился св. тайнъ. ([a])

Процессъ епископовъ.

Это позорное отступничество еще болѣе усилило участіе, съ какимъ нація ожидала дня, когда должна была рѣшиться судьба семи доблестныхъ исповѣдниковъ Англійской церкви. Подобрать угодливыхъ присяжныхъ было теперь главною задачею короля. Коронные юристы получили приказаніе тщательно удостовѣриться въ образѣ мыслей лицъ, значившихся въ спискѣ фригольдеровъ. Сэръ Самюэль Астри, коронный клеркъ, на которомъ въ подобныхъ случаяхъ лежала обязанность выбирать присяжныхъ, былъ потребованъ во дворецъ, гдѣ, въ присутствіи канцлера, имѣлъ совѣщаніе съ Іаковомъ. ([b]) Сэръ Самюэль сдѣлалъ, кажется, все, что могъ: въ числѣ сорока восьми назначенныхъ имъ лицъ было много клевретовъ короля и много католиковъ. ([c]) Но такъ какъ адвокаты епископовъ имѣли право вычеркнуть двѣнадцать именъ, то эти лица были устранены. Коронные юристы тоже вычеркнули двѣнадцать кандидатовъ. Такимъ образомъ списокъ сократился на половину. Первые двѣнадцать человѣкъ, отозвавшіеся на именной перекличкѣ, должны были рѣшить дѣло.

29 іюня Вестминстерская зала, Старая и Новая Дворцовыя площади и всѣ сосѣднія улицы на огромное разстояніе были биткомъ набиты народомъ. Такого стеченія публики никогда, ни прежде, ни потомъ, не бывало въ судѣ королевской скамьи. Въ толпѣ насчитывали тридцать пять свѣтскихъ перовъ Англіи. ([d])

Всѣ четверо судей палаты были на лицо. Предсѣдатель суда,

([a]) Barillon, $\frac{21\ \text{іюня}}{1\ \text{іюля}}$ и $\frac{28\ \text{іюня}}{8\ \text{іюля}}$ 1688; Adda, $\frac{29\ \text{іюня}}{9\ \text{іюля}}$; Citters, $\frac{26\ \text{іюня}}{6\ \text{іюля}}$; Johnstone, July 2. 1688; стихотвореніе «*The Converts.*»

([b]) Clarendon's «*Diary*», June 21. 1688.

([c]) Citters, $\frac{26\ \text{іюня}}{6\ \text{іюля}}$ 1688.

([d]) Johnstone, July 2. 1688.

Digitized by Google

Райтъ, достигъ своего высокаго мѣста въ ущербъ многимъ болѣе способнымъ и болѣе ученымъ людямъ, единственно благодаря безсовѣстному раболѣпію. Алибонъ былъ папистъ и своимъ оффиціяльнымъ положеніемъ обязанъ былъ той разрѣшительной власти, законность которой теперь оспоривалась. Голловей былъ до сихъ поръ послушнымъ орудіемъ правительства. Даже Повелль, пользовавшійся репутаціею необыкновенно честнаго человѣка, принималъ участіе въ такихъ дѣлахъ, которыхъ невозможно защищать. Въ знаменитомъ процессѣ сэра Эдварда Гельза онъ — нерѣшительно, правда, и нескоро — присоединился къ мнѣнію большинства судей и такимъ образомъ покрылъ себя позоромъ, который благородное его поведеніе въ день суда надъ епископами совершенно смыло.

Защитники противныхъ сторонъ были далеко не равносильны. Правительство требовало отъ своихъ законовѣдовъ такихъ гнусныхъ и безчестныхъ услугъ, что всѣ даровитѣйшіе юристы и адвокаты торійской партіи, одинъ за другимъ, отказывались содѣйствовать ему и были за то отрѣшаемы отъ должностей. Генералъ-атторней, сэръ Томасъ Повисъ, едва ли принадлежалъ къ числу даже третьестепенныхъ талантовъ адвокатуры. Генералъ-солиситоръ, сэръ Виллiамъ Виллiамзъ, обладалъ быстрыми способностями и безстрашнымъ мужествомъ; но ему не доставало хладнокровія: онъ любилъ спорить, не умѣлъ владѣть собою и былъ ненавидимъ и презираемъ всѣми политическими партіями. Замѣчательнѣйшими изъ помощниковъ атторнея и солиситора были сарджентъ Трайндеръ, католикъ, и сэръ Бартоломью Шоверъ, лондонскій городской судья, не лишенный юридическаго образованія, но надоѣдавшій слушателямъ приторными апологіями и безконечными повтореніями, которыя были предметомъ насмѣшекъ Вестминстерской залы. Правительство изъявило желаніе воспользоваться услугами Мейнарда; но онъ напрямикъ объявилъ, что совѣсть не позволяла ему сдѣлать то, чего отъ него требовали. (*)

На противоположной сторонѣ были почти всѣ судебныя знаме-

(*) Лонгстонъ, July 2. 1688.

нитости того времени. Сойеръ и Финчъ, занимавшіе, при восшествіи Іакова на престолъ, должности генералъ-атторнея и генералъ-солиситора и отличавшіеся, во время преслѣдованія виговъ въ прошлое царствованіе, неумѣреннымъ рвеніемъ объ интересахъ короны, находились въ числѣ адвокатовъ со стороны отвѣтчиковъ. Заодно съ ними стояли два лица, которыя, съ тѣхъ поръ какъ лѣта ослабили дѣятельность Мейнарда, считались наилучшими законовѣдами, какихъ только можно было найти въ адвокатскихъ корпораціяхъ. Это были Пембертонъ и Поллексфенъ. Пембертонъ, предсѣдатель суда королевской скамьи при Карлѣ II, былъ отставленъ отъ этой высокой должности за гуманность и умѣренность и снова принялся за адвокатскую практику; а Поллексфенъ долгое время игралъ главную роль въ западномъ судебномъ округѣ и хотя возбудилъ противъ себя сильное общественное негодованіе тѣмъ, что, во время Кровавыхъ ассизовъ, стоялъ за корону, и въ особенности тѣмъ, что дѣйствовалъ противъ Алисы Лайль, однако всѣмъ было извѣстно, что онъ въ душѣ былъ вигъ, если не республиканецъ. Тутъ же находился и сэръ Кресвелль Левинзъ, человѣкъ очень ученый и опытный, но необыкновенно робкій. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, онъ былъ уволенъ отъ должности судьи за то, что побоялся служить цѣлямъ правительства. Теперь онъ боялся явиться адвокатомъ епископовъ и отказался было принять отъ нихъ задатокъ; но всѣ атторнеи, поручавшіе ему ходатайство по разнымъ дѣламъ, объявили, что если онъ откажется отъ этого дѣла, то никогда уже не получитъ никакого другаго. (a)

На той же сторонѣ находился сэръ Джорджъ Треби, даровитый и ревностный вигъ, который, до отмѣны старинной хартіи Сити, занималъ должность лондонскаго городскаго судьи. Еще болѣе знаменитый вигскій законовѣдъ, сэръ Джонъ Гольтъ,

---

(a) Johnstone, July 2. 1688. Издатель адвокатскихъ рѣчей Левинза выражаетъ крайнее удивленіе, что Левинзъ, послѣ Революціи, не получилъ вновь судейской должности. Факты, сообщенные Джонстономъ, быть можетъ, объяснятъ эту кажущуюся несправедливость.

хотя и не былъ приглашенъ въ число защитниковъ подсудимыхъ, какъ кажется, вслѣдствіе какого-то предубѣжденія, которое питалъ противъ него Санкрофтъ, однако епископъ лондонскій обращался къ нему частнымъ образомъ за совѣтами по этому дѣлу. ([a]) Младшимъ адвокатомъ епископовъ былъ молодой барристеръ Джонъ Сомерзъ. Онъ не могъ похвалиться ни происхожденіемъ, ни богатствомъ, и покамѣстъ не имѣлъ еще случая отличиться передъ публикою; но его умъ, прилежаніе и разнообразныя дарованія были хорошо извѣстны небольшому кружку друзей; а дѣльная и ясная его аргументація и постоянно приличное его поведеніе успѣли, не смотря на его вигизмъ, обратить на него благосклонное вниманіе суда королевской скамьи. Джонстонъ убѣдительно представилъ епископамъ всю важность услугъ такого юриста; а Поллексфенъ, говорятъ, объявилъ, что во всей Вестминстерской залѣ никто не умѣлъ такъ хорошо трактовать объ историческихъ и конституціонныхъ вопросахъ, какъ Сомерзъ.

Джюри было приведено къ присягѣ. Оно состояло изъ лицъ весьма почтеннаго званія. Главнымъ присяжнымъ былъ сэръ Роджеръ Лангли, баронетъ и потомокъ старинной и уважаемой фамиліи. Товарищами его были одинъ найтъ и десять эсквайровъ, изъ которыхъ многіе считались весьма богатыми людьми. Въ числѣ ихъ было нѣсколько нонконформистовъ, потому что епископы благоразумно рѣшили не показывать ни малѣйшаго признака недовѣрія къ протестантскимъ диссидентамъ. Одно имя возбуждало сильную тревогу: имя Майкеля Арнольда. Онъ былъ придворнымъ пивоваромъ, и потому опасались, что правительство разсчитывало на его голосъ. Молва говоритъ, что онъ горько жаловался на положеніе, въ которомъ находился. «Что́ бы я ни сдѣлалъ, говорилъ онъ, я увѣренъ, что буду полуразоренъ. Если я скажу «невиновны», мнѣ не придется больше варить пива для короля; а если скажу «виновны», мнѣ не придется больше варить пива для публики.» ([b])

([a]) Я говорю это на основаніи письма Комтона къ Санкрофту, отъ 12 іюня.

([b]) «*Revolution Politics*.»

Затѣмъ начался процессъ, который, даже при хладнокровномъ обзорѣ его по прошествіи болѣе полутора столѣтія, имѣетъ весь интересъ драмы. Адвокаты обѣихъ сторонъ состязались съ необыкновенною силою и пылкостью; присутствовавшіе слушали пренія съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, какъ будто участь каждаго изъ нихъ зависѣла отъ приговора; перемѣны въ положеніи дѣла были такъ внезапны и поразительны, что публика неоднократно въ одну минуту переходила отъ унынія къ восторгу и отъ восторга опять къ крайнему унынію.

Слѣдственный актъ обвинялъ епископовъ въ томъ, что они написали или обнародовали въ графствѣ Мидльсексъ лживый, злонамѣренный и возмутительный пасквиль. Генералъ-атторней и генералъ-солиситоръ попытались сначала доказать фактъ написанія. Для этого нѣсколькимъ лицамъ предложено было засвидѣтельствовать дѣйствительность подписей епископовъ. Но свидѣтели говорили такъ неохотно, что ни отъ кого изъ нихъ нельзя было добиться прямаго отвѣта. Пембертонъ, Поллексфенъ и Левинзъ утверждали, что такія доказательства недостаточны для суда присяжныхъ. Двое изъ судей, Голловей и Повелль, объявили, что они были того же мнѣнія. Надежды публики сильно возрасли. Вдругъ коронные юристы выразили намѣреніе избрать другой способъ дѣйствія. Повисъ, со стыдомъ и отвращеніемъ, которыхъ не могъ скрыть, призвалъ въ свидѣтельскую ложу клерка тайнаго совѣта Блатвейта, присутствовавшаго при допросѣ епископовъ. Блатвейтъ поклялся, что слышалъ, какъ они признали свои подписи. Его свидѣтельство имѣло рѣшительный характеръ. «Отчего же, сказалъ судья Голловей атторнею: отчего же вы, когда у васъ было такое доказательство, не представили его сразу, безъ всякихъ проволочекъ?» Причина, почему защитники короны не хотѣли, безъ крайней надобности, прибѣгать къ этому способу доказательства, обнаружилась скоро. Пембертонъ остановилъ Блатвейта, подвергъ его строгому перекрестному допросу и потребовалъ, чтобы онъ подробно разсказалъ все, что происходило между королемъ и отвѣтчиками. «Вотъ это мило!» воскликнулъ Вилліамзъ. «Не думаете ли вы, сказалъ Повисъ, что

вы въ правѣ предлагать нашимъ свидѣтелямъ всякіе дерзкіе вопросы, какіе придутъ вамъ въ голову?» Но адвокаты епископовъ были не такіе люди, чтобы отъ нихъ можно было такъ дешево отдѣлаться. «Онъ присягнулъ, возразилъ Поллексфенъ, что скажетъ истину и притомъ всю истину. Отвѣтъ намъ нуженъ, и мы получимъ его.» Свидѣтель виляль, говорилъ двусмысленно, прикидывался непонимающимъ вопросовъ, умолялъ судъ о защитѣ. Но онъ былъ въ такихъ рукахъ, изъ которыхъ не легко было ускользнуть. Наконецъ генералъ-атторней снова вмѣшался. «Если вы, замѣтилъ онъ, непремѣнно хотите получить отвѣтъ, скажите намъ, по крайней мѣрѣ, какое употребленіе намѣрены вы изъ него сдѣлать.» Пембертонъ, который, во все время процесса, исполнялъ свою обязанность мужественно и ловко, возразилъ не колеблясь: «Милорды, я отвѣчу г-ну атторнею. Я намѣренъ открыто дѣйствовать передъ судомъ. Если епископы признали эту бумагу своею вслѣдствіе обѣщанія его величества, что ихъ сознаніе не послужитъ доказательствомъ противъ нихъ, то я надѣюсь, что изъ ихъ словъ не будетъ сдѣлано безчестнаго употребленія.» — «Вы взводите на его величество такую вещь, что я почти не смѣю назвать ее по имени, сказалъ Виллiамзъ: если ужъ вы такъ настойчивы, то я, въ интересѣ короля, требую, чтобы вашъ вопросъ былъ внесенъ въ протоколъ.» — «Чтó вы хотите этимъ сказать, г-нъ солиситоръ?» вмѣшался Сойеръ. «Я знаю, чтó я хочу сказать, отвѣтилъ ренегатъ: я желаю, чтобы вопросъ былъ внесенъ въ судебный протоколъ.» — «Вносите все, чтó хотите: я не боюсь васъ, г-нъ солиситоръ,» сказалъ Пембертонъ. Затѣмъ послѣдовалъ громкій и горячій споръ, который главному судьѣ съ трудомъ удалось прекратить. При другихъ обстоятельствахъ, онъ, вѣроятно, приказалъ бы внести вопросъ въ протоколъ и арестовать Пембертона. Но въ этотъ великій день онъ былъ внѣ себя отъ страха. Онъ безпрестанно поглядывалъ украдкою на густые ряды графовъ и бароновъ, которые наблюдали за нимъ и которые въ слѣдующемъ парламентѣ могли бы сдѣлаться его судьями. По словамъ одного изъ зрителей, онъ глядѣлъ такъ, какъ будто у всѣхъ присутствовавшихъ перовъ были веревки въ

карманахъ. (¹) Наконецъ Блатвейтъ принужденъ былъ подробно разсказать о томъ, что происходило въ тайномъ совѣтѣ. Оказалось, что король не входилъ съ епископами ни въ какія положительныя условія. Но въ то же время оказалось, что епископы не безъ основанія могли думать, что обязательство со стороны короля само собою подразумѣвалось. Судя по неохотѣ коронныхъ юристовъ призвать клерка тайнаго совѣта въ свидѣтельскую ложу и по горячности, съ какою они противились перекрестному допросу со стороны Пембертона, ясно, что и сами они были того же мнѣнія.

Какъ бы то ни было, принадлежность подписей епископамъ была доказана. Но тутъ возникло новое и важное затрудненіе. Недостаточно было доказать, что епископы написали такъ называемый пасквиль. Нужно было доказать еще, что они написали его въ мидльсекскомъ графствѣ. А между тѣмъ ни генералъ-атторней, ни генералъ-солиситоръ не могли доказать этого. Мало того: отвѣтчики могли доказать совершенно противное. Случилось такъ, что съ тѣхъ поръ, какъ появился указъ тайнаго совѣта, и до того времени, когда просьба была уже подана королю, Санкрофтъ никуда не выходилъ изъ своего дворца въ Ламбетѣ. (¹²) Поэтому все основаніе иска совершенно рушилось, и публика съ восторгомъ ожидала немедленнаго освобожденія подсудимыхъ.

Тогда коронные юристы снова измѣнили свою тактику. Они окончательно покинули обвиненіе въ написаніи пасквиля и принялись доказывать, что епископы обнародовали пасквиль въ мидльсекскомъ графствѣ. Трудности, которыя надлежало преодолѣть, были велики. Подача просьбы королю, въ глазахъ закона, была безспорно обнародованіемъ. Но какъ было доказать фактъ этой подачи? На аудіенціи въ королевскомъ кабинетѣ не было никого, кромѣ короля и отвѣтчиковъ. Короля нельзя было

(¹) Это — выраженіе очевидца. Оно находится въ одномъ изъ періодическихъ писемъ въ коллекціи Макинтоша.

(¹²) Ламбетъ, хотя и составляетъ одну изъ частей нынѣшняго Лондона, однако числится въ графствѣ Сорри.

Digitized by Google

привести къ присягѣ въ качествѣ свидѣтеля. Поэтому фактъ обнародованія могъ быть доказанъ только посредствомъ добровольнаго сознанія самихъ отвѣтчиковъ. Блатвейтъ снова подвергся допросу, но безуспѣшно. Онъ хорошо помнилъ, говорилъ онъ, что епископы признали свои подписи; но онъ не помнилъ, чтобы они признали бумагу, лежавшую на столѣ тайнаго совѣта, за ту самую просьбу, которую подали они королю, или чтобы ихъ даже допрашивали объ этомъ обстоятельствѣ. Призваны были многія другія оффиціяльныя лица, присутствовавшія въ тайномъ совѣтѣ, и въ томъ числѣ секретарь адмиралтейства, Самюэль Пепись; но никто изъ нихъ не могъ припомнить, было ли говорено что-нибудь о подачѣ просьбы. Не послужило ни къ чему и то, что Виллiамзъ старался лукавыми вопросами наводить свидѣтелей на нужные ему отвѣты. Наконецъ адвокаты противной стороны объявили, что такія хитрости, такія уловки никогда не были виданы ни въ одной судебной палатѣ, и самъ Райтъ принужденъ былъ согласиться, что способъ допрашиванія солиситоромъ свидѣтелей противорѣчилъ всѣмъ установленнымъ правиламъ. По мѣрѣ того какъ свидѣтели, одинъ за другимъ, отвѣчали отрицательно, взрывы хохота и клики торжества, которыхъ судьи даже и не покушались унимать, потрясали судебную залу.

Казалось, что эта трудная битва была наконецъ выиграна. Доводы въ пользу короны были исчерпаны. Еслибы адвокаты епископовъ промолчали, оправданіе подсудимыхъ было бы несомнѣнно, потому что противъ нихъ не было предъявлено ничего такого, чтó самый пристрастный и безстыдный судья могъ бы рѣшиться назвать законною уликою. Главный судья началъ было заключительную рѣчь къ присяжнымъ и, безъ сомнѣнія, предложилъ бы имъ оправдать отвѣтчиковъ; но Финчъ, слишкомъ безпокойный, чтобъ быть благоразумнымъ, перебилъ предсѣдателя и потребовалъ слова. «Если вы хотите говорить, сказалъ Райтъ, говорите; но вы не понимаете собственныхъ вашихъ выгодъ.» Прочіе адвокаты отвѣтчиковъ заставили Финча сѣсть на мѣсто и попросили главнаго судью продолжать начатую рѣчь. Онъ уже готовился раскрыть ротъ, какъ вдругъ къ генералъ-солиситору явился гонецъ съ извѣстіемъ, что лордъ Сондерландъ

можетъ доказать фактъ обнародованія и немедленно прибудетъ въ судъ. Райтъ злобно замѣтилъ адвокатамъ, что они должны только самихъ себя благодарить за новый оборотъ дѣла. Масса публики пришла въ смущеніе. Финчъ, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, былъ самымъ ненавистнымъ человѣкомъ въ королевствѣ. Зачѣмъ не молчалъ онъ, какъ молчали его товарищи: Сойеръ, Пембертонъ и Поллексфенъ? Его страсть всюду вмѣшиваться, его честолюбивое поползновеніе произнести красивую рѣчь, погубили все дѣло.

Между тѣмъ лордъ-президентъ прибылъ въ залу суда въ портшезѣ. Ни одна шляпа не приподнялась при встрѣчѣ его; многіе голоса кричали ему изъ толпы: «Папистскій песъ!» Онъ явился въ палату блѣдный и трепещущій, съ потупленными въ землю глазами, и сдѣлалъ свое показаніе дрожащимъ голосомъ. Онъ присягнулъ, что епископы увѣдомили его о своемъ намѣреніи представить просьбу королю, и что они были допущены въ королевскій кабинетъ именно для этого дѣла. Это обстоятельство, въ связи съ тѣмъ, что, по выходѣ ихъ изъ кабинета, въ рукахъ у короля очутилась подписанная ими просьба, было такимъ доказательтсвомъ, которое вполнѣ могло убѣдить судъ присяжныхъ въ дѣйствительности обнародованія.

И такъ обнародованіе въ Мидльсексѣ было доказано. Но обнародованная такимъ образомъ просьба была ли лживымъ, злонамѣреннымъ и возмутительнымъ пасквилемъ? До сихъ поръ предметъ спора заключался въ томъ, могъ ли фактъ, достовѣрность котораго была извѣстна всѣмъ и каждому, могъ ли такой фактъ быть доказанъ по техническимъ правиламъ уличенія; теперь же состязаніе получило болѣе глубокій интересъ. Необходимо было подвергнуть обсужденію предѣлы прерогативы и свободы, право короля отмѣнять статуты, право подданныхъ просить объ уничтоженіи злоупотребленій. Въ теченіе трехъ часовъ адвокаты подсудимыхъ необыкновенно сильно говорили въ защиту основныхъ началъ конституціи и доказали журналами палаты общинъ, что епископы утверждали чистую истину, когда представляли королю, что разрѣшительная власть, на которую онъ притязалъ, была неоднократно объявляема парламентомъ незакон-

Digitized by Google

вою. Послѣднимъ всталъ Сомерзъ. Онъ говорилъ не болѣе пяти минутъ, но каждое его слово было исполнено глубокаго значенія, и когда онъ сѣлъ, репутація оратора и публициста была за нимъ упрочена. Онъ разобралъ всѣ выраженія, которыми слѣдственный актъ опредѣлялъ мнимое преступленіе епископовъ, и показалъ, что ни одно изъ словъ, ни прилагательное, ни существительное, ни мало не шло къ дѣлу. Мнимое преступленіе состояло въ лживомъ, злонамѣренномъ и возмутительномъ пасквилѣ. Лживою просьба не была: журналами парламента было доказано, что всѣ изложенные въ ней факты были истинны. Злонамѣренною просьба не была: отвѣтчики не искали случая къ ссорѣ, но были поставлены правительствомъ въ такое положеніе, что должны были или воспротивиться королевской волѣ, или же нарушить самыя священныя обязанности совѣсти и чести. Возмутительною просьба не была: челобитчики не распространяли ее между чернью, а наединѣ вручили ее самому королю; да и пасквилемъ она не была, а была скромнымъ прошеніемъ, какое по законамъ Англіи, по законамъ императорскаго Рима, по законамъ всѣхъ просвѣщенныхъ державъ, подданный, считающій себя обиженнымъ, имѣетъ полное право представить государю.

Генералъ-атторней возражалъ мало и слабо. Генералъ-солиситоръ говорилъ очень долго и ѣдко и часто былъ прерываемъ криками и свистками слушателей. Онъ дошелъ до того, что сталъ утверждать, будто ни отдѣльные подданные, ни цѣлыя общества подданныхъ, за исключеніемъ палатъ парламента, не имѣли права подавать просьбы королю. Публика была внѣ себя отъ бѣшенства, и даже главный судья былъ озадаченъ наглостью этого продажнаго отступника.

Наконецъ Райтъ приступилъ къ заключительному изложенію дѣла. Его рѣчь показывала, что страхъ, въ которомъ онъ находился передъ правительствомъ, умѣрялся страхомъ, который внушало ему столь многочисленное, столь блестящее и столь сильно возбужденное собраніе публики. Онъ сказалъ, что не подастъ никакого мнѣнія по вопросу о разрѣшительной власти, что онъ не считаетъ нужнымъ подавать такого мнѣнія, что онъ не можетъ согласиться со многимъ въ рѣчи генералъ-солиситора, что подданные

имѣютъ право подавать королю прошенія, но что настоящая просьба изложена неприличнымъ образомъ и потому въ глазахъ закона является пасквилемъ. Алибонъ былъ того же убѣжденія, но, излагая свое мнѣніе, обнаружилъ такое грубое незнаніе исторіи и законовъ, что навлекъ на себя общее презрѣніе. Голловей обошелъ вопросъ о разрѣшительной власти, но сказалъ, что просьба казалась ему такою, какую подданные, считающіе себя обиженными, имѣютъ право представить королю, и потому она, по его мнѣнію, не была пасквилемъ. Повелль поступилъ еще смѣлѣе. Онъ объявилъ, что, по его разумѣнію, декларація была недѣйствительна, а разрѣшительная власть въ томъ видѣ, въ которомъ она проявлялась въ послѣднее время, совершенно несовмѣстна съ законами. Допустить такія посягательства со стороны прерогативы значило бы положить конецъ парламентамъ. Вся законодательная власть сосредоточилась бы въ лицѣ короля. «Рѣшеніе этого вопроса, джентльмены, сказалъ онъ, предоставляю Богу и вашей совѣсти.» (*)

Смерклось, прежде чѣмъ присяжные удалились для обсужденія приговора. Эта ночь была ночью напряженной тоски и тревоги. Существуетъ нѣсколько писемъ, которыя были отправлены въ это промежуточное время и которыя поэтому особенно интересны. «Уже очень поздно, писалъ папскій нунцій, а рѣшеніе все еще неизвѣстно. Судьи и подсудимые разошлись по домамъ. Присяжные совѣщаются. Завтра узнаемъ исходъ этой великой борьбы.»

Стряпчій епископовъ съ толпою служителей просидѣлъ всю ночь на лѣстницѣ, которая вела въ комнату, гдѣ совѣщались присяжные. Необходимо было не спускать глазъ съ чиновниковъ, которые не спускали глазъ съ дверей: эти чиновники подозрѣвались въ подкупѣ со стороны короны и, въ случаѣ отсутствія тщательнаго надзора за ними, могли бы доставить какому-нибудь раболѣпному присяжному пищу, которая дала бы ему возможность проморить голодомъ остальныхъ одиннадцать. Надзоръ, поэтому, соблюдался строго. Не дозволялось подать даже свѣчи,

(*) См. процессъ въ «*Collection of State Trials.*» Я заимствовалъ нѣкоторыя подробности у Джонстона, а другія у Ситтерса.

чтобы закурить трубки. Около четырехъ часовъ утра разрѣшено было пропустить нѣсколько чашекъ съ водою для умыванья. Присяжные, томимые жаждою, тотчасъ же выпили всю эту воду. Огромное множество народа бродило по окрестнымъ улицамъ до самой зари. Изъ Вайтголля ежечасно приходилъ гонецъ узнать, въ какомъ положеніи дѣло. Изнутри комнаты неоднократно доносились громко спорившіе голоса; но положительнаго ничего не было извѣстно. ([a])

Сначала девять присяжныхъ были за оправданіе, а трое за осужденіе. Двое изъ меньшинства скоро уступили большинству, но Арнольдъ упорствовалъ. Томасъ Остинъ, зажиточный провинціяльный джентльменъ, очень внимательно слѣдившій за показаніями свидѣтелей и за рѣчами адвокатовъ и дѣлавшій у себя въ записной книжкѣ подробныя замѣтки, предложилъ ему вмѣстѣ обсудить дѣло. Арнольдъ отказался. «Я, угрюмо сказалъ онъ, не привыкъ къ разсужденіямъ и словопреніямъ. Совѣсть моя не удовлетворена, и я не оправдаю епископовъ.» — «А, если ужъ на то пошло, сказалъ Остинъ, взгляните на меня. Изъ насъ двѣнадцати я самый плотный и крѣпкій. Знайте же, что, прежде чѣмъ признать такую просьбу пасквилемъ, я останусь здѣсь до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаюсь тоньше чубука.» Былъ уже седьмой часъ утра, когда Арнольдъ наконецъ уступилъ. Вскорѣ стало извѣстно, что присяжные согласились между собою; но каковъ будетъ приговоръ, все еще оставалось тайною. ([b])

Въ 10 часовъ судъ снова собрался. Толпа была еще больше, чѣмъ прежде. Присяжные появились въ своей ложѣ, и воцарилась мертвая тишина.

Приговоръ. «Находите ли вы, что отвѣтчики, или кто-нибудь изъ нихъ, виновны во взводимомъ на нихъ преступленіи, или вы находите, что они невиновны?» спросилъ сэръ Самюэль Астри. «Невиновны», отвѣтилъ сэръ Роджеръ Лангли. Какъ только раздалось

([a]) Johnstone, July 2. 1688; письмо отъ м-ра Инса къ архіепископу, писанное въ 6 часовъ утра; Tanner MS.; «*Revolution Politics.*»

([b]) Johnstone, July 2. 1688.

это слово, Галифаксъ вскочилъ съ мѣста и замахалъ шляпою. Восторгъ народа. По этому сигналу лавки и галлереи закричали ура. Черезъ мигъ десять тысячъ человѣкъ, наполнявшихъ огромную залу, откликнулись еще болѣе громкимъ ура, отъ котораго затрещалъ старинный дубовый потолокъ; а еще черезъ мигъ несмѣтная толпа снаружи разразилась третьимъ ура, которое было слышно даже въ Темпль-Барѣ. Лодки, покрывавшія Темзу, грянули отвѣтнымъ ура. На водѣ раздался ружейный выстрѣлъ, потомъ другой, третій, и такимъ образомъ, черезъ нѣсколько минутъ, радостная вѣсть долетѣла до Лондонскаго моста и до цѣлаго лѣса мачтъ внизъ по теченію Темзы. По мѣрѣ того, какъ новость распространялась, улицы и площади, рынки и кофейни, оглашались восторженными кликами. Общій восторгъ выразился, впрочемъ, не одними кликами, но и слезами. Чувства народа были до того возбуждены, что суровая англійская натура, такъ мало склонная къ проявленіямъ душевныхъ движеній, наконецъ подалась, и тысячи людей зарыдали отъ радости. Между тѣмъ всадники изъ отдаленнѣйшихъ концовъ столицы поскакали по всѣмъ большимъ дорогамъ распространять извѣстіе о побѣдѣ нашей церкви и націи. Однако даже и этотъ поразительный взрывъ народнаго чувства не могъ устрашить ожесточеннаго и безстрашнаго духа генералъ-солиситора. Стараясь покрыть своимъ голосомъ оглушительный шумъ, Виллiамзъ потребовалъ, чтобы судьи арестовали тѣ лица, которыя криками своими оскорбили достоинство судебнаго мѣста. Одинъ человѣкъ изъ ликовавшей толпы былъ схваченъ. Но судьи поняли, что было бы нелѣпо наказать отдѣльное лицо за проступокъ, общій сотнямъ тысячъ людей, и отпустили его послѣ слабаго выговора. (²)

Нечего было и думать о томъ, чтобы перейти въ эту минуту къ какому-нибудь другому дѣлу. Дѣйствительно, толпа такъ орала, что въ теченіе получаса нельзя было разслышать почти ни одного слова въ палатѣ. Виллiамзъ дошелъ до своей кареты среди цѣлой бури свистковъ и проклятій. Картрайтъ, любопытство ко-

---

(²) «*State Trials*»; Oldmixon, 739.; Clarendon's «*Diary*», June 25. 1688; Johnstone, July 2.; $^{3}/_{13}$ Citters, іюля; Adda, $^{6}/_{16}$ іюля; Luttrell's «*Diary*»; Barillon, $^{3}/_{13}$ іюля.

тораго было необузданно, имѣлъ глупость и наглость явиться въ Вестминстеръ для того, чтобы услышать рѣшеніе. Толпа узнала его по епископскому облаченію и дородной фигурѣ и проводила его криками изъ залы. «Берегитесь, сказалъ одинъ голосъ: берегитесь волка въ овечьей шкурѣ.» — «Дайте дорогу, закричалъ другой: дорогу человѣку, у котораго папа въ брюхѣ.» (a)

Оправданные епископы укрылись отъ толпы, которая просила у нихъ благословенія, въ ближайшую капеллу, гдѣ совершалась божественная служба. Церкви въ это утро были открыты почти во всей столицѣ и наполнены множествомъ благочестивыхъ людей. Во всѣхъ приходахъ города и предмѣстій гудѣли колокола. Между тѣмъ присяжные насилу успѣли выбраться изъ залы. Они принуждены были обмѣняться пожатіемъ рукъ съ цѣлыми сотнями людей. «Благослови васъ, Богъ! кричалъ народъ: дай Богъ счастья вашимъ семействамъ! Вы поступили какъ честные, добродушные джентльмены; вы спасли всѣхъ насъ сегодня.» Нобльмены, явившіеся въ судъ поддерживать правое дѣло, уѣзжая домой, бросали изъ окошекъ своихъ экипажей пригоршни денегъ и предлагали народу выпить за здоровье короля, епископовъ и присяжныхъ. (b)

(a) Citters, $^{3}/_{13}$ іюля. Важность, съ которою онъ разсказываетъ эту исторію, производитъ забавное впечатлѣніе. «Den Bisschop van Chester, wie seer de partie van het hof houdt, om te voldoen aan syne gewoone nieusgierigheyt, hem op dien tyt in Westminster Hall mede hebbende laten vinden, in het uytgaan doorgaans was uytgekreten voor een grypende wolf in schaaps kleederen; en hy synde een heer van hooge stature en vollyvig, spotsgewyse alomme geroepen was dat men voor hem plaats moeste maken, om te laten passen, gelyck ook geschiede, om dat soo sy uytschreeuwden en hem in het aansigt seyden, hy den Paus in syn buyck hadde.»

(b) Luttrell; Citters, $^{3}/_{13}$ іюля 1688. «Soo syn in tegendeel gedagte jurys met de uyterste acclamatie en alle teyckenen van genegenheyt en danckbaarheyt in het door passeren van de gemeente ontvangen. Honderden vielen haar om den hals met alle bedenckelycke wewensch van segen en geluck over hare persoonen en familien, om dat sy haar so heusch en eerlyck buyten verwagtinge als het ware in desen gedragen hadden. Veele van de grooten en kleynen adel wierpen in het wegryden handen vol gelt onder de armen luyden, om op de gesontheyt van den Coning, der Heeren Prelaten, en de Jurys te drincken.»

Генералъ-атторней отправился съ извѣстіемъ къ Сондерланду, который о ту пору бесѣдовалъ съ нунціемъ. «Никогда, сказалъ Повисъ, никогда на людской памяти, не раздавалось такихъ восторженныхъ кликовъ и не проливалось такихъ радостныхъ слезъ, какъ сегодня.» (a) Король въ это утро посѣтилъ лагерь на Гаунсло-Гитѣ. Сондерландъ тотчасъ же послалъ туда курьера съ депешею. Іаковъ былъ въ палаткѣ лорда Фивершама, когда прибылъ гонецъ. Онъ крайне смутился и воскликнулъ по французски: «Тѣмъ хуже для нихъ!» Вслѣдъ за тѣмъ отправился онъ въ Лондонъ. Пока онъ былъ въ лагерѣ, почтительность мѣшала солдатамъ дать волю своимъ чувствамъ; но не успѣлъ онъ выѣхать оттуда, какъ позади его раздалось громкое ура. Онъ удивился и спросилъ, что̀ значили эти крики. «Ничего, былъ отвѣтъ: солдаты радуются, что епископы оправданы.» — «И это, по вашему, ничего?» сказалъ Іаковъ и потомъ повторилъ: «Тѣмъ хуже для нихъ!» (b)

Онъ имѣлъ достаточно причинъ быть не въ духѣ. Ему пришлось испытать полное и крайне унизительное пораженіе. Еслибы прелаты избѣжали наказанія по причинѣ какого-нибудь техническаго недостатка въ искѣ короны, еслибы они избѣжали наказанія потому, что написали просьбу не въ Мидльсексѣ, или потому, что по точнымъ правиламъ закона невозможно было доказать, что они подали королю ту просьбу, за которую были отданы подъ судъ, прерогатива не испытала бы никакого потрясенія. Къ счастью для страны, фактъ обнародованія былъ вполнѣ доказанъ. Защитники подсудимыхъ принуждены были поэтому напасть на разрѣшительную власть. Они напали на нее необыкновенно ученымъ, краснорѣчивымъ и смѣлымъ образомъ. Адвокаты правительства, по общему признанію, были побѣждены въ этомъ состяза-

---

(a) «Mi trovava con Milord Sunderland la stessa matina, quando venne l'Avvocato Generale a rendergli conto del successo, e disse, che mai più a memoria d'huomini si era sentito un applauso, mescolato di voci e lagrime di giubilo, egual a quello che veniva egli di vedere in quest' occasione.» — Адда, $^{6}/_{16}$ іюля 1688.

(b) Burnet, I. 744.; Citters, $^{5}/_{15}$ іюля 1688.

ніи. Ни одинъ судья не посмѣлъ объявить, что декларація объ индульгенціи была законна. Одинъ судья въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ провозгласилъ ее незаконною. Весь городъ говорилъ, что разрѣшительная власть получила смертельный ударъ. Финчъ, который наканунѣ подвергался общему порицанію, былъ теперь предметомъ общихъ похвалъ. Онъ не хотѣлъ, говорилъ народъ, допустить такого рѣшенія дѣла, которое бы оставило великій конституціонный вопросъ по прежнему неяснымъ. Онъ понималъ, что приговоръ, который бы оправдалъ его кліентовъ, не осудивъ въ то же время декларацію объ индульгенціи, былъ бы только на половину побѣдой. Можно съ увѣренностью сказать, что Финчъ не заслуживалъ ни упрековъ, которыми его осыпали въ то время, когда исходъ дѣла былъ сомнителенъ, ни похвалъ, которыми чествовали его, когда исходъ дѣла оказался удачнымъ. Нелѣпо было порицать его за то, что, въ теченіе причиненной имъ короткой остановки, коронные юристы неожиданно открыли новое доказательство. Равнымъ образомъ нелѣпо было предполагать, что онъ умышленно подвергъ своихъ кліентовъ опасности для того, чтобы утвердить общее начало; а еще нелѣпѣе было хвалить его за то, что́ было бы грубымъ нарушеніемъ адвокатскаго долга.

За радостнымъ днемъ послѣдовала не менѣе радостная ночь. Епископы и нѣкоторые изъ самыхъ достопочтенныхъ друзей ихъ тщетно старались предотвратить шумныя заявленія народной радости. Никогда, на сколько помнили сторожилы, ни даже въ тотъ вечеръ, когда по Лондону распространилась вѣсть, что шотландская армія объявила себя за независимый парламентъ, не озарялись улицы столицы такимъ ослѣпительнымъ блескомъ отъ потѣшныхъ огней. Вокругъ каждаго потѣшнаго огня толпы народа пили за здоровье епископовъ и за погибель папистовъ. Окна были освѣщены рядами свѣчей. Каждый рядъ состоялъ изъ семи огней; восковая свѣча посрединѣ, выше всѣхъ остальныхъ, означала собою примаса. Трескъ ракетъ, шутихъ и огнестрѣльнаго оружія былъ нескончаемъ. Одинъ громадный костеръ пылалъ прямо насупротивъ главныхъ воротъ Вайтголля. Другіе горѣли передъ дверьми католическихъ перовъ. Лордъ Арондель-Вордоуръ благоразумно успокоилъ чернь небольшою суммою де-

негъ; но въ Салисбёри-Гаусѣ на Страндѣ пытались сопротивляться. Слуги лорда Салисбёри выбѣжали изъ дому и выстрѣлили въ толпу, но убили только несчастнаго приходскаго сторожа, который пришелъ туда тушить огонь. Они были скоро разбиты и прогнаны обратно въ домъ. Изъ зрѣлищъ этой ночи ничто такъ не интересовало простаго народа, какъ сожженіе куклы папы, которое, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, было обыкновенною для него забавою, и которымъ, послѣ долгаго промежутка, онъ насладился теперь снова. Это нѣкогда обыкновенное зрѣлище извѣстно нашему поколѣнію только по описаніямъ и гравюрамъ. Фигура, отнюдь не похожая на грубыя изображенія Гая Фокса, какія до сихъ поръ выставляются на показъ 5 ноября, но довольно искусно сдѣланная изъ воска и богато украшенная ризами и тіарою, сажалась на кресло, похожее на то, въ которомъ римскіе епископы до сихъ поръ, въ нѣкоторые высокоторжественные дни, являются къ главному алтарю церкви св. Петра. За его святѣйшествомъ обыкновенно слѣдовала свита кардиналовъ и іезуитовъ. Около него стоялъ скоморохъ, наряженный чортомъ, съ рогами и хвостомъ. Никто изъ богатыхъ и ревностныхъ протестантовъ не жалѣлъ гиней на такую потѣху; и, если вѣрить слухамъ, издержки этой процессіи доходили иногда до тысячи фунтовъ. Послѣ торжественнаго шествія въ сопровожденіи безчисленной толпы, кукла папы съ громкими кликами предавалась огню. Во время популярности Отса и Шафтсбёри, зрѣлище это происходило ежегодно на Флитъ-Стритѣ, передъ окнами вигскаго клуба, въ день рожденія королевы Елисаветы. Извѣстность этихъ шуточныхъ обрядовъ была такъ велика, что Барильонъ однажды рискнулъ жизнью для того, чтобы украдкою поглядѣть на нихъ изъ скрытаго мѣста. (a) Но со дня открытія Райгаусскаго заговора и до дня оправданія епископовъ цере-

(a) См. весьма любопытный разсказъ, изданный, вмѣстѣ съ другими бумагами, въ 1710 году Томасомъ Данби, который тогда уже былъ герцогомъ Лидсомъ. Забавное описаніе церемоніи сожженія папы находится въ North's «*Examen*», 570. См. также примѣчаніе къ «*Epilogue to the Tragedy of Oedipus*» въ Scott's edition of Dryden.

монія эта ни разу не повторялась. Теперь же въ разныхъ частяхъ Лондона появилось нѣсколько куколъ папы. Нунцій очень негодовалъ; а король былъ задѣтъ этимъ оскорбленіемъ католической церкви гораздо болѣе, нежели всѣми другими причиненными ему обидами. Городскія власти, однако, ничего не могли сдѣлать. Забрезжилось, и приходскія церкви заблаговѣстили къ воскресной заутрени, прежде чѣмъ огни начали гаснуть, а толпы — расходиться по домамъ. Правительство поспѣшило издать прокламацію противъ виновниковъ безпорядка минувшей ночи. Многіе изъ нихъ, большею частью молодые ремесленники, были арестованы; но мидльсекскіе присяжные признали искъ противъ нихъ неосновательнымъ. Судьи, между которыми было много католиковъ, упрекали большое джюри и заставляли его по три и по четыре раза пересматривать дѣло; но всѣ ихъ усилія ни къ чему не послужили. (*)

Особенное состояніе общественнаго мнѣнія въ это время.

Между тѣмъ радостная вѣсть полетѣла во всѣ концы королевства и повсюду была принята съ восхищеніемъ. Къ числу городовъ, отличившихся особеннымъ энтузіазмомъ, принадлежали Глостеръ, Бедфордъ и Личфильдъ; но Бристоль и Норичъ, которые населеніемъ и богатствомъ наиболѣе приближались къ Лондону, наиболѣе приблизились къ нему и восторгомъ по этому радостному случаю.

Процессъ епископовъ стоитъ особнякомъ въ нашей исторіи. Это былъ первый и послѣдній случай, когда два страшно могучія чувства, два чувства, которыя обыкновенно противоборствовали другъ другу, и каждое изъ которыхъ, будучи сильно возбуждено, могло потрясти цѣлое государство, соединились въ совершенную гармонію. Чувства эти были: любовь къ церкви и любовь къ свободѣ. Въ теченіе многихъ поколѣній, каждый стремительный взрывъ высокоцерковнаго чувства, за исключеніемъ одного раза, былъ неблагопріятенъ гражданской свободѣ; каждый стремительный взрывъ либеральнаго чувства, за исключеніемъ одного

(*) Reresby's «*Memoirs*»; Citters, $^{3}/_{13}$ іюля 1688; Adda, $^{6}/_{16}$ іюля; Barillon, $^{2}/_{12}$ іюля; Luttrell's «*Diary*»; «*Newsletter*», July 4.; Oldmixon, 739.; Ellis «*Correspondence.*»

раза, былъ неблагопріятенъ авторитету и вліянію прелатства и священничества. Въ 1688 году дѣло іерархіи стало на мгновеніе дѣломъ популярной партіи. Болѣе 9,000 священнослужителей, съ примасомъ и достойнѣйшими изъ его суффрагановъ во главѣ, рѣшились подвергнуться заточенію и лишенію имуществъ за великое основное начало нашей свободной конституціи. Слѣдствіемъ этого была коалиція, заключавшая въ себѣ самыхъ ревностныхъ кавалеровъ, самыхъ ревностныхъ республиканцевъ и всѣ промежуточныя факціи общества. Духъ, поддерживавшій Гампдена въ предшествовавшемъ поколѣніи, и духъ, поддерживавшій въ послѣдующемъ поколѣніи Сачевереллл, соединились, чтобъ поддержать архіепископа, который былъ вмѣстѣ и Гампденомъ, и Сачевереллемъ. Тѣ классы общества, которые наиболѣе заинтересованы въ сохраненіи порядка, которые въ смутныя времена обыкновенно бываютъ наиболѣе готовы поддержать власть правительства и которые питаютъ искреннее отвращеніе къ агитаторамъ, не поколебались послѣдовать за достопочтеннымъ пастыремъ, первымъ пѐромъ государства, первымъ служителемъ церкви, торіемъ въ политикѣ, святымъ въ жизни, котораго тираннія, наперекоръ ему самому, превратила въ демагога. Съ другой стороны, тѣ, которые всегда гнушались епископствомъ, какъ остаткомъ папизма и какъ орудіемъ произвола, теперь на колѣняхъ просили благословенія у маститаго прелата, изъявившаго рѣшимость скорѣе носить цѣпи и лежать на голыхъ камняхъ, нежели измѣнить интересамъ протестантской религіи и поставить прерогативу выше законовъ. Съ любовью къ церкви и съ любовью къ свободѣ смѣшивалось въ эту великую критическую минуту третье чувство, принадлежащее къ самымъ почтеннымъ особенностямъ нашего національнаго характера. Лицо, притѣсняемое властью, хотя бы даже оно было лишено всякаго права на общественное уваженіе и признательность, обыкновенно находитъ сильное сочувствіе между нами. Такъ, во дни нашихъ дѣдовъ, общество взволновалось по поводу преслѣдованія Вилькса. Мы сами видѣли націю почти до бѣшенства разъяренною оскорбленіями, причиненными королевѣ Каролинѣ. Поэтому, весьма вѣроятно, что, еслибы даже съ исходомъ процесса епископовъ

не было связано никакихъ великихъ политическихъ и религіозныхъ интересовъ, Англія все-таки испытала бы сильныя ощущенія состраданія и гнѣва при видѣ престарѣлыхъ безукоризненно добродѣтельныхъ людей, преслѣдуемыхъ местью суроваго и неумолимаго государя, который ихъ вѣрности обязанъ былъ своею короною.

Движимые этими чувствами, предки наши соединились противъ правительства въ одну громадную и плотную массу. Огромную фалангу эту составляли всѣ званія, всѣ партіи, всѣ протестантскія секты. Въ челѣ ея были духовные и свѣтскіе лорды. Затѣмъ слѣдовали: поземельное джентри и духовенство, оба университета, всѣ адвокатскія корпораціи, купцы, лавочники, фермеры, носильщики, работавшіе на улицахъ большихъ городовъ, крестьяне, пахавшіе землю. Союзъ противъ короля заключалъ въ себѣ даже матросовъ, которые служили на его судахъ, даже часовыхъ, которые охраняли его дворецъ. Названія «вигъ» и «тори» на мгновеніе были забыты. Старый эксклюзіонистъ подалъ руку старому абгорреру. Епископалы, пресвитеріане, индепенденты, баптисты забыли свои долгія распри и помнили только общій свой протестантизмъ и общую свою опасность. Богословы, воспитанные въ школѣ Лода, во всеуслышаніе говорили не только о терпимости, но и о сліяніи. Архіепископъ, вскорѣ послѣ своего оправданія, издалъ пастырское посланіе, которое представляетъ собою одно изъ самыхъ замѣчательныхъ сочиненій того времени. Съ молодыхъ лѣтъ, онъ постоянно враждовалъ съ нонконформистами и неоднократно нападалъ на нихъ съ несправедливою и нехристіанскою жестокостью. Главнымъ его произведеніемъ была гнусная карикатура кальвинистскаго богословія. (a) Онъ написалъ для 30 января и для 29 мая образцы молитвъ, въ которыхъ порицалъ пуританъ такими рѣзкими выраженіями, что правительство сочло нужнымъ смягчить ихъ. Теперь же сердце его смирилось и умилилось. Онъ торжественно предписывалъ епископамъ и духовенству оказывать нѣжное вниманіе ихъ братіямъ, протестантскимъ диссидентамъ, навѣщать ихъ часто, принимать

(a) «*Fur Praedestinatus.*»

ихъ радушно, бесѣдовать съ ними учтиво, убѣждать ихъ, если можно, присоединиться къ Англійской церкви и во всякомъ случаѣ искренно и усердно помогать ихъ усиліямъ въ пользу благословеннаго дѣла Реформаціи. (*)

Многія благочестивыя лица впослѣдствіи вспоминали это время съ горькимъ сожалѣніемъ. Они говорили о немъ какъ о мимолетномъ видѣніи золотаго вѣка между двухъ желѣзныхъ вѣковъ. Какъ ни естественно такое сѣтованіе, тѣмъ не менѣе оно было неразумно. Коалиція 1688 года была и могла быть произведена только тираніею, близкою къ умопомѣшательству, и опасностью, грозившею разомъ всѣмъ великимъ учрежденіямъ нашего отечества. Если съ тѣхъ поръ уже никогда не бывало подобнаго единодушія, то это потому, что съ тѣхъ поръ уже никогда не бывало такого дурнаго управленія. Надобно помнить, что хотя согласіе само по себѣ лучше несогласія, однако несогласіе можетъ указывать лучшее положеніе дѣлъ, нежели какое указывается согласіемъ. Злополучіе и опасность часто принуждаютъ людей соединяться. Благополучіе и безопасность часто побуждаютъ ихъ расходиться.

(*) Этотъ документъ находится въ первомъ изъ двѣнадцати собраній относящихся до англійскихъ дѣлъ бумагъ, напечатанныхъ въ концѣ 1688 и началѣ 1689 года. Онъ былъ изданъ 26 іюля, менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ процесса. Около того же времени Лойдъ, епископъ сентъ-асафскій, говорилъ Генри Вартону, что епископы намѣревались усвоить себѣ совершенно новую политику относительно протестантскихъ диссидентовъ: «Omni modo curaturos ut ecclesia sordibus et corruptelis penitus exueretur; ut sectariis reformatis reditus in ecclesiae sinum exoptati occasio ac ratio concederetur, si qui sobrii et pii essent; ut pertinacibus interim jugum levaretur, extinctis penitus legibus mulctatoriis.» — *Excerpta ex Vita H. Wharton.*»

ГЛАВА IX.

Оправданіе епископовъ было не единственнымъ событіемъ, дѣлающимъ 30 іюня 1688 года великою эпохою въ исторіи. Въ этотъ день, покамѣстъ трезвонили колокола сотни церквей, покамѣстъ толпы народа, отъ Гайдъ-Парка до Майль-Энда, хлопотали объ устройствѣ костровъ и приготовленіи куколъ папы для ночныхъ увеселеній, изъ Лондона въ Гагу отправленъ былъ документъ, имѣющій для вольностей Англіи почти не менѣе значенія, чѣмъ Великая Хартія.

Перемѣна въ мнѣніи торіевъ относительно законности сопротивленія.

Процессъ епископовъ и рожденіе принца Валлійскаго произвели великій переворотъ въ чувствахъ многихъ торіевъ. Въ тотъ самый моментъ, когда ихъ церковь претерпѣвала крайнюю степень оскорбленія и поруганія, они принуждены были отказаться отъ надежды на мирное избавленіе. До сихъ поръ они утѣшались мыслью, что тяжкое испытаніе, которому подвергалась ихъ вѣрноподданническая преданность, будетъ временнымъ, и что невзгоды ихъ вскорѣ прекратятся безъ всякаго нарушенія обычнаго порядка престолонаслѣдія. Совершенно иная перспектива открывалась передъ ними теперь. На сколько взоръ ихъ могъ проникать въ будущее, они не усматривали впереди, на протяженіи цѣлыхъ вѣковъ, ничего, кромѣ такого же дурнаго управленія, какимъ ознаменовались послѣдніе три года. Колыбель вѣроятнаго

наслѣдника короны окружена была іезуитами. Смертельная ненависть къ той церкви, которая со временемъ увидѣла бы его своимъ главою, была бы тщательно внѣдрена въ его младенческую душу, сдѣлалась бы руководящимъ началомъ его жизни и была бы завѣщана имъ своему потомству. Эта перспектива золъ тянулась безъ конца. Она простиралась за предѣлы жизни самаго молодаго изъ тогдашнихъ людей, за предѣлы XVIII столѣтія. Никто не могъ сказать, сколькимъ поколѣніямъ англійскихъ протестантовъ пришлось бы терпѣть такое угнетеніе, которое, еслибы даже его считали кратковременнымъ, оказалось бы почти невыносимымъ. Неужто же не было никакого средства спасенія? Было одно, быстрое, рѣзкое и рѣшительное средство; и виги отъ всей души готовы были употребить его въ дѣло, но торіи всегда считали его безусловно незаконнымъ.

Величайшіе англиканскіе богословы того времени утверждали, что никакое нарушеніе закона или договора, никакое излишество жестокости, хищничества или своеволія со стороны законнаго короля, не могло оправдать народа въ сопротивленіи ему силою. Нѣкоторые изъ нихъ любили излагать ученіе о несопротивленіи въ такой чудовищной формѣ, которая оскорбляла здравый смыслъ и чувство человѣческаго достоинства. Они часто и выразительно замѣчали, что въ то время, когда св. Павелъ училъ повиноваться предержащимъ властямъ, во главѣ римскаго правительства былъ Неронъ. Заключеніе, которое они выводили отсюда, состояло въ томъ, что еслибы кому-нибудь изъ англійскихъ королей вздумалось беззаконно и произвольно преслѣдовать своихъ подданныхъ за то, что они не покланялись идоламъ, еслибы ему вздумалось бросать ихъ на съѣденіе львамъ въ Тоуэрѣ, завертывать ихъ въ смолёныя ткани и зажигать ихъ для освѣщенія Сентъ-Джемскаго парка, и еслибы казни эти продолжались до тѣхъ поръ, пока не обезлюдѣли бы цѣлые города и области, то и тогда лица, оставшіяся въ живыхъ, все-таки обязаны были бы смиренно покоряться и безпрекословно подвергаться растерзанію или сожженію. Доводы въ пользу этого положенія, конечно, были ничтожны; но отсутствіе здравой логики обильно восполнялось всемогущимъ лжемудрствованіемъ интереса и страсти. Многіе писа-

тели удивлялись тому, что гордые англійскіе кавалеры были ревностными поборниками раболѣпнѣйшей теоріи, какая только когда-либо существовала на свѣтѣ. Дѣло въ томъ, что эта теорія сначала представлялась кавалеру совершенною противоположностью раболѣпія. Ея тенденціею было сдѣлать его не рабомъ, а свободнымъ человѣкомъ и владыкою. Она его возвышала, возвышая того, кого онъ считалъ своимъ покровителемъ, другомъ, главою своей излюбленной партіи и еще болѣе излюбленной своей церкви. Во времена господства республиканцевъ роялистъ терпѣлъ обиды и оскорбленія; возстановленіе законнаго правительства дало ему возможность отмстить за нихъ. Бунтъ, поэтому, соединялся въ его воображеніи съ порабощеніемъ и униженіемъ, а монархическая власть — со свободою и преобладаніемъ. Онъ и не воображалъ, чтобы могло наступить время, когда король изъ дома Стюартовъ будетъ преслѣдовать самыхъ вѣрнопреданныхъ членовъ духовенства и джентри съ ожесточеніемъ, превосходившимъ ожесточеніе Охвостья и протектора. Время это наступило однако. Теперь предстояло увидѣть, какимъ образомъ терпѣніе, которому церковники, по ихъ же словамъ, научились изъ посланій апостола Павла, выдержитъ испытаніе гоненія, далеко не столь жестокаго, какъ Нероново. Результатъ былъ таковъ, что всякій, кто мало-мальски зналъ человѣческую натуру, легко могъ бы предсказать его. Угнетеніе быстро сдѣлало то, чего не сдѣлали бы ни философія, ни краснорѣчіе. Система Фильмера могла бы пережить нападки Локка; но она никогда уже не оправлялась отъ смертельнаго удара, нанесеннаго ей Іаковомъ.

Та логика, которая признавалась неопровержимою, пока употреблялась для доказательства, что пресвитеріане и индепенденты должны были смиренно переносить заточеніе и конфискацію, оказалась крайне несостоятельною, когда пришлось отвѣчать на вопросъ: можно ли заточать въ тюрьму англиканскихъ епископовъ и конфисковать доходы англиканскихъ коллегій. Съ каѳедръ всѣхъ соборовъ въ королевствѣ не разъ повторялось, что апостольская заповѣдь о повиновеніи гражданской власти имѣла безусловное и всеобщее значеніе, и что желаніе ограничить правило, которое проповѣдано въ словѣ Божіемъ безо всякаго ограниченія,

было нечестивымъ проявленіемъ человѣческаго высокоумія. Теперь же богословы, прозорливость которыхъ изощрилась грозившею имъ опасностью лишиться бенефицій и пребендъ и уступить свои мѣста папистамъ, стали открывать прорѣхи въ разсужденіяхъ, казавшихся имъ прежде столь убѣдительными. Нравоучительная сторона Св. Писанія не подлежитъ толкованіямъ подобно парламентскимъ актамъ или казуистическимъ трактатамъ ученыхъ. Кто изъ христіанъ дѣйствительно подставлялъ лѣвую щеку негодаю, ударившему его въ правую? Кто изъ христіанъ дѣйствительно отдавалъ свой плащъ ворамъ, отнявшимъ у него рубашку? Какъ въ Ветхомъ, такъ и въ Новомъ Завѣтѣ, общія правила постоянно излагаются безъ всякихъ исключеній. Такимъ образомъ общая заповѣдь «не убей» не сопровождается тамъ никакою оговоркою въ пользу воина, который убиваетъ непріятеля, обороняя своего короля и отечество. Общая заповѣдь «не клянись» не сопровождается тамъ никакою оговоркою въ пользу свидѣтеля, который клянется говорить истину передъ судьею. А между тѣмъ законность оборонительной войны и судебныхъ присягъ оспаривалась только немногими неизвѣстными сектаторами и положительно утверждалась статьями Англійской церкви. Всѣ доводы относительно того, что квакеръ, отказывавшійся носить оружіе или цаловать Евангеліе, судилъ нелѣпо и превратно, могли быть обращены противъ тѣхъ, кто отрицалъ право подданныхъ сопротивляться крайней тираніи силою. Если утверждалось, что, не смотря на свой характеръ общихъ правилъ, тексты, воспрещающіе человѣкоубійство, и тексты, воспрещающіе клятвы, должны быть истолковываемы въ смыслѣ, подчиненномъ великой заповѣди, на основаніи которой всякій человѣкъ обязанъ заботиться о благосостояніи своихъ ближнихъ, и если, при такомъ истолкованіи, тексты эти оказывались непримѣнимыми къ тѣмъ случаямъ, когда человѣкоубійство или клятва безусловно необходимы для охраненія драгоцѣннѣйшихъ интересовъ общества, то не легко было отрицать, что тексты, воспрещающіе сопротивленіе, должны быть истолковываемы точно такимъ же образомъ. Если древній народъ Божій иногда получалъ свыше повелѣнія умерщвлять людей и обязываться клятвами, то иногда получалъ онъ свыше и по-

велѣнія сопротивляться нечестивымъ государямъ. Если первые отцы церкви говорили по временамъ такимъ языкомъ, который какъ бы указывалъ, что они порицали всякое сопротивленіе, то по временамъ говорили они и такимъ языкомъ, который какъ бы указывалъ, что они порицали всякую войну и всякія клятвы. По истинѣ, ученіе о страдательномъ повиновеніи въ томъ видѣ, какъ оно проповѣдывалось въ Оксфордѣ въ царствованіе Карла II, можетъ быть выведено изъ Библіи только такимъ способомъ толкованія, который неотразимо привелъ бы насъ къ заключеніямъ Барклея и Пенна.

Англиканскіе богословы, въ теченіе лѣтъ, непосредственно слѣдовавшихъ за Реставраціею, старались подтвердить истину своего любимаго догмата не одними только аргументами, заимствованными изъ текста Св. Писанія. Они пытались доказать, что, еслибы даже и не существовало божественнаго откровенія, разумъ все-таки указалъ бы мудрымъ людямъ безразсудство и нечестивость всякаго сопротивленія установленному правительству. Общее мнѣніе признавало, что такое сопротивленіе могло быть оправдано не иначе, какъ въ крайнихъ случаяхъ. Но кто взялся бы провести черту между крайними и обыкновенными случаями? Существовало ли хоть одно правительство въ мірѣ, подъ властью котораго нельзя было бы найти нѣсколькихъ недовольныхъ и мятежныхъ людей, готовыхъ сказать и даже, быть можетъ, подумать, что ихъ невзгоды составляли крайній случай? Разумѣется, еслибы возможно было постановить ясное и точное правило, которое могло бы запретить людямъ бунтовать противъ Траяна и въ то же время разрѣшало бы имъ бунтовать противъ Калигулы, такое правило было бы чрезвычайно благодѣтельнымъ. Но такого правила никогда не было и никогда не будетъ начертано. Сказать, что бунтъ былъ законенъ при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, не опредѣливши точно этихъ обстоятельствъ, значило сказать, что всякій могъ бунтовать когда ему угодно; но общество, въ которомъ всякій бунтовалъ бы когда ему угодно, было бы жалче общества, управляемаго самымъ жестокимъ и своевольнымъ деспотомъ. Поэтому необходимо было поддерживать великій принципъ несопротивленія во всей его цѣлости. Конечно, можно было бы допустить осо-

Digitized by Google

бенные случаи, въ которыхъ сопротивленіе было бы благодѣтельно для общества; но, говоря вообще, лучше было, чтобы народъ терпѣливо переносилъ дурное правленіе, нежели чтобы онъ помогалъ своему горю нарушеніемъ закона, отъ котораго зависѣла безопасность всякаго правленія.

Такія разсужденія легко убѣждали господствующую и благоденствующую партію, но плохо выдерживали критику умовъ, сильно возбужденныхъ королевскою несправедливостью и неблагодарностью. Правда, что провести точную границу между законнымъ и противузаконнымъ сопротивленіемъ невозможно; но эта невозможность проистекаетъ изъ самыхъ свойствъ добра и зла и встрѣчается почти во всѣхъ отрасляхъ нравственной философіи. Доброе дѣло не отличается отъ дурнаго такими очевидными признаками, какими шестиугольникъ отличается отъ квадрата. Существуетъ рубежъ, гдѣ добродѣтель и порокъ смѣшиваются во-едино. Кто могъ когда-нибудь опредѣлить точную границу между храбростью и опрометчивостью, между благоразуміемъ и трусостью, между бережливостью и скупостью, между щедростью и расточительностью? Кто могъ когда-нибудь сказать, какъ далеко должна простираться милость къ преступникамъ, и гдѣ она перестаетъ заслуживать названіе милости и дѣлается пагубною слабостью? Какой казуистъ, какой законодатель могъ когда-нибудь точно обозначить предѣлы права самозащищенія? Всѣ наши юристы утверждаютъ, что извѣстная доля опасности для жизни или части тѣла оправдываетъ человѣка, застрѣливающаго или закалывающаго того, кто на него нападетъ; но они уже давно отчаялись описать въ точныхъ словахъ эту долю опасности. Они говорятъ только, что опасность должна быть не маловажною, а такою, которая бы возбуждала серьёзное опасеніе въ человѣкѣ твердаго духа; но кто же возьмется опредѣлить точную мѣру опасенія, заслуживающаго названія серьёзнаго, или точныя свойства духа, заслуживающаго названія твердаго? Безъ сомнѣнія, жаль, что природа словъ и природа вещей не допускаютъ болѣе точнаго законодательства; и, разумѣется, нельзя отрицать, что совершалось бы много дурнаго, еслибы люди дѣлались судьями въ собственныхъ своихъ дѣлахъ и немедленно приступали къ ис-

полненію своихъ рѣшеній. Но кто, на основаніи этихъ соображеній рѣшится, запретить всякое самозащищеніе? Право народа сопротивляться дурному правленію имѣетъ близкое сходство съ правомъ отдѣльнаго лица, въ случаѣ отсутствія законной охраны, убить того, кто на него нападаетъ. Въ обоихъ случаяхъ зло должно быть велико. Въ обоихъ случаяхъ всѣ правильные и мирные способы защиты должны быть испытаны, прежде чѣмъ обиженная сторона прибѣгнетъ къ крайнимъ средствамъ. Въ обоихъ случаяхъ навлекается страшная отвѣтственность. Въ обоихъ случаяхъ обязанность доказать правоту своего дѣла должна лежать на томъ, кто рѣшился на такую отчаянную мѣру; и если онъ не успѣетъ оправдаться, въ такомъ случаѣ онъ справедливо подлежитъ строжайшимъ наказаніямъ. Но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ нельзя безусловно отрицать существованія такого права. Человѣкъ, атакованный разбойниками, не обязанъ подвергаться пыткѣ и насильственной смерти и не употреблять въ дѣло своего оружія потому, что никто и никогда не могъ точно опредѣлить той суммы опасности, которая оправдываетъ человѣкоубійство. Равнымъ образомъ и общество не обязано пассивно терпѣть все, чему можетъ подвергать его тираннія, потому только, что никто и никогда не могъ точно опредѣлить сумму дурнаго управленія, которая оправдываетъ бунтъ.

Но заслуживало ли сопротивленіе англичанъ такому государю, какъ Іаковъ, названія бунта? Истые ученики Фильмера, конечно, утверждали, что государственное устройство нашей страны ничѣмъ не отличалось отъ государственнаго устройства Турціи, и что если король не конфисковалъ всѣхъ денегъ, хранившихся въ кассахъ Ломбардъ-Стрита, и не посылалъ нѣмыхъ палачей съ удавками къ Санкрофту и Галифаксу, то это происходило только потому, что его величество былъ слишкомъ милостивъ и не хотѣлъ пользоваться всею властью, которую получилъ отъ Неба. Но большинство торіевъ, хотя въ пылу спора они подъ часъ и выражались такимъ языкомъ, который какъ-будто указывалъ, что они одобряли эти сумасбродныя ученія, отъ всего сердца гнушалось деспотизмомъ. Англійское правленіе, по ихъ мнѣнію, было ограниченною монархіею. Но можно ли

назвать монархію ограниченною, если сила никогда, даже въ крайнемъ случаѣ, не должна быть употребляема для сохраненія ограниченій? Въ Московіи, гдѣ государь, по основнымъ законамъ страны, былъ неограниченъ, быть можетъ и можно было, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ истины, утверждать, что, какія бы жестокости ни совершались имъ, все-таки, въ силу христіанскихъ началъ, онъ имѣлъ право требовать повиновенія отъ своихъ подданныхъ. Но здѣсь государь и народъ были одинаково связаны законами. Поэтому, самъ Іаковъ навлекалъ на себя кару, грозящую, по словамъ апостола, тѣмъ, кто оскорбляетъ существующія власти: самъ онъ противился повелѣнію Божію; самъ онъ бунтовалъ противъ той законной власти, которой долженъ былъ бы подчиняться не только изъ страха наказанія, но и по совѣсти, и самъ же онъ, въ истинномъ смыслѣ Іисусовыхъ словъ, отнималъ у кесаря кесарево.

Движимые такими соображеніями, способнѣйшіе и просвѣщеннѣйшіе изъ торіевъ начали соглашаться, что они ужъ черезчуръ широко раздвинули предѣлы ученія о страдательномъ повиновеніи. Споръ между ними и вигами относительно взаимныхъ обязанностей королей и подданныхъ уже не былъ борьбою принциповъ. Правда, между партіею, которая всегда отстаивала законность сопротивленія, и между новообращенными оставалось еще много историческихъ разногласій. Память блаженнаго мученика все еще по прежнему чтилась тѣми старыми кавалерами, которые готовы были взяться за оружіе противъ его безнравственнаго сына. Они все еще съ омерзѣніемъ говорили о Долгомъ парламентѣ, Райгаусскомъ заговорѣ и Западномъ возмущеніи. Но, что́ бы ни думали они о прошедшемъ, мнѣніе ихъ о настоящемъ было совершенно вигское: они утверждали теперь, что крайнее угнетеніе могло оправдать сопротивленіе, и утверждали, что угнетеніе, которому подвергалась нація, было крайнимъ. ([a])

([a]) Эта перемѣна въ мнѣніи нѣкоторыхъ членовъ торійской партіи прекрасно объяснена небольшою брошюрою, изданною въ началѣ 1689 года, подъ заглавіемъ: «*A Dialogue between Two Friends, wherein the Church of England is vindicated in joining with the Prince of Orange.*»

Не слѣдуетъ, однако, предполагать, чтобы всѣ торіи, даже въ это время, отказались отъ догмата, который съ дѣтства пріучились они считать существенною принадлежностью христіанства, который въ теченіе многихъ лѣтъ исповѣдывали они съ тщеславною рьяностью и который они пытались распространить посредствомъ гоненія. Однихъ совѣсть, а другихъ стыдъ удерживали отъ измѣны старому вѣрованію. Но бо́льшая часть даже тѣхъ, которые все еще признавали всякое сопротивленіе государю незаконнымъ, въ случаѣ междоусобной борьбы, расположены были, оставаться нейтральными. Никакая обида не заставила бы ихъ бунтовать; но, еслибы бунтъ вспыхнулъ, они не считали бы себя обязанными сражаться за Іакова II такъ, какъ сражались бы за Карла I. Св. Павелъ запретилъ римскимъ христіанамъ сопротивляться правленію Нерона; но не было никакого основанія полагать, чтобы апостолъ, еслибы онъ былъ живъ въ то время, когда легіоны и сенатъ возстали противъ этого нечестиваго императора, приказалъ братіи взяться за оружіе для поддержки тираніи. Долгъ гонимой церкви былъ ясенъ: она должна была терпѣливо страдать и полагаться во всемъ на Бога. Но еслибы Богу, премудрость Котораго постоянно дѣлаетъ зло источникомъ добра, угодно было, какъ Ему неоднократно бывало угодно, облегчить ея тягости посредствомъ людей, чьихъ гнѣвныхъ страстей не могли укротить ея уроки, въ такомъ случаѣ она могла бы съ признательностью принять отъ Него освобожденіе, котораго ея принципы не дозволяли ей добиться собственными ея средствами. Поэтому, торіи, все еще искренно отвергавшіе всякую мысль о нападеніи на правительство, отнюдь не были расположены защищать его и, похваляясь своею совѣстливостью, быть можетъ, втайнѣ радовались, что не всѣ были такъ совѣстливы, какъ они.

Виги увидѣли, что благопріятная для нихъ пора наступила. Въ теченіе послѣднихъ шести или семи лѣтъ, одно лишь благоразуміе удерживало ихъ отъ возстанія противъ правительства; теперь же само благоразуміе побуждало ихъ къ отважному образу дѣйствій.

Въ маѣ, до рожденія принца Валлійскаго, когда еще неиз-

вѣстно было, будетъ или не будетъ прочтена въ церквахъ декларація, Эдвардъ Россель отправился въ Гагу. Онъ живо представилъ принцу Оранскому состояніе общественнаго мнѣнія и посовѣтовалъ его высочеству явиться въ Англію во главѣ сильнаго отряда войска и призвать народъ къ оружію.

Россель предлагаетъ принцу Оранскому сдѣлать высадку въ Англіи.

Вильгельмъ сразу понялъ всю важность кризиса. «Или теперь, или никогда», воскликнулъ онъ по латыни, обратившись къ Диквельту. ([a]) Съ Росселемъ объяснялся онъ болѣе осторожнымъ языкомъ, признавалъ, что недуги государства требовали чрезвычайнаго средства, но въ то же время серьёзно говорилъ о возможности неудачи и о бѣдствіяхъ, которыя неудача навлекла бы на Британію и на Европу. Онъ хорошо зналъ, что многія изъ лицъ, похвалявшихся готовностью жертвовать жизнью и достояніемъ за отечество, поколебались бы въ виду новыхъ Кровавыхъ ассизовъ. Поэтому, ему нужны были не общія фразы о добромъ расположеніи къ нему, а положительныя приглашенія и обѣщанія помощи, подписанныя могущественными и знатными людьми. Россель замѣтилъ, что довѣрять тайну замысла значительному числу лицъ было бы опасно. Вильгельмъ согласился и сказалъ, что достаточно было бы подписей нѣсколькихъ государственныхъ людей, представителей большихъ партій. ([b])

Съ этимъ отвѣтомъ Россель возвратился въ Лондонъ, гдѣ между тѣмъ волненіе значительно усилилось и ежедневно продолжало усиливаться. Заключеніе епископовъ въ тюрьму и разрѣшеніе королевы отъ бремени какъ нельзя болѣе облегчили ему исполненіе задачи. Онъ немедленно приступилъ къ собиранію голосовъ предводителей оппозиціи. Главнымъ его помощникомъ въ этомъ дѣлѣ былъ Генри Сидни, братъ Альджернона. Замѣчательно, что Эдвардъ Россель и Генри Сидни оба были придворными Іакова, оба, частію по политическимъ, частію по личнымъ причинамъ, сдѣлались его врагами и оба готовились отмстить ему за кровь близкихъ своихъ родственниковъ, которые

([a]) «Aut nunc, aut nunquam.» Рукопись Витсена. См. Вагенааръ, кн. IX.

([b]) Burnet, I. 763.

въ одномъ и томъ же году пали жертвами его неумолимой строгости. Здѣсь сходство оканчивается. Россель, одаренный замѣчательными способностями, былъ гордъ, язвителенъ, безпокоенъ и рьянъ. Сидни, отличавшійся кроткимъ нравомъ и плѣнительными манерами, казалось, былъ лишенъ всякихъ талантовъ и знаній и повидимому совершенно погрязъ въ сластолюбіи и нѣгѣ. Онъ былъ необыкновенно красивъ и статенъ. Въ молодости онъ былъ грозою мужей и даже теперь, почти пятидесяти лѣтъ отъ роду, былъ любимцемъ женщинъ и предметомъ зависти молодежи. Онъ жилъ прежде въ Гагѣ въ качествѣ дипломатическаго агента и успѣлъ тогда войти въ довѣріе у Вильгельма. Многіе дивились этому: казалось бы, между серьёзнѣйшимъ изъ государственныхъ людей и распутнѣйшимъ изъ празднолюбцевъ не могло быть ничего общаго. Свифтъ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, никакъ не могъ убѣдиться, чтобы человѣкъ, который былъ извѣстенъ ему какъ невѣжественный и легкомысленный старый развратникъ, могъ дѣйствительно играть великую роль въ великой революціи; а между тѣмъ менѣе проницательный наблюдатель, чѣмъ Свифтъ, могъ бы знать, что существуетъ извѣстный тактъ, нѣчто въ родѣ инстинкта, рѣдко находимый у великихъ ораторовъ и философовъ, но часто встрѣчающійся у лицъ, которыя, еслибы о нихъ судить по ихъ разговорамъ или сочиненіямъ, были бы признаны дурнями. Когда человѣкъ обладаетъ этимъ тактомъ, для него въ нѣкоторомъ смыслѣ выгодно отсутствіе тѣхъ болѣе казистыхъ талантовъ, которые бы сдѣлали его предметомъ удивленія, зависти или боязни. Сидни былъ замѣчательнымъ примѣромъ этой истины. Бездарный, невѣжественный и распутный, онъ тѣмъ не менѣе понималъ, или скорѣе чувствовалъ, съ кѣмъ нужно было держаться осторожно, и съ кѣмъ можно было безопасно пускаться въ откровенность. Вслѣдствіе этого, онъ сдѣлалъ то, чего никогда не могли бы сдѣлать ни Мордонтъ, со всею его живостью и находчивостью, ни Борнетъ, со всѣмъ его многостороннимъ образованіемъ и плавнымъ краснорѣчіемъ. (a)

(a) Sidney's «*Diary and Correspondence*», edited by Mr. Blencowe; Mackay's «*Memoirs*» with Swift's note; Burnet, I. 763.

Со старыми вигами не могло быть никакихъ затрудненій. По ихъ мнѣнію, въ теченіе послѣдняго времени не было почти ни одного момента, когда народныя страданія не оправдали бы сопротивленія. Девонширъ, котораго можно было считать главою этихъ виговъ, желалъ отмстить королю не только за народъ вообще, но и за себя лично. Онъ отъ всего сердца принялъ участіе въ заговорѣ и поручился за свою партію. (a) Девонширъ.

Россель открылъ замыселъ Шрусбёри. Сидни попытался привлечь Галифакса. Шрусбёри присталъ къ заговорщикамъ съ такимъ мужествомъ и съ такою рѣшимостью, какихъ впослѣдствіи уже не доставало его характеру. Онъ сразу согласился поставить на карту достояніе, почести и самую жизнь свою. Но Галифаксъ такъ встрѣтилъ первый намекъ на проектъ, что оказалось безполезнымъ и, пожалуй, даже опаснымъ объясняться болѣе точнымъ образомъ. Дѣйствительно, онъ не годился для такого предпріятія. Умъ у него былъ неистощимо плодовитъ по части діалектическихъ тонкостей, нравъ — тихъ и непредпріимчивъ. Онъ былъ готовъ всѣми силами противодѣйствовать двору въ палатѣ лордовъ или посредствомъ анонимныхъ сочиненій, но не былъ расположенъ промѣнять свой вельможескій покой на невѣрную и тревожную жизнь заговорщика, отдаться въ руки своихъ сообщниковъ, постоянно страшиться ареста и даже, быть можетъ, кончить жизнь на эшафотѣ, или же питаться подаяніями въ какомъ-нибудь закоулкѣ Гаги. Поэтому онъ проронилъ нѣсколько словечекъ, которыя ясно показали, что онъ не желалъ быть посвященнымъ въ намѣренія своихъ отважныхъ и пылкихъ друзей. Сидни понялъ его и не сказалъ болѣе ни слова. (b) Шрусбёри. Галифаксъ.

Послѣ того заговорщики обратились къ Данби. Съ нимъ переговоры были гораздо успѣшнѣе. Опасность и волненіе, невыносимыя для болѣе нѣжной натуры Галифакса, имѣли для смѣлаго и дѣятельнаго духа Данби обаятельную прелесть. Различіе ха- Данби.

(a) Burnet, I. 764.; шифрованное письмо къ Вильгельму, отъ 18 іюня 1688, у Дальримпля.

(b) Burnet, I. 764.; шифрованное письмо къ Вильгельму, отъ 18 іюня 1688.

рактеровъ этихъ двухъ государственныхъ людей сказывалось въ ихъ физіономіяхъ. Лобъ, глаза и ротъ Галифакса свидѣтельствовали о могучемъ умѣ и необыкновенномъ юморѣ; но выраженіе его лица было выраженіемъ скептика, сластолюбца, человѣка, неспособнаго поставить все свое состояніе на карту, или сдѣлаться мученикомъ за какое бы то ни было дѣло. Для тѣхъ, кто знакомъ съ его наружностью, не покажется удивительнымъ, что любимымъ его писателемъ былъ Монтань. (*) Данби былъ настоящій скелетъ; его худощавое и морщинистое, хотя красивое и благородное, лицо рѣзко выражало бойкость его дарованій и неугомонность его честолюбія. Онъ уже возвысился однажды изъ неизвѣстности до апогея власти и потомъ палъ стремглавъ съ высоты могущества. Его жизнь была въ опасности. Онъ провелъ цѣлые годы въ тюрьмѣ. Теперь онъ былъ свободенъ; но это не удовлетворяло его: онъ желалъ снова достигнуть величія. Приверженецъ Англиканской церкви, врагъ французскаго преобладанія, онъ не могъ надѣяться достигнуть величія при дворѣ, кишѣвшемъ іезуитами и раболѣпствовавшемъ передъ домомъ Бурбоновъ. Но прими онъ дѣятельное участіе въ революціи, которая разстроила бы всѣ планы папистовъ, положила бы конецъ долговременному вассальству Англіи и передала бы верховную власть знаменитой четѣ, имъ соединенной, въ такомъ случаѣ онъ могъ бы съ новымъ блескомъ возвыситься изъ временнаго униженія. Виги, непріязнь которыхъ, за девять лѣтъ передъ тѣмъ, удалила его отъ должности, обрадовались бы его счастливому возвращенію къ власти и присоединили бы свои радостные клики къ радостнымъ кликамъ старыхъ его друзей-кавалеровъ. Между нимъ и графомъ Девонширомъ, однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ его противниковъ, нѣкогда бывшихъ главными виновниками обвиненія его, уже послѣдовало полное примиреніе. Оба нобльмена встрѣтились

(*) Относительно Монтаня см. письмо Галифакса къ Коттону. Мнѣ кажется, что бюстъ Галифакса въ Вестминстерскомъ аббатствѣ даетъ болѣе живое понятіе о немъ, чѣмъ всѣ портреты и гравюры, которые я видѣлъ.

въ одной изъ деревень Пика и обмѣнялись увѣреніями во взаимномъ доброжелательствѣ. Девонширъ откровенно сознался, что виги провинились въ большой несправедливости, и объявилъ, что они теперь убѣдились въ своей ошибкѣ. Данби, съ своей стороны, счелъ нужнымъ тоже кое въ чемъ покаяться. Онъ нѣкогда поддерживалъ, или показывалъ видъ, что поддерживалъ, ученіе о страдательномъ повиновеніи въ самомъ обширномъ смыслѣ. При его управленіи и съ его одобренія предложенъ былъ проектъ закона, который, еслибы прошелъ, исключилъ бы изъ парламента и службы всѣхъ, кто отказался бы признать подъ присягою, что сопротивленіе во всѣхъ случаяхъ незаконно. Но теперь, вполнѣ отрезвленный опасеніемъ за общественные и собственные свои интересы, Данби уже не могъ болѣе ослѣпляться, если только онъ когда-нибудь ослѣплялся, такими ребяческими софизмами. Онъ сразу изъявилъ согласіе присоединиться къ заговору. Затѣмъ онъ постарался пріобрѣсти содѣйствіе отрѣшеннаго отъ должности лондонскаго епископа Комтона и успѣлъ въ этомъ безъ всякаго затрудненія. Никто изъ прелатовъ не подвергался такому наглому и несправедливому преслѣдованію со стороны правительства и никто изъ нихъ не могъ такъ много ожидать отъ революціи, какъ Комтонъ, который руководилъ воспитаніемъ принцессы Оранской и, какъ полагали, пользовался значительною долею ея довѣрія. Онъ, подобно своей братіи, пока самъ не былъ угнетенъ, упорно твердилъ, что сопротивляться угнетенію преступно; но съ тѣхъ поръ, какъ побывалъ онъ въ качествѣ подсудимаго въ Верховной коммиссіи, новый свѣтъ озарилъ его умъ. (a) Епископъ Комтонъ.

И Данби и Комтонъ, оба желали привлечь на свою сторону Ноттингама. Они открыли ему весь планъ, и онъ одобрилъ его; но черезъ нѣсколько дней онъ началъ безпокоиться. Умъ его былъ недостаточно силенъ, чтобы освободиться отъ предразсудковъ воспитанія. Ноттингамъ обращался отъ одного богослова къ другому, предполагая въ общихъ выраженіяхъ гипотетическіе случаи Ноттингамъ.

(a) См. предисловіе Данби къ бумагамъ, изданнымъ имъ въ 1710 году. Burnet, I. 764.

тираніи и спрашивая, законно ли было бы сопротивленіе въ подобныхъ случаяхъ. Отвѣты, которые получалъ онъ, еще болѣе усиливали его тревогу. Наконецъ онъ объявилъ своимъ сообщникамъ, что не можетъ далѣе идти съ ними. Если они считали его способнымъ измѣнить имъ, то, говорилъ онъ, они могли заколоть его, и онъ почти не порицалъ бы ихъ: отступая назадъ послѣ того, какъ зашелъ такъ далеко впередъ, онъ давалъ имъ нѣкотораго рода право надъ его жизнью. Впрочемъ, увѣрялъ онъ ихъ, имъ нечего было опасаться чего-нибудь съ его стороны: онъ сохранитъ ихъ тайну; онъ не можетъ не желать имъ успѣха; но совѣсть не позволяетъ ему принять дѣятельнаго участія въ бунтѣ. Они выслушали его признаніе съ недовѣрчивостью и презрѣніемъ. Сидни, понятія котораго о тревогахъ совѣсти были крайне смутны, увѣдомилъ принца, что Ноттингамъ струсилъ. Долгъ справедливости къ Ноттингаму заставляетъ, однако, сказать, что общій строй его жизни даетъ намъ право думать, что поведеніе его въ этомъ случаѣ было совершенно честно, хотя въ высшей степени неблагоразумно и нерѣшительно. (a)

Іюля

Гораздо болѣе успѣха имѣли агенты принца у лорда Ломли, который зналъ, что, не смотря на важныя услуги, оказанныя имъ во время Западнаго возстанія, его ненавидѣли въ Вайтголлѣ, не только какъ еретика, но и какъ ренегата. Поэтому онъ ревностнѣе многихъ природныхъ протестантовъ желалъ взяться за оружіе въ защиту протестантизма. (b)

Приглашеніе, отправленное къ Вильгельму

Въ теченіе іюня между лицами, посвященными въ тайну заговора, происходили частыя совѣщанія. Наконецъ, въ послѣдній день этого мѣсяца, въ тотъ самый день, когда епископы были признаны невинными, сдѣланъ былъ рѣшительный шагъ. Формальное приглашеніе, перебѣленное рукою Сидни, но написанное кѣмъ-нибудь поопытнѣе Сидни въ письменномъ искусствѣ, было отправлено въ Гагу. Въ этой бумагѣ заговорщики

(a) Burnet, I. 764.; Сидни къ принцу Оранскому, 30 іюня 1688, у Дальримпля.

(b) Burnet, I. 763.; Ломли къ Вильгельму, 31 мая 1688, у Дальримпля.

Digitized by Google

увѣряли Вильгельма, что 19/20 англійскаго народа желали перемѣны правительства и охотно соединились бы для произведенія ея, еслибы только могли получить извнѣ помощь такой арміи, которая бы обезпечила инсургентовъ отъ опасности быть разсѣянными и перерѣзанными, прежде чѣмъ они успѣли бы образовать изъ себя нѣчто подобное военному строю. Еслибы его высочество появился на островѣ во главѣ нѣсколькихъ отрядовъ, десятки тысячъ англичанъ поспѣшили бы подъ его знамена. Онъ скоро очутился бы во главѣ войска, значительно превосходящаго всю регулярную армію Англіи. Притомъ же на эту армію правительство не могло безусловно разсчитывать. Офицеры были недовольны; а солдаты, обще съ классомъ, изъ котораго они были взяты, питали отвращеніе къ папизму. Во флотѣ протестантское чувство было еще сильнѣе. Необходимо было принять какую-нибудь рѣшительную мѣру, пока дѣла находились въ такомъ положеніи. Предпріятіе было бы гораздо труднѣе, еслибы было отложено до тѣхъ поръ, пока король, преобразовавши бурги и полки, не составилъ бы себѣ такого парламента и такой арміи, на которые могъ бы положиться. Поэтому, заговорщики умоляли принца прибыть къ нимъ какъ можно скорѣе. Они ручались честью, что присоединятся къ нему, и обязывались пріобрѣсти содѣйствіе такого числа лицъ, какому только можно было ввѣрить столь важную и опасную тайну. Вмѣстѣ съ тѣмъ они считали долгомъ сдѣлать одно замѣчаніе его высочеству. Онъ не воспользовался мнѣніемъ большинства англійскаго народа относительно рожденія претендента. Напротивъ, онъ послалъ поздравленіе въ Вайтголль и такимъ образомъ какъ бы призналъ, что ребенокъ, котораго называли принцемъ Валлійскимъ, былъ законнымъ наслѣдникомъ престола. Эта важная ошибка охладила рвеніе многихъ сторонниковъ его высочества. Изъ тысячи человѣкъ почти ни одинъ не сомнѣвался въ томъ, что ребенокъ былъ подложный; и принцъ повредилъ бы собственнымъ своимъ интересамъ, еслибы подозрительныя обстоятельства, сопровождавшія роды королевы, не были выставлены на первый планъ между причинами, побудившими его взяться за оружіе. (*)

(*) См. приглашеніе in extenso у Дальримпля.

Эта бумага была подписана шифрованными именами семи главныхъ заговорщиковъ: Шрусвёри, Девоншира, Данби, Ломли, Комтона, Росселя и Сидни. Гербертъ взялся доставить ее по назначенію. Задача его была необыкновенно опасна. Онъ нарядился простымъ матросомъ и, переодѣтый такимъ образомъ, благополучно достигъ голландскаго берега въ первую пятницу послѣ процесса епископовъ. Онъ тотчасъ же поспѣшилъ къ принцу. Вильгельмъ призвалъ Бентинка и Диквельта и провелъ съ ними нѣсколько дней въ совѣщаніяхъ. Первымъ результатомъ этихъ совѣщаній было то, что молитва за принца Валлійскаго уже не читалась болѣе въ принцессиной капеллѣ. (a)

Поведеніе Маріи.

Со стороны жены Вильгельму нечего было опасаться противодѣйствія. Своимъ умомъ онъ совершенно поработилъ ея умъ и что еще удивительнѣе, въ то же время вполнѣ пріобрѣлъ ея привязанность. Онъ замѣнялъ ей родителей, съ которыми она была разлучена смертью и размолвкою, дѣтей, въ которыхъ Небо отказало ея молитвамъ, и родину, изъ которой она была удалена на чужбину. Одинъ лишь Богъ раздѣлялъ съ нимъ власть надъ ея сердцемъ. Къ отцу своему она, по всей вѣроятности, никогда не была привязана: она разсталась съ нимъ въ молодыхъ лѣтахъ; съ тѣхъ поръ, какъ она видѣла его, прошли цѣлые годы; и, со времени ея замужества, ничто въ его поведеніи не показывало ни нѣжности къ ней, ни желанія вызвать нѣжность съ ея стороны. Онъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобы нарушить ея семейное счастье, и устроилъ подъ ея кровлею цѣлую систему шпіонства, подслушиванія и доносовъ. Онъ получалъ гораздо больше доходовъ, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ, и постоянно выдавалъ младшей ея сестрѣ 40,000 фунтовъ въ годъ; (b) вѣроятная же наслѣдница его престола никогда не получала отъ него ни малѣйшаго денежнаго пособія и съ трудомъ поддерживала тотъ царственный блескъ, который подобалъ ея высокому сану между европейскими государынями. Она дерзнула однаж-

(a) Письмо Сидни къ Вильгельму, 30 іюня 1688; Avaux, $^{10}/_{20}$ и $^{13}/_{23}$ іюля.

(b) Bonrepaux, $^{18}/_{28}$ іюля 1687.

ды ходатайствовать передъ нимъ о своемъ старомъ другѣ и наставникѣ, Комтонѣ, который, за отказъ совершить вопіющую несправедливость, былъ отрѣшенъ отъ епископской должности; но ходатайство ея было грубо отвергнуто. (*) Съ того дня, какъ уяснилось, что она и ея мужъ рѣшились не принимать никакого участія въ низверженіи англійской конституціи, одною изъ главныхъ цѣлей политики Іакова было оскорблять ихъ обоихъ. Онъ отозвалъ британскіе полки изъ Голландіи. Онъ умышлялъ съ Тирконнелемъ и съ Франціею противъ правъ Маріи и готовился лишить ее по крайней мѣрѣ одной изъ трехъ коронъ, которыя она должна была наслѣдовать послѣ его смерти. Масса его народа и многія весьма умныя лица изъ высшаго круга полагали, что онъ ввелъ въ королевскую фамилію подложнаго принца Валлійскаго, съ цѣлью лишить свою дочь великолѣпнаго наслѣдія; и нѣтъ никакого основанія думать, чтобы Марія не раздѣляла господствовавшаго подозрѣнія. Она не могла любить такого отца. Правда, ея религіозные принципы были такъ строги, что она, по всей вѣроятности, пыталась бы исполнить то, что считала своимъ долгомъ, даже въ отношеніи къ отцу, котораго не любила. Но въ настоящемъ случаѣ она полагала, что право Іакова на ея повиновеніе должно было уступить другому болѣе священному праву. И дѣйствительно, всѣ богословы и публицисты согласны въ томъ, что дочь государя, находящаяся въ замужествѣ за другимъ государемъ, обязана забыть свой народъ и отчій домъ и, въ случаѣ разрыва между ея мужемъ и родителями, держать сторону своего мужа. Это правило остается непреложнымъ даже и тогда, когда мужъ неправъ; а для Маріи предпріятіе, которое замышлялъ Вильгельмъ, было не только справедливымъ, но и святымъ.

Трудности Вильгельмова предпріятія.

Однако, хотя она и тщательно старалась не дѣлать и не говорить ничего такого, что могло бы увеличить его затрудненія, затрудненія эти были очень серьёзны. Ихъ невполнѣ понимали даже нѣкоторые изъ тѣхъ, кто приглашалъ его въ Англію, и невполнѣ излагали нѣкоторые изъ тѣхъ, кто писалъ исторію его экспедиціи.

(*) Вікон'ъ «*Extracts*», въ Британскомъ музеѣ.

Хотя препятствія, которыя могли представиться ему на англійской землѣ, были наименѣе страшными изъ препятствій, противодѣйствовавшихъ его замыслу, тѣмъ не менѣе они были серьёзны. Онъ понималъ, что послѣдовать примѣру Монмута, переправиться за море съ горстью британскихъ авантюристовъ и положиться на общее возстаніе народонаселенія было бы съ его стороны безуміемъ. Необходимо было, и всѣ приглашавшіе его въ Англію признавали необходимымъ, чтобы онъ привезъ съ собою армію. Но кто могъ сказать, какое впечатлѣніе произвело бы появленіе такой арміи? Правительство, конечно, возбуждало справедливую ненависть. Но кто могъ поручиться, что англійскій народъ, совершенно не привыкшій ко вмѣшательству континентальныхъ державъ въ англійскія усобицы, будетъ благосклонно смотрѣть на освободителя, окруженнаго иностранными солдатами? Еслибы какая-нибудь часть королевскихъ войскъ оказала рѣшительное сопротивленіе иноплеменникамъ, не привлекла ли бы она на свою сторону патріотическаго сочувствія милліоновъ англичанъ? Одно какое-нибудь пораженіе было бы роковымъ для всего предпріятія. Одна какая-нибудь кровопролитная побѣда, одержанная внутри острова наемниками генеральныхъ штатовъ надъ королевскими гвардейцами, была бы почти столь же великимъ бѣдствіемъ, какъ и пораженіе. Такая побѣда была бы жесточайшею изъ ранъ, когда-либо нанесенныхъ національной гордости одной изъ самыхъ гордыхъ націй. Корона, пріобрѣтенная такимъ способомъ, никогда не была бы мирнымъ и прочнымъ достояніемъ. Ненависть, съ какою народъ относился къ Верховной коммиссіи и іезуитамъ, уступила бы мѣсто болѣе сильной ненависти, какую внушали бы иноземные завоеватели; и многіе изъ тѣхъ, которые до сихъ поръ взирали на французскую державу со страхомъ и омерзѣніемъ, сказали бы, что если ужъ нужно было подвергаться иностранному игу, то подчиняться Франціи было менѣе постыдно, чѣмъ подчиняться Голландіи.

Эти соображенія легко могли бы безпокоить Вильгельма, еслибы даже всѣ военныя средства Соединенныхъ провинцій находились въ его безусловномъ распоряженіи. Въ дѣйствительности же оказывалось весьма сомнительнымъ, чтобы онъ могъ по-

лучить въ помощь хоть одинъ батальонъ. Изо всѣхъ затрудненій, съ которыми онъ долженъ былъ бороться, величайшее, хотя и мало замѣченное англійскими историками, коренилось въ организаціи Батавской республики. Никакое другое государство не существовало такъ долго при такомъ неудобномъ политическомъ устройствѣ. Генеральные штаты не могли ни вести войны, ни заключать мира или союза, ни взимать податей, безъ согласія штатовъ каждой провинціи. Провинціальные штаты не могли давать такого согласія безъ согласія каждаго муниципалитета, участвовавшаго въ представительной системѣ. Каждый муниципалитетъ былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ самодержавнымъ государствомъ и, въ качествѣ такого государства, имѣлъ право прямо сноситься съ иностранными послами и условливаться съ ними въ средствахъ разстроивать планы, задуманные прочими муниципалитетами. Въ нѣкоторыхъ городскихъ совѣтахъ, партія, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній завистливо взиравшая на вліяніе штатгальтеровъ, имѣла большую силу. Во главѣ этой партіи были сановники прекраснаго города Амстердама, который тогда находился въ апогеѣ благоденствія. Со времени Нимвегенскаго мира, они постоянно поддерживали дружественныя сношенія съ Людовикомъ чрезъ посредство его искуснаго и дѣятельнаго посланника, графа д'Аво. Предложенія, дѣлавшіяся штатгальтеромъ въ интересѣ безопасности республики, одобренныя всѣми провинціями, кромѣ Голландіи, и притомъ одобренныя семнадцатью изъ восемнадцати городскихъ совѣтовъ Голландіи, неоднократно отвергались голосомъ одного Амстердама. Единственное законное средство въ такихъ случаяхъ состояло въ томъ, что депутаты городовъ, которые соглашались на какую-нибудь мѣру, отправлялись въ городъ, который не соглашался, съ цѣлью увѣщать его. Число депутатовъ было неограничено; они могли продолжать свои увѣщанія до тѣхъ поръ, пока находили то нужнымъ; а между тѣмъ всѣ ихъ издержки уплачивались упрямою общиною, отказывавшеюся уступить ихъ доводамъ. Этотъ нелѣпый способъ принужденія однажды съ успѣхомъ былъ испытанъ на маленькомъ городкѣ Горкумѣ; но нечего было и думать, чтобы онъ могъ подѣйствовать на могущественный и богатый

Амстердамъ, который славился въ цѣломъ мірѣ своею гаванью, покрытою необозримымъ лѣсомъ мачтъ, своими каналами, обрамленными великолѣпными дворцами, своею роскошною парадною залою, сверху до низу обшитою полированнымъ мраморомъ, своими кладовыми, наполненными драгоцѣннѣйшими произведеніями Цейлона и Суринама, и своею биржею, оглашавшеюся нескончаемымъ гуломъ всѣхъ языковъ образованнаго міра. (a)

Распря между большинствомъ, которое поддерживало штатгальтера, и меньшинствомъ, во главѣ котораго стояли амстердамскіе сановники, неоднократно доходила до того, что кровопролитіе казалось неизбѣжнымъ. Однажды принцъ попытался наказать непокорныхъ депутатовъ какъ измѣнниковъ. Въ другой разъ противная сторона заперла передъ нимъ ворота Амстердама и приготовилась вооруженною рукою защищать привилегіи муниципальнаго совѣта. Нечего было и думать, чтобы правители этого великаго города согласились на экспедицію, въ высшей степени оскорбительную для Людовика, за которымъ они ухаживали, и способную увеличить могущество Оранскаго дома, который они ненавидѣли. А между тѣмъ безъ ихъ согласія такая экспедиція не могла быть законно предпринята. При другихъ обстоятельствахъ, рѣшительный и отважный штатгальтеръ не задумался бы подавить ихъ оппозицію открытою силою. Но теперь онъ долженъ былъ тщательно избѣгать всего, что имѣло видъ насилія. Онъ не могъ рѣшиться нарушить основные законы Голландіи въ тотъ самый моментъ, когда обнажалъ мечъ противъ своего тестя за нарушеніе основныхъ законовъ Англіи. Насильственное ниспроверженіе одной свободной конституціи было бы странною прелюдіею къ насильственному возстановленію другой. (b)

Было еще и другое затрудненіе, на которое англійскіе писатели обращали слишкомъ мало вниманія, но которое Вильгельмъ

(a) Avaux, $\frac{29\ \text{окт.}}{8\ \text{нояб.}}$ 1683.

(b) Касательно взаимныхъ отношеній штатгальтера и города Амстердама см. Avaux, *passim*.

ни на минуту не упускалъ изъ виду. Въ задуманной имъ экспедиціи онъ могъ успѣть не иначе, какъ обратившись къ протестантскому чувству Англіи и возбудивши это чувство до такой степени, чтобы оно на нѣкоторое время сдѣлалось господствующимъ и почти исключительнымъ настроеніемъ націи. Задача, эта, разумѣется, была бы очень проста, еслибы единственною цѣлью его политики было произвести революцію и воцариться на нашемъ островѣ. Но онъ имѣлъ въ виду еще и другую цѣль, достигнуть которой можно было только при помощи государей, искренно приверженныхъ къ Римской церкви. Онъ желалъ, чтобы Нѣмецкая имперія, католическій король и папа вступили въ союзъ съ Англіею и Голландіею противъ французскаго преобладанія. Поэтому, совершая величайшее изъ дѣлъ, когда-либо совершенныхъ въ защиту протестантизма, онъ долженъ былъ ухитриться не потерять сочувствія правительствъ, которыя смотрѣли на протестантизмъ какъ на пагубную ересь.

Таковы были многосложныя затрудненія этого великаго предпріятія. Континентальные политики видѣли только одну, британскіе политики — только другую часть этихъ затрудненій. Одинъ лишь обширный и могучій умъ Вильгельма сразу постигъ всю ихъ совокупность и рѣшился преодолѣть ихъ всѣ до единаго. Не легко было низвергнуть англійское правительство посредствомъ иностранной арміи, не оскорбивши національной гордости англичанъ. Не легко было вынудить у той батавской факціи, которая относилась къ Франціи съ пристрастіемъ, а къ Оранскому дому съ отвращеніемъ, рѣшеніе въ пользу экспедиціи, долженствовавшей разстроить всѣ планы Франціи и возвести Оранскій домъ на высоту величія. Не легко было повести восторженныхъ протестантовъ въ крестовый походъ противъ папизма и въ то же время сохранить доброе расположеніе почти всѣхъ папистскихъ правительствъ и даже самого папы. А между тѣмъ все это Вильгельмъ совершилъ. Всѣхъ своихъ цѣлей, даже и тѣхъ, которыя казались наиболѣе несовмѣстными, достигъ онъ вполнѣ и разомъ. Ни древняя, ни новая исторія не представляетъ другаго примѣра такого торжества политической мудрости.

Задача эта была бы, впрочемъ, не подъ силу даже и такому

государственному человѣку, какъ принцъ Оранскій, еслибы главныхъ противниковъ его не постигло въ это время странное ослѣпленіе, которое многими людьми, ни мало не склонными къ суевѣрію, приписывалось особенной карѣ Божіей. Мало того, что англійскій король былъ, какъ всегда, безтолковъ и упрямъ: даже благоразуміе хитраго французскаго короля превратилось въ безразсудство. Все, что могли сдѣлать мудрость и энергія, Вильгельмъ сдѣлалъ. Тѣ же препятствія, преодолѣть которыя не могли бы ни мудрость, ни энергія, были тщательно устранены самими его врагами.

Попеченіе Іакова послѣ процесса епископовъ.

Въ тотъ великій день, когда были оправданы, епископы, и когда въ Гагу отправлено было приглашеніе, Іаковъ вернулся изъ Гаунсло въ Вестминстеръ въ мрачномъ и взволнованномъ расположеніи духа. Вечеромъ онъ попытался было прикинуться веселымъ; (a) но потѣшные огни, ракеты и въ особенности восковыя куклы папы, горѣвшія во всѣхъ частяхъ Лондона, не дали ему успокоиться. Всякій, кто видѣлъ его на другой день, легко могъ замѣтить на его лицѣ и въ его обхожденіи слѣды сильныхъ ощущеній, которыя волновали его душу. (b) Въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ обнаруживалъ такое нежеланіе говорить о процессѣ, что даже Барильонъ не осмѣливался касаться этого предмета. (c)

Вскорѣ оказалось, что пораженіе и оскорбленіе только ожесточили короля. Первыя слова, какія произнесъ онъ, когда узналъ, что предметы его мести ускользнули отъ него, были: «Тѣмъ хуже для нихъ.» Черезъ нѣсколько дней, слова эти, которыя онъ, по своему обыкновенію, не разъ повторялъ, объяснились вполнѣ. Онъ порицалъ себя не за то, что преслѣдовалъ епископовъ, а за то, что преслѣдовалъ ихъ передъ судилищемъ, гдѣ вопросы о фактѣ рѣшались присяжными, и гдѣ установленныя правила судопроизводства не могли быть совершенно нарушаемы даже самыми раболѣпными судьями. Ошибку эту онъ рѣшился исправить такъ, чтобы не только семеро прелатовъ, под-

(a) Adda, $^{8}/_{18}$ іюля 1688.
(b) Reresby's «*Memoirs*.»
(c) Barillon, $^{7}/_{17}$ іюля 1688.

писавшихъ просьбу, но и всѣ англійскіе священнослужители проклялн тотъ день, въ который они восторжествовали надъ своимъ государемъ. Недѣли черезъ двѣ послѣ процесса, изданъ былъ указъ, обязывавшій всѣхъ епархіяльныхъ канцлеровъ и всѣхъ архидіаконовъ произвести во ввѣренныхъ имъ округахъ строгое слѣдствіе и черезъ пять недѣль представить Верховной коммиссіи имена всѣхъ ректоровъ, викаріевъ и адъюнктовъ, отказавшихся прочитать декларацію. (a) Король заранѣе наслаждался ужасомъ, съ какимъ ослушники должны были узнать, что имъ предстояла явка къ суду, который не далъ бы имъ никакой пощады. (b) Число виновныхъ по меньшей мѣрѣ простиралось до 10,000 человѣкъ; и, судя по тому, что произошло въ Магдалининской коллегіи, каждый изъ нихъ легко могъ ожидать, что судьи воспретятъ ему совершеніе всякихъ духовныхъ требъ, изгонятъ его изъ бенефиціи съ тѣмъ, чтобы и впредь не опредѣлять ни къ какимъ церковнымъ должностямъ, и приговорятъ его къ уплатѣ издержекъ процесса, который доведетъ его до нищеты.

Отставки и новшества.

Таково было преслѣдованіе, которымъ Іаковъ, раздраженный позорною своею неудачею въ Вестминстерской залѣ, рѣшился покарать духовенство. Въ то же время, быстрымъ и щедрымъ распредѣленіемъ наградъ и наказаній, онъ попытался показать юристамъ, что ревностное и безстыдное, хотя бы даже и неуспѣшное, раболѣпіе было вѣрнымъ средствомъ достичь его благоволенія, и что всякій, кто, послѣ многихъ лѣтъ холопства, осмѣливался на минуту забыться до мужества и честности, былъ виновенъ въ непростительномъ преступленіи. Рьяность и наглость, выказанныя отступникомъ Виллiамзомъ въ процессѣ епископовъ, возбудили общее негодованіе. (c) Онъ былъ награж-

(a) «*London Gazette*», July 16. 1688. Указъ подписанъ 12 іюля.

(b) Подлинныя слова Барильона, $^{6}/_{16}$ іюля 1688.

(c) Въ одной изъ многочисленныхъ пѣсенъ того времени находятся слѣдующіе стихи:

«Both our Britons are fooled,
Who the laws overruled,
And next parliament each will be plaguily schooled.»

То есть:

жденъ титуломъ баронета. Голловей и Повелль, объявившіе, что, по ихъ мнѣнію, просьба не была пасквилемъ, заслужили общее одобреніе. Они были отставлены отъ должностей. (a) Участь Райта, кажется, висѣла нѣкоторое время на волоскѣ. Правда, онъ произнесъ заключительную рѣчь противъ епископовъ; но онъ позволилъ ихъ адвокатамъ оспаривать законность разрѣшительной власти. Онъ призналъ просьбу пасквилемъ; но онъ тщательно остерегся признать декларацію законною и въ теченіе всего процесса велъ себя какъ человѣкъ, который помнилъ, что могъ наступить день отчета. Во всякомъ случаѣ онъ заслуживалъ снисхожденія, ибо трудно было ожидать, чтобы какое бы то ни было человѣческое безстыдство могло неослабно выдержать такую роль въ присутствіи такихъ адвокатовъ и такой публики. Однако члены іезуитской факціи порицали его малодушіе, канцлеръ назвалъ его скотиною, и всѣ вообще полагали, что на его мѣсто будетъ назначенъ новый главный судья. (b) Никакой перемѣны, однако, не послѣдовало. Замѣстить Райта было нелегко. Многіе юристы, далеко превосходившіе его талантами и ученостью, почти всѣ безъ исключенія были враждебны намѣреніямъ правительства; а тѣ весьма немногіе юристы, которые превосходили его подлостью и наглостью, почти всѣ безъ исключенія принадлежали къ низшимъ разрядамъ адвокатскаго сословія и неспособны были управлять даже обыкновенными дѣлами суда королевской скамьи. Вилліамзъ, правда, соединялъ въ себѣ всѣ качества, какихъ Іаковъ требовалъ отъ судьи. Но услуги Вилліамза необходимы были въ средѣ коронныхъ юристовъ: если-бы его назначили судьею, у короны не осталось бы ни одного дѣльнаго юрисконсульта даже изъ числа третьестепенныхъ адвокатовъ.

Ничто такъ не изумило и не оскорбило короля, какъ эпи-

Оба наши британца попали въ просакъ,
Тѣ самые, что нарушали законы.
Будущій парламентъ жестоко проучитъ ихъ.

Двое британцевъ — Джеффризъ и Вилліамзъ. Оба они были уроженцами Валлиса.

(a) «*London Gazette*», July 9. 1688.

(b) Ellis «*Correspondence*», July 10. 1688; Clarendon's «*Diary*», Aug. 3. 1688.

зіазмъ, выказанный диссидентами въ дѣлѣ епископовъ. Пенъ, который, хотя и пожертвовалъ требованіямъ совѣсти богатствомъ и почестями, однако повидимому воображалъ, что, за исключеніемъ его, совѣсти ни у кого не было, приписалъ недовольство пуританъ зависти и неудовлетворенному честолюбію. Они, говорилъ онъ, не получили никакихъ благъ, обѣщанныхъ декларацією объ индульгенціи; никто изъ нихъ не былъ допущенъ къ важнымъ и почетнымъ должностямъ; а потому и неудивительно, что они завидовали католикамъ. Вслѣдствіе этого, черезъ недѣлю послѣ знаменитаго приговора въ Вестминстерской залѣ, Сайласъ Титусъ, извѣстный пресвитеріанинъ, ярый эксклюзіонистъ и одинъ изъ главныхъ обвинителей Стаффорда, получилъ приглашеніе занять мѣсто въ тайномъ совѣтѣ. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, на кого оппозиція тверже всего разсчитывала. Но предложенная ему почесть и надежда получить значительную сумму денегъ, которую ему должна была корона, преодолѣли его добродѣтель, и онъ, къ великому омерзѣнію для всѣхъ протестантовъ, принялъ присягу на должность члена государственнаго совѣта. (*)

Мстительные умыслы короля противъ церкви не осуществились. Почти всѣ архидіаконы и епархіяльные канцлеры отказались доставить требуемыя свѣдѣнія. День, въ который предположено было потребовать всѣхъ священниковъ къ отвѣту за ослушаніе, наступилъ. Верховная коммиссія собралась. Оказалось, что почти никто изъ церковныхъ администраторовъ не прислалъ донесеній. Въ то же самое время коммиссія получила весьма важную бумагу. Это было письмо отъ рочестерскаго епископа Спрата. Поддерживаемый надеждою на архіепископское мѣсто, онъ два года безропотно переносилъ упреки въ гоненіи той церкви, которую совѣсть и честь обязывали его защищать. Но надежда его не сбылась. Онъ увидѣлъ, что безъ вѣроотступничества нечего было и помышлять о вакансіи іоркскаго архіепископа. Онъ былъ слишкомъ добродушенъ, чтобы находить какое-нибудь удовольствіе въ тиранніи, и слишкомъ проницателенъ, чтобы не ви-

Дѣйствія Верховной коммиссіи.

Спратъ отказывается отъ своего мѣста

(*) «*London Gazette*», July 9. 1688; Адда, $^{13}/_{23}$ іюля; Evelyn's «*Diary*», July 12; Johnstone, Dec. $^{8}/_{18}$. 1687, Feb. $^{8}/_{18}$. 1688.

дѣть признаковъ близкаго возмездія. Поэтому онъ рѣшился отказаться отъ своей ненавистной должности и сообщилъ объ этомъ рѣшеніи товарищамъ своимъ въ письмѣ, которое, подобно всѣмъ его прозаическимъ сочиненіямъ, было написано съ большимъ искусствомъ и достоинствомъ. Для него, говорилъ онъ, невозможно было оставаться долѣе членомъ коммиссіи. Самъ онъ, повинуясь королевскому повелѣнію, прочелъ декларацію; но онъ не могъ рѣшиться осудить тысячи благочестивыхъ и вѣрнопреданныхъ священнослужителей, которые были инаго мнѣнія о своемъ долгѣ; а такъ какъ ихъ рѣшено было наказать за то, что они поступили по совѣсти, то онъ счелъ своею обязанностью объявить, что онъ готовъ скорѣе пострадать вмѣстѣ съ ними, нежели принять участіе въ причиненіи имъ страданій.

Члены коммиссіи прочли и остолбенѣли. Самые недостатки ихъ товарища, извѣстная шаткость его принциповъ, извѣстная низость его характера, придавали его отпаденію особенно тревожное значеніе. Правительство должно быть дѣйствительно въ опасности, когда люди, подобные Спрату, говоритъ съ нимъ языкомъ Гампдена. Трибуналъ, недавно еще столь наглый, внезапно сдѣлался удивительно кроткимъ. Церковные администраторы, осмѣлившіеся презрѣть его авторитетъ, не получили даже выговора. Показать какимъ бы то ни было образомъ, что ихъ ослушаніе считалось умышленнымъ, признано было неудобнымъ. Они получили только предложеніе изготовить отчеты черезъ четыре мѣсяца. Послѣ того коммиссія разошлась въ смятеніи. Ей нанесенъ былъ смертельный ударъ. (*)

Неудовольствіе духовенства.

Между тѣмъ какъ Верховная коммиссія уклонялась отъ столкновенія съ церковью, церковь, сознавшая свою силу и одушевленная новымъ энтузіазмомъ, постоянно оскорбляла и вызывала на бой Верховную коммиссію. Вскорѣ послѣ оправданія епископовъ, почтенный Ормондъ, знаменитѣйшій изъ кавалеровъ великой междоусобной войны, изнемогши подъ бременемъ недуговъ, скончался. Вѣсть о его кончинѣ была поспѣшно сообщена въ Окс-

(*) Письма Спрата къ графу Дорсету; «*London Gazette*», Aug. 23. 1688.

фордъ. Члены университета, котораго онъ съ давнихъ поръ былъ канцлеромъ, тотчасъ же собрались для избранія ему преемника. Одна партія была за изящнаго и краснорѣчиваго Галифакса, другая — за важнаго и правовѣрнаго Ноттингама. Нѣкоторые предлагали графа Абингдона, жившаго близъ Оксфорда и незадолго передъ тѣмъ отставленаго отъ должности оксфордширскаго лорда-намѣстника за отказъ присоединиться къ королю противъ установленной религіи. Но большинство, состоявшее изъ ста-восьмидесяти баккалавровъ, магистровъ и докторовъ, подало голосъ въ пользу молодаго герцога Ормонда, внука ихъ покойнаго главы и сына храбраго Оссори. Поспѣшность, съ какою члены университета пришли къ этому рѣшенію, была причинена опасеніемъ, чтобы король, въ случаѣ замедленія дѣла хотя бы на одинъ только день, не попытался навязать имъ какого-нибудь начальника, который бы измѣнилъ ихъ правамъ. Опасеніе было основательно: спустя всего два часа послѣ того, какъ они разошлись, пришелъ указъ изъ Вайтголля, предписывавшій имъ выбрать Джеффриза. Къ счастью, избраніе молодого Ормонда состоялось уже окончательно и непреложно. (a) Нѣсколькими недѣлями позже, безчестный Тимоти Голль, одинъ изъ немногихъ лондонскихъ священниковъ, прочитавшихъ декларацію, награжденъ былъ мѣстомъ оксфордскаго епископа, которое было вакантнымъ со времени смерти не менѣе безчестнаго Паркера. Голль прибылъ въ свою епархію; но каноники мѣстной каѳедральной церкви отказались присутствовать при его нареченіи въ епископы, университетъ отказался признать его докторомъ богословія, никто изъ университетской молодежи не обращался къ нему за рукоположеніемъ, никто не снималъ передъ нимъ шляпы, и въ дворцѣ своемъ онъ былъ одинъ какъ перстъ. (b)

События въ Оксфордѣ.

Вскорѣ послѣ того одна изъ бенефицій, находившихся въ рас-

(a) «*London Gazette*», July 26. 1688; Адда, $\frac{27 \text{ іюля}}{6 \text{ авг.}}$ «*Newsletter*», July 25. въ коллекціи Макинтоша; Ellis «*Correspondence*», July 28. 31.; Wood's «*Fasti Oxonienses.*»

(b) Wood's «*Athenae Oxonienses*»; Luttrell's «*Diary*», Aug. 23. 1688.

поряженіи Магдалининской коллегіи Оксфордскаго университета, сдѣлалась вакантною. Гофъ и его изгнанные товарищи, собравшись, представили на вакансію одного изъ клириковъ; и епископъ глостерскій, въ епархіи котораго находилась эта бенефиція, немедленно утвердилъ ихъ кандидата. (a)

Неудовольствіе джентри.

Джентри было строптиво не менѣе духовенства. Ассизы этого лѣта повсемѣстно представляли никогда еще невиданное зрѣлище. Передъ отправленіемъ судей въ объѣзды судебныхъ округовъ, король потребовалъ ихъ къ себѣ на аудіенцію и поручилъ имъ внушить всѣмъ членамъ большаго джюри и мировымъ судьямъ, чтобы какъ тѣ, такъ и другіе, непремѣнно избрали такихъ членовъ парламента, которые бы поддерживали королевскую политику. Судьи повиновались его приказаніямъ, яростно ораторствовали противъ духовенства, ругали семерыхъ епископовъ, называли достопамятную просьбу мятежническимъ пасквилемъ, безпощадно критиковали посланіе Санкрофта, которое дѣйствительно было удобною мишенью для критики, и говорили, что его высокопреосвященство слѣдовало бы посѣчь у доктора Босби за то, что онъ такъ плохо писалъ по англійски. (13) Но эти неприличныя выходки только усилили общественное неудовольствіе. Всѣ знаки общественнаго уваженія, какія обыкновенно оказывались королевскимъ судьямъ, исчезли. Изстари было въ обычаѣ, чтобы въ свитѣ шерифа, когда онъ сопровождалъ судей въ главный городъ графства, участвовали знатные и зажиточные люди; но теперь почти нигдѣ нельзя было устроить такой процессіи. Въ особенности преемники Повелля и Голловея были предметами явнаго негодованія. Имъ назначено было объѣхать оксфордскій округъ; и они ожидали, что ихъ въ каждомъ ширѣ будетъ встрѣчать кавалькада вѣрнопреданнаго джентри. Но когда они приблизились къ Воллингфорду, гдѣ должны были открыть судебныя засѣданія для Беркшира, на встрѣчу имъ выѣхалъ одинъ лишь шерифъ. Подъѣзжая къ Оксфорду, самому вѣрноподанному городу

(a) Ronquillo, $^{17}/_{27}$ сент. 1688; Luttrell's «*Diary*», Sept. 6.

(13) Dr. Richard Busby — тогдашній директоръ Вестминстерской школы.

самой вѣрноподданной провинціи, они опять были встрѣчены однимъ только шерифомъ. (a)

Войско было почти не менѣе недовольно, чѣмъ духовенство или джентри. Гарнизонъ Тоуэра пилъ за здоровье арестованныхъ епископовъ. Лейбъ-гвардейская пѣхота, стоявшая въ Ламбетѣ, привѣтствовала возвращеніе примаса въ архіепископскій дворецъ всѣми возможными знаками уваженія. Вѣсть объ оправданіи епископовъ нигдѣ не была встрѣчена такими шумными изъявленіями радости, какъ на Гаунсло-Гитѣ. Дѣйствительно, огромная армія, которую король собралъ для устрашенія мятежной столицы, сдѣлалась мятежнѣе самой столицы и пугала болѣе дворъ, чѣмъ гражданъ. Поэтому, въ началѣ августа лагерь былъ распущенъ, и войска были посланы на квартиры въ различныя части королевства. (b) Недовольство войска.

Іаковъ льстилъ себя надеждою, что съ отдѣльными батальонами легче будетъ уладить дѣло, нежели со многими тысячами людей, собранныхъ въ одну сплошную массу. Первый опытъ произведенъ былъ надъ пѣхотнымъ полкомъ лорда Личфильда, что́ нынѣ 12-й линейный. Полкъ этотъ былъ избранъ, вѣроятно, потому, что набранъ былъ, во время Западнаго возстанія, въ Стаффордширѣ, гдѣ католики были многочисленнѣе и сильнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ частяхъ Англіи. Солдаты выстроились въ присутствіи короля. Ихъ маіоръ объявилъ имъ, что его величеству угодно было, чтобы они подписали обязательство содѣйствовать исполненію его намѣреній относительно религіозной присяги, и что тѣ изъ нихъ, которые не захотѣли бы повиноваться, должны были немедленно оставить службу. Къ крайнему изумленію короля, цѣлые ряды тотчасъ же сложили наземь свои пики и мушкеты. Только два офицера и нѣсколько рядовыхъ, все католики, повиновались его повелѣнію. Онъ помолчалъ нѣсколько времени и потомъ приказалъ солдатамъ поднять оружіе. «Въ другой разъ, сказалъ онъ съ мрачнымъ взглядомъ, я не сдѣлаю вамъ чести спрашиваться васъ.» (c)

(a) Ellis «*Correspondence*», August 4. 7. 1688; разсказъ епископа Спрата о конференціи 6 нояб. 1688.

(b) Luttrel's «*Diary*», Aug. 8. 1688.

(c) Это разсказано тремя писателями: Кеннектомъ, Ичардомъ и Ольд-

Ясно было, что, если онъ рѣшился упорствовать въ своихъ замыслахъ, ему необходимо было преобразовать армію. Но средствъ для этой цѣли онъ не могъ найти на нашемъ островѣ. Члены его церкви, даже въ тѣхъ округахъ, гдѣ они были наиболѣе многочисленны, составляли незначительное меньшинство народа. Ненависть къ папизму проникла во всѣ классы его протестантскихъ подданныхъ и сдѣлалась господствующею страстью даже пахарей и ремесленниковъ. Зато въ другой части его владѣній большинство населенія одушевлено было совершенно инымъ чувствомъ. Число римско-католическихъ солдатъ, которыхъ хорошее жалованье и удобныя квартиры англійскаго войска привлекли бы по сю сторону канала св. Георгія, было безгранично. Тирконнель уже нѣсколько времени занимался формированіемъ изъ крестьянъ своей отчизны такой военной силы, на которую его государь могъ бы вполнѣ положиться. Ирландская армія уже почти вся состояла изъ папистовъ кельтской крови и кельтскаго языка. Барильонъ настоятельно и неоднократно совѣтовалъ Іакову призвать эту армію для обузданія англичанъ. (a)

Въ Англію призвана ирландскія войска.

Іаковъ колебался. Онъ и желалъ окружить себя войсками, на которыя могъ бы разсчитывать, и въ то же время страшился взрыва національнаго чувства, который произошелъ бы при появленіи на англійской землѣ большой ирландской арміи. Наконецъ, какъ обыкновенно бываетъ, когда слабый человѣкъ старается избѣжать противоположныхъ неудобствъ, онъ принялъ рѣшеніе, соединявшее въ себѣ всѣ неудобства. Онъ призвалъ въ Англію столько ирландцевъ, что ихъ было недостаточно для обузданія одного Лондона или одного Іоркшира, но болѣе чѣмъ достаточно для возбужденія тревоги и ярости всего королевства, отъ Нортумберланда до Корнваллиса. Батальонъ за батальономъ, набранные и обученные Тирконнелемъ, высаживались на западномъ берегу и двигались къ столицѣ; кромѣ того, привезено было значитель-

---

миксономъ, которые могли хорошо помнить то время. См. также «*The Caveat against the Whigs.*»

(a) Barillon, $\frac{23 \text{ авг.}}{2 \text{ сент.}}$, $^{2}/_{12}$, $^{6}/_{16}$ и $^{9}/_{19}$ сент. 1688.

ное число ирландскихъ рекрутъ для пополненія убыли въ англійскихъ полкахъ. ([a])

Общественное негодованіе.

Изъ множества ошибокъ Іакова ни одной не было гибельнѣе этой. Онъ уже оттолкнулъ отъ себя сердца народа нарушеніемъ основныхъ законовъ, конфискованіемъ частныхъ имуществъ и гоненіемъ протестантской религіи. Изъ тѣхъ, которые нѣкогда были ревностными поборниками монархіи, онъ уже многихъ сдѣлалъ бунтовщиками въ душѣ. Не смотря на то, онъ все еще не безъ успѣха могъ бы воззвать къ патріотическому чувству своихъ подданныхъ противъ непріятельскаго нашествія. Не только по географическому положенію, но и по характеру, они были островитянами. Тогдашнія ихъ національныя антипатіи были неразумно и непримиримо сильны. Англичане никогда не знали никакого иностраннаго контроля или вмѣшательства. Появленіе чужеземной арміи на ихъ землѣ могло бы побудить ихъ собраться даже вокругъ того короля, любить котораго они не имѣли никакого основанія. Вильгельмъ, быть можетъ, не былъ бы въ состояніи преодолѣть этого затрудненія; но Іаковъ самъ устранилъ это препятствіе. Даже прибытіе бригады мушкетеровъ Людовика не возбудило бы такого гнѣва и стыда, какіе овладѣли нашими предками, когда они увидѣли вооруженныя колонны папистовъ, только-что прибывшія изъ Дублина и парадно маршировавшія по большимъ дорогамъ. Никто изъ кровныхъ англичанъ не считалъ тогда коренныхъ ирландцевъ своими соотечественниками. Они не принадлежали къ нашей отрасли великой человѣческой семьи. Они отличались отъ насъ множествомъ нравственныхъ и умственныхъ особенностей, которыя, казалось, не вполнѣ объяснялись разницею положенія и воспитанія, какъ велика ни была эта разница. У нихъ былъ свой особенный типъ, свой особенный языкъ. Когда они говорили по англійски, произношеніе ихъ было уморительно, фразеологія ихъ была неуклюжа, какою всегда бываетъ фразеологія того, кто мыслитъ на одномъ языкѣ, а выражаетъ свои мысли на другомъ. Они поэтому были чужеземцами и притомъ самыми ненавистными и презрѣнными изо

([a]) Luttrells «*Diary*». Aug. 27. 1688.

всѣхъ чужеземцевъ: самыми ненавистными, потому что, въ теченіе пяти столѣтій, они всегда были нашими врагами; самыми презрѣнными, потому что они были нашими побѣжденными, порабощенными и ограбленными врагами. Англичанинъ съ гордостью сравнивалъ свои нивы съ пустынными болотами, откуда ирландскіе хищники выходили на грабежъ и разбой, и свое жилище съ лачугами, гдѣ крестьяне и свиньи Шаннона вмѣстѣ валялись въ грязи. Онъ былъ членомъ общества, хотя и далеко уступавшаго въ богатствѣ и цивилизаціи обществу, въ которомъ мы живемъ, однако все-таки одного изъ самыхъ богатыхъ и цивилизованныхъ обществъ, какихъ когда-либо видѣлъ міръ; ирландцы были почти такъ же грубы, какъ дикари Лабрадора. Онъ былъ свободнымъ человѣкомъ; ирландцы были наслѣдственными рабами его племени. Онъ покланялся Богу духовнымъ и разумнымъ образомъ; ирландцы коснѣли въ идолопоклонствѣ и суевѣріи. Онъ зналъ, что огромныя толпы ирландцевъ не разъ обращались въ бѣгство передъ ничтожною горстью англичанъ, и что все ирландское населеніе обуздывалось ничтожною англійскою колоніею, и весьма самодовольно заключалъ, что онъ отъ природы былъ существомъ высшаго разряда, нежели ирландецъ: такимъ-то образомъ господствующее племя всегда объясняетъ свое преобладаніе и оправдываетъ свою тиранію. Теперь всѣми признано, что по живости, юмору и краснорѣчію ирландцы занимаютъ высокое мѣсто между народами вселенной. Сотнею сраженій доказано, что изъ нихъ, при хорошей дисциплинѣ, выходятъ отличные солдаты. А между тѣмъ извѣстно, что, полтора вѣка назадъ, они вообще были презираемы на нашемъ островѣ какъ глупый и трусливый народъ. И эти-то люди должны были насильственно обуздывать Англію, покамѣстъ уничтожалось бы ея политическое и церковное устройство! При этой мысли кровь кипѣла въ жилахъ цѣлой націи. Быть покорену французами или испанцами показалось бы сравнительно сносною участью. Съ французами и испанцами мы привыкли обращаться какъ равные съ равными. Мы иногда завидовали ихъ благоденствію, иногда страшились ихъ могущества, иногда радовались ихъ дружбѣ. Не смотря на нашу необходительную гордость, мы допускали, что

они были великими націями и могли похвалиться людьми, знаменитыми въ военныхъ и мирныхъ искусствахъ. Но быть порабощену низшею кастою было униженіемъ, превосходившимъ всякое другое униженіе. Англичане чувствовали то же, что чувствовали бы жители Чарльзтона и Новаго Орлеана, еслибы города эти заняты были негритянскими гарнизонами. Однихъ дѣйствительныхъ фактовъ было бы достаточно для возбужденія безпокойства и негодованія; но дѣйствительные факты терялись въ кучѣ нелѣпыхъ слуховъ, которые непрерывно переходили изъ кофейни въ кофейню, изъ кабака въ кабакъ, и по мѣрѣ своего распространенія дѣлались все болѣе и болѣе поразительными и страшными. Число ирландскихъ войскъ, высадившихся на наши берега, само по себѣ могло возбудить серьёзныя опасенія на счетъ дальнѣйшихъ намѣреній короля; но оно было въ десять разъ преувеличено народными опасеніями. Весьма вѣроятно, что грубый коннотскій пѣхотинецъ, очутившись, съ оружіемъ въ рукахъ, среди чужаго народа, который онъ ненавидѣлъ, и который въ свою очередь его ненавидѣлъ, позволилъ себѣ нѣкоторыя безчинства. Молва преувеличила эти безчинства и, въ добавокъ къ дѣйствительнымъ преступленіямъ иноземца, приписала ему всѣ злодѣянія англійскихъ его сотоварищей. Отвсюду въ королевствѣ поднялся вопль противъ иноплеменныхъ варваровъ, которые вламывались въ частные дома, захватывали лошадей и телеги, вымогали деньги и безчестили женщинъ. Эти люди, говорила молва, были сыновья изувѣровъ, за сорокъ семь лѣтъ передъ тѣмъ перерѣзавшихъ десятки тысячъ протестантовъ. Исторія бунта 1641 года, которая, даже въ трезвомъ разсказѣ, легко могла бы возбудить жалость и ужасъ и которая была страшно искажена національными и религіозными антипатіями, сдѣлалась теперь любимымъ предметомъ разговоровъ. Отвратительныя подробности о домахъ, сожженныхъ со всѣми ихъ жильцами, о зарѣзанныхъ женщинахъ и малюткахъ, о близкихъ родственникахъ, пыткою принужденныхъ умерщвлять другъ друга, о поруганныхъ и обезображенныхъ трупахъ, разсказывались и выслушивались съ полною увѣренностью и напряженнымъ любопытствомъ. Къ этому прибавлялось, что, какъ только Оливеръ явился въ Ирландію съ

великою цѣлью отмстить за произведенныя тамъ неистовства, трусливые дикари, неожиданно совершившіе всѣ эти жестокости надъ довѣрчивою и беззащитною колоніею, въ паническомъ страхѣ побросали свое оружіе, и, не попытавши счастья ни въ одномъ генеральномъ сраженіи, снова подчинились тому рабству, которое было достойною ихъ долею. Многіе признаки указывали, что лордъ-намѣстникъ замышлялъ новое великое ограбленіе и избіеніе саксонскихъ поселенцевъ. Тысячи протестантскихъ колонистовъ, бѣжавшихъ отъ несправедливости и наглости Тирконнеля, уже возбудили негодованіе своей родины описаніемъ всего, что они претерпѣли, и всего, что внушило имъ слишкомъ основательныя опасенія. Какъ сильно раздражено было общественное мнѣніе жалобами этихъ бѣглецовъ, обнаружилось вскорѣ самымъ положительнымъ образомъ. Тирконнель представилъ на высочайшее усмотрѣніе статьи билля, отмѣнявшаго законъ, по которому половина ирландскихъ помѣщиковъ владѣла своими землями, и прислалъ въ Вестминстеръ, въ качествѣ своихъ агентовъ, двухъ изъ римско-католическихъ соотечественниковъ своихъ, незадолго передъ тѣмъ назначенныхъ на высшія судейскія должности. Это были: Ноджентъ, предсѣдатель ирландскаго суда королевской скамьи, олицетвореніе всѣхъ пороковъ и слабостей, какіе, по мнѣнію тогдашнихъ англичанъ, были характеристическими чертами папистскаго кельта, и Райсъ, одинъ изъ членовъ ирландскаго суда казначейства, по способностямъ и знаніямъ занимавшій едва ли не первое мѣсто между всѣми своими единоплеменниками и единовѣрцами. Цѣль ихъ посольства была извѣстна всѣмъ и каждому, и потому они не смѣли открыто показываться на улицахъ. Если же случалось имъ быть узнанными, то чернь кричала: «Дорогу ирландскимъ посламъ!» и карета ихъ съ шуточною торжественностью сопровождалась свитою герольдовъ и скороходовъ, которые несли палки съ воткнутыми на концахъ картофелинами. (*)

Дѣйствительно, тогдашнее отвращеніе англичанъ къ ирландцамъ было такъ сильно и единодушно, что его раздѣляли даже

(*) King's «*State of the Protestants of Ireland*»; «*Secret Consults of the Romish Party in Ireland.*»

лучшіе изъ католиковъ. Повисъ и Белласайзъ не затруднились въ тайномъ совѣтѣ выразить грубымъ и желчнымъ языкомъ свою антипатію къ иноплеменникамъ. (¹) Между англійскими протестантами антипатія эта была еще сильнѣе; но чуть ли не наибольшею силою отличалась она въ арміи. Ни офицеры, ни солдаты не были расположены терпѣливо переносить предпочтеніе, которое государь ихъ оказывалъ иноземному и подчиненному племени. Герцогъ Бервикъ, командиръ 8-го линейнаго полка, стоявшаго тогда въ Портсмутѣ, приказалъ включить въ число солдатъ тридцать человѣкъ, только-что передъ тѣмъ прибывшихъ изъ Ирландіи. Англійскіе солдаты объявили, что они не хотятъ служить съ этими чужаками. Подполковникъ Бомонтъ, отъ себя и отъ лица пяти капитановъ, протестовалъ передъ герцогомъ противъ этого оскорбленія англійской арміи и націи. «Мы сформировали этотъ полкъ, сказалъ онъ, на собственный нашъ счетъ, чтобы защищать корону его величества во время опасности. Мы не встрѣтили тогда ни малѣйшаго затрудненія пріобрѣсти сотни англійскихъ новобранцевъ. Мы легко можемъ поддерживать каждую роту въ полномъ ея комплектѣ безъ допущенія ирландцевъ. Мы считаемъ поэтому несогласнымъ съ нашею честью допускать, чтобы намъ навязывали этихъ иноплеменниковъ, и просимъ, чтобы намъ дозволено было либо командовать людьми одной съ нами націи, либо сложить съ себя наши обязанности.» Бервикъ послалъ въ Виндзоръ за инструкціями. Король, крайне раздраженный, тотчасъ отправилъ въ Портсмутъ отрядъ кавалеріи, съ приказаніемъ привезти къ нему шестерыхъ непокорныхъ офицеровъ. Надъ ними наряжена была военно-судная коммиссія. Они рѣшительно отказались покориться и были приговорены къ разжалованію, высшему наказанію, какому могъ тогда подвергать военный судъ. Вся нація одобрила поведеніе исключенныхъ изъ службы офицеровъ; и господствовавшее чувство еще болѣе усилилось вслѣдствіе неоснователь-

---

(¹) «*Secret Consults of the Romish Party in Ireland.*»

наго слуха, что они, находясь подъ арестомъ, подвергались жестокому обращенію. (a)

«Лилли-булеро.» Общественное настроеніе не обнаруживалось тогда такими проявленіями, къ какимъ мы теперь привыкли: огромными митингами и ярыми рѣчами. Тѣмъ не менѣе оно нашло себѣ исходъ. Томасъ Вартонъ, засѣдавшій въ послѣднемъ парламентѣ въ качествѣ представителя Боккингамшира и уже успѣвшій составить себѣ репутацію отчаяннаго развратника и вига, написалъ сатирическую пѣсню на управленіе Тирконнеля. Въ этомъ стихотвореньицѣ одинъ ирландецъ поздравляетъ ломаннымъ языкомъ другаго ирландца съ наступающимъ торжествомъ папизма и милезіянскаго племени. Протестантскій наслѣдникъ будетъ устраненъ отъ престола. Протестантскіе офицеры будутъ повѣшены на одной и той же веревкѣ. Добрый Тальботъ раздастъ всѣ должности своимъ землякамъ и перерѣжетъ англичанъ. У этихъ стиховъ, отнюдь не возвышавшихся надъ обыкновеннымъ уровнемъ уличной поэзіи, припѣвъ состоялъ изъ тарабарскихъ словъ, которыя, говорятъ, были лозунгомъ ольстерскихъ инсургентовъ въ 1641 году. Стихи и напѣвъ пришлись по вкусу націи. Отъ одного конца Англіи до другаго всѣ классы общества постоянно распѣвали эту риѳмованную ерунду. Въ особенности нравилась она англійской арміи. Спустя болѣе семидесяти лѣтъ послѣ Революціи, великій писатель съ необыкновеннымъ искусствомъ изобразилъ

(a) «*History of the Desertion*», 1689; срав. первое и второе изданія; Barillon, $^{8}/_{18}$ сент. 1688; Citters, отъ того же числа; Clarke's «*Life of James the Second*», II, 168. Компиляторъ послѣдняго сочиненія говоритъ, что Чорчилль предлагалъ суду приговорить шестерыхъ офицеровъ къ смерти. Этого разсказа нѣтъ въ бумагахъ короля; а потому я считаю его однимъ изъ тысячи вымысловъ, придуманныхъ въ Сенъ-Жерменѣ для того, чтобы очернить личность, которая и безъ того уже была достаточно грязною. Что Чорчилль могъ при этомъ случаѣ притворно показывать крайнее негодованіе, съ цѣлью скрыть замышленную имъ измѣну, это весьма вѣроятно. Но нельзя повѣрить, чтобы человѣкъ съ его умомъ убѣждалъ членовъ военно-судной коммиссіи назначить наказаніе, которое было положительно внѣ предѣловъ ихъ власти.

стараго солдата, сражавшагося на Бойнѣ и подъ Намюромъ. ([14]) Одну изъ характеристическихъ чертъ браваго ветерана составляетъ его привычка насвистывать «*Лиллибулеро.*» ([a])

Вартонъ хвастался потомъ, что онъ своею пѣснею протурилъ короля изъ трехъ королевствъ. Въ дѣйствительности же успѣхъ «*Лиллибулеро*» былъ слѣдствіемъ, а не причиною раздраженнаго состоянія общественнаго чувства, произведшаго Революцію.

Между тѣмъ какъ Іаковъ возбуждалъ такимъ образомъ противъ себя тѣ національныя чувства, которыя, не будь онъ такъ безразсуденъ, могли бы спасти его престолъ, Людовикъ, съ своей стороны, не менѣе успѣшно содѣйствовалъ исполненію задуманнаго Вильгельмомъ предпріятія.

Партія въ Голландіи, благопріятствовавшая Франціи, была меньшинствомъ, но такимъ, которое, благодаря политическому устройству Батавской федераціи, имѣло достаточно силы, чтобы удержать штатгальтера отъ всякой рѣшительной мѣры. Сохранить пріязнь этого меньшинства было задачею, которой, будь версальскій дворъ благоразуменъ, надлежало пожертвовать въ это время всѣми другими задачами. Людовикъ же съ нѣкотораго времени, какъ будто преднамѣренно, старался оттолкнуть отъ себя своихъ голландскихъ друзей и наконецъ, хотя и не безъ труда, успѣлъ сдѣлать ихъ своими врагами въ ту самую минуту, когда ихъ помощь была бы безцѣнною для него. Политика Соединенныхъ провинцій.

У народа Соединенныхъ провинцій было два предмета, по отношенію къ которымъ онъ былъ особенно чувствителенъ: религія и торговля. На оба эти предмета, на религію и на торговлю голландцевъ, французскій король учинилъ посягательство. Преслѣдованіе гугенотовъ и отмѣна Нантскаго эдикта повсюду возбудили скорбь и негодованіе протестантовъ. Но въ Голландіи чувства эти были сильнѣе, чѣмъ во всякой другой странѣ: многіе

([14]) Рѣчь идетъ о Стернѣ и дядѣ Тобіасѣ въ романѣ «*Tristram Shandy.*»

([a]) Пѣсня «*Lillibullero*» находится въ числѣ «*State Poems.*» Въ Percy's «*Relics*» помѣщена только первая часть, безъ второй, которая была прибавлена послѣ высадки Вильгельма. «*Examiner*» и многіе памфлеты 1712 года упоминаютъ о Вартонѣ, какъ о ея авторѣ.

изъ голландскихъ уроженцевъ, положившись на неоднократныя и торжественныя объявленія Людовика, что вѣротерпимость, дарованная его дѣдомъ, будетъ соблюдаться неизмѣнно, рѣшились, изъ коммерческихъ видовъ, поселиться во Франціи, и значительная доля поселенцевъ натурализовалась тамъ. Каждая почта привозила теперь въ Голландію извѣстія, что эти лица изъ-за религіи подвергались крайне суровому обращенію. У одного изъ нихъ, говорили вѣсти, были поставлены на квартирѣ драгуны. Другаго держали голаго передъ огнемъ, такъ что онъ полуизжарился. Всѣмъ имъ, подъ опасеніемъ строжайшихъ наказаній, запрещено было исполнять обряды ихъ религіи или оставлять страну, въ которую они привлечены были ложными обѣщаніями. Приверженцы Оранскаго дома кричали противъ жестокости и коварства тирана. Оппозиція была приведена въ стыдъ и смущеніе. Даже городской совѣтъ Амстердама, сильно преданный французскимъ интересамъ и арминіянскому богословію и мало расположенный къ осужденію Людовика или къ сочувствію гонимымъ кальвинистамъ, не осмѣливался противорѣчить общему настроенію, потому что въ этомъ великомъ городѣ не существовало почти ни одного богатаго торговца, у котораго бы не было какого-нибудь родственника или друга между страдальцами. Прошенія, подписанныя множествомъ почтенныхъ лицъ, умоляли бургомистровъ энергически объясниться съ графомъ д'Аво. Находились даже такіе просители, которые пробирались въ ратушу, падали на колѣни, со слезами и рыданіями описывали плачевное положеніе дорогихъ имъ лицъ и просили заступничества у городскихъ сановниковъ. Каѳедры гремѣли проклятіями и оглашались сѣтованіями. Типографскіе станки дождили раздирающими сердце разсказами и зажигательными воззваніями. Аво понялъ всю опасность положенія. Онъ донесъ своему двору, что даже благонамѣренные — такъ всегда называлъ онъ враговъ Оранскаго дома — или раздѣляли общественное негодованіе, или же были устрашены имъ, и совѣтовалъ сдѣлать какую-нибудь уступку ихъ желаніямъ. Отвѣты изъ Версаля были холодны и язвительны. Правда, нѣкоторыя голландскія семейства, не натурализовавшіяся во Франціи, получили дозволеніе вернуться на родину. Но тѣмъ уроженцамъ Голландіи, которые получили

натурализаціонныя граматы, Людовикъ не согласился оказать ни малѣйшаго снисхожденія. Никакая власть на землѣ, говорилъ онъ, не имѣла права вмѣшиваться въ отношенія между нимъ и его подданными. Эти люди сами пожелали сдѣлаться его подданными; а какимъ образомъ поступалъ онъ съ ними, до этого никому изъ сосѣднихъ державъ не было никакого дѣла. Амстердамскіе сановники, разумѣется, оскорбились презрительною неблагодарностью властелина, которому они такъ ревностно и беззавѣтно служили наперекоръ общему настроенію своихъ соотечественниковъ. Вскорѣ послѣдовала новая обида, которую они почувствовали еще живѣе, чѣмъ прежнюю. Людовикъ началъ воевать противъ ихъ торговли. Прежде всего онъ издалъ эдиктъ, воспрещавшій ввозъ сельдей въ его владѣнія. Аво поспѣшилъ увѣдомить французскій дворъ, что мѣра эта возбудила сильное безпокойство и негодованіе, что ловля сельдей доставляла пропитаніе 60,000 человѣкъ въ Соединенныхъ провинціяхъ, и что штаты, по всей вѣроятности, отплатятъ какимъ-нибудь сильнымъ возмездіемъ. Отвѣтъ, полученный имъ, заключался въ томъ, что король рѣшился не только твердо стоять на своемъ, но и увеличить пошлины на многіе изъ тѣхъ товаровъ, которыми Голландія вела прибыльную торговлю съ Франціею. Слѣдствіемъ этихъ ошибокъ, сдѣланныхъ вопреки предостереженіямъ и, какъ кажется, просто въ припадкѣ самодурства, было то, что теперь, когда голосъ одного могущественнаго члена Батавской федераціи могъ бы предотвратить роковое для всей политики Людовика событіе, такого голоса не раздалось. Посланникъ, не смотря на всю свою ловкость, тщетно пытался снова собрать ту партію, съ помощью которой, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, ставилъ штатгальтера въ затруднительное положеніе. Заносчивость и упрямство государя парализовали всѣ усилія дипломата. Наконецъ Аво принужденъ былъ отправить въ Версаль тревожныя извѣстія, что на Амстердамъ, такъ долго преданный Франціи, уже нельзя было полагаться, что нѣкоторые изъ благонамѣренныхъ были исполнены тревоги объ участи своей религіи, и что немногія лица, привязанности которыхъ остались неизмѣнными, не осмѣливались высказывать того, что̀ думали. Пламенное краснорѣчіе

Ошибки французскаго короля.

проповѣдниковъ, витійствовавшихъ противъ ужасовъ французскаго гоненія, и сѣтованія банкрутовъ, приписывавшихъ свое разореніе французскимъ декретамъ, довели народъ до такого раздраженія, что никто изъ гражданъ не могъ подать голоса въ пользу Франціи, не подвергаясь почти неминуемой опасности быть брошену въ ближайшій каналъ. Всякій помнилъ, что, всего пятнадцать лѣтъ назадъ, знаменитѣйшій предводитель партіи враждебной Оранскому дому былъ растерзанъ остервенѣлою чернью передъ самымъ дворцемъ генеральныхъ штатовъ. Подобная же участь легко могла бы постигнуть и тѣхъ, которые въ эту критическую минуту подверглись бы обвиненію въ содѣйствіи умысламъ Франціи противъ родной страны и противъ протестантской религіи. (*)

Его ссора съ папою по поводу посольскихъ привилегій.

Принуждая такимъ образомъ своихъ друзей въ Голландіи дѣлаться или притворяться врагами Французской державы, Людовикъ въ то же время не менѣе успѣшно способствовалъ устраненію всѣхъ колебаній, которыя могли бы отклонить римско-католическихъ государей отъ содѣйствія замысламъ Вильгельма. Между версальскимъ дворомъ и Ватиканомъ возникла новая ссора, въ которой несправедливость и наглость французскаго короля выказались чуть ли не оскорбительнѣе, чѣмъ въ какомъ-либо иномъ актѣ его царствованія.

Въ Римѣ издавна принято было за правило, что никто изъ чиновниковъ вѣдомства юстиціи или финансовъ не могъ входить въ дома, гдѣ жили представители католическихъ государствъ. Съ теченіемъ времени не только дома, но и большія пространства вокругъ домовъ, пріобрѣли характеръ неприкосновенной святыни. Для каждаго посла стало дѣломъ чести распространять какъ можно шире предѣлы мѣста, находившагося подъ его покровитель-

---

(*) См. дипломатическія бумаги графа д'Аво. Почти невозможно указать всѣ мѣста, которыя служили мнѣ матеріалами для этой части моего разсказа. Важнѣйшія изъ нихъ находятся въ депешахъ, помѣченныхъ слѣдующими числами: 20 сент., 24 сент., 5 окт. и 20 дек. 1685; 3 янв. и 22 нояб. 1686; 2 окт., 6 нояб. и 19 нояб. 1687; 29 іюля и 20 авг. 1688. Лордъ Лонздель справедливо замѣчаетъ въ своихъ мемуарахъ, что, не надѣлай Людовикъ ошибокъ, городъ Амстердамъ предотвратилъ бы революцію.

ствомъ. Наконецъ оказалось, что половина города состояла изъ привилегированныхъ округовъ, внутри которыхъ папское правительство имѣло власти не болѣе, чѣмъ внутри Лувра или Эскуріала. Каждое такое убѣжище кишѣло контрабандистами, злостными банкрутами, ворами и убійцами. Въ каждомъ такомъ убѣжищѣ были скучены цѣлые магазины краденныхъ или контрабандныхъ товаровъ. Изъ каждаго такого убѣжища выходили по ночамъ злодѣи на грабежъ и разбой. Вслѣдствіе этого, ни въ одномъ городѣ христіанскаго міра не былъ законъ такъ безсиленъ, а порокъ такъ дерзостенъ, какъ въ древней столицѣ религіи и цивилизаціи. Иннокентій отнесся къ этому предмету, какъ слѣдовало іерарху и государю. Онъ объявилъ, что не приметъ того посла, который будетъ отстаивать столь гибельное для порядка и нравственности право. Сначала поднялся было сильный ропотъ; но рѣшеніе папы было такъ очевидно справедливо, что всѣ правительства, за исключеніемъ одного, поспѣшили сдѣлать уступку. Нѣмецкій императоръ, занимавшій высшее мѣсто между христіанскими монархами, испанскій дворъ, отличавшійся между всѣми дворами щекотливостью и упорствомъ въ дѣлахъ этикета, отказались отъ ненавистной привилегіи. Одинъ только Людовикъ былъ непреклоненъ. Какъ бы ни поступали другіе государи, говорилъ онъ, для него ихъ рѣшеніе ничего не значило. Поэтому онъ отправилъ миссію въ Римъ въ сопровожденіи сильныхъ отрядовъ кавалеріи и пѣхоты. Поѣздъ посла во дворецъ посольства имѣлъ видъ тріумфальнаго шествія полководца черезъ покоренный городъ. Зданіе посольства охранялось сильною стражею. Кругомъ покровительствуемаго мѣста днемъ и ночью ходили дозоромъ часовые, точно на стѣнахъ какой-нибудь крѣпости. Папа былъ непоколебимъ. «Они, воскликнулъ онъ, надѣются на колесницу и на коней; мы же призовемъ на помощь имя Господа нашего Бога.» ([18]) Онъ энергически взялся за свое духовное оружіе и отлучилъ отъ церкви весь кварталъ, занятый французскими солдатами. ([a])

([18]) См. Псал. XIX, 7.

([a]) Professor von Ranke, «*Die Römischen Päpste*», Buch VIII; Burnet, I. 759.

Распря была въ полномъ разгарѣ, когда возникла другая распря, въ которой Германія была такъ же сильно заинтересована, какъ и папа.

Кельнское архіепископство.

Кёльнъ и его округъ управлялись архіепископомъ, который былъ имперскимъ курфирстомъ. Право избирать этого высокосановнаго прелата принадлежало, съ нѣкоторыми ограниченіями, капитулу мѣстнаго каѳедральнаго собора. Архіепископъ былъ въ то же время епископомъ люттихскимъ, мюнстерскимъ и гильдесгеймскимъ. Обширныя его владѣнія заключали въ себѣ нѣсколько сильныхъ крѣпостей, которыя, въ случаѣ какой-нибудь кампаніи на Рейнѣ, имѣли бы чрезвычайно важное значеніе. Въ военное время онъ могъ выставить 20,000 человѣкъ въ поле. Людовикъ не щадилъ никакихъ усилій, чтобы пріобрѣсти такого драгоцѣннаго союзника, и успѣлъ достичь того, что Кёльнъ почти отдѣлился отъ Германіи и сдѣлался наружнымъ укрѣпленіемъ Франціи. Многія духовныя лица, преданныя версальскому двору, были опредѣлены въ капитулъ; а кардиналъ Фюрстенбергъ, сущая креатура этого двора, назначенъ былъ коадъюторомъ.

Лѣтомъ 1688 года архіепископская каѳедра сдѣлалась вакантною. Кандидатомъ Бурбонскаго дома былъ Фюрстенбергъ. Враги этого дома предлагали молодого баварскаго принца Климента. Фюрстенбергъ былъ епископъ и потому не могъ быть переведенъ въ другую епархію иначе, какъ съ особеннаго разрѣшенія папы или по ходатайству по крайней мѣрѣ двухъ третей кёльнскаго капитула. Папа не хотѣлъ дать разрѣшенія французской креатурѣ. Императоръ убѣдилъ болѣе трети членовъ капитула подать голосъ въ пользу баварскаго принца. Въ то же самое время большинство голосовъ въ люттихскомъ, мюнстерскомъ и гильдесгеймскомъ капитулахъ оказалось противъ Франціи. Людовикъ съ негодованіемъ и тревогою увидѣлъ, что обширная область, на которую онъ уже началъ было смотрѣть какъ на лену своей короны, готовилась сдѣлаться не только независимою отъ него, но и враждебною ему. Въ одной изъ депешъ, написанной съ большою желчью, онъ жаловался на несправедливость, какую Франціи постоянно приходилось испытывать отъ того престола, который бы долженъ былъ оказывать отеческое покрови-

тельство всѣмъ безъ изъятія христіанскимъ державамъ. Многіе признаки обнаруживали твердую его рѣшимость поддержать своего кандидата силою оружія противъ папы и папскихъ союзниковъ. ([a])

Искусный образъ дѣйствія Вильгельма.

Такимъ образомъ Людовикъ двумя противоположными ошибками разомъ возбудилъ противъ себя злобу обѣихъ религіозныхъ партій, на которыя дѣлилась Западная Европа. Оттолкнувши отъ себя одну великую часть христіанскаго міра преслѣдованіемъ гугенотовъ, онъ оттолкнулъ отъ себя другую оскорбленіемъ папскаго престола. Эти ошибки были сдѣланы имъ въ такое время, когда никакая ошибка не могла быть сдѣлана безнаказанно, и въ присутствіи такого соперника, который бдительностью, прозорливостью и энергіею не уступалъ самымъ знаменитымъ въ исторіи государственнымъ людямъ. Вильгельмъ съ угрюмою радостью наблюдалъ, какъ его противники трудились надъ устраненіемъ препятствія за препятствіемъ съ его дороги. Между тѣмъ какъ они возбуждали противъ себя вражду всѣхъ сектъ, онъ старался поладить со всѣми религіозными партіями. Задумавши великій планъ, онъ съ необыкновеннымъ искусствомъ представлялъ его различнымъ правительствамъ съ различныхъ точекъ зрѣнія; и надо замѣтить, что, при всемъ своемъ различіи, ни одна изъ этихъ точекъ зрѣнія не была ложною. Онъ приглашалъ государей сѣверной Германіи соединиться вокругъ него для защиты общаго дѣла всѣхъ протестантскихъ церквей. Онъ представлялъ обоимъ главамъ Австрійскаго дома опасность, грозившую имъ отъ французскаго честолюбія, и необходимость избавить Англію отъ вассальства и присоединить ее къ европейской конфедераціи. ([b]) Онъ

([a]) Burnet, I. 758. Депеша Людовика помѣчена $\frac{27\ \text{авг.}}{6\ \text{сент.}}$ 1688. Она находится въ «*Recueil des Traités*», vol. IV. No. 219.

([b]) Сенъ-жерменскій дворъ впослѣдствіи жестоко бранилъ его за ту удивительную ловкость, съ которою онъ представлялъ свою политику двумъ различнымъ сторонамъ съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія. «Licet Foederatis publicus ille praedo haud aliud aperte proponat nisi ut Gallici imperii exuberans amputetur potestas, veruntamen sibi, et suis ex haeretica faece complicibus, ut pro comperto habemus, longe aliud

искренно протестовалъ противъ всякаго упрека въ изувѣрствѣ. Дѣйствительнымъ врагомъ британскихъ католиковъ, говорилъ онъ, былъ тотъ близорукій и упрямый монархъ, который, имѣя возможность легко исходатайствовать для нихъ легальную терпимость, попралъ законъ, свободу, собственность, съ цѣлью доставить имъ ненавистное и ненадежное преобладаніе. Предоставленное самому себѣ, дурное управленіе Іакова въ непродолжительномъ времени непремѣнно произвело бы народное возстаніе, за которымъ могло бы послѣдовать жестокое гоненіе папистовъ. Принцъ объявлялъ, что предотвратить ужасы такого гоненія было одною изъ главныхъ его задачъ. Еслибы онъ успѣлъ въ своемъ замыслѣ, онъ воспользовался бы властью, которая досталась бы въ удѣлъ ему, какъ главѣ протестантскихъ интересовъ, для защиты членовъ Римской церкви. Быть можетъ, страсти, возбужденныя тираніею Іакова, не позволили бы исключить карательные законы изъ книги статутовъ; но эти законы были бы смягчены кроткою администраціею. Въ сущности никто столько не выигралъ бы отъ задуманнаго предпріятія, какъ тѣ мирные и нечестолюбивые католики, которые просто желали слѣдовать своимъ призваніямъ и безпрепятственно покланяться своему Творцу. Проиграли бы только Тирконнели, Доверы, Альбевилли и другіе политическіе пройдохи, которые, въ замѣнъ льстивыхъ фразъ и дурныхъ совѣтовъ, получали отъ своего легковѣрнаго повелителя намѣстничества, полки и посольства.

Его сухопутныя и морскія приготовленія къ экспедиціи.

Стараясь привлечь на свою сторону симпатіи какъ протестантовъ, такъ и католиковъ, Вильгельмъ не менѣе дѣятельно и благоразумно старался обезпечить себя военными средствами, какихъ требовало его предпріятіе. Онъ не могъ произвести высадки въ Англіи безъ разрѣшенія Соединенныхъ провинцій. Еслибы онъ попросилъ этого разрѣшенія, прежде чѣмъ замыселъ его созрѣлъ бы для исполненія, факція, враждебная его дому, легко мог-

---

promittit, nempe ut, exciso vel enervato Francorum regno, ubi Catholicarum partium summum jam robur situm est, haeretica ipsorum pravitas per orbem Christianum universum praevaleat.» — Письмо Іакова къ папѣ, очевидно писанное въ 1689 году.

ла бы помѣшать его намѣреніямъ и навѣрно разгласила бы о нихъ цѣлому свѣту. Поэтому онъ рѣшился сдѣлать нужныя приготовленія какъ можно поспѣшнѣе и, по окончаніи ихъ, улучить какую-нибудь благопріятную минуту для исходатайствованія согласія федераціи. Французскіе агенты замѣтили, что онъ сталъ дѣятельнѣе обыкновеннаго. Дня не проходило, чтобы онъ не пріѣзжалъ изъ своей виллы въ Гагу. Онъ постоянно запирался въ своемъ кабинетѣ съ замѣчательнѣйшими изъ своихъ приверженцевъ. Къ обыкновенному составу морскихъ силъ республики прибавлено было еще 24 корабля, совершенно готовыхъ къ выходу въ море. Случай доставилъ отличный предлогъ сдѣлать это прибавленіе къ флоту, потому что незадолго передъ тѣмъ въ Нѣмецкомъ морѣ осмѣлилось показаться нѣсколько алжирскихъ корсаровъ. Подлѣ Нимвегена устроенъ былъ лагерь. Тамъ было собрано нѣсколько тысячъ солдатъ. Для усиленія этой арміи выведены были гарнизоны изъ укрѣпленій въ голландскомъ Брабантѣ. Даже знаменитая крѣпость Бергенъ-опъ-Цоомъ оставлена была почти беззащитною. Полевыя орудія, бомбы и пороховые ящики изо всѣхъ магазиновъ Соединенныхъ провинцій свезены были въ главную квартиру. Всѣ роттердамскіе хлѣбники день и ночь трудились надъ приготовленіемъ сухарей. Всѣ утрехтскіе оружейники завалены были заказами пистолетовъ и мушкетовъ. Всѣ амстердамскіе сѣдельники безъ устали занимались выдѣлкою сбруй и чушекъ. Къ морскому экипажу прибавлено было 6,000 матросовъ. Набрано было 7,000 новыхъ солдатъ. Правда, безъ согласія федераціи ихъ нельзя было формально включить въ военные списки; но они были хорошо обучены и такъ дисциплинированы, что безъ всякаго затрудненія могли быть размѣщены по полкамъ въ 24 часа по полученіи означеннаго согласія. Эти приготовленія требовали наличныхъ денегъ; но, благодаря строгой бережливости, Вильгельмъ успѣлъ отложить на всякій случай капиталъ, простиравшійся до 250,000 фунтовъ стерлинговъ. Чего не хватало, то было доставлено усердіемъ его приверженцевъ. Большое количество золота, не менѣе, какъ говорили, 100,000 гиней, явилось къ нему изъ Англіи. Гугеноты, которые увезли съ собою въ изгнаніе огромныя количества драгоцѣнныхъ металловъ, охот-

но ссужали его всѣмъ, что̀ имѣли: они ласкали себя надеждою, что его успѣхъ дастъ имъ возможность возвратиться на родину, и опасались, чтобы его неудача не лишила ихъ безопасности даже въ той странѣ, которая ихъ усыновила. (a)

Онъ получаетъ изъ Англіи множество обѣщаній поддержки.

Въ послѣдней половинѣ іюля и въ теченіе всего августа приготовленія шли быстро впередъ, хотя все еще слишкомъ медленно для пылкаго духа Вильгельма. Въ то же время между Англіею и Голландіею продолжались дѣятельныя сношенія. Обыкновенные способы пересылки вѣстей и перевозки пассажировъ признаны были уже не безопасными. Между Шевенингеномъ и восточнымъ берегомъ нашего острова постоянно ходила взадъ и впередъ легкая барка, удивительно быстрая на ходу. (b) Съ этимъ судномъ Вильгельмъ получилъ рядъ писемъ отъ лицъ, занимавшихъ высокія мѣста въ церкви, государствѣ и арміи. Двое изъ семи прелатовъ, подписавшихъ достопамятную просьбу, Лойдъ, епископъ сентъ-асафскій, и Трелони, епископъ бристольскій, во время своего пребыванія въ Тоуэрѣ, подвергли ученіе о несопротивленіи новому разбору и теперь готовы были привѣтствовать вооруженнаго освободителя. Братъ епископа бристольскаго, полковникъ Чарльзъ Трелони, командовавшій однимъ изъ тангерскихъ полковъ, извѣстнымъ теперь подъ названіемъ 4-го линейнаго, письменно изъявилъ готовность обнажить мечъ за протестантскую религію. Подобныя же увѣренія получены были и отъ свирѣпаго Кэрка. Чорчилль, въ письмѣ, отличавшемся возвышенностью слога, которая у него была вѣрнымъ предвѣстникомъ какой-нибудь низости, объявлялъ, что онъ рѣшился исполнить свой долгъ въ отношеніи къ Небу и къ родинѣ, и безусловно вручалъ свою честь принцу Оранскому. Вильгельмъ, безъ сомнѣнія, прочелъ эти слова съ одною изъ тѣхъ горькихъ и презрительныхъ улыбокъ, которыя придавали его лицу наименѣе пріятное выраженіе. Ему не было дѣла до чести другихъ людей; да и самые строгіе казуисты никогда не признавали беззаконнымъ со стороны полководца вызывать, употреблять въ дѣло и награж-

(a) Avaux, $^{9}/_{19}$, $^{10}/_{20}$, $^{11}/_{21}$, $^{14}/_{24}$, $^{16}/_{26}$, $^{17}/_{27}$ авг. и $\frac{23 \text{ авг.}}{2 \text{ сент.}}$ 1688.

(b) Avaux, $^{4}/_{14}$ сент. 1688.

дать услуги переметчиковъ, не внушавшихъ ему ничего, кромѣ презрѣнія. ([a])

Письмо Чорчилля привезъ Сидни, положеніе котораго въ Англіи сдѣлалось опаснымъ, и который, принявши множество предосторожностей для того, чтобы скрыть свой слѣдъ, переѣхалъ въ Голландію около половины августа. ([b]) Около того же времени Шрусбёри и Эдвардъ Россель переплыли Нѣмецкое море въ нанятой весьма секретнымъ образомъ лодкѣ и появились въ Гагѣ. Шрусбёри привезъ съ собою 12,000 фунтовъ, которые получилъ подъ залогъ своихъ имѣній и которые помѣстилъ въ амстердамскій банкъ. ([c]) Девонширъ, Данби и Ломли остались въ Англіи, гдѣ обязались возстать съ оружіемъ въ рукахъ тотчасъ, какъ только принцъ Оранскій ступитъ на островъ.

Надобно полагать, что около того же времени Вильгельмъ впервые получилъ обѣщанія поддержки совершенно съ иной стороны. Исторія интригъ Сондерланда покрыта мракомъ, разъяснить который, по всей вѣроятности, не удастся ни одному изслѣдователю; но, хотя и невозможно открыть всю истину, зато легко опровергнуть нѣкоторыя очевидныя небылицы. Якобиты, по весьма понятнымъ причинамъ, утверждали, что революція 1688 года была слѣдствіемъ давно задуманнаго кова, и представляли Сондерланда главнымъ заговорщикомъ. Они увѣряли, что онъ, преслѣдуя великую цѣль свою, побуждалъ своего слишкомъ довѣрчиваго повелителя нарушать статуты, учредить незаконный трибуналъ, конфисковать частную собственность и заключить въ тюрьму прелатовъ установленной церкви. Этотъ вымыселъ не подтверждается никакими доказательствами и не заслуживаетъ возраженія, хотя и повторялся до настоящаго времени. Нѣтъ ничего достовѣрнѣе того факта, что Сондерландъ противодѣйствовалъ нѣкоторымъ изъ самыхъ неблагоразумныхъ мѣръ Іакова, въ особенности преслѣдованію епископовъ, которое было настоящею причиною рѣшительнаго кризиса. Но еслибы даже

Сондерландъ.

([a]) Burnet, I. 765. Письмо Чорчилля помѣчено 4 авг. 1688.

([b]) Вильгельмъ къ Бентинку, $^{17}/_{27}$ авг. 1688.

([c]) «*Memoirs of the Duke of Shrewsbury*», 1718.

фактъ этотъ и не былъ доказанъ, все-таки остается еще одинъ аргументъ, достаточный для рѣшенія спора. Что́ могло побудить Сондерланда желать революціи? При существовавшей системѣ, онъ былъ на высотѣ почестей и благоденствія. Какъ президентъ тайнаго совѣта, онъ занималъ первое мѣсто между всѣми свѣтскими перами. Какъ первенствующій статсъ-секретарь, онъ былъ самымъ дѣятельнымъ и могущественнымъ членомъ кабинета. Онъ получилъ орденъ Подвязки, украшавшій передъ тѣмъ блестящаго и непостояннаго Боккингама, который, промотавши княжеское состояніе и безплодно растративши мощный умъ, сошелъ въ могилу никѣмъ не оплаканный, всѣми презрѣнный и убитый поздним раскаяніемъ. (a) Деньги, которыя Сондерландъ цѣнилъ болѣе, чѣмъ почести, сыпались на него въ такомъ изобиліи, что онъ безъ труда могъ бы въ нѣсколько лѣтъ сдѣлаться однимъ изъ богатѣйшихъ людей въ Европѣ. Значительное штатное жалованье было только ничтожною частью его доходовъ. Отъ одной Франціи получалъ онъ около 6,000 фунтовъ въ годъ постоянной стипендіи, кромѣ огромныхъ случайныхъ подарковъ. Онъ заключилъ условіе съ Тирконнелемъ, который обязался либо платить ему 5,000 фунтовъ въ годъ, либо внести 50,000 фунтовъ единовременно, изъ доходовъ съ Ирландіи. Какія суммы доставляла ему продажа мѣстъ, титуловъ и помилованій, навѣрное неизвѣстно; но во всякомъ случаѣ онѣ были громадны. Іаковъ, казалось, находилъ какое-то удовольствіе въ осыпаніи сокровищами человѣка, котораго считалъ своимъ неофитомъ. Всѣ штрафныя деньги, всѣ конфискованныя имущества доставались Сондерланду. Съ каждаго пожалованія уплачивалась ему пошлина. Когда какой-нибудь проситель осмѣливался искать какой-нибудь милости непосредственно у короля, отвѣтъ Іакова въ подобныхъ случаяхъ былъ: «Говорили ли вы съ милордомъ президентомъ?» Какой-то смѣльчакъ отважился сказать, что лордъ-президентъ присвоивалъ себѣ всѣ доходы двора. «Ну, такъ что же? возразилъ его величество:

(a) «*London Gazette*», April 25. 28. 1687.

онъ ихъ вполнѣ заслуживаетъ.» (²) Мы едва ли преувеличимъ сумму доходовъ министра, если скажемъ, что онъ получалъ въ годъ не менѣе 30,000 фунтовъ; при этомъ надобно вспомнить, что состоянія, приносившія ежегодно тридцать тысячъ фунтовъ, были въ то время рѣже, чѣмъ теперь состоянія, приносящія сто тысячъ фунтовъ ежегодно. Весьма вѣроятно, что въ цѣломъ королевствѣ не было тогда ни одного пэра, частный доходъ котораго равнялся бы оффиціяльному доходу Сондерланда.

Статочное ли дѣло, чтобы человѣкъ, такъ сильно замѣшанный въ беззаконныхъ и общененавистныхъ дѣйствіяхъ правительства, членъ Верховной коммиссіи, отступникъ, котораго толпа преслѣдовала въ публичныхъ мѣстахъ криками «папистскій песъ», — статочное ли дѣло, чтобы такой человѣкъ, при новомъ порядкѣ вещей, сдѣлался могущественнѣе и богаче прежняго? Статочное ли дѣло, чтобы онъ даже успѣлъ избѣжать заслуженнаго наказанія?

Онъ, безъ сомнѣнія, уже давно подумывалъ о томъ времени, когда Вильгельмъ и Марія, по естественному ходу вещей и обыкновенному порядку престолонаслѣдія, должны были стать во главѣ англійскаго правительства, и, вѣроятно, пытался расположить ихъ въ свою пользу обѣщаніями и услугами, которыя, если-бы обнаружились, не возвысили бы его кредита въ Вайтголлѣ. Но навѣрное можно сказать, что у него не было ни малѣйшаго желанія увидѣть ихъ вознесенными на высоту величія революціею, и что онъ вовсе не предвидѣлъ такой революціи, когда въ концѣ іюня 1688 года торжественно присоединился къ Римской церкви.

Едва, однако, успѣлъ онъ, вслѣдствіе этого непростительнаго преступленія, сдѣлаться предметомъ ненависти и презрѣнія для

(²) «*Secret Consults of the Romish Party in Ireland.*» Этотъ разсказъ сильно подтверждается слѣдующимъ отрывкомъ изъ письма Бонрепò къ Сеньлѐ, $^{12}/_{22}$ сент. 1687 : «Il (Сондерландъ) amassera beaucoup d'argent, le roi son maître lui donnant la plus grande partie de celui qui provient des confiscations ou des accommodemens que ceux qui ûont encour des peines font pour obtenir leur grace.»

всей націи, какъ до него дошли слухи, что государственное и церковное устройство Англіи въ скоромъ времени будетъ поддержано иностраннымъ и туземнымъ оружіемъ. Съ этой минуты всѣ его планы, кажется, измѣнились. Страхъ объялъ его душу и такъ ясно выражался на его лицѣ, что бросался въ глаза всѣмъ и каждому. (a) Почти невозможно было сомнѣваться, что, въ случаѣ революціи, дурные совѣтники, окружавшіе престолъ, будутъ потребованы къ строгому отчету; а между этими совѣтниками Сондерландъ стоялъ на первомъ планѣ. Потеря мѣстъ, окладовъ и пенсій была наименьшимъ изъ золъ, которыхъ ему слѣдовало опасаться. Родовой его замокъ и рощи въ Альторпѣ могли бы подвергнуться конфискаціи. Самъ онъ могъ бы нѣсколько лѣтъ томиться въ тюрьмѣ. Онъ могъ бы кончить жизнь на чужбинѣ, въ зависимости отъ щедротъ Франціи. Дѣло могло бы разыграться даже и того хуже. Страшныя видѣнія — безчисленная толпа, покрывающая Тоуэръ-Гилль и свирѣпо ликующая при видѣ отступника, эшафотъ, покрытый чернымъ сукномъ, Борнетъ, читающій отходную, и Кетчъ, опирающійся на сѣкиру, которою такимъ мясническимъ образомъ изрублены были Россель и Монмутъ—начали неотступно преслѣдовать несчастнаго министра. Впрочемъ, еще оставалось одно средство спасенія; но это средство для благороднаго человѣка было бы ужаснѣе тюрьмы и эшафота. Онъ еще могъ своевременною и полезною измѣною заслужить себѣ прощеніе у враговъ правительства. Въ его власти было оказать имъ въ настоящую минуту безцѣнныя услуги, потому что онъ былъ въ милости у короля, имѣлъ большое вліяніе на іезуитскую кабаль и пользовался слѣпымъ довѣріемъ французскаго посла. Средство сообщенія было подъ рукою, средство, достойное предположенной цѣли. Графиня Сондерландъ была лукавая женщина, которая, подъ личиною благочестія, одурачившею нѣкоторыхъ серьёзныхъ людей, очень дѣятельно занималась любовными и политическими интригами. (b) Красивый и

(a) Адда говоритъ, что ужасъ Сондерланда былъ очевиденъ. $\frac{26 \text{ окт.}}{5 \text{ нояб.}}$ 1688.

(b) Ср. разсказъ о ней Ивлина съ тѣмъ, что по поводу ея писала

распутный Генри Сидни съ давнихъ поръ былъ ея любовникомъ. Мужъ былъ очень радъ, что она такимъ образомъ находилась въ связи съ гагскимъ дворомъ. Каждый разъ, когда ему нужно было передать какое-нибудь тайное извѣстіе въ Голландію, онъ разсказывалъ его своей женѣ; та писала къ Сидни; а Сидни сообщалъ ея письма Вильгельму. Одно изъ ея посланій было перехвачено и представлено Іакову. Она горячо увѣряла, что оно подложное. Ея мужъ, съ характеристическою замысловатостью, представлялъ въ свое оправданіе совершенную невозможность, чтобы нашлась такая низкая личность, которая бы рѣшилась сдѣлать то, что для него было привычнымъ дѣломъ. «Если даже это и дѣйствительно рука леди Сондерландъ, сказалъ онъ, то и въ такомъ случаѣ моего участія тутъ не было. Вашему величеству извѣстно мое семейное несчастіе. Отношенія моей жены къ мистеру Сидни извѣстны всѣмъ и каждому. Можно ли допустить, чтобы я сдѣлалъ своимъ наперсникомъ человѣка, который нанесъ моей чести самое чувствительное оскорбленіе, человѣка, котораго я долженъ ненавидѣть болѣе, чѣмъ всякаго другаго?» (*) Оправданіе это признано было удовлетворительнымъ; и секретныя извѣстія продолжали передаваться рогоносцемъ прелюбодѣйкѣ, прелюбодѣйкою любовнику, а любовникомъ врагамъ Іакова.

Весьма вѣроятно, что первыя рѣшительныя обѣщанія поддержки со стороны Сондерланда были указаннымъ путемъ сообщены Вильгельму около половины августа. Несомнѣнно, что съ этой поры до самаго отплытія экспедиціи между графинею и ея любовникомъ велась многозначительная переписка. Нѣкоторыя изъ ея писемъ, частію шифрованныя, до сихъ поръ существуютъ. Они заключаютъ въ себѣ увѣренія въ преданности и обѣщанія услугъ, перемѣшанныя съ убѣдительными просьбами о покровительствѣ. Графиня намекаетъ, что мужъ ея сдѣлаетъ все, чего ни пожелаютъ его друзья въ Гагѣ; она полагаетъ, что ему не-

---

въ Гагу принцесса Датская, и съ собственными ея письмами къ Генри Сидни.

(*) Бонрепо къ Сеньлѣ, $^{11}/_{21}$ іюля 1688.

обходимо будетъ на нѣкоторое время удалиться въ изгнаніе, но надѣется, что ссылка его не будетъ вѣчною, и что его родовое помѣстье будетъ пощажено; вмѣстѣ съ тѣмъ она убѣдительно проситъ увѣдомить ее, въ какомъ мѣстѣ можетъ онъ найти для себя наиболѣе безопасное убѣжище, пока не утихнетъ первое неистовство бури. (a)

Безпокойство Вильгельма.

Помощь Сондерланда была какъ нельзя болѣе кстати. По мѣрѣ того какъ приближалось время сдѣлать рѣшительный шагъ, безпокойство Вильгельма усиливалось все больше и больше. Отъ постороннихъ взоровъ чувства его скрывались леднымъ спокойствіемъ его манеръ; но Бентинку сердце его было вполнѣ открыто. Приготовленія были еще не совсѣмъ окончены. Замыселъ уже возбуждалъ подозрѣнія и не могъ долго оставаться въ тайнѣ. Французскій король или городъ Амстердамъ все еще могли бы разстроить весь планъ. Еслибы Людовикъ двинулъ сильное войско въ Брабантъ, еслибы факція, ненавидѣвшая штатгальтера, оправилась, все погибло бы. «Мои мученія, мое безпокойство, писалъ принцъ, ужасны. У меня умъ за разумъ заходитъ. Никогда отъ роду не чувствовалъ я такъ, какъ теперь, необходимости въ Божьей помощи.» (b) Жена Бентинка была въ это время опасно больна, и оба друга мучительно безпокоились о ней. «Да укрѣпитъ васъ Господь, писалъ Вильгельмъ, и да поможетъ онъ вамъ принять участіе въ дѣлѣ, отъ котораго, на сколько человѣкъ можетъ предвидѣть, зависитъ благосостояніе Его церкви.» (c)

Іаковъ получаетъ предостереженія.

Въ самомъ дѣлѣ, такой обширный планъ, какъ замыселъ, составленный противъ англійскаго короля, не могъ нѣсколько недѣль оставаться тайною. Никакое искусство не помѣшало бы догадливымъ людямъ замѣтить, что Вильгельмъ дѣлалъ боль-

---

(a) См. ея письма въ недавно изданной книгѣ: Sidney's «*Diary and Correspondence.*» М-ръ Фоксъ въ своей копіи съ депешъ Барильона обозначилъ 30 августа н. ст. 1688, какъ число, съ котораго измѣна Сондерланда не подлежала уже никакому сомнѣнію.

(b) $^{19}/_{29}$ авг. 1688.

(c) $^{4}/_{14}$ сент. 1688.

шія сухопутныя и морскія военныя приготовленія, и понять дѣйствительную цѣль этихъ приготовленій. Въ началѣ августа слухи о томъ, что готовилось какое-то великое событіе, распространились по всему Лондону. Ничтожный и продажный Альбевилль находился тогда въ отпуску въ Англіи и высказывалъ дѣйствительную или притворную увѣренность, что голландское правительство не питало никакого непріязненнаго умысла противъ Іакова. Но, въ отсутствіе Альбевилля, Аво, съ необыкновенною ловкостью исполнявшій обязанности и французскаго и англійскаго пословъ при штатахъ, доставилъ Барильону и Людовику обстоятельныя свѣдѣнія. Аво былъ убѣжденъ, что готовилась экспедиція въ Англію, и успѣлъ убѣдить своего государя въ истинѣ этого дѣла. Каждый курьеръ, пріѣзжавшій въ Вестминстеръ изъ Гаги или изъ Версаля, привозилъ серьёзныя предостереженія. (*) Но Іаковъ былъ постигнутъ ослѣпленіемъ, которое искусно поддерживалось Сондерландомъ. Принцъ Оранскій, говорилъ лукавый министръ, никогда не дерзнетъ пуститься въ заморскую экспедицію, оставивши Голландію беззащитною. Штаты, помня, что̀ они вынесли и что̀ имъ предстояло вынести во время великой агоніи 1672 года, никогда не согласятся снова подвергнуться опасности увидѣть непріятельскую армію, расположенную лагеремъ на равнинѣ между Утрехтомъ и Амстердамомъ. Недовольства, безъ сомнѣнія, много въ Англіи; но между недовольствомъ и бунтомъ лежитъ неизмѣримая бездна. Знатные и богатые люди не захотятъ легкомысленно рисковать почестями, имуществами и жизнью. Сколько именитыхъ виговъ выражалось заносчивымъ языкомъ, когда Монмутъ былъ въ Нидерландахъ! А между тѣмъ, когда онъ поднялъ свое знамя, кто изъ именитыхъ виговъ присоединился къ нему? Не трудно понять, отчего Людовикъ показывалъ видъ, будто бы онъ вѣрилъ этимъ пустымъ слухамъ. Онъ, безъ сомнѣнія, надѣялся запугать англійскаго короля для того, чтобы тотъ принялъ французскую сторону въ

(*) Avaux, $^{19}/_{29}$ іюля, $\frac{31\ \text{іюля}}{10\ \text{авг.}}$ и $^{11}/_{21}$ авг. 1688; Людовикъ къ Барильону, $^{2}/_{12}$ и $^{12}/_{22}$ авг.

распрѣ о Кёльнѣ. Легко убаюкиваемый такими доводами, Іаковъ коснѣлъ въ глупой безпечности. ([a]) Тревога и негодованіе Людовика съ каждымъ днемъ расли больше и больше. Тонъ его писемъ сдѣлался рѣзкимъ и запальчивымъ. ([b]) Онъ не могъ, писалъ онъ, понять этой летаргіи наканунѣ страшнаго кризиса. Не околдованъ ли король? Не ослѣпли ли его министры? Возможно ли, чтобы никто въ Вайтголлѣ не зналъ о томъ, что дѣлалось въ Англіи и на материкѣ? Такая безумная безпечность едва ли могла быть слѣдствіемъ простой непредусмотрительности. Тутъ долженъ былъ крыться обманъ. Іаковъ очевидно находился въ дурныхъ рукахъ. Барильонъ получилъ настойчивое предостереженіе не полагаться безусловно на англійскихъ министровъ; но это предостереженіе ни къ чему не послужило. Его, какъ и Іакова, Сондерландъ обошелъ такими чарами, которыхъ никакое заклинаніе не могло разрушить.

Усиліе Людовика спасти Іакова.

Людовикъ сильно засуетился. Бонрепо, далеко превосходившій Барильона хитростью и всегда питавшій отвращеніе и недовѣріе къ Сондерланду, былъ отправленъ въ Лондонъ съ предложеніемъ морской помощи. Въ то же самое время Аво получилъ приказаніе объявить генеральнымъ штатамъ, что Франція приняла Іакова подъ свое покровительство. Значительный отрядъ войска былъ на готовѣ двинуться къ голландской границѣ. Эта смѣлая попытка насильно спасти обезумѣвшаго тирана сдѣлана была съ вѣдома и согласія Скельтона, который былъ тогда англійскимъ посланникомъ при версальскомъ дворѣ.

Аво, согласно со своими инструкціями, потребовалъ аудіенціи у штатовъ. Она была охотно дана. Собраніе было необыкновенно многолюдно. Всѣ думали, что посланникъ сдѣлаетъ какое-нибудь сообщеніе относительно торговли, и президентъ принесъ съ собою письменный отвѣтъ, составленный въ этомъ предположеніи. Лишь только Аво началъ излагать данное ему порученіе, тотчасъ обнаружились признаки безпокойства. Тѣ изъ присутство-

---

(a) Barillon, $^{20}/_{30}$ авг. и $\frac{23 \text{ авг.}}{2 \text{ сент.}}$ 1688; Adda, $\frac{24 \text{ авг.}}{3 \text{ сент.}}$; Clarke's «*Life of James*», II. 177. Orig. Mem.

(b) Людовикъ къ Барильону, $^{3}/_{13}$, $^{8}/_{18}$ и $^{11}/_{21}$ сент. 1688.

вавшихъ, которые считались довѣренными лицами принца Оранскаго, потупили взоры. Волненіе еще болѣе усилилось, когда посланникъ объявилъ, что его государь тѣсно связанъ узами дружбы и свойства съ его британскимъ величествомъ, и что всякое нападеніе на Англію будетъ считаться объявленіемъ войны Франціи. Президентъ, застигнутый въ расплохъ, пробормоталъ нѣсколько уклончивыхъ фразъ, и конференція окончилась. Въ то же время объявлено было штатамъ, что Людовикъ взялъ подъ свое покровительство кардинала Фюрстенберга и кёльнскій капитулъ. (*)

Депутаты были сильно взволнованы. Нѣкоторые изъ нихъ совѣтовали держаться осторожной и выжидательной политики. Другіе только и говорили, что о войнѣ. Фагель горячо нападалъ на французскую наглость и умолялъ своихъ товарищей не страшиться угрозъ. Настоящимъ отвѣтомъ на такое сообщеніе, сказалъ онъ, было набрать еще болѣе солдатъ и вооружить еще болѣе кораблей. Немедленно отправленъ былъ за Вильгельмомъ курьеръ въ Минденъ, гдѣ принцъ имѣлъ тогда весьма важное совѣщаніе съ курфирстомъ бранденбургскимъ.

Но тревожиться было нечего. Іаковъ самъ клонился къ своей гибели; и каждая попытка остановить его только заставляла его еще ревностнѣе стремиться къ паденію. Когда его престолъ былъ безопасенъ, когда его народъ былъ покоренъ, когда раболѣпнѣйшій изъ парламентовъ готовъ былъ предупреждать всѣ разумныя его желанія, когда иностранныя королевства и республики наперерывъ другъ передъ другомъ старались пріобрѣсти его расположеніе, когда лишь отъ него самого зависѣло сдѣлаться третейскимъ судьею между всѣми державами христіанскаго міра, онъ унижался до степени раба и наемника Франціи. Теперь же, когда онъ рядомъ преступленій и безразсудствъ успѣлъ оттолкнуть отъ себя своихъ сосѣдей, подданныхъ, солдатъ, моряковъ и дѣтей, когда у него уже не оставалось другаго прибѣжища, кромѣ французскаго покровительства, имъ овладѣлъ припадокъ

(*) Avaux, $\frac{23 \text{ авг.}}{2 \text{ сент.}}$ и $\frac{30 \text{ авг.}}{9 \text{ сент.}}$ 1688.

гордости, и онъ рѣшился доказать свою независимость. Ту помощь, которую принялъ онъ съ постыдными слезами, когда ему не было въ ней надобности, онъ отвергалъ теперь съ презрѣніемъ, когда она сдѣлалась для него необходимою. Унизившись до раболѣпія въ то время, когда ему слѣдовало строго поддерживать свое достоинство, онъ сдѣлался неблагодарно высокомѣренъ въ такую минуту, когда высокомѣріе должно было навлечь на него посмѣяніе и гибель. Онъ злился на дружеское вмѣшательство, которое могло бы спасти его. «Слыханное ли дѣло, говорилъ онъ, чтобы король когда-нибудь подвергался такому оскорбленію? Что́ я, ребенокъ или идіотъ, что другіе должны за меня думать? Что́ я, мелкій князёкъ или кардиналъ Фюрстенбергъ, который держится только помощью могущественнаго покровителя? Долженъ ли я опозорить себя въ глазахъ цѣлой Европы подчиненіемъ тщеславному покровительству, котораго я никогда не просилъ?» Скельтонъ призванъ былъ къ отвѣту за свои дѣйствія и немедленно по прибытіи былъ посаженъ въ Тоуэръ. Ситтерсъ былъ ласково принятъ въ Вайтголлѣ и удостоился продолжительной аудіенціи. Правдивость, какой дипломаты вовсе не считаютъ нужною въ подобныхъ случаяхъ, не препятствовала ему отрицать существованіе враждебнаго умысла со стороны генеральныхъ штатовъ; ибо генеральные штаты, не получившіе покамѣстъ никакого оффиціяльнаго свѣдѣнія о замыслѣ Вильгельма, имѣли еще полную возможность отказать въ своемъ согласіи на этотъ замыселъ. Іаковъ объявилъ, что онъ не давалъ ни малѣйшей вѣры слухамъ о голландскомъ нашествіи, и что поведеніе французскаго правительства удивляло и оскорбляло его. Миддльтонъ получилъ приказаніе увѣрить всѣхъ иностранныхъ посланниковъ, что между Франціей и Англіей вовсе не существовало такого союза, какимъ, изъ личныхъ своихъ видовъ, похвалялся версальскій дворъ. Нунцію король сказалъ, что Людовикъ, намѣренія котораго были очевидны, ошибется въ своихъ разсчетахъ. Это услужливое покровительство, по словамъ англійскаго короля, было оскорбленіемъ и въ то же время ловушкою. «Мой державный братецъ, сказалъ Іаковъ, отличный человѣкъ; но лесть и

тщеславіе вскружили ему голову.» ([a]) Адда, который гораздо болѣе заботился о Кёльнѣ, нежели объ Англіи, поддержалъ это странное ослѣпленіе. Альбевилль, только-что вернувшійся къ своему посту, получилъ приказаніе передать генеральнымъ штатамъ дружескія увѣренія Іакова и прибавить къ нимъ нѣсколько гордыхъ фразъ, которыя были бы умѣстны только въ устахъ Елисаветы или Оливера. «Мой государь, сказалъ онъ, и по могуществу, и по характеру своему, выше той роли, которую старается навязать ему Франція. Англійскій король и архіепископъ кёльнскій — не одно и то же.» Пріемъ Бонрепо въ Вайтголлѣ былъ холоденъ. Морская помощь, которую онъ предлагалъ, не была безусловно отвергнута; но онъ принужденъ былъ возвратиться безъ всякаго положительнаго отвѣта; а посланники Соединенныхъ провинцій и Австрійскаго дома получили увѣдомленіе, что его миссія была непріятна королю и осталась безъ послѣдствій. Послѣ Революціи Сондерландъ похвалялся, и, вѣроятно, справедливо, что это онъ убѣдилъ своего государя отвергнуть предложенную помощь Франціи. ([b])

Упорное безразсудство Іакова естественно возбудило негодованіе могущественнаго сосѣда. Людовикъ жаловался, что, въ благодарность за величайшую услугу, какую только могъ онъ оказать англійскому правительству, правительство это выставило его лжецомъ передъ всѣми христіанскими державами. Онъ справедливо замѣчалъ, что слова графа д'Аво относительно союза между Франціей и Великобританіей были, хотя и не буквальною, однако тѣмъ не менѣе сущею истиною. Правда, никакого обстоятельно изложеннаго, подписаннаго, снабженнаго печатями и ратифико-

---

([a]) «Che l'adulazione e la vanità gli avevano tornato il capo.» — Адда, $\frac{31\ \text{авг.}}{10\ \text{сент.}}$ 1688.

([b]) Citters, $^{11}/_{21}$ сент. 1688; Avaux, $^{17}/_{27}$ сент. и $\frac{27\ \text{сент.}}{7\ \text{окт.}}$; Barillon, $\frac{23\ \text{сент.}}{3\ \text{окт.}}$; Wagenaar, book LX; Sunderland's «*Apology*.» Нерѣдко утверждали, будто Іаковъ отвергъ помощь французской арміи. Дѣло въ томъ, что такая армія никогда и не предлагалась. Дѣйствительно, французскія войска оказали бы Іакову болѣе существенную услугу, угрожая предѣламъ Голландіи, нежели переправившись черезъ Британскій каналъ.

ваннаго трактата между Англіей и Франціей не существовало; но за то, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, между обоими дворами постоянно происходилъ обмѣнъ такихъ увѣреній, которыя для честныхъ людей имѣютъ полное значеніе формальнаго договора. «Какъ ни высоко мѣсто мое въ Европѣ, прибавлялъ Людовикъ, однако я никогда не былъ бы такъ нелѣпо щекотливъ, чтобы въ дѣйствіи, внушенномъ дружбою, увидѣть оскорбленіе моего достоинства. Но Іаковъ находится совершенно въ иномъ положеніи и скоро узнаетъ цѣну той помощи, которую такъ грубо отвергнулъ.» (a)

Однако, не смотря на тупоуміе и неблагодарность Іакова, со стороны Людовика было бы благоразумно упорствовать въ рѣшеніи, заявленномъ генеральнымъ штатамъ. Таково было твердое мнѣніе д'Аво, который по прозорливости и разсудительности былъ достойнымъ соперникомъ Вильгельма. Главною задачею французскаго правительства — такъ разсуждалъ искусный посланникъ — долженствовало быть предупрежденіе задуманной экспедиціи въ Англію. Чтобы предупредить эту высадку, надлежало вторгнуться въ испанскіе Нидерланды и угрожать батавской границѣ. Правда, принцъ Оранскій до того былъ преданъ любимому своему предпріятію, что не отказался бы отъ него даже и въ такомъ случаѣ, еслибы бѣлый флагъ появился на стѣнахъ Брюсселя. Онъ дѣйствительно сказалъ, что, успѣй только испанцы отстоять Остенде, Монсъ и Намюръ до слѣдующей весны, онъ вернулся бы изъ Англіи съ войскомъ, которое бы скоро отвоевало все, что́ было бы потеряно. Но, хотя таково было мнѣніе принца, мнѣніе штатовъ было иное. Они едва ли согласились бы послать своего главнокомандующаго и цвѣтъ своей арміи по ту сторону Нѣмецкаго моря въ то время, когда ихъ собственной территоріи угрожалъ страшный непріятель. (b)

Французскія войска вторгаются въ Германію.

Людовикъ признавалъ основательность этихъ соображеній; но онъ уже рѣшился избрать другой способъ дѣйствія. Быть можетъ,

(a) Людовикъ къ Барильону, $^{20}/_{30}$ сент. 1688.
(b) Avaux, $\frac{27\ \text{сент.}}{7\ \text{окт.}}$ и $^{4}/_{14}$ окт. 1688.

онъ оскорбился невѣжливостью и упрямствомъ англійскаго правительства и увлекся гнѣвомъ въ ущербъ своимъ интересамъ. Быть можетъ, онъ былъ введенъ въ заблужденіе совѣтами своего военнаго министра, Лувуа, имѣвшаго на него большое вліяніе и непріязненно относившагося къ Аво. Какъ бы то ни было, Людовикъ рѣшился нанести сильный и неожиданный ударъ непріятелю вдали отъ Голландіи. Онъ внезапно вывелъ свои войска изъ Фландріи и двинулъ ихъ въ Германію. Одна изъ армій, номинально находившаяся подъ командою дофина, а въ дѣйствительности состоявшая подъ начальствомъ герцога Дюра́ и отца фортификаціи, Вобана, обложила Филиппсбургъ. Другая, во главѣ которой стоялъ маркизъ де-Буффлеръ, овладѣла Ворисомъ, Майнцомъ и Триромъ. Третья, подъ предводительствомъ маркиза д'Юмьера, вступила въ Боннъ. Вдоль всего Рейна, отъ Карлсруэ до Кёльна, французское оружіе оказалось побѣдоноснымъ. Извѣстіе о паденіи Филиппсбурга достигло Версаля 1 ноября, въ день Всѣхъ Святыхъ, когда дворъ слушалъ проповѣдь въ капеллѣ. Король далъ знакъ проповѣднику остановиться, объявилъ собранію радостную вѣсть и, ставши на колѣни, принесъ благодарность Богу за этотъ великій успѣхъ. Присутствовавшіе плакали отъ радости. (a) Пылкій и впечатлительный французскій народъ встрѣтилъ новость шумными изъявленіями восторга. Поэты прославляли тріумфы своего щедраго покровителя. Ораторы превозносили съ каѳедры мудрость и великодушіе старшаго сына церкви. Благодарственный молебенъ совершенъ былъ съ необыкновенною пышностью, и торжественные звуки органа смѣшивались съ звуками трубъ и бряцаніемъ тарелокъ. Но радоваться было нечего. Великій государственный человѣкъ, стоявшій во главѣ европейской коалиціи, внутренно улыбался при видѣ дурно направленной энергіи врага. Правда, быстрыми своими дѣйствіями Людовикъ пріобрѣлъ нѣкоторыя выгоды со стороны Германіи; но эти выгоды не послужили бы ни къ чему, еслибы Англія, при

(a) Madame de Sévigné, $\frac{24 \text{ окт.}}{3 \text{ нояб.}}$ 1688.

четырехъ короляхъ сряду постыдно коснѣвшая въ бездѣйствіи, внезапно заняла прежнее мѣсто въ Европѣ. Нѣсколькихъ недѣль было бы достаточно для предпріятія, отъ котораго зависѣла судьба міра; а Соединенныя провинціи на нѣсколько недѣль были въ безопасности.

Вильгельмъ получаетъ согласіе генеральныхъ штатовъ на экспедицію.

Вильгельмъ ускорялъ теперь свои приготовленія съ неутомимою дѣятельностью и уже не съ такою таинственностью, какую дотолѣ считалъ необходимою. Обѣщанія поддержки прибывали отъ иностранныхъ дворовъ ежедневно. Оппозиція въ Гагѣ исчезла. Усилія Аво, который, даже и въ этотъ послѣдній моментъ, напрягалъ все свое искусство, чтобы одушевить факцію, боровшуюся противъ трехъ поколѣній Оранскаго дома, остались тщетными. Правда, вожди этой факціи все еще непріязненно относились къ штатгальтеру. Они боялись, чтобы успѣхъ его предпріятія въ Англіи не далъ ему средствъ сдѣлаться неограниченнымъ властелиномъ Голландіи. Тѣмъ не менѣе, ошибки версальскаго двора и ловкость, съ какою принцъ Оранскій воспользовался этими ошибками, уничтожили всякую возможность дальнѣйшей борьбы противъ него. Вильгельмъ увидѣлъ, что настало время просить у штатовъ разрѣшенія на экспедицію. Главною квартирою партіи, враждебной его роду, сану и лицу былъ Амстердамъ; но даже и со стороны Амстердама ему въ эту минуту ничто не угрожало. Нѣкоторые изъ главныхъ сановниковъ этого города неоднократно имѣли тайныя совѣщанія съ нимъ, съ Диквельтомъ и съ Бентинкомъ и были доведены до того, что обѣщали содѣйствовать, или по крайней мѣрѣ не противодѣйствовать великому замыслу: одни были раздражены торговыми эдиктами Людовика; другіе глубоко скорбѣли о своихъ родственникахъ и друзьяхъ, терпѣвшихъ притѣсненія отъ французскихъ драгунъ; иные страшились быть причиною раскола, который могъ бы сдѣлаться гибельнымъ для Батавской федераціи; а нѣкоторые боялись простаго народа, потому что чернь, подстрекаемая воззваніями ревностныхъ проповѣдниковъ, готова была растерзать всякаго измѣнника протестантскому дѣлу. Поэтому, большинство членовъ того городскаго совѣта, который такъ долго былъ преданъ Франціи, высказалось въ пользу предпріятія Вильгельма.

Съ тѣхъ поръ всѣ опасенія противодѣйствія со стороны какой-либо изъ Соединенныхъ провинцій разсѣялись, и полное согласіе федераціи на экспедицію было формально дано въ секретныхъ засѣданіяхъ. (a)

Принцъ уже нашелъ и генерала, который, въ случаѣ надобности, могъ занять мѣсто главнокомандующаго. Дѣло это было не послѣдней важности. Случайный выстрѣлъ или кинжалъ убійцы могли въ одно мгновеніе лишить экспедицію предводителя. Необходимо было имѣть преемника, который бы могъ тотчасъ же занять вакантное мѣсто. Но избрать кого-нибудь изъ англичанъ невозможно было, не обидѣвши либо виговъ, либо торіевъ; да и никто изъ тогдашнихъ англичанъ не отличался военными дарованіями, необходимыми для веденія кампаніи. Съ другой стороны, не легко было отдать преимущество какому-нибудь иностранцу, не оскорбивши національнаго самолюбія гордыхъ островитянъ. Въ цѣлой Европѣ былъ одинъ, и только одинъ, человѣкъ, противъ котораго не могло найтись никакихъ возраженій. Это былъ графъ Фридрихъ фонъ Шомбергъ, нѣмецъ, потомокъ одной изъ благородныхъ фамилій Пфальца. Онъ вообще считался величайшимъ изъ тогдашнихъ знатоковъ военнаго искусства. Его прямота и благочестіе, подвергавшіяся сильнымъ искушеніямъ и никогда не ослабѣвавшія, внушали всѣмъ и каждому уваженіе и довѣріе. Протестантъ, онъ тѣмъ не менѣе, въ теченіе многихъ лѣтъ, находился на службѣ у Людовика и, вопреки кознямъ іезуитовъ, рядомъ великихъ подвиговъ заслужилъ жезлъ маршала Франціи. Когда началось преслѣдованіе гугенотовъ, храбрый ветеранъ твердо отказался купить королевскую милость цѣною отступничества, безропотно сложилъ съ себя всѣ почести и званія, покинулъ названное свое отечество и нашелъ себѣ убѣжище при берлинскомъ дворѣ. Ему уже минуло семьдесятъ лѣтъ; но духъ и тѣло его были еще въ полной силѣ. Онъ жилъ нѣкоторое время въ Анг- Шомбергъ.

(a) Witsen MS. quoted by Wagenaar; Lord Lonsdale's «*Memoirs*»; Avaux $^{4}/_{14}$ и $^{8}/_{18}$ окт. 1688. Формальная декларація генеральныхъ штатовъ, отъ $^{18}/_{28}$ окт., находится въ «*Recueil des Traités*», vol. IV. No. 225.

ліи и былъ тамъ очень любимъ и уважаемъ. Дѣйствительно, у него была такая рекомендація, какою тогда могли похвалиться очень немногіе изъ иностранцевъ: онъ говорилъ по англійски не только понятно, но даже пріятно и чисто. Съ согласія курфирста Бранденбургскаго и къ искреннему удовольствію предводителей всѣхъ англійскихъ партій, онъ назначенъ былъ намѣстникомъ Вильгельма. (a)

Британскіе авантюристы въ Гагѣ.

Мало по малу Гага наполнилась британскими авантюристами всѣхъ различныхъ партій, которыхъ тираннія Іакова соединила въ одну странную коалицію. Тутъ были и старые роялисты, проливавшіе свою кровь за престолъ, и старые агитаторы парламентской арміи, и торіи, подвергавшіеся гоненію во дни билля объ исключеніи, и виги, бѣжавшіе на материкъ по случаю участія своего въ Райгаусскомъ заговорѣ.

Замѣчательнѣйшими лицами въ этомъ огромномъ собраніи были: Чарльзъ Джерардъ, графъ Макльзфильдъ, престарѣлый кавалеръ, сражавшійся за Карла I и дѣлившій изгнаніе Карла II, Арчибальдъ Кампбелль, старшій сынъ несчастнаго Аргайля, не получившій однако въ наслѣдство ничего, кромѣ славнаго имени и неизмѣнной преданности многочисленнаго клана, Чарльзъ Полетъ, графъ Вильтширъ, наслѣдникъ маркиза Винчестера, и Перегринъ Осборнъ, лордъ Домблейнъ, наслѣдникъ графа Данби. Мордонтъ, обрадовавшійся перспективѣ неодолимо привлекательныхъ для его пылкой натуры приключеній, явился однимъ изъ первыхъ волонтеровъ. Флетчеръ Сальтаунъ, который до этого времени охранялъ границу христіанскаго міра отъ вторженія невѣрныхъ, узнавши, что для его отчизны снова представилась возможность освобожденія, поспѣшилъ предложить свой мечъ къ услугамъ освободителя. Сэръ Патрикъ Юмъ, со времени бѣгства своего изъ Шотландіи скромно проживавшій въ Утрехтѣ, теперь вышелъ изъ неизвѣстности; но, къ счастію, его краснорѣчіе не могло на этотъ разъ причинить большой бѣды,

---

(a) «*Abrégé de la Vie de Frédéric Duc de Schomberg*», 1690; Сидни къ Вильгельму, 30 іюня 1688; Burnet, I, 677.

потому что принцъ Оранскій не имѣлъ ни малѣйшаго желанія быть представителемъ такого общества любителей словопренія, какое погубило предпріятіе Аргайля. Лукавый и безпокойный Вильдманъ, незадолго передъ тѣмъ нашедшій Англію ненадежнымъ мѣстомъ пребыванія и удалившійся въ Германію, теперь явился изъ Германіи ко двору принца. Тамъ же былъ и Карстерзъ, пресвитеріанскій священнослужитель изъ Шотландіи, хитростью и храбростью не уступавшій никому изъ политическихъ дѣятелей того времени. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, Фагель довѣрилъ ему важныя тайны, и Карстерзъ свято сохранилъ ихъ, не смотря на ужаснѣйшія мученія, какія только могли быть причинены застѣночными колодками и тисками. Его рѣдкая твердость была причиною того, что принцъ оказывалъ ему болѣе довѣрія и уваженія, чѣмъ кому-либо другому, кромѣ Бентинка. (a) Фергюсонъ не могъ оставаться спокойнымъ, когда готовилась какая-нибудь революція. Онъ выхлопоталъ себѣ мѣстечко во флотѣ и постоянно тёрся около своихъ товарищей-эмигрантовъ; но они вообще относились къ нему съ недовѣріемъ и презрѣніемъ. Онъ игралъ важную роль въ кучкѣ невѣжественныхъ и взбалмошныхъ изгнанниковъ, которые были причиною гибели слабаго Монмута; но между степенными государственными людьми и полководцами, дѣлившими заботы рѣшительнаго и прозорливаго Вильгельма, не было мѣста для низкаго агитатора, полу-безумца и полу-плута.

Различіе между экспедиціею 1685 и экспедиціею 1688 года ясно обозначилось разницею манифестовъ, изданныхъ предводителями этихъ экспедицій. Для Монмута Фергюсонъ намаралъ нелѣпый и грубый пасквиль по поводу пожара Лондона, удавленія Годфри, умерщвленія Эссекса и отравленія Карла. Декларація Вильгельма была написана великимъ пенсіонаріемъ Фагелемъ, который слылъ однимъ изъ лучшихъ публицистовъ. Важная и ученая, она въ первоначальномъ своемъ видѣ грѣшила многословіемъ, но была сокращена и переведена по

Декларація Вильгельма.

(a) Burnet, I. 584.; Mackay's «*Memoirs*.»

англійски Бонвтомъ, который отлично умѣлъ писать общепонятнымъ языкомъ. Она начиналась торжественнымъ вступленіемъ, гласившимъ, что въ каждомъ политическомъ обществѣ строгое соблюденіе законовъ одинаково необходимо какъ для счастія народовъ, такъ и для безопасности правительствъ. Поэтому, говорилось дальше, принцъ Оранскій глубоко скорбѣлъ при видѣ того, что основные законы королевства, съ которымъ онъ былъ тѣсно связанъ узами крови и супружества, грубо и систематически нарушались по наущенію дурныхъ совѣтниковъ. Полномочіе отмѣнять парламентскіе акты достигло такихъ размѣровъ, что вся законодательная власть перешла къ коронѣ. Рѣшенія, противорѣчившія духу конституціи, вынуждались у трибуналовъ посредствомъ увольненія отъ службы одного судьи за другимъ, такъ что магистратура наполнилась наконецъ людьми, готовыми слѣпо повиноваться велѣніямъ правительства. Не смотря на многократныя обѣщанія короля поддерживать установленную религію, лица, завѣдомо враждебныя этой религіи, получали не только гражданскія должности, но и церковныя бенефиціи. Управленіе церковью, вопреки яснымъ и точнымъ статутамъ, ввѣрено было новой Верховной коммиссіи, и въ этой коммиссіи засѣдалъ одинъ изъ явныхъ папистовъ. Вѣрные подданные, за отказъ нарушить долгъ и присягу, подвергались лишенію собственности, наперекоръ Великой Хартіи англійскихъ вольностей. Въ то же самое время лица, по закону не имѣвшія права даже ступить на островъ, сдѣланы были начальниками учебныхъ заведеній, предназначенныхъ для развращенія юношества. Намѣстники, помощники намѣстниковъ, мировые судьи были во множествѣ отставлены отъ должностей за отказъ поддерживать гибельную и антиконституціонную политику. Привилегіи почти всѣхъ городовъ были нарушены. Судебныя мѣста находились въ такомъ состояніи, что ихъ рѣшенія, даже по гражданскимъ дѣламъ, перестали внушать довѣріе, а раболѣпіе ихъ въ уголовныхъ процессахъ пятнало королевство невинною кровью. Всѣ эти злоупотребленія, ненавистныя для англійской націи, должны были, по видимому, стать подъ защиту арміи ирландскихъ папистовъ. Этого мало: самые неограниченные государи никогда не вмѣняли своимъ подданнымъ въ

вину скромныхъ и мирныхъ жалобъ на обиды и ходатайствъ о законномъ удовлетворенiи. Теперь же мольба считалась въ Англiи тяжкимъ уголовнымъ преступленiемъ. За простую подачу государю просьбы, написанной въ самыхъ почтительныхъ выраженiяхъ, отцы церкви были подвергнуты тюремному заключенiю и судебному преслѣдованiю; а тѣ изъ судей, которые подали голосъ въ ихъ пользу, тотчасъ же были удалены отъ должностей. Созванiе свободно и законно избраннаго парламента, конечно, могло бы быть дѣйствительнымъ средствомъ противъ всѣхъ этихъ золъ; но на появленiе такого парламента нацiя до тѣхъ поръ не могла надѣяться, пока не измѣнился бы весь духъ управленiя. Дворъ, посредствомъ преобразованiя муниципальныхъ корпорацiй и назначенiя папистскихъ отчетныхъ чиновниковъ, очевидно намѣревался составить такое законодательное собранiе, которое было бы палатою общинъ только по имени. Наконецъ, нѣкоторыя обстоятельства возбуждали сильное подозрѣнiе, что ребенокъ, называвшiйся принцемъ Валлiйскимъ, въ дѣйствительности былъ рожденъ не королевою. По этимъ причинамъ принцъ Оранскiй, какъ близкiй родственникъ королевской фамилiи, побуждаемый признательностью за расположенiе, которое англiйскiй народъ всегда оказывалъ его возлюбленной супругѣ и ему самому, рѣшился уступить просьбамъ многихъ духовныхъ и свѣтскихъ лордовъ, а равно и многихъ другихъ всякаго званiя лицъ, и явиться въ Англiю во главѣ войска, достаточнаго для отраженiя насилiя. Онъ отрекался отъ всякой мысли о завоеванiи. Онъ увѣрялъ, что его войска, во все время своего пребыванiя на островѣ, будутъ подчинены строжайшимъ правиламъ дисциплины и, какъ только нацiя освободится отъ тираннiи, немедленно будутъ отосланы назадъ. Единственною его цѣлью было собранiе независимаго и законнаго парламента, рѣшенiю котораго онъ торжественно обязывался предоставить всѣ общественные и частные вопросы.

Какъ только розданы были въ Гагѣ экземпляры этой декларацiи, между англичанами тотчасъ начали обнаруживаться признаки несогласiя. Неутомимый зажига Вильдманъ убѣдилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ соотечественниковъ, и въ томъ числѣ упрямаго Мор-

донта, объявить, что на такихъ основаніяхъ они не возьмутся за оружіе. Воззваніе, говорилъ онъ, написано единственно съ цѣлью угодить кавалерамъ и священникамъ. Оскорбленія церкви и процессъ епископовъ выдвинуты слишкомъ рельефно впередъ; а о томъ, какимъ жестокимъ образомъ, до своего разрыва съ дворомъ, поступали торіи съ вигами, не сказано ни слова. Затѣмъ Вильдманъ представилъ новый, имъ самимъ изготовленный, проектъ воззванія, который навѣрное вооружилъ бы противъ Вильгельма все англійское духовенство и $^4/_5$ поземельной аристократіи. Предводители виговъ сильно возстали противъ Вильдмана. Въ особенности Россель объявилъ, что принятіе такого безумнаго предложенія уничтожило бы коалицію, отъ которой только и могла нація ожидать избавленія. Наконецъ распря была прекращена авторитетомъ Вильгельма: принцъ, съ обычнымъ своимъ здравымъ смысломъ, рѣшилъ, что манифестъ долженъ остаться почти въ томъ самомъ видѣ, какъ составили его Фагель и Борнетъ. (a)

Іаковъ начинаетъ сознавать опасность своего положенія.

Между тѣмъ какъ эти дѣла происходили въ Голландіи, Іаковъ наконецъ почувствовалъ опасность своего положенія. Извѣстія, которыхъ нельзя было оставить безъ вниманія, стекались къ нему съ различныхъ сторонъ. Наконецъ депеша отъ Альвевилля положила конецъ всѣмъ сомнѣніямъ. Говорятъ, что король, прочитавши ее, поблѣднѣлъ и нѣсколько времени не могъ выговорить ни слова. (b) И дѣйствительно, было отчего испугаться. Первый восточный вѣтеръ могъ принести вражескій флотъ къ берегамъ его государства. Вся Европа, за исключеніемъ одной лишь державы, съ нетерпѣніемъ ожидала извѣстія о его паденіи. Помощь этой единственной державы онъ безумно отвергнулъ. Мало того: за дружеское вмѣшательство, которое могло бы спасти его, онъ отплатилъ оскорбленіемъ. Французскія арміи, которыя, не помѣшай дѣлу собственное его безразсудство, могли бы держать генеральные штаты въ страхѣ, осаждали теперь Филиппсбургъ или же занимали Майнцъ. Черезъ нѣсколько дней онъ могъ быть

(a) Burnet, I. 775. 780.
(b) Eachard's «*History of the Revolution*», II. 2.

поставленъ въ необходимость сражаться на англійской землѣ за свою корону и за наслѣдственное право своего малолѣтняго сына. Съ виду военныя средства его были велики. Морскія силы Англіи были тогда гораздо въ лучшемъ состояніи, нежели во время его восшествія на престолъ; и это улучшеніе слѣдуетъ отчасти приписать собственнымъ усиліямъ Іакова. Онъ не назначалъ ни лорда генералъ-адмирала, ни адмиралтействъ-совѣта, и удерживалъ главное управленіе морскими дѣлами въ собственныхъ рукахъ, при чемъ ему ревностно содѣйствовалъ Пеписъ. Пословица говоритъ, что свой глазъ лучше чужаго; и дѣйствительно, въ вѣкъ лихоимства и казнокрадства вѣдомство, на которое государь, даже очень посредственныхъ способностей, лично обращаетъ пристальное вниманіе, можетъ быть сравнительно свободно отъ злоупотребленій. Найти болѣе искуснаго морскаго министра, чѣмъ Іаковъ, было бы легко; но не легко было бы найти между тогдашними государственными людьми такого морскаго министра, который бы не утаивалъ запасовъ, не бралъ взятокъ съ подрядчиковъ и не отягощалъ казны никогда небывалыми ремонтными издержками. Король, по истинѣ, былъ почти единственнымъ лицомъ, на которое можно было положиться, что оно не обкрадывало короля. Поэтому, въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, тратъ и покражъ въ морскомъ вѣдомствѣ было гораздо меньше, чѣмъ прежде. Построены были суда, годныя къ выходу въ море. Изданъ былъ превосходный указъ, увеличившій оклады капитановъ и въ то же время строго воспретившій имъ перевозить товары изъ одного порта въ другой безъ королевскаго соизволенія. Дѣйствіе этихъ преобразованій было уже ощутительно; и Іаковъ не встрѣтилъ никакого затрудненія вооружить въ короткое время значительный флотъ. Тридцать линейныхъ кораблей, все третьяго и четвертаго ранговъ, собраны были на Темзѣ подъ командою лорда Дартмута. Вѣрнопреданность Дартмута не подлежала ни малѣйшему сомнѣнію; а искусствомъ и знаніемъ своего дѣла онъ не уступалъ ни одному изъ тѣхъ патриціянскихъ моряковъ, которые тогда достигали высшихъ морскихъ должностей безъ правильнаго морскаго воспитанія и кото-

Его морскія средства.

рые разомъ были и флагманами на морѣ и полковыми командирами на сушѣ. (a)

Его сухопутныя средства. Регулярная армія была огромнѣйшею изъ всѣхъ армій, какими когда-либо повелѣвали англійскіе короли, и числительная сила ея быстро возрастала. Въ составъ наличныхъ полковъ включены были новые отряды. Послѣдовали повелѣнія о формированіи новыхъ полковъ. Къ англійской арміи прибавлено было 4,000 человѣкъ. 3,000 были поспѣшно присланы изъ Ирландіи. Такое же число солдатъ получило приказаніе двинуться на югъ изъ Шотландіи. Сила, которою Іаковъ разсчитывалъ отразить непріятельское нашествіе, простиралась до 40,000 человѣкъ, не считая въ томъ числѣ милиціи. (b)

Такимъ образомъ флота и арміи было болѣе чѣмъ достаточно для отраженія голландскаго нашествія. Но можно ли было положиться на флотъ или на армію? Не стеклись ли бы милиціонеры тысячами подъ знамена освободителя? Партія, нѣсколько лѣтъ назадъ обнажившая мечъ за Монмута, несомнѣнно поспѣшила бы привѣтствовать принца Оранскаго. А что́ сдѣлалось съ партіею, которая, въ теченіе сорока семи лѣтъ, была оплотомъ монархіи? Гдѣ были теперь тѣ храбрые джентльмены, которые всегда были готовы пролить свою кровь за корону? Оскорбленные и поруганные, изгнанные изъ судебныхъ мѣстъ и лишенные всѣхъ военныхъ должностей, они съ явною радостью смотрѣли на опасное положеніе своего неблагодарнаго государя. Гдѣ были тѣ іереи и прелаты, которые съ десятка тысячъ каѳедръ проповѣдывали долгъ повиновенія помазаннику Божію? Одни изъ нихъ были заточены; другіе были ограблены; всѣ они были подчинены желѣзной ферулѣ Верховной коммиссіи и находились въ ежечасномъ страхѣ, какъ бы новая прихоть тиранніи не отняла

(a) Pepys's «*Memoirs relating to the Royal Navy*», 1690; Clarke's «*Life of James the Second*», II. 186. Orig. Mem.; Adda, $\frac{21\ \text{сент.}}{1\ \text{окт.}}$; Citters, $\frac{21\ \text{сент.}}{1\ \text{окт.}}$.

(b) Clarke's «*Life of James the Second*», II. 186. Orig. Mem.; Adda, $\frac{24\ \text{сент.}}{4\ \text{окт.}}$; Citters, $\frac{21\ \text{сент.}}{1\ \text{окт.}}$.

у нихъ бенефицій и не оставила ихъ безъ куска хлѣба. Чтобы церковники совершенно забыли ученіе, бывшее предметомъ ихъ особеннаго тщеславія, и приняли участіе въ дѣятельномъ сопротивленіи, все еще казалось неимовѣрнымъ. Но могъ ли ихъ гонитель надѣяться найти между ними тотъ духъ, который въ предшествовавшемъ поколѣніи восторжествовалъ надъ полчищами Эссекса и Воллера и только послѣ отчаянной борьбы уступилъ генію и энергіи Кромвелля? Тиранъ былъ внѣ себя отъ страха. Онъ пересталъ твердить, что уступки всегда губили государей, и нехотя согласился, что необходимо было унизиться до вторичнаго ухаживанія за торіями. (a) Надо полагать, что въ это время Галифаксъ получилъ предложеніе снова вступить въ должность и что онъ былъ не прочь отъ этого. Роль посредника между престоломъ и націею была изо всѣхъ ролей именно тою, къ которой онъ былъ наиболѣе способенъ и которой онъ наиболѣе добивался. Какимъ образомъ прервались переговоры съ нимъ, неизвѣстно; но весьма вѣроятно, что вопросъ о разрѣшительной власти оказался непреодолимымъ затрудненіемъ. Вражда его къ этой власти была причиной его опалы три года тому назадъ; а съ тѣхъ поръ не произошло ничего такого, что̀ могло бы заставить его перемѣнить свои воззрѣнія. Іаковъ, со своей стороны, вполнѣ рѣшился не дѣлать никакой уступки въ этомъ отношеніи. (b) Относительно другихъ вопросовъ онъ менѣе упорствовалъ. Онъ издалъ прокламацію, въ которой торжественно обѣщалъ охранять Англійскую церковь и соблюдать актъ о единовѣріи. Онъ изъявлялъ готовность принести большія жертвы для сохраненія согласія. Онъ не желалъ болѣе настаивать на допущеніи католиковъ въ палату общинъ и выражалъ увѣренность, что подданные его надлежащимъ образомъ оцѣнятъ такое доказательство его

Онъ пытается примириться со своими подданными.

(a) Адда, $\frac{28 \text{ окт.}}{8 \text{ окт.}}$ 1688. Эта депеша ярко описываетъ, какъ Іаковъ страшился всеобщаго отпаденія своихъ подданныхъ.

(b) Всѣ имѣющіяся у насъ скудныя свѣдѣнія относительно этихъ переговоровъ заимствованы у Риксви. Онъ получилъ ихъ отъ какой-то дамы, которой онъ не называетъ, и на показанія которой, конечно, не слѣдовало безусловно полагаться.

расположенія удовлетворить ихъ желаніямъ. Спустя три дня, онъ объявилъ о своемъ намѣреніи возвратить прежнія мѣста всѣмъ лордамъ-намѣстникамъ и ихъ помощникамъ, уволеннымъ отъ службы за отказъ поддерживать его политику. На другой день послѣ этого объявленія съ Комтона снята была опала. (*)

Онъ даетъ аудіенцію епископамъ.

Въ то же самое время король далъ аудіенцію всѣмъ находившимся тогда въ Лондонѣ епископамъ. Они испросили разрѣшеніе лично представить его величеству мнѣніе свое о текущихъ событіяхъ. Рѣчь держалъ примасъ. Онъ почтительно ходатайствовалъ, чтобы администрація была ввѣрена правоспособнымъ лицамъ, чтобы всѣ распоряженія, сдѣланныя въ силу разрѣшительной власти, были отмѣнены, чтобы церковная коммиссія была упразднена, чтобы обиды, причиненныя Магдалинской коллегіи, были заглажены, и чтобы старинныя льготы муниципальныхъ корпорацій были возстановлены. Онъ весьма ясно намекнулъ на существованіе одного крайне желательнаго средства, которое совершенно обезпечило бы престолъ и успокоило бы потрясенное государство. Еслибы его величество соизволилъ вновь разсмотрѣть пункты разногласія между Римскою и Англійскою церквами, быть можетъ, благодать Божія осѣнила бы доводы, которые епископы желали представить ему, и онъ убѣдился бы, что его долгъ — возвратиться къ религіи своего отца и дѣда. «До сихъ поръ, сказалъ Санкрофтъ, я выражалъ мнѣніе всѣхъ моихъ братій. Остается предметъ, о которомъ я не совѣщался съ ними, но на который считаю своимъ долгомъ указать.» Дѣйствительно, онъ былъ единственный человѣкъ духовнаго званія, который могъ указать на этотъ предметъ, не возбуждая подозрѣнія въ какомъ-нибудь корыстномъ побужденіи. Іоркская митрополія уже три года была вакантною. Архіепископъ умолялъ короля поспѣшить замѣщеніемъ этой вакансіи какимъ-нибудь благочестивымъ и ученымъ богословомъ и прибавилъ, что такого богослова не трудно было найти между предстоявшими лицами. Король овладѣлъ собою на столько, что поблагодарилъ за этотъ непріятный совѣтъ

(*) «*London Gazette*», Sept. 24. 27., Oct. 1. 1688.

и обѣщалъ подумать обо всемъ, что́ было сказано. (a) Относительно разрѣшительной власти онъ не хотѣлъ сдѣлать ни малѣйшей уступки. Изъ лицъ, незаконно занимавшихъ гражданскія или военныя должности, никто не былъ отставленъ. Но нѣкоторыя изъ предложеній Санкрофта были приведены въ исполненіе. Спустя двое сутокъ, Верховная коммиссія была упразднена. (b) Хартію лондонскаго Сити, отнятую за шесть лѣтъ передъ тѣмъ, рѣшено было возвратить городу; и канцлеръ торжественно отвезъ почтенную грамоту въ Гильдголль. (c) Черезъ недѣлю публика узнала, что епископъ винчестерскій, который въ силу своей должности былъ визитаторомъ Магдалининской коллегіи, получилъ отъ короля приказаніе отмѣнить всѣ незаконныя распоряженія въ этой корпораціи. Не безъ долгой борьбы и не безъ горькихъ мукъ склонился Іаковъ на это послѣднее униженіе. Дѣйствительно, онъ до тѣхъ поръ не уступалъ, пока апостолическій викарій Ливорнъ, всегда поступавшій благоразумно и честно, не объявилъ, что, по его мнѣнію, изгнанные президентъ и члены коллегіи были обижены, и что имъ, какъ по религіознымъ, такъ и по политическимъ причинамъ, слѣдовало возвратить отнятыя у нихъ мѣста. (d) Черезъ нѣсколько дней явилась прокламація, возстановлявшая отнятыя привилегіи всѣхъ муниципальныхъ корпорацій. (e)

Его уступки приняты дурно.

Іаковъ льстилъ себя надеждою, что такія большія уступки,

(a) Tanner MSS.; Burnet, I. 784. Борнетъ, мнѣ кажется, смѣшалъ эту аудіенцію съ другою, происходившею нѣсколькими недѣлями позже.

(b) «*London Gazette*», Oct. 8. 1688.

(c) Ibid.

(d) Ibid. Oct. 15. 1688; Adda, $^{12}/_{22}$ окт. Нунцій, хотя и былъ вообще врагомъ насильственныхъ мѣръ, однако, кажется, противился возвращенію мѣста Гофу, вѣроятно, по сочувствію къ интересамъ Джифарда и другихъ католиковъ, навязанныхъ Магдалининской коллегіи. Ливорнъ говорилъ о себѣ, что онъ былъ «nel sentimento che fosse stato uno spoglio, e che il possesso in cui si trovano ora li Cattolici fosse violento ed illegale, onde non era privar questi di un dritto acquisto, ma rendere agli altri quello che era stato levato con violenza.»

(e) «*London Gazette*», Oct. 18. 1688.

сдѣланныя въ теченіе какого-нибудь мѣсяца, снова привлекутъ къ нему сердца народа. И разумѣется, будь такія уступки сдѣланы прежде, чѣмъ явилось основаніе ожидать нашествія изъ Голландіи, онѣ значительно способствовали бы примиренію короля съ торіями. Но правители, уступающіе страху то, въ чемъ отказывали справедливости, не должны разсчитывать на признательность. Въ теченіе трехъ лѣтъ король былъ глухъ ко всякимъ доводамъ, ко всякимъ моленіямъ. Каждый министръ, осмѣливавшійся возвысить голосъ въ пользу гражданскаго и церковнаго устройства государства, впадалъ въ немилость. Необыкновенно преданный парламентъ, дерзнувшій кротко и почтительно протестовать противъ нарушенія основныхъ законовъ Англіи, подвергся суровому выговору, отсрочкѣ и распущенію. Судьи одинъ за другимъ были отрѣшаемы отъ должностей за то, что отказывались постановлять рѣшенія, противныя всѣмъ основаніямъ обычнаго и статутнаго права. Самые почтенные кавалеры были устраняемы отъ всякаго участія въ управленіи графствами за то, что отказывались посягать на народныя вольности. Десятки священниковъ были изгоняемы изъ своихъ бенефицій за то, что соблюдали присягу. Прелаты, чьей неизмѣнной вѣрности король обязанъ былъ своею короною, на колѣняхъ умоляли его не требовать отъ нихъ нарушенія законовъ божескихъ и человѣческихъ. Всеподданнѣйшая ихъ просьба признана была возмутительнымъ пасквилемъ. Они подверглись поруганію, угрозамъ, тюремному заключенію, судебному преслѣдованію и съ крайнимъ трудомъ избѣжали совершенной погибели. Наконецъ нація, убѣдившись, что право было попрано силою, и что даже мольба считалась преступленіемъ, начала помышлять о возстаніи. Притѣснитель узналъ, что вооруженный освободитель былъ недалеко и будетъ радостно встрѣченъ вигами и торіями, диссидентами и церковниками. Тотчасъ же все перемѣнилось. То самое правительство, которое за постоянную и ревностную службу платило грабежемъ и преслѣдованіемъ, то самое правительство, которое на основательные доводы и трогательныя просьбы отвѣчало только обидами да оскорбленіями, въ одно мгновеніе сдѣлалось удивительно милостивымъ. Каждый номеръ «*Лондонской Газеты*»

объявлялъ теперь объ уничтоженіи какого-нибудь злоупотребленія. Такимъ образомъ очевидно стало, что на справедливость, гуманность и честное слово короля нельзя было полагаться, и что онъ управлялъ бы хорошо до тѣхъ только поръ, пока находился бы подъ вліяніемъ сильнаго страха сопротивленія. Поэтому его подданные отнюдь не были расположены возвратить ему довѣріе, утраченное имъ по собственной его винѣ, или ослабить давленіе, вынудившее у него единственныя хорошія мѣры всего его царствованія. Общее нетерпѣніе увидѣть голландцевъ съ каждымъ днемъ усиливалось больше и больше. Простой народъ жестоко клялъ и бранилъ сильный вѣтеръ, который тогда упорно дулъ съ запада и который, мѣшая отплытію принцева флота, въ то же время приносилъ свѣжіе ирландскіе полки изъ Дублина въ Честеръ. Погода, говорили, была папистскою. На Чипсайдѣ стояли толпы народа, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившія за флюгеромъ прелестной колокольни Боу-Чорча и молившіяся о ниспосланіи протестантскаго вѣтра. (*)

Общее чувство было усилено однимъ обстоятельствомъ, которое, будучи простою случайностью, тѣмъ не менѣе естественнымъ образомъ приписано было вѣроломности короля. Епископъ винчестерскій объявилъ, что онъ, во исполненіе королевскихъ приказаній, намѣренъ былъ возвратить прежнія мѣста изгнаннымъ членамъ Магдалининской коллегіи. Онъ назначилъ для этой церемоніи 21 октября и 20 числа пріѣхалъ въ Оксфордъ. Весь университетъ былъ въ ожиданіи. Изгнанные общники, побуждаемые нетерпѣливымъ желаніемъ какъ можно скорѣе вступить подъ сѣнь излюбленной коллегіи, прибыли со всѣхъ концевъ королевства. Триста джентльменовъ верхомъ сопровождали визитатора до его квартиры. Когда онъ ѣхалъ, колокола гудѣли безъ умолку, и Гай-Стритъ былъ наполненъ ликующими зрителями. Онъ удалился от-

---

(*) «Vento Papista», говоритъ Адда, $\frac{24 \text{ окт.}}{3 \text{ нояб.}}$ 1688. Выраженіе «протестантскій вѣтеръ», кажется, было впервые дано тому вѣтру, который нѣсколько времени препятствовалъ Тирконнелю вступить въ управленіе Ирландіею. См. первую часть «*Lillibullero*.»

дохнуть. На слѣдующее утро радостная толпа собралась у воротъ Магдалинской коллегіи, но епископъ не являлся. Вскорѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ ночью получилъ съ королевскимъ гонцомъ приказаніе немедленно отправиться въ Вайтголль. Эта странная помѣха возбудила сильное удивленіе и безпокойство; но черезъ нѣсколько часовъ пришли извѣстія, которыя, по мнѣнію публики, не безъ основанія расположенной къ пессимизму, вполнѣ объясняли перемѣну королевскаго намѣренія. Голландскій флотъ вышелъ было въ море, но буря отнесла его назадъ. Молва преувеличила неудачу. Толковали, что множество кораблей потонуло, что тысячи лошадей погибли, и что всякую мысль о высадкѣ въ Англію, по крайней мѣрѣ на нынѣшній годъ, надлежало оставить. Это, говорила публика, урокъ для націи. Пока Іаковъ ожидалъ немедленнаго нашествія и бунта, онъ повелѣлъ оказать удовлетвореніе тѣмъ, кого незаконно ограбилъ. Какъ только почувствовалъ онъ себя безопаснымъ, приказанія эти тотчасъ были отмѣнены. Хотя этому обвиненію въ то время вѣрили всѣ, и хотя оно съ того времени повторялось писателями, которые должны были бы имѣть точныя свѣдѣнія, тѣмъ не менѣе оно было неосновательно. Неудача голландскаго флота, какимъ бы путемъ ни пришло извѣстіе о ней, могла сдѣлаться извѣстною въ Вестминстерѣ только черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ епископъ винчестерскій получилъ приказъ, отозвавшій его изъ Оксфорда. Король, впрочемъ, не имѣлъ права жаловаться на подозрительность своихъ подданныхъ. Если они иногда, не разобравши хорошенько доказательствъ, приписывали его безчестной политикѣ то, что въ сущности было дѣломъ случая или оплошности, виноватъ въ этомъ былъ самъ онъ. Недовѣріе къ людямъ, привыкшимъ нарушать честное слово, недовѣріе, проявляющееся даже и тогда, когда эти люди намѣрены сдержать свое обѣщаніе, составляетъ долю справедливаго и естественнаго ихъ наказанія. (*)

Замѣчательно, что въ этомъ случаѣ Іаковъ навлекъ на себя незаслуженное обвиненіе единственно вслѣдствіе ревностнаго

(*) Всѣ данныя по этому предмету собраны въ Howell's edition of the «*State Trials.*»

желанія оправдаться отъ другаго обвиненія, равнымъ образомъ незаслуженнаго. Епископъ винчестерскій былъ поспѣшно отозванъ изъ Оксфорда для присутствованія въ чрезвычайномъ засѣданіи тайнаго совѣта, или вѣрнѣе въ собраніи нотаблей, которое созвано было въ Вайтголлѣ. Вмѣстѣ съ членами тайнаго совѣта приглашены были въ это торжественное засѣданіе всѣ находившіеся о ту пору въ столицѣ или неподалеку отъ столицы духовные и свѣтскіе лорды, судьи, коронные юристы, лордъ-меръ и ольдермены лондонскаго Сити. Питеру данъ былъ совѣтъ не являться въ собраніе. Дѣйствительно, изъ перовъ не многіе согласились бы засѣдать съ нимъ. Подлѣ предсѣдательскаго мѣста приготовлено было парадное кресло для вдовствующей королевы. Принцесса Анна получила приглашеніе присутствовать, но отказалась подъ предлогомъ нездоровья.

Тайному совѣту представлены доказательства законности рожденія принца Валлійскаго.

Іаковъ объявилъ этому высокопочтенному собранію, что онъ призналъ нужнымъ представить доказательства законнаго рожденія своего сына. По его словамъ, козни злонамѣренныхъ людей до того извратили общественное мнѣніе, что очень многіе считали принца Валлійскаго подложнымъ ребенкомъ. Къ счастію, Провидѣніе устроило такъ, что едва ли какой-нибудь принцъ являлся на свѣтъ въ присутствіи столькихъ свидѣтелей. Затѣмъ приказано было позвать и выслушать этихъ свидѣтелей. По отобраніи всѣхъ показаній, Іаковъ весьма торжественно объявилъ, что взведенное на него обвиненіе совершенно ложно, и что онъ скорѣе готовъ тысячу разъ умереть, нежели обидѣть кого-нибудь изъ дѣтей своихъ.

Всѣ присутствовавшіе, казалось, были удовлетворены. Доказательства тотчасъ же были обнародованы, и разсудительныя и безпристрастныя лица признали ихъ рѣшительными. (a) Но разсудительные люди всегда составляютъ меньшинство; а безпристрастныхъ людей тогда почти вовсе не было. Нація поголовно была убѣждена, что всѣ искренніе паписты считали долгомъ преступать клятву, если только клятвопреступленіе могло

(a) Они, вмѣстѣ со многими объяснительными матеріалами, находятся въ Howell's edition of the «*State Trials*.»

послужить въ пользу ихъ церкви. Люди, воспитанные въ протестантизмѣ и изъ корыстныхъ видовъ притворявшіеся обращенными въ папизмъ, заслуживали еще меньше довѣрія, чѣмъ искренніе паписты. Показанія всѣхъ, кто принадлежалъ къ этимъ двумъ классамъ, считались поэтому ничего не значащими. Такимъ образомъ число убѣдительныхъ свидѣтельствъ, на которыя разсчитывалъ Іаковъ, значительно уменьшилось. Остальныя показанія подверглись злобнымъ кривотолкамъ. Противъ каждаго изъ немногихъ протестантскихъ свидѣтелей, сказавшихъ что-либо существенное, нашлось какое-нибудь возраженіе. Одинъ былъ отъявленнымъ взяточникомъ и льстецомъ. Другой, хотя самъ еще и не сдѣлался отступникомъ, однако былъ близкимъ родственникомъ отступника. Народъ по прежнему спрашивалъ: если все было въ порядкѣ то отчего же король, знавшій, что многіе сомнѣвались въ дѣйствительности беременности его жены, не позаботился, чтобы фактъ рожденія наслѣдника престола былъ доказанъ болѣе удовлетворительнымъ образомъ? Неужели не было ничего подозрительнаго въ ложномъ разсчетѣ, во внезапной перемѣнѣ жилища, въ отсутствіи принцессы Анны и архіепископа кентербёрійскаго? Отчего не присутствовалъ никто изъ прелатовъ Англиканской церкви? Отчего не былъ приглашенъ голландскій посолъ? Отчего, въ особенности, не были позваны Гайды, преданные слуги короны, вѣрные сыны церкви и естественные охранители интересовъ своихъ племянницъ, тогда какъ внутри и внѣ королевской спальни собрана была цѣлая толпа папистовъ? Отчего, наконецъ, въ длинномъ спискѣ присутствовавшихъ не было ни одного имени, которое бы пользовалось общественнымъ довѣріемъ и уваженіемъ? Настоящій отвѣтъ на эти вопросы заключался въ томъ, что разсудокъ у короля былъ слабъ, что нравъ у него былъ деспотиченъ, и что онъ обрадовался случаю заявить презрѣніе ко мнѣнію своихъ подданныхъ. Но толпа, недовольная этимъ объясненіемъ, приписала глубокой низости то, что̀ въ сущности было слѣдствіемъ безразсудства и упрямства. Да и не одна толпа думала подобнымъ образомъ. На другой день послѣ засѣданія совѣта, леди-Анна, за туалетомъ своимъ, говорила о вчерашнемъ изслѣдованіи съ такимъ глумленіемъ, что да-

же одѣвавшія ее камерфрау позволяли себѣ вставлять въ ея рѣчь и свои шуточки. Нѣкоторые изъ лордовъ, слушавшихъ показанія свидѣтелей и притворившихся удовлетворенными, въ дѣйствительности не были убѣждены. Лойдъ, епископъ сентъ-асафскій, благочестіе и ученость котораго пользовались общимъ уваженіемъ, до конца своей жизни оставался въ полной увѣренности, что дѣло было нечисто.

Опала Сондерланда.

Не прошло нѣсколькихъ часовъ со времени обнародованія показаній, отобранныхъ въ присутствіи совѣта, какъ разнесся слухъ, что Сондерландъ отставленъ отъ всѣхъ своихъ должностей. Новость о его опалѣ, кажется, застигла въ расплохъ клубныхъ политикановъ, но не изумила тѣхъ, которые наблюдали, что́ происходило во дворцѣ. Измѣна его не была доказана ни законными, ни даже осязательными уликами; но у тѣхъ, кто пристально слѣдилъ за нимъ, было сильное подозрѣніе, что онъ, такъ или иначе, находился въ сношеніи съ врагами того правительства, среди котораго занималъ такое высокое мѣсто. Онъ же, съ обычнымъ безстыдствомъ, призывалъ на свою голову всѣ возможныя кары въ настоящей и будущей жизни, если только былъ онъ виновенъ. Единственный его грѣхъ, увѣрялъ онъ, состоялъ въ слишкомъ усердной службѣ коронѣ. Не представилъ ли онъ залоговъ своей преданности королевскому дѣлу? Не преградилъ ли онъ для себя всѣхъ путей, посредствомъ которыхъ, въ случаѣ какого-нибудь злополучія, могъ бы совершить отступленіе? Не доходилъ ли онъ до послѣднихъ крайностей въ интересѣ разрѣшительной власти, не засѣдалъ ли онъ въ Верховной коммиссіи, не подписалъ ли онъ приказа объ арестованіи епископовъ, не являлся ли онъ, съ опасностью для своей жизни, свидѣтелемъ противъ нихъ, посреди свистковъ и проклятій нѣсколькихъ тысячъ народа, наполнявшаго Вестминстерскую залу? Не далъ ли онъ послѣдняго доказательства вѣрности, отрекшись отъ своей религіи и присоединившись къ церкви, къ которой нація питала отвращеніе? Чего могъ онъ надѣяться отъ переворота? Чего только не могъ онъ страшиться? Доводы эти, при всемъ своемъ правдоподобіи и при всей вкрадчивой ловкости, съ какою излагались они, не могли уничтожить впечатлѣнія, которое было произведено нагово-

рами и донесеніями, одновременно шедшими изъ сотни различныхъ источниковъ. Король съ каждымъ днемъ становился холоднѣе и холоднѣе. Сондерландъ попытался прибѣгнуть къ заступничеству королевы, добился аудіенціи у ея величества и уже былъ въ ея покояхъ, какъ вдругъ явился Миддльтонъ и, по приказанію короля, потребовалъ у него государственную печать. Въ этотъ вечеръ павшій министръ имѣлъ послѣднее свиданіе съ государемъ, которому онъ льстилъ и измѣнилъ. Свиданіе было странное. Сондерландъ въ совершенствѣ разыгралъ роль оклеветанной добродѣтели. Онъ не жалѣлъ бы, сказалъ онъ, о должности статсъ-секретаря или президента, еслибы только сохранилъ за собою уваженіе своего государя. «Не дѣлайте меня, государь, несчастнѣйшимъ человѣкомъ въ вашихъ владѣніяхъ, не откажитесь объявить, что вы не признаете меня клятвопреступникомъ.» Король почти не зналъ, чему вѣрить. Положительнаго доказательства вины не было; а энергія и паѳосъ, съ какими лгалъ Сондерландъ, могли бы обмануть даже болѣе проницательный умъ, нежели тотъ, съ которымъ ему приходилось имѣть дѣло. Во французскомъ посольствѣ увѣренія его все еще пользовались кредитомъ. Онъ объявилъ тамъ, что останется нѣсколько дней въ Лондонѣ и будетъ являться при дворѣ. Потомъ онъ удалится въ свой Альторпскій замокъ и попытается поправить свое разстроенное состояніе. Еслибы вспыхнула революція, ему пришлось бы бѣжать во Францію. Его дурно вознагражденная преданность государю не оставила ему никакого другаго убѣжища. (a)

Печати, отобранныя у Сондерланда, переданы были Престону. Тотъ же номеръ «*Лондонской Газеты*», въ которомъ объявлено было объ этой перемѣнѣ, заключалъ въ себѣ оффиціяльное извѣстіе о бѣдствіи, постигшемъ голландскій флотъ. (b) Бѣдствіе это было велико; но отнюдь не такъ велико, какъ думали

(a) Barillon, $^{8}/_{18}$, $^{15}/_{25}$ и $^{18}/_{28}$ окт., $\frac{25\ \text{окт.}}{4\ \text{нояб.}}$, $\frac{27\ \text{окт.}}{6\ \text{нояб.}}$ и $\frac{29\ \text{окт.}}{8\ \text{нояб.}}$ 1688; Adda, $\frac{26\ \text{окт.}}{5\ \text{нояб.}}$

(b) «*London Gazette*», Oct. 29, 1688.

король и немногіе его приверженцы, введенные въ заблужденіе своими желаніями.

16 октября, по англійскому стилю, происходило торжественное засѣданіе генеральныхъ штатовъ Голландіи. Принцъ явился проститься съ ними. Онъ благодарилъ ихъ за доброту, съ которою они смотрѣли за нимъ, когда онъ остался малолѣтнимъ сиротою, за довѣріе, которое они изъявляли ему во время его управленія, и за помощь, которую они оказали ему въ эту критическую минуту. Онъ просилъ ихъ вѣрить, что онъ всегда помышлялъ и заботился о благѣ отчизны. Онъ покидалъ ихъ теперь, быть можетъ, навѣки. Еслибы ему суждено было пасть за протестантскую религію и независимость Европы, въ такомъ случаѣ онъ поручалъ свою возлюбленную супругу ихъ попеченію. Великій пенсіонарій отвѣчалъ прерывистымъ голосомъ, и во всемъ этомъ важномъ собраніи не было никого, кто бы могъ удержаться отъ слезъ. Но желѣзный стоицизмъ Вильгельма никогда не слабѣлъ. Принцъ стоялъ между своими плачущими друзьями спокойный и строгій, какъ будто готовился разстаться съ ними лишь на короткое время, по случаю отъѣзда на охоту въ Лоо. (a)

Вильгельмъ прощается съ генеральными штатами Голландіи.

Депутаты главныхъ городовъ проводили его до его яхты. Даже представители Амстердама, такъ долго бывшаго центромъ оппозиціи его управленію, оказали ему ту же любезность. Молебствія о немъ совершались въ тотъ день во всѣхъ церквахъ Гаги.

Вечеромъ онъ прибылъ въ Гельвутслёйсъ, пересѣлъ на фрегатъ «Палтусъ» и немедленно велѣлъ поднять свой флагъ, на которомъ нассаускій гербъ соединенъ былъ съ англійскимъ. Девизъ, вышитый трехфутовыми буквами, былъ избранъ очень удачно. Оранскій домъ издавна употреблялъ эллиптическую надпись: «Je maintiendrai, Я поддержу.» Теперь этотъ эллипсисъ дополненъ былъ многозначительными словами: «Вольности Англіи и протестантское исповѣданіе.»

Онъ садится на корабль и отправляется въ море.

Черезъ нѣсколько часовъ по прибытіи принца на флотъ, подулъ попутный вѣтеръ. 19 числа флотъ снялся съ якоря и, бла-

Буря относитъ его назадъ.

(a) Протоколы засѣданій штатовъ Голландіи и Западной Фрисландіи; Burnet, I. 782.

годаря сильному фордевинду, успѣлъ пройти около половины разстоянія между голландскимъ и англійскимъ берегами. Тутъ вѣтеръ перемѣнился, крѣпко подулъ съ запада и превратился въ жестокую бурю. Разметанные и значительно поврежденные корабли кое-какъ добрались опять до голландскаго прибрежья. «Палтусъ» прибылъ въ Гельвутслёйсъ 21 числа. Спутники принца съ удивленіемъ замѣчали, что ни опасность, ни досада, ни на минуту не разстроивали его спокойствія. Прибывши въ гавань, онъ, хотя и страдалъ отъ морской болѣзни, однако отказался сойти на берегъ: онъ понималъ, что пребываніе его на кораблѣ должно было самымъ яснымъ образомъ доказать Европѣ, что недавняя неудача замедляла исполненіе его намѣренія лишь на очень короткое время. Черезъ два-три дня флотъ снова собрался. Претерпѣло кораблекрушеніе всего одно судно. Ни одного солдата, ни одного матроса не убыло. Погибло нѣсколько лошадей; но принцъ быстро пополнилъ эту потерю и, прежде чѣмъ «*Лондонская Газета*» распространила вѣсть о его неудачѣ, онъ уже опять готовъ былъ къ отплытію. (a)

Его декларація приходитъ въ Англію.

Его декларація предупредила его только нѣсколькими часами. 1 ноября лондонскіе политиканы начали таинственно перешептываться о ней; ее секретно передавали изъ рукъ въ руки и подбрасывали въ почтовые ящики. Одинъ изъ агентовъ былъ арестованъ, и пакеты, оказавшіеся при немъ, представлены были въ Вайтголль. Король прочелъ и крайне встревожился. Первымъ его движеніемъ было скрыть эту декларацію отъ всѣхъ человѣческихъ взоровъ. Онъ бросилъ въ огонь всѣ принесенные ему экземпляры, кромѣ одного, да и того почти не выпускалъ изъ рукъ. (b)

Іаковъ допрашиваетъ лордовъ.

Всего болѣе смущалъ его тотъ параграфъ манифеста, гдѣ говорилось, что нѣкоторые изъ духовныхъ и свѣтскихъ перовъ приглашали принца Оранскаго вторгнуться въ Англію. Галифаксъ,

---

(a) «*London Gazette*», Oct. 29. 1688; Burnet, I. 782.; Бентинкъ къ своей женѣ, $^{21}/_{31}$ окт., $\frac{22\ \text{окт.}}{1\ \text{нояб.}}$, $\frac{24\ \text{окт.}}{3\ \text{нояб.}}$ и $\frac{27\ \text{окт.}}{6\ \text{нояб.}}$ 1688.

(b) Citters, $^{2}/_{12}$ нояб. 1688; Adda, $^{2}/_{12}$ ноября.

Кларендонъ и Ноттингамъ были тогда въ Лондонѣ. Король немедленно потребовалъ ихъ во дворецъ и началъ допрашивать ихъ. Галифаксъ, хотя и сознавалъ себя невиннымъ, сначала отказался отвѣчать. «Ваше величество, сказалъ онъ, спрашиваете меня, не виновенъ ли я въ государственной измѣнѣ. Если я навлекаю на себя подозрѣніе, предайте меня суду перовъ. Какимъ образомъ, ваше величество, могли бы вы положиться на отвѣтъ преступника, котораго жизнь зависитъ отъ этого отвѣта? Еслибы даже я и приглашалъ его высочество, я не задумался бы объявить себя невиннымъ.» Король отвѣтилъ, что онъ вовсе не считалъ Галифакса преступникомъ, а спрашивалъ его просто, какъ спрашиваетъ джентльменъ оклеветаннаго джентльмена, имѣетъ ли клевета хоть малѣйшее основаніе. «Въ такомъ случаѣ, сказалъ Галифаксъ, я, какъ джентльменъ, говорящій джентльмену, могу увѣрить васъ честью моею, которая для меня такъ же священна, какъ и присяга, что я не приглашалъ принца Оранскаго.» (a) Кларендонъ и Ноттингамъ сказали то же самое. Еще болѣе заботился король удостовѣриться въ настроеніи прелатовъ. Еслибы они оказались враждебны ему, это значило бы, что престолъ его дѣйствительно находился въ опасности. Но этого не могло быть. Было нѣчто чудовищное въ предположеніи, чтобы кто-нибудь изъ епископовъ Англійской церкви могъ бунтовать противъ своего государя. Іаковъ призвалъ къ себѣ въ кабинетъ Комтона и спросилъ его: была ли, по его мнѣнію, какая-нибудь доля правды въ словахъ принца? Положеніе епископа было затруднительно: онъ былъ однимъ изъ семи лицъ, подписавшихъ приглашеніе; а между тѣмъ его совѣсть, хотя и не очень-то просвѣщенная, по видимому не позволяла ему прямо солгать. «Государь, сказалъ онъ, я вполнѣ увѣренъ, что изъ моихъ собратій нѣтъ ни одного, который бы не былъ такъ же невиненъ въ этомъ дѣлѣ, какъ я.» Двусмысленность эта была остроумна; но стóило ли тратить остроуміе изъ-за разницы между грѣхомъ такой двусмысленности и грѣ-

(a) Ronquillo, $^{12}/_{22}$ нояб. 1688. «Estas respuestas, говоритъ Ронкильо, son ciertas, aunque mas las encubrian en la corte.»

хомъ лжи, въ этомъ, кажется, позволительно усомниться. Король удовлетворился. «Я совершенно оправдываю всѣхъ васъ, сказалъ онъ, но считаю необходимымъ, чтобы вы публично опровергли клевету, взведенную на васъ въ декларацiи принца.» Епископъ, разумѣется, попросилъ прочесть ту бумагу, которую ему приказано было опровергнуть; но король не позволилъ ему даже взглянуть на нее.

На слѣдующiй день явилась прокламацiя, грозившая строжайшимъ наказанiемъ всякому, кто сталъ бы распространять, или даже осмѣлился бы прочитать манифестъ Вильгельма. (*) Примасъ и нѣсколько духовныхъ перовъ, находившихся тогда въ Лондонѣ, получили приказанiе явиться къ королю. Престонъ присутствовалъ въ королевскомъ кабинетѣ съ декларацiей принца въ рукахъ. «Милорды, сказалъ Iаковъ, прислушайтесь къ этому мѣсту. Оно касается васъ.» Затѣмъ Престонъ прочелъ фразу, въ которой упоминалось о духовныхъ перахъ. Король продолжалъ: «Я не вѣрю тутъ ни одному слову; я убѣжденъ въ вашей невинности, но считаю нужнымъ ознакомить васъ съ тѣмъ, въ чемъ васъ обвиняютъ.»

Примасъ, въ почтительныхъ выраженiяхъ, объявилъ, что король ни мало не ошибся въ немъ. «Я родился вѣрноподданнымъ вашего величества и неоднократно подтверждалъ мое вѣрноподданство присягою. У меня не можетъ быть двухъ королей разомъ. Я не приглашалъ принца и не думаю, чтобы его приглашалъ кто-нибудь изъ моихъ братiй.» — «Навѣрно не я», сказалъ Кру, епископъ доргамскiй. «И не я», сказалъ Картрайтъ, епископъ честерскiй. Кру и Картрайтъ, конечно, заслуживали довѣрiя: оба они засѣдали въ церковной коммиссiи. Когда очередь дошла до Комтона, онъ такъ ловко увернулся отъ вопроса, что любой iезуитъ могъ бы ему позавидовать. «Я, сказалъ онъ, еще вчера далъ отвѣтъ вашему величеству.»

Iаковъ нѣсколько разъ повторилъ, что считалъ ихъ всѣхъ совершенно невинными. Тѣмъ не менѣе, по его мнѣнiю, лич-

(*) «*London Gazette*», Nov. 5. 1688. Прокламацiя помѣчена 2 ноября.

ный его интересъ и собственная ихъ честь обязывали ихъ публично оправдаться. Поэтому онъ потребовалъ, чтобы они написали протестъ, въ которомъ выразили бы свое омерзѣніе къ замыслу принца. Они промолчали. Молчаніе ихъ было сочтено знакомъ согласія, и имъ позволено было удалиться. (a)

Вильгельмъ отплываетъ вторично.

Между тѣмъ флотъ Вильгельма былъ уже въ Нѣмецкомъ морѣ. Во второй разъ снялся онъ съ якоря въ четвергъ вечеромъ, 1 ноября. Вѣтеръ свѣжѣлъ съ востока. Флотъ, въ теченіе двѣнадцати часовъ, держалъ курсъ на сѣверозападъ. Легкія суда, высланныя англійскимъ адмираломъ для развѣдки, привезли извѣстія, которыя подтвердили господствовавшее мнѣніе, что непріятель попытается высадиться въ Іоркширѣ. Вдругъ, по сигналу съ принцева корабля, весь флотъ поворотилъ къ вѣтру и направился въ Британскій каналъ. Тотъ же вѣтеръ, который благопріятствовалъ плаванію Вильгельма, воспрепятствовалъ Дартмуту выйти изъ Темзы. Англійскіе корабли принуждены были опустить реи и стеньги; а два фрегата, успѣвшіе кое-какъ выбраться въ открытое море, пострадали отъ непогоды и были отброшены въ устье рѣки. (b)

Голландскій флотъ быстро несся по вѣтру и достигъ пролива около 10 часовъ утра въ субботу, 3 ноября. Вильгельмъ на «Палтусѣ» шелъ впереди. За нимъ, на всѣхъ парусахъ, слѣдовало болѣе 600 судовъ. Транспортныя суда были въ серединѣ. Линейные корабли, числомъ болѣе 50, прикрывали фланги. Гербертъ, въ званіи помощника генералъ-адмирала, командовалъ всѣмъ флотомъ. Онъ находился въ арріергардѣ. Подъ его начальствомъ состояло множество англійскихъ моряковъ, озлобленныхъ противъ папизма и привлеченныхъ высокою платою. Не малаго труда стоило принцу убѣдить нѣкоторыхъ знаменитыхъ голландскихъ офицеровъ подчиниться авторитету иноземца. Но распоряженіе это было необыкновенно благоразумно. Въ королевскомъ флотѣ

(a) Таннер MSS.

(b) Burnet, I. 787.; Rapin; Whittle's «*Exact Diary*»; «*Expedition of the Prince of Orange to England*», 1688; «*History of the Desertion*», 1688; Дартмутъ къ Іакову, 5 нояб. 1688, у Дальримпля.

было много недовольныхъ людей и горячихъ поборниковъ протестантской вѣры. Но, на памяти старыхъ моряковъ, голландскій и англійскій флоты трижды, съ геройскимъ мужествомъ и попеременнымъ успѣхомъ, оспоривали другъ у друга владычество надъ морями. Наши матросы не забывали ни метлы, которою Ванъ-Тромпъ грозился вымести Британскій каналъ, ни пожара, которымъ Де-Рюйтеръ истребилъ медвейскія верфи. Еслибы соперничествовавшія націи опять встрѣтились лицомъ къ лицу на стихіи, надъ которою каждая изъ нихъ присвоивала себѣ главенство, всѣ другія помышленія могли бы уступить мѣсто взаимной враждѣ. Могла бы послѣдовать кровопролитная и упорная битва. Пораженіе было бы гибельно для предпріятія Вильгельма. Даже побѣда разстроила бы всѣ его глубоко обдуманные политическіе планы. Поэтому, на случай погони англійскаго флота, онъ устроилъ дѣло такимъ образомъ, что преслѣдователи, еслибы они настигли его, были бы окликнуты на родномъ своемъ языкѣ, и адмиралъ, подъ начальствомъ котораго они служили и котораго они уважали, обратился бы къ нимъ съ увѣщаніемъ не сражаться противъ старыхъ однокашниковъ за папистскую тиранію. Такое воззваніе могло бы предотвратить столкновеніе; а если бы столкновеніе и послѣдовало, то оно произошло бы между двумя англійскими флотоводцами. Такимъ образомъ гордость островитянъ не была бы уязвлена извѣстіемъ, что Дартмутъ принужденъ былъ спустить флагъ передъ Гербертомъ. (a)

Онъ проходитъ Па-де-Кале.

Къ счастію, предосторожности Вильгельма оказались лишними. Вскорѣ послѣ полудня онъ прошелъ Па-де-Кале. Флотъ

(a) Avaux, $^{12}/_{22}$ іюля и $^{14}/_{24}$ авг. 1688. Относительно этого предмета, г-нъ Де-Лонгъ, находящійся въ свойствѣ съ потомками голландскаго адмирала Эвертсена, обязательно сообщилъ мнѣ нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія, заимствованныя изъ фамильныхъ бумагъ. Въ письмѣ къ Бентинку, отъ $^{6}/_{16}$ сент. 1688, Вильгельмъ сильно настаиваетъ на необходимости избѣжать сраженія и проситъ Бентинка поставить это на видъ Герберту. «Ce n'est pas le tems de faire voir sa bravoure, ni de se battre si l'on le peut éviter. Je luy l'ai déjà dit: mais il sera nécessaire que vous le répétiez, et que vous le luy fassiez bien comprendre.»

его растягивался такъ, что Дувръ на сѣверѣ и Кале на югѣ были отъ него въ одной милѣ разстоянія. Линейные корабли съ праваго и лѣваго фланговъ отсалютовали обѣ крѣпости разомъ. Войска стояли на палубахъ подъ ружьемъ. Звуки трубъ, бряцанье тарелокъ и бой барабановъ ясно слышались и на англійскомъ и на французскомъ берегахъ. Безчисленное множество зрителей потемняло мѣловые утесы Кента. Другая громадная толпа покрывала прибрежье Пикардіи. Рапенъ де-Тойра, французскій протестантъ, бѣжавшій изъ отчизны отъ преслѣдованія, потомъ поступившій на службу въ голландскую армію и сопровождавшій принца въ Англію, описывалъ впослѣдствіи эту картину какъ великолѣпнѣйшее и трогательнѣйшее изъ зрѣлищъ, когда-либо виданныхъ очами смертнаго. При заходѣ солнца флотъ былъ на высотѣ Бичи-Геда. Въ сумерки зажжены были огни. Море озарилось на нѣсколько миль кругомъ. Но глаза всѣхъ рулевыхъ цѣлую ночь напролетъ устремлены были на три огромные фонаря, горѣвшіе на кормѣ «Палтуса.» (*)

Между тѣмъ изъ Дувра въ Вайтголль прискакалъ курьеръ съ извѣстіемъ, что голландцы прошли Па-де-Кале и направились на западъ. Необходимо было тотчасъ же измѣнить всѣ военныя распоряженія. Гонцы были отправлены по всѣмъ направленіямъ. Офицеры были подняты на ноги въ самую полночь. Въ воскресенье, въ 3 часа утра, былъ большой смотръ при свѣтѣ факеловъ въ Гайдъ-Паркѣ. Король, ожидая, что Вильгельмъ высадится въ Іоркширѣ, послалъ нѣсколько полковъ на сѣверъ. Теперь отправлены были нарочные съ приказаніемъ отозвать ихъ назадъ. Всѣ войска, за исключеніемъ тѣхъ, которыя необходимы были для охраненія спокойствія столицы, получили приказаніе двинуться на западъ. Сборнымъ мѣстомъ назначено было Салисбёри; но такъ какъ предполагалось, что первымъ пунктомъ нападенія будетъ Портсмутъ, то для защиты этой крѣпости посланы были три батальона гвардейцевъ и сильный отрядъ кавалеріи.

(*) Rapin, «*Histoire d'Angleterre*»; Whittle's «*Exact Diary.*» Я видѣлъ одну голландскую карту того времени, изображающую порядокъ въ которомъ плылъ флотъ.

Черезъ нѣсколько часовъ сдѣлалось извѣстнымъ, что опасность миновала Портсмутъ; а потому войска эти получили приказаніе перемѣнить маршрутъ и поспѣшить въ Салисбёри. (a)

Онъ высаживается въ Торбеѣ.

На разсвѣтѣ воскресенья, 4 ноября, голландскій флотъ поравнялся съ утесами острова Вайта. День этотъ былъ годовщиною рожденія и свадьбы Вильгельма. Въ теченіе утра, паруса были на время убавлены, и на палубѣ кораблей совершена была божественная служба. Послѣ полудня и всю ночь флотъ продолжалъ свой путь. Мѣстомъ, гдѣ принцъ намѣревался произвести высадку, былъ Торбей. Но утро понедѣльника, 5 ноября, было туманно. Лоцманъ «Палтуса» не распозналъ морскихъ знаковъ и направилъ флотъ слишкомъ далеко на западъ. Опасность была велика. Повернуться прямо противъ вѣтра невозможно было. Ближайшимъ портомъ былъ Плимутъ. Но въ Плимутѣ стоялъ гарнизонъ подъ командою лорда Бата. Высадка могла бы встрѣтить противодѣйствіе; а неудача могла бы имѣть серьёзныя послѣдствія. Сверхъ того, почти нельзя было сомнѣваться, что въ это время королевскій флотъ уже вышелъ изъ Темзы и на всѣхъ парусахъ спѣшилъ вдоль по каналу. Россель понялъ, какъ велика опасность и, обратившись къ Борнету, воскликнулъ: «Молитесь, докторъ. Все погибло.» Въ эту минуту вѣтеръ перемѣнился; съ юга подулъ легкій полуденникъ; туманъ разсѣялся; солнце просіяло; и, при кроткомъ свѣтѣ осенняго полдня, флотъ повернулся, обогнулъ высокій мысъ Берри-Гедъ и благополучно сталъ на якорь въ торбейской пристани. (b)

Съ тѣхъ поръ, какъ Вильгельмъ глядѣлъ на эту пристань, наружный видъ ея значительно измѣнился. Амфитеатръ, окружающій обширный заливъ, представляетъ теперь повсюду признаки благоденствія и цивилизаціи. На сѣверовосточной его оконечности возникъ большой водолечебный городъ, куда итальянская мягкость воздуха привлекаетъ посѣтителей изъ самыхъ от-

---

(a) Адда, $^{8}/_{18}$ нояб. 1688; «*Newsletter*» въ коллекціи Макинтоша; Сіттенс, $^{6}/_{16}$ ноября.

(b) Burnet, I. 788.; извлеченія изъ бумагъ Легга въ коллекціи Макинтоша.

даленныхъ частей нашего острова, потому что въ этомъ климатѣ миртъ цвѣтетъ на открытомъ воздухѣ, и даже зима умѣреннѣе нортумберландскаго апрѣля. Число жителей простирается до 10,000. Недавно построенныя церкви и часовни, ванны и библіотеки, гостинницы и публичные сады, больница и музей, чистенькія улицы, возвышающіяся одна надъ другою въ видѣ уступовъ, хорошенькія дачи, выглядывающія изъ чащи кустарниковъ и цвѣтниковъ представляютъ зрѣлище, далеко не похожее на тѣ, которыя могла показать Англія въ XVII столѣтіи. На противоположномъ концѣ залива, прикрытый Берри-Гедомъ, лежитъ бойкій торговый городъ Бриксгамъ, богатѣйшій пунктъ нашей рыбопромышленности. Молъ и гавань, устроенные тамъ въ началѣ текущаго столѣтія, оказываются уже недостаточными для увеличивающагося торга. Населеніе простирается до 6,000 душъ. Купеческій флотъ состоитъ болѣе чѣмъ изъ 200 судовъ. Вмѣстительность ихъ въ нѣсколько разъ превышаетъ вмѣстительность судовъ ливерпульскаго порта при короляхъ изъ дома Стюартовъ. Но въ то время, когда голландскій флотъ бросилъ якорь въ Торбеѣ, бухта эта извѣстна была только какъ пристань, гдѣ суда иногда укрывались отъ бурь Атлантическаго океана. Мирные ея берега не оглашались ни шумомъ торговли, ни шумомъ веселья; и на всемъ пространствѣ, занятомъ теперь многолюдными рынками и роскошными дачами, разсѣяно было лишь нѣсколько лачугъ пахарей и рыбаковъ.

Крестьяне девонширскаго берега съ любовью вспоминали имя Монмута и питали омерзѣніе къ папизму. Поэтому они толпами стеклись на взморье съ припасами и предложеніями услугъ. Высадка началась немедленно. 60 шлюпокъ то и дѣло перевозили войска на сушу. Макей съ британскими полками первый вышелъ на берегъ. За нимъ скоро послѣдовалъ и принцъ. Онъ высадился тамъ, гдѣ теперь находится бриксгамская набережная. Весь наружный видъ этого мѣста съ теченіемъ времени измѣнился. Тамъ, гдѣ теперь мы видимъ портъ, запруженный судами, и рынокъ, кишащій покупателями и продавцами, разбивались тогда волны на пустынномъ прибрежьи; но обломокъ скалы, на которую ступилъ изъ шлюпки освободитель, тщательно сбереженъ

и, какъ предметъ народнаго благоговѣнія, поставленъ въ центрѣ этой шумной пристани.

Ступивши на сушу, принцъ тотчасъ же потребовалъ лошадей. Двое животныхъ, на какихъ обыкновенно ѣздили тогдашніе мелкіе йомены, были добыты изъ сосѣдней деревни. Вильгельмъ и Шомбергъ сѣли верхомъ и поѣхали осматривать мѣстность.

Борнетъ, очутившись на берегу, тотчасъ же поспѣшилъ къ принцу. Между ними произошелъ забавный разговоръ. Борнетъ съ неподдѣльнымъ восторгомъ разсыпался въ поздравленіяхъ и потомъ съ озабоченнымъ видомъ спросилъ, каковы планы его высочества. Военные люди вообще не любятъ совѣщаться о военныхъ дѣлахъ съ посторонними лицами; а Вильгельмъ въ особенности не жаловалъ вмѣшательства постороннихъ совѣтниковъ въ вопросы, касающіеся войны. Но въ ту минуту онъ былъ въ отличномъ расположеніи духа и вмѣсто того, чтобы выразить свое неудовольствіе сухимъ и рѣзкимъ нагоняемъ, милостиво протянулъ руку и на вопросъ своего капелана отвѣтилъ другимъ вопросомъ: «Ну, докторъ, что́ вы думаете теперь о предопредѣленіи?» Упрекъ былъ такъ деликатенъ, что Борнетъ, понятливость котораго не отличалась особенною тонкостью, не понялъ его. Онъ съ жаромъ отвѣтилъ, что никогда не забудетъ, какимъ замѣчательнымъ образомъ благопріятствовало Провидѣніе ихъ предпріятію. (a)

Въ теченіе перваго дня, войска, сошедшія на берегъ, претерпѣли много неудобствъ. На дворѣ стояла распутица. Багажъ еще оставался на корабляхъ. Офицеры высшаго ранга принуждены были лечь спать въ мокромъ платьѣ на мокрой землѣ; самому принцу пришлось переночевать въ лачугѣ. Знамя его развѣвалось надъ соломенною крышею; и постель, снесенная съ его корабля, была постлана для него на полу. (b) Высадка лошадей

(a) Я думаю, что всякій, кто сличитъ разсказъ Борнета объ этомъ разговорѣ съ разсказомъ Дартмута, убѣдится, что я правильно изложилъ дѣло.

(b) Я видѣлъ голландскую гравюру того времени, изображающую высадку. Нѣсколько людей несутъ постель принца въ лачугу, на которой развѣвается его флагъ.

представляла затрудненія; казалось вѣроятнымъ, что эта операція займетъ нѣсколько дней. Но на другое утро погода разгулялась. Вѣтеръ стихъ. Вода въ заливѣ была гладка какъ зеркало. Рыбаки указали мѣсто, гдѣ корабли могли быть подведены къ берегу на разстояніе 60 футовъ. Это было сдѣлано, и черезъ три часа сотни лошадей уже безопасно плыли къ берегу.

Только-что высадка окончилась, какъ вѣтеръ поднялся снова и превратился въ жестокій штормъ съ запада. Непріятель, пустившійся въ погоню за голландцами по каналу, остановленъ былъ тою самою перемѣною погоды, которая помогла Вильгельму высадиться. Въ теченіе двухъ дней королевскій флотъ, застигнутый безвѣтріемъ, стоялъ на якорѣ въ виду Бичи-Геда. Наконецъ Дартмутъ получилъ возможность продолжать путь. Онъ миновалъ островъ Вайтъ и уже видѣлъ голландскія стеньги въ Торбеѣ. Въ эту самую минуту навстрѣчу ему поднялась буря, принудившая его укрыться въ портсмутской пристани. (a) Достаточно компетентный судья въ искусствѣ мореплаванія, Іаковъ выразилъ тогда полнѣйшее убѣжденіе, что его адмиралъ сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать человѣкъ, и что онъ уступилъ только непреодолимой враждебности вѣтровъ и волнъ. Впослѣдствіи несчастный государь сталъ безъ всякаго основанія подозрѣвать Дартмута въ измѣнѣ, или по крайней мѣрѣ въ нерадивости. (b)

Погода, дѣйствительно, оказала протестантскому дѣлу такія услуги, что нѣкоторые — болѣе благочестивые, нежели разсудительные — люди вполнѣ были увѣрены, что Провидѣніе измѣнило обыкновенные законы природы для сохраненія свободы и религіи Англіи. Ровно сто лѣтъ назадъ, говорили они, армада, непобѣдимая людьми, была разсѣяна гнѣвомъ Божіимъ. Гражданская свобода и божественная истина снова подверглись опасности, и снова послушныя стихіи поднялись за правое дѣло. Пока Виль-

---

(a) Burnet, I, 789.; Legge «*Papers.*»

(b) 9 ноября 1688 Іаковъ писалъ Дартмуту слѣдующее: «Никто не могъ бы поступить иначе, чѣмъ вы поступили. Я увѣренъ, что всѣ свѣдущіе моряки должны быть того же мнѣнія.» Но см. Clarke's «*Life of James*», II, 207. Orig Mem.

гельмъ плылъ по Британскому каналу, вѣтеръ сильно дулъ съ востока; потомъ, когда принцъ пожелалъ войти въ Торбей, повѣялъ полуденникъ затѣмъ, во время высадки, погода утихла; и наконецъ, какъ только высадка кончилась, поднялся штормъ прямо въ лицо преслѣдователямъ. Замѣчено было и то, что, по необыкновенному стеченію обстоятельствъ, принцъ достигъ нашихъ береговъ въ тотъ самый день, когда Англійская церковь праздновала молитвами и молебнами чудесное избавленіе королевскаго дома и трехъ государственныхъ сословій отъ гнуснаго Пороховаго заговора, составленнаго папистами. Карстерзъ, совѣты котораго всегда уважались принцемъ, предложилъ, тотчасъ по окончаніи высадки, совершить благодарственное молебствіе за покровительство, столь явно оказанное Богомъ великому предпріятію. Этотъ совѣтъ былъ приведенъ въ исполненіе и произвелъ самое благотворное дѣйствіе. Войска, названныя въ молебствіи любимцами Неба, воодушевились новымъ мужествомъ; а народъ составилъ себѣ самое благопріятное мнѣніе о полководцѣ и арміи, столь внимательныхъ къ религіознымъ обязанностямъ.

Во вторникъ, 6 ноября, армія Вильгельма двинулась внутрь страны. Нѣкоторые полки дошли до Ньютонъ-Аббота. Камень, поставленный посреди этого городка, до сихъ поръ означаетъ мѣсто, гдѣ принцева декларація была торжественно прочитана народу. Войска подвигались медленно, потому что дождь лилъ какъ изъ ведра, а дороги въ Англіи были тогда такъ дурны, что казались ужасными для лицъ, привыкшихъ къ отличнымъ путямъ сообщенія въ Голландіи. Вильгельмъ остановился на два дня въ Фордѣ, помѣстьѣ древней и знаменитой фамиліи Куртне, неподалеку отъ Ньютонъ-Аббота. Онъ нашелъ тамъ великолѣпный пріемъ; но замѣчательно, что хозяинъ дома, ревностный вигъ, не захотѣлъ первый рискнуть жизнью и достояніемъ и тщательно воздержался отъ всякаго дѣйствія, которое, еслибы одержалъ верхъ король, могло бы быть вмѣнено въ преступленіе.

Онъ вступаетъ въ Эксетеръ. Эксетеръ, между тѣмъ, сильно волновался. Епископъ Ламплo, узнавши, что голландцы были въ Торбеѣ, тотчасъ же въ испугѣ отправился въ Лондонъ. Деканъ бѣжалъ изъ дому. Городскія власти были за короля; масса жителей стояла за принца.

Все было въ смятеніи, когда утромъ въ четвергъ, 8 ноября, появился передъ городомъ отрядъ войскъ подъ командою Мордонта. Съ Мордонтомъ прибылъ и Борнетъ, которому Вильгельмъ поручилъ охранять духовенство каѳедральнаго собора отъ обидъ и оскорбленій. (a) Меръ и ольдермены приказали запереть городскія ворота, но по первому требованію отмѣнили свое приказаніе. Для принца приготовлено было помѣщеніе въ домѣ декана. Вильгельмъ пріѣхалъ на слѣдующій день, въ пятницу, 9 числа. Городскимъ сановникамъ предложено было торжественно встрѣтить его при въѣздѣ въ городъ, но они наотрѣзъ отказались. Впрочемъ, торжество этого дня легко могло обойтись и безъ нихъ. Такого зрѣлища никогда еще не видывали въ Девонширѣ. Множество народа ушло на полдня впередъ встрѣчать поборника своей религіи. Поселяне сошлись къ Эксетеру изо всѣхъ окрестныхъ деревень. Огромная толпа, состоявшая преимущественно изъ молодыхъ крестьянъ, потрясавшихъ дубинами, собралась на вершинѣ Гольдонъ-Гилля, откуда армія, шедшая изъ Чодли, впервые увидѣла роскошную долину Экса и двѣ массивныя колокольни, которыя выступали изъ облака дыма, нависшаго надъ столицею западной Англіи. Дорога вдоль всего длиннаго спуска и по равнинѣ къ берегамъ рѣки была на нѣсколько миль обрамлена зрителями. Отъ Западныхъ воротъ до Соборной ограды давка и ликованіе были таковы, что напоминали лондонцамъ стеченіе народа въ день торжественнаго поѣзда лорда-мера. Дома были блистательно разукрашены. Двери, окна, балконы и крыши были унизаны лицами обоего пола. Глазъ, привычный къ военному блеску, нашелъ бы много недостатковъ въ этомъ зрѣлищѣ. Утомительные переходы въ ненастье по дорогамъ, гдѣ путникъ на каждомъ шагу увязалъ въ грязи по лодыжку, не улучшили наружнаго вида ни солдатъ, ни солдатскихъ мундировъ. Но девонширцы, никогда не видавшіе картинной обстановки хорошо устроеннаго лагеря, были внѣ себя отъ изумленія и восторга. Описанія этой воинской церемоніи распространились по всему королевству. Они заключали въ себѣ много

(a) Burnet, I. 790.

такого, чѣмъ вполнѣ удовлетворялась народная склонность къ чудесному. Голландская армія, состоявшая изъ людей, родившихся въ различныхъ земляхъ и служившихъ подъ различными знаменами, представляла странный, пышный и въ то же время грозный видъ для островитянъ, которые вообще имѣли очень смутное понятіе о чужихъ краяхъ. Впереди ѣхалъ Макльзфильдъ во главѣ двухъ сотъ джентльменовъ, большею частью кровныхъ англичанъ, сверкавшихъ шлемами и кирасами и сидѣвшихъ на фламандскихъ боевыхъ коняхъ. За каждымъ изъ нихъ слѣдовалъ негръ, привезенный изъ сахарныхъ плантацій Гвіаны. Эксетерскіе граждане, никогда не видавшіе такого множества образчиковъ африканскаго племени, съ изумленіемъ глядѣли на эти черныя лица, обрамленныя вышитыми тюрбанами и бѣлыми перьями. Затѣмъ, съ обнаженными палашами, слѣдовалъ эскадронъ шведскихъ рейтаровъ въ черныхъ латахъ и мѣховыхъ плащахъ. Они возбуждали особенное любопытство: носился слухъ, что они были уроженцы такой страны, гдѣ океанъ вѣчно покрытъ льдомъ, а ночь продолжается цѣлыхъ полгода, и что они сами убили огромныхъ медвѣдей, шкурами которыхъ были покрыты. Далѣе, окруженное блестящею свитою джентльменовъ и пажей, двигалось высоко поднятое знамя принца. На его широкихъ складкахъ толпа, покрывавшая крыши и наполнявшая окна, съ восторгомъ читала достопамятную надпись: «Протестантское исповѣданіе и вольности Англіи.» Но радостные клики удвоились, когда, въ сопровожденіи сорока скороходовъ, появился самъ принцъ въ панцырѣ, съ бѣлымъ перомъ на шляпѣ, и верхомъ на бѣломъ конѣ. Съ какимъ воинственнымъ видомъ сдерживалъ онъ своего жеребца, какъ многодумно и повелительно было выраженіе его высокаго чела и соколинаго глаза, до сихъ поръ можно видѣть на холстѣ Кнеллера. На минуту эти строгія черты смягчились улыбкою. Это было въ то мгновеніе, когда какая-то старуха—быть можетъ, одна изъ тѣхъ ревностныхъ пуританокъ, которыя, въ теченіе двадцати восьми лѣтъ гоненія, съ твердою вѣрою ожидали утѣшенія Израилева, быть можетъ, мать одного изъ тѣхъ бунтовщиковъ, которые погибли въ Седжмурской рѣзнѣ, или еще въ болѣе страшной рѣзнѣ Кровавыхъ ассизовъ—вырвалась изъ толпы, бросилась между об-

наженныхъ сабель и взвивавшихся на дыбы коней, приложилась къ рукѣ освободителя и вскричала, что теперь она счастлива. Непосредственно за принцемъ ѣхалъ человѣкъ, также обращавшій на себя пристальное вниманіе толпы. Это, говорили зрители, былъ знаменитый графъ Шомбергъ, первый воинъ въ Европѣ съ тѣхъ поръ, какъ не стало Тюренна и Кондэ, человѣкъ, геній и доблесть котораго спасли Португальскую монархію на поляхъ Монтесъ-Клароса, человѣкъ, который стяжалъ еще болѣе высокую славу, отказавшись въ интересѣ истинной религіи отъ жезла французскаго маршала. Не забыто было и то, что два героя, неразрывно связанные другъ съ другомъ общимъ протестантизмомъ и вмѣстѣ въѣзжавшіе въ Эксетеръ, двѣнадцать лѣтъ назадъ сражались другъ противъ друга подъ стѣнами Мастрихта, и что энергія молодаго принца не устояла тогда противъ хладнокровной опытности ветерана, который теперь дружески ѣхалъ почти рука объ руку съ нимъ. Потомъ шла длинная колонна усатой швейцарской пѣхоты, отличавшейся необыкновенною храбростью и дисциплиною во всѣхъ континентальныхъ войнахъ двухъ послѣднихъ столѣтій, но дотолѣ никогда еще не виданной на англійской почвѣ. Наконецъ тянулись называвшіеся, по тогдашнему обычаю, именами своихъ предводителей отряды Бентинка, Сольмза и Джинкелля, Тольмаша и Макея. Съ особеннымъ удовольствіемъ должны были смотрѣть англичане на одинъ бравый полкъ, все еще носившій имя уважаемаго и оплакиваемаго Оссори. Впечатлѣніе зрѣлища усиливалось воспоминаніемъ о знаменитыхъ событіяхъ, въ которыхъ многіе изъ воиновъ, проходившихъ теперь черезъ Западныя ворота, принимали участіе. Они видали не такіе виды, какіе представляла служба въ девонширской милиціи или въ гаунслоскомъ лагерѣ. Одни изъ нихъ отражали горячую атаку французовъ на поляхъ Сенефа; другіе, въ интересѣ христіанства, рубились съ невѣрными въ тотъ великій день, когда снята была осада Вѣны. Воображеніе обманывало самыя чувства толпы. Періодическія письма сообщали во всѣ концы королевства баснословные разсказы о ростѣ и силѣ иноземцевъ. Молва утверждала, что всѣ они, почти безъ исключенія, были болѣе шести футовъ ростомъ и владѣли такими огромными копь-

ями и мушкетами, какихъ никогда еще не видано было въ Англіи. Не менѣе дивился народъ, когда появилась артиллерія, двадцать одно мѣдное орудіе огромнаго калибра, изъ которыхъ каждое съ трудомъ тащили шестнадцать ломовыхъ лошадей. Любопытство публики было сильно затронуто странною махиною, двигавшеюся на колесахъ. Оказалось, что это была подвижная кузница, снабженная всѣми инструментами и матеріалами, необходимыми для починки оружія и телегъ. Но ничто не возбудило такого удивленія, какъ понтонный мостъ, который былъ очень быстро наведенъ черезъ Эксъ для перевозки фуръ и потомъ такъ же быстро разобранъ на части и увезенъ дальше. Если вѣрить молвѣ, онъ былъ устроенъ по образцу, придуманному христіанами, воевавшими противъ Турокъ на Дунаѣ. Иноземцы внушали народу не только удивленіе, но и расположеніе къ себѣ. Предусмотрительный вождь позаботился размѣстить ихъ по квартирамъ такимъ образомъ, чтобы какъ можно меньше причинить безпокойства жителямъ Эксетера и окрестныхъ деревень. Между солдатами соблюдалась строжайшая дисциплина. Вильгельмъ не только запретилъ грабежъ и насиліе, но и потребовалъ, чтобы войска обращались вѣжливо со всѣми классами. Девонширцы, составившіе себѣ понятіе объ арміи по дѣйствіямъ Кэрка и его агнцевъ, изумлялись при видѣ солдатъ, никогда не ругавшихъ своихъ хозяекъ и не бравшихъ ни одного яйца безъ платы. Въ благодарность за эту умѣренность народъ доставлялъ войскамъ припасы въ большомъ изобиліи и по дешевымъ цѣнамъ. (a)

Успѣхъ предпріятія Вильгельма много зависѣлъ отъ того, какой путь избрало бы въ эту критическую минуту духовенство

(a) См. Whittle'в «*Diary*», «*Expedition of his Highness*» и «*Letter from Exon*», изданныя въ это время. Я самъ видѣлъ два рукописныхъ періодическихъ письма, описывающія торжественный въѣздъ принца въ Эксетеръ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, какой-то стихоплетъ написалъ драму подъ заглавіемъ «*The late Revolution*». Одна изъ сценъ происходитъ въ Эксетерѣ. «Входятъ батальоны принцевой арміи на пути въ городъ, съ развѣвающимися знаменами, съ барабаннымъ боемъ, при радостныхъ крикахъ гражданъ.» Нобльменъ, по имени Мизопапасъ, говоритъ:

Англійской церкви. Члены эксетерскаго капитула принуждены были первые высказать свои намѣренія. Борнетъ объявилъ каноникамъ, которые, вслѣдствіе бѣгства декана, остались безъ главы, что молитвы за принца Валлійскаго должны были прекратиться, и что въ честь благополучнаго прибытія принца Оранскаго надлежало совершить торжественное богослуженіе. Каноники не согласились явиться въ церковь; но нѣкоторые изъ клирошанъ и пребендаріевъ присутствовали при молебствіи. Вильгельмъ прибылъ въ соборъ въ полномъ парадѣ. Когда онъ проходилъ подъ великолѣпными хорами, знаменитый органъ, не уступавшій почти ни одному изъ тѣхъ, которыми гордится его родная Голландія, грянулъ побѣдную пѣснь. Принцъ взошелъ на

«Can you guess, my lord,
How dreadful guilt and fear has represented
Your army to the court? Your number and your stature
Are both advanced; all six foot high at least,
In bearskins clad, Swiss, Swedes, and Brandenburghers.»

«Догадываетесь ли вы, милордъ,
Какимъ страшилищемъ представили преступленіе и ужасъ
Вашу армію двору? Числительность и ростъ вашихъ солдатъ
Преувеличены: всѣ они по меньшей мѣрѣ шести футовъ вышиною,
Въ медвѣжьихъ шкурахъ, швейцарцы, шведы и бранденбургцы.»

Въ пѣснѣ, сложенной вскорѣ послѣ вступленія принца въ Эксетеръ, ирландцы описываются просто карлами въ сравненіи съ великанами, которыми командовалъ Вильгельмъ:

«Poor Berwick, how will thy dear joys
Oppose this famed viaggio?
Thy tallest sparks will be mere toys
To Brandenburgh and Swedish boys,
Coraggio! Coraggio!»

«Бѣдняжка Бервикъ, какимъ образомъ твои крошки
Окажутъ сопротивленіе этому знаменитому шествію?
Самые рослые твои молодцы — просто игрушки
Въ сравненіи съ бранденбургскими и шведскими ребятами.
Не унывай! Не унывай!»

Аддисонъ въ своемъ «*Freeholder*» намекаетъ на необыкновенное впечатлѣніе, произведенное этими романическими разсказами.

епископское сѣдалище, роскошный престолъ, богато украшенный рѣзьбою XV столѣтія. Борнетъ сталъ у подножія; справа и слѣва помѣстилась толпа военачальниковъ и нобльменовъ. Пѣвчіе, въ бѣломъ облаченіи, запѣли «Тебе Бога хвалимъ.» По окончаніи молебна, Борнетъ прочелъ декларацію принца; но лишь только произнесъ онъ первыя слова, какъ пребендаріи и пѣвчіе толпою устремились къ выходу изъ храма. Окончивши чтеніе, Борнетъ громогласно воскликнулъ: «Боже, спаси принца Оранскаго!» и множество голосовъ съ жаромъ отвѣтило: «Аминь.» (a)

Въ воскресенье, 11 ноября, Борнетъ произнесъ рѣчь передъ принцемъ въ соборѣ и распространился о великой милости, оказанной Богомъ Англійской церкви и націи. Въ то же самое время въ другомъ, болѣе скромномъ мѣстѣ богослуженія произошло особеннаго рода событіе. Фергюсонъ рѣшился сказать проповѣдь въ пресвитеріанскомъ молитвенномъ домѣ. Священнослужитель и старѣйшины не согласились впустить его въ молельню; но взбалмошный и полоумный бездѣльникъ, вообразившій, что опять наступили времена Флитвуда и Гаррисона, вышибъ дверь, прошелъ сквозь конгрегацію съ саблею въ рукѣ, взобрался на каѳедру и разразился оттуда неистовою бранью противъ короля. Пора такихъ безумствъ миновала, и эта выходка не возбудила ничего, кромѣ насмѣшекъ и омерзѣнія. (b)

Разговоръ короля съ епископами.

Между тѣмъ, какъ эти событія происходили въ Девонширѣ, въ Лондонѣ броженіе увеличивалось. Декларація принца, вопреки всѣмъ предосторожностямъ, была уже въ рукахъ у всякаго. 6 ноября Іаковъ, еще не знавшій, въ какомъ изъ береговыхъ пунктовъ высадились голландцы, потребовалъ къ себѣ на совѣщаніе примаса и трехъ другихъ епископовъ: Комтона лондонскаго, Вайта питерборoскаго и Спрата рочестерскаго. Король милостиво выслушалъ горячія изъявленія вѣрноподданности прелатовъ

(a) «*Expedition of the Prince of Orange*»; Oldmixon, 755.; Whittle's «*Diary*»; Eachard, III. 911.; «*London Gazette*», Nov. 15. 1688.

(b) «*London Gazette*», Nov. 15. 1688; «*Expedition of the Prince of Orange.*»

и объявилъ, что у него не было противъ нихъ никакого подозрѣнія. «Но гдѣ же, сказалъ онъ, бумага, которую вы должны были принести мнѣ?» — «Государь, отвѣтилъ Санкрофтъ, мы не принесли никакой бумаги. Мы не желаемъ оправдываться передъ публикой. Для насъ не новость подвергаться злословію и ложнымъ обвиненіямъ. Совѣсть наша чиста; ваше величество признаёте насъ невинными; больше намъ ничего не нужно.» — «Да, сказалъ король, но ваша декларація нужна для меня.» Затѣмъ онъ вынулъ экземпляръ принцева манифеста. «Посмотрите, сказалъ онъ, что́ здѣсь говорится о васъ.» — «Государь, отвѣтилъ одинъ изъ епископовъ, изъ пятисотъ человѣкъ ни одинъ не считаетъ этого манифеста подлиннымъ.» — «Нѣтъ! простно закричалъ король: эти пятьсотъ человѣкъ желали бы, чтобы принцъ Оранскій явился и перерѣзалъ мнѣ горло.» — «Сохрани, Боже!» въ одинъ голосъ воскликнули прелаты. Но разсудокъ короля, никогда не отличавшійся особенной ясностью, теперь совершенно помутился. Одна изъ особенностей Іакова заключалась въ томъ, что всякій разъ, когда кто-нибудь не соглашался съ его мнѣніемъ, онъ воображалъ, что противникъ заподозривалъ его правдивость. «Не подлинная бумага! воскликнулъ онъ, перелистывая декларацію: Развѣ я не заслуживаю довѣрія? Развѣ мое слово ничего не значитъ?» — «Во всякомъ случаѣ, государь, сказалъ одинъ изъ епископовъ, это не церковное дѣло. Оно подлежитъ вѣдѣнію гражданской власти. Господь вручилъ вашему величеству мечъ, и потому намъ неприлично вторгаться въ кругъ вашихъ правъ и обязанностей.» Затѣмъ архіепископъ, съ тою кроткою и спокойною ироніею, которая наноситъ самыя глубокія раны, объявилъ, что король долженъ извинить ему отказъ приложить руку къ какому бы то ни было политическому документу. «Я, государь, и мои собраты, сказалъ онъ, мы уже жестоко пострадали за вмѣшательство въ государственныя дѣла и впередъ будемъ остерегаться, чтобы этого не повторилось съ нами. Однажды мы подписали просьбу самаго безобиднаго характера и представили ее самымъ почтительнымъ образомъ; а между тѣмъ оказалось, что мы совершили тяжкое преступленіе. Только милосердое покровительство Бога спасло насъ отъ гибе-

ли. Да, государь, сущность тогдашнихъ рѣчей атторнея и солиситора вашего величества заключалась въ томъ, что внѣ парламента мы частные люди, и что со стороны частныхъ людей вмѣшательство въ политику — преступная дерзость. Они нападали на насъ такъ свирѣпо, что я считалъ себя совершенно погибшимъ.» — «Благодарю васъ, милордъ кентербёрійскій, сказалъ король: я не ожидалъ чтобы вы, попавши въ мои руки, считали себя погибшимъ.» Такая рѣчь была бы естественна въ устахъ милосердаго государя, но дико звучала изъ устъ короля, который сжегъ живую женщину за то, что та пріютила одного изъ несчастныхъ его враговъ, изъ устъ короля, колѣни котораго тщетно съ отчаянными мольбами обнималъ собственный его племянникъ. Архіепископъ ни мало не смутился. Онъ возобновилъ свой разсказъ и перечислилъ оскорбленія, нанесенныя креатурами двора Англійской церкви, оскорбленія, между которыми насмѣшки надъ слогомъ его высокопреосвященства занимали не послѣднее мѣсто. Король не нашелъ лучшаго отвѣта, кромѣ того, что поминать старое зло безполезно, и что онъ считалъ эти случаи совершенно забытыми. Самъ никогда не забывавшій ни малѣйшей обиды, онъ не могъ понять, какимъ образомъ другіе могли, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, помнить смертельныя оскорбленія.

Наконецъ разговоръ снова перешелъ къ предмету, отъ котораго отклонился. Король настойчиво требовалъ, чтобы епископы письменно выразили свое омерзѣніе къ предпріятію принца. Они, разсыпаясь въ изъявленіяхъ самой покорной вѣрноподданности, упорно отказывались исполнить его желаніе. Принцъ, говорили они, утверждалъ, что онъ приглашенъ не только духовными, но и свѣтскими перами. Обвиненіе было общее. Отчего же и оправданію не быть общимъ? «Понимаю, въ чемъ дѣло, сказалъ король: нѣкоторые изъ свѣтскихъ перовъ успѣли повидаться съ вами и убѣдили васъ поперечить мнѣ въ этомъ дѣлѣ.» Епископы торжественно объявили, что ничего подобнаго не было. Но, сказали они, странно показалось бы, еслибы въ вопросѣ, требовавшемъ важныхъ политическихъ и военныхъ соображеній, свѣтскіе перы не принимали никакого участія, и еслибы одни прелаты принуждены были играть въ немъ главную роль. «Но таково, ска-

залъ Іаковъ, мое желаніе. Я вашъ король. Мое дѣло судить о томъ, что́ лучше. Я хочу поступить по своему и требую, чтобы вы содѣйствовали мнѣ.» Епископы отвѣчали, что они готовы были содѣйствовать ему, въ предѣлахъ своихъ правъ и обязанностей, какъ христіанскіе священнослужители молитвами и какъ перы государства совѣтами въ парламентѣ. Іаковъ, не нуждавшійся ни въ молитвахъ еретиковъ, ни въ совѣтахъ парламентовъ, былъ внѣ себя отъ гнѣва. «Я кончилъ, сказалъ онъ послѣ долгаго пререканія: я не буду больше понуждать васъ. Такъ какъ вы не хотите помочь мнѣ, то я долженъ положиться на самого себя и на свое оружіе.» (a)

Не успѣли епископы выйти изъ королевскаго кабинета, какъ прибылъ курьеръ съ извѣстіемъ, что наканунѣ принцъ Оранскій высадился въ Девонширѣ. Всю слѣдующую недѣлю Лондонъ сильно волновался. Въ воскресенье, 11 ноября, разнесся слухъ, что въ монастырѣ, основанномъ подъ покровительствомъ короля въ Клеркенвеллѣ, спрятаны были ножи, рашперы и котлы, приготовленные для пытанія еретиковъ. Огромныя массы народа собрались вокругъ этого зданія и уже готовились разрушить его, какъ вдругъ появилась военная сила. Толпа была разсѣяна и нѣкоторые изъ мятежниковъ были убиты. Произведенное слѣдствіе кончилось рѣшеніемъ, которое ясно показывало настроеніе общественнаго мнѣнія. Присяжные нашли, что нѣсколько вѣрноподанныхъ и благонамѣренныхъ лицъ, пришедшихъ съ цѣлью разогнать собраніе измѣнниковъ и общественныхъ враговъ въ католической церкви, были умышленно умерщвлены солдатами; и этотъ странный приговоръ подписанъ былъ всѣми присяжными. Клеркенвелльскіе монахи, встревоженные этими симптомами народнаго чувства, хотѣли припрятать свое имущество въ безопасное мѣсто. Прежде чѣмъ распространился слухъ объ ихъ намѣреніяхъ, они успѣли вывезти бо́льшую часть своей утвари. Наконецъ подозрѣнія черни пробудились. Двѣ послѣднія телеги были остановлены въ Гольборнѣ, и все, что́ въ нихъ заключалось, было публично сожжено

Смуты въ Лондонѣ.

(a) Clarke's «*Life of James*», II. 210. Orig. Mem.; Sprat's «*Narrative*»; Citters, $^{6}/_{16}$ нояб. 1688.

посреди улицы. Тревога между католиками была такъ велика, что они заперли всѣ свои молитвенныя зданія, за исключеніемъ тѣхъ, которыя принадлежали королевской фамиліи и иностраннымъ посламъ. (a)

Вообще, однако, положеніе дѣлъ еще нельзя было назвать неблагопріятнымъ для Іакова. Голландцы уже болѣе недѣли находились на англійской землѣ; а между тѣмъ изъ знати еще никто не присоединялся къ нимъ. Ни на сѣверѣ, ни на востокѣ не вспыхивало бунта. Никто изъ слугъ короны не измѣнялъ своему долгу. Королевская армія, быстро собиравшаяся въ Салисбёри, хотя и уступала арміи Вильгельма въ дисциплинѣ, однако превосходила ее численностью.

Знатные люди начинаютъ переходить къ принцу.

Принцъ былъ несомнѣнно удивленъ и оскорбленъ медленностію лицъ, пригласившихъ его въ Англію. Правда, девонширское простонародіе приняло его какъ нельзя лучше; но изъ нобльменовъ и знатныхъ джентльменовъ еще никто не являлся въ его главную квартиру. Этотъ странный фактъ, по всей вѣроятности, объясняется тѣмъ, что Вильгельмъ высадился въ той части острова, гдѣ его не ожидали. Его друзья на сѣверѣ сдѣлали нужныя приготовленія къ возстанію, въ надеждѣ, что онъ явится къ нимъ съ арміею. Его друзья на западѣ не сдѣлали никакихъ приготовленій и, разумѣется, смутились, когда внезапно увидѣли, что имъ предстояло быть зачинщиками въ такомъ важномъ и опасномъ движеніи. Они еще живо помнили и даже видѣли передъ собою бѣдственныя слѣдствія бунта: висѣлицы, отрубленныя головы, четвертованныя тѣла и семейства въ глубокомъ траурѣ по храбрымъ мученикамъ, горячо, но неблагоразумно любившимъ свою родину. Послѣ такого грознаго и недавняго урока, нѣкоторое колебаніе было естественно. Такъ же естественно, впрочемъ, было и то, что Вильгельмъ, который, положившись на обѣщанія изъ Англіи, рискнулъ не только собственною славою и жизнью, но даже благоденствіемъ и независимостью своей родины, долженъ былъ чувствовать себя глубоко оскорбленнымъ. И дѣйствительно, онъ такъ

(a) Luttrell's «*Diary*»; «*Newsletter*» въ коллекціи Макинтоша; Adda, $^{16}/_{26}$ нояб. 1688.

негодовалъ, что намѣревался было отступить къ Торбею, снова посадить свои войска на корабли, возвратиться въ Голландію и предоставить обманувшихъ его людей той судьбѣ, которой они заслуживали. Наконецъ, въ понедѣльникъ, 12 ноября, къ знамени принца присоединился джентльменъ Боррингтонъ, жившій неподалеку отъ Кредитона; а за нимъ скоро послѣдовали и многіе изъ его сосѣдей.

Лица высшаго класса уже спѣшили изъ различныхъ частей страны въ Эксетеръ. Прежде всѣхъ поднялся лордъ Джонъ Ловлесъ, отличавшійся вкусомъ, роскошествомъ и отважно-рьянымъ вигизмомъ. Онъ былъ пять или шесть разъ арестованъ за политическія преступленія. Послѣднимъ его проступкомъ былъ высокомѣрный отказъ признать законность какого-то предписанія, подписаннаго однимъ изъ католическихъ мировыхъ судей. Ловлесъ былъ потребованъ въ тайный совѣтъ и подвергнутъ строгому допросу, но это ни къ чему не послужило. Онъ наотрѣзъ отказался сознаться въ своей винѣ; а доказательства противъ него были недостаточны. Его отпустили; но, прежде чѣмъ онъ удалился, Іаковъ яростно воскликнулъ: «Милордъ, это уже не первая шутка, которую вы съиграли со мною.» — «Государь, съ безстрашнымъ мужествомъ отвѣтилъ Ловлесъ: я не съигралъ ни одной шутки, ни съ вашимъ величествомъ, ни съ кѣмъ-либо другимъ. Кто обвинилъ меня передъ вашимъ величествомъ въ томъ, что будто я съигралъ съ кѣмъ-нибудь шутку, тотъ лжецъ.» Впослѣдствіи Ловлесъ былъ посвященъ въ умыслы лицъ, задумавшихъ Революцію. (a) Его прадѣдовскій замокъ, построенный на счетъ добычъ, отнятыхъ въ военное время у испанско-американскихъ галіоновъ, возвышался на развалинахъ обители Пресвятой Богородицы въ той красивой долинѣ, черезъ которую Темза, еще не загрязненная предѣлами громадной столицы и не возмущаемая морскими приливами и отливами, протекаетъ подъ буковыми рощами около прелестныхъ холмовъ Беркшира. Подъ великолѣпною залою этого замка, украшенною произведеніями итальянской кисти, устроенъ былъ подземный склепъ, гдѣ иногда находимы были кости древнихъ мо-

Ловлесъ.

(a) Johnstone, Feb. 27. 1688; Citters, того же числа.

наховъ. Въ этомъ мрачномъ подземельи не разъ происходили полуночныя совѣщанія ревностныхъ и смѣлыхъ противниковъ правительства въ то тревожное время, когда Англія нетерпѣливо ждала протестантскаго вѣтра. (a) Пора для дѣйствія наконецъ наступила. Ловлесъ, съ семьюдесятью хорошо вооруженными всадниками, оставилъ свое жилище и направилъ путь на западъ. До Глостершира доѣхалъ онъ безъ затрудненія. Но Бофортъ, управлявшій этимъ графствомъ, принялъ всѣ зависѣвшія отъ него мѣры въ пользу короны. Милиція была призвана къ оружію. Въ Сайренсестерѣ расположенъ былъ сильный отрядъ. Когда Ловлесъ прибылъ туда, ему объявили, что его не пропустятъ впередъ. Онъ долженъ былъ или отказаться отъ своего предпріятія, или проложить себѣ дорогу вооруженною рукою. Онъ рѣшился пробиться силою; его друзья и слуги храбро поддержали его. Произошла жаркая схватка. Милиціонеры лишились одного офицера и шестерыхъ или семерыхъ рядовыхъ, но наконецъ-таки осилили спутниковъ Ловлеса. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ и отправленъ въ Глостеръ. (b)

Кольчестеръ. Другіе были счастливѣе. Въ тотъ самый день, когда произошла стычка въ Сайренсестерѣ, Ричардъ Саведжъ, лордъ Кольчестеръ, сынъ и наслѣдникъ графа Риверза и отецъ того, прижитаго внѣ брака, несчастнаго поэта, злодѣянія и злополучія котораго составляютъ одинъ изъ самыхъ мрачныхъ эпизодовъ исторіи литературы, явился въ Эксетеръ съ шестьюдесятью или семьюдесятью всадниками. Съ нимъ прибылъ отважный и буйный Томасъ Вартонъ. Нѣсколькими часами позже явился Эдвардъ Россель, сынъ графа Бедфорда и братъ доблестнаго нобльмена, сложившаго свою голову на эшафотѣ. Вскорѣ было объявлено о прибытіи другаго еще болѣе важнаго лица. Кольчестеръ, Вартонъ и Россель принадлежали къ той партіи, которая постоянно противодѣйствовала двору. Джемсъ Берти, графъ Абингдонъ, напротивъ, считался поборникомъ неограниченной монархіи. Онъ былъ вѣренъ Іакову во дни билля объ исключеніи. Въ качествѣ

Абингдонъ.

(a) Lysons «*Magna Britannia*», Berkshire.
(b) «*London Gazette*», Nov. 15. 1688; Luttrell's «*Diary*.»

оксфордширскаго лорда-намѣстника, онъ энергически-строго дѣйствовалъ противъ приверженцевъ Монмута и праздновалъ потѣшными огнями пораженіе Аргайля. Но ненависть къ папизму увлекла его въ оппозицію и бунтъ. Онъ первый изъ перовъ появился въ главной квартирѣ принца Оранскаго. (a)

Но не столько слѣдовало королю страшиться тѣхъ, кто открыто возставалъ противъ его власти, сколько тайнаго заговора, развѣтвленія котораго проникли въ его армію и семейство. Душою этого заговора надобно считать Чорчилля, необыкновенно предусмотрительнаго и ловкаго, одареннаго отъ природы извѣстнаго рода холоднымъ безстрашіемъ, которое никогда не измѣняло ему ни въ бою, ни въ лганьѣ, занимавшаго высокую военную должность и бывшаго въ большой милости у принцессы Анны. Для него еще не пришла пора сдѣлать рѣшительный шагъ. Но онъ уже успѣлъ, посредствомъ второстепеннаго агента, нанести тяжкую, если не смертельную, рану королевскому дѣлу.

Виконтъ Эдвардъ Корнбёри, старшій сынъ графа Кларендона, былъ молодой человѣкъ посредственныхъ способностей, шаткихъ правилъ и буйнаго нрава. Онъ съ дѣтства привыкъ смотрѣть на свое родство съ принцессою Анною какъ на основу своего благополучія и постоянно вертѣлся около ея высочества. Его отцу никогда и въ голову не приходило, чтобы наслѣдственная вѣрноподданность Гайдовъ могла испортиться при дворѣ любимой дочери короля; но при этомъ дворѣ Чорчилли властвовали безусловно, и Корнбёри сдѣлался ихъ орудіемъ. Онъ командовалъ однимъ изъ драгунскихъ полковъ, отправленныхъ въ западныя графства. Дѣло было устроено такъ, что 14 ноября онъ оказался, на нѣсколько часовъ, старшимъ офицеромъ въ Салисбёри, и всѣ собранныя тамъ войска очутились подъ его начальствомъ. Нельзя не изумляться, какимъ образомъ, при такихъ критическихъ обстоятельствахъ, армія, отъ которой зависѣло все, могла быть, хотя на минуту, оставлена подъ командою молодаго полковника, не отличавшагося ни способностями, ни опытностью. Несомнѣнно, что такое странное распоряженіе было слѣдствіемъ глу- Измѣна Корнбёри.

(a) Burnet, I. 790.; «*Life of William*», 1703.

бокаго умысла; несомнѣнно также и то, чьей головѣ и чьему сердцу надлежитъ приписать этотъ умыселъ.

Внезапно три изъ кавалерійскихъ полковъ, собранныхъ въ Салисбёри, получили приказаніе двинуться на западъ. Коркбёри лично принялъ надъ ними начальство и повелъ ихъ сначала въ Бландфордъ, а оттуда въ Дорчестеръ. Изъ Дорчестера, послѣ одного или двухъ часовъ роздыха, они выступили въ Аксминстеръ. Нѣкоторые изъ офицеровъ начали безпокоиться и потребовали объясненія этихъ странныхъ движеній. Коркбёри отвѣтилъ, что ему было приказано сдѣлать ночную атаку на отрядъ, расположенный принцемъ Оранскимъ въ Гонитонѣ. Но подозрѣніе уже пробудилось. На рѣшительные вопросы получены были уклончивые отвѣты. Наконецъ офицеры стали настаивать, чтобы Коркбёри показалъ имъ свои инструкціи. Онъ увидѣлъ, что не только ему невозможно было, какъ онъ надѣялся, передаться со всѣми тремя полками, но что и самъ онъ былъ въ очень опасномъ положеніи. Вслѣдствіе этого, онъ съ нѣсколькими спутниками поспѣшилъ улизнуть въ главную квартиру голландцевъ. Бо́льшая часть его солдатъ возвратилась въ Салисбёри; но нѣкоторые изъ нихъ, отряженные впередъ и ни мало не подозрѣвавшіе умысла своего командира, дошли до Гонитона. Тамъ они очутились посреди огромнаго отряда, который былъ вполнѣ приготовленъ ко встрѣчѣ ихъ. Сопротивленіе было невозможно. Начальникъ ихъ обратился къ нимъ съ предложеніемъ перейти въ службу къ Вильгельму. Въ награду имъ предложено было мѣсячное жалованье, которое и было большею частью изъ нихъ принято. (*)

Извѣстіе объ этихъ событіяхъ пришло въ Лондонъ 15 числа. Утромъ того дня Іаковъ былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа. Епископъ Лампло только-что представился ко двору по прибытіи изъ Эксетера и былъ весьма милостиво принятъ. «Милордъ, сказалъ король, вы настоящій кавалеръ стараго закала.» Мѣсто архіепископа іоркскаго, уже болѣе двухъ съ половиною лѣтъ остававшееся вакантнымъ, было немедленно пожаловано

(*) Clarke's «*Life of James*», II. 215. Orig. Mem.; Burnet, I. 790.; Clarendon's «*Diary*», Nov. 15. 1688; «*London Gazette*», Nov. 17.

Лампло въ награду за его вѣрнопреданность. Пополудни, въ ту самую минуту, когда король садился обѣдать, прибылъ гонецъ съ вѣстью объ измѣнѣ Корнбёри. Іаковъ всталъ изъ-за стола не ѣвши, проглотилъ корку хлѣба и стаканъ вина и удалился въ свой кабинетъ. Впослѣдствіи онъ узналъ, что, когда онъ вставалъ изъ-за стола, многіе лорды, на которыхъ онъ всего болѣе полагался, пожимали другъ другу руки и поздравляли одинъ другаго въ сосѣдней галлереѣ. Когда извѣстіе сообщено было королевѣ, она и ея статсъ-дамы разразились слезами и громкими рыданіями. (а)

Ударъ, дѣйствительно, былъ тяжелъ. Правда, прямой уронъ короны и прямой выигрышъ непріятеля ограничивались всего двумя стами человѣкъ и такимъ же числомъ лошадей. Но гдѣ послѣ этого могъ надѣяться король найти тѣ чувства, въ которыхъ состоитъ сила государствъ и армій? Корнбёри былъ наслѣдникомъ рода, знаменитаго своею приверженностью къ монархіи. Его отецъ, Кларендонъ, его дядя, Рочестеръ, были людьми, вѣрнопреданность которыхъ считалась недоступною никакимъ искушеніямъ. Какова же долженствовала быть сила того чувства, противъ котораго не могли устоять даже исконныя фамильныя преданія, того чувства, которое могло побудить молодаго офицера высокаго происхожденія къ побѣгу, отягченному злоупотребленіемъ довѣрія и грубою ложью? Измѣна Корнбёри получала еще болѣе тревожное значеніе оттого, что онъ былъ человѣкъ неблестящихъ способностей и непредпріимчиваго нрава. Невозможно было сомнѣваться, что за нимъ скрывался могущественный и лукавый подстрекатель. Вопросъ, кто былъ этимъ подстрекателемъ, вскорѣ объяснился. Между тѣмъ ни одинъ человѣкъ въ королевскомъ лагерѣ не могъ быть увѣренъ, что не былъ окруженъ измѣнниками. Государственный санъ, военный рангъ, честь нобльмена, честь солдата, самыя горячія клятвы, самая чистая кавалерская кровь, уже не представляли собою никакого обезпеченія. Каждый былъ въ правѣ подозрѣвать, что каждое приказаніе его начальника имѣло

(а) Clarke's «*Life of James*», II. 218.; Clarendon's «*Diary*», Nov. 15. 1688; Citters, $^{16}/_{26}$ ноября.

цѣлью содѣйствовать замысламъ непріятеля. То безпрекословное повиновеніе, безъ котораго армія представляетъ собою лишь сбродъ всякаго народа, необходимо должно было прекратиться. Какая дисциплина могла быть между солдатами, которые только тѣмъ спаслись отъ ловушки, что отказались послѣдовать за своимъ командиромъ въ секретную экспедицію и настаивали, чтобы онъ показалъ имъ свои инструкціи?

Корнбёри вскорѣ нашелъ цѣлую толпу подражателей, превосходившихъ его и рангомъ, и даровитостью; но въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ оставался одинокимъ дезертиромъ и былъ жестоко порицаемъ многими изъ тѣхъ, которые потомъ послѣдовали его примѣру и завидовали его безчестной иниціативѣ. Между этими людьми находился и его отецъ. Первый взрывъ бѣшенства и горести Кларендона былъ чрезвычайно патетиченъ. «Боже! воскликнулъ онъ: неужели мой сынъ бунтовщикъ!» Недѣли черезъ двѣ онъ и самъ рѣшился сдѣлаться бунтовщикомъ. Несправедливо было бы, однако, назвать его просто лицемѣромъ. Во времена революцій люди живутъ быстро: опытъ цѣлыхъ годовъ пріобрѣтается въ нѣсколько часовъ; прежніе образы мыслей и дѣйствій безпрестанно нарушаются; новизна, съ перваго взгляда внушающая страхъ и отвращеніе, черезъ нѣсколько дней становится обыкновеннымъ, сноснымъ и даже привлекательнымъ дѣломъ. Многія лица, гораздо добродѣтельнѣе и доблестнѣе Кларендона, еще до истеченія этого достопамятнаго года, уже готовы были сдѣлать то, что въ началѣ его признали бы порочнымъ и безславнымъ.

Несчастный отецъ, кое-какъ успокоившись, послалъ просить у короля частной аудіенціи. Соизволеніе послѣдовало. Іаковъ необыкновенно милостиво сказалъ, что ему отъ всего сердца жаль родныхъ Корнбёри, и что онъ вовсе не считаетъ ихъ отвѣтственными за преступленіе ихъ недостойнаго родственника. Кларендонъ вернулся домой, почти не смѣя взглянуть въ глаза своимъ друзьямъ. Вскорѣ, однако, къ удивленію своему узналъ онъ, что поступокъ, который, по его первоначальному мнѣнію, навсегда обезчестилъ его фамилію, былъ одобряемъ нѣкоторыми высокосановными лицами. Его племянница, принцесса Датская, спросила его, отчего онъ никуда не показывался. Онъ отвѣчалъ,

что онъ крайне разстроенъ подлымъ поступкомъ своего сына. Анна, по видимому, совершенно не поняла этого чувства. «Папизмъ, сказала она, возбуждаетъ общее безпокойство. Я полагаю, что многіе изъ служащихъ въ арміи поступятъ точно такъ же.» (a)

Сильно встревоженный король созвалъ главныхъ офицеровъ, находившихся еще въ Лондонѣ. Чорчилль, около того времени произведенный въ генералъ-лейтенанты, явился съ тѣмъ яснымъ челомъ, котораго никогда не могли смутить ни опасность, ни безславіе. Въ собраніи присутствовалъ Генри Фитцрой, герцогъ Графтонъ, отличавшійся между побочными сыновьями Карла II отважностью и дѣятельностью. Графтонъ былъ командиромъ перваго полка пѣшей гвардіи. Въ это время онъ, кажется, вполнѣ подчинялся вліянію Чорчилля и готовъ былъ измѣнить королевскому знамени при первомъ благопріятномъ случаѣ. Были въ совѣтѣ и другіе два измѣнника, Кэркъ и Трелони, командовавшіе тѣми двумя свирѣпыми и буйными шайками, которыя тогда извѣстны были подъ названіемъ тангерскихъ полковъ. Каждый изъ нихъ, подобно прочимъ протестантскимъ офицерамъ королевской арміи, издавна съ крайнимъ неудовольствіемъ смотрѣлъ на пристрастіе короля къ членамъ Римской церкви; а Трелони, кромѣ того, съ озлобленіемъ вспоминалъ преслѣдованіе своего брата, епископа бристольскаго. Іаковъ обратился къ собранію съ рѣчью, достойною лучшаго человѣка и лучшаго дѣла. Быть можетъ, сказалъ онъ, нѣкоторымъ изъ офицеровъ мѣшали сражаться за него религіозныя причины. Въ такомъ случаѣ онъ готовъ былъ принять отъ нихъ просьбы объ отставкѣ. Но онъ заклиналъ ихъ, какъ джентльменовъ и офицеровъ, не слѣдовать постыдному примѣру Коривёри. Всѣ казались растроганными, но болѣе всѣхъ Чорчилль. Онъ первый съ лицемѣрнымъ энтузіазмомъ поклялся защищать своего всемилостивѣйшаго государя до послѣдней капли крови. Графтонъ громко и

(a) Clarendon's «*Diary*», Nov. 15, 16, 17, 20. 1688.

поспѣшно разсыпался въ подобныхъ же увѣреніяхъ; а за нимъ то же самое сдѣлали Кэркъ и Трклони. (a)

Просьба лордовъ о созваніи парламента.

Обманутый этими увѣреніями, король собрался отправиться въ Салисбёри. Передъ отъѣздомъ онъ узналъ, что значительное число свѣтскихъ и духовныхъ перовъ желало получить у него аудіенцію. Они явились, съ Санкрофтомъ во главѣ, представить просьбу о созваніи свободнои законно избраннаго парламента и объ открытіи переговоровъ съ принцемъ Оранскимъ.

Исторія этой просьбы любопытна. Мысль о ней, кажется, явилась одновременно у двухъ знаменитыхъ политическихъ вождей, которые долго были соперниками и врагами: у Рочестера и Галифакса. Оба они, независимо другъ отъ друга, обратились за совѣтомъ къ епископамъ. Епископы горячо одобрили ихъ затѣю. Тогда предложено было созвать общее собраніе перовъ для совѣщанія о формѣ адреса королю. Это случилось въ періодъ судебныхъ засѣданій; а въ періоды судебныхъ засѣданій знатные и свѣтскіе люди каждый день баклушничали тогда въ Вестминстерской залѣ, какъ теперь баклушничаютъ они въ клубахъ Пелль-Мелля и Сентъ-Джемсъ-Стрита. Для собиравшихся тамъ лордовъ ничего не могло быть легче, какъ зайти въ какую-нибудь изъ смежныхъ съ залою комнатъ и устроить совѣщаніе. Но тутъ возникли неожиданныя затрудненія. Галифаксъ сталъ относиться къ дѣлу сначала холодно, а потомъ враждебно. У него была природная наклонность противорѣчить всему на свѣтѣ; а въ настоящемъ случаѣ наклонность эта усилилась чувствомъ соперничества. Идея, плѣнявшая его, пока онъ считалъ ее своею собственною, перестала нравиться ему, когда онъ узналъ, что она принадлежала также и Рочестеру, который долго боролся противъ него и наконецъ одержалъ надъ нимъ верхъ, и котораго онъ такъ ненавидѣлъ, какъ только могла кого-нибудь ненавидѣть его мягкая натура. Ноттингамъ въ то время находился совершенно подъ вліяніемъ Галифакса. Оба они объявили, что не примутъ участія въ адресѣ, если его подпишетъ Рочестеръ. Кларендонъ пытался уговорить ихъ, но усилія его остались без-

(a) Clarke's «*Life of James*», II. 219. Orig. Mem.

плодными. «Я, сказалъ Галифаксъ, не имѣю намѣренія оскорблять милорда Рочестера; но онъ былъ членомъ церковной коммиссіи. Дѣйствія этой коммиссіи должны вскорѣ подвергнуться строгому изслѣдованію; а потому негодится, чтобы тотъ, кто засѣдалъ въ ней, принималъ участіе и въ нашихъ дѣйствіяхъ.» Ноттингамъ, распинаясь въ личномъ уваженіи къ Рочестеру, высказалъ то же мнѣніе. Авторитетъ двухъ несогласныхъ съ прочими лордовъ удержалъ многихъ другихъ нобльменовъ отъ подписки адреса; но Гайды и епископы все-таки поставили на своемъ. Они собрали девятнадцать подписей и вмѣстѣ со всѣми подписавшими просьбу отправились къ королю. (a)

Онъ принялъ ихъ адресъ неблагосклонно. Правда, онъ увѣрялъ ихъ, что и самъ онъ пламенно желалъ независимаго парламента, и ручался имъ честью короля, что созоветъ законодательное собраніе тотчасъ, какъ только принцъ Оранскій удалится съ острова. «Но какимъ образомъ, сказалъ онъ, можетъ быть независимъ парламентъ, когда врагъ находится въ королевствѣ и можетъ вліять на избраніе почти цѣлой сотни депутатовъ?» Къ прелатамъ отнесся онъ съ особенною желчью. «Недавно еще, сказалъ онъ, я не могъ убѣдить васъ протестовать противъ этого нашествія; но вы вполнѣ готовы протестовать противъ меня. Тогда вы не хотѣли вмѣшиваться въ политику. Вы не затруднились, однако, вмѣшаться въ нее теперь. Вы возбудили это мятежническое настроеніе вашихъ паствъ и теперь разжигаете его. Вы бы лучше учили ихъ какъ повиноваться, нежели учить меня какъ управлять.» Онъ былъ очень раздраженъ противъ своего племянника Графтона, подпись котораго слѣдовала непосредственно за подписью Санкрофта, и весьма сурово сказалъ молодому человѣку: «Вы не имѣете ни малѣйшаго понятія о религіи; вы ни мало не заботитесь о ней; а между тѣмъ туда же толкуете о совѣсти.» — «Дѣйствительно, государь, съ наглою откровенностью отвѣтилъ Графтонъ: у меня совѣсти очень мало; но зато я принадлежу къ партіи, у которой ея много. (b)

(a) Clarendon's «*Diary*» from Nov. 8. to Nov. 17. 1688.

(b) Clarke's «*Life of James*», II. 212. Orig. Mem.; Clarendon's

Какъ ни желчна была рѣчь короля къ просителямъ, языкъ, которымъ онъ заговорилъ по уходѣ ихъ, былъ еще болѣе желченъ. По его словамъ, онъ уже слишкомъ много сдѣлалъ, въ надеждѣ удовлетворить непокорный и неблагодарный народъ. Онъ всегда ненавидѣлъ мысль объ уступкахъ, но далъ себя уговорить, и теперь, подобно отцу своему, убѣдился, что уступки только усиливаютъ требовательность подданныхъ. Онъ не уступитъ болѣе ничего, ни одного атома, и, по своей привычкѣ, онъ нѣсколько разъ горячо повторилъ: «Ни одного атома.» Онъ не только не вступитъ въ переговоры съ непріятелемъ, но и не приметъ отъ него никакихъ предложеній. Если голландцы пришлютъ парламентеровъ, первый посланный будетъ отпущенъ безъ отвѣта, а второй будетъ повѣшенъ. (a) Въ такомъ расположеніи духа отправился Іаковъ въ Салисбёри. Послѣднимъ его распоряженіемъ передъ отъѣздомъ было назначеніе совѣта изъ пяти лордовъ, которымъ ввѣрена была верховная власть на время отсутствія короля изъ Лондона. Изъ этихъ пяти лордовъ двое были папистами и по закону не могли занимать никакихъ государственныхъ должностей. Вмѣстѣ съ ними назначенъ былъ и протестантъ Джеффризъ, который для націи былъ ненавистнѣе всякаго паписта. Противъ остальныхъ двухъ членовъ совѣта, Престона и Годольфина, нельзя было сдѣлать никакого серьёзнаго возраженія. Въ тотъ же день, когда король выѣхалъ изъ Лондона, принцъ Валлійскій отправленъ былъ въ Портсмутъ. Эта крѣпость охранялась сильнымъ гарнизономъ и находилась подъ управленіемъ Бервика. Флотъ подъ командою Дартмута стоялъ неподалёку: еслибы дѣла приняли дурной оборотъ, королевича тотчасъ же предполагалось перевезти изъ Портсмута во Францію. (b)

Король отправляется въ Салисбёри.

19 числа Іаковъ прибылъ въ Салисбёри и занялъ помѣщеніе

«*Diary*», Nov. 17. 1688; Citters, $^{20}/_{30}$ нояб.; Burnet, I. 791.; «*Some Reflections upon the most Humble Petition to the King's most Excellent Majesty*», 1688; «*Modest Vindication of the Petition*»; «*First Collection of Papers relating to English Affairs*», 1688.

(a) Adda, $^{19}/_{29}$ нояб. 1688.

(b) Clarke's «*Life of James*», 220, 221.

въ епископскомъ дворцѣ. Дурныя вѣсти начали быстро стекаться къ нему со всѣхъ сторонъ. Западныя графства наконецъ возстали. Какъ только разнеслась молва объ измѣнѣ Корнвёри, многіе богатые землевладѣльцы ободрились и поспѣшили въ Эксетеръ. Между ними были сэръ Вилліамъ Портманъ-Брайанстонъ, одинъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ Дорсетшира, и сэръ Франсисъ Ворръ-Гестеркомъ, владѣлецъ огромнаго имѣнія въ Сомерсетширѣ. (a) Но значительнѣйшимъ изъ новоприбывшихъ лицъ былъ Сеймуръ, незадолго передъ тѣмъ наслѣдовавшій маловажный для его достоинства титулъ баронета и по рожденію, политическому вліянію и парламентскимъ способностямъ безспорно занимавшій первое мѣсто между торійскими джентльменами Англіи. Говорятъ, что онъ на первой же аудіенціи изумилъ и позабавилъ принца выраженіемъ своей родовой спеси. «Если не ошибаюсь, замѣтилъ Вильгельмъ, желавшій сказать любезность: вы, сэръ Эдвардъ, изъ фамиліи герцога Сомерсета?»—«Извините, ваше высочество, отвѣтилъ сэръ Эдвардъ, никогда не забывавшій, что онъ былъ главою старшей отрасли Сеймуровъ: герцогъ Сомерсетъ изъ моей фамиліи.» (b) Сеймуръ.

Главная квартира Вильгельма мало по малу приняла видъ двора. Въ Эксетерѣ уже находилось болѣе шестидесяти знатныхъ и зажиточныхъ особъ. Богатыя ливреи и кареты цугомъ, ежедневно появлявшіяся въ соборной оградѣ, превращали эту мирную обитель въ нѣчто подобное блестящему и оживленному Вайтголлю. Простой народъ горѣлъ нетерпѣніемъ взяться за оружіе и не трудно было бы сформировать нѣсколько батальоновъ пѣхоты. Но Шомбергъ, который былъ не высокаго мнѣнія о солдатахъ, только-что оторванныхъ отъ плуга, утверждалъ, что если экспедиція не можетъ имѣть успѣха безъ такой помощи, то она и вовсе не будетъ имѣть успѣха. Вильгельмъ, у котораго сол- Дворъ Вильгельма въ Эксетерѣ

(a) Eachard's «*History of the Revolution.*»

(b) Отвѣтъ Сеймура Вильгельму разсказанъ многими писателями. Онъ напоминаетъ анекдотъ о фамиліи Манрикецовъ, которые, говорятъ, избрали своимъ девизомъ слова: «Nos no descendemos de los Reyes, sino los Reyes descienden de nos.»—«*Carpentariana.*»

датская косточка была такъ же сильна, какъ и у Шомберга, согласился съ этимъ мнѣніемъ. Поэтому, полномочія для формированія новыхъ полковъ раздавались очень скупо, и въ составъ этихъ полковъ принимались только отборные рекруты.

По изъявленному нѣкоторыми лицами желанію, принцъ рѣшился сдѣлать публичный пріемъ всѣмъ нобльменамъ и джентльменамъ, собравшимся въ Эксетерѣ. Онъ обратился къ нимъ съ краткою, но многозначительною и глубоко обдуманною рѣчью. Онъ сказалъ, что не былъ лично знакомъ со всѣми джентльменами, которые въ ту минуту находились передъ нимъ. Но у него былъ списокъ ихъ именъ, и онъ зналъ, какимъ высокимъ уваженіемъ пользовались они въ своемъ отечествѣ. Онъ кротко пожурилъ ихъ за медлительность, но выразилъ твердую надежду, что еще не прошла пора спасти королевство. «И такъ, сказалъ онъ, джентльмены, друзья и собраты-протестанты, отъ всего сердца поздравляемъ васъ съ пріѣздомъ къ нашему двору и въ нашъ лагерь.» (a)

Сеймуръ, тонкій политикъ, издавна привыкшій къ тактикѣ факцій, мгновенно увидѣлъ, что партія, начавшая собираться вокругъ принца, нуждалась въ организаціи. Она, по его словамъ покамѣстъ представляла собою нестройную толпу, у которой не было никакой всенародно и торжественно заявленной общей цѣли, и въ которой ни на комъ не лежало никакихъ опредѣленныхъ обязанностей. Какъ только собраніе въ деканскомъ домѣ разошлось, онъ тотчасъ послалъ за Борнетомъ и предложилъ образовать союзъ, съ тѣмъ чтобы всѣ англійскіе приверженцы принца письменно обязались быть вѣрными своему вождю и другъ другу. Борнетъ сообщилъ это предложеніе Вильгельму и Шрусбёри, которые оба одобрили его. Митингъ имѣлъ мѣсто въ каѳедральномъ соборѣ. Краткая бумага, составленная Борнетомъ, была представлена, одобрена и немедленно подписана. Подписавшіеся обязывались сообща преслѣдовать цѣли, изложен-

---

(a) «*Fourth Collection of Papers*», 1688; Letter from Exon.; Burnet, I. 792.

ныя въ декларацiи принца, поддерживать его и другъ друга, жестоко мстить всякому, кто покусился бы на его жизнь, и во всякомъ случаѣ, еслибы даже такое покушенiе, чего Боже избави, оказалось успѣшнымъ, упорствовать въ своемъ предпрiятiи до тѣхъ поръ, пока не будутъ прочно обезпечены вольности и религiя нацiи. (a)

Около того же времени прибылъ въ Эксетеръ гонецъ отъ плимутскаго коменданта графа Бата. Батъ объявлялъ, что предоставляетъ себя, свои войска и находившуюся подъ его начальствомъ крѣпость въ полное распоряженiе принца. Такимъ образомъ у Вильгельма не осталось ни одного непрiятеля въ тылу. (b)

Между тѣмъ какъ впереди короля, бунтовался западъ, сѣверъ позади его былъ весь въ возстанiи. 16 числа Деламиръ взялся за оружiе въ Чеширѣ. Онъ созвалъ своихъ арендаторовъ, предложилъ имъ слѣдовать за нимъ, обѣщалъ, въ случаѣ ихъ смерти на полѣ битвы, оставить аренды за ихъ дѣтьми и убѣждалъ каждаго, у кого былъ добрый конь, отправиться въ походъ или поставить за себя ратника. (c) Онъ явился въ Манчестеръ съ пятьюдесятью вооруженными всадниками; но, прежде чѣмъ достигъ онъ Боденъ-Дауна, силы его утроились. Сѣверное возстанiе.

Сосѣднiя графства сильно волновались. По условiю между заговорщиками, Данби долженъ былъ овладѣть Іоркомъ, а Девонширъ явиться въ Ноттингамѣ. Въ Ноттингамѣ не предвидѣлось никакого сопротивленiя. Но въ Іоркѣ стоялъ небольшой гарнизонъ подъ начальствомъ сэра Джона Рирсби. Данби поступилъ необыкновенно ловко. Джентри и фригольдеры Іоркшира должны были собраться 22 ноября для составленiя адреса королю о положенiи дѣлъ. Всѣ помощники намѣстника трехъ округовъ, нѣсколько нобльменовъ и множество богатыхъ помѣщиковъ и зажиточныхъ йоменовъ съѣхались въ главный городъ провинцiи. Четыре роты милицiи были поставлены на военную ногу для охраненiя об-

---

(a) Burnet, I. 792.; «*History of the Desertion*»; «*Second Collection of Papers*», 1688.

(b) Письмо Бата къ принцу Оранскому, 18 нояб. 1688; Dalrymple.

(c) «*First Collection of Papers*», 1688; «*London Gazette*», Nov. 22.

щественнаго спокойствія. Ратуша была биткомъ набита фригольдерами, и пренія уже начались, какъ вдругъ раздался крикъ, что паписты возстали и рѣжутъ протестантовъ. Іоркскіе паписты, по всей вѣроятности, гораздо болѣе занимались пріискиваніемъ себѣ убѣжищъ, нежели нападеніемъ на враговъ, которые относились къ нимъ, какъ сто къ единицѣ. Но англійскіе протестанты того времени охотно вѣрили самымъ нелѣпымъ и чудовищнымъ баснямъ о жестокости папистовъ. Собраніе разошлось въ испугѣ. Весь городъ былъ въ смятеніи. Въ эту минуту Данби, съ сотнею всадниковъ, подъѣхалъ къ милиціи и крикнулъ: «Долой папизмъ! Свободный парламентъ! Протестантская религія!» Милиція подхватила эти возгласы. Гарнизонъ мгновенно былъ захваченъ въ расплохъ и обезоруженъ, градоначальникъ арестованъ, городскія ворота заперты, и повсюду разставлены часовые. Народъ безпрепятственно разрушилъ одну изъ католическихъ капеллъ; но этимъ, кажется, и ограничилось его буйство. На слѣдующее утро ратуша наполнилась знатнѣйшими джентльменами шира и главными сановниками города. Предсѣдательское кресло занималъ лордъ-меръ. Данби предложилъ собранію декларацію, излагавшую причины, которыя побудили друзей конституціи и протестантской религіи взяться за оружіе. Декларація эта была охотно принята и въ нѣсколько часовъ подписана шестью перами, пятью баронетами, шестью найтами и многими высокоименитыми джентльменами. (¹)

Между тѣмъ Девонширъ, въ сопровожденіи значительнаго числа друзей и подчиненныхъ, покинулъ свой чатсвортскій дворецъ и, съ оружіемъ въ рукахъ, явился въ Дерби. Тамъ онъ торжественно вручилъ муниципальнымъ властямъ бумагу, гдѣ излагались причины, побудившія его къ этому предпріятію. Потомъ онъ отправился въ Ноттингамъ, который вскорѣ сдѣлался главною квартирою Сѣвернаго возстанія. Здѣсь обнародована была прокламація, написанная въ смѣлыхъ и рѣзкихъ выраженіяхъ. Названіе «бунтъ», говорилось въ ней, было пугаломъ, которое не должно было устрашать никого изъ здравомыслящихъ людей. Можно ли было называть бунтомъ защиту тѣхъ законовъ и той ре-

(¹) Reresby's «*Memoirs*»; Clarke's «*Life of James*», II. 231. Orig. Mem.

лигіи, охранять которые обязывался присягою каждый англійскій король? Какъ соблюдалась въ послѣднее время коронаціонная присяга, относительно этого вопроса, надлежало надѣяться, свободно избранный парламентъ не замедлитъ произнести свое рѣшеніе. Въ ожиданіи этого рѣшенія, инсургенты объявляли, что сопротивленіе тирану, не признававшему никакого закона, кромѣ своего произвола, было въ ихъ глазахъ не бунтомъ, а законнымъ самозащищеніемъ. Сѣверное возстаніе съ каждымъ днемъ становилось болѣе и болѣе грознымъ. Въ Ноттингамъ уже прибыли четыре могущественные и богатые графа: Манчестеръ, Стамфордъ, Ротландъ и Честерфильдъ, къ которымъ вскорѣ присоединились лорды Чомли и Грей де-Рутинъ. (a)

Въ теченіе всего этого времени враждебныя арміи на югѣ сходились ближе и ближе другъ противъ друга. Принцъ Оранскій, узнавши о прибытіи короля въ Салисбёри, нашелъ, что пришла пора выступить изъ Эксетера. Онъ назначилъ правителемъ этого города и округа сэра Эдварда Сеймура, а самъ, въ сопровожденіи многихъ изъ знатнѣйшихъ джентльменовъ западныхъ графствъ, отправился въ среду, 21 ноября, въ Аксминстеръ, гдѣ и остановился на нѣсколько дней.

Король желалъ какъ можно скорѣе сразиться. Этого очевидно требовалъ его интересъ. Каждый часъ уменьшалъ его силу и увеличивалъ силу его враговъ. Притомъ же, въ высшей степени важно было, чтобы его войска обагрились кровью. Кровопролитная битва, чѣмъ бы ни кончилась она, не могла не повредить популярности принца. Вильгельмъ отлично понималъ все это и рѣшился какъ можно долѣе избѣгать сраженія. Говорятъ, что Шомбергъ, получивши донесеніе о томъ, что непріятель приближался и непремѣнно желалъ сразиться, отвѣтилъ съ хладнокровіемъ тактика, увѣреннаго въ своемъ искусствѣ: «Это будетъ зависѣть отъ того, какъ мы пожелаемъ.» Впрочемъ, предотвратить мелкія стычки между передовыми постами армій было

(a) Cibber's «*Apology*»; «*History of the Desertion*»; Luttrell's *Diary*»; «*Second Collection of Papers*», 1688.

невозможно. Вильгельмъ желалъ, чтобы въ этихъ стычкахъ не было ничего такого, что́ могло бы уязвить гордость или возбудить мстительность націи, которую онъ намѣревался освободить. Поэтому онъ, съ удивительнымъ благоразуміемъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ предвидѣлась наибольшая опасность столкновенія, поставилъ свои британскіе полки. Форпосты королевской арміи состояли изъ ирландцевъ. Такимъ образомъ въ небольшихъ схваткахъ этого непродолжительнаго похода сердечное сочувствіе всѣхъ англичанъ было на сторонѣ иноземцевъ.

Стычка при Винкантонѣ.

Первая изъ этихъ сшибокъ произошла при Винкантонѣ. Полкъ Макея, состоявшій изъ британскихъ солдатъ, находился вблизи королевскихъ ирландскихъ войскъ, которыми начальствовалъ ихъ соотечественникъ, храбрый Сарзфильдъ. Макей послалъ небольшую партію подъ командою поручика Кампбелля добыть лошадей для багажа. Кампбелль нашелъ что́ нужно было въ Винкантонѣ и только-что пустился изъ этого города въ обратный путь, какъ навстрѣчу ему попался сильный отрядъ Сарзфильдовыхъ войскъ. Ирландцевъ приходилось по четыре человѣка на каждаго англичанина; но Кампбелль рѣшился сражаться до послѣдняго издыханія. Самъ онъ съ горстью рѣшительныхъ людей занялъ позицію на дорогѣ. Остальные его солдаты расположились за изгородями, обрамлявшими дорогу справа и слѣва. Непріятель приблизился. «Стой! крикнулъ Кампбелль: за кого вы?» — «Я за короля Іакова», отвѣчалъ предводитель противной стороны. «А я за принца Оранскаго», воскликнулъ Кампбелль. — «Дадимъ мы вамъ принца», съ проклятіемъ отвѣтилъ ирландецъ. «Пли!» скомандовалъ Кампбелль, и въ ту же минуту изъ-за обѣихъ изгородей открылась сильная пальба. Прежде чѣмъ королевскія войска оправились, имъ пришлось выдержать три метких залпа. Наконецъ они успѣли овладѣть одной изъ изгородей и, разумѣется, одолѣли бы кучку сопротивлявшихся имъ храбрецовъ, еслибы крестьяне, смертельно ненавидѣвшіе ирландцевъ, не сдѣлали фальшивой тревоги, закричавши, что приближаются свѣжія войска принца. Сарзфильдъ приказалъ ударить отбой и отступилъ; а Кампбелль безпрепятственно отправился далѣе съ багажными лошадьми. Эта стычка, безспорно дѣлавшая честь храб-

рости и дисциплинѣ принцевой арміи, была раздута молвою въ побѣду, одержанную британскими протестантами надъ полчищами папистскихъ варваровъ, привезенныхъ изъ Коннота для порабощенія нашего острова. (a)

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ этой стычки случилось событіе, положившее конецъ всякой возможности болѣе серьёзной борьбы между арміями. Чорчилль и нѣкоторые изъ главныхъ его сообщниковъ собрались въ Салисбёри. Двое изъ заговорщиковъ, Кэркъ и Трелони, отправились въ Ворминстеръ, гдѣ стояли ихъ полки. Все было готово для осуществленія давно задуманной измѣны.

Чорчилль посовѣтовалъ королю посѣтить Ворминстеръ и осмотрѣть расположенныя тамъ войска. Іаковъ согласился, и его карета была уже подана къ подъѣзду епископскаго дворца, какъ вдругъ у него открылось сильное кровотеченіе изъ носу. Онъ принужденъ былъ отложить поѣздку и подвергнуться медицинскому пользованію. Прежде чѣмъ кровотеченіе окончательно унялось, прошло три дня; а въ эти три дня до короля дошли тревожные слухи.

Такое обширное дѣло, какъ заговоръ, главою котораго былъ Чорчилль, не могло оставаться совершенною тайною. Уликъ, которыя бы можно было представить уголовному или военному суду, не было; но по лагерю ходили странные слухи. Фивершамъ, занимавшій постъ главнокомандующаго, доносилъ, что духъ арміи ненадеженъ. Королю намекали, что нѣкоторые изъ его приближенныхъ были непріязненно расположены къ нему, и что благоразумная предосторожность требовала бы отправить Чорчилля и Графтона подъ карауломъ въ Портсмутъ. Іаковъ отвергнулъ этотъ совѣтъ. Мнительность не принадлежала къ числу его пороковъ. Его довѣріе къ словеснымъ изъявленіямъ вѣрности и привязанности было такъ велико, что скорѣе бы приличествовало какому-нибудь добродушному и неопытному юношѣ, нежели политичес-

---

(a) Whittle's «*Diary*»; «*History of the Desertion*»; Luttrell's «*Diary*.»

кому дѣятелю, который не мало пожилъ на свѣтѣ, многое видѣлъ на своемъ вѣку, многое претерпѣлъ отъ гнусныхъ козней, и собственный характеръ котораго былъ далеко не казистымъ образчикомъ человѣческой натуры. Трудно было бы назвать другаго человѣка, который бы такъ мало совѣстился нарушать свое слово и который бы въ то же время такъ неохотно вѣрилъ, что и его ближніе могли нарушать свое слово въ отношеніи къ нему. Тѣмъ не менѣе полученныя имъ донесенія о состояніи арміи сильно обезпокоили его. Онъ уже не горѣлъ желаніемъ вступить въ битву. Онъ началъ даже помышлять объ отступленіи. Въ субботу вечеромъ, 24 ноября, созвалъ онъ военный совѣтъ. Въ этомъ собраніи присутствовали и тѣ офицеры, противъ которыхъ его особенно предостерегали. Фивершамъ выразилъ мнѣніе, что слѣдовало бы отступить. Чорчилль доказывалъ противное. Совѣщаніе продолжалось до полуночи. Наконецъ король объявилъ, что рѣшился ретироваться. Чорчилль увидѣлъ или вообразилъ, что къ нему уже не было довѣрія, и потому, хотя былъ одаренъ рѣдкимъ самообладаніемъ, не могъ скрыть своего безпокойства. Прежде чѣмъ разсвѣло, онъ, въ сопровожденіи Графтона, бѣжалъ въ главную квартиру принца. (a)

Побѣгъ Чорчилля и Графтона.

Чорчилль оставилъ послѣ себя письменное объясненіе. Оно было написано съ тѣмъ достоинствомъ тона, которое онъ неизмѣнно соблюдалъ въ самыхъ преступныхъ и безчестныхъ своихъ дѣйствіяхъ. Онъ признавалъ, что всѣмъ былъ обязанъ королевской милости. И выгода, и благодарность, говорилъ онъ, одинаково побуждали его держаться королевской стороны. Ни при какомъ другомъ правительствѣ не могъ онъ разсчитывать на такой почетъ и такое благоденствіе, какіе дотолѣ его окружали; но всѣ эти соображенія должны были уступить мѣсто чувству священнаго долга. Онъ былъ протестантъ, и совѣсть не позволяла ему обнажать мечъ противъ протестантскаго дѣла. Во всемъ остальномъ онъ изъявлялъ всег-

---

(a) Clarke's «*Life of James*», I. 222. Orig. Mem.; Barillon, $\frac{21 \text{ нояб.}}{1 \text{ дек.}}$ 1688; Sheridan MS.

дашнюю готовность жертвовать жизнью и достояніемъ для защиты священной особы и законныхъ правъ своего всемилостивѣйшаго государя. (a)

На слѣдующее утро весь королевскій лагерь пришелъ въ смятеніе. Друзья короля были объяты ужасомъ. Враги его не могли скрыть своей радости. Смущеніе Іакова усилилось вслѣдствіе извѣстій, пришедшихъ въ тотъ же день изъ Ворминстера. Кэркъ, командовавшій тамошнимъ отрядомъ, отказался повиноваться приказаніямъ, которыя были получены имъ изъ Салисбери. Не подлежало никакому сомнѣнію, что и онъ находился въ союзѣ съ принцемъ Оранскимъ. Носился слухъ, что онъ уже передался непріятелю со всѣми своими войсками, и хотя этотъ слухъ былъ ложенъ, однако, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, всѣ ему вѣрили. (b) Новый свѣтъ озарилъ умъ несчастнаго короля. Іаковъ понялъ теперь, почему, нѣсколько дней назадъ, Чорчилль убѣждалъ его посѣтить Ворминстеръ. Тамъ онъ оказался бы безпомощнымъ, въ рукахъ заговорщиковъ и вблизи отъ вражескихъ форпостовъ. Тѣ, которые пытались бы защитить его, легко были бы осилены. Онъ былъ бы отвезенъ плѣнникомъ въ главную квартиру непріятельской арміи. Могло бы, пожалуй, совершиться и другое еще болѣе гнусное предательство, потому что люди, разъ принявшіе участіе въ какомъ-нибудь злодѣйскомъ и опасномъ предпріятіи, уже не зависятъ отъ самихъ себя и, подчиняясь роковой силѣ обстоятельствъ, составляющей долю заслуженнаго ими наказанія, часто невольно совершаютъ такія преступленія, о которыхъ прежде не могли бы подумать безъ содроганія. Конечно, не безъ особеннаго посредничества какого-нибудь святаго угодника случилось, что преданный католической церкви король, въ ту самую минуту, когда онъ необдуманно стремился въ плѣнъ, или даже на смерть, внезапно былъ остановленъ недугомъ, показавшимся ему тогда бѣдственною помѣхою.

(a) «*First Collection of Papers*», 1688.

(b) Письмо Миддльтона къ Престону изъ Салисбёри, 4 ноября: «Подлость за подлостью, говоритъ Миддльтонъ: послѣдняя превосходитъ всѣ прежнія.» Clarke's *Life of James*», II, 224. 225. Orig. Mem.

Отступленіе королевской арміи изъ Салисбери.

Всѣ эти обстоятельства утвердили Іакова въ рѣшеніи, которое онъ принялъ наканунѣ вечеромъ. Приказано было немедленно отступать. Въ Салисбёри поднялась суматоха. Лагерь снялся въ смятеніи, похожемъ на бѣгство. Никто не зналъ, кому вѣрить, кому повиноваться. Матеріяльная сила арміи почти не уменьшилась, но нравственная ея сила уничтожилась. Съ одной стороны, многія лица, которыя постыдились бы перейти первыми въ лагерь принца, охотно готовы были послѣдовать примѣру, какого сами они никогда бы не подали; а съ другой, многія лица, которыя поддержали бы короля, рѣшительно наступающаго на враговъ, не чувствовали ни малѣйшаго расположенія слѣдовать за отступающимъ знаменемъ. (a)

Іаковъ доѣхалъ въ тотъ день до Андовера. При немъ находились зять его принцъ Георгъ и герцогъ Ормондъ. Оба они принадлежали къ числу заговорщиковъ и, вѣроятно, бѣжали бы вмѣстѣ съ Чорчиллемъ, еслибы Чорчилль, послѣ засѣданія въ военномъ совѣтѣ, не счелъ нужнымъ уѣхать внезапно. Непроходимая глупость послужила въ этомъ случаѣ принцу Георгу лучше всякой хитрости. У него была привычка, когда ему разсказывали какую-нибудь новость, восклицать по французски: «Est-il possible? Возможно ли?» Эта поговорка пригодилась ему очень кстати. «Est-il possible?» воскликнулъ онъ, когда ему растолковали, что Чорчилль и Графтонъ дезертировали, и потомъ, когда пришли дурныя вѣсти изъ Ворминстера, онъ снова воскликнулъ: «Est-il possible?»

Побѣгъ принца Георга и Ормонда.

Принцъ Георгъ и Ормондъ приглашены были отужинать съ королемъ въ Андоверѣ. Мрачную картину должна была представлять эта вечерняя трапеза. Король былъ подавленъ злополучіями. Его зять былъ скучнѣйшимъ изъ собесѣдниковъ. «Видѣлъ я принца Георга трезвымъ, говорилъ Карлъ II, и видѣлъ его пьянымъ; но ни въ пьяномъ, ни въ трезвомъ, ровно ничего не нашелъ въ немъ.» (b) Ормондъ, который всю жизнь былъ

(a) «*History of the Desertion*»; Luttrell's «*Diary.*»

(b) Dartmouth's note on Burnet, I. 643.

молчаливъ и застѣнчивъ, не могъ, конечно, быть особенно веселымъ въ такую минуту. Наконецъ ужинъ кончился. Король удалился почивать. Лошади уже ждали принца и Ормонда, которые, вставши изъ-за стола, тотчасъ же сѣли верхомъ и ускакали. Вмѣстѣ съ ними уѣхалъ и графъ Дромланригъ, старшій сынъ герцога Квинсберри. Побѣгъ этого молодаго нобльмена былъ немаловажнымъ событіемъ, потому что Квинсберри былъ главою шотландскихъ епископаловъ, въ сравненіи съ которыми самые рьяные англійскіе консерваторы могли бы считаться либералами; да и самъ Дромланригъ былъ подполковникомъ Дондіева полка, который для виговъ былъ ненавистнѣе Кэрковыхъ агнцевъ. Это новое бѣдствіе объявлено было королю на слѣдующее утро. Извѣстіе смутило его менѣе, чѣмъ можно было ожидать. Ударъ, постигшій его наканунѣ, приготовилъ его почти ко всякимъ несчастіямъ; да и нельзя было серьёзно гнѣваться на такого идіота, какъ принцъ Георгъ, за то, что онъ поддался на штуки такого искусителя, какъ Чорчилль. «Какъ! сказалъ Іаковъ: и Est-il possible уѣхалъ? Впрочемъ, правду сказать, побѣгъ хорошаго солдата былъ бы гораздо чувствительнѣе.» (a) Весь гнѣвъ короля, по видимому, сосредоточивался въ это время на одномъ предметѣ. Дыша мщеніемъ противъ Чорчилля, Іаковъ поѣхалъ въ Лондонъ и, по прибытіи туда, узналъ о новомъ преступленіи этого архипредателя: принцесса Анна исчезла, и придворные уже нѣсколько часовъ нигдѣ не могли доискаться ея.

Бѣгство принцессы Анны.

Анна, у которой собственная воля замѣнялась волею Чорчилей, за недѣлю передъ тѣмъ, по ихъ внушенію, отправила къ Вильгельму собственноручное письмо, въ которомъ одобряла предпріятіе принца. Она увѣряла его, что вполнѣ полагается на своихъ друзей и, смотря потому, какъ они рѣшатъ, либо останется во дворцѣ, либо укроется въ Сити. (b) Въ воскресенье, 25 ноября, она и тѣ, которые думали за нее, увидѣли необходимость без-

---

(a) Clarendon's «*Diary*», Nov. 26.; Clarke's «*Life of James*», II. 224.; письмо принца Георга къ королю неоднократно появлялось въ печати.

(b) Письмо, отъ 18 ноября, находится у Дальримпля.

отлагательно принять какое-нибудь рѣшеніе. Въ этотъ день по полудни курьеръ изъ Салисбёри привезъ вѣсти о томъ, что Чорчилль исчезъ, что съ нимъ скрылся и Графтонъ, что Кэркъ оказался измѣнникомъ, и что королевскія войска начали отступленіе. Какъ всегда бывало при полученіи важныхъ извѣстій, огромная толпа собралась въ тотъ вечеръ въ галлереяхъ Вайтголля. Любопытство и безпокойство замѣтны были на всѣхъ лицахъ. Королева, разразившаяся весьма естественными выраженіями негодованія противъ главнаго измѣнника, не пощадила при этомъ и его слишкомъ пристрастную покровительницу. Число часовыхъ около той части дворца, которую занимала Анна, было удвоено. Принцесса находилась въ сильномъ смущеніи. Черезъ нѣсколько часовъ отецъ ея долженъ былъ прибыть въ Вестминстеръ. Опасаться, чтобы онъ употребилъ лично противъ нея какую-нибудь строгость, не было никакого основанія; но зато нечего было и думать, чтобы онъ позволилъ ей на будущее время пользоваться обществомъ ея друга. Почти невозможно было сомнѣваться, что Сара будетъ арестована и подвергнута хитрыми и суровыми слѣдователями строгому допросу. Ея бумаги будутъ захвачены. Быть можетъ, откроются улики, достаточныя для произнесенія смертнаго приговора. Въ такомъ случаѣ можно было опасаться самыхъ дурныхъ послѣдствій. Мщеніе неумолимаго короля не знало различія половъ. За проступки, гораздо менѣе значительные, чѣмъ тѣ, въ которыхъ могла быть уличена леди Чорчилль, онъ отправлялъ женщинъ на эшафотъ и костеръ. Сильная привязанность возбудила энергію въ слабомъ характерѣ принцессы. Не было такихъ узъ, которыхъ Анна не порвала бы, такой опасности, которой она не подверглась бы, ради предмета своего обожанія. «Я лучше выпрыгну изъ окна, воскликнула она, нежели буду ждать, чтобы отецъ засталъ насъ здѣсь.» Фаворитка взялась устроить побѣгъ. Она наскоро переговорила съ нѣкоторыми изъ главныхъ заговорщиковъ, и черезъ нѣсколько часовъ все было улажено. Вечеромъ Анна, по обыкновенію, удалилась въ свою комнату. Въ полночь она встала и, въ сопровожденіи своего друга Сары и двухъ другихъ женщинъ, спустилась украдкою по черной лѣстницѣ въ ночной блузѣ и

туфляхъ. Бѣглянки выбрались на улицу безъ всякой помѣхи. Тамъ ожидала ихъ наемная карета. Скромный экипажъ охраняли два человѣка. Одинъ изъ нихъ былъ Комтонъ, епископъ лондонскій, прежній наставникъ принцессы; а другой — блестящій и просвѣщенный Дорсетъ, который, увидѣвши, что общему дѣлу грозила крайняя опасность, рѣшился выйти изъ пышнаго своего бездѣйствія. Карета тотчасъ же поѣхала въ Ольдерсгетъ-Стритъ, гдѣ находилось тогдашнее мѣстопребываніе лондонскихъ епископовъ, неподалеку отъ каѳедральнаго собора. Тамъ принцесса переночевала. На слѣдующее утро она отправилась въ Эппингъ-Форестъ. Дорсетъ владѣлъ въ этой глуши почтеннымъ замкомъ, отъ котораго давно уже и слѣда не осталось. Въ этомъ гостепріимномъ жилищѣ, которое, въ теченіе многихъ лѣтъ, было любимымъ пріютомъ литераторовъ и поэтовъ, бѣглянки остановились на короткое время для отдыха. Онѣ не могли безопасно проѣхать въ лагерь Вильгельма, потому что дорога туда шла черезъ мѣстность, занятую королевскими войсками. Поэтому рѣшено было, чтобы Анна укрылась у сѣверныхъ инсургентовъ. Комтонъ на это время совершенно отложилъ въ сторону свое іерейское званіе. Опасность и борьба воскресили въ немъ весь воинскій пылъ, какимъ отличался онъ, двадцать восемь лѣтъ назадъ, когда служилъ въ лейбъ-гвардіи. Онъ ѣхалъ впереди принцессиной кареты въ лосинномъ колетѣ и ботфортахъ, съ саблею при бедрѣ и пистолетами въ чушкахъ. Задолго до прибытія въ Ноттингамъ, Анна уже была окружена свитою джентльменовъ, добровольно вызвавшихся провожать ее. Они предложили епископу принять надъ ними начальство въ качествѣ полковника, и онъ согласился съ радостью, которая не мало возмутила строгихъ церковниковъ и не слишкомъ-то возвысила его репутацію даже во мнѣніи виговъ. (*)

(*) Clarendon's «*Diary*», Nov 25, 26. 1688; Citters, $\frac{26 \text{ нояб.}}{6 \text{ дек}}$; Ellis «*Correspondence*», Dec. 19.; «*Duchess of Marlborough's Vindication*»; Burnet, I. 792.; Комтонъ къ принцу Оранскому, 2 дек. 1688, у Дальримпля. О военномъ костюмѣ епископа упоминается въ безчисленныхъ памфлетахъ и пасквиляхъ.

Когда, утромъ 26 числа, квартира Анны оказалась пустою, въ Вайтголлѣ поднялась сильная тревога. Между тѣмъ какъ придворныя дамы, рыдая и ломая руки, бѣгали взадъ и впередъ по дворцу, между тѣмъ какъ лордъ Кревнъ, командовавшій пѣшею гвардіею, допрашивалъ часовыхъ въ галлереѣ, между тѣмъ какъ лордъ-канцлеръ опечатывалъ бумаги Чорчиллей, кормилица принцессы ворвалась въ королевскіе покои съ крикомъ, что ея дорогая госпожа убита папистами. Новость перешла въ Вестминстерскую залу. Тамъ разсказывали, что ея высочество насильно увезена въ заточеніе. Когда же обнаружилось, что бѣгство ея было добровольно, то для объясненія его придумано было множество басень. Говорили, будто она была грубо оскорблена, будто она подвергалась угрозамъ, мало того: будто она, не смотря на то, что была въ томъ положеніи, въ которомъ женщина заслуживаетъ особенной нѣжности, была прибита жестокою мачихою. Простонародье, которое, вслѣдствіе продолжительнаго дурнаго управленія, сдѣлалось подозрительнымъ и раздражительнымъ, до того было разъярено этими небылицами, что королевѣ почти угрожала опасность. Множество католиковъ и нѣсколько протестантовъ изъ числа вѣрнопреданныхъ торіевъ явились во дворецъ для защиты ея въ случаѣ какого-нибудь взрыва народной ярости. Среди этого смятенія и ужаса пришло извѣстіе о побѣгѣ принца Георга. За курьеромъ, который привезъ эту дурную вѣсть, вскорѣ прибылъ и самъ король. Іаковъ пріѣхалъ поздно вечеромъ и тотчасъ же узналъ, что дочь его скрылась. Послѣ всего, что онъ перенесъ, новое горе исторгло болѣзненный вопль изъ его устъ. «Не оставь меня, Господи! воскликнулъ онъ: собственныя мои дѣти покинули меня.» (a)

Совѣщаніе лордовъ подъ предсѣдательствомъ Іакова.

Въ этотъ вечеръ онъ просидѣлъ въ совѣщаніи съ главными своими министрами до поздняго часу. Рѣшено было, чтобы онъ пригласилъ къ себѣ на слѣдующій день всѣхъ находившихся тогда въ Лондонѣ духовныхъ и свѣтскихъ лордовъ и торжественно спро-

(a) Dartmouth's note on Burnet, I. 792.; Citters, $\frac{26 \text{ нояб.}}{6 \text{ дек.}}$ 1688; Clarke's «*Life of James*», II. 226. Orig. Mem.; Clarendon's «*Diary*», Nov. 26.; «*Revolution Politics.*»

силъ у нихъ совѣта. Вслѣдствіе этого рѣшенія, въ четвергъ по полудни, 27 числа, лорды собрались въ столовой дворца. Собраніе состояло изъ девяти прелатовъ и тридцати или сорока свѣтскихъ нобльменовъ, все протестантовъ. Два статсъ-секретаря, Миддльтонъ и Престонъ, присутствовали тутъ же, хотя и не были англійскими перами. Предсѣдательствовалъ самъ король. На его лицѣ и въ его пріемахъ замѣтны были слѣды жестокаго тѣлеснаго и душевнаго страданія. Онъ открылъ засѣданіе рѣчью о просьбѣ, поданной ему передъ самымъ его отъѣздомъ въ Салисбёри. Сущность этой просьбы заключалось въ томъ, чтобы его величество созвалъ независимый парламентъ. Въ тогдашнемъ своемъ положеніи онъ не счелъ нужнымъ изъявить согласіе. Но во время его отсутствія изъ Лондона произошли большія перемѣны. Кромѣ того, онъ замѣтилъ, что народъ повсюду желалъ созванія палатъ. Поэтому онъ и пригласилъ къ себѣ вѣрныхъ своихъ перовъ, чтобы спросить у нихъ совѣта.

Нѣсколько минутъ царило молчаніе. Наконецъ Оксфордъ, которому древность и знатность происхожденія давали родъ первенства въ этомъ собраніи, сказалъ, что, по его мнѣнію, тѣ лорды, которые подписали упомянутую его величествомъ просьбу, должны теперь высказать свои воззрѣнія.

Эти слова пробудили Рочестера. Онъ началъ свою рѣчь защитою просьбы и объявилъ, что по прежнему считалъ парламентъ единственнымъ средствомъ спасенія для престола и отечества. «Не смѣю утверждать, сказалъ онъ, чтобы въ такой отчаянной крайности даже и это средство оказалось дѣйствительнымъ; но другаго средства предложить не умѣю.» Онъ прибавилъ, что не мѣшало бы начать переговоры съ принцемъ Оранскимъ. Послѣ него заговорили Джеффризъ и Годольфинъ и оба объявили, что согласны съ Рочестеромъ.

Затѣмъ всталъ Кларендонъ и, къ изумленію всѣхъ, помнившихъ его громкія увѣренія въ преданности Іакову и агонію стыда и печали, въ которую повергло его извѣстіе объ измѣнѣ сына, разразился яростными нападками на тиранію и папизмъ. «Даже теперь, сказалъ онъ, его величество набираетъ въ Лондонѣ полкъ, куда не допускается никто изъ протестантовъ.» —

«Неправда», закричалъ съ предсѣдательскаго кресла сильно взволнованный Іаковъ. Кларендонъ упорствовалъ въ своихъ словахъ и оставилъ этотъ оскорбительный предметъ для того только, чтобъ перейти къ другому, еще болѣе оскорбительному предмету. Онъ принялся обвинять несчастнаго короля въ малодушіи. Зачѣмъ было отступать изъ Салисбери? Зачѣмъ было не попытать счастія въ битвѣ? Можно ли было порицать народъ за подчиненіе непріятелю, когда онъ видѣлъ, что его государь бѣжалъ во главѣ цѣлой арміи? Іаковъ живо почувствовалъ и долго помнилъ эти оскорбленія. Дѣйствительно, даже виги находили рѣчь Кларендона неприличною и негуманною. Галифаксъ заговорилъ совершенно инымъ языкомъ. Въ теченіе многихъ опасныхъ лѣтъ, онъ съ удивительною ловкостью отстаивалъ гражданское и церковное устройство своего отечества отъ посягательствъ прерогативы. Но его свѣтлый умъ, чуждый всякому энтузіазму и враждебный всякимъ крайностямъ, началъ склоняться на сторону роялизма въ ту самую минуту, когда шумные роялисты, недавно еще честившіе триммеровъ чуть не бунтовщиками, повсюду поднимали знамя бунта. Цѣлью его честолюбія было сдѣлаться, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, примирителемъ между престоломъ и націею. Его таланты и характеръ дѣлали его особенно способнымъ къ этой роли; а если онъ не успѣлъ въ ней, то неуспѣхъ его надлежитъ приписать особеннымъ причинамъ, преодолѣть которыя не могло бы никакое человѣческое искусство, и преимущественно безразсудству, вѣроломству и упрямству государя, котораго онъ пытался спасти.

Галифаксъ высказалъ много непріятныхъ истинъ, но высказалъ ихъ съ деликатностью, навлекшею на него упрекъ въ лести со стороны людей, по низости души не понимавшихъ, что мягкія рѣчи, которыя были бы справедливо названы лестью, если-бы относились къ могущественному повелителю, были долгомъ человѣколюбія къ павшему монарху. Въ выраженіяхъ, исполненныхъ почтенія и уваженія, онъ объявилъ, что, по его мнѣнію, король долженъ былъ приготовиться къ великимъ жертвамъ. Недостаточно было созвать парламентъ или начать переговоры съ принцемъ Оранскимъ: надлежало уничтожить по крайней мѣрѣ

главныя изъ злоупотребленій, на которыя жаловалась нація, и притомъ уничтожить немедленно, не дожидаясь, пока уничтоженія ихъ потребуетъ парламентъ или вождь непріятельской арміи. Ноттингамъ, тоже въ почтительныхъ выраженіяхъ, объявилъ, что согласенъ съ Галифаксомъ. Главныхъ уступокъ, къ которымъ эти лорды склоняли короля, было три. Онъ долженъ былъ, говорили они, немедленно отрѣшить отъ должностей всѣхъ католиковъ, совершенно отдѣлиться отъ Франціи и даровать безусловную амнистію всѣмъ поднявшимъ оружіе противъ него. Послѣднее изъ этихъ предложеній, казалось бы, не допускало никакого возраженія: хотя нѣкоторыя изъ лицъ, соединившихся противъ короля, поступили относительно его такъ, что онъ имѣлъ достаточное основаніе ожесточиться, однако гораздо вѣроятнѣе было, что скорѣе онъ могъ очутиться въ ихъ власти, нежели они попасться въ его руки. Нелѣпо было бы начинать переговоры съ Вильгельмомъ и въ то же время грозить местью людямъ, которыхъ онъ, не подвергаясь безчестію, не могъ покинуть. Но отуманенный разсудокъ и неумолимый нравъ Іакова долгое время противились доводамъ лицъ, старавшихся убѣдить его, что благоразуміе требовало простить проступки, которыхъ онъ не могъ наказать. «Я не могу сдѣлать этого, воскликнулъ онъ: я долженъ примѣрно наказать бунтовщиковъ, Чорчилля въ особенности, Чорчилля, котораго я такъ возвысилъ. Это все одинъ онъ надѣлалъ. Онъ испортилъ мою армію. Онъ испортилъ мою дочь. Еслибы не особенное милосердіе Божіе, онъ бы предалъ меня въ руки принца Оранскаго. Вы, милорды, удивительно хлопочете о безопасности измѣнниковъ; а никто изъ васъ не позаботится о моей безопасности.» Въ отвѣтъ на эту вспышку безсильнаго гнѣва, лорды, говорившіе въ пользу амнистіи, съ глубокою почтительностью, но рѣшительно, замѣтили, что государь, окруженный могучими врагами, можетъ освободиться отъ опасности только побѣдою или примиреніемъ. «Если ваше величество, сказали они, послѣ всего случившагося, сколько-нибудь надѣетесь на побѣду, въ такомъ случаѣ намъ нечего больше говорить; если же нѣтъ, то, для огражденія себя отъ опасности, вамъ остается только одно: снова снискать расположеніе народа.» Послѣ долгаго

и жаркаго пренія, король распустилъ собраніе. «Милорды, сказалъ онъ, вы говорили очень свободно, но я на васъ не сержусь. По одному вопросу я уже рѣшился. Я созову парламентъ. Остальныя ваши предложенія крайне важны, и вы, конечно, не удивитесь, что я хочу подумать о нихъ нынѣшнею ночью, прежде чѣмъ принять какое-нибудь рѣшеніе. (*)

Онъ назначаетъ комиссаровъ для переговоровъ съ Вильгельмомъ.

Сначала казалось, что Іаковъ намѣренъ былъ отлично воспользоваться временемъ, которое оставилъ себѣ на размышленіе. Канцлеръ получилъ приказаніе обнародовать указъ о созваніи парламента на 13 января. Галифаксъ былъ приглашенъ въ королевскій кабинетъ, удостоился продолжительной аудіенціи и во время этой бесѣды говорилъ съ его величествомъ такимъ свободнымъ языкомъ, какого не считалъ приличнымъ въ присутствіи многолюднаго собранія. Ему было объявлено, что онъ, вмѣстѣ съ Ноттингамомъ и Годольфиномъ, назначенъ чле-

---

(*) Clarke's «*Life of James*», II. 236. Orig. Mem.; Burnet, I. 794.; Luttrell's «*Diary*»; Clarendon's «*Diary*», Nov. 27. 1688; Citters, $\frac{27\ \text{нояб.}}{7\ \text{дек.}}$ и $\frac{30\ \text{нояб.}}{10\ \text{дек.}}$

Ситтерсъ очевидно получилъ свои свѣдѣнія отъ кого-нибудь изъ присутствовавшихъ лордовъ. По важности этого предмета, привожу два небольшихъ отрывка изъ депешъ голландскаго посла. Король сказалъ: «Dat het by na voor hem unmogelyck was te pardoneren persoonen wie so hoog in syn reguarde schuldig stonden, vooral seer uytvarende jegens den Lord Churchill, wien hy hadde groot gemaakt, en nogtans meynde de eenigste oorsake van alle dese desertie en van de retraite van hare Coninglycke Hoogheden te wesen.» Одинъ изъ лордовъ, вѣроятно, Галифаксъ или Ноттингамъ, «seer hadde geurgeert op de securiteyt van de lords die nu met syn Hoogheyt geengageert staan. Soo hoor ick, говоритъ Ситтерсъ, dat syn Majesteyt onder anderen soude gesegt hebben: ««Men spreekt al voor de securiteyt voor andere, en niet voor de myne.»» Waar op een der Pairs resolut dan met groot respect soude geantwoordt hebben dat, soo syne Majesteyt's wapenen in staat waren om hem te connen mainteneren, dat dan sulk syne securiteyte koude wesen; soo niet, en soo de difficulteyt dan nog te surmonteren was, dat het den moeste geschieden door de meeste condescendance, en hoe meer die was, en hy genegen om aan de natie contentement te geven, dat syne securiteyt ook des te grooter soude wesen.»

номъ коммиссіи для переговоровъ съ принцемъ Оранскимъ. Король изъявилъ готовность принести большія жертвы для мира. Галифаксъ отвѣчалъ, что большія жертвы несомнѣнно потребуются. «Ваше величество, сказалъ онъ, не должны ожидать, чтобы тѣ, въ чьихъ рукахъ теперь власть, согласились на какія-нибудь условія, которыя бы предоставили законы на произволъ прерогативы.» Изложивши такимъ яснымъ образомъ свои воззрѣнія, онъ принялъ на себя королевское порученіе. (a) Уступки, въ которыхъ, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, король такъ упорно отказывалъ, сдѣланы были теперь самымъ либеральнымъ образомъ. Издана была прокламація, не только объявлявшая полное прощеніе всѣмъ бунтовщикамъ, но и признававшая за ними право быть избранными въ члены предстоявшаго парламента. Для этого не требовалось даже, чтобы они положили оружіе. Тотъ же номеръ «*Лондонской Газеты*», гдѣ заключалось извѣстіе о близкомъ созваніи палатъ, содержалъ въ себѣ и объявленіе о томъ, что сэръ Эдвардъ Гельзъ, который, какъ папистъ, какъ ренегатъ, какъ рьяный поборникъ разрѣшительной власти и какъ суровый тюремщикъ епископовъ, былъ однимъ изъ самыхъ ненавистныхъ людей въ государствѣ, увольняется отъ должности коменданта Тоуэра и замѣщается недавнимъ своимъ узникомъ, Бевилемъ Скельтономъ, который, хотя и не пользовался особеннымъ уваженіемъ соотечественниковъ, однако не былъ по закону лишенъ права состоять въ государственной службѣ. (b)

Переговоры-увертка.

Но эти уступки были только средствомъ обмануть лордовъ и націю насчетъ дѣйствительныхъ замысловъ короля. Не смотря на крайнее свое положеніе, Іаковъ втайнѣ рѣшился не уступать ни въ чемъ. Въ тотъ самый день, когда явилась прокламація объ амнистіи, онъ подробно объяснилъ свои намѣренія Барильону. «Эти переговоры, сказалъ онъ, просто увёртка. Я долженъ по-

---

(a) Письмо епископа сентъ-асафскаго къ принцу Оранскому, 17 дек. 1688.

(b) «*London Gazette*», Nov. 29. Dec. 3. 1688; Clarendon's «*Diary*», Nov. 29, 30.

слать коммиссаровъ къ моему племяннику, чтобы выиграть время и успѣть отправить отсюда жену мою и принца Валлійскаго. Вы знаете духъ моихъ войскъ. За меня будутъ стоять только ирландцы; но число ирландцевъ недостаточно для сопротивленія врагу. Парламентъ наложилъ бы на меня условія, которыхъ я бы не вынесъ. Мнѣ пришлось бы уничтожить все сдѣланное мною для католиковъ и прервать дружбу съ французскимъ королемъ. Поэтому, какъ только королева и ребенокъ мой будутъ въ безопасности, я тотчасъ оставлю Англію и буду искать себѣ убѣжища въ Ирландіи, въ Шотландіи или у вашего государя.»(a)

Іаковъ уже принялъ и мѣры къ исполненію этого плана. Доверъ былъ отправленъ въ Портсмутъ съ инструкціями относительно принца Валлійскаго; а Дартмутъ, командовавшій тамошнимъ флотомъ, получилъ приказаніе исполнить всѣ распоряженія Довера касательно королевскаго дитяти и держать яхту съ надежными матросами въ готовности къ немедленному отплытію во Францію по первому востребованію. (b) Теперь король послалъ рѣшительное приказаніе немедленно отвезти ребенка въ ближайшій континентальный портъ. (c) Послѣ принца Валлійскаго главнымъ предметомъ заботливости Іакова была большая государственная печать. Этому символу королевской власти юристы наши всегда приписывали особенное и почти мистическое значеніе. Еслибы, говорятъ они, хранитель печати, не испросивъ высочайшаго соизволенія, приложилъ ее къ какой-нибудь грамотѣ, онъ, конечно, былъ бы виновенъ въ тяжкомъ преступленіи; но грамота все-таки имѣла бы безспорную силу и уничтожить ее нельзя было бы иначе, какъ парламентскимъ актомъ. Іаковъ очевидно боялся, чтобы враги не завладѣли этимъ органомъ его воли и не дали такимъ образомъ законной силы актамъ, которые могли бы повредить ему. Опасенія его не покажутся вздорными, если вспомнимъ, что, спустя ровно сто лѣтъ, (16) большая королевская

(a) Barillon, $^{1}/_{11}$ декабря 1688.

(b) Іаковъ къ Дартмуту, 25 нояб. 1688. Письма эти помѣщены у Дальримпля.

(c) Іаковъ къ Дартмуту, 1 дек. 1688.

(16) Въ 1788 году, во время умопомѣшательства короля Георга III.

печать, съ согласія лордовъ и общинъ и съ одобренія многихъ знаменитыхъ государственныхъ людей и законовѣдовъ, была употреблена для передачи королевскихъ прерогативъ его сыну. Дабы талисманъ, обладавшій такою страшною силою, не могъ быть употребленъ во зло, Іаковъ рѣшилъ, чтобы онъ хранился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ его кабинета. Джеффризу, поэтому, приказано было оставить пышный дворецъ, который онъ, незадолго передъ тѣмъ, построилъ въ Дьюкъ-Стритѣ, и занять небольшое помѣщеніе въ Вайтголлѣ. (*)

Король уже сдѣлалъ всѣ приготовленія къ побѣгу, какъ вдругъ неожиданное препятствіе заставило его отложить исполненіе этого намѣренія. Его агенты въ Портсмутѣ начали колебаться. Даже членъ іезуитской кабали Доверъ обнаруживалъ признаки нерѣшительности. Дартмутъ оказывалъ еще менѣе готовности согласоваться съ королевскими желаніями. До сихъ поръ онъ былъ вѣренъ престолу и сдѣлалъ все, что можно было сдѣлать съ недовольнымъ флотомъ и вопреки противному вѣтру, чтобы помѣшать голландцамъ высадиться въ Англіи; но онъ былъ ревностнымъ членомъ Англиканской церкви и ни мало не сочувствовалъ политикѣ того правительства, защищать которое считалъ себя обязаннымъ долгомъ и честью. Мятежный духъ состоявшихъ подъ его командою офицеровъ и матросовъ причинялъ ему много безпокойства, и потому у него значительно отлегло на сердцѣ, когда пришло извѣстіе о созваніи независимаго парламента и о назначеніи коммиссаровъ для переговоровъ съ принцемъ Оранскимъ. Весь флотъ шумно радовался. На палубѣ флагманскаго корабля составленъ былъ адресъ, выражавшій горячую признательность королю за милостивыя уступки общественному мнѣнію. Адмиралъ первый приложилъ свою руку. За нимъ подписались тридцать восемь капитановъ. Бумага эта на пути въ Вайтголль встрѣтила курьера, который везъ въ Портсмутъ приказъ немедленно перевезти принца Валлійскаго во Францію. Дартмутъ, съ искреннимъ огорченіемъ и негодованіемъ, узналъ, что независимый парламентъ, общая амнистія и переговоры имѣли

(*) Luttrell's «*Diary*.»

цѣлью жестоко обмануть націю, и что король разсчитывалъ на его участіе въ этомъ обманѣ. Въ трогательномъ и благородномъ письмѣ къ Іакову онъ объявилъ, что уже довелъ свое повиновеніе до крайнихъ предѣловъ, до какихъ только могъ дойти протестантъ и англичанинъ. Передать наслѣдника британской короны въ руки Людовика было бы то же, что измѣнить монархіи. Нація, уже и безъ того отшатнувшаяся отъ государя, пришла бы въ ярость. Принцъ Валлійскій или вовсе не возвратился бы, или возвратился бы въ сопровожденіи французской арміи. Еслибы его высочество остался на островѣ, худшее, чего можно было опасаться, заключалось въ томъ, что онъ воспитался бы въ духѣ національной церкви; а такое воспитаніе его должно было составлять предметъ самыхъ горячихъ желаній каждаго вѣрноподданнаго англичанина. Въ заключеніе Дартмутъ изъявилъ готовность пожертвовать жизнью для защиты престола, но наотрѣзъ отказался перевезти принца во Францію. (a)

Дартмутъ отказывается отправить принца Валлійскаго во Францію.

Письмо это разстроило всѣ замыслы Іакова. Кромѣ того, онъ узналъ, что въ этомъ дѣлѣ нельзя было разсчитывать даже на страдательное повиновеніе адмирала. Дартмутъ дошелъ до того, что поставилъ нѣсколько корветовъ у входа въ портсмутскую гавань и приказалъ имъ не выпускать изъ нея ни одного судна безъ осмотра. Необходимо было перемѣнить планъ. Нужно было привезти ребенка обратно въ Лондонъ и уже отсюда послать во Францію. Для этого требовалось нѣсколько дней. Въ теченіе ихъ надо было занимать умы надеждою на парламентъ и приготовленіями къ переговорамъ. Предписанія о производствѣ общихъ выборовъ были разосланы. Парламентеры разъѣзжали взадъ и впередъ между столицею и главною квартирою голландской арміи. Наконецъ охранныя грамоты для королевскихъ коммис-

---

(a) «*Second Collection of Papers*», 1688. Письмо Дартмута, отъ 3 декабря 1688, помѣщено у Дальримпля. Clarke's «*Life of James*», II. 233. Orig. Mem. Іаковъ обвиняетъ Дартмута въ томъ, что онъ приготовилъ адресъ отъ флота, будто бы заключавшій въ себѣ требованіе парламента. Это сущая клевета. Адресъ выражаетъ благодарность королю за созваніе парламента и былъ составленъ прежде, нежели Дартмутъ догадался, что его величество обманывалъ націю.

саровъ прибыли, и три лорда отправились въ лагерь Вильгельма.

Они оставили столицу въ ужасномъ смятеніи. Страсти, въ теченіе трехъ смутныхъ лѣтъ постепенно возраставшія, освободились наконецъ отъ узды страха и, подстрекаемыя побѣдою и сочувствіемъ, выступили теперь наружу въ самыхъ предѣлахъ королевскаго жилища. Большое мидльсекское джюри предало графа Салисбёри уголовному суду за принятіе папизма. (a) Лордъ-мэръ приказалъ объискать дома католиковъ въ Сити и отобрать у папистовъ оружіе. Чернь ворвалась въ домъ одного почтеннаго купца, исповѣдывавшаго ненавистную вѣру, съ цѣлью удостовѣриться, не прорылъ ли онъ изъ своего погреба подъ сосѣднюю церковь мину, чтобы взорвать на воздухъ приходскаго священника и конгрегацію. (b) Разнощики преслѣдовали по улицамъ неистовыми криками іезуита Питера, не успѣвшаго заблаговременно убраться изъ своего помѣщенія во дворцѣ. (c) Знаменитая пѣсня Вартона, со множествомъ добавочныхъ стиховъ, громче прежняго раздавалась по всѣмъ улицамъ столицы. Даже охранявшіе дворецъ часовые, ходя дозоромъ, напѣвали: Волненіе въ Лондонѣ.

«The English confusion to Popery drink,
Lillibullero bullen a la.

Англичане за гибель папизма пьютъ тостъ,
Лиллибуллеро булленъ а ла.»

Тайныя типографіи въ Лондонѣ работали безъ отдыха. Множество прокламацій ежедневно распространялось въ публикѣ такими способами, которыхъ начальство или не могло открыть, или не хотѣло пресѣчь. Одна изъ нихъ до сихъ поръ памятна ловкою дерзостью, съ какою она была написана, и громаднымъ впечатлѣніемъ, какое было произведено ею. Она явилась подъ Подѣльная прокламація.

(a) Luttrell's «*Diary*.»
(b) Adda, $^{7}/_{17}$ дек. 1688.
(c) Нунцій говоритъ: «Se lo avesse fatto prima di ora, per il Rè ne sarebbe stato meglio.»

видомъ дополнительной декларацiи, будто бы утвержденной подписью и печатью принца Оранскаго, но была составлена совершено въ иномъ духѣ, нежели подлинный манифестъ. Противъ всѣхъ папистовъ, которые бы осмѣлились принять сторону короля, провозглашалось мщенiе, чуждое обычаямъ христiанскихъ и просвѣщенныхъ нацiй. Съ ними, говорила прокламацiя, будетъ поступлено не какъ съ солдатами или джентльменами, но какъ съ разбойниками. Звѣрство и своеволiе голландской армiи, которыя покамѣстъ обуздывалась строгою дисциплиною, будутъ спущены на этихъ папистовъ. Искреннiе протестанты, въ особенности жители столицы, заклинались, во имя всего для нихъ дорогаго, и обязывались, подъ опасенiемъ страшной немилости принца, хватать, обезоруживать и сажать въ тюрьму своихъ сосѣдей-католиковъ. Эта прокламацiя, говорятъ, была найдена однажды утромъ какимъ-то вигскимъ книгопродавцемъ подъ дверьми его лавки. Онъ поспѣшилъ напечатать ее. Множество экземпляровъ ея было разослано по почтѣ и быстро разошлось по рукамъ. Проницательные люди не замедлили признать ее поддѣлкою, придуманною кѣмъ-нибудь изъ тѣхъ безпокойныхъ и безнравственныхъ авантюристовъ, которые въ смутныя времена всегда занимаются самыми грязными и гнусными продѣлками фактiй. Но толпа была совершенно обманута. Дѣйствительно, нацiональное и религiозное чувства были до такой степени возбуждены противъ ирландскихъ папистовъ, что большинство тѣхъ, кто считалъ фальшивую прокламацiю настоящею, готово было одобрить ее какъ умѣстное проявленiе энергiи. Когда открылось, что Вильгельмъ не издавалъ никакого подобнаго документа, всѣ съ безпокойствомъ стали спрашивать, кто этотъ обманщикъ, который такъ дерзко и такъ успѣшно съигралъ роль его высочества. Одни подозрѣвали Фергюсона, другiе—Джонсона. Наконецъ, по прошествiи двадцати семи лѣтъ, Гью Спекъ признался въ поддѣлкѣ и потребовалъ отъ Брауншвейгскаго дома награды за такую чрезвычайную услугу, оказанную протестантской религiи. Онъ увѣрялъ тономъ человѣка, воображающаго себя виновникомъ необыкновенно доблестнаго и похвальнаго дѣла, что въ то время, когда голландское нашествiе повергло Вайтголль въ крайнее

смущеніе, онъ предложилъ свои услуги двору, наклепалъ на себя разрывъ съ вигами и обѣщалъ дѣйствовать противъ нихъ въ качествѣ шпіона, что онъ такимъ образомъ получилъ доступъ въ королевскій кабинетъ, поклялся въ вѣрности и удостоился обѣщанія огромныхъ денежныхъ наградъ, и что король снабдилъ его открытыми листами, давшими ему возможность безпрепятственно разъѣзжать между непріятельскими линіями. Все это, по его словамъ, сдѣлалъ онъ единственно для того, чтобы, отклонивши отъ себя всякія подозрѣнія, нанести смертельный ударъ правительству и произвести сильный взрывъ народнаго чувства противъ католиковъ. Поддѣльная прокламація, говорилъ онъ, была однимъ изъ его произведеній; но это притязаніе едва ли основательно. Онъ такъ долго откладывалъ свое признаніе, что мы имѣемъ полное право подозрѣвать, не ожидалъ ли онъ смерти тѣхъ, которые могли опровергнуть его, тѣмъ болѣе, что въ подтвержденіе своихъ словъ онъ не представилъ никакого свидѣтельства. (a)

Возстанія въ различныхъ частяхъ Англіи

Между тѣмъ какъ въ Лондонѣ происходили эти событія, почта изъ различныхъ частей государства каждый разъ привозила вѣсти о новыхъ возстаніяхъ. Ломли овладѣлъ Ньюкастлемъ. Жители встрѣтили его съ восторгомъ. Статуя короля, стоявшая на высокомъ мраморномъ пьедесталѣ, была сломана и брошена въ Тайнъ. 3 декабря долгое время поминалось въ Гуллѣ какъ день взятія этого города. Тамошній гарнизонъ находился подъ начальствомъ католика, лорда Лангделя. Протестантскіе его офицеры, обще съ городскимъ начальствомъ, составили планъ возмущенія; Лангдель и его приверженцы были арестованы; а солдаты и граждане объявили себя за протестантскую религію и независимый парламентъ. (b)

Восточныя графства, въ свою очередь, возстали. Герцогъ Нор-

(a) См. «*Secret History of the Revolution*», by Hugh Speke, 1715. Въ Лондонской библіотекѣ есть экземпляръ этого рѣдкаго сочиненія съ рукописною замѣткою, кажется, самого Спека.

(b) Brand's «*History of Newcastle*»; Tickell's «*History of Hull.*»

Фолькъ, сопровождаемый тремя стами вооруженныхъ всадниковъ, явился на великолѣпной торговой площади Норича. Встрѣтившіе его тамъ мерь и ольдермены обязались поддерживать его противъ папизма и деспотической власти. (a) Лордъ Гербертъ-Червёри и сэръ Эдвардъ Гарли взялись за оружіе въ Вустерширѣ. (b) Бристоль, второй городъ въ государствѣ, отворилъ ворота передъ Шрусбёри. Епископъ Трелони, совершенно разучившійся въ Тоуэрѣ ученію о несопротивленіи, первый привѣтствовалъ войска принца. Настроеніе жителей было таково, что оказалось лишнимъ оставлять гарнизонъ между ними. (c) Глостерцы возстали и освободили Ловлеса изъ тюремнаго заключенія. Вокругъ него вскорѣ собралась цѣлая иррегулярная армія. У нѣкоторыхъ изъ его кавалеристовъ вмѣсто уздечекъ были простыя веревки. У многихъ изъ его пѣхотинцевъ вмѣсто оружія были простыя дубины. Не смотря на то, это войско безпрепятственно прошло черезъ графства, нѣкогда преданныя дому Стюартовъ, и наконецъ торжественно вступило въ Оксфордъ. Навстрѣчу инсургентамъ вышла процессія городскихъ сановниковъ. Даже университетъ, и тотъ, раздраженный недавними оскорбленіями, не чувствовалъ расположенія къ порицанію бунта. Нѣкоторые изъ начальниковъ коллегій уже отправили отъ себя депутата къ принцу Оранскому, съ порученіемъ увѣрить его высочество, что они душевно сочувствовали ему и охотно готовы были перечеканить къ его услугамъ всю свою серебряную посуду. Такимъ образомъ вигскій предводитель проѣхалъ черезъ столицу торизма посреди общаго ликованія. Впереди его барабаны били «*Лиллибуллеро.*» За нимъ тянулась длинная вереница конницы и пѣхоты. Весь Гай-Стритъ былъ украшенъ оранжевыми лентами. Оран-

---

(a) Во многихъ коллекціяхъ до сихъ поръ можно видѣть подлинные плакарды съ описаніемъ событій, происшедшихъ въ Норичѣ. См. также «*Fourth Collection of Papers*», 1688.

(b) Clarke's «*Life of James*», II. 233. «*MS. Memoir of the Harley family*» въ коллекціи Макинтоша.

(c) Citters, $^{9}/_{19}$ дек. 1688. Письмо епископа бристольскаго къ принцу Оранскому, отъ 5 дек. 1688, у Дальримпля.

жевая лента уже пріобрѣла двоякое значеніе, какое она, по прошествіи ста шестидесяти лѣтъ, до сихъ поръ удерживаетъ за собою. Она уже была для протестанта-англичанина эмблемою гражданской и религіозной свободы, а для католика-кельта эмблемою порабощенія и гоненія. ([a])

Между тѣмъ какъ такимъ образомъ повсюду вокругъ короля возставали враги, друзья, въ свою очередь, быстро покидали его. Умы освоились съ мыслью о сопротивленіи. Многія лица, ужасавшіяся при извѣстіи о первыхъ побѣгахъ, теперь осуждали себя за то, что сразу не распознали знаменія времени. Передаваться Вильгельму уже не было ни затруднительно, ни опасно. Король, повелѣвши націи избрать представителей, тѣмъ самымъ разрѣшилъ всѣмъ своимъ подданнымъ отправляться въ мѣстности, гдѣ они пользовались правомъ голоса или вліяніемъ на избирателей; а многія изъ этихъ мѣстностей уже были заняты голландцами или инсургентами. Кларендонъ съ радостью воспользовался этимъ случаемъ оставить погибавшее дѣло. Онъ зналъ, что его рѣчь въ совѣтѣ перовъ причинила смертельное оскорбленіе королю, и досадовалъ, что король не назначилъ его коммиссаромъ для переговоровъ съ принцемъ Оранскимъ. У него были помѣстья въ Вильтширѣ. Онъ рѣшилъ, что сынъ его, о которомъ еще недавно говорилъ онъ съ ужасомъ и сокрушеніемъ, будетъ балотироваться въ представители этого графства, и, подъ предлогомъ необходимости похлопотать объ этомъ избраніи, отправился на западъ. За нимъ очень скоро послѣдовали графъ Оксфордъ и другія лица, до тѣхъ поръ отрекавшіяся отъ всякаго участія въ предпріятіи принца. ([b])

Въ это время армія Вильгельма, постоянно, хотя и медленно, подвигавшаяся впередъ, находилась въ семидесяти миляхъ отъ Лондона. Не смотря на приближеніе зимняго солнцестоянія, погода была прекрасна, дорога была отлична, и дернъ Салисбё-

---

([b]) Citters, $\frac{27\ \text{нояб.}}{7\ \text{дек.}}$ 1688; Clarendon's «*Diary*», Dec. 11.; «*Song on Lord Lovelace's entry into Oxford*» 1688; Burnet, I. 793.

([a]) Clarendon's «*Diary*», Dec. 2, 3, 4, 5. 1688.

рійской равнины казался необыкновенно гладкимъ для солдатъ, только-что совершившихъ утомительный переходъ по грязнымъ колеямъ девонширскихъ и сомерсетширскихъ большихъ трактовъ. Путь арміи лежалъ около самаго Стонгенджа, и полкъ за полкомъ останавливались для осмотра этихъ таинственныхъ развалинъ, прославленныхъ въ цѣлой Европѣ какъ величайшее чудо нашего острова. ([17]) Вильгельмъ вступилъ въ Салисбёри съ такою же воинскою пышностью, какъ и въ Эксетеръ, и занялъ помѣщеніе во дворцѣ, гдѣ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, жилъ король. ([a])

Кларендонъ присоединяется къ принцу въ Салисбери.

Свита его увеличилась теперь графами Кларендономъ и Оксфордомъ и другими высокаго званія лицами, которыя, всего нѣсколько дней назадъ, считались ревностными роялистами. Ситтерсъ тоже явился въ главную квартиру голландской арміи. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, онъ былъ почти плѣнникомъ въ своемъ домѣ, близъ Вайтголля, подъ неусыпнымъ надзоромъ нѣсколькихъ смѣнъ шпіоновъ. Однако, наперекоръ этимъ шпіонамъ, или даже, быть можетъ, съ ихъ помощью, онъ успѣлъ получить обстоятельныя и точныя извѣстія обо всемъ, что происходило во дворцѣ, и, обильно снабженный драгоцѣнными свѣдѣніями о людяхъ и дѣлахъ, явился теперь помочь соображеніямъ Вильгельма. ([b])

Раздоръ въ лагерѣ принца.

До сихъ поръ предпріятіе принца было удачнѣе, нежели предполагали самые крайніе оптимисты. И вотъ, по общему закону человѣческихъ дѣлъ, удача начала порождать несогласіе. Англичане, собравшіеся въ Салисбёри, раздѣлились на двѣ партіи. Одна состояла изъ виговъ, которые на ученія о страдательномъ повиновеніи и ненарушимомъ наслѣдственномъ правѣ всегда

([17]) *Stonehenge* — названіе, какъ полагаютъ, древняго храма друидовъ въ Вильтширѣ. Развалины этого зданія состоятъ изъ громадныхъ концентрически расположенныхъ камней неправильной формы и неодинаковой величины. Онѣ обведены рвомъ и невысокимъ землянымъ валомъ, имѣющимъ около ста саженъ въ окружности.

([a]) Whittle's «*Exact Diary*»; Eachard's «*History of the Revolution.*»

([b]) Ситтерс, $^{20}/_{10}$ нояб. и $^{9}/_{19}$ дек. 1688.

Digitized by Google

смотрѣли какъ на рабскія суевѣрія. Многіе изъ нихъ провели цѣлые годы въ изгнаніи. Всѣ они долгое время устранялись отъ участія въ милостяхъ короны. Теперь они ликовали въ виду близкаго величія и отмщенія. Обуреваемые злобою, опьяненные побѣдою и надеждою, они и слышать не хотѣли о соглашеніи. Одно лишь низложеніе врага могло удовлетворить ихъ, и въ этомъ они, конечно, были совершенно послѣдовательны. Они пытались, девятью годами ранѣе, устранить его отъ престола, потому что предвидѣли въ немъ дурнаго короля. Вслѣдствіе этого нечего было и думать, чтобы они согласились оставить его на престолѣ теперь, когда онъ оказался гораздо хуже, чѣмъ можно было предполагать.

Съ другой стороны, немалое число сторонниковъ Вильгельма состояло изъ ревностныхъ торіевъ, которые, незадолго передъ тѣмъ, держались ученія о несопротивленіи въ самой безусловной формѣ, но у которыхъ вѣра въ это ученіе на минуту уступила мѣсто сильнымъ страстямъ, возбужденнымъ неблагодарностью короля и опасностью церкви. Ничто не могло быть тягостнѣе или затруднительнѣе положенія стараго кавалера, очутившагося съ оружіемъ въ рукахъ противъ престола. Нравственные вопросы, не помѣшавшіе ему отправиться въ голландскій лагерь, начали жестоко мучить его, какъ только онъ прибылъ туда. Совѣсть говорила ему, что онъ совершилъ преступленіе. Во всякомъ случаѣ онъ заслуживалъ порицанія, потому что поступалъ діаметрально противоположно тому, что проповѣдывалъ всю свою жизнь. Онъ чувствовалъ непреодолимое омерзѣніе къ новымъ своимъ союзникамъ. Это были люди, которыхъ онъ, съ тѣхъ поръ какъ помнилъ себя, всегда ругалъ и преслѣдовалъ: пресвитеріане, индепенденты, анабаптисты, старые солдаты Кромвелля, лихіе ребята Шафтсбёри, участники Райгаусскаго заговора, вожди Западнаго возстанія. Онъ естественно желалъ найти какую-нибудь отговорку, которая бы могла успокоить его совѣсть, оправдать его непослѣдовательность и провести черту между нимъ и толпою еретическихъ бунтовщиковъ, которыми онъ всегда пренебрегалъ и гнушался, но съ которыми теперь ему грозила опасность быть смѣшаннымъ. Поэтому онъ съ жаромъ отвергалъ всякую

мысль о развѣнчаніи той помазанной главы, которая, по божественному установленію и по основнымъ законамъ государства, была священною. Самымъ пламеннымъ его желаніемъ было достичь примиренія на условіяхъ, которыя бы не унижали королевскаго достоинства. Онъ не былъ измѣнникомъ. Онъ въ сущности не сопротивлялся королевской власти. Онъ взялся за оружіе единственно по убѣжденію, что лучшею услугою, какую могъ онъ оказать престолу, было освободить его величество, посредствомъ легкаго насилія, изъ рукъ дурныхъ совѣтниковъ.

Вредныя слѣдствія обоюдной вражды этихъ факцій въ значительной степени предотвращались вліяніемъ и мудростью принца. Окруженный горячими спорщиками, услужливыми совѣтчиками, низкими льстецами, бдительными шпіонами, злобными наушниками, онъ оставался невозмутимъ и непроницаемъ. Онъ молчалъ, пока молчаніе было возможно. Когда же необходимость заставляла его говорить, серьёзный и рѣшительный тонъ, какимъ онъ высказывалъ свои глубоко обдуманныя мнѣнія, быстро зажималъ ротъ кому бы то ни было. Чтó бы ни говорили нѣкоторые изъ слишкомъ ревностныхъ его приверженцевъ, самъ онъ не произносилъ ни одного слова, которое бы показывало какое-нибудь притязаніе на англійскую корону. Онъ, разумѣется, очень хорошо зналъ, что между нимъ и короной этой все еще находились препятствія, которыхъ никакое благоразуміе не могло бы преодолѣть, и которыя отъ одного невѣрнаго шага могли бы сдѣлаться непреодолимыми. Единственное для него средство получить эту блестящую добычу заключалось не въ томъ, чтобы грубо схватить ее, а въ томъ, чтобы ждать, пока тайное его желаніе, безъ всякаго проявленія усилія или ухищренія съ его стороны, будетъ осуществлено силою обстоятельствъ, ошибками противниковъ и свободнымъ рѣшеніемъ государственныхъ сословій. Лица, рѣшавшіяся обращаться къ нему съ вопросами, не узнавали ничего, а между тѣмъ не могли обвинять его въ лукавствѣ. Онъ спокойно указывалъ имъ на свою декларацію и увѣрялъ ихъ, что, со времени ея составленія, намѣренія его ни мало не измѣнились. Онъ такъ искусно обращался со своими сторонниками, что ихъ распри скорѣе усиливала, нежели ослабляла его значеніе; но какъ только переставалъ онъ наблюдать

за ними, она вспыхивала съ новою силою, нарушала гармонію веселыхъ пировъ и не уважала даже святости храма Господня. Кларендонъ, старавшійся пышными фразами о своихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ скрыть отъ другихъ и отъ самого себя очевидность своей измѣны, былъ возмущенъ, услышавши, какъ нѣкоторые изъ его новыхъ сообщниковъ, подпивши, смѣялись надъ всемилостивѣйше предложенною имъ королевскою амнистіею. «Мы, говорили они, не нуждаемся въ помилованіи. Мы заставимъ короля просить у насъ помилованія, прежде чѣмъ покончимъ съ нимъ.» Еще возмутительнѣе и омерзительнѣе для всякаго истаго торія былъ фактъ, случившійся въ салисбёрійскомъ соборѣ. Лишь только священникъ началъ читать молитву за короля, Борнетъ, у котораго въ числѣ многихъ хорошихъ качествъ не было ни самообладанія, ни тонкаго чувства приличія, тотчасъ всталъ на ноги, сѣлъ на свое мѣсто и произнесъ нѣсколько презрительныхъ восклицаній, разстроившихъ благоговѣйное настроеніе конгрегаціи. (a)

Факціи, раздѣлявшія лагерь принца, дождались наконецъ случая помѣряться силами. Королевскіе коммиссары были уже въ дорогѣ. Со времени ихъ назначенія прошло нѣсколько дней, и такая медлительность въ такомъ не терпѣвшемъ отлагательства дѣлѣ возбуждала общее удивленіе. Но, по истинѣ, ни Іаковъ, ни Вильгельмъ не желали быстраго начатія переговоровъ: Іаковъ хотѣлъ только выиграть время, чтобы успѣть отправить жену и сына во Францію; а положеніе Вильгельма день ото дня становилось выгоднѣе. Наконецъ принцъ приказалъ увѣдомить коммиссаровъ, что онъ готовъ принять ихъ въ Говгерфордѣ. Онъ избралъ это мѣсто, вѣроятно, потому, что оно, находясь въ равномъ разстояніи отъ Салисбёри и отъ Оксфорда, было удобно для соединенія важнѣйшихъ его приверженцевъ. Въ Салисбёри находились тѣ нобльмены и джентльмены, которые прибыли съ нимъ изъ Голландіи или присоединились къ нему въ западныхъ графствахъ; а въ Оксфордѣ были многіе предводители Сѣвернаго возстанія.

(a) Clarendon's «*Diary*», Dec. 6, 7. 1688.

Прибытіе принца въ Гонгерфордъ.

Поздно въ четвергъ, 6 декабря, Вильгельмъ прибылъ въ Гонгерфордъ. Городокъ этотъ скоро наполнился отовсюду собравшимися сановными и знатными лицами. Принцъ явился въ сопровожденіи сильнаго отряда войскъ. Сѣверные лорды привели съ собою ватаги иррегулярной кавалерія, вооруженіе и гарцованье которыхъ возбуждали смѣхъ людей, привыкшихъ къ блестящему виду и стройнымъ движеніямъ регулярныхъ армій. (a)

Стычка въ Ридингѣ.

Во время пребыванія принца въ Гонгерфордѣ, между двумя стами пятьюдесятью его солдатъ и шестью стами ирландцевъ, стоявшихъ въ Ридингѣ, произошла жаркая схватка. Превосходство дисциплины голландцевъ выказалось въ этомъ случаѣ блестящимъ образомъ. Не смотря на значительное неравенство силъ, они, съ перваго же натиска, опрокинули королевскія войска и погнали ихъ по улицамъ города до торговой площади. Тутъ ирландцы попытались было собраться, но, сильно атакованные съ фронта и въ то же время поражаемые выстрѣлами жителей изъ оконъ сосѣднихъ домовъ, скоро дрогнули и обратились въ бѣгство, съ потерею знаменъ и пятидесяти человѣкъ. У побѣдителей оказалось только пятеро убитыхъ. Удовольствіе, которое новость эта доставила лордамъ и джентльменамъ, присоединившимся къ Вильгельму, было чуждо всякой горечи. Въ этомъ дѣлѣ не было ничего такого, что̀ могло бы уязвить ихъ національную гордость. Во первыхъ, голландцы побили не англичанъ; а во вторыхъ, они помогли англійскому городу освободиться отъ невыносимаго господства ирландцевъ. (b)

Прибытіе королевскихъ коммиссаровъ въ Гонгерфордъ.

Въ субботу утромъ, 8 декабря, прибыли въ Гонгерфордъ королевскіе коммиссары. Лейбъ-гвардія принца приняла ихъ съ воинскимъ почетомъ. Бентинкъ, посланный къ нимъ на встрѣчу, предложилъ имъ немедленно отправиться къ его повелителю. Они выразили надежду, что принцъ удостоитъ ихъ частной аудіенціи, но тутъ же узнали, что онъ рѣшилъ выслушать ихъ и отвѣтить имъ публично. Они были введены въ его опочивальню, гдѣ нашли его

(a) Clarendon's «*Diary*», Dec. 7. 1688.

(b) «*History of the Desertion*»; Citters, $\frac{8}{18}$ дек. 1688; «*Exact Diary*»; Oldmixon, 760.

окруженнымъ толпою нобльменовъ. Рѣчь отъ лица всей депутаціи держалъ Галифаксъ, которому санъ, лѣта и способности давали первенство передъ его сотоварищами. Предложеніе коммиссаровъ, согласно полученной ими инструкціи, заключалось въ томъ, чтобы спорные пункты были предоставлены рѣшенію парламента, о созваніи котораго уже дѣлалось надлежащее распоряженіе, и чтобы въ промежуточное время армія принца не подходила ближе тридцати или сорока миль къ Лондону. Галифаксъ, объяснивъ, что таковы были основанія, на которыхъ онъ и его товарищи готовы были вести переговоры, вручилъ Вильгельму письмо отъ короля и удалился. Вильгельмъ, распечатывая письмо, былъ необыкновенно взволнованъ. Это было первое письмо, которое получилъ онъ отъ тестя съ тѣхъ поръ, какъ они сдѣлались явными врагами. Нѣкогда они были въ хорошихъ отношеніяхъ и переписывались между собою запросто; да и потомъ, когда уже начали относиться другъ къ другу подозрительно и непріязненно, они никогда не изгоняли изъ своей переписки тѣхъ любезностей, которыя обыкновенно употребляются между близкими родственниками и свойственниками. Письмо, привезенное коммиссарами, было написано секретаремъ Іакова въ дипломатической формѣ и на французскомъ языкѣ. «Я получилъ немало писемъ отъ короля, сказалъ Вильгельмъ, но всѣ они были писаны по англійски и собственною его рукою.» Въ словахъ его звучала чувствительность, выказывать которую онъ не имѣлъ привычки. Быть можетъ, онъ думалъ въ эту минуту, сколько упрековъ должно было навлечь на него и на преданную ему супругу его предпріятіе, не смотря на то, что оно было справедливо, благодѣтельно и необходимо. Быть можетъ, онъ сѣтовалъ на суровую судьбу, поставившую его въ такое положеніе, что исполнить общественныя свои обязанности могъ онъ не иначе, какъ разорвавши семейныя узы, и завидовалъ счастливой долѣ тѣхъ, на комъ не лежитъ отвѣтственности за благоденствіе народовъ и церквей. Но такія мысли, если и возникали въ его умѣ, были твердо подавлены имъ. Онъ попросилъ созванныхъ по этому случаю лордовъ и джентльменовъ, чтобы они, безъ него, посовѣтовались между собою насчетъ отвѣта королю. За собою, впрочемъ, онъ

Переговоры.

удержалъ право, по выслушаніи ихъ мнѣнія, произнести окончательное рѣшеніе. Затѣмъ онъ оставилъ ихъ и удалился въ Литлькотъ-Голль, замокъ, лежащій въ двухъ миляхъ отъ Гонгерфорда и до сихъ поръ знаменитый не столько почтенною архитектурою и древнимъ своимъ убранствомъ, сколько ужаснымъ и таинственнымъ преступленіемъ, которое было совершено тамъ во времена Тюдоровъ. ([a])

Передъ отъѣздомъ изъ Гонгерфорда, Вильгельмъ узналъ, что Галифаксъ выражалъ сильное желаніе увидѣть Борнета. Въ этомъ желаніи не было ничего удивительнаго, потому что Галифаксъ и Борнетъ были старинными друзьями. Надо замѣтить, однако, что нельзя было найти двухъ человѣкъ, которые бы менѣе походили другъ на друга. Борнетъ отличался совершеннымъ отсутствіемъ деликатности и такта. Галифаксъ славился строгимъ изяществомъ вкуса и необыкновенною чуткостью ума.

([a]) См. весьма любопытное примѣчаніе къ пятой пѣснѣ Sir Walter Scott's «*Rokeby*». ([10])

([10]) Преступленіе, о которомъ упоминаетъ Маколей, совершилось въ царствованіе Елисаветы. У Вальтеръ Скотта разсказано, между прочимъ, слѣдующее:

«Въ темную и ненастную ночь въ ноябрѣ мѣсяцѣ, одна старая повивальная бабка сидѣла задумавшись передъ камелькомъ, какъ вдругъ у дверей ея котеджа раздался громкій стукъ. Отворивши дверь, она увидѣла всадника, который сказалъ ей, что одна знатная дама немедленно требуетъ ея пособія. Онъ обѣщалъ щедрое вознагражденіе; но, по необходимости соблюсти въ этомъ дѣлѣ строгую тайну, предложилъ, чтобы бабка позволила завязать себѣ глаза и въ такомъ положеніи отправилась съ нимъ въ спальню больной особы. Послѣ нѣкотораго колебанія, старуха согласилась. Незнакомецъ завязалъ ей глаза и посадилъ ее позади себя на женское сѣдло. Проѣхавши молча нѣсколько миль по ухабистымъ и грязнымъ дорогамъ, они остановились, и бабка была введена въ какой-то домъ. Множество пройденныхъ ею покоевъ и раздававшіеся около нея звуки указали ей, что она находилась въ жилищѣ богатаго и могущественнаго лица. Когда съ нея снята была повязка, она очутилась въ спальнѣ, гдѣ находились нуждавшаяся въ ея помощи дама и какой-то надменнаго и свирѣпаго вида мужчина. Дама разрѣшилась отъ бремени красивымъ мальчикомъ. Мужчина тотчасъ же приказалъ бабкѣ подать ему ребенка, поспѣшно перешелъ съ

Борнетъ смотрѣлъ на все и на всѣхъ сквозь призму, искаженную и окрашенную духомъ партіи. Галифаксъ всегда гораздо яснѣе видѣлъ недостатки своихъ союзниковъ, нежели недостатки своихъ противниковъ. Борнетъ, при всѣхъ своихъ слабостяхъ и вопреки всѣмъ превратностямъ жизни, проведенной среди неблагопріятныхъ для набожности обстоятельствъ, былъ искренне набожнымъ человѣкомъ. Скептическій и саркастическій Галифаксъ подвергался обвиненію въ невѣріи. Поэтому Галифаксъ неоднократно возбуждалъ противъ себя негодованіе Борнета; а Борнетъ неоднократно служилъ мишенью для острыхъ и тонкихъ шутокъ Галифакса. Не смотря на то, они чувствовали другъ къ другу взаимное влеченіе, любили бесѣду другъ друга, цѣнили способности другъ друга, открыто высказывали другъ другу свои мнѣнія и въ опасныя времена оказывали другъ другу услуги. Впрочемъ, не изъ одного только личнаго уваженія желалъ Галифаксъ увидѣть ста-

---

нимъ черезъ комнату и бросилъ его на груду огня, пылавшаго въ каминѣ. Ребенокъ, однако, былъ дюжъ и, барахтаясь, скатился на полъ. Тогда злодѣй бѣшено схватилъ его снова и, не обращая никакого вниманія ни на ходатайство бабки, ни на жалостныя мольбы матери, опять швырнулъ его въ каминъ, нагребъ на него кучу горячаго угля и вскорѣ окончательно сжегъ злополучнаго малютку. По прошествіи нѣкотораго времени, бабка, употребившая всѣ возможныя средства для облегченія страданій несчастной матери, получила приказаніе удалиться. Явился прежній ея проводникъ, который снова завязалъ ей глаза и отвезъ ее прежнимъ порядкомъ домой; потомъ онъ щедро заплатилъ ей за труды и уѣхалъ. Старуха была сильно потрясена ужасами прошедшей ночи и немедленно донесла о нихъ судьѣ. Два обстоятельства подавали надежду отыскать домъ, гдѣ совершилось преступленіе: во первыхъ, сидя у постели родильницы и желая со временемъ открыть это мѣсто, бабка вырѣзала кусочекъ полога и потомъ опять вшила его; а во вторыхъ, сходя съ лѣстницы, она сосчитала число ступенекъ. Подозрѣнія пали на нѣкоего Дарелля, тогдашняго владѣльца Литлькотъ-Гауса и окрестныхъ земель. При обыскѣ, бабка узнала его домъ, и Дарелль, какъ убійца, преданъ былъ уголовному суду въ Салисбёри. Подкупивши судью, онъ избавился отъ законнаго приговора; но, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, сломилъ себѣ шею, упавши съ лошади на охотѣ. Мѣсто это до сихъ поръ извѣстно подъ названіемъ Дарелева Подъёма, *Darell's Stile.*»

раго своего пріятеля. Коммиссарамъ необходимо было узнать дѣйствительное намѣреніе принца. Онъ отказался принять ихъ наединѣ; а изъ того, что̀ могъ онъ сказать при формальномъ и публичномъ свиданіи, они не могли бы извлечь нужныхъ свѣдѣній. Почти всѣ пользовавшіяся его довѣріемъ лица были молчаливы и непроницаемы, какъ самъ онъ. Единственнымъ исключеніемъ былъ Борнетъ. Онъ славился своею болтливостью и неосторожностью. Но обстоятельства сдѣлали его однимъ изъ хранителей тайны, и потому, при ловкой тактикѣ Галифакса, онъ бы непремѣнно проговорился. Вильгельмъ очень хорошо зналъ это и когда ему сказали, что Галифаксъ разспрашивалъ о докторѣ, онъ не могъ не воскликнуть: «Если они сойдутся, болтовня будетъ страшная.» Борнету запрещено было видѣться съ коммиссарами наединѣ, но въ то же время ему было объявлено въ очень лестныхъ выраженіяхъ, что принцъ ни мало не сомнѣвался въ его вѣрности; а для того, чтобъ онъ не имѣлъ причины жаловаться, запрещеніе было распространено на всѣхъ приближенныхъ принца.

Вечеромъ того же дня, нобльмены и джентльмены, у которыхъ Вильгельмъ просилъ совѣта, собрались въ большой залѣ главной гостинницы Гонгерфорда. По избраніи Оксфорда предсѣдателемъ, началось обсужденіе королевскихъ предложеній. Вскорѣ оказалось, что собраніе раздѣлилось на двѣ партіи: одна изъ нихъ желала вступить въ соглашеніе съ королемъ, другая домогалась его низверженія. Послѣдняя партія имѣла численный перевѣсъ; но замѣчено было, что Шрусбёри, изо всѣхъ англійскихъ нобльменовъ пользовавшійся наибольшимъ довѣріемъ Вильгельма, не смотря на свой вигизмъ, держалъ въ этомъ случаѣ сторону торіевъ. Послѣ долгихъ преній, началась балотировка. Большинство голосовъ рѣшило отвергнуть предложенія, сдѣланныя королевскими коммиссарами. Рѣшеніе собранія было доложено принцу въ Литлькотѣ. Ни разу въ теченіе всей своей многотрудной жизни не выказывалъ Вильгельмъ бо́льшаго благоразумія и самообладанія. Онъ не могъ желать, чтобы переговоры удались. Но онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не знать, что, еслибы причиною неуспѣха переговоровъ были его неумѣ-

ренныя требованія, общественное сочувствіе отшатнулось бы отъ него въ противную сторону. Поэтому онъ отвергъ мнѣніе слишкомъ рьяныхъ своихъ приверженцевъ и изъявилъ намѣреніе вести переговоры на основаніи предложенныхъ королемъ условій. Многіе изъ лордовъ и джентльменовъ, собравшихся въ Гонгерфордѣ, протестовали; цѣлый день прошелъ въ пререкательствахъ; но рѣшеніе Вильгельма было неизмѣнно. Онъ изъявилъ готовность предоставить всѣ спорные вопросы рѣшенію только-что созваннаго парламента и не подходить на сорокъ миль къ Лондону. Съ своей стороны, онъ заявилъ нѣсколько требованій, которыя, даже по отзывамъ наименѣе расположенныхъ къ нему лицъ, отличались умѣренностью. Онъ настаивалъ, чтобы существующіе статуты соблюдались до измѣненія ихъ компетентною властью, и чтобы всѣ лица, не имѣвшія права состоять въ государственной службѣ, были немедленно отставлены. Совѣщанія парламента, по его справедливому мнѣнію, не могли бы быть свободными, еслибы законодательное собраніе было окружено ирландскими полками, между тѣмъ какъ онъ и его армія находились бы въ разстояніи нѣсколькихъ переходовъ отъ столицы. А такъ какъ его войска должны были остановиться за сорокъ миль отъ Лондона съ запада, то онъ считалъ основательнымъ, чтобы и королевскія войска отступили на столько же миль къ востоку. Такимъ образомъ около мѣста, гдѣ должны были собраться палаты, образовался бы обширный округъ нейтральной почвы. Въ предѣлахъ этого округа находились двѣ крѣпости, очень важныя для столичныхъ жителей: Тоуэръ, господствовавшій надъ ихъ жилищами, и Тильбёри-Фортъ, господствовавшій надъ ихъ морскою торговлею. Оставить эти мѣста безъ гарнизона было невозможно. Поэтому Вильгельмъ предлагалъ ввѣрить ихъ на время попеченію лондонскаго Сити. Когда собрался бы парламентъ, быть можетъ, оказалось бы нужнымъ, чтобы король явился въ Вестминстеръ съ отрядомъ лейбъ-гвардіи. Принцъ объявилъ, что въ такомъ случаѣ и за нимъ должно быть признано право явиться туда съ равнымъ числомъ солдатъ. Ему казалось справедливымъ, чтобы во время перемирія обѣ арміи одинаково считались состоящими на службѣ у англійской націи и одинаково содержались на счетъ

англійской казны. Наконецъ онъ требовалъ обезпеченія въ томъ, что король не воспользуется перемиріемъ для введенія французской арміи въ Англію. Пунктомъ, гдѣ предстояло наиболѣе опасности, былъ Портсмутъ. Принцъ, впрочемъ, не настаивалъ, чтобы эта важная крѣпость была сдана ему, но предлагалъ, чтобы во время перемирія она находилась подъ командою офицера, на котораго бы равно могли положиться какъ онъ, такъ и Іаковъ.

Предложенія Вильгельма были составлены съ строгимъ безпристрастіемъ, какого скорѣе можно было бы ожидать отъ безкорыстнаго посредника, произносящаго третейское рѣшеніе, нежели отъ побѣдоноснаго вождя, предписывающаго условія безпомощному врагу. Сторонники короля не могли найти противъ нихъ никакого возраженія. Но между вигами поднялся сильный ропотъ. Они не хотѣли никакого примиренія съ прежнимъ своимъ государемъ. Они считали себя свободными отъ всякаго подданства ему. Они не имѣли ни малѣйшей охоты признать авторитетъ созваннаго имъ парламента. Они не желали перемирія и не могли понять, отчего—если ужъ безъ перемирія нельзя было обойтись — отчего оно долженствовало быть перемиріемъ на равныхъ условіяхъ. По всѣмъ законамъ войны, сильнѣйшая сторона имѣла право пользоваться преимуществами своей силы. Что же было такого въ личности Іакова, чѣмъ бы оправдывалась чрезвычайная снисходительность къ нему?

Разсуждавшіе такимъ образомъ не догадывались, съ какой возвышенной точки зрѣнія и какимъ прозорливымъ окомъ взиралъ на положеніе Англіи и Европы предводитель, котораго они порицали. Они стремились погубить Іакова и потому или отказались бы вести переговоры съ нимъ на какихъ бы то ни было условіяхъ, или наложили бы на него невыносимо тяжкія условія. Для успѣха обширнаго и глубокаго политическаго плана Вильгельма необходимо было, чтобы Іаковъ самъ погубилъ себя, отвергнувъ условія очевидно легкія. Послѣдствія доказали мудрость того образа дѣйствій, порицать который расположено было большинство англичанъ въ Гонгерфордѣ.

Въ воскресенье, 9 декабря, требованія принца были изложены на бумагѣ и переданы Галифаксу. Коммиссары обѣдали

въ Литлькотѣ. Въ честь ихъ приглашено было блестящее собраніе. Старинная зала, обвѣшанная кольчугами, видѣвшими войны Розъ, и портретами вельможъ, украшавшихъ дворъ Филиппа и Маріи, была биткомъ набита перами и генералами. Въ такой толпѣ можно было обмѣняться нѣсколькими словами, не привлекая ничьего вниманія. Галифаксъ воспользовался первымъ представившимся случаемъ, чтобы вывѣдать у Борнета все, что̀ тотъ зналъ или думалъ. «Чего вы хотите? сказалъ ловкій дипломатъ: желаете ли вы овладѣть королемъ?» — «Вовсе нѣтъ, отвѣтилъ Борнетъ: лично ему мы не хотѣли бы причинить ни малѣйшаго вреда.» — «А что̀, еслибъ онъ уѣхалъ?» спросилъ Галифаксъ. «Лучше этого, сказалъ Борнетъ, и желать нельзя.» Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Борнетъ выразилъ общее мнѣніе виговъ, находившихся въ лагерѣ принца. Всѣ они желали, чтобъ Іаковъ бѣжалъ изъ Англіи; но только немногіе изъ благоразумнѣйшихъ между ними понимали всю необходимость того, чтобы его бѣгство было приписано націею собственному его безразсудству и упрямству, а не суровому обхожденію и основательнымъ опасеніямъ. По всей вѣроятности, даже и въ той крайности, до которой онъ былъ доведенъ теперь, всѣ его враги вмѣстѣ не могли бы низвергнуть его, еслибы самъ онъ не былъ злѣйшимъ врагомъ своимъ; но, пока его коммиссары ревностно старались спасти его, онъ такъ же ревностно старался парализовать всѣ ихъ усилія. (a)

Королева и принцъ Валлійскій отправлены во Францію.

Его планы созрѣли наконецъ для исполненія. Цѣль притворныхъ переговоровъ была достигнута. Въ тотъ самый день, когда три лорда пріѣхали въ Гонгерфордъ, принцъ Валлійскій былъ привезенъ въ Вестминстеръ. Онъ долженъ былъ прибыть черезъ Лондонскій мостъ, и на встрѣчу ему высланы были въ Соутваркъ ирландскія войска. Но огромная толпа приняла ихъ съ такими криками и проклятіями, что они заблагоразсудили какъ можно поспѣшнѣе удалиться. Несчастный ребенокъ переправился

(a) Подробности о томъ, что̀ происходило въ Гонгерфордѣ, заимствованы мною изъ Clarendon's «*Diary*», Dec. 8, 9. 1688; Burnet, I. 794.; «*The Paper delivered to the Prince by the Commissioners, and the Prince's Answer*»; Sir Patrick Hume's «*Diary*»; Citters, $^{9}/_{19}$ декабря.

черезъ Темзу у Кингзтона ([19]) и былъ привезенъ въ Вайтголль такъ секретно, что многіе полагали, что онъ все еще находился въ Портсмутѣ. ([a])

Немедленное отправленіе его и королевы изъ Англіи было теперь главною задачею Іакова. Но кому было поручить устройство побѣга? Дартмутъ былъ самымъ вѣрнопреданнымъ изъ протестантскихъ торіевъ; но Дартмутъ отказался. Доверъ былъ креатурою іезуитовъ; но и Доверъ колебался. Не легко было найти знатнаго и сановнаго англичанина, который бы взялся передать наслѣдника англійской короны въ руки французскаго короля. Въ это время Іаковъ вспомнилъ объ одномъ французскомъ дворянинѣ, проживавшемъ тогда въ Лондонѣ, о графѣ Лозенъ. Антонинѣ Лозёнѣ. Объ этомъ человѣкѣ говорили, что жизнь его была страннѣе иныхъ сновъ. Въ молодости онъ былъ задушевнымъ другомъ Людовика и могъ ожидать самыхъ высокихъ должностей отъ французской короны. Вдругъ счастливая звѣзда его затмилась. Людовикъ прогналъ отъ себя друга своей юности, осыпавъ его горькими упреками и, говорятъ, чуть было не побилъ его. Павшій любимецъ былъ посаженъ въ крѣпость, но потомъ вышелъ изъ заточенія, снова пріобрѣлъ благосклонность государя и плѣнилъ сердце одной изъ знатнѣйшихъ дамъ въ Европѣ, Анны Маріи, дочери Гастона, герцога Орлеанскаго, внуки короля Генриха IV и наслѣдницы огромныхъ владѣній фамиліи Монпансье. Влюбленные желали сочетаться бракомъ. Король далъ свое согласіе. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, Лозёнъ считался при дворѣ усыновленнымъ членомъ дома Бурбоновъ. Приданое принцессы могло бы быть предметомъ честолюбія государей. Въ составъ его входили: три большія герцогства, независимое княжество съ собственнымъ монетнымъ дворомъ и собственными судами и доходы, значительно превы-

---

([19]) *Kingston* — небольшой городокъ, въ нѣсколькихъ миляхъ къ югозападу отъ Лондона.

([a]) Clarke's «*Life of James*», II. 237. Борнетъ — странная вещь! — не слыхалъ или позабылъ, что принцъ Валлійскій былъ привезенъ обратно въ Лондонъ, I. 796.

шавшіе весь государственный доходъ Шотландскаго королевства. Но блестящая перспектива опять омрачилась. Свадьба разстроилась. Честолюбивый женихъ былъ заточенъ на нѣсколько лѣтъ въ одинъ изъ альпійскихъ зáмковъ. Наконецъ Людовикъ смягчился. Лозёну запрещено было являться къ королю, но дозволено было жить на свободѣ вдали отъ двора. Онъ отправился въ Англію и былъ хорошо принятъ во дворцѣ Іакова и въ аристократическомъ кругу Лондона. Въ то время французскіе дворяне считались во всей Европѣ образцами изящества, и потому многіе шевалье и виконты, никогда не имѣвшіе доступа въ обычный кругъ Версаля, оказывались предметами общаго любопытства и восхищенія въ Вайтголлѣ. Лозёнъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ именно такой человѣкъ, какой требовался для настоящаго случая. Онъ былъ храбръ и честенъ, привыкъ къ эксцентрическимъ приключеніямъ и съ тонкою наблюдательностью и насмѣшливымъ умомъ истинно свѣтскаго человѣка соединялъ въ себѣ сильныя наклонности странствующаго рыцаря. Всѣ его національныя чувства и всѣ его личные интересы побуждали его взяться за дѣло, передъ которымъ отступали самые преданные слуги англійской короны. Принявши въ критическую минуту роль охранителя великобританской королевы и принца Валлійскаго, онъ могъ съ честью возвратиться на родину, могъ опять получить доступъ въ опочивальню и столовую Людовика и, послѣ столькихъ превратностей, могъ, на склонѣ жизни, снова начать удивительно обаятельную погоню за королевскою милостью.

Одушевляемый такими чувствами, Лозёнъ охотно принялъ важное порученіе, которое было предложено ему. Приготовленія къ бѣгству были живо окончены. Капитанъ одного изъ судовъ получилъ приказаніе быть наготовѣ въ Гревзендѣ; но достичь Гревзенда было не легко. Сити было въ крайне взволнованномъ состояніи. Малѣйшей причины достаточно было, чтобы собрать толпу народа. Ни одинъ иностранецъ не могъ появиться на улицѣ, не подвергаясь опасности быть остановленнымъ, допрошеннымъ и представленнымъ судьѣ въ качествѣ переодѣтаго іезуита. Поэтому необходимо было переправиться на южный берегъ Темзы. Во избѣжаніе подозрѣній приняты были всѣ предосторожности. Король и королева

Digitized by Google

удалились почивать обычнымъ порядкомъ. Когда все во дворцѣ затихло, Іаковъ всталъ и позвалъ дежурнаго служителя. «У дверей передней, сказалъ король, вы найдете человѣка. Приведите его сюда.» Служитель исполнилъ приказаніе, и Лозёнъ былъ введенъ въ королевскую спальню. «Ввѣряю вамъ, сказалъ Іаковъ, королеву и моего сына. Надо, во что бы то ни стало, перевезти ихъ во Францію.» Лозёнъ, съ истинно рыцарскимъ духомъ, выразилъ благодарность за оказанную ему честь опаснаго порученія и попросилъ позволенія воспользоваться помощью своего друга, Сенъ-Виктора, провансальскаго дворянина, храбрость и вѣрность котораго были неоднократно испытаны. Услуги такого драгоцѣннаго помощника были охотно приняты. Лозёнъ подалъ руку Маріи, а Сенъ-Викторъ закуталъ въ свой теплый плащъ злополучнаго наслѣдника столькихъ королей. Затѣмъ они спустились украдкою по задней лѣстницѣ и сѣли въ открытый яликъ. Печально было это путешествіе. Ночь была холодна; шелъ дождь; бушевалъ вѣтеръ; волны были ужасны. Наконецъ лодка достигла Ламбета, и бѣглецы вышли на берегъ у гостинницы, гдѣ ожидали ихъ лошади и карета. Пока запрягали лошадей, прошло нѣсколько времени. Марія, боясь, чтобы кто-нибудь не узналъ ея, отказалась войти въ гостинницу. Она оставалась съ ребенкомъ, укрываясь отъ бури подъ колокольнею ламбетской церкви, и трепетала отъ страха, когда трактирный дворникъ приближался къ ней съ фонаремъ. При ней находились двѣ женщины: кормилица и нянька принца; но отъ нихъ было мало проку, потому что обѣ онѣ были иностранки, съ трудомъ говорившія по-англійски и дрожавшія отъ суровости англійскаго климата. Единственнымъ утѣшительнымъ обстоятельствомъ было то, что малютка былъ здоровъ и не издавалъ ни малѣйшаго крика. Наконецъ карета была подана. Сенъ-Викторъ послѣдовалъ за нею верхомъ. Бѣглецы благополучно достигли Гревзенда и пересѣли на ожидавшую ихъ яхту. Они нашли тамъ лорда Повиса съ женою. Кромѣ того, на яхтѣ были три ирландскіе офицера. Эти люди были присланы туда для того, чтобы, въ случаѣ какой-нибудь отчаянной крайности, оказать помощь Лозену: капитанъ судна могъ оказаться предателемъ, и потому

рѣшено было заколоть его по первому подозрѣнію въ измѣнѣ. Однако необходимости прибѣгать къ насилію не оказалось. Яхта спустилась внизъ по рѣкѣ съ попутнымъ вѣтромъ, и Сенъ-Викторъ, увидѣвши, что она вышла въ море, поскакалъ съ радостною вѣстью обратно въ Вайтголль. (¹)

Въ понедѣльникъ утромъ, 10 декабря, король узналъ, что его жена и сынъ отплыли отъ береговъ Англіи, со всѣми шансами благополучно достигнуть мѣста своего назначенія. Около того же времени прибылъ во дворецъ курьеръ съ депешами изъ Гонгерфорда. Будь Іаковъ нѣсколько болѣе проницателенъ, или нѣсколько менѣе упрямъ, депеши эти заставили бы его съизнова обдумать всѣ планы. Коммиссары сообщали благопріятныя извѣстія. Условія, предложенныя побѣдителемъ, были чрезвычайно легки. Самъ король невольно воскликнулъ, что они были выгоднѣе, нежели ожидалъ онъ. Конечно, онъ могъ не безъ основанія подозрѣвать, что они были составлены съ непріязненнымъ умысломъ; но это ничего не значило: какъ бы ни были они предложены, въ надеждѣ ли, что, принявъ ихъ, онъ положитъ основаніе счастливому примиренію, или, скорѣе, въ надеждѣ, что, отвергнувъ ихъ, онъ всенародно покажетъ себя совершенно неразумнымъ и неисправимымъ человѣкомъ, во всякомъ случаѣ предстоявшій ему путь былъ одинаково ясенъ. Въ томъ и другомъ случаѣ благоразуміе требовало поспѣшно принять и точно соблюсти ихъ.

Но вскорѣ обнаружилось, что Вильгельмъ отлично понималъ, съ кѣмъ ему приходилось имѣть дѣло, и что, предлагая тѣ условія, которыя виги въ Гонгерфордѣ порицали за излишнюю снисходительность, онъ не рисковалъ ничѣмъ. Торжественная комедія, дурачившая публику со времени отступленія королевской арміи изъ Салисбёри, продлилась еще нѣсколько часовъ. Всѣ

Приготовленія короля къ бѣгству.

(¹) Clarke's «*Life of James*», II. 246.; Père d'Orleans, «*Révolutions d'Angleterre*», XI.; Madame de Sévigné, $^{14}/_{24}$ дек. 1688; Dangeau, «*Mémoires*», $^{13}/_{23}$ дек. 1688. Относительно Лозёна см. «*Mémoires de Mademoiselle*», «*Mémoires du duc de Saint-Simon*» и La Bruyère, «*Caractères.*»

лорды, находившіеся въ столицѣ, были приглашены во дворецъ, гдѣ имъ сообщено было извѣстіе о ходѣ переговоровъ, начатыхъ по ихъ совѣту. Другое собраніе перовъ назначено было на слѣдующій день. Лордъ-меръ и шерифы Лондона тоже получили приглашеніе явиться къ королю. Онъ убѣждалъ ихъ неослабно исполнять лежавшія на нихъ обязанности и признался, что счелъ нужнымъ отправить свою супругу и сына за море но увѣрялъ ихъ, что самъ останется на мѣстѣ. Произнося эту ложь, недостойную короля и мужчины, онъ твердо рѣшился уѣхать еще до разсвѣта. Онъ уже отдалъ всѣ свои драгоцѣннѣйшія вещи на сохраненіе разнымъ иностраннымъ посламъ. Важнѣйшія его бумаги были ввѣрены тосканскому посланнику. Но до побѣга оставалось еще кое-что сдѣлать. Тиранъ желалъ отмстить народу, нехотѣвшему долѣе терпѣть его деспотизма, и съ этою цѣлью задумалъ, при отъѣздѣ, сдѣлать его жертвою всѣхъ ужасовъ анархіи. Онъ приказалъ принести въ свой кабинетъ большую государственную печать и указы о созваніи новаго парламента. Указы, оказавшіеся на лицо, были брошены имъ въ огонь. Тѣ же, которые были уже разосланы, онъ уничтожилъ особеннымъ актомъ, облеченнымъ въ законную форму. Фивершаму написалъ онъ письмо, котораго нельзя было понять иначе, какъ приказаніе распустить армію. Однако, намѣреніе свое улизнуть король все еще скрывалъ даже отъ главныхъ своихъ министровъ. Передъ уходомъ въ спальню, онъ приказалъ Джеффризу явиться въ кабинетъ рано поутру и, ложась въ постель, шепнулъ Мюльгреву, что извѣстія изъ Гонгерфорда были весьма удовлетворительны. Всѣ удалились, за исключеніемъ герцога Нортумберланда. Этотъ молодой человѣкъ, побочный сынъ Карла II и герцогини Кливландъ, командовалъ отрядомъ лейбъ-гвардіи и состоялъ въ званіи камергера. При дворѣ существовалъ тогда обычай, чтобы, въ отсутствіе королевы, дежурный камергеръ спалъ въ опочивальнѣ короля на кушеткѣ; а Нортумберландъ былъ въ ту ночь очереднымъ дежурнымъ.

Его бѣгство. Въ три часа утра во вторникъ, 11 декабря, Іаковъ всталъ, взялъ большую печать, отдалъ Нортумберланду приказаніе не отпирать дверей спальни ранѣе обычнаго часа и скрылся потаеннымъ ходомъ, вѣроятно, тѣмъ самымъ, которымъ нѣкогда

Digitized by Google

былъ приведенъ Годльстонъ къ смертному одру Карла II. Сэръ Эдвардъ Гельзъ ждалъ короля въ наемной каретѣ. Іаковъ доѣхалъ въ ней до Миллбанка, ([20]) гдѣ переправился черезъ Темзу въ небольшомъ ялботѣ. Проѣзжая мимо Ламбета, онъ бросилъ государственную печать въ рѣку, откуда она, по прошествіи многихъ мѣсяцевъ, случайно была вытащена рыбачьимъ неводомъ.

Онъ вышелъ на берегъ въ Воксголлѣ. Тамъ для него приготовлены были экипажъ и лошади, и онъ немедленно направился въ Ширнессъ, гдѣ одному изъ таможенныхъ гульковъ ([21]) приказано было дожидаться его прибытія. ([2])

([20]) *Millbank* — сѣверная набережная Темзы, насупротивъ Ламбета, въ западной части котораго расположенъ *Vauxhall* одно изъ мѣстъ общественныхъ увеселеній Лондона.

([21]) *Гулькъ* — одномачтовое судно.

([2]) «*History of the Desertion*»; Clarke's «*Life of James*», II. 251. Orig. Mem.; Mulgrave's «*Account of the Revolution*»; Burnet, I. 795.

ГЛАВА X.

Бѣгство Іакова дѣлается извѣстнымъ.

Нортумберландъ въ точности исполнилъ данное ему приказаніе и не отпиралъ дверей королевской спальни, пока совсѣмъ не разсвѣло. Передняя была наполнена придворными, явившимися съ утреннимъ привѣтомъ, и лордами, приглашенными на совѣтъ. Новость о бѣгствѣ Іакова мгновенно перелетѣла изъ дворца на улицу, и вся столица заволновалась.

Сильное волненіе

То была страшная минута. Король скрылся. Принцъ еще не пріѣзжалъ. Регентства не было назначено. Большая государственная печать, необходимая для отправленія правосудія, исчезла. Вскорѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что Фивершамъ, по полученіи королевскаго повелѣнія, немедленно распустилъ свои войска. Какого уваженія къ закону или собственности можно было ожидать отъ вооруженныхъ и собранныхъ во-едино солдатъ, освобожденныхъ отъ узды дисциплины и лишенныхъ насущнаго хлѣба? Съ другой стороны, лондонская чернь уже нѣсколько недѣль обнаруживала сильное расположеніе къ буйству и грабежу. Опасность кризиса соединила на короткое время всѣхъ, кто мало-мальски былъ заинтересованъ въ охраненіи общественнаго спокойствія. Рочестеръ до этого дня твердо держался королевской стороны. Теперь онъ увидѣлъ, что осталось одно только средство предотвратить общее смятеніе. «Соберите вашихъ гвардейцевъ,

сказалъ онъ Нортумберланду, и объявите себя за принца Оранскаго.» Этотъ совѣтъ былъ тотчасъ же исполненъ. Главные офицеры арміи, бывшіе тогда въ Лондонѣ, собрались на совѣщаніе въ Вайтголлѣ и рѣшили подчиниться власти Вильгельма; до полученія же отъ него распоряженій, они взаимно обязались не распускать своихъ солдатъ и содѣйствовать гражданской власти въ охраненіи порядка. (a) Перы явились въ Гильдголль и были встрѣчены тамъ со всѣми почестями городскимъ начальствомъ. По закону, они не имѣли права присвоивать себѣ исполнительную власть. Но общественная безопасность требовала немедленнаго образованія временнаго правительства, и потому всѣ взоры естественно обратились на наслѣдственныхъ вельможъ государства. Крайность опасности вызвала Санкрофта изъ архіепископскаго дворца. Онъ занялъ президентское кресло, и, подъ его предсѣдательствомъ, новый архіепископъ іоркскій, пять епископовъ и двадцать-два свѣтскіе лорда рѣшили составить, подписать и обнародовать декларацію. Этимъ актомъ они объявляли, что они были твердо преданы религіи и конституціи своего отечества и льстили себя надеждою увидѣть уничтоженіе злоупотребленій и возстановленіе спокойствія посредствомъ недавно созваннаго королемъ парламента; но надежда ихъ была разрушена бѣгствомъ его величества. Поэтому они рѣшились присоединиться къ принцу Оранскому, съ тѣмъ, чтобы оградить вольности націи, обезпечить права Англійской церкви, даровать надлежащую свободу совѣсти диссидентамъ и повсюду усилить протестантское вліяніе. До прибытія его высочества, они согласились взять на себя отвѣтственность за всѣ распоряженія, какія могли оказаться необходимыми для охраненія порядка. Особая депутація немедленно отправилась представить эту декларацію принцу и увѣдомить его, что онъ былъ предметомъ нетерпѣливаго ожиданія въ Лондонѣ. (b)

Лорды собираются въ Гильдголлѣ.

Послѣ того лорды перешли къ совѣщанію о мѣрахъ, какія нужно было принять для предотвращенія мятежа. Они послали за

(a) «*History of the Desertion*»; Mulgrave's «*Account of the Revolution*»; Eachard's «*History of the Revolution.*»

(b) «*London Gazette*», Dec. 13. 1688.

обоими статсъ-секретарями. Миддльтонъ отказался подчиниться незаконной власти; но Престонъ, пораженный бѣгствомъ своего повелителя и совершенно растерявшійся, повиновался. Къ коменданту Тоуэра Скельтону послано было предписаніе прибыть въ Гильдголль. Когда онъ явился, перы объявили ему, что государство не нуждалось болѣе въ его услугахъ, и потребовали, чтобы онъ немедленно отдалъ ключи отъ цитадели. На его мѣсто назначенъ былъ лордъ Льюкасъ. Въ то же самое время перы приказали написать Дартмуту, чтобы онъ прекратилъ всякія непріязненныя дѣйствія противъ голландскаго флота и отставилъ всѣхъ подчиненныхъ ему папистскихъ офицеровъ. (a)

Участіе, принятое въ этихъ мѣрахъ Санкрофтомъ и нѣкоторыми другими лицами, до тѣхъ поръ строго державшимися принципа страдательнаго повиновенія, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Присвоить себѣ начальство надъ военно-сухопутными и морскими силами государства, уволить офицеровъ, которыхъ король назначилъ командирами своихъ крѣпостей и судовъ, и запретить его адмиралу вступать въ бой съ его врагами, разумѣется, значило все равно, что бунтовать. А между тѣмъ многіе честные и дѣльные торіи школы Фильмера увѣряли себя, что они могли дѣлать всѣ эти вещи, не провиняясь въ сопротивленіи государю. Разсужденія ихъ были по крайней мѣрѣ остроумны. Правленіе, говорили они, исходитъ отъ Бога. Наслѣдственное монархическое правленіе по преимуществу исходитъ отъ Бога. Пока повелѣнія короля законны, мы должны повиноватся ему активно. Когда повелѣнія его противузаконны, мы должны повиноваться ему пассивно. Никакая крайность не можетъ оправдать насъ въ сопротивленіи ему. Но, если онъ признаетъ за благо сложить съ себя свои обязанности, права его надъ нами прекращаются. Пока онъ, хотя бы и дурно, правитъ нами, мы обязаны покоряться; но, если онъ вовсе отказывается править нами, мы не обязаны оставаться навсегда безъ правительства. Анархія не исходитъ отъ Бога, и такъ какъ государь, котораго, не смотря на вопіющія злоупо-

(a) Clarke's «*Life of James*», II. 259.; Mulgrave's «*Account of the Revolution*»; бумаги Легга въ коллекціи Макинтоша.

требленія, мы никогда не переставали уважать и слушаться, уѣхалъ неизвѣстно куда, не оставивши послѣ себя намѣстника, то Богъ не осудитъ насъ за то, что мы избираемъ единственный путь, могущій предотвратить совершенное распаденіе общества. Еслибы нашъ государь остался между нами, хотя онъ и не заслуживалъ нашей любви, мы бы готовы были умереть у его ногъ. Еслибы онъ, покидая насъ, назначилъ, на время своего отсутствія, регентство съ намѣстническою властью надъ нами, мы бы ожидали указаній единственно отъ этого регентства. Но онъ скрылся, не сдѣлавши никакихъ распоряженій относительно сохраненія порядка и отправленія правосудія. Съ нимъ и съ его большою печатью исчезла всякая законная возможность наказывать убійцу, рѣшать вопросы о правѣ на имущество и распредѣлять между кредиторами пожитки банкрута. Послѣднее его дѣйствіе имѣло цѣлью освободить тысячи вооруженныхъ людей отъ узды военной дисциплины и поставить ихъ въ такое положеніе, что они должны были бы грабить, или умирать съ голоду. Еще нѣсколько часовъ, и всѣ вооружились бы другъ противъ друга. Жизнь, собственность, женская честь очутились бы во власти каждаго бездѣльника. Мы въ эту минуту дѣйствительно находимся въ томъ природномъ состояніи, о которомъ такъ много писали теоретики; но въ этомъ состояніи очутились мы не по своей винѣ, а по причинѣ добровольнаго побѣга того, кому слѣдовало быть нашимъ покровителемъ. Побѣгъ короля можно справедливо назвать добровольнымъ, потому что ни жизнь, ни свобода его не были въ опасности. Его враги соглашались вести съ нимъ переговоры на основаніи, предложенномъ имъ самимъ, и изъявляли готовность немедленно пріостановить всѣ непріятельскія дѣйствія на условіяхъ, которыхъ онъ не могъ не признать легкими. При такихъ-то обстоятельствахъ оставилъ онъ свой постъ. Мы ни отъ чего не отрекаемся. Мы ни въ чемъ не противорѣчимъ себѣ. Мы по прежнему провозглашаемъ старинныя наши ученія безъ всякаго измѣненія. Мы по прежнему утверждаемъ, что сопротивляться предержащей власти безусловно грѣшно; но говоримъ, что теперь уже нѣтъ предержащей власти, которой бы можно было сопротивляться. Бывшая предержащая власть, послѣ долгаго злоупо-

Digitized by Google

требленія своими полномочіями, наконецъ отреклась отъ нихъ. Злоупотребленіе не давало намъ права низложить ее; но отреченіе дастъ намъ право подумать, какъ бы получше замѣстить ея вакансію.

На этихъ основаніяхъ партія принца увеличилась теперь многими приверженцами, которые прежде удалялись отъ нея. Съ незапамятныхъ временъ не было такого полнаго согласія между всѣми благоразумными англичанами, и никогда согласіе не было такъ необходимо, какъ теперь. Законной власти не существовало. Всѣ дурныя страсти, обуздывать которыя есть долгъ правительства, и которыя самыми лучшими правительствами обуздываются неудовлетворительно: корыстолюбіе, своевольство, мщеніе, ненависть секты къ сектѣ, ненависть націи къ націи, внезапно освободились отъ контроля. Въ подобныхъ случаяхъ, всегда и вездѣ, сволочь, пренебрегаемая служителями государства и церкви, дикая въ средѣ просвѣщенія, языческая въ средѣ христіанства, и гнѣздящаяся, посреди всякой вещественной и нравственной скверны, въ подвалахъ и на чердакахъ большихъ городовъ, вдругъ пріобрѣтаетъ грозное значеніе. Такъ было и въ Лондонѣ. Съ наступленіемъ ночи, какъ нарочно, самой долгой въ году, изо всѣхъ вертеповъ порока, изъ медвѣжьей ямы въ Гокли и лабиринта питейныхъ и развратныхъ домовъ въ Вайтфраярзѣ, вышли тысячи грабителей и разбойниковъ, обирохъ и карманщиковъ. Къ нимъ присоединились тысячи гулящихъ ремесленниковъ, желавшихъ мятежа единственно для забавы. Даже мирные и честные граждане примкнули къ безпутной части населенія подъ вліяніемъ религіозной злобы, потому что сигналомъ къ буйству и грабежу былъ крикъ «Долой папизмъ!»—крикъ, не разъ подвергавшій опасности существованіе Лондона. Прежде всего чернь напала на римско-католическія мѣста богослуженія. Зданія были сломаны. Скамьи, каѳедры, конфессіоналы, служебники были свалены въ кучу и зажжены. На мѣстѣ клеркенвелльскаго монастыря пылала огромная груда церковныхъ книгъ и утвари. Другая громада горѣла передъ развалинами францисканской обители на Линкольнъ-Иннъ-Фильдзѣ. Капелла въ Лаймъ-Стритѣ, капелла въ Боклерзбёри, были разрушены до основанія. Толпа съ торжествомъ носила по улицамъ

Безчинства въ Лондонѣ.

картины, образа и распятія, освѣщенныя восковыми свѣчами, сорванными съ алтарей. Почти всѣ участвовавшіе въ процессіи были вооружены саблями и палками, и на концѣ каждой сабли и каждой палки былъ воткнутъ померанецъ (orange). Королевская типографія, откуда, въ теченіе трехъ предшествовавшихъ лѣтъ, вышло безчисленное множество трактатовъ въ защиту папской супрематіи, иконопочитанія и монашескихъ обѣтовъ, — выражаясь грубою метафорою, которая тогда впервые вошла въ употребленіе, — была совершенно выпотрошена. ([22]) Огромный запасъ бумаги, бо́льшею частью еще не запятнанной печатью, послужилъ матеріаломъ для громаднаго костра. Отъ монастырей, храмовъ и публичныхъ заведеній ярость толпы обратилась къ частнымъ жилищамъ. Нѣсколько домовъ было разграблено и разрушено; но маловажность добычи не соотвѣтствовала ожиданіямъ хищниковъ, и потому вскорѣ распространился слухъ, что самыя драгоцѣнныя вещи папистовъ отданы на сохраненіе иностраннымъ посламъ. Для дикой и невѣжественной черни международное право и опасность навлечь на свое отечество справедливое мщеніе цѣлой Европы не имѣли никакого значенія. Дома пословъ были осаждены. Передъ квартирою Барильона на Сентъ-Джемсъ-Скверѣ собралась огромная толпа. Онъ, впрочемъ, отдѣлался благополучнѣе, чѣмъ можно было ожидать. При всей ненависти нашихъ соотечественниковъ къ его правительству, личность французскаго посла, какъ тороватаго хозяина и аккуратнаго плательщика, пользовалась расположеніемъ англійскаго народа. Сверхъ того, онъ имѣлъ предосторожность потребовать для себя военный караулъ; а такъ какъ многіе сановники, жившіе неподалеку отъ него, сдѣлали то же самое, то на скверѣ собралось значительное число солдатъ. Поэтому мятежники, получивъ увѣреніе, что подъ его кровлею не было спрятано ни оружія, ни священниковъ, оставили его въ покоѣ. Венеціянскій посланникъ былъ защищенъ отрядомъ войскъ; но дома, занятые представителями пфальцскаго курфирста и тосканскаго великаго герцога, были разрушены. Тосман-

---

([22]) Глаголъ *to gut*, потрошить, въ переносномъ смыслѣ значитъ *грабить*.

скій посланникъ успѣлъ спасти отъ грабителей драгоцѣнный ящикъ, гдѣ заключалось девять томовъ мемуаровъ, писанныхъ собственною рукою Іакова. Томы эти благополучно достигли Франціи и, спустя болѣе столѣтія, погибли тамъ въ разгромѣ революціи, гораздо болѣе страшной, чѣмъ та, отъ которой они спаслись. Но нѣкоторые отрывки ихъ до сихъ поръ существуютъ и, не смотря на то, что они крайне изуродованы и помѣщены въ массѣ ребяческаго вздора, заслуживаютъ внимательнаго изученія.

Разграбленіе дома испанскаго посла.

Богатая утварь королевской капеллы была спрятана въ Вильдъ-Гаусѣ, жилищѣ испанскаго посла Ронкильо, близъ Линкольнзъ-Иннъ-Фильдза. Ронкильо, увѣренный въ томъ, что ни самъ онъ, ни его дворъ, не заслуживали никакого зла отъ англійской націи, призналъ излишнимъ требовать солдатъ; но чернь не имѣла ни малѣйшаго расположенія строго различать, кто правъ и кто виноватъ. Названіе Испаніи издавна соединялось въ умахъ англичанъ съ инквизиціею и армадою, съ жестокостями Маріи и заговорами противъ Елисаветы. Кромѣ того, Ронкильо нажилъ себѣ множество личныхъ враговъ между простымъ народомъ, потому что, пользуясь неприкосновенностью посольскаго званія, не платилъ своихъ долговъ. Домъ его былъ разграбленъ безъ пощады, и прекрасная библіотека, которую онъ собралъ, погибла въ огнѣ. Единственнымъ его утѣшеніемъ было то, что св. дары въ его капеллѣ избѣжали той же участи. (²)

Утро 12 декабря озарило страшное зрѣлище. Столица во многихъ мѣстахъ представляла видъ города, взятаго приступомъ. Лорды собрались въ Вайтголлѣ и принялись возстановлять спокойствіе. Милиція была призвана къ оружію. Отрядъ кавалеріи обязанъ былъ разгонять мятежныя скопища. Удовлетвореніе, какое только можно было оказать въ ту минуту, было оказано за

(²) «*London Gazette*», Dec. 13. 1688; Barillon, $^{14}/_{24}$ дек.; Citters, того же числа; Luttrell's «*Diary*»; Clarke's «*Life of James*», II. 256. Orig. Mem.; Ellis «*Correspondence*», Dec. 13.; протоколъ испанскаго государственнаго совѣта. $^{13}/_{23}$ янв. 1689. Оказывается, что Ронкильо горько жаловался своему правительству на причиненные ему убытки: «Sirviendole solo de consuelo el haber tenido prevencion de poder consumir El Santisimo.»

грубыя оскорбленія, причиненныя иностраннымъ правительствамъ. За открытіе имущества, похищеннаго изъ Вильдъ-Гауса, обѣщана была награда; а Ронкильо, лишившійся буквально всего своего достоянія, былъ великолѣпно помѣщенъ въ опустѣломъ дворцѣ англійскихъ королей. Для него устроенъ былъ роскошный столъ, и королевскіе тѣлохранители получили приказаніе дежурить въ его передней съ такою же почтительностью, какую они обыкновенно оказывали государю. Эти знаки уваженія смягчили даже щекотливую гордость испанскаго двора и предотвратили всякую опасность разрыва. (a)

Арестованіе Джеффриза.

Не смотря, однако, на благонамѣренныя усилія временнаго правительства, волненіе съ каждымъ часомъ становилось грознѣе. Оно было усилено событіемъ, о которомъ, даже теперь, почти невозможно говорить безъ мстительнаго удовольствія. Одинъ маклеръ, жившій въ Воппингѣ (23) и занимавшійся ссудою тамошнимъ морякамъ денегъ за высокіе проценты, отдалъ, незадолго передъ тѣмъ, часть своего капитала на бодмерею. Должникъ обратился въ совѣстный судъ съ жалобою на собственное свое обязательство, и дѣло поступило къ Джеффризу. Адвокатъ заемщика, не будучи въ состояніи придумать ничего лучшаго, сказалъ, что заимодавецъ былъ триммеръ. Канцлеръ тотчасъ же вспыхнулъ. «Триммеръ! Гдѣ онъ? Покажите-ка мнѣ его. Слышалъ я объ этомъ чудищѣ. Каково оно собою?» Несчастный кредиторъ принужденъ былъ явиться. Канцлеръ яростно выпучилъ глаза на него, забурлилъ противъ него и отпустилъ его полумертваго отъ страха. «Въ жизнь мою, сказалъ бѣдняга, выходя изъ суда, не забуду этого ужаснаго лица.» И вотъ день возмездія наступилъ.

(a) «*London Gazette*», Dec. 13. 1688; LUTTRELL'S «*Diary*», MULGRAVE'S «*Account of Revolution*»; протоколъ испанскаго государственнаго совѣта $^{19}/_{29}$ янв. 1689. Заведена была рѣчь и о денежномъ вознагражденіи; но испанскій совѣтъ отнесся къ этому предложенію съ презрѣніемъ. «Habiendo sido este hecho por un furor de pueblo, sin consentimiento del gobierno, y antes contra su voluntad, como lo ha mostrado la satisfaccion que le han dado y le han prometido, parece que no hay juicio humano que puede aconsejar que se pase à semejante remedio.»

(23) *Wapping* — улица въ восточномъ округѣ Лондона.

Триммеръ, проходя по Воппингу, вдругъ увидѣлъ хорошо знакомую ему физіономію, выглядывавшую изъ окна питейнаго дома. Онъ не могъ ошибиться. Правда, брови были сбриты. Одежда была одеждою простаго ньюкастльскаго матроса, почернѣвшею отъ каменноугольной пыли; но дикій взглядъ и грубый голосъ несомнѣнно принадлежали Джеффризу. Маклеръ поднялъ тревогу. Въ одну минуту кабакъ былъ окруженъ сотнями людей, потрясавшихъ дубинами и изрыгавшихъ проклятія. Жизнь бѣглеца была спасена ротою милиціи, которая привела его къ лорду-меру. Меръ былъ простой человѣкъ, прожившій всю жизнь въ неизвѣстности, и совершенно ошалѣлъ, когда очутился важнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ могучей революціи. Событія послѣднихъ сутокъ и опасное состояніе ввѣреннаго его попеченію города разстроили и духъ и тѣло его. Когда вельможа, передъ взглядомъ котораго, за нѣсколько дней до того, трепетало цѣлое королевство, былъ приведенъ въ судебную залу, запачканный золою, полумертвый отъ страха и преслѣдуемый неистовою чернью, волненіе несчастнаго мера достигло крайнихъ предѣловъ. Онъ упалъ въ обморокъ и былъ отнесенъ въ постель, съ которой уже не вставалъ. Между тѣмъ толпа снаружи увеличивалась и свирѣпѣла. Джеффризъ просилъ, чтобы его отправили въ тюрьму. Необходимое для этого предписаніе было получено отъ лордовъ, засѣдавшихъ въ Вайтголлѣ, послѣ чего канцлера посадили въ карету и повезли въ Тоуэръ. Для конвоированія его отряжено было два полка милиціи, которые съ трудомъ могли исполнить свою обязанность. Имъ неоднократно приходилось строиться въ каре́, какъ бы для отраженія кавалерійской атаки, и выставлять противъ черни лѣсъ копій. Тысячи народа, жаждавшія мщенія, преслѣдовали карету бѣшеными криками до самыхъ воротъ Тоуэра, потрясая кольями и показывая веревки арестанту. Несчастный между тѣмъ обмиралъ отъ ужаса. Онъ ломалъ себѣ руки, дико выглядывалъ то въ одно, то въ другое окно и отчаянно кричалъ: «Не подпускайте ихъ, господа! Ради Бога, не подпускайте!» Наконецъ, послѣ нравственной пытки, которая была гораздо горше смерти, онъ достигъ безопаснаго помѣщенія въ крѣпости, гдѣ провели послѣдніе свои дни нѣкоторыя изъ знаменитѣйшихъ его жертвъ,

и гдѣ собственная его жизнь должна была кончиться среди невыразимаго стыда и срама. (a)

Во все это время народъ дѣятельно искалъ римско-католическихъ священниковъ. Многіе изъ нихъ были арестованы. Двое епископовъ, Эллисъ и Либорнъ были посажены въ Ньюгетъ. Нунцій, не имѣвшій основанія надѣяться, чтобы толпа почтила его духовное или политическое званіе, бѣжалъ изъ Англіи, переодѣтый лакеемъ, въ свитѣ посланника савойскаго герцога. (b)

Ирландская ночь.

За вторымъ днемъ волненія и ужаса послѣдовала самая странная и самая страшная ночь, какую когда-либо видѣла Англія. Въ началѣ вечера чернь напала было на великолѣпный домъ, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ построенный лордомъ Повисомъ, въ царствованіе Георга II бывшій жилищемъ герцога Ньюкастля и до сихъ поръ красующійся на сѣверозападномъ углу Линкольнъ-Иннъ-Фильдза. По прибытіи туда нѣсколькихъ ротъ, толпа разсѣялась, порядокъ, казалось, возстановился, и граждане уже готовились спокойно лечь спать. Въ это самое время возникъ слухъ, который быстро разросся въ ужасную тревогу, черезъ часъ перешелъ изъ Пикадилли въ Вайтчапель и распространился по всѣмъ улицамъ и переулкамъ столицы. Молва говорила, что распущенные Фивершамомъ ирландцы идутъ на Лондонъ и рѣжутъ по дорогѣ всѣхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Въ часъ по полуночи барабанный бой созвалъ милицію къ оружію. Испуганные женщины повсюду рыдали и ломали себѣ руки, между тѣмъ какъ отцы и мужья вооружались на битву. Къ двумъ часамъ столица уже представляла видъ суровой готовности, которая легко могла бы устрашить дѣйствительнаго врага, еслибы онъ приближался. Во всѣхъ окнахъ горѣли свѣчи. На площадяхъ было свѣтло какъ днемъ. Всѣ входы въ Лондонъ были загорожены баррикадами.

(a) North's «*Life of Guildford*», 220.; «*Jeffrey's Elegy*»; Luttrell's «*Diary*»; Oldmixon. Ольдмиксонъ присутствовалъ въ толпѣ и, я увѣренъ, былъ въ ней однимъ изъ самыхъ яростныхъ дѣйствующихъ лицъ. Онъ хорошо разсказываетъ эту исторію. Ellis «*Correspondence*»; Burnet, I. 797 и Onslow's note.

(b) Adda, $^{9}/_{19}$ дек.; Citters, $^{18}/_{28}$ дек. 1688.

Болѣе двадцати тысячъ пикъ и мушкетовъ прикрывало улицы. Поздній разсвѣтъ декабрьскаго утра засталъ весь городъ все еще съ оружіемъ въ рукахъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ лондонцы живо помнили эту такъ-называемую Ирландскую ночь. Когда обнаружилось, что тревога не имѣла основанія, сдѣланы были попытки открыть происхожденіе молвы, причинившей столько волненія. Оказалось, что нѣсколько человѣкъ, по наружности и одеждѣ казавшихся только-что прибывшими въ столицу поселянами, первые распустили этотъ слухъ въ предмѣстьяхъ около полуночи; но откуда явились эти люди и кѣмъ они были подосланы, осталось тайною. Вскорѣ изъ разныхъ мѣстъ пришли извѣстія, еще болѣе смутившія умы. Паника не ограничивалась однимъ Лондономъ. Молва, что распущенные ирландскіе солдаты шли умерщвлять протестантовъ, была злохитростно распространена разомъ во многихъ городахъ, далеко отстоящихъ другъ отъ друга. Множество писемъ, ловко сочиненныхъ съ цѣлью испугать невѣжественный людъ, было разослано съ дилижансами, фурами и по почтѣ въ различныя части Англіи. Всѣ эти письма пришли по адресамъ почти въ одно и то же время. Въ сотнѣ городовъ разомъ между простонародьемъ распространилась увѣренность, что вооруженные варвары тотчасъ явятся и начнутъ совершать такія же гнусныя преступленія, какія осквернили ольстерскій бунтъ. Никому изъ протестантовъ не будетъ дано пощады. Дѣти будутъ пыткою принуждаемы умерщвлять своихъ родителей. Грудные младенцы будутъ втыкаемы на копья, или бросаемы въ пылающія развалины еще недавно счастливыхъ жилищъ. Огромныя толпы собрались съ оружіемъ въ рукахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ народъ принялся ломать мосты и строить завалы; но скоро волненіе утихло. Во многихъ округахъ люди, такъ гнусно обманутые, съ радостью и вмѣстѣ со стыдомъ узнали, что на цѣлую недѣлю пути отъ нихъ не было ни одного папистскаго солдата. Кое-гдѣ, правда, появлялись бродячія шайки ирландцевъ, требовавшія пищи; но имъ едва ли можно вмѣнить въ преступленіе, что они не желали умереть съ голода, а между тѣмъ нѣтъ никакого доказательства, чтобы они совершили какое-нибудь наглое буйство. По истинѣ, они были гораздо малочисленнѣе, нежели предполагалось, и совершенно упали духомъ,

когда внезапно очутились безъ предводителей и припасовъ посреди могучаго народонаселенія, которое смотрѣло на нихъ какъ на стадо волковъ. Изо всѣхъ подданныхъ Іакова никто не имѣлъ такого основанія проклинать его, какъ эти несчастные члены его церкви и защитники его престола. (*)

Къ чести англійскаго характера должно замѣтить, что, не смотря на омерзѣніе, господствовавшее тогда противъ римско-католической религіи и ирландской расы, не смотря на анархію, причиненную бѣгствомъ Іакова, не смотря на лукавыя козни, употребленныя для побужденія толпы къ жестокости, въ этомъ случаѣ не было совершено ни одного ужаснаго преступленія. Правда, много имущества было уничтожено и расхищено. Дома многихъ католическихъ джентльменовъ были разрушены. Парки были опустошены. Красная дичь была перебита и раскрадена. Нѣкоторые почтенные образчики національной архитектуры среднихъ вѣковъ до сихъ поръ носятъ на себѣ слѣды народнаго неистовства. Дороги во многихъ мѣстахъ были загорожены самозванною полиціею, останавливавшею каждаго путника и требовавшею у него доказательства, что онъ не папистъ. Темза была запружена шайкою пиратовъ, которые, подъ предлогомъ отыскиванія оружія и преступниковъ, обшаривали каждую проходившую лодку. Ненавистныя народу лица подвергались оскорбленіямъ и побоямъ. Многія лица, ничѣмъ не заслужившія народной ненависти, должны были откупаться отъ побоевъ и грабежа выдачею нѣсколькихъ гиней рьянымъ протестантамъ, которые, безъ всякаго законнаго основанія, взяли на себя обязанности сыщиковъ. Но при всемъ этомъ смятеніи, продолжавшемся нѣсколько дней и распространившемся по многимъ графствамъ, ни одинъ католикъ не былъ лишенъ жизни. Чернь не обнаружила ни малѣйшей кровожадности, за исключеніемъ случая съ Джеффризомъ; да и то нена-

(*) Citters, $\frac{11}{21}$ дек. 1688; Luttrell's «*Diary*»; Ellis «*Correspondence*»; Oldmixon, 791.; Speke's «*Secret History of the Revolution*»; Clarke's «*Life of James*», II. 257.; Eachard's «*History of the Revolution*»; «*History of the Desertion.*»

висть, которую возбудилъ противъ себя этотъ негодяй, имѣла болѣе сродства съ гуманностью, нежели съ жестокостью. (a)

Спустя много лѣтъ, Гью Спекъ утверждалъ, что Ирландская ночь была его дѣломъ, что онъ подослалъ крестьянъ, взволновавшихъ Лондонъ, и что онъ былъ авторомъ писемъ, распространившихъ смуту по всей странѣ. Увѣреніе его само по себѣ не представляетъ ничего невѣроятнаго; но оно не подтверждается ничьимъ свидѣтельствомъ, кромѣ его собственныхъ словъ. Онъ былъ человѣкъ вполнѣ способный совершить такую подлость и въ то же время вполнѣ способный лживо похвастаться, будто онъ совершилъ ее. (b)

Лондонцы нетерпѣливо ожидали Вильгельма. Они не сомнѣвались, что его энергія и умѣнье быстро возстановятъ порядокъ и безопасность. Но тутъ случилась небольшая остановка, за которую нельзя осуждать принца. Первоначальнымъ его намѣреніемъ было отправиться изъ Гонгерфорда въ Оксфордъ, гдѣ ему обѣщали почетный и радушный пріемъ; но прибытіе депутаціи изъ Гильдголля заставило его измѣнить это намѣреніе и поспѣшить прямо въ столицу. На дорогѣ узналъ онъ, что Фивершамъ, по приказанію короля, распустилъ королевскую армію, и что тысячи солдатъ, освобожденныхъ отъ всякой узды и лишенныхъ необходимыхъ средствъ къ жизни, разсѣялись по графствамъ, черезъ которыя пролегала дорога въ Лондонъ. Продолжать путь съ незначительнымъ отрядомъ было невозможно для Вильгельма, потому что онъ бы подвергъ большой опасности не только свою жизнь, о которой не имѣлъ онъ обыкновенія безпокоиться, но и великіе интересы, которые озабочивали его. Ему необходимо было сообразовать свои движенія съ движеніями своихъ войскъ; а войска по тогдашнимъ англійскимъ дорогамъ зимою могли только медленно двигаться. Эти обстоятельства нѣсколько разстроили обыкновенное его хладнокровіе. «Со мною нельзя такъ поступать, воскликнулъ онъ съ желчью, и милордъ Фивершамъ увидитъ это.» Для исправленія золъ, причиненныхъ

(a) Clarke's «*Life of James*», II. 228.
(b) «*Secret History of the Revolution.*»

Іаковомъ, приняты были быстрыя и разумныя мѣры. Чорчилль и Графтонъ были уполномочены собрать разсѣянную армію и привести ее въ порядокъ. Англійскимъ солдатамъ предложено было вернуться въ полки; а ирландцамъ приказано было, чтобы они, подъ опасеніемъ строгаго наказанія, отдали свое оружіе; но вмѣстѣ съ тѣмъ имъ было объявлено, что если они мирно покорятся, то будутъ снабжены необходимымъ продовольствіемъ. (a)

Приказанія принца были безпрекословно исполнены почти всѣми солдатами королевской арміи, за исключеніемъ ирландскаго гарнизона въ Тильбёри. Одинъ изъ этихъ ирландцевъ прицѣлился было въ Графтона; но пистолетъ осѣкся, и злодѣй тотчасъ же былъ убитъ наповалъ однимъ англичаниномъ. Около двухсотъ человѣкъ несчастныхъ иноплеменниковъ сдѣлали храбрую попытку вернуться на родину. Они овладѣли богато-нагруженнымъ остъиндскимъ кораблемъ, только-что вошедшимъ въ Темзу, и пытались силою добыть лоцмана въ Гревзендѣ. Лоцмана, однако, не оказалось, такъ что имъ пришлось положиться на собственное искусство въ мореплаваніи. Они скоро посадили судно на мель и, послѣ кровопролитной схватки, принуждены были положить оружіе. (b)

Уже пять недѣль находился Вильгельмъ на англійской землѣ, и во все это время счастіе ни разу не измѣняло ему. Его благоразуміе и твердость проявились замѣчательнымъ образомъ, но все-таки менѣе сдѣлали для него, нежели безразсудство и малодушіе Іакова. И вотъ, въ ту самую минуту, когда казалось, что планы его увѣнчиваются полнымъ успѣхомъ, они были разстроены однимъ изъ тѣхъ странныхъ случаевъ, которые такъ часто разрушаютъ самые превосходные замыслы человѣческой мудрости.

Король задержанъ близъ Ширнесса

Утромъ 13 декабря населеніе Лондона, еще не вполнѣ отдохнувшее отъ тревогъ Ирландской ночи, было поражено слухомъ, что король задержанъ и находится на островѣ. Въ теченіе

(a) Clarendon's «*Diary*», Dec. 13. 1688; Citters, $^{14}/_{24}$ дек.; Eachard's «*History of the Revolution.*»

(b) Citters, $^{14}/_{24}$ дек. 1688; Luttrell's «*Diary.*»

дня вѣсть эта постоянно усиливалась и къ вечеру уже вполнѣ подтвердилась.

Іаковъ проѣхалъ на подставныхъ лошадяхъ въ каретѣ по южному берегу Темзы и утромъ 12 числа достигъ Эмли-Ферри, близъ острова Шеппи. Тамъ стоялъ гулькъ, на которомъ онъ долженъ былъ отплыть. Король пересѣлъ на судно; но вѣтеръ крѣпчалъ, и шкиперъ не рѣшился пуститься въ море безъ прибавленія балласта. Такимъ образомъ приливъ былъ упущенъ. Приближалась полночь, а судно все еще стояло на якорѣ. Между тѣмъ извѣстіе, что король скрылся, что государство осталось безъ правительства, и что Лондонъ въ смятеніи, быстро распространилось внизъ по Темзѣ и повсюду произвело смуты и безпорядки. Грубые рыбаки кентскаго прибрежья глядѣли на гулькъ подозрительными и жадными глазами. Между ними начались толки о томъ, что какіе-то люди въ одеждѣ джентльменовъ чрезвычайно торопились сѣсть на судно. Быть можетъ, они іезуиты; быть можетъ, они богаты. Около шестидесяти лодочниковъ, одушевленныхъ ненавистью къ папизму и страстью къ грабежу, ворвались на гулькъ передъ самымъ его отплытіемъ. Пассажирамъ было объявлено, что они должны сойти на берегъ и подвергнуться судейскому допросу. Наружность короля возбудила подозрѣніе. «Это іезуитъ Питеръ, сказалъ одинъ негодяй: я узнаю его по выдавшейся челюсти!» — «Обыскать старую обезьяну!» закричали всѣ въ одинъ голосъ и принялись грубо тормошить его. Деньги и часы были у него отняты. Съ нимъ былъ коронаціонный перстень и нѣсколько другихъ дорогихъ украшеній; но они ускользнули отъ вниманія грабителей, которые такъ мало смыслили въ драгоцѣнныхъ вещахъ, что приняли его алмазныя пряжки за простыя стеклышки.

Наконецъ плѣнники были высажены на берегъ и отвезены въ гостинницу, гдѣ собралась толпа людей, желавшихъ посмотрѣть на нихъ. Іаковъ, хотя парикъ на немъ и отличался формой и цвѣтомъ отъ обыкновенныхъ его париковъ, былъ тотчасъ же узнанъ. На минуту чернь какъ будто оробѣла, но увѣщанія коноводовъ ободрили ее; а видъ Гельза, котораго она хорошо знала и жестоко ненавидѣла, воспламенилъ ея бѣшенство. Его паркъ на-

ходился по сосѣдству, и въ эту самую минуту шайка мятежниковъ грабила его домъ и стрѣляла его ланей. Толпа объявила королю, что не причинитъ ему никакого вреда, но отказалась отпустить его. Случилось, что графъ Винчельси, протестантъ, но ревностный роялистъ, глава фамиліи Финчей и близкій родственникъ Ноттингама, былъ тогда въ Кентербёри. Узнавши о происшедшемъ, онъ тотчасъ же поспѣшилъ ко взморью, въ сопровожденіи нѣсколькихъ кентскихъ джентльменовъ. По ихъ ходатайству король переведенъ былъ въ болѣе удобное помѣщеніе, но все еще оставался плѣнникомъ. Толпа постоянно была на-сторожѣ вокругъ дома, куда онъ былъ перемѣщенъ; а нѣкоторые изъ коноводовъ ея расположились у самыхъ дверей его спальни. Онъ между тѣмъ велъ себя какъ человѣкъ, всѣ силы духа котораго подавлены бременемъ злополучій. По временамъ онъ говорилъ такъ надменно, что вызывалъ стороживших его мужиковъ на дерзкія возраженія. Тогда онъ прибѣгалъ къ мольбамъ. «Пустите меня, кричалъ онъ: дайте мнѣ лодку. Принцъ Оранскій посягаетъ на мою жизнь. Если вы не позволите мнѣ бѣжать теперь же, послѣ будетъ поздно. Кровь моя падетъ на ваши головы. Кто не за меня, тотъ противъ меня.» На этотъ послѣдній текстъ проповѣдывалъ онъ цѣлыхъ полчаса. Онъ разглагольствовалъ о разныхъ разностяхъ: о непокорствѣ общниковъ Магдалинниской коллегіи и о чудесахъ, явленныхъ источникомъ св. Винифреда, о вѣроломствѣ англиканскаго духовенства и о цѣлебныхъ свойствахъ частицы честнаго креста, которую онъ къ несчастью утратилъ. «Что я сдѣлалъ? спрашивалъ онъ у окружавшихъ его кентскихъ помѣщиковъ: Скажите мнѣ правду. Какой грѣхъ совершилъ я?» Джентльмены, которымъ онъ предлагалъ эти вопросы, были слишкомъ гуманны, чтобы отвѣчать ему то, что́ должно было вертѣться у нихъ на языкѣ, и слушали его нелѣпую болтовню съ безмолвнымъ сожалѣніемъ. (a)

Извѣстіе о томъ, что онъ остановленъ, обруганъ, помятъ и ограбленъ и все еще находится плѣнникомъ въ рукахъ грубыхъ

(a) Clarke's «*Life of James*», [illegible]51. Orig. Mem.; письмо, напечатанное въ Tindal's «*Continuation of Rapin.*» Это любопытное письмо находится въ Harl. MSS. 6852.

мужиковъ, возбудило въ столицѣ сильное волненіе. Строгіе церковники, которые, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, начали было считать себя освобожденными отъ подданства ему, почувствовали теперь угрызенія совѣсти. Онъ не покинулъ королевства. Онъ не отрекся отъ престола. Еслибы онъ снова вступилъ въ управленіе государствомъ, могли ли бы они, по своимъ принципамъ, отказать ему въ повиновеніи? Просвѣщенные государственные люди съ безпокойствомъ предусматривали, что всѣ распри, на минуту прекращенныя его бѣгствомъ, возобновятся и усилятся вслѣдствіе его возвращенія. Многіе изъ простолюдиновъ, еще не оправившіеся отъ недавнихъ злоупотребленій, почувствовали состраданіе къ государю, оскорбленному злодѣями, и одушевились надеждою, дѣлавшею болѣе чести ихъ добродушію, нежели разсудительности, что онъ, быть можетъ, раскается теперь въ ошибкахъ, которыя навлекли на него такую ужасную кару.

Съ той минуты, какъ обнаружилось, что король все еще въ Англіи, Санкрофтъ, дѣйствовавшій дотолѣ въ качествѣ главы временнаго правительства, пересталъ являться въ засѣданія перовъ. Мѣсто предсѣдателя занялъ Галифаксъ, только-что возвратившійся изъ голландской главной квартиры. Его мнѣнія сильно измѣнились въ нѣсколько часовъ. Какъ политическія, такъ и личныя причины побудили его теперь присоединиться къ вигамъ. Кто безпристрастно изслѣдуетъ дошедшія до насъ данныя, тотъ убѣдится, что онъ принялъ на себя обязанность королевскаго коммиссара въ искренней надеждѣ устроить соглашеніе между королемъ и принцемъ на разумныхъ условіяхъ. Переговоры начались удачно. Принцъ предложилъ условія, которыхъ король не могъ не признать разумными. Краснорѣчивый и остроумный триммеръ могъ ласкать себя надеждою, что ему удастся сдѣлаться посредникомъ между разъяренными факціями, уладить компромиссъ между крайними мнѣніями, обезпечить вольности и религію отечества и въ то же время избавить родину отъ опасностей, неразлучныхъ съ перемѣною династіи и спорнымъ престолонаслѣдіемъ. Утѣшаясь такими пріятными мыслями, онъ вдругъ узналъ, что король обманулъ его и употребилъ его орудіемъ для того, чтобы обмануть націю. Посольство въ Гонгерфордъ ока-

залось надувательствомъ. Іаковъ и не думалъ соблюдать условій, которыя коммиссары должны были предложить отъ его имени. Онъ поручилъ имъ объявить, что онъ готовъ былъ предоставить всѣ спорные вопросы рѣшенію созваннаго имъ парламента; а между тѣмъ, пока они исполняли его порученіе, онъ жегъ указы, уносилъ большую печать, приказывалъ распустить армію, пріостанавливалъ отправленіе правосудія, уничтожалъ правительство и бѣжалъ изъ столицы. Галифаксъ увидѣлъ, что мировая сдѣлка уже невозможна. Кромѣ того онъ, по всей вѣроятности, чувствовалъ досаду, естественную со стороны человѣка, который славится своимъ умомъ и вдругъ находитъ, что онъ одураченъ крайне ограниченнымъ созданіемъ, и досаду, естественную со стороны человѣка, который умѣетъ мастерски посмѣяться на чужой счетъ и вдругъ находитъ, что самъ онъ поставленъ въ смѣшное положеніе. Разсудокъ и злоба одинаково побудили его отказаться отъ прежней мысли о примиреніи и стать во главѣ людей, желавшихъ возвести Вильгельма на престолъ. (a)

До сихъ поръ существуетъ протоколъ совѣта лордовъ подъ предсѣдательствомъ Галифакса, писанный собственною рукою знаменитаго триммера. (b) Изъ него видно, что совѣтъ принялъ всѣ предосторожности, казавшіяся необходимыми для предотвращенія буйства и грабежа. Перы, подъ личною своею отвѣтственностью, отдали приказъ, чтобы, въ случаѣ новаго возстанія черни, солдаты стрѣляли въ мятежниковъ пулями. Джеффризъ былъ привезенъ въ Вайтголль и допрошенъ о томъ, что́ сталось съ большою государственною печатью и указами о созваніи парламента. По его убѣдительной просьбѣ, онъ былъ снова отосланъ въ Тоу-

(a) Рирсви слышалъ отъ одной дамы, которой онъ не называетъ, что король не имѣлъ намѣренія удаляться, пока не получилъ письма отъ Галифакса, бывшаго тогда въ Гонгерфордѣ. Письмо, говорила она, извѣщало его величество, что, если онъ останется на мѣстѣ жизнь его будетъ въ опасности. Это положительно выдумка. Король, еще до отъѣзда коммиссаровъ изъ Лондона, говорилъ Барильону, что ихъ посольство было просто уверткою, и выражалъ полную рѣшимость оставить Англію. Изъ собственнаго разсказа Рирсви ясно, что Галифаксъ считалъ себя позорно обманутымъ.

(b) Harl. MS. 255.

эръ, какъ единственное мѣсто, гдѣ жизнь его могла быть въ безопасности, и удалился, благодаря и благословляя тѣхъ, которые даровали ему пріютъ тюрьмы. Одинъ изъ вигскихъ нобльменовъ предложилъ было освободить Отса; но остальные лорды отвергли это предложеніе. (a)

Занятія были почти кончены, и Галифаксъ уже готовился встать, какъ вдругъ ему доложили о прибытіи гонца изъ Ширнесса. Ничто не могло быть затруднительнѣе и досаднѣе этого случая. Сдѣлать что-нибудь, или ничего не сдѣлать, все равно значило подвергаться тяжкой отвѣтственности. Галифаксъ, желая, вѣроятно, выиграть время, чтобы снестись съ принцемъ, хотѣлъ было отложить засѣданіе; но Мюльгревъ упросилъ лордовъ остаться на мѣстахъ и ввелъ гонца. Человѣкъ этотъ, заливаясь слезами, изложилъ дѣло и представилъ собственноручное письмо короля, ни къ кому лично не адресованное, но умолявшее всѣхъ добрыхъ англичанъ о помощи. (b)

Лорды приказываютъ освободить его.

Такую просьбу едва ли возможно было оставить безъ вниманія. Лорды приказали Фивершаму поспѣшить съ отрядомъ лейбъ-гвардіи въ мѣсто заключенія короля и выпустить его величество на волю.

Миддльтонъ и нѣсколько другихъ приверженцевъ короля отправились впередъ, чтобы помочь своему несчастному государю и по возможности утѣшить его. Они нашли его въ строгомъ заключеніи и до тѣхъ поръ не получали доступа къ нему, пока не отдали своихъ шпагъ. Стеченіе народа около него было огромное. Нѣкоторые изъ окрестныхъ вигскихъ джентльменовъ привели для надзора за нимъ большой отрядъ милиціи. Они весьма ошибочно воображали, что, удерживая Іакова, заслужатъ признательность его враговъ, и крайне смутились, узнавъ, что обращеніе, которому подвергался Іаковъ, не одобряется временнымъ правительствомъ въ Лондонѣ, и что отрядъ кавалеріи уже спѣшитъ для освобожденія короля. Фивершамъ скоро прибылъ. Онъ оставилъ своихъ солдатъ въ Ситтингборнѣ; но надобности употреблять силу не оказалось. Король былъ безпрекословно от-

(a) Halifax MS.; Citters, $^{18}/_{28}$ дек. 1688.
(b) Mulgrave's «*Account of the Revolution.*»

пущенъ толпою и перевезенъ своими друзьями въ Рочестеръ, гдѣ остановился на нѣсколько времени для отдыха, въ которомъ крайне нуждался. Онъ былъ въ жалкомъ состояніи. Не только разсудокъ его, никогда не отличавшійся особенною ясностью, совершенно помутился, но и личная храбрость, которую онъ въ молодости доказалъ во многихъ морскихъ и сухопутныхъ сраженіяхъ, измѣнила ему. Въ первый разъ испытанное имъ грубое обхожденіе, по видимому, разстроивало его болѣе, чѣмъ какое-либо другое событіе его многострадальной жизни. Измѣна арміи, любимцевъ и дѣтей трогала его менѣе, нежели обиды, нанесенныя ему на палубѣ гулька. Воспоминаніе объ этихъ обидахъ долго гнѣздилось въ его сердцѣ и однажды проявилось такъ, что возбудило презрительный смѣхъ цѣлой Европы. На четвертомъ году своего изгнанія онъ попытался привлечь къ себѣ бывшихъ своихъ подданныхъ приманкою амнистіи. Амнистія сопровождалась длиннымъ спискомъ исключеній, и въ этомъ спискѣ бѣдные рыбаки, грубо обшаривавшіе его карманы, были помѣщены рядомъ съ Чорчиллемъ и Данби. По этому мы можемъ судить, какъ живо долженъ былъ онъ чувствовать оскорбленіе, пока оно было еще свѣжо. (a)

А между тѣмъ, будь у него обыкновенная доля здраваго смысла, онъ понялъ бы, что люди, задержавшіе его, неумышленно оказали ему большую услугу. Событія, случившіяся во время его отсутствія изъ столицы, должны были бы убѣдить его, что, успѣй онъ бѣжать изъ Англіи, онъ уже никогда не возвратился бы въ нее. Онъ былъ вопреки самому себѣ спасенъ отъ гибели. Ему представился еще одинъ и послѣдній шансъ. Какъ ни были велики его преступленія, однако, пока онъ оставался въ своемъ королевствѣ и изъявлялъ готовность принять всѣ условія, какія бы ни предложилъ свободный парламентъ, лишить его престола было бы почти невозможно.

Одно время казалось, что онъ расположенъ былъ остаться. Онъ послалъ Фивершама изъ Рочестера съ письмомъ къ Виль-

---

(a) См. его прокламацію, подписанную въ Сенъ-Жерменѣ, 20 апрѣля 1692.

гельму. Сущность этого письма заключалась въ томъ, что его величество возвращается въ Вайтголль, что онъ желаетъ лично переговорить съ принцемъ, и что для его высочества будетъ приготовленъ Сентъ-Джемскій дворецъ. (a)

Затруднительное положеніе Вильгельма.

Вильгельмъ былъ тогда въ Виндзорѣ. Онъ съ крайнею досадою узналъ о событіяхъ, происшедшихъ на берегу Кента. Передъ тѣмъ, какъ получена была эта вѣсть, приближенные его замѣтили, что онъ былъ въ необыкновенно хорошемъ расположеніи духа. Да и какъ было не радоваться! Передъ нимъ былъ вакантный престолъ. Всѣ партіи, казалось, готовы были единогласно предложить ему корону. И вдругъ надежды его лопнули. Престолъ, оказалось, все еще былъ занятъ. Значительная часть личныхъ приверженцевъ Вильгельма затруднилась бы низложить короля, который, оставаясь посреди своихъ подданныхъ, предлагалъ, чтобы они представили черезъ парламентъ свои жалобы, и обѣщалъ имъ полное удовлетвореніе. Необходимо было, чтобы принцъ обдумалъ новое свое положеніе и рѣшился на какой-нибудь новый планъ дѣйствій. Ни одинъ изъ предстоявшихъ ему путей не былъ совершенно безукоризненъ, ни одинъ не могъ бы поставить его въ такое выгодное положеніе, какое занималъ онъ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ. Однако кое-что можно было сдѣлать. Первая попытка короля бѣжать изъ Англіи не удалась. Желательнѣе всего было теперь, чтобы онъ съ успѣхомъ сдѣлалъ вторичную попытку. Надобно было дѣйствовать на него и страхомъ и соблазномъ. Оказанная ему при переговорахъ въ Гонгерфордѣ уступчивость, за которую онъ заплатилъ вѣроломствомъ, была бы теперь неумѣстна. Условій примиренія не надобно было предлагать никакихъ. Еслибы онъ предложилъ ихъ, отвѣчать надобно было холодно. Ни насилія, ни угрозъ не надобно было употреблять противъ него. Нужно было, безъ насилія и угрозъ, возбудить въ этомъ слабомъ человѣкѣ безпокойство относительно его личной безопасности. У него скоро явилось бы желаніе бѣжать. Тогда надоб-

(a) Clarke's «*Life of James*», II. 261. Orig. Mem.

но было бы облегчить ему всѣ средства къ побѣгу и позаботиться, чтобы онъ не былъ опять остановленъ какимъ-нибудь услужливымъ болваномъ.

Таковъ былъ планъ Вильгельма. Ловкость и твердость, съ которыми принцъ привелъ его въ исполненіе, представляютъ рѣзкій контрастъ безтолковости и трусости, съ которыми онъ имѣлъ дѣло. Онъ скоро дождался превосходнаго случая начать свою систему устрашенія. Фивершамъ пріѣхалъ въ Виндзоръ съ письмомъ Іакова. Выборъ посла не отличался благоразуміемъ. Фивершамъ распустилъ королевскую армію. Онъ былъ главнымъ виновникомъ смятенія и ужаса Ирландской ночи. Публика громко порицала его поступокъ. Самъ Вильгельмъ пробормоталъ нѣсколько угрозъ; а нѣсколько угрозъ изъ устъ Вильгельма значили кое-что. У Фивершама потребовали охранную грамоту. У него ея не было. Явившись безъ охранной грамоты въ непріятельскій лагерь, онъ, по военнымъ законамъ, подвергался строжайшему наказанію. Вильгельмъ отказался принять его и приказалъ посадить его подъ арестъ. (¹) Зулестейнъ тотчасъ же поскакалъ увѣдомить Іакова, что принцъ отказывается отъ предложенной конференціи и желаетъ, чтобы его величество оставался въ Рочестерѣ. Арестованіе Фивершама.

Но Іаковъ былъ уже въ Лондонѣ. Сначала онъ колебался ѣхать туда и чуть было не рѣшился сдѣлать новую попытку бѣжать на материкъ; однако настоянія болѣе благоразумныхъ друзей убѣдили его отправиться въ Вайтголль. Онъ прибылъ туда пополудни въ воскресенье, 16 декабря. Онъ опасался, чтобы простой народъ, который, во время его отсутствія, такъ ясно заявилъ свое отвращеніе къ римско-католической вѣрѣ, не причинилъ ему какого-нибудь оскорбленія. Но за недавнею грозою уже наступило ведро. Буря истощилась сама собою. Неистовство смѣнилось кротостью и жалостью. Народъ нигдѣ не обнаружилъ расположенія оскорблять короля. Когда карета Іакова проѣзжала черезъ Сити, тамъ раздалось нѣсколько радостныхъ восклицаній. Кромѣ того, въ честь его возвращенія гу- Прибытіе Іакова въ Лондонъ.

(¹) Clarendon's «*Diary*», Dec. 16. 1688; Burnet, I. 800.

дѣло нѣсколько колоколовъ и горѣло нѣсколько потѣшныхъ огней. (¹) Малодушный человѣкъ, до тѣхъ поръ коснѣвшій въ уныніи, онъ безумно возгордился этими неожиданными знаками народнаго благорасположенія и состраданія и весело вступилъ въ свое жилище. Оно быстро приняло прежній видъ. Римско-католическіе священники, которые, въ теченіе предшествовавшей недѣли, охотно прятались отъ ярости толпы въ подвалахъ и на чердакахъ, теперь вышли изъ своихъ убѣжищъ и потребовали для себя прежняго помѣщенія во дворцѣ. Молитву за королевскимъ столомъ читалъ іезуитъ. Грубый ирландскій выговоръ, изо всѣхъ звуковъ бывшій тогда самымъ ненавистнымъ для англійскихъ ушей, раздавался повсюду на дворахъ и въ галлереяхъ Вайтголля. Король исполнился всей своей прежней надменности. Онъ созвалъ совѣтъ, послѣдній свой совѣтъ, и, даже въ эту критическую пору, пригласилъ туда людей, не имѣвшихъ права засѣдать тамъ. Онъ выразилъ сильное неудовольствіе противъ тѣхъ лордовъ, которые, въ его отсутствіе, осмѣлились взять на себя управленіе государствомъ. По его понятіямъ, они должны были скорѣе допустить распаденіе общества, разрушеніе посольскихъ домовъ и пожаръ Лондона, нежели принять на себя обязанности, которыя онъ заблагоразсудилъ сложить съ себя. Въ числѣ тѣхъ, кого онъ такимъ образомъ порицалъ, находилось нѣсколько нобльменовъ и прелатовъ, которые, не смотря на всѣ его ошибки, были по-

---

(¹) Clarke's «*Life of James*», II. 262. Orig. Mem.; Burnet, I. 799. Авторъ «*History of the Desertion*» (1689) утверждаетъ, что радостныя восклицанія въ этомъ случаѣ были просто дѣломъ нѣсколькихъ уличныхъ мальчишекъ, между тѣмъ какъ масса народа хранила молчаніе. Ольдмиксонъ, присутствовавшій въ толпѣ, говоритъ то же самое. Даже Ральфъ, предубѣжденія котораго рѣзко отличались отъ предубѣжденій Ольдмиксона, разсказываетъ, что свѣдѣнія, полученныя имъ отъ одного почтеннаго очевидца, имѣли тотъ же смыслъ. Дѣло, кажется, въ томъ, что изъявленія радости сами по себѣ были ничтожны, но казались чрезвычайными потому, что всѣ ожидали сильнаго взрыва народнаго негодованія. Барильонъ упоминаетъ о радостныхъ восклицаніяхъ и нѣсколькихъ потѣшныхъ огняхъ, но прибавляетъ: «Le peuple dans le fond est pour le Prince d'Orange.» $^{17}/_{27}$ дек. 1688.

стоянно вѣрны ему, и которыхъ, даже послѣ этого оскорбленія, ни надежда, ни страхъ, никогда не могли заставить дать присягу на вѣрность подданства другому государю. ([a])

Но бодрость его скоро исчезла. Не успѣлъ онъ вступить во дворецъ, какъ ему доложили о прибытіи Зулестейна, который передалъ ему холодный и суровый отвѣтъ Вильгельма. Король все-таки настаивалъ на личномъ свиданіи съ племянникомъ. «Я не уѣхалъ бы изъ Рочестера, сказалъ онъ, еслибы зналъ, что отъѣздъ мой не согласовался съ его желаніемъ. Но такъ какъ я уже здѣсь, то надѣюсь, что онъ пріѣдетъ въ Сентъ-Джемскій дворецъ.» — «Я долженъ прямо сказать вашему величеству, отвѣтилъ Зулестейнъ, что его высочество до тѣхъ-поръ не пріѣдетъ въ Лондонъ, пока здѣсь будутъ войска, находящіяся не подъ его начальствомъ.» Король, смущенный этимъ отвѣтомъ, замолчалъ. Зулестейнъ удалился. Вскорѣ послѣ того въ королевскую спальню вошелъ одинъ изъ придворныхъ съ извѣстіемъ, что Фивершамъ арестованъ. ([b]) Вѣсть эта крайне встревожила Іакова. Но воспоминаніе объ оказанномъ ему благосклонномъ пріемѣ все еще ободряло его. Въ умѣ его возникла странная надежда. Онъ вообразилъ, что Лондонъ, такъ долго бывшій твердынею протестантизма и вигизма, готовъ взяться въ защиту его за оружіе. Онъ послалъ спросить у членовъ городскаго совѣта, обязались ли бы они защищать его противъ принца, еслибы онъ переселился въ Сити. Но городской совѣтъ не забылъ ни отнятія хартіи, ни судебнаго убійства Корниша, и отказался дать требуемое обязательство. Тогда король снова упалъ духомъ. «Откуда, спрашивалъ онъ, ждать защиты? Моя лейбъ-гвардія все равно для меня, что голландскія войска. Что касается до гражданъ, я понимаю теперь, чего стоютъ ихъ ура и потѣшные огни. Мнѣ остается только бѣжать; а между тѣмъ я знаю, что для враговъ моихъ нѣтъ ничего желательнѣе моего бѣгства.» ([c])

([a]) «*London Gazette*», Dec. 16. 1688; Mulgrave's «*Account of the Revolution*»; «*History of the Desertion*»; Burnet, I. 799.; Evelyn's «*Diary*», Dec. 13, 17. 1688.

([b]) Clarke's «*History of James*», II. 262. Orig. Mem.

([c]) Barillon, $^{17}/_{27}$ дек. 1688; Clarke's «*Life of James*», II. 271.

Совѣщаніе въ Виндзорѣ.

Между тѣмъ какъ онъ трепеталъ отъ страха, участь его была предметомъ серьёзнаго совѣщанія въ Виндзорѣ. Дворъ Вильгельма былъ теперь биткомъ набитъ передовыми людьми всѣхъ партій. Большинство предводителей Сѣвернаго возстанія наконецъ присоединилось къ принцу. Многіе изъ лордовъ, которые, во время анархіи предшествовавшей недѣли, дѣйствовали въ качествѣ членовъ временнаго правительства, по возвращеніи короля, немедленно удалились изъ Лондона въ главную квартиру голландской арміи. Однимъ изъ нихъ былъ Галифаксъ. Вильгельмъ встрѣтилъ его съ большимъ удовольствіемъ, но не могъ подавить саркастической улыбки при видѣ остроумнаго и просвѣщеннаго политика, домогавшагося сдѣлаться посредникомъ въ этой великой распрѣ, а между тѣмъ принужденнаго оставить среднюю дорогу и свернуть въ сторону. Въ числѣ прибывшихъ объ эту пору въ Виндзоръ были и люди, которые нѣкогда покупали милости Іакова цѣною безчестныхъ услугъ, а теперь нетерпѣливо желали загладить измѣною своему государю преступленіе измѣны своему отечеству. Таковъ былъ Титусъ, засѣдавшій въ тайномъ совѣтѣ наперекоръ закону и старавшійся устроить между пуританами и іезуитами союзъ противъ конституціи. Таковъ былъ Виллiамзъ, превращенный корыстолюбіемъ изъ демагога въ поборника прерогативы и уже изъявлявшій готовность ко вторичному отступничеству. Этихъ людей принцъ, со справедливымъ презрѣніемъ, заставлялъ дежурить у дверей своихъ покоевъ въ безплодномъ ожиданіи аудіенціи. (a)

Въ понедѣльникъ, 17 декабря, всѣ перы, находившіеся въ Виндзорѣ, были приглашены на торжественное совѣщаніе въ замокъ. Предметомъ, предложеннымъ для обсужденія, былъ вопросъ: что́ дѣлать съ королемъ? Вильгельмъ призналъ неудобнымъ лично присутствовать во время преній. Онъ удалился, а Галифаксъ занялъ кресло предсѣдателя. Лорды единодушно согласились, что короля нельзя было оставить въ Лондонѣ. До-

(a) Mulgrave's «*Account of the Revolution*»; Clarendon's «*Diary*», Dec. 16. 1688.

пустить, чтобы одинъ государь укрѣпился въ Вайтголлѣ, а другой въ Сентъ-Джемсѣ, чтобы на пространствѣ какой-нибудь сотни акровъ находилось два враждебныхъ гарнизона, было бы, по общему признанію, непрактично. Такая сдѣлка почти неминуемо породила бы подозрѣнія, обиды и ссоры, которыя могли бы кончиться кровопролитіемъ. Поэтому собранные лорды признали за лучшее выслать Іакова изъ Лондона. Гамъ, на берегу Темзы, построенный и украшенный Лодердалемъ на деньги, награбленныя въ Шотландіи и полученныя въ подарокъ отъ Франціи, и считавшійся самою роскошною изъ дачъ, былъ признанъ наиболѣе удобнымъ мѣстомъ для короля. Пришедши къ этому заключенію, лорды попросили принца явиться къ нимъ. Мнѣніе ихъ было сообщено ему Галифаксомъ. Вильгельмъ выслушалъ и одобрилъ. Къ королю написана была краткая депеша. «Кого же, спросилъ Вильгельмъ, пошлемъ мы съ нею?» — «Не отвезетъ ли ее, сказалъ Галифаксъ, кто-нибудь изъ офицеровъ вашего высочества?» — «Нѣтъ, милордъ, отвѣтилъ принцъ: съ вашего позволенія, она посылается по совѣту перовъ, а потому перы должны и отвезти ее.» И не давая времени для возраженій, онъ назначилъ послами Галифакса, Шрусбёри и Деламира. (a)

Резолюція лордовъ казалась единодушною. Но въ собраніи были люди, отнюдь не одобрявшіе рѣшенія, съ которымъ по видимому соглашались, и желавшіе суровыхъ мѣръ, которыхъ открыто предложить не осмѣливались. Замѣчательно, что главою этой партіи былъ рьяный тори Кларендонъ, который впослѣдствіи умеръ рѣшительнымъ якобитомъ. Быстрота, съ какою онъ въ эту критическую пору переходилъ изъ одной крайности въ другую, могла бы показаться невѣроятною людямъ, живущимъ въ спокойныя времена; но она не удивитъ тѣхъ, кто имѣлъ случай наблюдать за ходомъ революцій. Онъ зналъ, что рѣзкость, съ которою онъ, въ присутствіи короля, порицалъ всю систему правленія, причинила смертельное оскорбленіе бывшему его повелителю.

(a) Burnet, I. 800.; Clarendon's «*Diary*», Dec. 17. 1688; Citters, $^{18}/_{28}$ дек. 1688.

Съ другой стороны, какъ дядя принцессъ, онъ могъ надѣяться на почести и богатства при новомъ порядкѣ вещей. Англійская колонія въ Ирландіи смотрѣла на него какъ на друга и покровителя, и онъ понималъ, что отъ довѣрія и привязанности этой колоніи зависѣла значительная доля его значенія. Такимъ-то соображеніямъ уступили теперь мѣсто принципы, которые были предметомъ тщеславія всей его жизни. Онъ явился въ кабинетъ принца и заговорилъ о невозможности оставлять короля на свободѣ. Ирландскіе протестанты были въ крайней опасности. Для обезпеченія ихъ достоянія и жизни оставалось одно средство: держать его величество въ строгомъ заключеніи. Заточить его въ какой-нибудь англійскій замокъ было бы неблагоразумно. Гораздо лучше было отправить его за море и заключить въ крѣпость Бреду до окончательнаго устройства британскихъ дѣлъ. Еслибы у принца былъ такой заложникъ, Тирконнель, по всей вѣроятности, оставилъ бы бразды правленія и санъ намѣстника, и англійское преобладаніе возстановилось бы въ Ирландіи безъ всякой помѣхи. Напротивъ, еслибъ Іаковъ убѣжалъ во Францію и потомъ, въ сопровожденіи иностранной арміи, явился въ Дублинѣ, послѣдствія были бы гибельны. Вильгельмъ призналъ основательность этихъ доводовъ, но ничего не могъ сдѣлать. Онъ зналъ свою жену и зналъ, что она ни за что не согласилась бы на такую мѣру. Собственная честь не дозволяла ему такъ безпощадно поступить съ побѣжденнымъ родственникомъ. Кромѣ того, ничто не доказывало, чтобы великодушіе не согласовалось съ мудрою политикою. Кто могъ сказать, какое дѣйствіе произвела бы на умы англичанъ такая строгость, какую предлагалъ Кларендонъ? Не могло ли бы случиться, что вѣрноподданическій энтузіазмъ, подавленный дурнымъ управленіемъ короля, ожилъ бы снова, какъ только публика узнала бы, что король находится въ иностранной крѣпости? По этимъ причинамъ Вильгельмъ рѣшился не стѣснять личной свободы своего тестя, и, разумѣется, рѣшеніе это было благоразумно. (*)

Іаковъ между тѣмъ оставался въ Вайтголлѣ и, словно окол-

(*) Burnet, I. 800.; «*Conduct of the Duchess of Marlborough*»; Mulgrave's «*Account of the Revolution.*» Кларендонъ въ надлежа-

дованный великостью опасности, не находилъ въ себѣ силъ ни на борьбу, ни на бѣгство. Вечеромъ пришло извѣстіе, что голландцы заняли Чельси и Кенсингтонъ. Король, однако, собирался лечь спать обыкновеннымъ порядкомъ. На караулѣ во дворцѣ стояли кольдстримцы. Они находились подъ начальствомъ престарѣлаго графа Виллiама Кревна, который, болѣе чѣмъ за пятьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ, стяжалъ себѣ громкое имя на войнѣ и въ любви: онъ такъ храбро шелъ впереди охотниковъ при штурмѣ Крейцнаха, что самъ великій Густавъ потрепалъ его по плечу, и онъ же, говорила молва, завоевалъ у тысячи соперниковъ сердце несчастной богемской королевы. Кревнъ былъ теперь почти восьмидесятилѣтнимъ старикомъ; но годы не укротили его духа. (a)

Голландскія войска занимаютъ Вайтголль.

Было уже десять часовъ, когда онъ узналъ, что три батальона принцевой пѣхоты, вмѣстѣ съ нѣсколькими отрядами кавалеріи, вступили въ длинную аллею Сентъ-Джемскаго парка и шли впередъ съ зажженными факелами, въ полной готовности къ бою. Графъ Сольмсъ, командовавшій иноземцами, сказалъ, что ему приказано занять всѣ посты кругомъ Вайтголля, и предложилъ Кревну мирно удалиться. Кревнъ поклялся, что скорѣе позволитъ изрубить себя въ куски; но раздѣвавшійся въ это время король, узнавъ о происходившемъ, запретилъ храброму ветерану безполезно сопротивляться. Въ одиннадцать часовъ кольдстримцы удалились, и голландскіе часовые стали ходить дозоромъ кругомъ дворца. Нѣкоторые изъ придворныхъ спросили короля, рѣшится ли онъ почивать, окруженный врагами. Онъ отвѣчалъ, что враги едва ли могутъ поступить съ нимъ хуже, чѣмъ поступили подданные, и съ апатіей человѣка, ошеломленнаго несчастіями, легъ въ постель и заснулъ. (b)

щемъ мѣстѣ не говоритъ ничего объ этомъ разговорѣ; но см. его «*Diary*», August 19. 1689.

(a) Harte's «*Life of Gustavus Adolphus.*»

(b) Clarke's «*Life of James*», II. 264., преимущественно Orig. Mem.; Mulgrave's «*Account of the Revolution*»; Karin de Thoyras. Надобно замѣтить, что Ранкенъ самъ былъ дѣйствующимъ лицомъ въ этихъ событіяхъ.

Депеша отъ принца врученa Іакову.

Не успѣлъ дворецъ угомониться, какъ въ немъ снова поднялась тревога. Вскорѣ по полуночи прибыли три лорда изъ Виндзора. Миддльтонъ принужденъ былъ встать съ постели и принять ихъ. Они увѣдомили его, что пріѣхали съ нетерпѣвшимъ отлагательства порученіемъ. Король, только-что задремавшій, былъ разбуженъ, и послы были введены въ его опочивальню. Они вручили ему привезенное письмо и объявили, что принцъ будетъ въ Вестминстерѣ черезъ нѣсколько часовъ, и что его величество хорошо сдѣлаетъ, если отправится въ Гамъ до десяти часовъ утра. Іаковъ пытался было возражать. Онъ не любилъ Гама. Тамъ было пріятно лѣтомъ, но холодно и неудобно зимою, и кромѣ того дача эта была не омеблирована. Галифаксъ отвѣтилъ, что мебель будетъ тотчасъ же послана туда. Послы удалились; но почти вслѣдъ за ними вышелъ и Миддльтонъ, который сказалъ имъ, что король охотнѣе отправился бы въ Рочестеръ, нежели въ Гамъ. Они отвѣчали, что у нихъ не было полномочія согласиться на желаніе его величества, но обѣщали тотчасъ же отправить нарочнаго къ принцу, располагавшему ночевать въ Сайонъ-Гаусѣ. (23) Курьеръ немедленно поскакалъ и еще до разсвѣта вернулся съ согласіемъ Вильгельма. Согласіе это было дано очень охотно: не подлежало сомнѣнію, что Рочестеръ былъ выбранъ потому, что представлялъ удобства къ бѣгству; а бѣгство Іакова было главнымъ желаніемъ его племянника. (a)

Іаковъ отправляется въ Рочестеръ.

Утромъ 18 декабря, въ дождливую и бурную погоду, королевская яхта, окруженная десяткомъ лодокъ, наполненныхъ голландскими солдатами, чуть свѣтъ была уже у Вайтголля. Нѣсколько нобльменовъ и джентльменовъ провожали короля на палубу. Говорятъ, и мы въ этомъ не сомнѣваемся, что при разлукѣ съ нимъ было пролито много слезъ. Самые горячіе друзья свободы почти не могли безъ жалости смотрѣть на печальный и безславный ко-

---

(23) *Sion-House* — резиденція герцоговъ Нортумберландовъ въ Мидльсексѣ, на лѣвомъ берегу Темзы.

(a) Clarke's «*Life of James*», II. 265. Orig. Mem.; Mulgrave's «*Account of the Revolution*»; Burnet, I. 801.; Citters, $^{18}/_{28}$ дек. 1688.

нецъ династіи, которая могла бы быть такою великою. Шрусвери всячески старался утѣшить павшаго государя. Даже желчный и буйный Деламиръ смягчился. Но присутствовавшіе замѣтили, что Галифаксъ, обыкновенно отличавшійся нѣжностью къ побѣжденнымъ, въ этомъ случаѣ былъ менѣе сострадателенъ, нежели его товарищи. Мысль о посольствѣ въ Гонгерфордъ, безъ сомнѣнія, все еще ожесточала его сердце. (a)

Между тѣмъ какъ яхта короля медленно уплывала по бурнымъ волнамъ рѣки, войска принца, бригада за бригадою, непрерывно вступали въ Лондонъ съ запада. Принцъ благоразумно рѣшилъ, чтобы гарнизонъ столицы состоялъ преимущественно изъ британскихъ солдатъ, находившихся на службѣ у генеральныхъ штатовъ. Три англійскіе полка были поставлены внутри и около Тоуэра, а три шотландскіе полка въ Соутваркѣ. (b)

Прибытіе Вильгельма въ Сентъ-Джемсъ.

Не смотря на погоду, между Альбемарль-Гаусомъ и Сентъ-Джемскимъ дворцемъ собралась огромная толпа встрѣчать принца. Всѣ шляпы, всѣ трости были украшены оранжевыми лентами. По всему Лондону раздавался колокольный звонъ. Въ окнахъ были разставлены свѣчи для иллюминаціи. На улицахъ были навалены кучи хворосту для потѣшныхъ огней. Но Вильгельмъ, не жаловавшій торжественныхъ встрѣчъ, проѣхалъ черезъ паркъ и передъ наступленіемъ ночи прибылъ въ Сентъ-Джемсъ въ легкой коляскѣ, сопровождаемый Шомбергомъ. Въ короткое время всѣ комнаты и лѣстницы во дворцѣ наполнились лицами, желавшими засвидѣтельствовать почтеніе. Давка была такова, что знатнѣйшіе сановники не могли протолкаться въ пріемную залу. (c) Между тѣмъ какъ Вестминстеръ былъ въ такомъ лихорадочномъ состояніи, городской совѣтъ готовилъ въ Гильдголлѣ благодарственный и поздравительный адресъ. Лордъ-меръ не былъ въ состояніи предсѣдательствовать. Онъ не вставалъ съ постели

(a) Citters, $^{18}/_{28}$ дек. 1688; Evelyn's «*Diary*», того же числа; Clarke's «*Life of James*», II. 266, 267. Orig. Mem.

(b) Citters, $^{19}/_{29}$ дек. 1688.

(c) Luttrell's «*Diary*»; Evelyn's «*Diary*»; Clarendon's «*Diary*», Dec. 18. 1688; «*Revolution Politics.*»

съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ канцлеръ былъ приведенъ къ нему въ одеждѣ угольщика. Но ольдермены и другіе члены корпораціи были на лицо. На слѣдующій день сановники Сити отправились торжественно засвидѣтельствовать почтеніе своему освободителю. Признательность ихъ была краснорѣчиво выражена городскимъ судьею, сэромъ Джорджемъ Треби. Нѣкоторые изъ принцевъ Нассаускаго дома, сказалъ онъ, были правителями великой республики. Другіе носили императорскую корону. Но особенное право этой знаменитой фамиліи на общественное уваженіе заключалось въ томъ, что Богъ предназначилъ ей благородную обязанность изъ рода въ родъ защищать истину и свободу отъ тирановъ. Въ тотъ же день представились принцу всѣ находившіеся въ городѣ прелаты, за исключеніемъ Санкрофта. Потомъ явились главные представители знанія, краснорѣчія и вліянія духовнаго сословія, лондонскіе іереи со своимъ епископомъ во главѣ. Въ числѣ ихъ было нѣсколько именитыхъ диссидентскихъ священнослужителей, съ которыми Комтонъ, къ чести своей, обходился необыкновенно любезно. Нѣсколькими мѣсяцами раньше, или нѣсколькими мѣсяцами позже, такая любезность была бы сочтена многими церковниками измѣною церкви. Даже и тогда для проницательнаго взора было очевидно, что вынужденное перемиріе между протестантскими сектами не долго переживетъ породившую его опасность. Около ста нонконформистскихъ священниковъ, проживавшихъ въ столицѣ, поднесли отдѣльный адресъ. Они были представлены Девонширомъ и приняты Вильгельмомъ со всѣми знаками уваженія и благосклонности. Адвокаты явились на поклонъ подъ предводительствомъ Мейнарда, который девяноста лѣтъ былъ такъ же бодръ и свѣжъ, какъ и въ то время, когда обвинялъ Страффорда въ Вестминстерской залѣ. «Мистеръ сарджентъ, сказалъ принцъ, вы, должно быть, пережили всѣхъ законниковъ однихъ съ вами лѣтъ.» — «Да, государь, отвѣчалъ старикъ, а не будь вашего высочества, такъ мнѣ пришлось бы пережить и самые законы.» (a)

(a) *Fourth Collection of Papers relating to the present juncture of affairs in England*», 1688; Burnet, I. 802, 803.; Calamy's «*Life and Times of Baxter*», chap. XIV.

Но, не смотря на многочисленные хвалебные адресы, громкія ура и блистательныя иллюминаціи, не смотря на то, что Сентъ-Джемскій дворецъ былъ слишкомъ малъ для толпы царедворцевъ, не смотря на то, что театры каждый вечеръ, отъ партера до райка, пестрѣли оранжевыми лентами, Вильгельмъ понималъ, что трудности его предпріятія только что начинались. Онъ низвергъ одно правительство. Теперь ему предстояла гораздо болѣе трудная задача—воздвигнуть другое. Со времени высадки до прибытія въ Лондонъ, онъ пользовался властью, какая, по признаннымъ во всемъ просвѣщенномъ мірѣ военнымъ законамъ, принадлежитъ начальнику дѣйствующей арміи. Теперь ему необходимо было перемѣнить роль полководца на роль правителя; а это была не легкая задача. Одинъ невѣрный шагъ могъ погубить все дѣло; а между тѣмъ невозможно было сдѣлать ни одного шага безъ того, чтобы не оскорбить предубѣжденій и не возбудить гнѣвныхъ страстей.

Нѣкоторые изъ приверженцевъ принца убѣждали его немедленно овладѣть короною по праву завоеванія и потомъ, въ качествѣ короля, разослать указы за большою печатью о созваніи парламента. Мѣра эта была настойчиво предлагаема нѣкоторыми знаменитыми юристами. Она, по ихъ словамъ, была кратчайшимъ путемъ къ тому, чего иначе можно было достигнуть только путемъ безчисленныхъ затрудненій и споровъ. Она строго согласовалась съ удачнымъ прецедентомъ Генриха VII послѣ битвы при Босвортѣ. Кромѣ того, она успокоила бы сомнѣнія многихъ почтенныхъ лицъ относительно законности перехода изъ подданства одному монарху въ подданство другому. Ни англійскіе законы, ни Англійская церковь не признавали за подданными права низлагать государя. Но ни юристы, ни богословы никогда не отрицали того, что побѣжденная нація могла безъ грѣха подчиниться рѣшенію Бога браней. Такъ, послѣ халдейскаго завоеванія, благочестивѣйшіе изъ іудейскихъ патріотовъ не считали нарушеніемъ долга передъ природнымъ своимъ царемъ вѣрно служить новому повелителю, котораго поставило надъ ними Провидѣніе. Три исповѣдника, чудеснымъ образомъ спасенные въ раскаленной печи, занимали высокія должности въ Вавилонской про-

Приверженцы принца совѣтуютъ ему овладѣть короною по праву завоеванія.

винціи. Даніилъ служилъ сперва ассиріянамъ, поработившимъ Іудею, а потомъ персамъ, поработившимъ Ассирію. Мало того: самъ Іисусъ, потомокъ царя Давида, повелѣвши своимъ соотечественникамъ платить дань кесарю, призналъ, что иноплеменное завоеваніе уничтожаетъ наслѣдственное право и служитъ законнымъ основаніемъ владычества. Поэтому, очень многіе изъ торіевъ, которымъ совѣсть не дозволяла самимъ избрать себѣ короля, вѣроятно, не поколебались бы признать короля, дарованнаго имъ результатомъ войны. (*)

Съ другой стороны, однако, представлялись гораздо болѣе уважительные доводы. Принцъ, безъ грубаго нарушенія даннаго слова, не могъ присвоить себѣ корону какъ вещь, завоеванную мечомъ. Въ декларацiи своей онъ увѣрялъ, что у него не было намѣренія завоевывать Англію; что люди, приписывавшіе ему такое намѣреніе, гнусно клеветали не только на него, но и на патріотическихъ нобльменовъ и джентльменовъ, пригласившихъ его на помощь родной ихъ странѣ; что армія, предводительствуемая имъ, была очевидно недостаточна для такого труднаго предпріятія, и что онъ твердо рѣшился предоставить всѣ общественныя жалобы и всѣ личныя свои притязанія на усмотрѣніе независимаго парламента. Ни справедливость, ни благоразуміе не дозволяли ни за что въ мірѣ нарушить слово, такъ торжественно данное передъ лицомъ всей Европы. Да и неизвѣстно было, успѣлъ ли бы онъ, назвавшись завоевателемъ, успокоить тревоги совѣсти, препятствовавшія строгимъ церковникамъ признать его королемъ. Кѣмъ бы онъ ни назвался, всѣ знали, что въ дѣйствительности онъ не былъ завоевателемъ. Сказать, что это великое королевство, съ могучимъ флотомъ на морѣ, съ сорока-тысячною регулярною арміею и со стотридцати-тысячною милиціею, покорено, безъ осадъ и битвъ, пятнадцатью тысячами иноплеменниковъ, было бы очевидною натяжкою. Такая натяжка, по всей вѣроятности, не успокоила бы ничьей дѣйствительно щекотливой совѣсти, а между тѣмъ не преминула бы уязвить національную

(*) Burnet, I. 803.

гордость, уже и безъ того чувствительную и раздражительную. Англійскіе солдаты были въ такомъ настроеніи, что съ ними нужно было обходиться какъ можно осторожнѣе. Они сознавали, что роль ихъ въ минувшей кампаніи была не блистательна. Военачальники и рядовые одинаково горѣли нетерпѣніемъ доказать, что они уступили слабѣйшей силѣ не по недостатку храбрости. Нѣкоторые голландскіе офицеры, подпивши въ тавернѣ, имѣли неблагоразуміе похвастать, что они обратили королевскую армію въ бѣгство. Это оскорбленіе произвело между англійскими войсками такое броженіе, что, не поспѣши принцъ вмѣшаться, оно, по всей вѣроятности, кончилось бы страшною рѣзнею. (a) Каково же, при такихъ обстоятельствахъ, было бы дѣйствіе прокламаціи, которая возвѣстила бы, что предводитель иноземцевъ считалъ весь островъ законною военною добычею?

Надлежало помнить и то, что, издавши такую прокламацію, принцъ разомъ уничтожилъ бы всѣ права, которыхъ объявлялъ себя поборникомъ. Власть иноземнаго завоевателя не ограничивается обычаями и статутами покореннаго народа, но по самой сущности своей деспотична. Поэтому, Вильгельмъ или былъ не въ правѣ объявить себя королемъ, или былъ въ правѣ объявить Великую Хартію и Прошеніе о Правѣ недѣйствительными, уничтожить судъ присяжныхъ и взимать подати безъ согласія парламента. Правда, онъ могъ бы возстановить древнюю конституцію государства. Но, еслибы онъ возстановилъ ее, онъ возстановилъ бы ее въ силу личнаго своего произвола. Англійская свобода существовала бы впредь на шаткомъ основаніи. Она была бы уже не исконнымъ наслѣдіемъ, а недавнимъ подаркомъ, и великодушный монархъ, который бы ее пожаловалъ, могъ бы, еслибъ захотѣлъ, опять отнять ее.

Поэтому Вильгельмъ честно и благоразумно рѣшился соблюсти обѣщанія, заключавшіяся въ его декларацiи, и предоставить установленіе правительства законодательному собранію. Онъ такъ тщательно избѣгалъ всего похожаго на узурпацію, что, безъ

Онъ созываетъ лордовъ и общинъ парламентовъ Карла II.

(a) «*Gazette de France*», $\frac{26\ \text{янв.}}{5\ \text{февр.}}$ 1689.

содѣйствія парламентской власти, не хотѣлъ даже созвать государственныя сословія и принять на себя управленіе дѣлами во время выборовъ. Въ строгомъ смыслѣ парламентской власти не было въ государствѣ; но можно было въ нѣсколько часовъ составить собраніе, которое пользовалось бы въ глазахъ націи значительною долею уваженія, подобающаго парламенту. Одну палату можно было образовать изъ находившихся тогда въ Лондонѣ многочисленныхъ духовныхъ и свѣтскихъ лордовъ, а другую — изъ бывшихъ членовъ палаты общинъ и должностныхъ лицъ Сити. Планъ былъ удачно придуманъ и тотчасъ же былъ приведенъ въ исполненіе. Перы были приглашены въ Сентъ-Джемскій дворецъ 21 декабря. Около семидесяти человѣкъ собралось. Принцъ просилъ ихъ обсудить положеніе страны и представить ему результатъ совѣщаній. Вскорѣ послѣ того явилось объявленіе, на основаніи котораго всѣ джентльмены, засѣдавшіе въ палатѣ общинъ при Карлѣ II, должны были собраться у его высочества утромъ 26 числа. Ольдермены Лондона были также приглашены; прочіе члены городскаго совѣта получили предложеніе прислать депутацію. (*)

Многіе писатели часто спрашивали укоризненнымъ тономъ, отчего приглашеніе не было распространено на членовъ парламента, распущеннаго въ предшествовавшемъ году? Отвѣтъ очень простъ. Однимъ изъ главныхъ злоупотребленій, на которыя жаловалась нація, былъ способъ составленія этого парламента. Большинство представителей городовъ было прислано избирательными корпораціями, подвергшимися преобразованіямъ, которыя считались въ Англіи незаконными и осуждались въ декларацiи принца. Самъ Іаковъ, передъ своимъ паденіемъ, согласился возстановить старинныя муниципальныя привилегіи. Понятно, что со стороны Вильгельма, взявшагося за оружіе для отмщенія за нарушенныя хартіи корпорацій, было бы крайнею непослѣдовательностью признать избранныя вопреки этимъ хартіямъ лица законными представителями англійскихъ городовъ.

(*) «*History of the Desertion*»; Clarendon's «*Diary*», Dec. 21. 1688; Burnet, I. 803 и Onslow's note.

Въ субботу, 22 числа, лорды собрались въ своей палатѣ. День этотъ былъ посвященъ опредѣленію порядка дѣлопроизводства. Перы назначили клерка и кромѣ того, такъ какъ ни на одного изъ двѣнадцати судей нельзя было положиться, пригласили къ себѣ, въ качествѣ юрисконсультовъ, нѣсколькихъ знаменитыхъ адвокатовъ. Затѣмъ рѣшено было приступить въ понедѣльникъ къ обсужденію состоянія королевства. (a)

Промежутокъ времени между этими двумя засѣданіями былъ полонъ тревогъ и событій. Сильная партія между перами все еще лелѣяла надежду на возможность обезпечить конституцію и религію Англіи безъ низложенія короля. Эта партія вознамѣрилась поднести Іакову торжественный адресъ, съ мольбою согласиться на такія условія, которыя бы устранили неудовольствія и опасенія, возбужденныя прежними его дѣйствіями. Санкрофтъ, который, со времени возвращенія Іакова изъ Кента въ Вайтголль, не принималъ никакого участія въ государственныхъ дѣлахъ, рѣшился по этому случаю выйти изъ своего уединенія и стать во главѣ роялистовъ. Къ королю было послано въ Рочестеръ нѣсколько гонцовъ съ письмами, заключавшими въ себѣ увѣренія, что интересы его будутъ энергически защищаемы, лишь бы только онъ, въ эту послѣднюю минуту, соизволилъ отказаться отъ ненавистныхъ народу замысловъ. Нѣкоторые почтенные католики сами отправились къ нему умолять его, чтобы онъ, ради общей ихъ вѣры, не продолжалъ безполезной борьбы. (b)

Совѣтъ былъ хорошъ, но Іаковъ не могъ принять его. Онъ всегда былъ тупъ и слабъ разсудкомъ; а тутъ еще присоединились бабьи страхи и ребячьи бредни, которые окончательно помѣшали ему разсудить въ чемъ дѣло. Онъ зналъ, что бѣгство его было страшнѣе всего для его друзей и желательнѣе всего для его враговъ. Еслибы пребываніе въ Англіи было сопряжено даже съ серьёзною для него опасностью, все-таки побѣгъ долженъ былъ бы казаться ему безчестнымъ дѣломъ, потому что во-

---

(a) Clarendon's «*Diary*», Dec. 21. 1688; Citters, того же числа.

(b) Clarendon's *Diary*», Dec. 21, 22. 1688; Clarke's «*Life of James*», II. 268, 270. Orig. Mem.

просъ заключался въ томъ, царствовать ли ему и потомству его на прародительскомъ престолѣ, или быть имъ бродягами и нищими. Но въ его душѣ всѣ другія чувства уступили мѣсто презрѣнной боязни лишиться жизни. На убѣдительныя просьбы и неотразимые доводы агентовъ, присланныхъ его друзьями въ Рочестеръ, у него былъ одинъ лишь отвѣтъ: «Моя жизнь въ опасности.» Тщетно увѣряли они, что такое опасеніе неосновательно, что здравый смыслъ, не говоря ужъ о совѣсти, удержитъ принца Оранскаго отъ преступленія и позора цареубійства и отцеубійства, и что многія лица, которыя никогда не согласятся низложить своего государя, пока онъ будетъ оставаться на англійской землѣ, сочтутъ себя освобожденными отъ подданства ему, какъ только онъ удалится изъ Англіи. Страхъ превозмогъ всѣ другія чувства. Іаковъ рѣшился бѣжать; а бѣжать было для него не трудно. Надзоръ за нимъ былъ небреженъ; доступъ къ нему былъ открытъ всѣмъ и каждому; суда, готовыя къ отплытію въ море, были недалеко, и шлюпки могли подойти къ самому саду того дома, гдѣ онъ помѣщался. Будь онъ разсудителенъ, одна заботливость, съ какою враги старались облегчить ему побѣгъ, убѣдила бы его въ необходимости оставаться на мѣстѣ. Въ самомъ дѣлѣ, ловушка была такъ очевидна, что попасть въ нее могла только глупость, ошеломленная ужасомъ.

Бѣгство Іакова изъ Рочестера.

Приготовленія были сдѣланы быстро. Въ субботу вечеромъ, 22 числа, король объявилъ нѣкоторымъ изъ джентльменовъ, присланныхъ къ нему съ извѣстіями и совѣтами изъ Лондона, что онъ опять увидитъ ихъ поутру. Онъ отправился почивать, ночью всталъ и, выйдя съ Бервикомъ украдкою въ заднюю дверь, прошелъ садомъ до берега Медвея. Тамъ ожидалъ ихъ небольшой яликъ. На разсвѣтѣ въ воскресенье бѣглецы были уже на палубѣ рыбачьяго судна, спускавшагося внизъ по теченію Темзы. (*)

Въ тотъ же день по полудни извѣстіе о бѣгствѣ пришло въ Лондонъ. Приверженцы короля остолбенѣли. Виги не могли скрыть своей радости. Пріятная новость поощрила принца принять смѣ-

(*) Clarendon, Dec. 23. 1688; Clarke's «*Life of James*», II. 271, 273, 275. Orig. Mem.

лую и важную мѣру. Ему донесли, что между французскимъ посольствомъ и враждебной ему партіей происходили тайные переговоры. Извѣстно было, что это посольство отлично умѣло подкупать нужныхъ ему людей, и потому не подлежало сомнѣнію, что, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, оно не пожалѣло бы ни интригъ, ни пистолей. Барильону очень хотѣлось остаться подольше въ Лондонѣ, и для этого онъ не пренебрегалъ никакими уловками, чтобы умилостивить побѣдоносную партію. На улицахъ онъ бросалъ деньги народу, гнѣвно посматривавшему на его карету. За столомъ у себя онъ публично пилъ здоровье принца Оранскаго. Но Вильгельмъ не дался въ обманъ. Правда, онъ не принялъ на себя правительственной власти, но онъ былъ полководецъ; а въ качествѣ полководца онъ не былъ обязанъ терпѣть на территоріи, занятой его войсками, присутствіе человѣка, котораго онъ считалъ шпіономъ. Къ вечеру Барильонъ получилъ приказаніе выѣхать изъ Англіи въ 24 часа. Онъ усиленно просилъ короткой отсрочки; но минуты были дороги, приказаніе было повторено въ болѣе рѣшительныхъ выраженіяхъ, и онъ волею-неволею отправился въ Дувръ. Въ довершеніе позора и униженія, онъ принужденъ былъ ѣхать до морскаго берега подъ прикрытіемъ одного изъ своихъ протестантскихъ соотечественниковъ, бѣжавшихъ отъ гоненія на чужбину. Злоба, возбужденная честолюбіемъ и надменностью французскаго короля, была такъ сильна, что даже тѣ англичане, которые вообще были неблагопріятнаго мнѣнія о поступкахъ Вильгельма, громко одобрили его за то, что онъ такъ храбро отплатилъ за наглость, съ какою Людовикъ постоянно относился ко всѣмъ европейскимъ дворамъ. (a)

Въ понедѣльникъ лорды снова собрались. Въ предсѣдатели былъ избранъ Галифаксъ. Примасъ не явился. Роялисты были печальны и угрюмы, виги бодры и веселы. Извѣстно было, что Іаковъ оставилъ послѣ себя письмо. Нѣкоторые изъ его друзей, питая слабую надежду, что въ этомъ письмѣ могли заключаться предложенія, которыя послужили бы основаніемъ для мировой сдѣлки, потребовали, чтобы оно было предъявлено. Требованіе было пу- Прежія и резолюція лордовъ.

(a) Citters, $^{1}/_{11}$ янв. 1689; Witsen MS. См. Wagenaar, книга LX.

щено на голоса и отвергнуто. Годольфинъ, отнюдь, какъ всѣ знали, не питавшій непріязни къ бывшему своему повелителю, произнесъ нѣсколько словъ, которыя рѣшили дѣло. «Я видѣлъ письмо, сказалъ онъ, и къ прискорбію долженъ сказать, что въ немъ нѣтъ ничего утѣшительнаго для васъ, милорды.» Дѣйствительно, оно не заключало въ себѣ ни малѣйшаго сожалѣнія о прежнихъ ошибкахъ, не подавало ни малѣйшей надежды на лучшее будущее и сваливало всю вину на коварство Вильгельма и на слѣпоту націи, обманутой пышными фразами о религіи и собственности. Никто и не заикнулся объ открытіи переговоровъ съ государемъ, который, пройдя самую суровую школу бѣдствій, повидимому сталъ еще упорнѣе въ своихъ заблужденіяхъ. Нѣкоторые изъ торіевъ попытались заговорить о законности рожденія принца Валлійскаго; но виги отнеслись къ этому предмету съ презрѣніемъ. «Я не ожидалъ, милорды, воскликнулъ лордъ Филиппъ Вартонъ, старый республиканецъ, командовавшій однимъ изъ полковъ противъ Карла I при Эджгиллѣ: я не ожидалъ услышать въ настоящее время о ребенкѣ, называвшемся принцемъ Валлійскимъ, и надѣюсь, что мы уже ничего болѣе не услышимъ о немъ.» Послѣ долгихъ преній, рѣшено было представить Вильгельму два адреса. Въ одномъ лорды просили его принять на себя временное управленіе дѣлами; а въ другомъ совѣтовали, чтобы онъ, циркулярами за собственноручною подписью, предложилъ всѣмъ избирательнымъ корпораціямъ прислать представителей въ Вестминстеръ. Въ то же время перы собственною властью отдали приказъ объ изгнаніи изъ Лондона и его окрестностей всѣхъ папистовъ, за исключеніемъ немногихъ привилегированныхъ особъ. (a)

Лорды представили свои адресы принцу на другой же день, не дожидаясь результата совѣщаній созванныхъ имъ коммонеровъ. Кажется, наслѣдственные аристократы боялись въ это время уронить свое достоинство и не хотѣли признать равноправною властью собраніе, не имѣвшее строго законнаго основанія. Они считали

(a) Halifax's «*Notes*»; Lansdowne MS. 255.; Clarendon's «*Diary*», Dec. 24. 1688; «*London Gazette*», Dec. 31.

себя дѣйствительною палатою лордовъ. Другая камера пренебрегалась ими какъ поддѣльная палата общинъ. Вильгельмъ, однако, благоразумно отвѣтилъ имъ, что не приметъ никакого рѣшенія, пока не узнаетъ мнѣніе джентльменовъ, которые нѣкогда были почтены довѣріемъ графствъ и городовъ Англіи. (a)

Созванные коммонеры сошлись въ капеллѣ св. Стефана и образовали многолюдное собраніе. Они выбрали предсѣдателемъ Генри Поуля, бывшаго члена за Сайренсестеръ въ нѣсколькихъ парламентахъ и одного изъ главныхъ сторонниковъ билля объ исключеніи. Преніе и резолюціи созванныхъ принцемъ коммонеровъ.

Адресы, предложенные и принятые коммонерами, были подобны адресамъ лордовъ. Разногласія не оказалось ни по одному серьёзному вопросу; нѣкоторыя же слабыя попытки возбудить пренія о формальностяхъ были подавлены общимъ пренебреженіемъ. Сэръ Робертъ Сойеръ объявилъ, что онъ не понималъ, какимъ образомъ для принца возможно было управлять государствомъ безъ опредѣленнаго титула, въ родѣ титула регента или протектора. Старикъ Мейнардъ, съ которымъ никто не могъ равняться въ дѣлѣ законовѣдѣнія, и который, сверхъ того, былъ опытнымъ политикомъ въ революціонной тактикѣ, не потрудился скрыть своего презрѣнія къ этому ребяческому возраженію, сдѣланному въ такое время, когда единодушіе и быстрота были крайне необходимы. «Мы просидимъ здѣсь очень долго, сказалъ онъ, если будемъ сидѣть до тѣхъ поръ, пока сэръ Робертъ пойметъ, какимъ образомъ это возможно», и собраніе нашло, что заковычка вполнѣ заслуживала такого отвѣта. (b)

Резолюціи собранія были сообщены принцу. Онъ тотчасъ же изъявилъ готовность исполнить совокупную просьбу двухъ созванныхъ имъ камеръ, издать циркуляръ о созваніи конвента го- Созваніе конвента.

(a) Сіттеръ, $\frac{25 \text{ дек. } 1688}{4 \text{ янв. } 1689}$.

(b) Фамилія возразителя обозначена въ книгахъ и памфлетахъ того времени однѣми начальными буквами, которыя иногда толковались неправильно. Ичардъ приписываетъ заковычку сэру Роберту Соутвеллю. Но я не сомнѣваюсь, что Ольдмиксонъ правъ, влагая ее въ уста Сойера.

сударственныхъ сословій и до собранія этого конвента принять на себя управленіе государственными дѣлами. (a)

Усилія принца возстановить порядокъ.

Онъ предпринялъ не легкое дѣло. Весь правительственный механизмъ былъ разстроенъ. Мировые судьи покинули свои должностныя занятія. Агенты государственнаго казначейства перестали собирать подати. Армія, распущенная Фивершамомъ, все еще находилась въ безпорядкѣ и готова была взбунтоваться. Флотъ былъ почти въ такомъ же тревожномъ состояніи. Гражданскимъ и военнымъ чиновникамъ причитались огромныя суммы жалованья; а въ казнѣ оставалось только 40,000 фунтовъ. Принцъ энергически занялся возстановленіемъ порядка. Онъ издалъ прокламацію, которою всѣ члены мировой юстиціи были вновь утверждены въ своихъ должностяхъ, и другую, заключавшую въ себѣ постановленія о взиманіи налоговъ. (b) Преобразованіе арміи быстро подвигалось впередъ. Многіе изъ нобльменовъ и джентльменовъ, отставленныхъ Іаковомъ отъ командованія англійскими полками, были назначены снова. Найдено было средство употребить въ дѣло тысячи ирландскихъ солдатъ, призванныхъ Іаковомъ въ Англію. Ихъ нельзя было безопасно оставить въ странѣ, гдѣ они были предметами религіозной и національной вражды. Ихъ нельзя было безопасно отослать въ Ирландію, гдѣ они усилили бы армію Тирконнеля. Поэтому рѣшено было отправить ихъ на материкъ, гдѣ, подъ знаменами Австрійскаго дома, они могли оказать не прямую, но тѣмъ не менѣе дѣйствительную услугу дѣлу англійской конституціи и протестантской религіи. Дартмутъ былъ уволенъ отъ должности, а флотъ успокоенъ увѣреніями, что всѣ моряки скоро получатъ причитавшееся имъ жалованье. Лондонское Сити взялось вывести принца изъ финансовыхъ затрудненій. Городской совѣтъ единодушнымъ рѣшеніемъ обязался найти для него 200,000 фунтовъ. Общій голосъ призналъ разительнымъ доказательствомъ богатства и патріотизма столичныхъ купцовъ, что вся эта сумма была собрана въ два дня и дана взаимы

(a) «*History of the Desertion*»; «*Life of William*», 1703; Сіттввв, 28 дек. 1688. / 7 янв. 1689.

(b) «*London Gazette*», Jan. 3, 7. 168⁸/₉.

емъ безъ всякаго обезпеченія, кромѣ честнаго слова принца. За нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, Іаковъ не могъ добыть гораздо меньшей суммы, хотя предлагалъ платить высокіе проценты и представлялъ въ залогъ драгоцѣнное имущество. (*)

Его вѣротерпимость.

Спустя нѣсколько дней, смятеніе, причиненное нашествіемъ, возстаніемъ, бѣгствомъ Іакова и разстройствомъ всякой правильной администраціи, прекратилось, и королевство снова приняло обычный видъ. Повсюду воцарилось чувство безопасности. Даже тѣ классы, которые наиболѣе возбуждали противъ себя народную ненависть и которые имѣли наиболѣе причинъ опасаться преслѣдованія, были защищены благоразумною кротостью побѣдителя. Лица, сильно замѣшанныя въ беззаконныхъ дѣйствіяхъ прошлаго царствованія, не только безопасно расхаживали по улицамъ, но и являлись кандидатами въ члены конвента. Мюльгревъ былъ довольно благосклонно принятъ въ Сентъ-Джемсѣ. Фивершамъ былъ выпущенъ изъ-подъ ареста и снова занялъ единственную должность, къ которой былъ способенъ,—должность банкомета за карточнымъ столомъ у вдовствующей королевы. Но никто не имѣлъ столько причинъ благодарить Вильгельма, какъ католики. Формально отмѣнить строгія постановленія, изданныя перами противъ исповѣдниковъ ненавистной для народа религіи, было бы небезопасно; но, благодаря мудрости и гуманности принца, постановленія эти были практически уничтожены. На пути изъ Торбея въ Лондонъ онъ отдалъ приказанія, чтобы никто не смѣлъ оскорблять папистовъ. Теперь онъ возобновилъ эти приказанія и поручилъ Борнету наблюдать за точнымъ ихъ исполненіемъ. Лучшаго выбора нельзя было сдѣлать: Борнетъ былъ такъ благороденъ и добродушенъ, что всегда принималъ горячее участіе въ каждомъ несчастномъ; но въ то же время извѣстная его ненависть къ папизму служила достаточнымъ ручательствомъ для самыхъ рьяныхъ протестантовъ, что интересы ихъ религіи не

(*) «*London Gazette*», Jan. 10, 17. 168$^{8}/_{9}$; Luttrell's «*Diary*»; Leoge «*Papers*»; Citters, $^{1}/_{11}$, $^{5}/_{14}$ и $^{11}/_{21}$ янв. 1689; Ronquillo, $^{18}/_{28}$ янв. и $\frac{23\ \text{фев.}}{5\ \text{мар.}}$; протоколъ испанскаго государственнаго совѣта, $\frac{26\ \text{марта}}{5\ \text{апрѣля}}$.

подвергались въ его рукахъ ни малѣйшей опасности. Онъ ласково выслушивалъ жалобы католиковъ, доставлялъ паспорты тѣмъ, которые желали отправиться за море, и навѣщалъ заключенныхъ въ Ньюгетѣ прелатовъ. Онъ приказалъ перевести ихъ въ болѣе удобное помѣщеніе и оказывать имъ всякое снисхожденіе. Онъ торжественно объявилъ, что никто ихъ и волоскомъ не тронетъ, и прибавилъ, что они будутъ освобождены, лишь только принцъ получитъ возможность дѣйствовать по-своему. Испанскій посолъ донесъ своему правительству, а черезъ него и папѣ, что никто изъ католиковъ не долженъ былъ тревожиться по поводу недавней революціи въ Англіи, что отвѣтственность за опасность, которой подвергались члены истинной церкви, падала на одного лишь Іакова, и что одинъ лишь Вильгельмъ спасъ ихъ отъ кроваваго преслѣдованія. (a)

Удовольствіе римско-католическихъ державъ.

Поэтому, къ удовольствію, съ какимъ государи Австрійскаго дома и римскій первосвященникъ узнали о прекращеніи продолжительнаго вассальства Англіи, не примѣшалось почти ни малѣйшей горечи. Когда въ Мадритѣ получено было извѣстіе, что предпріятіе Вильгельма готовилось увѣнчаться полнымъ успѣхомъ, въ испанскомъ государственномъ совѣтѣ нашелся всего одинъ голосъ, который слабо выразилъ сожалѣніе о томъ, что событіе, весьма благопріятное съ политической точки зрѣнія, должно было повредить интересамъ истинной церкви. (b) Но вѣротерпимость принца скоро

(a) Burnet, I. 802.; Ronquillo, $^{2}/_{12}$ янв. и $^{8}/_{18}$ фев. 1689. Подлинники этихъ депешъ были довѣрены мнѣ благосклонностью покойной леди Голландъ и нынѣшняго лорда Голланда. Привожу нѣсколько словъ изъ послѣдней депеши: «La tema de S. M. Britanica á seguir imprudentes consejos perdió á los Catolicos aquella quietud en que les dexó Carlos segundo. V. E. asegure á su Santidad que mas sacaré del Principe para los Catolicos que pudiera sacar del Rey.»

(b) $^{13}/_{23}$ декабря 1688 адмиралъ Кастильскій выразилъ свое мнѣніе такъ: «Esta materia es de calidad que no puede dexar de padecer nuestra sagrada religion ó el servicio de V. M.; porque si el Principe de Orange tiene buenos succesos, nos aseguraremos de Franceses, pero peligrará la religion». Совѣтъ былъ очень доволенъ, когда $^{16}/_{26}$ февраля получилъ отъ принца письмо, въ которомъ Вильгельмъ обѣщалъ, «que

разсѣяла всѣ сомнѣнія, и суевѣрные кастильскіе гранды стали смотрѣть на его возвышеніе почти не менѣе радостно, чѣмъ англійскіе виги.

Состояніе умовъ во Франціи.

Совершенно иначе принята была вѣсть объ этой великой революціи во Франціи. Политика долгаго, благополучнаго и славнаго царствованія рухнула въ одинъ день. Англія снова сдѣлалась Англіею Елисаветы и Кромвелля, и всѣ отношенія между христіанскими государствами совершенно измѣнились отъ внезапнаго вступленія въ ихъ систему новой державы. Парижане только и говорили, что о событіяхъ въ Лондонѣ. Національное и религіозное чувства одинаково побуждали ихъ принять сторону Іакова. Они не имѣли понятія объ англійской конституціи. Они гнушались Англійскою церковью. Наша революція представлялась имъ не торжествомъ общественной свободы надъ деспотизмомъ, а страшною семейною трагедіею, въ которой почтенный и благочестивый Сервій низвергнутъ съ престола Тарквиніемъ и раздавленъ колесницею Тулліи. Они ругали вѣроломныхъ полководцевъ, проклинали безчеловѣчныхъ дочерей и смотрѣли на Вильгельма съ глубокою ненавистью, которая, впрочемъ, умѣрялась уваженіемъ, почти всегда внушаемымъ доблестью, способностью и успѣхомъ. (a) Королева, подвергавшаяся всѣмъ непріятностямъ ночнаго вѣтра и дождя, съ прижатымъ къ груди малолѣтнимъ наслѣдникомъ трехъ коронъ, и король, остановленный, ограбленный и обиженный злодѣями, были предметами сожалѣнія и романическаго интереса для всей Франціи. Но съ особеннымъ душевнымъ волненіемъ узналъ о бѣдствіяхъ дома Стюартовъ Людовикъ. Всѣ эгоистическія и великодушныя стороны его натуры были одинаково затронуты. Послѣ многихъ лѣтъ благополучія, его наконецъ постигла страшная неудача. Онъ разсчитывалъ на

---

los Catolicos que se portaren con prudencia no sean molestados, y gocen libertad de conciencia, por ser contra su dictamen el forzar ni castigar por esta razon á nadie.»

(a) У Лабрюера, въ главѣ подъ названіемъ «*Sur les Jugements*», есть мѣсто, которое стоитъ прочесть, какъ примѣръ того, въ какомъ свѣтѣ представлялась наша революція замѣчательно-умному французу.

поддержку или нейтралитетъ Англіи. Теперь же ему нельзя было ожидать отъ нея ничего, кромѣ энергической и упорной вражды. Нѣсколькими недѣлями раньше, онъ могъ надѣяться поработить Фландрію и предписать законы Германіи. Теперь же онъ долженъ былъ помышлять о защитѣ собственныхъ границъ отъ союза, какого Европа уже нѣсколько вѣковъ не видала. Изъ этого положенія, столь новаго, столь затруднительнаго, столь тревожнаго, могла вывести его только контръ-революція или междоусобная война на Британскихъ островахъ. Поэтому и честолюбіе, и страхъ побудили его принять сторону павшей династіи. Справедливость, впрочемъ, требуетъ замѣтить, что и другія побужденія, благороднѣе честолюбія и страха, не мало вліяли на образъ его дѣйствій. Сердце у него отъ природы было сострадательное, и настоящій случай не могъ не вызвать всей его сострадательности. Положеніе, которое онъ занималъ, помѣшало его добрымъ чувствамъ развиться вполнѣ. При огромномъ неравенствѣ сторонъ сочувствіе рѣдко отличается силою; онъ же былъ такъ превознесенъ надъ массою своихъ ближнихъ, что ихъ несчастія возбуждали въ немъ лишь слабое сожалѣніе, съ какимъ мы смотримъ на страданія животныхъ, на голодную краснозобку или на загнанную почтовую лошадь. Поэтому опустошеніе Пфальца и преслѣдованіе гугенотовъ не могли причинить ему такого безпокойства, которое бы не заглушалось гордостью и изувѣрствомъ. Зато вся нѣжность, къ какой только былъ онъ способенъ, была вызвана бѣдствіемъ державнаго короля, которому, за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, прислуживали на колѣняхъ лорды, и который теперь былъ безпомощнымъ изгнанникомъ. Къ этой нѣжности примѣшивалось въ душѣ Людовика благородное тщеславіе. Онъ хотѣлъ показать міру образецъ щедрости и учтивости. Онъ хотѣлъ показать человѣчеству, какъ долженъ былъ вести себя совершенный джентльменъ высочайшаго званія въ дѣлѣ величайшей важности; и дѣйствительно, его поведеніе было исполнено такого рыцарскаго великодушія и такой рыцарской вѣжливости, какія не украшали лѣтописей Европы съ тѣхъ поръ, какъ Черный Принцъ прислуживалъ королю Іоанну за ужиномъ на полѣ битвы при Пуатье.

Digitized by Google

Какъ только въ Версалѣ получено было извѣстіе, что англійская королева находилась на французскомъ берегу, для пріема ея тотчасъ же былъ приготовленъ особый дворецъ. Немедленно отправленные къ ней экипажи и отряды гвардейцевъ были предоставлены въ полное ея распоряженіе. Дорога изъ Кале была исправлена для того, чтобы путешествіе ея величества совершилось возможно покойнѣе. Лозёнъ не только получилъ увѣреніе, что всѣ его прежніе проступки забыты, но даже удостоился дружескаго собственноручнаго письма отъ Людовика. Марія была на пути ко французскому двору, когда пришло извѣстіе, что супругъ ея, послѣ труднаго переѣзда, благополучно вышелъ на берегъ у деревушки Амбльтёзъ. Людовикъ тотчасъ же послалъ къ нему изъ Версаля нѣсколькихъ вельможъ; а самъ, въ сопровожденіи своего семейства и двора, торжественно отправился на встрѣчу изгнанной королевѣ. Впереди его пышной кареты шли швейцарскіе алебардщики. По обѣимъ ея сторонамъ и позади ѣхала лейбъ-гвардія, оглашавшая воздухъ бряцаніемъ тарелокъ и звуками трубъ. За королемъ, въ сотнѣ экипажей цугомъ, слѣдовала самая блестящая аристократія Европы, украшенная перьями, лентами, драгоцѣнными камнями и золотымъ шитьемъ. Не успѣла процессія отойти на нѣкоторое разстояніе, какъ дано было знать, что Марія приближалась. Людовикъ вышелъ изъ кареты и пошелъ пѣшкомъ на встрѣчу королевѣ. Она принялась горячо благодарить его. «Madame, сказалъ ея хозяинъ, печальна услуга, которую я оказываю вамъ теперь. Надѣюсь, что впослѣдствіи мнѣ удастся оказать вамъ болѣе важныя и пріятныя услуги.» Онъ поцаловалъ маленькаго принца Валлійскаго и посадилъ королеву въ парадную свою карету по правую руку. Затѣмъ поѣздъ направился въ Сенъ-Жерменъ.

Пріемъ англійской королевы во Франціи.

Въ Сенъ-Жерменѣ, на опушкѣ лѣса, кишѣвшаго дичью, и на вершинѣ холма, возвышающагося надъ излучинами Сены, Францискъ I построилъ замокъ, а Генрихъ IV соорудилъ прекрасную террасу. Изъ резиденцій французскихъ королей ни одна не могла похвалиться такимъ здоровымъ воздухомъ или такимъ красивымъ мѣстоположеніемъ. Огромная величина и почтенный возрастъ тамошнихъ деревьевъ, красота тамошнихъ садовъ, обиліе

тамошнихъ источниковъ пользовались громкою славою. Людовикъ XIV родился тамъ, въ молодости имѣлъ тамъ свое пребываніе, прибавилъ нѣсколько великолѣпныхъ павильоновъ къ замку Франциска и докончилъ террасу Генриха. Но вскорѣ онъ почувствовалъ необъяснимое отвращеніе къ мѣсту своего рожденія. Онъ промѣнялъ Сенъ-Жерменъ на Версаль и истратилъ почти баснословныя суммы, тщетно пытаясь создать рай на крайне безплодномъ и нездоровомъ мѣстѣ, посреди песковъ и болотъ, гдѣ не было ни лѣсу, ни воды, ни дичи. Сенъ-Жерменъ былъ избранъ теперь мѣстомъ пребыванія англійской королевской фамиліи и быстро украсился роскошнымъ убранствомъ. Дѣтская принца Валлійскаго была тщательно снабжена всѣми предметами, какіе только могли потребоваться для ребенка. Одинъ изъ придворныхъ поднесъ королевѣ ключъ отъ пышной шкатулки, стоявшей въ ея кабинетѣ. Открывши шкатулку, Марія нашла въ ней 6,000 пистолей (около 30,000 рублей).

Прибытіе Іакова въ Сенъ-Жерменъ

На слѣдующій день прибылъ въ Сенъ-Жерменъ Іаковъ. Людовикъ уже былъ тамъ и ждалъ его. Несчастный изгнанникъ поклонился такъ низко, что казалось, будто онъ готовъ былъ обнять колѣни своего покровителя. Людовикъ поднялъ и обнялъ его съ братскою нѣжностію. Послѣ того оба короля вошли въ комнату королевы. «Вотъ джентльменъ, сказалъ Людовикъ Маріи, котораго вамъ будетъ пріятно увидѣть.» Затѣмъ, попросивши своихъ гостей посѣтить его на другой день въ Версалѣ и доставить ему удовольствіе показать имъ тамошнія зданія, картины и плантаціи, онъ простился съ ними запросто, какъ старый пріятель.

Черезъ нѣсколько часовъ королевская чета получила увѣдомленіе, что до тѣхъ поръ, пока она будетъ оказывать французскому королю честь пользоваться его гостепріимствомъ, казна его будетъ отпускать ей по 45,000 фунтовъ стерлинговъ ежегодно. 10,000 фунтовъ стерлинговъ были присланы на первоначальное обзаведеніе.

Щедрость Людовика была, впрочемъ, далеко не такъ рѣдка и не такъ удивительна, какъ утонченная деликатность, съ какою онъ старался успокоить своихъ гостей и облегчить

почти невыносимое бремя одолженій, которыми онъ осыпалъ ихъ. До сихъ поръ, во всѣхъ вопросахъ мѣстничества, щекотливый, спорливый и заносчивый, не разъ обнаруживавшій готовность скорѣе ввергнуть Европу въ войну, нежели допустить малѣйшее нарушеніе этикета, онъ и теперь былъ требователенъ, но требователенъ въ пользу своихъ несчастныхъ друзей и въ ущербъ самому себѣ. Онъ приказалъ оказывать Маріи всѣ знаки уваженія, какіе оказывались его покойной супругѣ. Возникъ вопросъ, имѣли ли принцы изъ дома Бурбоновъ право сидѣть въ присутствіи королевы. Такіе пустяки при старинномъ французскомъ дворѣ были серьёзными вещами. Прецеденты были и за и противъ; но Людовикъ рѣшилъ дѣло въ ущербъ своимъ родственникамъ. Нѣкоторыя изъ знатныхъ дамъ позволили себѣ отступить отъ обряда цалованія подола Маріи. Людовикъ, замѣтивши это отступленіе, указалъ на него такимъ голосомъ и такимъ взглядомъ, что вся аристократія была потомъ готова цаловать башмакъ королевы. На первомъ представленіи Расиновой «*Эсѳири*» въ Сенъ-Сирѣ Марія занимала почетное мѣсто. Іаковъ сидѣлъ по правую руку отъ нея. Людовикъ скромно помѣщался налѣво. Мало того: ему угодно было, чтобы, въ собственномъ его дворцѣ, изгнанникъ, жившій на счетъ его благостыни, пользовался титуломъ французскаго короля, чтобы онъ, въ качествѣ французскаго короля, соединялъ въ своемъ гербѣ лиліи съ англійскими львами и чтобы онъ, въ качествѣ французскаго короля, носилъ въ дни придворнаго траура фіолетовое платье.

Поведеніе французскихъ аристократовъ въ общественныхъ дѣлахъ безусловно регулировалось ихъ государемъ; но даже и онъ не былъ въ состояніи мѣшать имъ свободно мыслить и выражать свои мысли въ частныхъ кружкахъ, съ тонкимъ и ѣдкимъ остроуміемъ, характеризующимъ ихъ націю и сословіе. Мнѣніе ихъ о Маріи было благопріятно для нея. Они находили ее милою и достойною особою. Они уважали ея твердость и материнскую привязанность и жалѣли о ея горькой судьбинѣ. Но на Іакова смотрѣли они съ крайнимъ презрѣніемъ. Они возмущались его безчувствіемъ, хладнокровіемъ, съ какимъ онъ разсказывалъ всѣмъ и каждому о своемъ паденіи, и ребяческимъ удовольствіемъ, какое находилъ онъ въ блес-

кѣ и пышности Версаля. Они приписывали это удивительное равнодушіе не философіи и не религіозности, а глупости и низости, и замѣчали, что кто имѣлъ честь слышать, какъ его британское величество разсказывалъ свою исторію, тотъ не могъ удивляться, почему онъ былъ въ Сенъ-Жерменѣ, а зять его въ Сентъ-Джемсѣ. (a)

Состояніе умовъ въ Соединенныхъ провинціяхъ.

Въ Соединенныхъ провинціяхъ впечатлѣніе, произведенное извѣстіями изъ Англіи, было еще сильнѣе, чѣмъ во Франціи. Батавская федерація достигла теперь апогея могущества и славы. Со дня отплытія экспедиціи, вся голландская нація находилась въ крайне напряженномъ состояніи. Никогда не бывало такого стеченія народа въ церквахъ. Никогда энтузіазмъ проповѣдниковъ не отличался такою пылкостью. Не было никакихъ средствъ помѣшать населенію Гаги оскорбить Альбевилля. Чернь, днемъ и ночью, такъ плотно осаждала его домъ, что почти никто не рѣшался навѣстить испуганнаго посланника, боявшагося, что капелла его будетъ сожжена до основанія. (b) По мѣрѣ того какъ почта привозила вѣсти объ успѣхахъ принца, бодрость соотечественниковъ Вильгельма росла выше и выше, и наконецъ, когда пришло извѣстіе, что онъ, по приглашенію лордовъ и собранія именитыхъ коммонеровъ, принялъ на себя управленіе дѣлами, общій крикъ гордости и радости вырвался у всѣхъ голландскихъ факцій. Правительство Соединенныхъ провинцій поспѣшило отправить къ нему чрезвычайное посольство съ поздравленіями. Однимъ изъ пословъ былъ Диквельтъ, чья ловкость и близкое знакомство съ англійскою политикою могли пригодиться принцу какъ нельзя болѣе кстати. Вмѣстѣ съ нимъ былъ посланъ Николай Витсенъ, бургомистръ Амстердама, избранный, какъ кажется, съ цѣлью доказать всей Европѣ, что продолжительная распря между Оранскимъ домомъ и главнымъ городомъ Голландіи наконецъ прекратилась. Диквельтъ и Витсенъ явились въ Вестминстерѣ 8 января. Бесѣда съ ними Вильгельма дышала такою откро-

(a) Подробности о пріемѣ Іакова и супруги его во Франціи заимствованы мною преимущественно изъ писемъ г-жи де-Севинье и мемуаровъ Данжо.

(b) Альбевилль къ Престону, $\frac{23 \text{ нояб.}}{3 \text{ дек.}}$ 1688, въ коллекціи Макинтоша.

венностью и сердечностью, какія рѣдко проявлялись въ его разговорахъ съ англичанами. Первымъ словомъ его было: «Ну, что говорятъ теперь наши друзья на родинѣ?» По истинѣ, единственнымъ одобреніемъ, сильно тронувшимъ его стоическую натуру, было одобреніе его дорогой отчизны. О громадной своей популярности въ Англіи онъ отзывался съ холоднымъ пренебреженіемъ и безошибочно предсказалъ наступившую послѣ реакцію. «Здѣсь, замѣтилъ онъ, сегодня всѣ кричатъ «Осанна», а завтра, быть можетъ, закричатъ «Распни его.» (*)

На слѣдующій день были избраны первые члены конвента. Лондонское Сити подало примѣръ и единогласно выбрало четырехъ богатыхъ купцовъ, ревностныхъ виговъ. Король и его приверженцы надѣялись, что многіе отчетные чиновники признаютъ циркуляръ принца недѣйствительнымъ; но эта надежда не сбылась. Выборы шли быстро и мирно. Борьбы почти нигдѣ не было. Нація болѣе года находилась въ постоянномъ ожиданіи парламента. Указы о созваніи его дважды издавались и дважды отмѣнялись. Нѣкоторыя избирательныя корпораціи, въ силу этихъ указовъ, успѣли приступить къ выбору представителей. Почти во всѣхъ графствахъ джентльмены и йомены уже давно намѣтили кандидатовъ изъ числа искреннихъ протестантовъ и рѣшились не щадить никакихъ усилій, чтобы доставить имъ побѣду наперекоръ королю и лордамъ-намѣстникамъ. Эти-то кандидаты избирались теперь повсюду безъ всякаго противодѣйствія.

Избраніе членовъ конвента.

(*) «'Tis hier nu Hosanna: maar 't zal, veeligt, haast Kruist hem, kruist hem, zyn.» Witsen MS. in Wagenaar, book LXI. По странной игрѣ случая, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, Ричардъ Дьюкъ, торійскій поэтъ, нѣкогда пользовавшійся большой извѣстностью, а теперь памятный только по біографическому очерку Джонсона, употребилъ то же самое сравненіе по поводу Іакова:

«Was not of old the Jewish rabble's cry,
Hosannah first, and after crucify?»

«*The Review.*»

«Не такъ ли и жиды кричали искони,
Сперва осанна, а потомъ распни?»

«*Обозрѣніе.*»

Депеша голландскихъ чрезвычайныхъ пословъ, $^{8}/_{18}$ янв. 1689, Citters, того же числа.

Принцъ отдалъ строгій приказъ, чтобы никто изъ должностныхъ лицъ не употреблялъ въ этомъ случаѣ тѣхъ уловокъ, которыя такъ опозорили прежнее правительство. Въ особенности предписалъ онъ, чтобы никто изъ солдатъ не смѣлъ показываться въ тѣхъ городахъ, гдѣ производились выборы. (a) Его поклонники могли похвалиться, а враги его не могли не сознаться, что отношеніе его къ избирательнымъ корпораціямъ было вполнѣ безукоризненно. Правда, что онъ почти ничѣмъ не рисковалъ. Партія, которая стояла за него, была побѣдоносна, восторженна, исполнена жизни и энергіи. Партія, отъ которой одной могъ онъ ожидать серьёзнаго противодѣйствія, была разъединена и смущена, недовольна сама собою и еще болѣе недовольна своимъ естественнымъ главою. Поэтому, огромное большинство шировъ и бурговъ избрало членами конвента виговъ.

Шотландскія дѣла. Не на одну только Англію распространялась теперь правительственная власть Вильгельма. Шотландія возстала противъ своихъ тирановъ. Всѣ регулярныя войска, такъ долго удерживавшія ее подъ игомъ, были отозваны Іаковомъ на помощь противъ голландской арміи, за исключеніемъ очень небольшаго отряда, который, подъ начальствомъ герцога Гордона, вельможнаго католика, стоялъ гарнизономъ въ Эдинбургскомъ замкѣ. Каждая почта, отправлявшаяся на сѣверъ въ теченіе достопамятнаго ноября мѣсяца, привозила извѣстія, возбуждавшія страсти угнетенныхъ шотландцевъ. Когда исходъ военныхъ дѣйствій былъ еще сомнителенъ, въ Эдинбургѣ уже происходили безпорядки, которые сдѣлались еще грознѣе послѣ того, какъ Іаковъ отступилъ изъ Салисбёри. Огромныя толпы народа собирались сначала ночью, а потомъ среди бѣлаго дня. Изображенія папы сожигались публично; громкіе крики требовали независимаго парламента; на улицахъ приклеивались объявленія, назначавшія цѣны за головы коронныхъ министровъ. Изъ числа этихъ министровъ Пертъ, занимавшій высокое мѣсто канцлера, пользовавшійся особенною королевскою милостью, отрекшійся отъ протестантской вѣры и познакомившій своихъ соотечественниковъ съ пыточными тисками,

(a) «*London Gazette*», Jan. 7. 168 $^{8}/_{9}$.

былъ самымъ ненавистнымъ лицомъ. Онъ былъ малодушенъ и подлъ. Единственная храбрость, какою обладалъ онъ, была та злокачественная храбрость, которая не страшится никакого позора и безтрепетно взираетъ на чужія мученія. Его мѣсто въ такое время было во главѣ государственнаго совѣта; но онъ струсилъ и рѣшился укрыться въ своемъ помѣстьѣ отъ опасности, которая, какъ судилъ онъ по взглядамъ и крикамъ свирѣпой и рѣшительной эдинбургской черни, была не за горами. Сильный конвой благополучно проводилъ его до Друммондскаго замка; но лишь только канцлеръ уѣхалъ, какъ городъ взбунтовался. Нѣсколько ротъ пытались-было подавить возстаніе, но народъ ихъ осилилъ. Голирудскій дворецъ, обращенный въ римско-католическую семинарію и типографію, былъ взятъ приступомъ и разграбленъ. Огромныя груды папистскихъ книгъ, чётокъ, распятій и иконъ были сожжены на Гай-Стритѣ. Въ самый разгаръ этого волненія пришло извѣстіе о бѣгствѣ короля. Члены правительства отложили всякое попеченіе о борьбѣ съ народной яростью и, по тогдашнему обыкновенію шотландскихъ политиковъ, круто повернули въ противоположную сторону. Тайный совѣтъ поспѣшно издалъ двѣ прокламаціи: одною онъ приказалъ обезоружить всѣхъ папистовъ, а другою предложилъ протестантамъ собраться во-едино для защиты чистой религіи. Нація, впрочемъ, не дожидалась этого призыва. Города и села уже и безъ того подняли оружіе за принца Оранскаго. Нитисдель и Клайдсдель были единственныя мѣстности, гдѣ можно было ожидать сопротивленія со стороны католиковъ; но и Нитисдель, и Клайдсдель были вскорѣ заняты толпами вооруженныхъ пресвитеріанъ. Между инсургентами находилось нѣсколько ярыхъ и мрачныхъ изувѣровъ, которые прежде отвергли Аргайля, а теперь такъ же ревностно желали отвергнуть Вильгельма. Его высочество, говорили они, очевидно былъ злоумышленникъ ([24]). Въ его декларацiи не было ни слова о ковенантѣ. Голландцы были народъ, союзъ съ которымъ былъ невозможенъ для истинныхъ слугъ Господнихъ. Они якшались съ лютеранами; а лютеранинъ былъ такимъ же исчаді-

---

([24]) *Malignant*. См. т. II. стр. 351.

емъ грѣха, какъ и іезуитъ. Однако общій голосъ королевства рѣшительно заглушилъ ропотъ этой злобной факціи. (*)

Волненіе скоро достигло окрестностей Друммондскаго замка. Пертъ почувствовалъ себя въ опасности среди собственныхъ своихъ слугъ и арендаторовъ. Онъ предался жестокому отчаянію, въ какое безпощадная его тираннія нерѣдко ввергала гораздо лучшихъ людей. Онъ безумно пытался найти отраду въ обрядахъ новой своей религіи. Онъ надоѣдалъ священникамъ просьбами объ утѣшеніи, молился, исповѣдывался и пріобщался; но вѣра его была слаба, и онъ признавался, что, не смотря на всѣ его благочестивыя упражненія, грозные призраки смерти преслѣдовали его неотступно. Въ это время узналъ онъ, что ему представлялся случай спастись на суднѣ, стоявшемъ въ виду Брентисланда. Онъ переодѣлся какъ только могъ и, послѣ долгаго и труднаго переѣзда по глухимъ дорогамъ черезъ Окилльскія горы, которыя тогда были покрыты глубокимъ снѣгомъ, успѣлъ сѣсть на корабль; но, не смотря на всѣ его предосторожности, кто-то узналъ его и поднялъ тревогу. Какъ только разнесся слухъ, что жестокій ренегатъ отправился въ море и что при немъ было золото, враги его, побуждаемые ненавистью и корыстолюбіемъ, тотчасъ же пустились за нимъ въ погоню. Лодка, подъ командою одного стараго пирата, настигла уходившее судно и сцѣпилась съ нимъ на-абордажъ. Пертъ въ женскомъ костюмѣ былъ вытащенъ изъ трюма на палубу, раздѣтъ, прибитъ и ограбленъ. Къ его груди приставлялись штыки. Отчаянно моля о пощадѣ, онъ былъ поспѣшно отвезенъ на берегъ и брошенъ въ киркольдійскій острогъ. Тайный совѣтъ, въ которомъ онъ незадолго передъ тѣмъ предсѣдательствовалъ и который былъ наполненъ людьми, участвовавшими въ его злодѣяніяхъ, приказалъ перевести его оттуда въ замокъ Стерлингъ. Было воскресенье, и народъ молился въ храмахъ, когда узникъ прибылъ подъ конвоемъ въ мѣсто своего заключенія. При видѣ его, даже суровые пуритане забыли святость праздника и

(*) «*The Sixth Collection of Papers*», 1689. Wodrow, III. XII. 4. App. 150, 151.; «*Faithful Contendings Displayed*»; Burnet, I. 804.

богослуженія. Церкви, по мѣрѣ того какъ проходилъ мучитель, пустѣли, и толпы народа устремлялись за нимъ съ угрозами, проклятіями и ругательствами, которыя провожали его до самыхъ воротъ темницы. (a)

Когда принцъ пріѣхалъ въ Лондонъ, тамъ уже было нѣсколько знатныхъ шотландцевъ; теперь же поспѣшили туда и многіе другіе, чтобы засвидѣтельствовать ему почтеніе. 7 января онъ пригласилъ ихъ прибыть въ Вайтголль. Собраніе было многочисленное и почтенное. Герцогъ Гамильтонъ и его старшій сынъ, графъ Арранъ, представители почти царственнаго дома, явились во главѣ процессіи. За ними слѣдовало тридцать лордовъ и около восьмидесяти знатныхъ джентльменовъ. Вильгельмъ изъявилъ желаніе, чтобы они посовѣтовались между собою и указали ему наилучшій способъ обезпечить благосостояніе ихъ родины. Послѣ того онъ удалился и предоставилъ имъ полную свободу совѣщанія. Они отправились въ залу государственнаго совѣта и выбрали Гамильтона въ предсѣдатели. Хотя разногласія между ними, повидимому, было мало, однако пренія ихъ продолжались три дня, — фактъ, который достаточно объясняется тѣмъ, что однимъ изъ членовъ этого митинга былъ сэръ Патрикъ Юмъ. Арранъ предложилъ-было начать переговоры съ королемъ; но это предложеніе было дурно принято отцомъ графа и цѣлымъ собраніемъ и даже не нашло ни одного сторонника. Наконецъ приняты были резолюціи, точь-въ-точь подобныя тѣмъ, которыя, нѣсколькими днями раньше, были представлены принцу англійскими лордами и коммонерами. Гамильтонъ и его товарищи просили Вильгельма созвать конвентъ шотландскихъ государственныхъ сословій, назначить 14 марта днемъ собранія и, до наступленія этого срока, принять на себя гражданское и военное управленіе. Онъ согласился на эту просьбу, и съ тѣхъ поръ правительственная власть надъ цѣлымъ островомъ сосредоточилась въ его рукахъ. (b)

(a) Пертъ къ леди Эрроль, 29 дек. 1688, и къ Мельфорту, 21 дек. 1688; «*Sixth Collection of Papers*», 1689.

(b) Burnet, I. 805; «*Sixth Collection of Papers*», 1689.

Состояніе партій въ Англіи.

Рѣшительная минута приближалась, и волненіе умовъ достигло высшей степени. Кружки политикановъ повсюду перешептывались и совѣщались между собою. Кофейни были въ броженіи. Столичныя типографіи работали безъ отдыха. Еще и теперь можно было бы составить нѣсколько томовъ изъ появившихся въ то время памфлетовъ, по которымъ не трудно составить себѣ правильное понятіе о тогдашнемъ состояніи партій.

Одна очень малочисленная факція желала воротить Іакова безъ всякихъ условій. Другая, тоже очень малочисленная, факція желала учредить республику и ввѣрить управленіе государственному совѣту подъ предсѣдательствомъ принца Оранскаго. Но эти крайнія мнѣнія возбуждали общее отвращеніе. $^{19}/_{20}$ націи состояли изъ лицъ, у которыхъ любовь къ наслѣдственной монархіи болѣе или менѣе соединялась съ любовью къ конституціонной свободѣ и которые были равно враждебны, какъ совершенному уничтоженію королевскаго званія, такъ и безусловному возстановленію короля.

Но въ обширномъ промежуткѣ, который отдѣлялъ изувѣровъ, все-еще державшихся ученій Фильмера, отъ энтузіастовъ, все-еще грезившихъ грёзами Гаррингтона, было мѣсто для многихъ оттѣнковъ мнѣній. Если опустить мелкія подраздѣленія, то окажется, что огромное большинство націи и конвента раздѣлялось на четыре группы. Три изъ нихъ состояли изъ торіевъ. Вигская партія составляла четвертую группу.

Дружество виговъ и торіевъ не пережило породившей его опасности. Несогласія между сторонниками принца обнаруживались еще во время его похода съ запада. Пока исходъ его предпріятія былъ сомнителенъ, несогласія эти легко улаживались искусной его тактикой. Но съ того дня, какъ онъ торжественно вступилъ въ Сентъ-Джемскій дворецъ, прежняя тактика сдѣлалась уже невозможной. Побѣда его, избавивши націю отъ сильной боязни папистской тиранніи, на-половину уменьшила его вліяніе. Когда епископы были въ Тоуэрѣ, когда іезуиты засѣдали въ государственномъ совѣтѣ, когда вѣрнопреданные священники десятками лишались насущнаго хлѣба, а вѣрнопреданные джентльмены сотнями увольнялись отъ должностей мировыхъ судей, тогда старинныя антипатіи дремали; но теперь онѣ пробудились съ новою

силой и энергіей. Роялистъ содрогался при мысли о своемъ союзѣ съ тѣми лицами, которыхъ смолоду привыкъ онъ наиболѣе ненавидѣть, съ бывшими парламентскими военачальниками, бравшими приступомъ его усадьбу, съ бывшими парламентскими коммиссарами, описывавшими его имѣніе, съ людьми, умышлявшими Райгаусскую рѣзню и предводительствовавшими Западнымъ бунтомъ. Къ этому присоединялось безпокойство о той излюбленной церкви, ради которой онъ, послѣ мучительнаго колебанія, нарушилъ свою вѣрность престолу. Дѣйствительно ли была она въ безопасности? Или онъ избавилъ ее отъ одного врага только для того, чтобы она сдѣлалась жертвою другаго? Правда, папистскіе священники частію были въ изгнаніи, частію скрывались въ неизвѣстности, частію томились въ тюрьмахъ. Ни іезуитъ, ни бенедиктинецъ, дорожившій жизнью, не осмѣливался показаться въ костюмѣ своего ордена. Но пресвитеріанскіе и индепендентскіе наставники торжественно являлись поздравлять главу правительства и были такъ же благосклонно приняты, какъ и настоящіе преемники апостоловъ. Нѣкоторые еретики изъявляли надежду, что всѣ преграды, устранявшія ихъ отъ церковныхъ должностей, скоро будутъ уничтожены, что догматы Англійской церкви будутъ смягчены, что англиканская литургія будетъ преобразована, что Рождество уже не будетъ праздникомъ, что Великая Пятница уже не будетъ постнымъ днемъ, что каноники, не рукоположенные никѣмъ изъ епископовъ, безъ священнаго бѣлаго облаченія, будутъ, въ алтаряхъ соборовъ, раздавать св. дары растянувшимся на лавкахъ причастникамъ. Правда, принцъ не былъ фанатическимъ пресвитеріаниномъ, но зато онъ былъ по меньшей мѣрѣ латитудинаріаниномъ. Онъ не затруднялся пріобщаться по англиканскому обряду, но зато онъ не заботился, по какимъ обрядамъ пріобщались другіе. Жена его, надлежало опасаться, была пропитана его мнѣніями. Ея духовникомъ былъ Бернетъ. Она слушала проповѣдниковъ различныхъ протестантскихъ сектъ. Она еще недавно сказала, что не видѣла никакой существенной разницы между Англійскою церковью и прочими реформатскими церквами. (*) Поэтому, кавалеры считали

(*) Albeville, Noy. $^{9}/_{19}$ 1688.

необходимымъ послѣдовать примѣру своихъ отцовъ въ 1641 году, т. е. отдѣлиться отъ круглоголовыхъ и сектаторовъ и, не смотря на всѣ ошибки наслѣдственнаго монарха, поддержать дѣло наслѣдственной монархіи.

Группа, одушевленная этими чувствами, была многочисленна и почтенна. Она заключала въ себѣ около половины палаты лордовъ, около трети палаты общинъ, большинство провинціяльныхъ джентльменовъ и по крайней мѣрѣ $^{9}/_{10}$ духовенства; но она была раздираема несогласіями и окружена со всѣхъ сторонъ затрудненіями.

Планъ Шерлока.

Одинъ отдѣлъ этой великой партіи, состоявшій преимущественно изъ духовныхъ лицъ и находившійся подъ предводительствомъ Шерлока, желалъ начать переговоры съ Іаковомъ и пригласить его возвратиться въ Вайтголль на такихъ условіяхъ, которыя бы вполнѣ обезпечили гражданское и церковное устройство государства. (*) Очевидно, что этотъ планъ, хотя и былъ энергически поддерживаемъ духовенствомъ, нимало не согласовался съ тѣми ученіями, которыя духовенство проповѣдывало въ теченіе многихъ лѣтъ. Дѣйствительно, это была попытка держаться середины тамъ, гдѣ середина была невозможна, устроить компромиссъ между двумя вещами, не допускающими компромисса, между сопротивленіемъ и несопротивленіемъ. Нѣкогда торіи опирались на принципъ несопротивленія; но теперь большинство ихъ покинуло эту точку опоры и не желало стать на нее снова. Англійскіе роялисты вообще, прямо или косвенно, были такъ сильно замѣшаны въ послѣднемъ возстаніи противъ короля, что изъ одного чувства стыда не могли говорить теперь о священномъ долгѣ повиновенія Нерону; да притомъ они и не желали вернуть угнетавшаго ихъ государя безъ такихъ оговорокъ, которыя бы лишили его возможности снова злоупотреблять властью. Такимъ образомъ они находились въ ложномъ положеніи. Прежняя ихъ теорія, основательная или неосновательная, отличалась по крайней мѣрѣ цѣльностью и связностью. Если эта теорія была основательна, въ такомъ случаѣ

(*) См. памелетъ подъ заглавіемъ «*Letter to a Member of the Convention*» и отвѣтъ, 1689; Burnet, I. 809.

надлежало немедленно вернуть короля и дозволить ему подвергнуть Сеймура и Данби, епископа лондонскаго и епископа бристольскаго, смертной казни за государственную измѣну, возстановить церковную коммиссію, наполнить церковь папистскими сановниками и подчинить армію папистскимъ командирамъ. Если же, какъ сознавались теперь сами торіи, теорія эта была неосновательна, въ такомъ случаѣ зачѣмъ переговариваться съ королемъ? Если признавалась законность устраненія его до тѣхъ поръ, пока онъ не далъ бы удовлетворительныхъ обезпеченій цѣлости церковной и политической конституціи, то не легко было отрицать законность устраненія его навсегда. Какое могъ онъ дать удовлетворительное обезпеченіе? Возможно ли было написать парламентскій актъ яснѣе, чѣмъ были написаны парламентскіе акты, требовавшіе, чтобы деканъ коллегіи Христовой Церкви былъ протестантомъ? Возможно ли было формулировать какое-нибудь обѣщаніе точнѣе, чѣмъ были формулированы неоднократныя обѣщанія Іакова строго уважать законныя права англиканскаго духовенства? Еслибы законъ или честь могли связывать его, ему никогда не пришлось бы бѣжать изъ королевства. Если же ни законъ, ни честь не могли связать его, то безопасно ли было дозволить ему возвратиться?

Впрочемъ, не смотря на эти доводы, предложеніе объ открытіи переговоровъ съ Іаковомъ, вѣроятно, было бы сдѣлано въ конвентѣ и поддержано большинствомъ торіевъ, еслибы самъ онъ не былъ, какъ всегда, злѣйшимъ врагомъ своимъ. Каждая почта, приходившая изъ Сенъ-Жермена, привозила извѣстія, охлаждавшія пылъ его приверженцевъ. Онъ не изъявлялъ ни малѣйшаго раскаянія въ прежнихъ своихъ ошибкахъ и не обѣщалъ ни малѣйшаго улучшенія въ будущихъ своихъ дѣйствіяхъ. Онъ издалъ манифестъ, въ которомъ говорилъ своимъ подданнымъ, что онъ постоянно старался управлять ими справедливо и кротко и что они увлечены на край погибели раздраженіемъ противъ мнимыхъ злоупотребленій. (a) Слѣдствіемъ его безразсудства и упрямства было то,

---

(a) «*Letter to the Lords of the Council*», Jan. $^{1}/_{11}$ $168^{9}/_{9}$; Clarendon's «*Diary*», Jan. $^{9}/_{19}$.

что люди, искренне желавшіе возвратить ему престолъ на разумныхъ условіяхъ, поняли, что, предложивши теперь начать съ нимъ переговоры, они бы повредили дѣлу, которому хотѣли сослужить службу. Поэтому они рѣшились соединиться съ другою группою торіевъ, главою которой былъ Санкрофтъ. Санкрофтъ воображалъ, что нашелъ средство устроить правленіе безъ возвращенія Іакова, но и безъ отнятія у него короны. Средствомъ этимъ было регентство. Самые неуступчивые изъ тѣхъ богослововъ, которые проповѣдывали ученіе о страдательномъ повиновеніи, никогда не утверждали, чтобы такое повиновеніе надлежало оказывать дитяти или сумасшедшему. Всѣ вообще признавали, что въ томъ случаѣ, когда законный монархъ былъ умственно неспособенъ къ исполненію своей обязанности, взамѣнъ его могъ быть назначенъ намѣстникъ, и что всякій, кто сталъ бы сопротивляться намѣстнику и ссылаться въ свое оправданіе на повелѣніе малолѣтняго или безумнаго монарха, справедливо подвергался наказанію за бунтъ. Тупоуміе, злость и суевѣріе — разсуждалъ примасъ — сдѣлали Іакова такъ же неспособнымъ къ управленію государствомъ, какъ неспособны дѣти въ пеленкахъ, или умалишенные, скалящіе зубы и болтающіе вздоръ на соломѣ въ Бедламѣ. Поэтому надлежало принять такія мѣры, какія были приняты во время малолѣтства Генриха VI и потомъ во время его летаргическаго состоянія. Въ сущности Іаковъ не могъ быть королемъ, но онъ долженъ былъ оставаться королемъ по наружности. Указы должны были по-прежнему исходить отъ его имени. Его изображеніе и надпись должны были по-прежнему являться на монетѣ и на большой печати. Парламентскіе акты должны были по-прежнему означаться годами его царствованія. Но управленіе надлежало отнять у него и ввѣрить регенту, назначенному государственными сословіями. Такимъ образомъ, серьёзно утверждалъ Санкрофтъ, народъ остался бы вѣренъ своему долгу, присяга на подданство, данная имъ королю, была бы строго соблюдена, и самые правовѣрные церковники могли бы, безъ всякаго угрызенія совѣсти, служить подъ начальствомъ регента. (¹)

Планъ Санкрофта.

(¹) Кажется невѣроятнымъ, чтобы такая безсмыслица могла кого-ни-

Мнѣніе Санкрофта имѣло большой вѣсъ у всей торійской партіи, а въ особенности у духовенства. За недѣлю до срока, назначеннаго для открытія конвента, нѣсколько значительныхъ лицъ собрались въ Ламбетскомъ дворцѣ, отслушали молебенъ въ капеллѣ, отобѣдали у примаса и потомъ приступили къ совѣщанію о положеніи государственныхъ дѣлъ. Присутствіе состояло изъ пяти суффрагановъ архіепископа, дѣлившихъ съ нимъ опасности и славу въ теченіе прошлаго лѣта, и изъ графовъ Кларендона и Эйльсбёри, явившихся въ качествѣ представителей свѣтскихъ торіевъ. Единодушное мнѣніе этого собранія заключалось въ томъ, что всѣ лица, присягнувшія на подданство Іакову,

---

будь одурачить. Поэтому считаю нужнымъ привести подлинныя слова Санкрофта, написанныя собственною его рукою:

«Политическое качество или власть короля и его имя въ управленіи — совершенны и непогрѣшимы; но его личность, будучи человѣческою и смертною и не надѣленою никакими преимуществами передъ прочими людьми, подвержена всѣмъ людскимъ несовершенствамъ и прегрѣшеніямъ. Онъ можетъ, поэтому, быть неспособнымъ къ державствованію и управленію государственною казною и т. д., либо по отсутствію, по малолѣтству, помѣшательству, изступленію или апатіи, отъ природы или вслѣдствіе случайной болѣзни, либо, наконецъ, по какимъ-нибудь непреодолимымъ предубѣжденіямъ ума, порожденнымъ и укорененнымъ воспитаніемъ и привычкою и соединеннымъ съ неизмѣнными рѣшеніями въ дѣлахъ, совершенно несообразныхъ и несовмѣстныхъ съ законами, религіею, миромъ и истинною политикою королевства. Во всѣхъ этихъ случаяхъ (говорю я) долженъ быть кто-нибудь назначенъ для того, чтобы пополнить такой недостатокъ и вмѣсто короля, его именемъ и властью, управлять государственными дѣлами. По исполненіи сего, говорю я далѣе, всѣ акты, полномочія, порученія, пожалованія и проч., исходящіе прежнимъ порядкомъ, суть законны и дѣйствительны во всѣхъ отношеніяхъ, подданство народа остается то же самое, его присяги и обязанности никоимъ образомъ не нарушаются. . . . . Доколѣ управленіе будетъ производиться властью короля и его именемъ, дотолѣ всѣ эти священныя узы и установленныя формы дѣлопроизводства будутъ соблюдаемы, и никто не будетъ тяготиться сомнѣніями относительно законности предпринимаемыхъ имъ дѣйствій.» — Tanner MS.; Doyly's «*Life of Sancroft*.» Креатуры Іакова недаромъ глумились надъ слогомъ почтеннаго архіепископа.

имѣли право отказать ему въ повиновеніи, но не имѣли нравственной возможности дать другому лицу наименованіе короля. (*)

Планы Данби. Такимъ образомъ, два отдѣла торійской партіи (отдѣлъ, стремившійся къ соглашенію съ Іаковомъ, и отдѣлъ, противившійся такому соглашенію) сходились въ намѣреніи поддержать планъ регентства. Но третій отдѣлъ, не отличавшійся, правда, многочисленностью, однако пользовавшійся большимъ вѣсомъ и вліяніемъ, предлагалъ планъ совершенно инаго рода. Вождями этого маленькаго союза были: въ палатѣ лордовъ Данби и епископъ лондонскій, а въ палатѣ общинъ сэръ Робертъ Сойеръ. Они воображали, что нашли способъ произвести совершенный переворотъ съ соблюденіемъ строго законныхъ формъ. Низложеніе короля подданными, говорили они, было противно всѣмъ нравственнымъ правиламъ; да и не было надобности низлагать его. Онъ бѣжалъ и потому самъ отрекся отъ своей власти и своего достоинства. Онъ фактически сложилъ съ себя корону. Всѣ публицисты держались того мнѣнія, что англійскій престолъ ни минуты не могъ быть вакантнымъ. Слѣдовательно, корона перешла къ ближайшему наслѣднику. Кто же былъ этимъ ближайшимъ наслѣдникомъ? Что касается до ребенка, увезеннаго во Францію, его появленіе на свѣтъ сопровождалось многими подозрительными обстоятельствами. Изъ уваженія къ прочимъ членамъ королевской фамиліи и къ націи, надлежало разсѣять всѣ сомнѣнія. Принцъ Оранскій, именемъ своей супруги, торжественно требовалъ изслѣдованія, и оно было бы произведено, еслибы лица, обвинявшіяся въ подлогѣ, не избрали такого образа дѣйствій, который во всякомъ обыкновенномъ дѣлѣ былъ бы признанъ рѣшительнымъ доказательствомъ вины. Они не хотѣли дождаться исхода торжественнаго парламентскаго слѣдствія; они убѣжали за море; они увезли съ собою ребенка; они увезли съ собою тѣхъ служанокъ, которыя, въ случаѣ дѣйствительности обмана, должны были принимать въ немъ участіе и которыхъ, поэтому, надлежало подвергнуть строгому допросу. Признать право ребенка безъ розыска было невозможно; а лица, называвшія

(*) Evelyn, Jan. 15. 168⁸/₉.

себя его родителями, сдѣлали розыскъ невозможнымъ. Такимъ образомъ, за отсутствіемъ доказательствъ въ его пользу, рѣшеніе должно было состояться противъ него. Если ему и причинялась обида, она причинялась ему не націей, а тѣми, чье странное поведеніе во время его рожденія дало націи право требовать изслѣдованія и кто потомъ уклонился отъ изслѣдованія посредствомъ бѣгства. Поэтому, совершенно справедливо было смотрѣть на него какъ на претендента. И такъ корона по закону перешла къ принцессѣ Оранской. Марія была дѣйствительно царствующею королевою. Палаты должны были только провозгласить ее. Она могла, еслибы захотѣла, сдѣлать своего супруга первымъ своимъ министромъ и даже, съ согласія парламента, могла пожаловать ему титулъ короля.

Планъ этотъ предпочитался другимъ только немногими лицами и несомнѣнно долженъ былъ встрѣтить противодѣйствіе, какъ со стороны всѣхъ доброжелателей Іакова, такъ и со стороны всѣхъ приверженцевъ Вильгельма. Однако Данби, полагаясь на свою опытность въ парламентской тактикѣ и зная, что, при равенствѣ силъ большихъ партій, маленькій летучій отрядъ можетъ имѣть огромное значеніе, не терялъ надежды поддержать борьбу до тѣхъ поръ, пока виги и торіи, отчаявшись въ полной побѣдѣ и боясь послѣдствій проволочки, дозволятъ ему дѣйствовать въ качествѣ посредника. Можетъ быть, онъ и успѣлъ бы въ своемъ разсчетѣ, еслибы его усилія были поддержаны, или, по крайней мѣрѣ, не были парализованы тою, кого онъ желалъ возвести на высоту человѣческаго величія. При всей своей прозорливости и опытности въ дѣлахъ, онъ совершенно не зналъ ни характера Маріи, ни чувства, которое питала она къ своему супругу; да и бывшій ея наставникъ, Комтонъ, не могъ похвалиться точными свѣдѣніями объ этомъ предметѣ. Манеры Вильгельма были сухи и холодны; онъ былъ болѣзненнаго сложенія и далеко не ласковаго нрава; нельзя было и думать, чтобы такой человѣкъ могъ внушить сильную страсть красивой двадцатишестилѣтней женщинѣ. Извѣстно было, что онъ не всегда отличался строгою вѣрностью своей супругѣ, и сплетники разсказывали, что она жила несчастливо съ нимъ. Поэтому даже проницательнѣйшіе политики

не подозрѣвали, что онъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, пріобрѣлъ такую власть надъ ея сердцемъ, какой не пріобрѣталъ надъ женскимъ сердцемъ никто изъ самыхъ знаменитыхъ коронованныхъ ловеласовъ, ни Францискъ I, ни Генрихъ IV, ни Людовикъ XIV, ни Карлъ II, и что три королевства ея предковъ имѣли цѣну въ ея глазахъ преимущественно потому, что, передавши ихъ своему супругу, она могла доказать ему силу и безкорыстіе своей привязанности. Данби, не имѣя ни малѣйшаго понятія о ея чувствахъ, обѣщалъ ей защищать ея права и, разсчитывая на ея содѣйствіе, выражалъ надежду возвести ее одну на престолъ. (a)

Планъ виговъ. Планъ виговъ былъ простъ и послѣдователенъ. По ихъ ученію, основаніемъ нашего государственнаго устройства былъ договоръ, выражавшійся съ одной стороны присягою на подданство, а съ другой коронаціонною присягою, вслѣдствіе чего обязанности, налагавшіяся этимъ договоромъ, были обоюдны. Они утверждали, что государь, черезчуръ злоупотреблявшій своею властью, могъ быть законно обуздываемъ и низвергаемъ народомъ. Что Іаковъ черезчуръ злоупотреблялъ своею властью, этого никто не оспоривалъ, и потому вся вигская партія готова была объявить, что онъ утратилъ право пользоваться королевскою властью. О томъ, подложенъ ли принцъ Валлійскій, не стоило разсуждать. Причины для устраненія его отъ престола были теперь гораздо важнѣе тѣхъ, которыя заключались въ обстоятельствахъ его рожденія. Ребенокъ, подсунутый въ грѣлкѣ въ королевскую постель, могъ бы оказаться хорошимъ англійскимъ королемъ. Но такая надежда не могла уже имѣть мѣста относительно ребенка, воспитаннаго отцомъ, который былъ тупоумнѣйшимъ и упрямѣйшимъ изъ тирановъ, въ чужой странѣ, средоточіи деспотизма и суевѣрія, въ странѣ, гдѣ исчезли послѣдніе слѣды свободы, гдѣ генеральные штаты перестали собираться, гдѣ парламенты уже давно безпрекословно узаконивали самые отяготительные эдикты госу-

(a) Clarendon's «*Diary*», Dec. 24. 1688; Burnet, I. 819.; «*Proposals humbly offered in behalf of the Princess of Orange*», Jan. 28. 168⁸/₉.

даря, гдѣ доблесть, геній и ученость, казалось, существовали только для возвеличенія одного человѣка, гдѣ лесть была главнымъ дѣломъ прессы, каѳедры и сцены, и гдѣ однимъ изъ главныхъ предметовъ лести было варварское гоненіе протестантской церкви. Вѣроятно ли было, чтобы мальчикъ, при такомъ воспитаніи и въ такомъ положеніи, научился уважать учрежденія своей родины? Можно ли было сомнѣваться, что изъ него выйдетъ рабъ іезуитовъ и Бурбоновъ и злѣйшій, чѣмъ всѣ предшествовавшіе Стюарты, противникъ англійскихъ законовъ?

Сверхъ того, виги не думали, чтобы, при тогдашнемъ положеніи страны, отступленіе отъ обычнаго порядка престолонаслѣдія было само по себѣ дурно. Они были того мнѣнія, что, безъ перерыва этого порядка, ученія о ненарушимомъ наслѣдственномъ правѣ и страдательномъ повиновеніи продолжали бы нравиться двору, проповѣдываться духовенствомъ и оказывать сильное вліяніе на умы. Понятіе о божественномъ происхожденіи королевской власти не въ такомъ смыслѣ, въ какомъ божественно происхожденіе всякой правящей власти, продолжало бы господствовать по прежнему. Очевидно было, что, до искорененія этого суевѣрія, конституція не могла быть прочною, такъ какъ дѣйствительно ограниченная монархія не можетъ долго существовать въ обществѣ, которое смотритъ на монархію какъ на божественное учрежденіе, а на ограниченія монархіи какъ на установленія чисто человѣческія. Для того, чтобы королевская власть могла существовать въ совершенномъ согласіи съ нашими вольностями, необходимо было, чтобы основанія ея правъ не были ни выше, ни почтеннѣе основаній нашихъ вольностей. Король отнынѣ долженъ былъ имѣть въ глазахъ народа значеніе начальника, верховнаго и весьма достопочтеннаго начальника, но, подобно всѣмъ другимъ начальникамъ, подчиненнаго законамъ и одареннаго властью отъ Неба лишь въ томъ смыслѣ, въ которомъ можно сказать, что лорды и коммонеры тоже одарены властью отъ Неба. Лучшимъ способомъ произвести эту благотворную перемѣну было нарушить обычный порядокъ престолонаслѣдія. При государяхъ, которые на проповѣдываніе страдательнаго повиновенія и патріархальной теоріи правленія смотрѣли бы почти какъ на государственную измѣну,

Digitized by Google

при государяхъ, власть которыхъ, проистекши изъ резолюцій обѣихъ палатъ, никогда не могла бы подняться выше своего источника, нечего было бы опасаться такого угнетенія, какое принудило два поколѣнія англичанъ возстать противъ двухъ поколѣній Стюартовъ. На этихъ основаніяхъ виги готовы были объявить престолъ вакантнымъ, замѣстить его посредствомъ избранія и наложить на избраннаго ими государя такія условія, которыя бы обезпечили страну отъ дурнаго управленія.

Собраніе конвента. Вожди палаты общинъ

Время для рѣшенія этихъ великихъ вопросовъ наконецъ наступило. Съ разсвѣтомъ 22 января, палата общинъ наполнилась представителями графствъ и городовъ. На скамьяхъ ея появилось множество лицъ, часто встрѣчавшихся въ этомъ мѣстѣ при Карлѣ II, но не показывавшихся тамъ при его преемникѣ. Большинство тѣхъ торійскихъ помѣщиковъ и тѣхъ придворныхъ клевретовъ, которые назначались цѣлыми толпами въ парламентъ 1685 года, уступило мѣсто людямъ старинной Отечественной партіи, людямъ, которые низвергли Кабаль, издали Habeas Corpus Act и представили лордамъ билль объ исключеніи. Между ними были: Поуль, глубокій знатокъ парламентской исторіи и парламентскаго права, отличавшійся особеннаго рода краснорѣчіемъ, какое требуется въ тѣхъ случаяхъ, когда на усмотрѣніе законодательныхъ собраній торжественно предлагаются важные вопросы, и сэръ Томасъ Литльтонъ, опытный въ европейской политикѣ и одаренный бойкою и меткою діалектикою, которая не разъ, когда, послѣ долгаго засѣданія, зажигались свѣчи, оживляла усталую палату и рѣшала исходъ пренія. Тамъ же былъ и Вилліамъ Сачеверелль, ораторъ, огромныя парламентскія дарованія котораго были впослѣдствіи любимою темою стариковъ, дожившихъ до эпохи борьбы Вальполя съ Пультни. (a) Въ союзѣ съ этими замѣчательными людьми находился сэръ Робертъ Клейтонъ, богатѣйшій лондонскій купецъ, чей дворецъ въ Старой Жидовской улицѣ превосходилъ блескомъ аристократическія зданія Линкольнъ-Иннъ-Фильдза и Ковентъ-Гардена, чья дача между соррейскими

(a) Burnet, I. 389 и Speaker Onslow's notes.

холмами слыла земнымъ раемъ, чьи банкеты соперничали съ банкетами королей, и чья разумная щедрость, о которой до сихъ поръ свидѣтельствуютъ многочисленные публичные памятники, стяжала ему въ лѣтописяхъ Сити мѣсто, уступающее только мѣсту Грешама. Въ парламентѣ, собиравшемся въ Оксфордѣ въ 1681 году, Клейтонъ, въ качествѣ представителя столицы и по желанію своихъ избирателей, предложилъ внести билль объ исключеніи и былъ поддержанъ лордомъ Россклемъ. Въ 1685 году Сити, лишенное своихъ привилегій и управляемое креатурами двора, выбрало четырехъ торійскихъ представителей. Но старинная хартія была теперь возстановлена, и Клейтонъ былъ вновь избранъ единогласно. (•) Нельзя пропустить и Джона Бэрча. Онъ началъ карьеру извощикомъ, но во время междоусобной войны оставилъ свой промыселъ, сдѣлался солдатомъ, достигъ чина полковника въ арміи республики, показалъ въ важныхъ финансовыхъ должностяхъ большія дѣловыя способности, засѣдалъ много лѣтъ въ парламентѣ и, сохранивъ до конца грубыя манеры и плебейскій языкъ своей молодости, успѣлъ здравымъ смысломъ и природнымъ остроуміемъ заслужить вниманіе палаты общинъ, знаменитѣйшіе бойцы которой считали его страшнымъ соперникомъ (b). Таковы были замѣчательнѣйшіе изъ ветерановъ, послѣ долгаго удаленія отъ дѣлъ вернувшіеся къ общественной дѣятельности. Но всѣ они быстро померкли передъ двумя молодыми вигами, которые въ этотъ великій день впервые заняли свои мѣста въ парламентѣ, которые скоро достигли высшихъ государственныхъ почестей, которые вмѣстѣ выдерживали жесточайшія политическія бури, которые долго и далеко славились какъ государственные люди, какъ ораторы, какъ щедрые покровители таланта и учености, и которые умерли, почти одновременно, вскорѣ по восшествіи на престолъ Брауншвейгскаго дома. Это были Чарльзъ Монтегью и Джонъ Сомерзъ.

(•) Evelyn's «*Diary*», Sept. 26. 1672, Oct. 12. 1679, July 13. 1700; Seymour's «*Survey of London.*»

(b) Burnet, I. 388 и Speaker Onslow's note.

Надобно упомянуть еще объ одномъ имени, объ имени, тогда извѣстномъ только небольшому кружку ученыхъ, но теперь произносимомъ за Гангомъ и Миссиссипи съ такимъ благоговѣніемъ, какого не оказывается памяти даже величайшихъ полководцевъ и правителей. Въ толпѣ безмолвныхъ членовъ явилось величественное чело и задумчивое лицо Исаака Ньютона. Несмѣлый, но неизмѣнный другъ гражданской и религіозной свободы, онъ исполненный скромнаго величія, засѣдалъ въ конвентѣ, въ качествѣ представителя знаменитаго университета, на который геній его уже началъ налагать печать особеннаго, до сихъ поръ, по прошествіи ста шестидесяти лѣтъ, ясно замѣтнаго характера.

Избраніе спикера. Первымъ дѣломъ коммонеровъ было избраніе спикера. Выборъ, сдѣланный ими, ясно показалъ ихъ мнѣніе относительно великихъ вопросовъ, подлежавшихъ рѣшенію. До самаго кануна собранія конвента, предполагалось, что предсѣдательское кресло займетъ Сеймуръ. Онъ занималъ его прежде въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Въ пользу его говорили знатность происхожденія, богатство, знаніе, опытность, краснорѣчіе. Онъ долго былъ во главѣ могущественнаго союза членовъ изъ западныхъ графствъ. Не смотря на свой торизмъ, онъ съ замѣчательною ловкостью и смѣлостью предводительствовалъ въ послѣднемъ парламентѣ оппозиціею противъ папизма и произвольной власти. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ джентльменовъ, явившихся въ главную квартиру Вильгельма въ Эксетерѣ, и былъ виновникомъ того союза, на основаніи котораго приверженцы принца обязались либо побѣдить, либо пасть вмѣстѣ. Но, за нѣсколько часовъ до собранія палатъ, разнесся слухъ, что Сеймуръ былъ противъ объявленія престола вакантнымъ. Поэтому, какъ только члены конвента заняли свои мѣста, графъ Вильтширъ, представитель Гампшира, всталъ и предложилъ въ спикеры Поуля. Сэръ Виръ Фенъ, членъ за Кентъ, поддержалъ это предложеніе. Оказать противодѣйствіе было бы нетрудно: извѣстно было, что противники Поуля готовились представить петицію, оспоривавшую правильность выбора его въ члены конвента; но большинство палаты единогласно потребовало, чтобы онъ занялъ кресло спикера, и потому торіи сочли благо-

разумнымъ уступить. (a) Затѣмъ на столъ былъ положенъ предсѣдательскій жезлъ, произведена была перекличка, и отмѣчены были фамиліи отсутствовавшихъ членовъ.

Между тѣмъ перы, числомъ около ста человѣкъ, собрались, выбрали въ спикеры Галифакса и назначили нѣсколькихъ извѣстныхъ юристовъ для исполненія тѣхъ обязанностей, которыя въ обыкновенныхъ парламентахъ лежатъ на судьяхъ. Въ теченіе этого дня палаты неоднократно сносились другъ съ другомъ. Онѣ сообща рѣшили просить принца, чтобы онъ продолжалъ управлять государствомъ до полученія отъ нихъ дальнѣйшаго увѣдомленія, выразить ему признательность за совершенное имъ, при помощи Божіей, избавленіе націи отъ ига и постановить, чтобы 31 января ежегодно праздновалось благодарственнымъ молебствіемъ за это избавленіе. (b)

До сихъ поръ не обнаруживалось никакого разногласія; но обѣ стороны готовились къ столкновенію. Торіи были сильны въ верхней палатѣ и слабы въ нижней и знали, что, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, та палата, которая бы раньше пришла къ какому-нибудь заключенію, получила бы огромный перевѣсъ надъ другою. Не было ни малѣйшей вѣроятности, чтобы коммонеры представили лордамъ рѣшеніе въ пользу плана регентства; но, еслибы такое рѣшеніе было предложено лордами коммонерамъ, могло бы статься, что многіе даже изъ вигскихъ представителей народа предпочли бы скорѣе согласиться, нежели взять на себя тяжкую отвѣтственность быть причиною раздора и проволочки въ критическую минуту, требовавшую единства и быстроты. Коммонеры рѣшили заняться обсужденіемъ состоянія націи въ понедѣльникъ, 28 января. Поэтому торійскіе лорды въ пятницу, 25 числа, предложили немедленно приступить къ великому дѣлу, для котораго были созваны. Но ихъ побужденія и замыслы были разгаданы и разрушены Галифаксомъ, который, по возвращеніи изъ Гонгерфорда, убѣдился, что устройство правленія могло совершиться

(a) Cittera, $\frac{22\ \text{янв.}}{1\ \text{фев.}}$ 1689; Grey's «*Debates.*»

(b) Lords'and Commons'Journals, Jan. 22. 168$^{8}_{9}$; Cittera и Clarendon's «*Diary*», того же числа.

только на основаніи вигскихъ началъ, и потому на время тѣсно соединился съ вигами. Девонширъ предложилъ отложить пренія до вторника, 29 числа. «Къ этому времени, проговорился онъ, мы можемъ получить кое-какія свѣдѣнія изъ нижней палаты, которыя послужатъ намъ руководствомъ.» Предложеніе его было принято; но нѣкоторые изъ перовъ строго порицали его слова, какъ унизительныя для верхней палаты. (*)

Пренія о состояніи націи. 28 января коммонеры образовали изъ себя комитетъ цѣлой палаты. Ричардъ Гампденъ, который, лѣтъ за тридцать передъ тѣмъ, былъ однимъ изъ лордовъ Кромвелля, сынъ знаменитаго вождя круглоголовыхъ и отецъ несчастнаго человѣка, съ трудомъ успѣвшаго, посредствомъ огромныхъ подкуповъ и страшныхъ униженій, спастись отъ мщенія Іакова, былъ выбранъ въ президенты, и великія пренія начались.

Вскорѣ обнаружилось, что рѣшительное большинство перестало считать Іакова королемъ. Джильбертъ Дольбенъ, сынъ покойнаго архіепископа іоркскаго, первый высказался въ этомъ смыслѣ. Онъ былъ поддержанъ многими членами, въ особенности отважнымъ и рьянымъ Вартономъ, Сойеромъ, который твердымъ противодѣйствіемъ разрѣшительной власти отчасти загладилъ прежніе свои проступки, Мейнардомъ, голосъ котораго, хотя и ослабѣлъ отъ старости до того, что не былъ слышенъ на отдаленныхъ скамьяхъ, однако все еще внушалъ уваженіе всѣмъ партіямъ, и Сомерзомъ, ясное краснорѣчіе и разнообразная эрудиція котораго впервые проявились тогда въ стѣнахъ парламента. Безстыдный лобъ и развязный языкъ сэра Вилліама Вилліамза оказались на той же сторонѣ. Человѣкъ этотъ уже былъ сильно замѣшанъ въ злодѣяніяхъ худшей изъ оппозицій и худшаго изъ правительствъ. Онъ преслѣдовалъ невинныхъ папистовъ и невинныхъ протестантовъ. Онъ былъ покровителемъ Отса и клевретомъ Питера. Имя его было связано съ мятежными выходками, о которыхъ съ сожалѣніемъ и стыдомъ вспоминали всѣ почтенные виги, и съ припадками деспотизма, которыми гнушались

(*) Lords'Journals, Jan. 25. 168⁸/₉; Clarendon's «*Diary*», Jan. 23, 25.

всѣ почтенные торіи. Какъ могутъ люди жить подъ бременемъ такого безчестія, непостижимо; но даже и такого безчестія было недостаточно для Вилліамза. Онъ не постыдился напасть на павшаго государя, у котораго нанялся для дѣла, не нашедшаго ни одного исполнителя между честными адвокатами, и отъ котораго, всего полгода назадъ, принялъ баронетскій титулъ въ награду за подобострастіе.

Только три члена рѣшились воспротивиться тому, что̀ очевидно было общимъ мнѣніемъ собранія. Сэръ Кристоферъ Мосгревъ, весьма вліятельный и даровитый торн, изъявилъ кое-какія недоумѣнія. Гейнджъ Финчъ употребилъ, между прочимъ, нѣсколько выраженій, которыя были поняты въ смыслѣ желанія начать переговоры съ королемъ. Намеки эти были такъ дурно приняты, что онъ поспѣшилъ отречься отъ нихъ. Онъ увѣрилъ, что тутъ было недоразумѣніе. По его словамъ, онъ былъ убѣжденъ, что, при такомъ государѣ, ни религія, ни свобода, ни собственность, не могли быть безопасными. Вернуть короля Іакова, или вступить съ нимъ въ переговоры, было бы пагубною мѣрою; но многія изъ тѣхъ лицъ, которыя ни за что не согласились бы возвратить ему верховную власть, затруднялись лишить его королевскаго титула. Единственнымъ средствомъ устранить всѣ эти затрудненія было регентство. Предложеніе это нашло такъ мало сочувствія, что Финчъ не рѣшился требовать голосованія. Ирландскій виконтъ Ричардъ Фаншо сказалъ нѣсколько словъ въ пользу Іакова и посовѣтовалъ отложить рѣшеніе дѣла до другаго засѣданія; но его совѣтъ былъ встрѣченъ общимъ крикомъ неудовольствія. Члены поднимались одинъ за другимъ и доказывали необходимость поспѣшности. Каждая минута, говорили они, была драгоцѣнна; умы находились въ крайне напряженномъ состояніи; торговля была въ застоѣ. Меньшинство волею-неволею покорилось и предоставило господствовавшей партіи полную свободу дѣйствій.

Каковы будутъ эти дѣйствія, было не совсѣмъ ясно. Большинство распадалось на два отдѣла. Одинъ отдѣлъ состоялъ изъ горячихъ и необузданныхъ виговъ, которые, получи они возможность безпрепятственно дѣйствовать по-своему, придали бы мѣ-

Digitized by Google

рамъ конвента рѣшительно революціонный характеръ. Другой отдѣлъ допускалъ, что революція была необходима, но считалъ ее необходимымъ зломъ и желалъ елико возможно замаскировать ее личиною законности. Первый отдѣлъ требовалъ явнаго признанія права подданныхъ низвергать дурныхъ государей. Послѣдній отдѣлъ желалъ избавить отечество отъ одного дурнаго государя, безъ провозглашенія такихъ ученій, которыя могли бы злоупотребляться для ослабленія справедливой и благотворной власти будущихъ монарховъ. Первый отдѣлъ напиралъ преимущественно на дурное управленіе короля; послѣдній — на его бѣгство. Первый отдѣлъ говорилъ, что король утратилъ корону; послѣдній — что онъ отрекся отъ нея. Не легко было начертать формулу, которая бы удовлетворила всѣхъ, чье согласіе было необходимо; но наконецъ изъ множества проектовъ, предложенныхъ съ различныхъ сторонъ, составлена была резолюція, заслужившая общее одобреніе. Король Іаковъ II, гласила она, покусившись ниспровергнуть конституцію королевства посредствомъ нарушенія кореннаго договора между королемъ и народомъ, преступивши, по совѣту іезуитовъ и другихъ злонамѣренныхъ лицъ, основные законы и удалившись изъ королевства, отрекся отъ правленія, и потому престолъ сдѣлался вакантнымъ.

Революція о вакансіи престола.

Эта резолюція неоднократно подвергалась самой мелочной и строгой критикѣ, какая когда-либо придиралась къ письменному выраженію человѣческой мысли; а между тѣмъ едва ли найдется другое письменное выраженіе человѣческой мысли, которое бы менѣе выдерживало такую критику. Что король, черезчуръ злоупотребляющій своею властью, можетъ утратить ее, это правда. Что король, уходящій тайкомъ изъ королевства, не принявши никакихъ мѣръ относительно управленія государствомъ, и оставляющій подданныхъ въ анархическомъ состояніи, можетъ довольно правильно быть названъ отрекшимся отъ престола, это тоже правда. Но ни одинъ точный писатель не станетъ утверждать, чтобы продолжительно-дурное управленіе и побѣгъ, взятые вмѣстѣ, составляли актъ отреченія. Очевидно также, что упоминаніе о іезуитахъ и другихъ злонамѣренныхъ совѣтникахъ Іакова не усиливаетъ, а ослабляетъ направленное противъ него обвиненіе, по-

тому что человѣкъ, введенный въ заблужденіе пагубнымъ совѣтомъ, конечно, заслуживаетъ болѣе снисхожденія, нежели человѣкъ, поступающій дурно по собственному побужденію. Безполезно, впрочемъ, разбирать эти достопамятныя слова такъ, какъ мы разбирали бы какую-нибудь главу изъ Аристотеля или Гоббза. Такія слова надобно разсматривать не какъ слова, а какъ дѣла. Если они производятъ надлежащее дѣйствіе, въ такомъ случаѣ они разумны, хотя бы въ нихъ и заключалось внутреннее противорѣчіе. Если же они не достигаютъ предположенной цѣли, въ такомъ случаѣ они нелѣпы, хотя бы и были вполнѣ доказательны. Логика не допускаетъ компромисса. Политика, напротивъ, живетъ и дышетъ компромиссомъ. Поэтому не удивительно, что нѣкоторые изъ важнѣйшихъ и полезнѣйшихъ въ мірѣ политическихъ документовъ принадлежатъ къ числу самыхъ нелогическихъ письменныхъ произведеній. Цѣль Сомерза, Мейнарда и другихъ замѣчательныхъ людей, составившихъ эту знаменитую резолюцію, заключалась не въ томъ, чтобы оставить потомству образецъ опредѣленія и разграниченія понятій, а въ томъ, чтобы сдѣлать возстановленіе тирана невозможнымъ и возвести на престолъ государя, при которомъ законъ и свобода были бы обезпечены. Этой цѣли достигли они посредствомъ такого языка, который въ философскомъ трактатѣ подвергся бы справедливому порицанію за неточность и сбивчивость. Они не заботились, согласуется ли у нихъ первая посылка съ заключеніемъ, если первая посылка доставляла имъ двѣсти голосовъ, а заключеніе еще двѣсти голосовъ. Въ самомъ дѣлѣ, существенное достоинство этой резолюціи есть ея непослѣдовательность. Она заключала въ себѣ по фразѣ для каждаго подраздѣленія большинства. Упоминаніе о коренномъ договорѣ удовлетворяло учениковъ Сидни. Слово «отреченіе» успокоивало политиковъ болѣе робкой школы. Многіе горячіе протестанты, безъ сомнѣнія, были довольны порицаніемъ іезуитовъ. Для истинно-государственнаго человѣка единственною важною статьею была та, которая объявляла престолъ вакантнымъ; а о томъ, какое вступленіе ей предшествовало, онъ мало заботился. Соединенная такимъ образомъ сила уничтожила всякую возможность сопротивленія. Комитетъ принялъ резолюцію безъ голосованія и

рѣшилъ доложить ее палатѣ немедленно. Поуль снова занялъ предсѣдательское кресло; жезлъ спикера былъ положенъ на столъ; Гампденъ прочелъ резолюцію; палата тотчасъ же одобрила ее и поручила ему представить ее лордамъ. (a)

Она представлена лордамъ.

На слѣдующее утро лорды собрались заблаговременно. Всѣ мѣста духовныхъ и свѣтскихъ перовъ были биткомъ набиты. Гампденъ явился у рѣшетки и вручилъ резолюцію коммонеровъ Галифаксу. Затѣмъ верхняя палата превратилась въ комитетъ, и Данби занялъ президентское кресло.

Пренія были вскорѣ прерваны вторичнымъ появленіемъ Гампдена съ новымъ посланіемъ. Палата возобновила свое засѣданіе и получила увѣдомленіе, что коммонеры признали несообразнымъ съ безопасностью и благоденствіемъ протестантской націи находиться подъ управленіемъ папистскаго короля. На эту резолюцію, при всей ея очевидной несовмѣстности съ ученіемъ о ненарушимомъ наслѣдственномъ правѣ, перы изъявили немедленное и единодушное согласіе. Принципъ, утвержденный такимъ образомъ, всегда почитался священнымъ всѣми протестантскими государственными людьми и никогда не былъ порицаемъ ни однимъ разумнымъ католикомъ. Конечно, еслибы наши государи, подобно президентамъ Соединенныхъ штатовъ, были только свѣтскими правителями, въ такомъ случаѣ не легко было бы оправдать такое ограниченіе. Но съ англійскою короною соединено главенство надъ Англійскою церковью, и потому нѣтъ никакой нетерпимости сказать, что церковь не должна быть подчиняема главѣ, который считаетъ ее раскольническою и еретическою. (b)

Пренія лордовъ о планѣ регентства.

Послѣ этого краткаго перерыва, лорды возобновили комитетскія занятія. Торіи настаивали, чтобы ихъ планъ былъ подвергнутъ обсужденію прежде постановленія коммонеровъ о вакансіи престола. Требованіе ихъ было исполнено, и президентъ пред-

---

(a) Commons'Journals, Jan. 28. 168⁸/₉; Grey's «*Debates*»; Ситтерс, $\frac{29\ \text{янв.}}{8\ \text{фев.}}$. Если отчетъ въ Grey's «*Debates*» правиленъ, въ такомъ случаѣ Ситтерсъ, должно быть, имѣлъ неточныя свѣдѣнія о рѣчи Сойера.

(b) Lords'and Commons'Journals, Jan. 29. 168⁸/₉.

ложилъ вопросъ: не будетъ ли наилучшимъ средствомъ къ охраненію законовъ и вольностей націи регентство, которое, при жизни Іакова, исполняло бы его именемъ обязанности королевской власти?

Пренія были продолжительны и горячи. Главными ораторами въ пользу регентства были Рочкстеръ и Ноттингамъ. Галифаксъ и Данби были вождями противной стороны. Примасъ, къ общему удивленію, не явился, хотя торійскіе перы настойчиво упрашивали его принять надъ ними предводительство. Его отсутствіе навлекло на него множество оскорбительныхъ укоризнъ; да и самые хвалители его не могли найти такого объясненія, которое бы клонилось къ его чести. (*) Планъ регентства принадлежалъ ему. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, въ бумагѣ, написанной собственной его рукою, онъ объявилъ, что этотъ планъ рѣшительно лучшій изъ всѣхъ, какіе только можно было придумать. Совѣщанія лордовъ, поддерживавшихъ этотъ планъ, происходили у него во дворцѣ. Его положеніе вмѣняло ему въ прямую обязанность высказаться публично. Подозрѣвать его въ личной трусости или въ какомъ-нибудь низкомъ побужденіи невозможно. Онъ бездѣйствовалъ въ этотъ великій моментъ, вѣроятно, изъ нервической боязни поступить дурно; но ему слѣдовало бы знать, что въ его положеніи бездѣйствіе равнялось дурному поступку. Человѣкъ, не рѣшающійся взять на себя тяжкую отвѣтственность въ критическую минуту, не долженъ принимать мѣста перваго сановника церкви и перваго вельможи государства.

Неудивительно, впрочемъ, что Санкрофтъ чувствовалъ себя очень неловко. Онъ не могъ не сознавать той очевидной истины, что планъ, который предлагалъ онъ своимъ друзьямъ, былъ совершенно несовмѣстенъ съ тѣмъ, что онъ и его братія проповѣдывали въ теченіе многихъ лѣтъ. Тезисы, гласившіе, что король имѣлъ божественное и неотъемлемое право на верховную власть, и что народъ не могъ безъ грѣха противиться даже черезчуръ

(*) Clarendon's «*Diary*», Jan. 21. 168 $^{8}/_{9}$; Burnet, I. 810.; Doyly's «*Life of Sancroft.*»

злоупотребляемой верховной власти, были основами ученія, которымъ Англиканская церковь издавна тщеславилась. Неужели же это ученіе въ сущности означало только то, что король имѣлъ божественное и неотъемлемое право видѣть свое изображеніе и имя вырѣзанными на печати, которая ежедневно употреблялась бы въ ущербъ ему, для уполномоченія его враговъ вести войну противъ него и для отправленія его друзей на висѣлицу за повиновеніе ему? Неужели весь долгъ вѣрноподданнаго состоялъ въ употребленіи слова «король»? Если такъ, то Ферфаксъ при Незби и Брадшо въ Верховномъ судилищѣ вполнѣ исполняли долгъ вѣрноподданныхъ, потому что генералы, сражавшіеся противъ Карла I, и даже судьи, приговорившіе его къ смерти, постоянно называли его королемъ. Ни одно дѣйствіе Долгаго парламента не было такъ строго порицаемо церковью, какъ замысловатое употребленіе титула Карла въ ущербъ этому королю. Она требовала, чтобы каждый изъ ея служителей подписывалъ декларацію, называвшую предательскою ту фикцію, посредствомъ которой власть государя была отдѣляема отъ его особы. (*) А между тѣмъ примасъ и многіе изъ его суффрагановъ считали теперь эту предательскую фикцію единственнымъ основаніемъ, на которомъ, строго согласуясь съ христіанскою нравственностью, могли они устроить правленіе.

Различіе, заимствованное Санкрофтомъ у круглоголовыхъ предшествовавшаго поколѣнія, совершенно ниспровергало ту политическую систему, которую церковь и университеты основывали на словахъ св. Павла. Духъ Святой, тысячу разъ твердили они, повелѣлъ римлянамъ подчиняться Нерону. Смыслъ этой заповѣди, оказывалось теперь, заключался лишь въ томъ, что римляне должны были называть Нерона Августомъ. Они были совершенно вольны прогнать его за Евфратъ, навязать его на шею парѳянамъ, сопротивляться ему, еслибы онъ попытался возвратиться, наказывать всѣхъ, кто помогалъ ему или сносился съ нимъ, и передать трибунскую власть и власть консульскую, пред-

(*) См. Актъ о Единовѣріи.

сѣдательство въ сенатѣ и начальство надъ легіонами, Гальбѣ или Веспасіану.

Аналогія, которую архіепископъ находилъ между положеніемъ тупоумнаго короля и положеніемъ короля сумасшедшаго, не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Іаковъ очевидно не былъ въ томъ состояніи ума, въ которомъ, будь онъ простымъ помѣщикомъ или купцомъ, судебныя мѣста признали бы его неспособнымъ къ заключенію контракта или къ совершенію духовнаго завѣщанія. Онъ былъ слабоуменъ лишь на столько, на сколько слабоумны всѣ дурные короли, на сколько слабоуменъ былъ Карлъ I, когда онъ вздумалъ арестовать пятерыхъ членовъ парламента, на сколько слабоуменъ былъ Карлъ II, когда онъ заключилъ Дуврскій трактатъ. Если этотъ родъ умопомѣшательства не давалъ подданнымъ права отказывать государямъ въ повиновеніи, въ такомъ случаѣ никакъ нельзя было защищать планъ регентства. Если же этотъ родъ умопомѣшательства давалъ подданнымъ право отказывать государямъ въ повиновеніи, въ такомъ случаѣ надобно было совершенно покинуть ученіе о несопротивленіи и вполнѣ признать все то, за что стояли умѣренные виги.

Что касается до присяги на подданство, о которой такъ безпокоились Санкрофтъ и его ученики, ясно по крайней мѣрѣ то, что, кто бы правъ ни былъ, они во всякомъ случаѣ были неправы. Виги утверждали, что въ присягѣ на подданство подразумѣвались извѣстныя условія, что король нарушилъ эти условія, и что поэтому присяга утратила свою силу. Но если вигское ученіе было ошибочно, если присяга не теряла своего значенія, могли ли умные люди дѣйствительно думать, что они избѣгали клятвопреступленія, подавая голосъ за регентство? Могли ли они утверждать, что они оставались вѣрными подданными Іакова, когда, вопреки его протестамъ передъ всею Европою, уполномочивали другое лицо получать королевскіе доходы, созывать и отсрочивать парламенты, раздавать герцогскіе и графскіе титулы, назначать епископовъ и судей, прощать преступниковъ, начальствовать надъ военными силами государства и заключать договоры съ иностранными державами? Могъ ли бы Паскаль найти въ какомъ-нибудь фоліантѣ іезуитскаго казуиста софизмъ предосудительнѣе того, который

Digitized by Google

теперь, казалось, вполнѣ успокоивалъ совѣсть отцовъ Англиканской церкви?

Ничто не могло быть очевиднѣе того, что планъ регентства могъ быть защищаемъ только на основаніи вигскихъ началъ. Между разумными сторонниками этого плана и большинствомъ палаты общинъ не могло быть спора относительно юридической стороны дѣла. Оставался вопросъ о практичности. Но сталъ ли бы кто-нибудь изъ государственныхъ людей серьёзно утверждать, что было бы практично учредить двуглавое правительство и предоставить одной главѣ королевскую власть безъ королевскаго сана, а другой — королевскій санъ безъ королевской власти? Извѣстно было, что такой порядокъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда малолѣтство или безуміе государя дѣлали его необходимымъ, имѣлъ важныя неудобства. Времена регентства всегда были временами слабости, смуты и злополучія. Эта истина доказывалась всею исторіею Англіи, Франціи и Шотландіи и почти обратилась въ поговорку. Но въ случаѣ малолѣтства или безумія король былъ по крайней мѣрѣ пассивенъ. Онъ не могъ активно противодѣйствовать регенту. Теперь же предлагалось, чтобы Англія имѣла двухъ правителей, бывшихъ въ зрѣломъ возрастѣ и здравомъ умѣ и находившихся въ непримиримой враждѣ между собою. Толковать о предоставленіи Іакову только королевскаго титула и о лишеніи его всей королевской власти было нелѣпо. Титулъ былъ долею власти. Слово король было магическое слово. Оно соединялось въ умахъ у многихъ англичанъ съ понятіемъ о таинственномъ назначеніи свыше и почти у всѣхъ англичанъ съ понятіемъ о законной и почтенной власти. Если же титулъ имѣлъ такую силу надъ умами, то лица, которыя утверждали, что Іакова надлежало лишить всякой власти, конечно, не могли отрицать, что его надлежало лишить и титула.

Долго ли, наконецъ, должно было продолжаться аномальное правленіе, придуманное творческимъ духомъ Санкрофта? Всѣ доводы, требовавшіе учрежденія его въ данное время, могли бы съ равною силою требовать сохраненія его до скончанія вѣка. Если ребенокъ, увезенный во Францію, былъ дѣйствительно рожденъ королевою, въ такомъ случаѣ онъ наслѣдовалъ бы послѣ

отца божественное и неотъемлемое право титуловаться королемъ. То же самое право, по всей вѣроятности, переходило бы отъ паписта къ паписту въ теченіе всего XVIII и XIX столѣтій. Обѣ палаты единодушно рѣшили, что Англія не должна быть управляема папистомъ. Поэтому, легко могло бы статься, что верховная власть, изъ рода въ родъ, оставалась бы въ рукахъ регентовъ, которые управляли бы именемъ праздношатающихся и нищенствующихъ королей. Регенты, разумѣется, назначались бы парламентомъ, и потому слѣдствіемъ проекта, имѣвшаго цѣлью сохранить неприкосновенность священнаго начала наслѣдственной монархіи, было бы то, что монархія сдѣлалась бы фактически избирательною.

Имѣлось еще и другое неопровержимое возраженіе противъ плана Санкрофта. Въ собраніи статутовъ существовалъ законъ, изданный вскорѣ по окончаніи долгой кровавой распри между Іоркскимъ и Ланкастерскимъ домами и составленный для предотвращенія такихъ бѣдствій, какія постигали нобльменовъ и джентльменовъ послѣ побѣдъ того или другаго изъ этихъ домовъ. На основаніи этого закона, служеніе королю, обладавшему верховною властью, не могло быть вмѣняемо его приверженцамъ въ измѣну. Когда цареубійцы были преданы послѣ Реставраціи суду, нѣкоторые изъ нихъ утверждали, что дѣйствіе этого акта распространялось и на нихъ. Мы, говорили они, повиновались правительству, обладавшему верховною властью, и потому мы не измѣнники. Судьи признали, что такое оправданіе имѣло бы дѣйствительную силу, еслибы подсудимые дѣйствовали по приказанію узурпатора, который бы, подобно Генриху IV и Ричарду III, носилъ королевскій титулъ, но объявили, что оно не могло помочь людямъ, обвинившимъ и приговорившимъ къ смерти того, кто въ обвинительномъ актѣ и въ смертномъ приговорѣ именуемъ былъ королемъ. Отсюда слѣдовало, что всякій, кто сталъ бы поддерживать регента въ ущербъ Іакову, въ случаѣ вторичнаго пріобрѣтенія Іаковомъ верховной власти, подвергался бы сильной опасности быть повѣшеннымъ, колесованнымъ и четвертованнымъ, тогда какъ за поддержку короля, царствовавшаго, хотя и неправильно, въ Вайтголлѣ, противъ короля, находившагося въ изгнаніи въ Сенъ-

Въ теченіе слѣдующихъ двухъ дней Лондонъ былъ въ безпокойномъ и напряженномъ состояніи. Торіи начали надѣяться, что имъ удастся снова представить любимый ихъ планъ регентства съ бо́льшимъ противъ прежняго успѣхомъ. Быть можетъ, думали они, самъ принцъ, убѣдившись, что у него не было никакого шанса носить корону, предпочтетъ проектъ Санкрофта проекту Данби. Быть королемъ, конечно, лучше, нежели быть регентомъ; но лучше быть регентомъ, нежели камергеромъ. Съ другой стороны, низшіе и ярые разряды виговъ, бывшіе эммиссары Шафтсбёри, бывшіе товарищи Колледжа, начали волноваться въ Сити. Толпы народа собирались на Дворцовой площади и вели грозныя рѣчи. Лордъ Ловлесъ, какъ кажется, поощрявшій эти сборища, объявилъ перамъ, что ему поручено представить имъ петицію, заключавшую въ себѣ требованіе, чтобы они немедленно провозгласили принца и принцессу Оранскихъ королемъ и королевою. Лорды спросили его, кѣмъ подписана эта просьба. «Покамѣстъ еще никто не приложилъ къ ней руки, отвѣтилъ онъ: но, когда я принесу ее сюда въ слѣдующій разъ, рукъ будетъ довольно.» Эта угроза встревожила и взмутила собственную его партію. Дѣйствительно, передовые виги, еще болѣе чѣмъ торіи, заботились, чтобы совѣщанія конвента были совершенно свободны, и чтобы никто изъ приверженцевъ Іакова не могъ сказать, что палаты дѣйствовали подъ вліяніемъ насилія. Другая петиція, подобная той, которая была поручена Ловлесу, представлена была палатѣ общинъ; но коммонеры съ презрѣніемъ отвергли ее. Мейнардъ первый протестовалъ противъ покушенія уличной сволочи запугать государственныя сословія. Вильгельмъ призвалъ къ себѣ Ловлеса, сдѣлалъ ему строгій выговоръ и приказалъ городскому начальству дѣйствовать энергически противъ всякихъ незаконныхъ скопищъ. (*) Въ исторіи нашей революціи ничто такъ не заслуживаетъ удивленія и подражанія, какъ дружность, съ кото-

Агитація въ Лондонѣ.

(*) Citters, $^{5}/_{15}$ февр. 1689; Clarendon's «*Diary*», Feb. 2. Дѣло это черезчуръ преувеличено въ книгѣ подъ заглавіемъ «*Revolution Politics*», крайне нелѣпой, но имѣющей нѣкоторую цѣну, какъ сводъ глупыхъ толковъ того времени. Grey's «*Debates*.»

рою обѣ партіи конвента, въ самый разгаръ своихъ споровъ, возстали какъ одинъ человѣкъ противъ господства столичной черни.

Письмо Іакова къ конвенту. Но, твердо рѣшившись поддерживать порядокъ и уважать свободу преній, виги такъ же точно рѣшились не дѣлать никакихъ уступокъ. Въ субботу, 2 февраля, коммонеры общимъ голосомъ постановили оставаться при своей резолюціи въ ея первоначальномъ видѣ. Іаковъ, по обыкновенію, помогъ своимъ врагамъ. Въ это самое время прибыло въ Лондонъ письмо отъ него къ конвенту. Оно было прислано Престону отступникомъ Мельфортомъ, который былъ тогда въ большой милости въ Сенъ-Жерменѣ. Имя Мельфорта было предметомъ омерзѣнія для каждаго церковника. Одно то, что онъ все еще былъ довѣреннымъ министромъ, уже достаточно доказывало, что тупоуміе и упорство Іакова были неисцѣлимы. Никто изъ членовъ обѣихъ палатъ не рѣшился предложить, чтобы письмо, полученное изъ такихъ рукъ, было прочитано. Содержаніе его, впрочемъ, было извѣстно всему городу. Его величество увѣщалъ лордовъ и коммонеровъ не отчаяваться въ его милосердіи и благосклонно увѣрялъ ихъ, что онъ проститъ тѣхъ, кто измѣнилъ ему, за исключеніемъ нѣсколькихъ лицъ, которыхъ онъ не называлъ. Можно ли было сдѣлать что-нибудь для государя, который, побѣжденный, покинутый, изгнанный, живя подаяніемъ, говорилъ рѣшителямъ своей судьбы, что еслибы они возстановили его на престолѣ, то онъ повѣсилъ бы только нѣсколькихъ изъ нихъ. (a)

Пренія. Распря между двумя отраслями законодательнаго собранія продолжалась еще нѣсколько дней. Въ понедѣльникъ, 4 февраля, перы рѣшили настаивать на сдѣланныхъ ими измѣненіяхъ; но противъ этого рѣшенія внесенъ былъ въ журналы палаты протестъ, подписанный тридцатью девятью именами. (b) На слѣдую-

Переговоры.

(a) Письмо Іакова, отъ $\frac{24 \text{ янв.}}{3 \text{ фев.}}$ 1689, находится у Кеннета. Въ Clarke's «*Life of James*» оно искажено самымъ недобросовѣстнымъ образомъ. См. Clarendon's «*Diary*», Feb. 2, 4.; Grey's «*Debates*»; Lords'Journals, Feb 2, 4. 168$^{8}/_{9}$.

(b) Многіе писатели, въ томъ числѣ Ральфъ и м-ръ Мажьюръ,

и не позволялъ себѣ ни словомъ, ни взглядомъ, ни жестомъ обнаружить удовольствіе или неудовольствіе. Одинъ изъ его соотечественниковъ, пользовавшійся большимъ его довѣріемъ, былъ приглашенъ на митингъ, и перы настойчиво упрашивали его сообщить имъ какія-нибудь свѣдѣнія. Онъ долго отговаривался; но наконецъ уступилъ ихъ просьбамъ на столько, что сказалъ: «Я могу только догадываться о намѣреніяхъ его высочества. Если вы желаете знать мою догадку, я догадываюсь, что онъ не захочетъ быть камергеромъ своей супруги; а впрочемъ я ничего не знаю.»—«Ну, а я теперь знаю кое-что, сказалъ Данби: я знаю довольно и даже слишкомъ много.» Послѣ того онъ уѣхалъ, и собраніе разошлось. (*)

31 января преніе, кончившееся такимъ образомъ въ частномъ собраніи, было публично возобновлено въ палатѣ лордовъ. День этотъ былъ назначенъ годовщиною національнаго молебствія. Особенная молитва была написана для этого случая нѣсколькими епископами, въ числѣ которыхъ находились Кенъ и Спратъ. Она ничуть не грѣшитъ ни лестью, ни злобою, которыми въ тотъ вѣкъ такъ часто обезображивались подобныя сочиненія, и, чуть ли не лучше всѣхъ другихъ однородныхъ съ нею молитвъ, написанныхъ въ теченіе послѣднихъ двухъ столѣтій, выдерживаетъ сравненіе съ тѣмъ великимъ образцемъ цѣломудреннаго, возвышеннаго и трогательнаго краснорѣчія, который извѣстенъ подъ названіемъ Общаго Молитвенника. Лорды отправились утромъ въ Вестминстерское аббатство. Коммонеры изъявили желаніе, чтобы Борнетъ сказалъ проповѣдь передъ ними въ церкви св. Маргариты. Онъ, конечно, не впалъ въ такую ошибку, какая была сдѣлана въ томъ же мѣстѣ наканунѣ. Его энергическая и оду-

(*) Dartmouth's note on Burnet, I. 393. Дартмутъ говоритъ, что голландецъ, у котораго лорды вынудили намекъ, былъ Фагель. Это — описка, весьма извинительная въ бѣглой замѣткѣ; но Дальримпль и другіе не должны были повторять такого очевиднаго промаха. Фагель умеръ въ Голландіи, 5 декабря 1688, когда Вильгельмъ былъ въ Салисбери, а Іаковъ въ Вайтголлѣ. Настоящимъ лицомъ, я полагаю, былъ Диквельтъ, Бентинкъ или Зулестейнъ, вѣроятнѣе всего Диквельтъ.

шевленная рѣчь, вызвала громкое одобреніе со стороны слушателей. Она была не только напечатана по приказанію палаты, но и переведена на французскій языкъ для назиданія иностранныхъ протестантовъ. (a) День окончился обычными въ такихъ случаяхъ празднествами. Весь городъ ярко освѣщался фейерверками и потѣшными огнями; громъ пушекъ и трезвонъ колоколовъ продолжались до глубокой ночи; но, прежде чѣмъ погасли огни и воцарилась тишина на улицахъ, произошло событіе, охладившее народную радость.

Пренія въ палатѣ лордовъ по вопросу о томъ, вакантенъ ли престолъ.

Перы отправились изъ аббатства въ свою палату и возобновили пренія о состояніи націи. Послѣднія слова резолюціи коммонеровъ подверглись обсужденію, и вскорѣ оказалось, что большинство не желало согласиться на эти слова. Къ сорока девяти лордамъ, полагавшимъ, что королевскій титулъ все еще принадлежалъ Іакову, присоединилось теперь семь или восемь перовъ, полагавшихъ, что онъ уже перешелъ къ Маріи. Виги, очутившись въ меньшинствѣ, попытались уладить дѣло компромиссомъ. Они предложили исключить слова, объявлявшія престолъ вакантнымъ, и просто провозгласить принца и принцессу королемъ и королевою. Очевидно, что такое провозглашеніе въ сущности было равнозначительно тому, противъ чего боролись торіи. Никто не могъ утверждать, чтобы Вильгельмъ наслѣдовалъ престолъ по праву рожденія. Поэтому резолюція, признававшая его королемъ, была актомъ избранія; а какимъ образомъ могло произойти избраніе безъ вакансіи? Предложеніе вигскихъ лордовъ было отвергнуто большинствомъ пятидесяти двухъ голосовъ противъ сорока семи. Затѣмъ предложенъ былъ вопросъ о томъ, вакантенъ ли престолъ. Утвердительныхъ голосовъ оказалось всего сорокъ одинъ; отрицательныхъ пятьдесятъ пять. Изъ меньшинства тридцать шесть лордовъ протестовали противъ этого рѣшенія. (b)

Большинство отвѣчаетъ отрицательно.

(a) Какъ молитва, такъ и проповѣдь Борнета до сихъ поръ встрѣчаются въ нашихъ большихъ библіотекахъ и весьма заслуживаютъ прочтенія.

(b) Lords'Journals, Jan. 31. 168$^{8}/_{9}$.

праву рожденія, все-таки это лицо будетъ царствовать не по праву рожденія, а въ силу нашего избранія, и получитъ какъ даръ то, что́ должно считаться наслѣдіемъ. Благотворное уваженіе, какимъ до сихъ поръ пользовались королевская кровь и порядокъ первородства, значительно ослабѣетъ. Еще важнѣе будетъ зло, если мы не только замѣстимъ престолъ избирательнымъ порядкомъ, но и замѣстимъ его государемъ, который безспорно обладаетъ качествами великаго и хорошаго правителя, и которому мы обязаны чудеснымъ избавленіемъ отъ ига, но который стоитъ не на первомъ и даже не на второмъ мѣстѣ въ порядкѣ престолонаслѣдія. Если мы разъ объявимъ, что заслуга, какъ бы велика ни была она, даетъ право на корону, мы потрясемъ самыя основанія нашего государственнаго устройства и создадимъ прецедентъ, могущій искушать каждаго честолюбиваго полководца или государственнаго человѣка, которому случится оказать обществу какую-нибудь великую услугу. Этой опасности мы избѣгнемъ, если до конца будемъ логически держаться началъ нашей конституціи. Прежній государь сложилъ съ себя корону. Въ моментъ этого сложенія короны ближайшій наслѣдникъ престола сдѣлался нашимъ законнымъ государемъ. Мы считаемъ ближайшею наслѣдницею престола принцессу Оранскую и утверждаемъ, что она должна быть безотлагательно провозглашена тѣмъ, чѣмъ она уже есть, т. е. нашею королевою.

Виги возражали, что примѣнять обыкновенныя правила къ странѣ, находившейся въ состояніи революціи, было нелѣпо, что настоящій великій вопросъ нельзя было рѣшать афоризмами педантическихъ юристовъ, и что еслибы такой способъ рѣшенія былъ необходимъ, то подобные афоризмы могли бы быть приведены и съ другой стороны. Если одно юридическое правило гласило, что престолъ не могъ быть вакантнымъ, то другое юридическое правило гласило, что живой человѣкъ не могъ имѣть наслѣдника. Іаковъ былъ еще живъ. Какимъ же образомъ могла принцесса Оранская быть его наслѣдницею? Дѣло въ томъ, что англійскіе законы заключали въ себѣ подробныя постановленія относительно престолонаслѣдія въ тѣхъ случаяхъ, когда власть государя прекращалась вмѣстѣ съ его жизнью, но не заключали въ себѣ никакихъ постановленій относительно

тѣхъ очень рѣдкихъ случаевъ, когда власть его прекращалась ранѣе его жизни; а къ числу этихъ очень рѣдкихъ случаевъ принадлежалъ и тотъ, который теперь представлялся вниманію конвента. Обѣ палаты объявили, что Іаковъ уже не занималъ престола. Ни обычное, ни статутное право не указывали никого, кто бы имѣлъ право занимать престолъ въ промежутокъ времени между отреченіемъ и кончиною Іакова. Слѣдовательно, престолъ былъ вакантенъ, и палаты могли пригласить принца Оранскаго занять его. Правда, по порядку преемничества онъ не былъ ближайшимъ наслѣдникомъ; но это обстоятельство ни мало не вредило ему: напротивъ, оно положительно говорило въ его пользу. Наслѣдственная монархія—хорошее политическое учрежденіе, но ничуть не священнѣе другихъ хорошихъ политическихъ учрежденій. Къ несчастію, изувѣрные и раболѣпные богословы превратили ее въ какое-то религіозное таинство, почти столь же чудесное и столь же непостижимое, какъ самое пресуществленіе. Сохранить учрежденіе и въ то же время отдѣлаться отъ гнусныхъ и вредныхъ суевѣрій, которыми оно было искажено въ послѣдніе годы, и которыя сдѣлали его источникомъ не благъ, а золъ для общества, долженствовало быть главною цѣлью англійскихъ государственныхъ людей; а наилучшимъ способомъ достигнуть этой цѣли было уклониться на время отъ обычнаго порядка престолонаслѣдія и потомъ снова возвратиться къ нему.

Митингъ у графа Девонширa.

Многіе пытались предотвратить открытый разрывъ между партіею принца и партіею принцессы. Въ домѣ графа Девонширa устроился большой митингъ. Пренія были горячи. Галифаксъ былъ главнымъ ораторомъ въ пользу Вильгельма, Данби — въ пользу Маріи. О намѣреніяхъ Маріи Данби ничего не зналъ. Ее уже нѣсколько времени ожидали въ Лондонѣ; но она была задержана въ Голландіи сначала массами льда, загромоздившими рѣки, а потомъ, когда началась оттепель, сильными западными вѣтрами. Еслибы она прибыла ранѣе, споръ, вѣроятно, прекратился бы тотчасъ же. Галифаксъ, съ другой стороны, не имѣлъ никакого права говорить отъ имени Вильгельма. Принцъ, вѣрный своему обѣщанію предоставить установленіе правительства конвенту, соблюдалъ непроницаемую тайну

наносить молитвы за государя. Каждый священнодѣйствовавшій іерей поступилъ по-своему. Въ большей части столичныхъ церквей моленія за Іакова были пропущены; но въ церкви св. Маргариты Шарпъ, деканъ норичскій, получившій предложеніе сказать проповѣдь передъ коммонерами, совершилъ въ присутствіи ихъ всю литургію въ томъ видѣ, какъ она значилась въ служебникѣ, и сверхъ того, передъ проповѣдью, собственными словами призвалъ благословеніе на короля, а къ концу рѣчи разразился бранью противъ іезуитскаго ученія о правѣ подданныхъ низлагать государей. Спикеръ въ тотъ же вечеръ принесъ палатѣ жалобу на это оскорбленіе. «Вы принимаете сегодня рѣшеніе, сказалъ онъ, а завтра оно отвергается съ каѳедры въ вашемъ присутствіи.» Торіи энергически защищали Шарпа, и даже между вигами нашлись у него друзья, не забывшіе, что онъ подвергался серьезной опасности въ худыя времена, когда, вопреки королевскому повелѣнію, мужественно проповѣдывалъ противъ папизма. Сэръ Кристоферъ Мосгревъ очень дѣльно замѣтилъ, что палата не обнародовала резолюціи о вакансіи престола. Поэтому, Шарпъ не только не былъ обязанъ знать о существованіи этой резолюціи, но и не могъ упоминать о ней безъ нарушенія палатской привилегіи, за которое ему пришлось бы явиться къ рѣшеткѣ, стать передъ нею на колѣни и подвергнуться строгому выговору. Большинство понимало, что ссориться въ такое время съ духовенствомъ было неблагоразумно, и потому дѣло это осталось безъ послѣдствій. (*)

Между тѣмъ какъ коммонеры обсуживали проповѣдь Шарпа, лорды снова образовали изъ себя комитетъ для обсужденія состоянія націи и распорядились, чтобы резолюція о вакансіи престола была прочитана по пунктамъ.

Прежде всего начались пренія по поводу того выраженія, которое признавало коренной договоръ между королемъ и народомъ. Нельзя было и ожидать, чтобы торійскіе перы безпрекословно

(*) Grey's «*Debates*»; Evelyn's «*Diary*»; «*Life of Archbishop Sharp*», by his son; «*Apology for the New Separation*», въ письмѣ къ д-ру Джону Шарпу, архіепископу іоркскому, 1691.

долженія этой агоніи неизвѣстности. Даже Ноттингамъ, бывшій въ конференцъ-залѣ главнымъ оппонентомъ коммонеровъ, объявилъ, что хотя совѣсть и не позволяла ему сдѣлать уступки, однако онъ былъ радъ, что у другихъ она была менѣе щекотлива. Нѣкоторые лорды, еще не вотировавшіе въ конвентѣ, были призваны теперь въ верхнюю палату. Таковы были: лордъ Лекснингтонъ, только-что успѣвшій примчаться съ материка Европы, графъ Линкольнъ, почти выжившій изъ ума, графъ Карлайль, приковылявшій на костыляхъ, и епископъ Кру, до тѣхъ поръ скрывавшійся и намѣревавшійся бѣжать за море, но теперь получившій обѣщаніе, что въ случаѣ подачи имъ голоса въ пользу установленія правительства, поведеніе его въ церковной коммиссіи будетъ предано забвенію. Данби, желая прекратить причиненный имъ раздоръ, произнесъ необыкновенно искусную рѣчь, которою убѣждалъ палату не продолжать борьбы, грозившей роковыми послѣдствіями для государства. Онъ былъ ревностно поддержанъ Галифаксомъ. Упорство противной партіи ослабѣло. Когда предложенъ былъ вопросъ, отрекся ли король Іаковъ отъ правленія, только три лорда отвѣтили отрицательно. По вопросу о томъ, вакантенъ ли былъ престолъ, палата потребовала голосованія. Утвердительныхъ голосовъ оказалось шестьдесятъ два; отрицательныхъ — сорокъ семь. Вслѣдъ за тѣмъ немедленно было предложено и принято безъ голосованія рѣшеніе, что принцъ и принцесса Оранскіе должны быть провозглашены королемъ и королевою Англіи. (a) Лорды уступаютъ.

Послѣ того Ноттингамъ предложилъ измѣнить формы вѣрноподданнической и супрематической присягъ такимъ образомъ, чтобы эти присяги могли быть добросовѣстно даваемы лицами, которыя, подобно ему, не одобряли дѣйствій конвента, но въ то же время искренно намѣревались быть вѣрными и покорными подданными новыхъ государей. Предложеніе это не встрѣтило никакого возра-

---

(a) Lords'Journals, Feb. 6. 168⁸/₉; Clarendon's «*Diary*»; Burnet, I. 822 и Dartmouth's note; Citters, $^{8}/_{18}$ февраля. Я заимствовалъ цифры у Кларендона. По однимъ писателямъ, число голосовъ большинства было нѣсколько меньше, по другимъ — нѣсколько больше.

женія. Не подлежитъ сомнѣнію, что по этому предмету существовало соглашеніе между вигскими предводителями и тѣми торійскими лордами, которые рѣшили судьбу послѣдняго голосованія. Новыя присяги были отправлены коммонерамъ вмѣстѣ съ резолюціею о томъ, что принцъ и принцесса должны быть провозглашены королемъ и королевою. (a)

Новые законы, предложенные для обезпеченія свободы.

Теперь было извѣстно, кому передается корона. Оставалось еще рѣшить, на какихъ условіяхъ будетъ она передана. Коммонеры назначили комитетъ для обсужденія вопроса, какія мѣры надлежало принять, чтобы обезпечить законъ и свободу отъ посягательствъ будущихъ государей, и комитетъ представилъ докладъ. (b) Докладъ этотъ предлагалъ, во первыхъ, торжественно подтвердить тѣ великія начала конституціи, которыя были нарушены низвергнутымъ королемъ, и, во вторыхъ, издать многіе новые законы, съ цѣлью обуздать прерогативу и улучшить отправленіе правосудія. Предложенія комитета были большею частью превосходны; но палаты не успѣли бы не только въ мѣсяцъ, но и въ годъ, надлежащимъ образомъ рѣшить такое множество разнообразныхъ и важныхъ вопросовъ. Комитетъ, между прочимъ, предлагалъ преобразовать милицію, ограничить власть короля отсрочивать и распускать парламенты, сократить срокъ парламентовъ, устранить вмѣшательство королевскаго помилованія въ дѣла, производящіяся по парламентскимъ обвиненіямъ, даровать свободу исповѣданія протестантскимъ диссидентамъ, точнѣе опредѣлить преступленіе государственной измѣны, постановить, чтобы процессы по обвиненіямъ въ государственной измѣнѣ производились болѣе благопріятнымъ для невинности образомъ, узаконить, чтобы судьи занимали свои мѣста пожизненно, измѣнить порядокъ опредѣленія шерифовъ, предписать, чтобы присяжные назначались такимъ способомъ, который бы устранялъ возможность пристрастія и продажности, отмѣнить дѣлопроизводство по уголовнымъ доносамъ въ судѣ королевской скамьи, преобразовать канцлерскій судъ, опредѣлить оффиціяльные доходы чиновниковъ и наконецъ

(a) Lords'Journals, Feb. 6, 7. 168⁸/₉; Clarendon's «*Diary*.»
(b) Commons'Journals, Jan. 29. Feb. 2. 168⁸/₉.

Онъ горячо выразилъ свое негодованіе Бентинку и просилъ уволить его отъ должности капелана. «Пока я служу его высочеству, сказалъ храбрый и честный богословъ, мнѣ неприлично противиться мѣрѣ, которая, быть можетъ, пользуется его одобреніемъ. Поэтому я желаю увольненія для того, чтобы защищать дѣло принцессы всѣми способностями, какія далъ мнѣ Богъ.» Бентинкъ уговорилъ Борнета отложить открытое объявленіе вражды до полученія точныхъ свѣдѣній о рѣшеніи Вильгельма. Черезъ нѣсколько часовъ, планъ, возбудившій такое негодованіе, былъ совершенно покинутъ, и всѣ противники Іакова, переставшіе считать его королемъ, согласились между собою относительно того, какимъ образомъ замѣстить престолъ. Вильгельмъ и Марія должны были быть королемъ и королевою. Изображенія обоихъ должны были являться на монетѣ вмѣстѣ; указы должны были исходить отъ имени обоихъ; обое должны были пользоваться всѣми личными почестями и преимуществами королевскаго сана; но администрація, которую нельзя было безопасно раздѣлить между двумя лицами, должна была принадлежать одному Вильгельму. (a)

Конференція между палатами.

Между тѣмъ наступило время для конференціи между палатами. Представители лордовъ, въ парадныхъ мантіяхъ, заняли мѣста по одну сторону стола въ конференцъ-залѣ; но толпа членовъ палаты общинъ съ другой стороны была такъ велика, что джентльмены, которые должны были диспутировать, тщетно пытались пробиться впередъ. Экзекуторъ принужденъ былъ потратить много труда и времени, прежде чѣмъ успѣлъ открыть проходъ. (b)

(a) Mulgrave's «*Account of the Revolution.*» Въ первыхъ трехъ изданіяхъ фактъ этотъ разсказанъ мною невѣрно. (96) Вина этой ошибки падаетъ главнымъ образомъ на меня, но частію также и на Борнета, который неправильнымъ употребленіемъ мѣстоименія *онъ* ввелъ меня въ заблужденіе. Burnet, I. 818.

(b) Commons'Journals, Feb. 6. 168[illegible].

(96) Въ этихъ изданіяхъ Борнетъ объясняется не съ Бентинкомъ, а съ Вильгельмомъ.

Наконецъ пренія начались. До насъ дошелъ полный отчетъ о рѣчахъ съ обѣихъ сторонъ. Изъ лицъ, посвятившихъ себя изученію исторіи, не много найдется такихъ, которыя бы не принимались за этотъ отчетъ съ живымъ любопытствомъ и не бросали его съ разочарованіемъ. Вопросъ, бывшій причиною несогласія между палатами, разбирался съ обѣихъ сторонъ какъ юридическій вопросъ. Возраженія лордовъ противъ резолюціи коммонеровъ были чисто формальны и опровергались чисто формальными отвѣтами. Сомерзъ оправдывалъ употребленіе слова «отреченіе» цитатами изъ Гроція и Бриссонія, Спигелія и Бартола. Когда его попросили указать какой-нибудь авторитетъ въ пользу предположенія, что Англія могла быть безъ государя, онъ представилъ парламентскій свитокъ 1399 года, гдѣ положительно говорилось, что престолъ былъ вакантенъ въ промежутокъ времени между отреченіемъ Ричарда II и воцареніемъ Генриха IV. Лорды, въ свою очередь, представили парламентскій свитокъ перваго года царствованія Эдуарда IV, откуда явствовало, что постановленіе 1399 года было торжественно уничтожено. Поэтому они утверждали, что прецедентъ, на который ссылался Сомерзъ, не имѣлъ законной силы. Тогда Треби явился на помощь Сомерзу и представилъ парламентскій свитокъ перваго года царствованія Генриха VII, отмѣнившій актъ Эдуарда IV и слѣдовательно возстановившій законную силу постановленія 1399 года. Послѣ нѣсколькихъ часовъ словопренія, диспутанты разошлись. (a) Лорды собрались въ своей палатѣ. Очевидно было, что они готовились уступить, и что конференція была просто формальностью. Друзья Маріи увидѣли, что, навязавши ей роль соперницы ея супруга, они глубоко огорчили ее. Нѣкоторые изъ перовъ, вотировавшихъ прежде въ пользу регентства, рѣшились или отсутствовать, или же одобрить резолюцію нижней палаты. Мнѣніе ихъ, говорили они, не измѣнилось; но какое-нибудь правительство было лучше, нежели никакое, да и страна не могла выносить про-

---

(a) См. Lords' and Commons' Journals, Feb. 6. 168⁸/₉ и Report of the Conference.

тивъ ихъ собственной воли было дѣломъ совершенно безнадежнымъ (*).

Вильгельмъ объясняетъ свои намѣренія.

Наконецъ Вильгельмъ призналъ, что пора объясниться наступила. Вслѣдствіе этого, онъ пригласилъ къ себѣ Галифакса, Данби, Шрусбёри и нѣкоторыхъ другихъ извѣстныхъ политическихъ вождей и, съ тѣмъ видомъ стоическаго безстрастія, подъ которымъ онъ съ дѣтства привыкъ скрывать самыя сильныя душевныя движенія, сказалъ имъ нѣсколько глубоко обдуманныхъ и полновѣсныхъ словъ.

До сихъ поръ — такова была сущность его рѣчи — онъ хранилъ молчаніе; онъ не употреблялъ ни просьбъ, ни угрозъ; онъ не позволялъ себѣ даже намека на свои мнѣнія или желанія; но теперь настала критическая минута, въ которую ему необходимо было объявить свои намѣренія. Онъ не имѣлъ ни права, ни желанія предписывать условія конвенту. Всѣ его притязанія ограничивались привилегіею отказа отъ такого оффиціальнаго положенія, какого онъ не могъ бы занимать съ честью для себя и съ пользою для народа.

Сильная партія хотѣла регентства. Палаты должны были рѣшить, согласовалось ли такое учрежденіе съ интересами націи. У него же было опредѣленное мнѣніе объ этомъ предметѣ, и онъ считалъ нужнымъ прямо сказать, что онъ не желалъ быть регентомъ.

Другая партія хотѣла возвести на престолъ принцессу, а ему, при жизни ея, дать титулъ короля и такую долю въ управленіи, какую ей заблагоразсудилось бы предоставить ему. Онъ не могъ унизиться до такого положенія. Онъ уважалъ принцессу, какъ только могъ мужчина уважать женщину; но даже и отъ нея не хотѣлъ онъ принять подчиненнаго и непрочнаго мѣста въ правительствѣ. Онъ ужъ такъ былъ созданъ, что не могъ позволить привязать себя къ узлу передника даже лучшей изъ женщинъ. Онъ не добивался никакой роли въ англійскихъ дѣлахъ; но еслибы ему предложили принять какую-нибудь роль, одну только роль могъ бы онъ занимать съ пользою и честью. Еслибы государ-

(*) Clarendon's «*Diary*», Feb. 5. 168⁸/₉; «*Duchess of Marlborough's Vindication*»; Mulgrave's «*Account of the Revolution.*»

ственныя сословія предложили ему корону пожизненно, онъ бы принялъ ее. Въ противномъ случаѣ, онъ безропотно вернулся бы на родину. Въ заключеніе онъ сказалъ, что признавалъ справедливымъ, чтобы принцесса Анна и ея потомство имѣли преимущество въ престолонаслѣдіи передъ всѣми дѣтьми, которыхъ онъ, въ случаѣ кончины принцессы Маріи, могъ бы имѣть отъ другой супруги. (*)

Собраніе разошлось, и черезъ нѣсколько часовъ слова принца сдѣлались извѣстны всему Лондону. Что онъ долженъ былъ стать королемъ, было теперь ясно. Оставалось рѣшить, будетъ ли онъ облеченъ королевскимъ саномъ одинъ, или совокупно съ принцессой. Галифаксъ и нѣкоторые другіе политики, слишкомъ живо представлявшіе себѣ опасность раздѣленія верховной исполнительной власти, находили желательнымъ, чтобы, при жизни Вильгельма, Марія титуловалась только королевою-супругою и была подданною своего мужа. Но это предложеніе, хотя въ пользу его, конечно, можно было бы привести много доводовъ, возмутило даже тѣхъ англичанъ, которые были наиболѣе преданы принцу. Его жена представила безпримѣрное доказательство супружеской покорности и любви; а потому самое малое, чѣмъ можно было отплатить ей, было даровать ей санъ царствующей королевы. Вилліамъ Гарбордъ, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ принца, до того разгорячился, что вскочилъ съ постели, къ которой приковывала его подагра, и запальчиво объявилъ, что онъ ни за что не обнажилъ бы меча въ интересѣ его высочества, еслибы предвидѣлъ такое постыдное распоряженіе. Никто не принялъ этого дѣла такъ близко къ сердцу, какъ Борнетъ. Кровь его закипѣла отъ обиды, нанесенной его доброй покровительницѣ.

(*) Burnet, I. 820. Борнетъ говоритъ, что въ разсказѣ своемъ о событіяхъ этого тревожнаго времени онъ не придерживался хронологическаго порядка. Поэтому и принужденъ былъ расположить ихъ гадательно; но, мнѣ кажется, я едва ли ошибаюсь, предполагая, что письмо принцессы Оранской къ Данби прибыло, а объясненіе принца послѣдовало, въ промежутокъ времени между четвергомъ, 31 января, и средою, 6 февраля.

щій день торіи вознамѣрились испытать свою силу въ нижней палатѣ. Они явились туда въ значительномъ числѣ и предложили палатѣ согласиться на измѣненія, сдѣланныя лордами. Приверженцы плана Санкрофта и приверженцы плана Данби соединились въ пользу этого предложенія; но оно было отвергнуто большинствомъ двухъ сотъ восьмидесяти двухъ голосовъ противъ ста пятидесяти одного. Затѣмъ палата рѣшила просить конференціи у лордовъ. (a)

Письмо принцессы Оранской къ Данби.

Въ то же самое время внѣ конвента употреблялись ревностныя усилія для прекращенія спора между двумя отраслями законодательнаго собранія. Борнетъ пришелъ къ убѣжденію, что важность кризиса давала ему право открыть великую тайну, которую ввѣрила ему принцесса. «Я слышалъ изъ собственныхъ устъ ея высочества, сказалъ онъ, что, еслибы даже пришлось ей вступить на престолъ по обыкновенному порядку преемничества, она уже давно вполнѣ рѣшилась передать свою власть, съ согласія парламента, въ руки своего супруга.» Данби получилъ отъ нея строгій и почти гнѣвный выговоръ. Она писала, что она жена принца, что единственнымъ ея желаніемъ было подчиняться ему, что навязывать ей роль его соперницы значило причинять ей жесточайшую обиду, и что она не могла считать истиннымъ своимъ другомъ того, кто дѣйствовалъ такимъ образомъ. (b) У торіевъ оставалась еще одна надежда. Анна могла предъявить свои права и права своихъ дѣтей. Употреблены были всѣ усилія, чтобы возбудить ея честолюбіе и встревожить ея совѣсть. Дядя ея Кларендонъ былъ особенно дѣятеленъ. Лишь нѣсколько недѣль прошло съ тѣхъ поръ, какъ надежда на богатство и величіе побудила его отречься отъ тщеславныхъ убѣжденій всей его жизни, покинуть королевскую сто-

Принцесса Анна одобряетъ планъ заговоръ.

утверждали, будто и Данби подписалъ этотъ протестъ. Это ошибка. Вѣроятно, кто нибудь изъ разсматривавшихъ журналы до ихъ напечатанія, ошибкою принялъ Дерби за Данби. Lords'Journals, Feb. 4. 168⁸ „. Ивлинъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, вмѣсто Данби написалъ по ошибкѣ Дерби. «*Diary*», Jan. 29. 168⁸ „.

(a) Commons'Journals, Feb. 5. 168⁸ „.

(b) Burnet, I. 819.

исправить законоположеніе о *Quo Warranto*. Очевидно, что осторожное и обдуманное законодательство по этимъ предметамъ потребовало бы не одной, а нѣсколькихъ многотрудныхъ сессій; очевидно также, что торопливое и незрѣлое законодательство по такимъ важнымъ предметамъ породило бы только новыя злоупотребленія, еще хуже тѣхъ, которыя оно могло бы устранить. Если комитетъ имѣлъ въ виду представить перечень реформъ, которыя надлежало совершить прежде замѣщенія престола, въ такомъ случаѣ перечень этотъ былъ нелѣпо длиненъ. Если же комитетъ имѣлъ въ виду представить перечень всѣхъ реформъ, которыя законодательное собраніе должно было произвести въ свое время, въ такомъ случаѣ перечень этотъ былъ поразительно неполонъ. И дѣйствительно, какъ только прочитанъ былъ докладъ, члены начали одинъ за другимъ дѣлать различныя дополненія. Предложено и рѣшено было воспретить продажу должностей, подтвердить строгое соблюденіе *Habeas Corpus Act*'а и пересмотрѣть законоположенія о предѣлахъ власти высшихъ судебныхъ мѣстъ. Одинъ джентльменъ напалъ на сборщиковъ подымной подати, другой — на сборщиковъ акциза, и палата рѣшила обуздать злоупотребленія и сборщиковъ подымной подати, и сборщиковъ акциза. Весьма замѣчательно, что въ то время, какъ вся политическая, военная, судебная и финансовая система королевства подвергалась такимъ образомъ пересмотру, ни одинъ изъ представителей народа не потребовалъ отмѣны статута, подчинявшаго прессу цензурѣ. Даже самые просвѣщенные люди еще не понимали, что свобода печати — главный оплотъ всѣхъ другихъ видовъ свободы. (a)

Палата была въ большомъ затрудненіи. Нѣкоторые ораторы запальчиво говорили, что уже и безъ того потеряно слишкомъ много времени, и что дѣло установленія правительства не допускало болѣе ни одного дня проволочки. Общество, доказывали они, находилось въ безпокойномъ состояніи; торговля шла вяло; англійская колонія въ Ирландіи была на волосъ отъ совершенной

Преніе и компромиссъ.

(a) Commons'Journals, Feb. 2. 168$^{8}/_{9}$.

погибели; явнѣ грозила война; изгнанный король могъ, черезъ нѣсколько недѣль, явиться въ Дублинъ съ французскою арміею; а изъ Дублина онъ могъ быстро переправиться въ Честеръ. Не безуміе ли было въ такую критическую минуту оставлять престолъ незамѣщеннымъ и, между тѣмъ какъ самое существованіе парламентовъ подвергалось опасности, тратить время на пренія о томъ, должны ли парламенты отсрочиваться государемъ или собственною властью? Съ другой стороны спрашивали, могъ ли конвентъ думать, что онъ исполнилъ свое назначеніе, ограничившись низложеніемъ одного государя и возведеніемъ на престолъ другаго. Теперь была самая удобная пора обезпечить общественную свободу такими оградами, которыя бы положили конецъ злоупотребленіямъ прерогативы. (*) Доводы обѣихъ сторонъ были несомнѣнно весьма важны. Искусные предводители вигской партіи, между которыми быстро возрасталъ авторитетъ Сомерза, предложили избрать середину. Палата, говорили они, должна рѣшить двѣ задачи, отличныя одна отъ другой. Одна задача — обезпечить древнюю конституцію государства отъ незаконныхъ посягательствъ; другая — улучшить эту конституцію посредствомъ законныхъ реформъ. Первая задача можетъ быть разрѣшена торжественнымъ заявленіемъ въ резолюціи, призывающей новыхъ государей на престолъ, притязанія англійской націи на старинныя вольности, такъ чтобы король пользовался своею короною, а народъ своими привилегіями, на основаніи одного и того же документа. Послѣдняя задача, для разрѣшенія своего, требуетъ цѣлаго тома тщательно составленныхъ статутовъ. Первое дѣло можетъ быть исполнено въ одинъ день, послѣднее едва ли и въ пять лѣтъ. Относительно первой задачи всѣ партіи согласны между собою; относительно послѣдней существуютъ безчисленныя разногласія. Никто изъ членовъ обѣихъ палатъ ни на минуту не поколеблется вотировать, что король не можетъ взимать податей безъ согласія парламента; но едва ли возможно составить такой новый законъ о судопроизводствѣ въ случаяхъ государственной измѣны, который бы не возбудилъ продолжительныхъ преній и не подвергся порицаніямъ однихъ за не-

(*) Grey's «*Debates*»; Burnet, I. 822.

справедливость къ подсудимому, а другихъ за несправедливость къ коронѣ. Задача чрезвычайнаго собранія государственныхъ сословій заключается не въ томъ, чтобы исполнять обыкновенныя дѣла парламентовъ, опредѣлять оффиціяльные доходы членовъ канцлерскаго суда и принимать мѣры противъ вымогательствъ таможенныхъ чиновниковъ, а въ томъ, чтобы исправить великій правительственный механизмъ. Когда это будетъ сдѣлано, тогда настанетъ время изслѣдовать, въ какихъ улучшеніяхъ нуждаются наши учрежденія. Въ такомъ отлагательствѣ нѣтъ, наконецъ, никакого риску, ибо государь, который будетъ царствовать единственно по выбору народа, не въ состояніи будетъ долго отказывать въ своемъ согласіи на улучшенія, которыхъ потребуетъ народъ устами своихъ представителей.

По этимъ причинамъ коммонеры благоразумно рѣшились отложить всѣ реформы до совершеннаго возстановленія древней конституціи королевства и немедленно возвести на престолъ Вильгельма и Марію безъ всякихъ другихъ условій, кромѣ условія править согласно существующимъ законамъ Англіи. Для того, чтобы вопросы, о которыхъ шелъ споръ между Стюартами и націею, никогда не могли быть возбуждаемы вновь, рѣшено было, чтобы грамота о призваніи принца и принцессы Оранскихъ на царство и объ установленіи порядка престолонаслѣдія изложила самымъ яснымъ и торжественнымъ образомъ основныя начала конституціи. Эта грамота, извѣстная подъ названіемъ Декларацiи Права, *Declaration of Right*, приготовлена была комитетомъ подъ предсѣдательствомъ Сомерза. Фактъ, что молодой адвокатъ незнатнаго происхожденія былъ назначенъ на такой почетный и важный постъ въ парламентѣ, наполненномъ даровитыми и опытными людьми, всего черезъ десять дней послѣ того, какъ онъ произнесъ первую свою рѣчь въ палатѣ общинъ, достаточно показываетъ превосходство его дарованій. Спустя нѣсколько часовъ, Декларація была составлена и одобрена коммонерами. Лорды приняли ее съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями. (a) Декларація Права.

(a) Commons'Journals, Feb. 4, 8, 11, 12.; Lords'Journals, Feb. 9, 11, 12. 168a/g.

Декларація начиналась исчисленіемъ преступленій и проступковъ, сдѣлавшихъ революцію необходимою. Іаковъ вторгался въ область законодательнаго собранія, вмѣнялъ смиренное челобитье въ преступленіе, угнеталъ церковь посредствомъ незаконнаго судилища, взималъ подати и держалъ постоянное войско въ мирное время безъ согласія парламента, нарушалъ свободу выборовъ и извращалъ отправленіе правосудія. Дѣла, которыя по закону могли производиться только въ парламентѣ, разбирались въ судѣ королевской скамьи. Присяжные назначались пристрастные и подкупные; обезпеченія отъ подсудимыхъ требовались огромныя; штрафы налагались громадные; наказанія опредѣлялись жестокія и необычайныя; имущества обвиняемыхъ лицъ отчуждались прежде осужденія. Тотъ, чьею властью дѣлались эти вещи, отрекся отъ правленія. Принцъ Оранскій, котораго Богъ избралъ достославнымъ орудіемъ избавленія націи отъ суевѣрія и тираніи, пригласилъ государственныя сословія собраться и собща подумать объ обезпеченіи религіи, права и свободы. Лорды и коммонеры, обсудивши дѣло, рѣшили прежде всего, по примѣру своихъ предковъ, провозгласить древнія права и вольности Англіи. Поэтому объявлялось, что разрѣшительная власть, недавно присвоенная и употреблявшаяся короною, не имѣла законнаго основанія; что, безъ разрѣшенія парламента, никакія подати не могли быть требуемы государемъ отъ подданнаго; что, безъ согласія парламента, никакое постоянное войско не могло быть содержимо въ мирное время. Право подданныхъ подавать королю просьбы, право избирателей свободно выбирать представителей, право парламентовъ на свободу пренія, право націи на безукоризненное и милосердое отправленіе правосудія согласно съ духомъ ея кроткихъ законовъ, утверждались торжественнымъ образомъ. На всѣ эти статьи конвентъ изъявлялъ притязаніе отъ имени цѣлой націи, какъ на безспорное наслѣдіе англичанъ. Оградивши такимъ образомъ начала конституціи, лорды и коммонеры, въ полной увѣренности, что избавитель будетъ свято блюсти спасенные имъ законы и вольности, рѣшили, чтобы Вильгельмъ и Марія, принцъ и принцесса Оранскіе, были провозглашены королемъ и королевою Англіи на всю ихъ жизнь вмѣстѣ и порознь, и чтобы,

въ теченіе ихъ совокупной жизни, управленіе государственными дѣлами принадлежало одному принцу. Послѣ нихъ корона предоставлялась потомству Маріи, затѣмъ Аннѣ и ея потомству и наконецъ потомству Вильгельма.

Около этого времени вѣтеръ пересталъ дуть съ запада. Судно, на которомъ отплыла изъ Голландіи принцесса Оранская, показалось въ виду Маргета 11 февраля и на слѣдующее утро стало на якорь въ Гриничѣ. (²) Она была принята съ изъявленіями радости и преданности; но ея поведеніе возмутило торіевъ и даже вигамъ показалось не совсѣмъ безукоризненнымъ. Молодая женщина, постигнутая такою же печальною и страшною судьбою, какая тяготѣла надъ баснословными домами Лабдака и Пелопса, и поставленная въ такое положеніе, что, не нарушивъ своего долга Богу, супругу и отечеству, не могла отказаться отъ мѣста на престолѣ, съ котораго только-что былъ низвергнутъ отецъ ея, должна была быть грустною или по крайней мѣрѣ серьёзною. Марія была не только въ веселомъ, но даже въ сумасбродномъ расположеніи духа. Она, говорили очевидцы, вступила въ Вайтголль съ дѣтскимъ восторгомъ отъ званія хозяйки такого прекраснаго жилища, бѣгала по заламъ, заглядывала въ кабинеты и разсматривала стёганное одѣяло параднаго ложа, по видимому не помышляя о томъ, кѣмъ еще недавно были заняты эти великолѣпные покои. Борнетъ, до тѣхъ поръ считавшій ее воплощеннымъ ангеломъ, не могъ при этомъ случаѣ удержаться отъ порицанія ея. Онъ былъ тѣмъ болѣе удивленъ, что, когда онъ прощался съ нею въ Гагѣ, она, хотя и была вполнѣ убѣждена, что не нарушила своего долга, однако находилась въ глубокомъ унынiи. Ему, какъ духовнику своему, она потомъ объяснила свое поведеніе. Вильгельмъ писалъ ей, что нѣкоторыя изъ лицъ, пытавшихся отдѣлить ея интересы отъ его интересовъ, все еще продолжали свои козни. Они распускали слухъ, будто она считала себя обиженною, такъ что, будь у нея печальный видъ, слухъ этотъ подтвердился бы. Поэтому мужъ просилъ ее притво-

Прибытіе Маріи.

(²) «*London Gazette*», Feb. 14. 168⁸/₉; Ситтвв, 11/21 февраля.

риться на первое время веселою. На сердцѣ у нея, говорила она, было далеко не весело; но она всячески старалась переломить себя и изъ боязни не выдержать роль, противорѣчившую ея чувствамъ, утрировала ее. Ея поведеніе было предметомъ многочисленныхъ насмѣшекъ въ стихахъ и прозѣ; оно унизило ее въ глазахъ людей, мнѣніемъ которыхъ она дорожила; и только тогда, когда она стала недоступною ни похвалѣ, ни порицанію, свѣтъ узналъ, что поступки, навлекшіе на нее упрекъ въ легкомысліи и безчувственности, были въ дѣйствительности замѣчательнымъ примѣромъ того совершеннаго безкорыстія и самоотверженія, на которое мужчина кажется неспособнымъ, но которое иногда встрѣчается у женщины. (*)

Предложеніе и принятіе короны.

Утромъ въ среду, 13 февраля, дворъ Вайтголля и всѣ окрестныя улицы наполнились зрителями. Великолѣпная Пиршественная палата, образцовое произведеніе Иниго, украшенное образцовыми произведеніями Рубенса, была приготовлена для великой церемоніи. Вдоль стѣнъ стояли королевскіе тѣлохранители. У сѣверныхъ дверей, по правую руку, собралось огромное число перовъ. На лѣво помѣщались коммонеры со спикеромъ и жезлоносцемъ. Южныя двери открылись. Принцъ и принцесса Оранскіе вошли рука объ руку и заняли мѣсто подъ параднымъ балдахиномъ.

Члены обѣихъ палатъ приблизились съ низкими поклонами. Вильгельмъ и Марія сдѣлали на встрѣчу имъ нѣсколько шаговъ. Галифаксъ справа и Поуль слѣва выступили впередъ, и Галифаксъ заговорилъ. Конвентъ, сказалъ онъ, принялъ резолюцію, которую онъ просилъ ихъ высочества выслушать. Они изъявили согласіе, и клеркъ палаты лордовъ громогласно прочелъ Декларацію Права. Когда онъ кончилъ, Галифаксъ, отъ имени всѣхъ государственныхъ сословій, попросилъ принца и принцессу принять корону.

Вильгельмъ, отъ своего имени и отъ имени своей супруги,

(*) «*Duchess of Marlborough's Vindication*»; «*Review of the Vindication*»; Burnet, I. 781. 825 и Dartmouth's note; Evelyn's «*Diary*», Feb. 21. 168⁸/₉.

отвѣчалъ, что въ ихъ глазахъ корона была тѣмъ болѣе драгоцѣнна, что предлагалась имъ какъ знакъ довѣрія націи. «Мы, сказалъ онъ, съ благодарностью принимаемъ то, что вы предложили намъ.» Затѣмъ, отъ себя лично, онъ объявилъ имъ, что англійскіе законы, которые онъ уже разъ защитилъ, будутъ руководящими правилами его дѣйствій, что благоденствіе королевства будетъ главной его заботой, и что, касательно средствъ для достиженія этой цѣли, онъ будетъ постоянно обращаться къ совѣту палатъ и будетъ полагаться скорѣе на ихъ, нежели на свое сужденіе. (a) Эти слова были встрѣчены радостнымъ кликомъ, который былъ услышанъ внизу на улицѣ, и на который немедленно откликнулись ура многихъ тысячъ голосовъ. Послѣ того лорды и коммонеры почтительно удалились изъ Пиршественной палаты и отправились въ процессіи къ главнымъ воротамъ Вайтголля, гдѣ дожидались герольды и пажи въ пышныхъ мантіяхъ. Все пространство до Чарингъ-Кросса было моремъ головъ. Литавры загремѣли, трубы зазвучали, и первый герольдмейстеръ громогласно провозгласилъ принца и принцессу Оранскихъ королемъ и королевою Англіи, обязалъ всѣхъ англичанъ съ этой минуты служить вѣрою и правдою новымъ государямъ и молилъ Бога, Который уже совершилъ такое чудесное избавленіе нашей церкви и націи отъ ига, благословить Вильгельма и Марію долгимъ и счастливымъ царствованіемъ. (b)

Вильгельмъ и Марія провозглашены королемъ и королевою.

Такъ совершилась англійская революція. Сравнивая ее съ тѣми революціями, которыя, въ теченіе послѣднихъ шестидесяти лѣтъ, ниспровергли столько древнихъ правительствъ, нельзя не замѣтить ея особеннаго характера. Причина такой особенности достаточно очевидна; а между тѣмъ какъ хвалители, такъ и порицатели, кажется, не всегда понимали ее.

Особенный характеръ англійской революціи.

(a) Lords'and Commons'Journals, Feb. 14. 168$^{8}/_{9}$; Ситтерс, $^{13}/_{23}$ февраля. Ситтерсъ влагаетъ въ уста Вильгельма болѣе сильныя выраженія уваженія къ авторитету парламента, нежели какія значатся въ журналахъ палатъ; но изъ словъ Поуля ясно, что отчетъ въ журналахъ не отличался строгою точностью.

(b) «*London Gazette*», Feb. 14. 168$^{8}/_{9}$; Lords'and Commons'Journals, Feb. 13.; Ситтерс, $^{13}/_{23}$ фев.; Evelyn, Feb. 21.

Континентальныя революціи XVIII и XIX столѣтій происходили въ странахъ, гдѣ уже давно изгладились всѣ слѣды ограниченной монархіи среднихъ вѣковъ. Право государя издавать законы и взимать подати, въ теченіе многихъ поколѣній, никѣмъ не оспаривалось. Его престолъ охранялся регулярною арміею. Его управленія, безъ крайней опасности, нельзя было порицать даже въ самыхъ мягкихъ выраженіяхъ. Его подданные пользовались личною свободою единственно въ силу его доброй воли. Давнымъ-давно не осталось ни одного учрежденія, которое бы дѣйствительно защищало подданныхъ отъ чрезмѣрныхъ злоупотребленій тираніи. Великія законодательныя собранія, нѣкогда обуздывавшія королевскую власть, были забыты. Ихъ составъ и привилегіи извѣстны были только антикваріямъ. Нельзя, поэтому, удивляться, что находившіеся подъ такимъ управленіемъ люди, когда имъ удалось исторгнуть верховную власть изъ рукъ правительства, которое они втайнѣ давно ненавидѣли, стремились все разрушать и не умѣли ничего созидать, увлекались всякою блестящею новизною, уничтожали всѣ титулы, обряды и термины, связанные съ прежнею системою, и, гнушаясь своими національными прецедентами и преданіями, искали правительственныхъ основъ въ сочиненіяхъ теоретиковъ, или же съ невѣжественной и непріятной аффектаціей подражали аѳинскимъ и римскимъ патріотамъ. Равнымъ образомъ нельзя удивляться и тому, что за необузданнымъ проявленіемъ революціоннаго духа послѣдовала столь же необузданная реакція, и что анархія быстро породила деспотизмъ, еще суровѣе того, изъ котораго она возникла.

Еслибы мы были въ такомъ же положеніи; еслибы Страффордъ успѣлъ осуществить свой любимый «коренной планъ»; еслибы онъ сформировалъ многочисленную и хорошо дисциплинированную армію, какая, спустя нѣсколько лѣтъ, была сформирована Кромвеллемъ; еслибы рядъ судебныхъ рѣшеній, подобныхъ тому, которое было постановлено палатою казначейства по дѣлу о корабельной подати, передалъ коронѣ право обложенія народа податями; еслибы Звѣздная палата и Верховная коммиссія продолжали штрафовать, увѣчить и заключать въ тюрьму всякаго, кто осмѣливался возвысить голосъ противъ правительства; еслибы

печать здѣсь была такъ же порабощена, какъ въ Вѣнѣ или Неаполѣ; еслибы наши короли мало по малу захватили въ свои руки всю законодательную власть; еслибы шесть поколѣній англичанъ не видѣли ни одной парламентской сессіи, и еслибы мы, въ минуту безумнаго раздраженія, возстали наконецъ противъ нашихъ повелителей, — какой бы это былъ взрывъ! Съ какимъ трескомъ, отголоски котораго послышались бы и почувствовались бы въ отдаленнѣйшихъ краяхъ свѣта, рухнуло бы цѣлое громадное зданіе общества! Сколько тысячъ изгнанниковъ, нѣкогда счастливѣйшихъ и образованнѣйшихъ членовъ этой великой гражданской семьи, просили бы куска хлѣба въ континентальныхъ городахъ Европы, или укрывались бы подъ кровлями хижинъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ Америки! Сколько разъ приходилось бы намъ видѣть мостовыя Лондона превращенными въ баррикады, дома испещренными пулями, канавы пѣнящимися кровью! Сколько разъ безумно бросались бы мы изъ крайности въ крайность, искали бы убѣжища отъ анархіи въ деспотизмѣ и снова повергались бы деспотизмомъ въ анархію! Сколькихъ лѣтъ кровопролитія и смятенія стоило бы намъ обученіе первымъ началамъ политической науки! Сколько ребяческихъ теорій дурачили бы насъ! Сколько грубыхъ и шаткихъ конституцій воздвигали бы мы для того только, чтобы видѣть потомъ ихъ паденіе! Счастливы были бы мы, еслибы полъ-вѣка суроваго опыта оказалось бы достаточно для воспитанія въ насъ умѣнья наслаждаться истинною свободою.

Наша революція предотвратила эти бѣдствія. Она была строго оборонительной революціей и имѣла на своей сторонѣ преданіе и законность. У насъ, и только у насъ, ограниченная монархія XIII столѣтія просуществовала безъ измѣненія до XVII столѣтія. Наши парламентскія учрежденія оставались въ полной силѣ. Главныя начала нашего правленія были превосходны. Правда, они не были формально и точно изложены ни въ какомъ письменномъ документѣ; но ихъ можно было найти разсѣянными въ нашихъ древнихъ и благородныхъ статутахъ, и, что еще важнѣе, они, въ теченіе четырехъ сотъ лѣтъ, врѣзались въ сердца англичанъ. Что, безъ согласія представителей націи, никакой законодательный актъ не могъ быть изданъ, никакая подать не могла

быть наложена, никакое регулярное войско не могло быть содержимо, что никто, ни на одинъ день, не могъ быть заключенъ въ тюрьму по личному произволу государя, что никакое орудіе власти не могло ссылаться на королевское повелѣніе въ оправданіе нарушенія правъ смиреннѣйшаго изъ подданныхъ,—всѣ эти правила, какъ вигами, такъ и торіями, признавались основными законами государства. Государство, въ которомъ такія правила были основными законами, не нуждалось въ новой конституціи.

Но хотя новая конституція была ненужна, тѣмъ не менѣе измѣненія были необходимы. Дурное управленіе Стюартовъ и смуты, причиненныя этимъ дурнымъ управленіемъ, достаточно показывали, что въ нашемъ государственномъ устройствѣ находился какой-то пробѣлъ. Открыть и пополнить этотъ пробѣлъ было обязанностью конвента.

Нѣкоторые весьма важные вопросы оставались дотолѣ спорными пунктами. Наша конституція зачалась въ такія времена, когда государственные люди не имѣли обыкновенія составлять точныхъ опредѣленій. Поэтому, аномаліи, несовмѣстныя съ ея началами и опасныя для самаго ея существованія, возникли почти неприметно и, долго не причиняя никакого серьёзнаго неудобства, мало по малу пріобрѣли силу преданія. Средствомъ избавиться отъ этихъ золъ было провозгласить права народа въ такихъ выраженіяхъ, которыя бы прекратили всякій споръ, и объявить, что никакой прецедентъ не могъ оправдывать нарушенія этихъ правъ.

Такая мѣра лишала нашихъ правителей возможности дурно понимать законъ; но сама по себѣ она не препятствовала бы имъ нарушать его. Къ несчастью, церковь долго учила націю, что изъ всѣхъ нашихъ учрежденій одна только наслѣдственная монархія была божественнымъ и неприкосновеннымъ установленіемъ; что право палаты общинъ на участіе въ законодательной власти было чисто человѣческимъ правомъ, между тѣмъ какъ право короля на повиновеніе народа было даровано свыше; что Великая Хартія была статутомъ, который могъ быть отмѣненъ тѣми, кто составилъ его, между тѣмъ какъ правило, призывавшее принцевъ

королевской крови на престолъ въ порядкѣ преемничества, было небесняго происхожденія, и что всякій парламентскій актъ, несовмѣстный съ этимъ правиломъ, былъ недѣйствителенъ. Очевидно, что въ обществѣ, гдѣ господствуютъ такія суевѣрія, конституціонная свобода должна быть непрочною. Власть, считающаяся чисто человѣческимъ установленіемъ, не можетъ быть дѣйствительною уздою власти, считающейся установленіемъ божественнымъ. Нелѣпо было бы надѣяться, что законы, какъ бы превосходны они ни были, будутъ постоянно ограничивать короля, авторитетъ котораго въ собственныхъ его глазахъ и въ глазахъ большинства его народа, безконечно выше авторитета этихъ законовъ. Лишить королевскій санъ этихъ мистическихъ атрибутовъ и установить, что короли царствовали по праву, отнюдь не отличающемуся отъ права, на основаніи котораго фригольдеры избираютъ представителей шировъ, или отъ права, на основаніи котораго судьи освобождаютъ арестантовъ, было безусловно необходимо для обезпеченія нашихъ вольностей.

Такимъ образомъ конвентъ долженъ былъ исполнить двѣ великія задачи. Во первыхъ, надлежало точно опредѣлить основные законы государства. Во вторыхъ, надлежало искоренить изъ умовъ правящихъ и управляемыхъ ложное и пагубное понятіе, будто королевская прерогатива выше и священнѣе этихъ основныхъ законовъ. Первая цѣль была достигнута торжественнымъ провозглашеніемъ народныхъ вольностей, которымъ начинается Декларація Права; послѣдняя — резолюціей, которою престолъ объявленъ вакантнымъ и предложенъ Вильгельму и Маріи.

Измѣненіе по видимому ничтожно. Ни одного клейнода не было отнято у короны. Ни одного новаго права не было даровано народу. Англійское законодательство, въ цѣломъ своемъ составѣ, по отзыву всѣхъ величайшихъ законовѣдовъ, Гольта и Треби, Мейнарда и Сомерза, было то же самое послѣ Революціи, что́ и до нея. Нѣсколько спорныхъ пунктовъ рѣшено было согласно мнѣнію лучшихъ юристовъ, и допущено было небольшое отступленіе отъ обычнаго порядка престолонаслѣдія. Вотъ и все, и этого было довольно.

Такъ какъ наша революція была огражденіемъ исконныхъ правъ,

то она и велась со строгимъ вниманіемъ къ исконнымъ обрядамъ. Почти въ каждомъ словѣ и дѣйствіи можно замѣтить глубокое уваженіе къ прошедшему. Государственныя сословія совѣщались въ старинныхъ залахъ и по старинымъ правиламъ. Лица, предложившія Поуля въ спикеры, проводили его къ предсѣдательскому креслу съ обычными формальностями. Послы отъ лордовъ явились къ коммонерамъ въ сопровожденіи экзекутора съ жезломъ, и три поклона были сдѣланы надлежащимъ образомъ. Конференція происходила съ соблюденіемъ древняго церемоніяла. По одну сторону стола въ конференцъ-залѣ депутаты лордовъ сидѣли съ покрытыми головами, въ парчевыхъ горностаевыхъ мантіяхъ. Депутаты коммонеровъ стояли безъ шляпъ по другую сторону. Рѣчи ихъ представляютъ почти смѣшной контрастъ революціонному краснорѣчію всѣхъ другихъ странъ. Обѣ англійскія партіи единодушно относились къ древнимъ конституціоннымъ преданіямъ государства съ торжественнымъ почтеніемъ. Единственное разногласіе между ними заключалось въ томъ, ка́къ понимать эти преданія. Поборники свободы не говорили ни слова ни о естественномъ равенствѣ людей и неотъемлемой самодержавности народа, ни о Гармодіи и Тимолеонѣ, ни о Брутѣ старшемъ и Брутѣ младшемъ. Когда имъ сказали, что, по англійскимъ законамъ, корона, по окончаніи одного царствованія, въ ту же минуту переходитъ къ ближайшему наслѣднику, они отвѣчали, что, по англійскимъ законамъ, живой человѣкъ не можетъ имѣть наслѣдника. Когда имъ сказали, что для объявленія престола вакантнымъ не было прецедента, они представили взятый изъ архивовъ въ Тоуэрѣ почти трехсотлѣтній свитокъ пергамента, на которомъ странными буквами и варварскою латынью написано было, что государственныя сословія объявили вакантнымъ престолъ вѣроломнаго и жестокаго Плантагенета. Когда наконецъ споръ окончился соглашеніемъ, новые государи были провозглашены по старинному торжественному обряду. Всѣ фантастическія принадлежности герольдіи, Кларансьё и Норруа, Опускная Рѣшетка и Красный Драконъ, трубы, знамёна, странные костюмы съ вышитыми львами и лиліями, были на лицо въ полномъ соста-

вѣ. (97) Титулъ короля французскаго, присвоенный себѣ побѣдителемъ при Кресси, не былъ исключенъ изъ списка прочихъ королевскихъ титуловъ. Намъ, жившимъ въ 1848 году, кажется почти злоупотребленіемъ выраженій называть дѣло, веденное съ такою обдуманностью, съ такою трезвостью и съ такимъ мелочнымъ вниманіемъ къ исконному этикету, страшнымъ именемъ революціи.

А между тѣмъ эта революція, изо всѣхъ революцій наименѣе насильственная, была изо всѣхъ революцій самою благодѣтельною. Она окончательно рѣшила великій вопросъ о томъ, будетъ ли народный элементъ, который, со временъ Фицвалтера и Де-Монфора, постоянно существовалъ въ англійской конституціи, будетъ ли онъ уничтоженъ монархическимъ элементомъ, или же получитъ возможность свободно развиться и сдѣлаться господствующимъ. Борьба между этими двумя началами была упорна, жестока и опасна. Она длилась цѣлыхъ четыре царствованія. Она производила мятежи, преслѣдованія, бунты, битвы, осады, опалы, судебныя убійства. Порою свобода, порою монархія, казалось, были на краю погибели. Въ теченіе многихъ лѣтъ одна половина мощи Англіи употреблялась для противодѣйствія другой. Исполнительная власть и власть законодательная такъ сильно тормозили другъ друга, что государство не имѣло никакого значенія въ Европѣ. Герольдмейстеръ, провозгласившій Вильгельма и Марію передъ воротами Вайтголля, въ дѣйствительности возвѣстилъ, что эта великая борьба наконецъ прекратилась; что между престоломъ и парламентомъ водворилось полное согласіе; что Англія, долгое время зависимая и униженная, снова сдѣлалась первостепенною державою; что древніе законы, обуздывавшіе прерогативу, будутъ впредь считаться не менѣе священными, чѣмъ сама прерогатива, и будутъ развиты до всѣхъ своихъ послѣдствій; что администрація будетъ сообразоваться съ волею представителей націи, и что никакая реформа, которую, по зрѣломъ обсужденіи, предложатъ обѣ палаты, не бу-

(97) *Clarencieux* и *Norroy* — средневѣковыя названія втораго и третьяго герольдмейстеровъ. *Portcullis* и *Rouge Dragon*—таковыя же названія герольдовъ.

детъ встрѣчать упорнаго сопротивленія со стороны государя. Декларація Права, хотя и не узаконила ничего новаго, заключала въ себѣ зародышъ закона, который далъ религіозную свободу диссидентамъ, закона, который обезпечилъ независимость судей, закона, который сократилъ срокъ парламентовъ, закона, который поставилъ свободу печати подъ покровительство присяжныхъ, закона, который запретилъ торгъ невольниками, закона, который отмѣнилъ религіозную присягу, закона, который избавилъ католиковъ отъ политическихъ стѣсненій, закона, который преобразовалъ представительную систему, каждаго хорошаго закона, который былъ изданъ въ послѣдніе сто шестьдесятъ лѣтъ, каждаго хорошаго закона, который, съ теченіемъ времени, можетъ оказаться необходимымъ для увеличенія общественнаго блага и для удовлетворенія общественнаго мнѣнія.

Величайшая похвала, какую можно произнести о революціи 1688 года, заключается въ томъ, что это была наша послѣдняя революція. Уже нѣсколько поколѣній прошло съ тѣхъ поръ, какъ ни одинъ благоразумный и патріотическій англичанинъ не помышлялъ о сопротивленіи установленному правленію. Во всѣхъ честныхъ и мыслящихъ умахъ живетъ убѣжденіе, ежедневно укрѣпляемое опытомъ, что средства произвести всякое улучшеніе, какого требуетъ конституція, заключаются въ самой конституціи.

Теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, должны мы оцѣнить всю важность противодѣйствія, оказаннаго нашими предками дому Стюартовъ. Повсюду вокругъ насъ міръ взволнованъ судорожными движеніями великихъ націй. Правительства, еще недавно казавшіяся способными просуществовать цѣлые вѣка, внезапно потрясены и низвергнуты. Самыя гордыя столицы Западной Европы обагрились ручьями междоусобно пролитой крови. Всѣ дурныя страсти, жажда корысти и жажда мести, ненависть класса къ классу, ненависть племени къ племени, сбросили съ себя узду божескихъ и человѣческихъ законовъ. Страхъ и тоска отуманили лица и опечалили сердца милліоновъ людей. Торговля и промышленность прекратились. Богатые сдѣлались бѣдными, а бѣдные сдѣлались еще бѣднѣе. Ученія, враждебныя всѣмъ наукамъ, всѣмъ искусствамъ, всѣмъ промышленнымъ предпріятіямъ, всѣмъ семей-

нымъ узамъ, ученія, которыя, осуществись они, въ тридцать лѣтъ уничтожили бы все, что̀ сдѣлано для человѣчества тридцатью столѣтіями, и превратили бы прекраснѣйшія провинціи Франціи и Германіи въ такія же дикія страны, какъ Конго или Патагонія, провозглашались съ трибуны и защищались оружіемъ. Европѣ грозили порабощеніемъ варвары, въ сравненіи съ которыми дикія орды Аттилы и Альвоина могли бы считаться просвѣщенными и гуманными. Искреннѣйшіе друзья народа съ глубокою горестью признавали, что интересы, драгоцѣннѣйшіе какихъ бы то ни было политическихъ правъ, находились въ опасности, и что могло оказаться необходимымъ пожертвовать даже свободою, чтобы спасти цивилизацію. Между тѣмъ на нашемъ островѣ обычный ходъ управленія не прерывался ни на одинъ день. Немногіе дурные люди, жаждавшіе буйства и грабежа, не отважились ни на минуту противостать силѣ вѣрнопреданной націи, соединившейся въ непоколебимый оплотъ вокругъ отеческаго престола. И еслибы насъ спросили, почему мы такъ отличаемся отъ другихъ, отвѣтъ нашъ состоялъ бы въ томъ, что мы никогда не теряли того, что̀ другіе безумно и слѣпо пытаются вновь пріобрѣсти. Оттого, что у насъ была охранительная революція въ XVII, у насъ не было разрушительной революціи въ XIX столѣтіи. Оттого, что у насъ была свобода посреди общаго рабства, у насъ теперь порядокъ посреди общей анархіи. За святость закона, за безопасность собственности, за спокойствіе нашихъ улицъ, за счастіе нашихъ семей, мы обязаны благодарностью, послѣ Того, Кто по произволу возвышаетъ и низвергаетъ народы, Долгому парламенту, Конвенту и Вильгельму Оранскому.

КОНЕЦЪ ВОСЬМАГО ТОМА.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

8-го ТОМА.

А.

Авингдонъ, Джемсъ Берти, графъ: удаленъ Іаковомъ отъ должности оксфордширскаго лорда-намѣстника, 161; кандидатъ въ канцлеры Оксфордскаго университета, 257; присоединяется къ принцу Оранскому, 332.

Аво, графъ, французскій посланникъ въ Гагѣ, 26; донесенія Людовику XIV, 268; предостерегаетъ Іакова, 283; требуетъ аудіенціи у генеральныхъ штатовъ, 284; совѣтуетъ Людовику вторгнуться въ Голландію, 288.

Адда, Фердинандъ, графъ, папскій нунцій въ Англіи: посвященіе въ Сентъ-Джемскомъ дворцѣ, 107; процессія въ честь его въ Виндзорѣ, 109; письма о процессѣ епископовъ, 219 и 223; бѣгство изъ Англіи, 395.

Акты: о единовѣріи (Uniformity Act), о молитвенныхъ сходбищахъ нонконформистовъ (Conventicle Act) и о пятимильномъ разстояніи (Five Mile Act), 53.

Аливонъ, Ричардъ, католикъ: назначенъ членомъ суда королевской скамьи, 112; принимаетъ участіе въ судѣ надъ епископами, 210; признаетъ просьбу епископовъ пасквилемъ, 219.

Альвевилль, Вайтъ, маркизъ, посланникъ Іакова въ Голландіи: его ничтожество и продажность, 80; пріѣздъ въ Англію, 283; возвращеніе въ Голландію, 287; депеша къ Іакову, 296; оскорбленіе, нанесенное ему чернью въ Гагѣ, 434.

Альбемарль, Кристоферъ Монкъ, герцогъ, канцлеръ Кембриджскаго университета, 116.

Амстердамъ: оппозиція Вильгельму Оранскому, 100; ссоры съ Людовикомъ XIV, 269.

Англиканская церковь. См Церковь.

Англійское духовенство. См. Духовенство.

Англія: неудовольствіе противъ Іакова, 34; состояніе партій въ 1688 году, 439. См. Партіи.

Анна, принцесса Датская: привязанность къ леди Чорчилль, 95; приверженность къ протестантизму, 97; попытка обратить ее въ католицизмъ, 144; отсутствуетъ во время рожденія принца Валлійскаго, 199; сомнѣвается въ его законности, 306; ободряетъ Кларендона, 337; убѣгаетъ изъ Вайтголля на сѣверъ Англіи, 351; одобряетъ планъ виговъ, 473.

Армія, постоянная: неудовольствіе

послѣ процесса епископовъ, 259; отступленіе изъ Салисбёри, 350.
Арнольдъ, Майкель, 212: настаиваетъ на осужденіи прелатовъ, 220.
Арранъ, графъ, 439.
Астри, сэръ Самюэль, коронный клеркъ, 209 и 220.
Аугсбургскій трактатъ, 30.

Б.

Бадминтонъ, резиденція герцога Бофорта 130.
Бакстеръ, Ричардъ: освобожденъ изъ тюрьмы, 63; старается устроить соглашеніе между Англиканскою церковью и пресвитеріанами, 64; дальнѣйшія его усилія въ томъ же смыслѣ, 183 и 191.
Баптисты. См. Боніанъ, Кифинъ и Нонконформисты.
Барильонъ: увѣдомляетъ Людовика XIV о намѣреніяхъ Іакова II относительно диссидентовъ, 46; депеша о состояніи умовъ въ Англіи, 131; совѣтуетъ Іакову призвать ирландскія войска въ Англію, 260; обманутъ Сондерландомъ, 284; избѣгаетъ нападенія со стороны черни, 391; получаетъ отъ Вильгельма приказаніе оставить Англію, 423. См. Людовикъ XIV.
Барнстапль, городъ, 175.
Батъ, Джонъ Гранвилль, графъ: пытается осуществить планы Іакова, 164; передается со своими войсками Вильгельму, 343.
Бедфордъ, графъ, 90.
Бентинкъ, Вилліамъ: дружба съ Вильгельмомъ Оранскимъ, 10; посольство въ Англію въ 1687 году, 29; письма Вильгельма, 282; объясненіе съ Борнетомъ, 477.
Бервикъ, Джемсъ Фицджемсъ, герцогъ, незаконнорожденный сынъ Іакова II и лордъ-намѣстникъ Гампшира, 165; пытается включить ирландскихъ рекрутъ въ число англійскихъ солдатъ, 265; сопровождаетъ Іакова во время бѣгства короля изъ Рочестера, 422.
Бетсъ, диссидентскій священникъ, 183.
Блатвейтъ, свидѣтель со стороны короны противъ епископовъ, 213.
Боккингамъ, городъ, 175.
Бомонтъ, подполковникъ, 265.
Боніанъ, Джонъ, 64—67; нападки на Фаулера, 184.
Бонрепо: участіе въ замыслахъ іезуитовъ, 144; депеша объ Ирландіи, 146; посланъ къ Іакову съ предложеніемъ морской помощи, 284; холодно принятъ, 287.
Борнетъ, Джильбертъ: заслуги его, какъ писателя и проповѣдника, 15; «Исторія Реформаціи», 17; удаленіе изъ Англіи и пребываніе при дворѣ принца Оранскаго, 18; возстановляетъ доброе согласіе между Вильгельмомъ и Маріею, 19; вражда къ нему Іакова, 80; разговоръ съ Вильгельмомъ въ Торбеѣ, 318; посланъ впередъ въ Эксетеръ, 321; проповѣдуетъ передъ Вильгельмомъ въ Эксетерскомъ соборѣ, 326; составляетъ декларацію для сторонниковъ Вильгельма, 342; выходка въ салисбёрійскомъ соборѣ, 371; сравненіе съ Галифаксомъ, 374; Вильгельмъ запрещаетъ ему видѣться съ Галифаксомъ, 376; разговоръ съ Галифаксомъ въ Литлькотѣ, 379; гуманное обращеніе съ католиками, 427; произноситъ проповѣдь передъ палатою общинъ, 469; объявляетъ намѣренія Маріи, 473; ратуетъ въ ея пользу, 476.
Борнетъ, Томасъ, директоръ Чартергауса, 129.
Боррингтонъ, 331.
Босви, д-ръ Ричардъ, 258.
Босковель, 132.
Боссюэтъ, 17.
Бофортъ, Генри Сомерсетъ, герцогъ: даетъ банкетъ въ честь Іакова II, 130; неудачныя дѣйствія въ пользу короля, 163; беретъ Ловлеса въ плѣнъ, 332.
Бриджвотеръ, графъ, 161.

Бриксгамъ, городъ, 317.
Бристоль, городъ, 366.
Буффлеръ, маркизъ 289.
Бэрчъ, Джонъ, 451.

В.

Вайкгамъ, Вилліамъ, 124.
Вайтъ. См. Альбевилль.
Вайтъ, епископъ питерборокій, 184; приглашенъ Іаковомъ на совѣщаніе, 326. См. Епископы.
Вартонъ, Генри, 229.
Вартонъ, Томасъ, авторъ «Lillibullero», 266; присоединяется къ Вильгельму, 332; поддерживаетъ виговъ въ конвентѣ, 454.
Вартонъ, Филиппъ, лордъ, 421.
Вейнфлитъ, Вилліамъ, 122 и 126.
Верховная коммиссія: ея уничтоженіе, 301. См. Комтонъ и Магдалининская коллегія.
Весли, Самюэль, 190.
Виги: отношеніе къ Вильгельму Оранскому, 21—29; признаютъ его своимъ главою, 31; планъ замѣщенія престола послѣ Іакова, 448; разрывъ съ приверженцами Данби, 466; неудача въ палатѣ лордовъ, 470; побѣда, 479.
Вилліамзъ, сэръ Вилліамъ, генералъ-солиситоръ: продается правительству, 178; ведетъ процессъ противъ епископовъ, 210 и 213—221; награжденъ титуломъ баронета, 253; измѣняетъ Іакову, 410; нападаетъ на короля въ конвентѣ, 454.
Вилльерзъ, Елисавета, любовница Вильгельма, 13.
Вильгельмъ-Генрихъ, принцъ Оранско-Нассаускій: наружность, 1; отрочество и воспитаніе, 2; религіозныя мнѣнія, 4; воинскія качества, 5; любовь къ опасности и плохое здоровье, 8; холодность манеръ и сила чувствъ, 9; дружба къ Бентинку, 10; отношенія: къ женѣ, 13, къ Борнегу, 18, къ англійскимъ партіямъ, 21, къ Англіи, Голландіи и Франціи, 22; строгая послѣдовательность политики, 27; участіе въ Аугсбургскомъ трактатѣ, 30; становится главою англійской оппозиціи, 31; отвергаетъ предложеніе Мордонта сдѣлать высадку въ Англіи, 33; осуждаетъ декларацію объ индульгенціи, 72; покровительствуетъ Борнету, 81; сносится съ англійскими политиками, 97; ссорится съ Іаковомъ, 98; высказываетъ свои мнѣнія относительно англійскихъ католиковъ, 101; поздравляетъ Іакова съ рожденіемъ принца Валлійскаго, 202; объясняется съ Росселемъ, 239; получаетъ приглашеніе отъ заговорщиковъ, 244; трудности его предпріятія, 247; искусный образъ дѣйствій, 273; военно-сухопутныя и морскія приготовленія, 274; получаетъ изъ Англіи многочисленныя обѣщанія поддержки, 276; испытываетъ душевное волненіе, 282; получаетъ отъ генеральныхъ штатовъ разрѣшеніе на экспедицію въ Англію, 290; избираетъ въ помощники себѣ Шомберга, 291; издаетъ декларацію, 293; прощается съ генеральными штатами и отправляется въ море; буря относитъ его назадъ, 309; появленіе его деклараціи въ Англіи, 310; отплываетъ вторично, 313; высаживается въ Торбеѣ, 316; вступаетъ въ Эксетеръ, 320; знатныя лица начинаютъ присоединяться къ нему, 330; его дворъ въ Эксетерѣ, 341; отправляется въ Аксминстеръ, 345; вступаетъ въ Салисбери; несогласія въ его лагерѣ, 368; принимаетъ коммиссаровъ Іакова въ Гонгерфордѣ, 372; его предложенія, 377; препятствія на пути его въ Лондонъ, 398; затруднительное его положеніе вслѣдствіе задержанія короля, 406; посылаетъ Зулестейна къ Іакову, 407; его дворъ въ Виндзорѣ, 410; войска его занимаютъ Вайтголль, 413; депеша къ Іакову и согласіе на переѣздъ короля въ Рочестеръ, 414; прибытіе въ Сентъ-Джемскій дворецъ, 415;

созываетъ лордовъ и членовъ парламентовъ Карла II, 419; приказываетъ Барильону оставить Англію, 423; адресы перовъ, 424; адресы коммонеровъ и созваніе конвента, 425; мѣры къ возстановленію порядка, 426; вѣротерпимость, 427; впечатлѣніе, произведенное его политикою на католическія державы, 428; получаетъ поздравленія изъ Голландіи, 434; распоряженія по поводу выборовъ, 436; принимаетъ на себя управленіе Шотландіею, 439; вліяніе на Марію, 447; дѣлаетъ выговоръ Ловлесу, 471; уклоняется отъ бесѣдъ съ Кларендономъ, 474; объясняетъ свои намѣренія перамъ, 475; письмо къ Маріи, 485; принимаетъ корону и провозглашенъ королемъ, 487.
Вильдманъ, Джонъ: присоединяется къ принцу Оранскому въ Гагѣ, 293; предлагаетъ измѣнить декларацію Вильгельма, 295.
Вильтширъ, Чарльзъ Полетъ, графъ, 292 и 452.
Виндзоръ, городъ: католическая процессія, 109; пребываніе принца Оранскаго, 406 и 410.
Винкантонъ, городъ, 346.
Винчельси, графъ, 401.
Винчестеръ, городъ, 175.
Витсенъ, Николай, 434.
Вичирли, Вилліамъ, 36.
Вованъ, 289.
Военныя преступленія: незаконныя наказанія за нихъ при Іаковѣ II, 110.
Вокеръ, Обадія, 120 и 138.
Воксголль, 385.
Воппингъ, 393.
Ворминстеръ, городъ, 347.
Ворнеръ, іезуитъ, духовникъ Іакова II, 60.
Ворръ, сэръ Франсисъ, 341.
Выборы 1689 года, 435.
Вѣна, 29.

Г.

Галифаксъ, Джоржъ Савиль, маркизъ: «Письмо къ Диссиденту», 58; «Анатомія Эквивалента», 79; совѣщанія съ Диквельтомъ, 86; письмо къ Вильгельму, 97; письмо къ духовенству, 189; поведеніе въ дѣлѣ семи епископовъ, 204; отказывается участвовать въ заговорѣ противъ Іакова, 241; получаетъ предложеніе снова поступить на службу, 299; подвергается допросу со стороны Іакова, 311; отказывается дѣйствовать за-одно съ Рочестеромъ, 338; рѣчь въ совѣтѣ лордовъ, 356; назначенъ членомъ коммиссіи для переговоровъ съ Вильгельмомъ, 358; свиданіе съ принцемъ въ Гонгерфордѣ, 372; добивается свиданія съ Борнетомъ, 374; разговоръ въ Литлькотѣ, 379; предсѣдательствуетъ въ совѣтѣ лордовъ, 402; отступается отъ Іакова, 403; присоединяется къ Вильгельму и предсѣдательствуетъ на совѣщаніи перовъ въ Виндзорѣ, 410; привозитъ Іакову депешу отъ Вильгельма, 414; поведеніе его при отъѣздѣ Іакова, 415; предсѣдательствуетъ въ собраніи лордовъ, 423; избранъ въ спикеры верхней палаты, 453; поддерживаетъ притязанія Вильгельма на престолъ, 468; приглашенъ къ принцу для объясненій, 475; доводы на конференціи съ коммонерами, 479; подноситъ корону Вильгельму и Маріи, 486.
Гамильтонъ, Вилліамъ Дугласъ, герцогъ, 439.
Гампденъ, Ричардъ, 454 и 458.
Гамъ, дворецъ Лодердаля, 411.
Гарвордъ, Вилліамъ, 476.
Гарли, сэръ Эдвардъ, 366.
Гаскойнь, сэръ Томасъ, 169.
Гаунслоскій лагерь, 259.
Гвинъ, Нелль, 158.
Гельзъ, сэръ Эдвардъ, 42 и 52; комендантъ Тоуэра, 197; требуетъ съ епископовъ вознагражденія за содержаніе ихъ въ крѣпости, 205; отставленъ отъ должности коменданта, 359; способствуетъ бѣгству Іакова, 385.
Генеральные штаты. См. Голландія.

Гвизворо, Эдвардъ Новль, графъ, 162.
Гвизъ, Джозефъ, 36.
Георгъ, принцъ Датскій, мужъ принцессы Анны, 95; побѣгъ, 350.
Гербертъ, Артуръ, контръ-адмиралъ Англіи и гардеробмейстеръ Іакова II: отставленъ отъ должностей, 49; сношенія съ Диквельтомъ, 91.
Гербертъ, сэръ Эдвардъ, 111.
Гербертъ-Червери, лордъ, 366.
Германія, 288.
Гильдголль: собраніе лордовъ, 387; поздравительный адресъ Вильгельму, 415.
Гиффардъ, Бонавентура, 141.
Говардъ, авторъ «Комитета», 120.
Годольфинъ, Сидни: назначенъ членомъ верховнаго совѣта, 340; отзывъ о письмѣ Іакова, 424.
Голирудскій дворецъ, 437.
Голландія: религіозныя партіи, 4; пресса, 19 и 100; государственное устройство, 249; политика, 267; разрѣшаетъ Вильгельму экспедицію въ Англію, 290; поздравляетъ его съ успѣхомъ предпріятія, 434.
Голловей, одинъ изъ судей въ процессѣ епископовъ, 213; высказываетъ свое мнѣніе, 219; отставленъ отъ должности, 254.
Голль, Тимоти: читаетъ декларацію объ индульгенціи, 190; назначенъ епископомъ оксфордскимъ, 257.
Гольтъ, сэръ Джонъ: отрѣшенъ отъ должности лондонскаго городскаго судьи, 111; даетъ юридическіе совѣты епископу лондонскому, 211; отзывъ объ англійскомъ законодательствѣ послѣ революціи 1688 года, 491.
Гонгерфордъ, городъ, 371.
Гордонъ, герцогъ, 436.
Гоу, Джонъ: возвращается въ Англію и высказывается противъ разрѣшительной власти, 64; содѣйствуетъ заключенію союза между англиканскимъ духовенствомъ и нонконформистами, 183.
Гофъ, Джонъ: избранъ въ президенты Магдалининской коллегіи, 127; низложенъ Верховною коммиссіею, 128; свиданіе съ Пеномъ, 135; поведеніе въ особой церковной коммиссіи, 136; протестъ, 137. См. Магдалининская коллегія.
Графтонъ, Генри Фицрой, герцогъ: увѣряетъ Іакова въ своей преданности, 337; отвѣтъ королю, 339; побѣгъ, 348.
Грей-де-Рутинъ, лордъ, 345.
Гудинофъ, Ричардъ, 18.
Гулль, городъ, 365.

Д.

Данби, Томасъ Осборнъ, графъ: совѣщанія съ Диквельтомъ, 84; вражда между нимъ и Галифаксомъ, 86; письмо къ Вильгельму, 97; принимаетъ участіе въ заговорѣ противъ Іакова, 241; овладѣваетъ Іоркомъ, 343; планъ относительно короны, 446; противится плану регенства, 459; письмо Маріи, 473; измѣняетъ свою тактику, 479.
Данджерфильдъ, 179.
Дарелль, 375.
Дартмутъ, Джорджъ Леггъ, графъ, командиръ флота Іакова II, 297, удержанъ погодою въ Темзѣ, 313; укрывается отъ бури въ портсмутской гавани, 319; получаетъ отъ Іакова приказанія касательно принца Валлійскаго, 360; отказывается исполнить ихъ, 362; получаетъ отъ лордовъ предложеніе уклоняться отъ сраженія съ голландцами, 388; уволенъ отъ должности, 426.
Девонширъ, Вилліамъ Кавендишъ, графъ: ссора съ Кольпепперомъ и послѣдствія ея, 87—90; принимаетъ участіе въ заговорѣ противъ Іакова, 241; примиряется съ Данби, 242; предводительствуетъ возстаніемъ въ Дербиширѣ, 344; оскорбленіе, нанесенное имъ палатѣ лордовъ, 454; митингъ перовъ въ его домѣ, 468.

Декларацiя объ индульгенцiи: первая, 50; вторая, 180.
Декларацiя Права, 483.
Деламиръ, Генри Бутъ, лордъ: поднимаетъ оружiе противъ Iакова въ Чеширѣ, 342; назначенъ посломъ къ королю, 411; присутствуетъ при отъѣздѣ Iакова въ Рочестеръ, 415.
Дерби, графъ Вилліамъ, 161.
Дерби, графъ Джемсъ, дѣдъ Вилліама, 161.
Дженнеръ, сэръ Томасъ, 136.
Дженнингзъ, Сара. См. Чорчилль, леди.
Дженнингзъ, Франсизъ, 93.
Джентри, 258.
Джерминъ, Генри. См. Доверъ.
Джеффризъ, лордъ Джорджъ: налагаетъ чрезвычайный штрафъ на графа Девонширa, 88; оскорбляетъ депутатовъ Кембриджскаго университета, 117 — 120; нагло обращается съ общниками Магдалининской коллегiи Оксфордскаго университета, 128; присутствуетъ въ попечительномъ комитетѣ Чартергауса, 129; получаетъ выговоръ отъ короля за нерадивость, 152; назначенъ лордомъ - намѣстникомъ двухъ графствъ, 162; совѣтуетъ Iакову предать епископовъ уголовному суду, 193; встревоженъ проявленiями народнаго неудовольствiя, 207; Iаковъ пытается сдѣлать его канцлеромъ Оксфордскаго университета, 257; назначенъ членомъ верховнаго совѣта, 340; получаетъ отъ короля приказанiе переселиться въ Вайтголль, 361; арестованъ, 393.
Джонсонъ, Бенъ, 37.
Джонсонъ, д-ръ Самюэль, 38.
Джонстонъ, агентъ между Вильгельмомъ и англiйскою оппозицiей, 98; его разсказъ о состоянiи умовъ въ Англiи во время рожденiя претендента, 202.
Диквельтъ, Эверардъ, 80, посольство въ Англiю, 82; переговоры съ англiйскими государственными людьми, 83; возвращается въ Гагу съ письмами отъ англiйской знати, 96; отправленъ генеральными штатами съ поздравленiями къ Вильгельму, 434.
Диссиденты. См. Нонконформисты.
Доверъ, Генри Джерминъ, лордъ: неудача въ исполненiи плановъ короля, 164; отправленъ въ Портсмутъ съ приказанiемъ перевезти принца Валлiйскаго во Францiю, 360; не рѣшается содѣйствовать побѣгу королевы, 380.
Дольвенъ, Джильбертъ, 454.
Домблевъ, Перегринъ Осборнъ, лордъ, 292.
Дорсетъ, Чарльзъ Саквилль, графъ, 158; отставленъ отъ должности сосекскаго лорда - намѣстника, 160; содѣйствуетъ бѣгству принцессы Анны, 353.
Драйденъ, Джонъ, 37—42; скорбитъ по случаю крутыхъ мѣръ Iакова, 151.
Дромланнигъ, графъ, 351.
Друммондъ, Джемсъ. См. Пертъ.
Друммондъ, Джонъ. См. Мельфортъ.
Духовенство англиканское: озлобленiе противъ Iакова по поводу изгнанiя общниковъ изъ Магдалининской коллегiи, 142; затруднительное положенiе по случаю второй декларацiи объ индульгенцiи, 181; совѣщанiя въ Ламбетѣ, 183; не слушается королевскаго указа, 190; столкновенiя съ Верховною коммиссiею, 256. См. Епископы и Церковь.
Д'Юмьеръ, маркизъ, 289.
Дюра, герцогъ, 289.

Е.

Епископы: митингъ въ Ламбетѣ, 184; просьба семи епископовъ, представленная Iакову II, 186. впечатлѣнiе, произведенное ихъ поведенiемъ на общественное мнѣнiе, 188; король рѣшается предать ихъ суду за пасквиль, 193; они подвергаются допросу въ тайномъ совѣтѣ, 195; заклю-

чены въ Тоуеръ, 196; позваны въ судъ королевской скамьи и отпущены до востребованія, 203; ихъ процессъ, 209—220; приговоръ, 220; народная радость, 221—226; послѣдствія ихъ процесса, 226—229.
Equivalent, 78.

З.

Зулестейнъ: посольство въ Англію для переговоровъ съ англійскими протестантами, 97; отправленъ принцемъ Оранскимъ къ Іакову съ поздравленіемъ по случаю рожденія принца Валлійскаго, 202; посланъ къ Іакову въ Рочестеръ, 407; разговоръ съ Іаковомъ въ Вайтголлѣ, 409.

И.

Индульгенція. См. Декларація объ индульгенціи.
Иннокентій XI, папа: отношенія къ Іакову, 102; ссора съ Людовикомъ XIV, 270.
Ирландія: замыселъ Іакова относительно отдѣленія ея отъ Великобританіи, 146.
Ирландская ночь, 395.
Ирландскія войска: призваны Іаковомъ въ Англію, 260; обезоружены Вильгельмомъ, 399; отправлены на материкъ Европы, 426.
Испанія. См. Ронкильо.

І.

Іаковъ II: дѣйствіе, произведенное въ Европѣ перемѣною его политики, 30; отношенія къ Драйдену, 37; пытается привлечь на свою сторону пуританъ, 42; даруетъ частную вѣротерпимость Шотландіи, 47; занимается тайными кабинетными переговорами съ торіями, 48; издаетъ декларацію объ индульгенціи, 50; препирается съ церковью по поводу протестантскихъ диссидентовъ, 54; ухаживаетъ около конформистовъ, 56; безусловно подчиняется іезуитамъ, 60; пытается задобрить Гоу, 64; свиданіе съ Киффиномъ, 68; письма къ Вильгельму и Маріи по поводу декларацiи объ индульгенціи, 72; вражда къ Борнету, 80; жалобы на интриги Диквельта, 96; ссоры съ Вильгельмомъ, 98; публичныя почести, оказанныя имъ папскому нунцію, 107; отрѣшеніе герцога Сомерсета отъ службы, 108; распущеніе парламента, 109; незаконныя наказанія за военные проступки, 110; дѣйствія противъ университетовъ: Кембриджскаго, 116, и Оксфордскаго, 120; предлагаетъ Фармера въ президенты Магдалининской коллегіи, 126; приказываетъ попечителямъ Чартергауса принять на службу католика Попгама, 129; предпринимаетъ путешествіе по Англіи, 130; лично даетъ нагоняй общникамъ Магдалининской коллегіи, 133; прибѣгаетъ къ посредничеству Пенна, 134; посылаетъ слѣдственную коммиссію въ Оксфордъ, 136; изгоняетъ общниковъ изъ Магдалининской коллегіи, 139; обращаетъ эту коллегію въ римско-католическую семинарію, 141; возбуждаетъ противъ себя озлобленіе духовенства, 142; поддается внушеніямъ относительно измѣненія порядка престолонаслѣдія, 145; умышляетъ отдѣлить Ирландію отъ Великобританіи, 146; одушевляется надеждою имѣть наслѣдника, 147; опасается протестантскаго регентства, 149; рѣшается подтасовать парламентъ, 152; отставляетъ отъ должностей многихъ лордовъ-намѣстниковъ, 154; претерпѣваетъ неудачу въ своихъ планахъ, 162; посягаетъ на независимость муниципальныхъ корпорацій, 171; преобразовываетъ личный составъ всѣхъ вѣдомствъ, 176; замышляетъ одолѣть своихъ противниковъ торговыми стѣсненіями, 177; издаетъ

вторую декларацію объ индульгенціи, 180; принимаетъ у себя епископовъ, 186; не знаетъ, что предпринять противъ ослушнаго духовенства, 192; рѣшается предать семерыхъ епископовъ уголовному суду, 193; подвергаетъ ихъ допросу въ тайномъ совѣтѣ, 196; заключаетъ ихъ въ Тоуэръ, 196; необдуманно ведетъ себя при рожденіи претендента, 198; получаетъ извѣстіе объ оправданіи епископовъ, 223; умышляетъ новое преслѣдованіе англиканскихъ священнослужителей, 252; возбуждаетъ противъ себя неудовольствіе духовенства, 256, джентри, 258, и арміи, 259; призываетъ въ Англію ирландскія войска, 260; получаетъ предостереженія насчетъ замысловъ Вильгельма, 282; не обращаетъ на нихъ никакого вниманія, 283. отвергаетъ помощь, предложенную Людовикомъ XIV, 285; начинаетъ сознавать опасность своего положенія, 296; флотъ и армія, 297; пытается задобрить своихъ подданныхъ, 299; даетъ аудіенцію епископамъ, 300; встрѣчаетъ общее недовѣріе, 301; невиннымъ образомъ усиливаетъ народныя подозрѣнія, 303; представляетъ тайному совѣту доказательства законности рожденія своего сына, 305; получаетъ экземпляры деклараціи Вильгельма и по поводу ея допрашиваетъ лордовъ, 310; призываетъ къ себѣ примаса и епископовъ, 312; вторично требуетъ ихъ къ себѣ, 326; получаетъ извѣстіе о побѣгѣ Корнбёри, 334; милостиво принимаетъ отца его, Кларендона, 336; призываетъ къ себѣ главныхъ офицеровъ, 337; получаетъ отъ лордовъ просьбу о созваніи парламента и объ открытіи переговоровъ съ принцемъ Оранскимъ, 338; отправляется въ Салисбёри, 340; начинаетъ сомнѣваться въ своей арміи, 348; отступаетъ изъ Салисбёри, 350; возвращается въ Лондонъ и узнаетъ о бѣгствѣ принцессы Анны, 351; совѣщается съ лордами, 354; назначаетъ коммиссаровъ для переговоровъ съ Вильгельмомъ, 358; замышляетъ бѣжать изъ Англіи, 359; отправляетъ королеву и принца Валлійскаго во Францію, 379; приготовляется къ побѣгу, 383; бѣгство, 384; мемуары, 392; задержанъ близъ Ширнесса, 399; лорды приказываютъ освободить его, 404; перевезенъ въ Рочестеръ, 405; письмо къ Вильгельму, 406; возвращается въ Лондонъ, 407; созываетъ членовъ тайнаго совѣта, 408; получаетъ отвѣтъ отъ Вильгельма, 409; апатически принимаетъ вѣсть о вступленіи голландцевъ въ Лондонъ, 412; получаетъ депешу отъ Вильгельма и отправляется въ Рочестеръ, 414; получаетъ письма отъ своихъ приверженцевъ съ просьбою отказаться отъ прежнихъ замысловъ, 421; бѣжитъ во Францію, 422; выходитъ на берегъ у деревушки Амбльтёзъ, 431; прибытіе въ Сенъ-Жерменъ, 432; маннфестъ, 443; письмо къ конвенту, 472.

Іезуиты: господство надъ Іаковомъ, 60; пріемъ, оказанный Кастельмену въ Римѣ, 105; замыслы относительно англійскаго престола, 143.

К.

Кампвелль, Арчибальдъ, 292.
Кампвелль, поручикъ, 346.
Карлайль, графъ, 479.
Карстерзъ, Вилліамъ: довѣріе Вильгельма, 293; дѣльный совѣтъ, данный принцу въ Торбеѣ, 320.
Картрайтъ, Томасъ, епископъ честерскій: участвуетъ въ процессіи, устроенной Іаковомъ въ честь папскаго нунція въ Виндзорѣ, 109; произноситъ проповѣдь передъ королемъ въ Честерѣ, 131; назначенъ членомъ слѣдственной коммиссіи въ Оксфордѣ, 136; подвергается косвеннымъ оскорбленіямъ въ университет-

ской церкви, 138; является незваннымъ гостемъ въ собраніе епископовъ у примаса, 185; доноситъ Іакову о намѣреніяхъ епископовъ, 187; уговариваетъ священниковъ честерской епархіи исполнить королевское повелѣніе, 194; подвергается оскорбленіямъ со стороны народа, 204 и 221; присутствуетъ при объясненіи короля съ епископами, 312.

Кастельмайнъ, Роджеръ Пальмеръ, графъ, 102—106.

Католики: пристрастіе къ нимъ Іакова, 42; имъ предоставлена свобода вѣроисповѣданія въ Шотландіи, 47; отношеніе къ нимъ Вильгельма, 74; назначаются на должности лордовъ - намѣстниковъ, 162, и шерифовъ, 167.

Квакеры. См. Нонконформисты.

Квинсберри, Вилліамъ Дугласъ, герцогъ, 351.

Quo Warranto: сущность этого законоположенія, 174; предложеніе комитета палаты общинъ объ исправленіи его, 481.

Кельнское архіепископство, 272.

Кембриджскій университетъ: его вѣрноподданность, 115; посягательство Іакова на его права, 116—120.

Кенъ, епископъ батскій и веллъскій: возмущается супружескою невѣрностію Вильгельма, 13; является, по приглашенію примаса, въ Лондонъ, 185; подписываетъ протестъ противъ декларацiи объ индульгенціи, 186; мужественно объясняется съ Іаковомъ, 187; преданъ уголовному суду вмѣстѣ съ другими шестью епископами, См. Епископы.

Керъ, Генри, 61.

Кингстонъ, городъ, 380.

Кифоинъ, Вилліамъ, 67.

Clarencieux, 493.

Кларендонъ, Генри Гайдъ: присутствуетъ въ собраніи лондонскаго духовенства у примаса, 185; подвергается допросу во дворцѣ, 311; сокрушается по поводу измѣны своего сына, 336; порицаетъ тиранію Іакова, 355; присоединяется къ Вильгельму, 367; возмущается поступками новыхъ своихъ союзниковъ, 371; совѣтуетъ заключить Іакова въ крѣпость Бреду, 411; возвращается къ торійскимъ принципамъ, 473.

Клейтонъ, сэръ Робертъ, 450.

Клеркенвелльскій монастырь, 329.

Closting. См. Тайные кабинетные переговоры.

Кольпепперъ, 87.

Кольчестеръ, Ричардъ Саведжъ, лордъ, 332.

Коммонеры: собираются по приглашенію Вильгельма для обсужденія состоянія націи, 425. См. Конвентъ.

Комтонъ, Генри, епископъ лондонскій: односторонность въ дѣлѣ воспитанія принцессы Маріи, 14; дѣйствуетъ въ пользу Вильгельма, 91; участвуетъ въ собраніи лондонскаго духовенства у примаса, 184; присоединяется къ заговору противъ Іакова, 243; подписываетъ приглашеніе, отправленное лордами къ Вильгельму, 246; освобождается отъ опалы, 300; подвергается допросу со стороны Іакова, 311; участвуетъ въ совѣщаніи короля съ епископами, 326; содѣйствуетъ бѣгству принцессы Анны, 353; представляется Вильгельму въ Сентъ-Джемскомъ дворцѣ, 416.

Конвентъ 1689 года: созванъ принцемъ Оранскимъ, 425; избраніе членовъ нижней палаты, 435; открытіе засѣданій, 450, избраніе спикеровъ палатъ: нижней, 452, и верхней, 453; пренія коммонеровъ о состояніи націи, 454; резолюція о вакансіи престола, 456; пренія лордовъ о регентствѣ, 458; лорды отвергаютъ резолюцію коммонеровъ, 470; письмо Іакова, 472; конференція между палатами, 477; лорды уступаютъ, 479; Декларація Права, 483; поднесеніе короны Вильгельму и Маріи, 486.

Конде, принцъ, 7.
Корнбёри, виконтъ Эдвардъ, 333.
Корнваллисъ, 206.
Корпорацiи, муниципальныя: намѣренiе Iакова преобразовать ихъ личный составъ, 153; неудачное исполненiе этого плана, 171.
Кревнъ, графъ Вилліамъ, 413.
Кру, Натанiэль, епископъ доргамскiй: участвуетъ въ процессiи, устроенной Iаковомъ въ честь папскаго нунцiя въ Виндзорѣ. 109; присутствуетъ при объясненiи короля съ епископами, 312; вотируетъ въ палатѣ лордовъ въ пользу Вильгельма, 479.
Кэркъ, полковникъ Перси: обѣщаетъ оказать поддержку Вильгельму, 276; увѣряетъ Iакова въ своей вѣрнопреданности, 338; отказывается повиноваться королевскимъ приказанiямъ, 349.

Л.

Лаврюэръ, 429.
Ламбетъ, 215.
Лампло, епископъ эксетерскiй: бѣжитъ въ Лондонъ при извѣстiи о высадкѣ Вильгельма, 320; назначенъ архiепископомъ iоркскимъ, 334.
Лангдель, лордъ, 365.
Лангли, сэръ Роджеръ: главный присяжный въ судѣ надъ епископами, 212; объявляетъ приговоръ, 220.
«Лань и Пантера», 40.
Левинзъ, сэръ Кресвелль, судебный защитникъ епископовъ, 211; находитъ неудовлетворительными показанiя свидѣтелей, 213.
Лексингтонъ, лордъ, 479.
Лекъ, епископъ чичестерскiй, 185; подписываетъ протестъ противъ декларацiи объ индульгенцiи, 186. См. Епископы.
Лестренджъ, Роджеръ, 58.
Ливорнъ, Джонъ, апостолическiй викарiй: священнодѣйствуетъ при посвященiи папскаго нунцiя, 107; совѣтуетъ Iакову отмѣнить незаконныя распоряженiя по Магдалининской коллегiи, 301; арестованъ мятежниками, 395.
«Lillibullero», 266.
Линкольнъ, Эдвардъ Клинтонъ, графъ, 479.
Литльвотъ-Голль, 374.
Литльтонъ, сэръ Томасъ, 450.
Личфильдъ, лордъ, 259.
Ловбъ, Стивнъ, 62.
Ловлесъ, лордъ Джонъ: намѣревается присоединиться къ Вильгельму, 331; взятъ въ плѣнъ, 332; освобожденъ глостерцами и торжественно вступаетъ въ Оксфордъ, 366; агитируетъ въ Лондонѣ, 471.
Лодердаль, 411.
Лозенъ, графъ Антонинъ: его исторiя, 380; способствуетъ бѣгству королевы изъ Англiи, 381; снова прiобрѣтаетъ благосклонность Людовика XIV, 431.
Лойдъ, Вилліамъ, епископъ норичскiй, 185.
Лойдъ, Вилліамъ, епископъ сентъ-асафскiй, 185; подписываетъ протестъ противъ декларацiи объ индульгенцiи, 186; обѣщаетъ поддержку Вильгельму, 276; сомнѣвается въ законности рожденiя принца Валлiйскаго, 307. См. Епископы.
Ломли, лордъ Ричардъ: принимаетъ участiе въ заговорѣ противъ Iакова, 244; подписываетъ приглашенiе, отправленное въ Вильгельму, 246; овладѣваетъ Ньюкастлемъ, 365.
Лондонъ: преобразованiе личнаго состава столичной корпорацiи, 172; иллюминацiя по случаю оправданiя семи епископовъ, 224; возстановленiе хартiи, 301; смуты, 329; волненiе и прокламацiи, 363; анархическое состоянiе послѣ бѣгства Iакова, 386 — 398; отсутствiе безпорядковъ при возвращенiи короля, 407; прiемъ, оказанный принцу Оранскому, 415; ссуда денегъ Вильгельму, 426; избранiе членовъ конвента, 435.
Лоо, резиденцiя Вильгельма близъ Гаги, 22.
Лорды: собираются по приглашенiю Вильгельма для обсужденiя

состоянія государства, 421; пренія и резолюціи, 423. См. Конвентъ.
Лорды-намѣстники: обязанности, возложенныя на нихъ Іаковомъ, 154; отставлены отъ должностей за ослушаніе, 155.
Лувуа, французскій военный министръ, 289.
Льюкасъ, лордъ, 388.
Людовикъ XIV: вторженіе въ Голландію, 23; личная непріязнь къ Вильгельму, 25; принимаетъ участіе въ умыслѣ Іакова противъ Борнета, 82; переговоры съ англійскимъ королемъ о британскихъ полкахъ въ Голландіи, 99; изъявляетъ готовность содѣйствовать замыслу Тирконнеля относительно Ирландіи, 146; отталкиваетъ отъ себя своихъ голландскихъ приверженцевъ, 26; притѣсняетъ голландскихъ поселенцевъ во Франціи, 268; ссорится съ папою по поводу посольскихъ привилегій, 270; старается подчинить своей власти Кёльнское архіепископство, 272; предостерегаетъ Іакова, 283; усиливается спасти его, 284; жалуется на неблагодарность своего союзника, 287; вторгается въ Германію, 288; исторія его отношеній къ Лозену, 380; отношеніе его къ англійской революціи, 429; пріемъ, оказанный имъ англійской королевѣ, 431, и королю, 432.

М.

Магдалининская коллегія Оксфордскаго университета: основана Вилліамомъ Вейнфлитомъ, 122; ея вѣрнопреданность, 123; богатства, 124; кончина президента, 125; королевскій кандидатъ, 126; избраніе президента, 127; позывъ общниковъ къ суду Верховной коммиссіи, 128; отказъ избрать Паркера въ президенты, 129; разговоръ Іакова съ общниками, 133; посредничество Пенна, 134; слѣдственная коммиссія, 136; вступленіе Паркера въ должность президента, 137; изгнаніе общниковъ, 139; превращеніе въ католическую семинарію, 141; уступки короля, 301; возвращеніе общниковъ, 303.
Мадритъ. См. Ронкильо.
Макей, генералъ Андрью: первый высаживается на берегъ въ Торбеѣ, 317; вступаетъ вмѣстѣ съ Вильгельмомъ въ Эксетеръ, 323; стычка его отряда съ ирландскими войсками близъ Виннантона, 346.
Макинтошъ, сэръ Джемсъ, 75.
Макльзфильдъ, Чарльзъ Джерардъ, графъ, британскій авантюристъ въ Гагѣ, 292; вступаетъ вмѣстѣ съ Вильгельмомъ въ Эксетеръ, 322.
Malignant, 437.
Мансвитъ, патеръ, духовникъ Іакова, 60.
Манчестеръ, Чарльзъ Монтегью, графъ, 345.
Марія Моденская, королева: беременность, 147; роды, 198; опасное положеніе послѣ бѣгства принцессы Анны, 354; бѣгство во Францію, 379; пріемъ, оказанный ей Людовикомъ XIV, 431.
Марія Оранская, принцесса: отношеніе къ мужу, 13; примиреніе съ Вильгельмомъ, 19; осуждаетъ декларацію объ индульгенціи, 73; подписывается въ пользу изгнанныхъ общниковъ Магдалининской коллегіи, 140; одобряетъ предпріятіе Вильгельма, 246; привязанность къ мужу, 447; задержана въ Голландіи неблагопріятною погодою, 468; письмо къ Данби, 473; прибытіе въ Англію, 485; принимаетъ корону, 487.
Мартинъ, священникъ, 190.
Массильонъ, 27.
Мейнардъ, сэръ Джонъ: отказывается дѣйствовать противъ епископовъ, 210; представляется Вильгельму, 416; глумится надъ Сойеромъ, 425; участвуетъ въ засѣданіяхъ конвента, 451 и 457; протестуетъ противъ угрозъ черни, 471; отзывъ объ англій-

скомъ законодательствѣ послѣ революціи 1688 года, 491.
Мельфортъ, Джонъ Друммондъ, лордъ, 472.
Миддльтонъ, графъ Чарльзъ: отвергаетъ существованіе союза между Іаковомъ II и Людовикомъ XIV, 286; требуетъ государственную печать у Сондерланда, 308; отказывается подчиниться авторитету временнаго правительства, 388; отправляется въ Ширнессъ на помощь Іакову, 404; принимаетъ въ Вайтголлѣ пословъ Вильгельма, 414.
Миллькнкъ, 385.
Мировые судьи: вопросы, предложенные имъ правительствомъ, 162; ихъ отвѣты, 163.
Монмутъ, герцогъ Джемсъ: отношенія къ нему Вильгельма, 29; сожженіе его портрета Кембриджскимъ университетомъ, 115; народъ ожидаетъ его вторичнаго появленія, 206.
Монтегью, Чарльзъ: дружба съ Прайоромъ, 41; пользуется покровительствомъ Дорсета, 160; вступаетъ въ парламентъ, 451.
Мордонтъ, Генри. См. Питерборо.
Мордонтъ, виконтъ Чарльзъ: совѣтуетъ Вильгельму вторгнуться въ Англію, 33; является въ Гагу однимъ изъ первыхъ волонтеровъ, 292; поддается внушеніямъ Вильдмана, 295; вступаетъ въ Эксетеръ, 321.
Морли, мистриссъ, 96
Моррисъ, Бетти, 158.
Мосгревъ, сэръ Кристоферъ: противится резолюціи палаты общинъ о вакансіи престола, 455; защищаетъ Шарпа, 465.
Мью, Питеръ, епископъ винчестерскій: не можетъ по болѣзни принять участія въ совѣщаніи лондонскаго духовенства, 185; визитаторъ Магдалининской коллегіи, 301; готовится возвратить общникамъ отнятыя у нихъ мѣста, 303; потребованъ Іаковомъ въ Вайтголль, 304.
Мюльгревъ, Джонъ Шеффильдъ, графъ, 117; назначенъ членомъ Верховной коммиссіи, 118; благосклонно принятъ Вильгельмомъ въ Сентъ-Джемсѣ, 427.

Н.

Ноджентъ, Томасъ, 264.
Ноксъ, Александръ, 184.
Нонконформисты. первоначальнаясуровость Іакова въ обращеніи съ ними, 42; попытка короля привлечь ихъ на свою сторону, 45; отмѣна карательныхъ законовъ противъ нихъ, 51; отношеніе ихъ къ декларацiи объ индульгенціи, 52; отношенія къ нимъ двора и церкви, 54; ихъ колебаніе, 48; нѣкоторые изъ нихъ принимаютъ сторону короля, 61; большинство принимаетъ сторону церкви, 63; дѣйствіе, произведенное декларацiею объ индульгенціи на характеръ богослуженія нонконформистовъ, 69; недовѣріе ихъ къ дѣйствіямъ правительства, 171; патріотизмъ лондонскихъ нонконформистовъ, 182; депутація къ епископамъ, заключеннымъ въ Тоуэръ, 198; адресъ Вильгельму, 416. См. Бакстеръ, Боніанъ, Гоукеръ, Киффинъ, Ловвъ, Ольсопъ, Пеннъ, Розвелль.
Норичъ, городъ, 366.
Norroy, 493.
Нортгамптонъ, Джорджъ Комтонъ графъ, 161.
Нортумберландъ, Джорджъ Фицрой, герцогъ: способствуетъ бѣгству Іакова, 384; принимаетъ сторону Вильгельма 386.
Норфолькъ-герцогъ Генри: пытается осуществить планы Іакова, 163; возстаетъ въ пользу Вильгельма, 365.
Ноттингамъ, Гениджъ Финчъ, графъ, 85.
Ноттингамъ, Даніэль Финчъ, графъ переговоры съ Диквельтомъ, 84; характеристика, 85; не рѣшается принять участія въ заговорѣ противъ Іакова, 243; подвергается допросу со стороны короля, 311; ораторствуетъ въ пользу регент-

ства, 459; предлагаетъ измѣнить формы присягъ, 479.
Ньюаркъ, виконтъ, 161.
Ньюкастль на Тайнѣ, городъ: противодѣйствуетъ замысламъ Іакова, 172; принимаетъ сторону Вильгельма, 365.
Ньютонъ-Аввотъ, городъ, 320.
Ньютонъ, сэръ Исаакъ: депутатъ Кембриджскаго университета въ судѣ Верховной коммиссіи, 118; членъ за Кембриджскій университетъ въ конвентѣ, 452.

О.

Оксфордскій университетъ: пышныя церемоніи, 113; вѣрноподданность, 115; посягательства Іакова на его права, 120; избраніе герцога Ормонда въ канцлеры, 257; отправленіе депутаціи къ Вильгельму, 366. См. Магдалининская коллегія.
Оксфордъ, городъ: пріѣздъ Іакова, 133; волненіе по случаю изгнанія общниковъ Магдалининской коллегіи, 139; противодѣйствуетъ замысламъ короля, 175; привѣтствуетъ Ловлеса, 366.
Оксфордъ, Обри Де-Веръ, графъ: уволенъ отъ службы, 155; участвуетъ въ совѣщаніи лордовъ подъ предсѣдательствомъ Іакова, 354; присоединяется къ принцу Оранскому, 367.
Ольсопъ, Винсентъ, нонконформистскій священникъ: передается на сторону двора, 61; становится предметомъ омерзѣнія для своихъ единовѣрцевъ, 183.
Оранжъ, городъ, 26.
Ормондъ, Джемсъ Ботлеръ, герцогъ, канцлеръ Оксфордскаго университета, 113; ходатайствуетъ передъ королемъ въ пользу Магдалининской коллегіи, 128; противодѣйствуетъ королю въ Чартергаусѣ, 129; его кончина, 256.
Ормондъ, герцогъ, внукъ предъидущаго: избранъ въ канцлеры Оксфордскаго университета, 257; присоединяется къ Вильгельму, 350.
Оссори, графъ Томасъ, 257.
Остинъ, Томасъ, 220.

П.

Палаты лордовъ и общинъ. См. Конвентъ.
Папа: обрядъ сожиганія его изображенія, 225.
Паписты. См. Католики.
Паркеръ, Самюэль, епископъ оксфордскій, правительственный кандидатъ въ президенты Магдалининской коллегіи, 128; члены коллегіи отказываются избрать его, 129; Іаковъ лично настаиваетъ на его избраніи, 133; посредничество Пенна, 135; вступленіе въ должность президента коллегіи, 137; трактатъ въ защиту декларацій объ индульгенціи, 140; кончина, 141.
Парламентъ 1685 года: отсроченъ въ 1687 г., 50; распущенъ, 109.
Партіи: состояніе ихъ послѣ бѣгства Іакова изъ Англіи, 440. См. Виги и Торіи.
Паскаль, Блезъ, 461.
Патрикъ, Симсонъ, деканъ питерборoскій, 183—186.
Пемвертонъ, адвокатъ семи епископовъ, 211—217.
Пемброкъ, Томасъ Гербертъ, графъ, 161.
Пеннъ, Вилліамъ: тѣсная связь съ Лоббомъ, 62; попытка задобрить Кнеффина, 68; поѣздка въ Гагу для увѣщанія Вильгельма, 72; проектъ эквивалентовъ, 78; проповѣдь въ Честерѣ въ присутствіи Іакова, 131; неудачное посредничество между королемъ и общниками Магдалининской коллегіи, 134—136.
Пеписъ, Самюэль: подвергается въ судѣ допросу по дѣлу семи епископовъ, 216; содѣйствуетъ Іакову въ управленіи морскимъ вѣдомствомъ, 297.
Пертъ, Джемсъ Друммондъ, графъ, канцлеръ Шотландіи, 436—439.
Печать, большая государственная: ея значеніе, 360; брошена Іаковомъ въ Темзу, 385.

Digitized by Google

Печелль, д-ръ Джонъ, вице-канцлеръ Кембриджскаго университета, 118—120.
«Письмо къ Диссиденту», 57.
Питерборо, Генри Мордонтъ, графъ: совращается въ папизмъ, 35; безуспѣшно пытается осуществить планы короля въ Нортгамптонширѣ, 164; искъ противъ Вилліамза, 179.
Питеръ, Эдвардъ, іезуитъ: внушаетъ Іакову мысль о тайныхъ кабинетныхъ переговорахъ, 48; враждуетъ противъ Мансвита, 60; назначается членомъ тайнаго совѣта, 153; получаетъ предложеніе не являться въ чрезвычайное засѣданіе государственнаго совѣта, 305; подвергается оскорбленіямъ со стороны черни, 363.
Повиллъ, сэръ Джонъ, судья королевской скамьи, 88; участвуетъ въ судѣ надъ епископами, 210; находитъ показанія свидѣтелей неудовлетворительными, 213; признаетъ дѣйствія короля незаконными, 219; отставленъ отъ должности, 254.
Повисъ, Вилліамъ Гербертъ, графъ, 153; содѣйствуетъ бѣгству королевы изъ Англіи, 382; домъ его подвергается нападенію со стороны черни, 395.
Повисъ, сэръ Томасъ, генералъ-атторней, 210; дѣйствуетъ въ судѣ противъ епископовъ, 213; возражаетъ противъ рѣчи Сомерза, 218; доноситъ Сондерланду о результатѣ процесса, 223.
Поллексфенъ, адвокатъ семи епископовъ, 211—217.
Поль, Реджинальдъ, архіепископъ кентерберійскій, 123.
Попгамъ, 129.
Portcullis, 493.
Портманъ, сэръ Вилліамъ, 341.
Портсмутъ, городъ, 130.
Поуль, Генри: предсѣдательствуетъ въ собраніи коммонеровъ, 425; находится въ числѣ вождей палаты общинъ, 450; избранъ въ спикеры, 452; присутствуетъ при поднесеніи Вильгельму короны, 486.
Прайоръ, Матью: первоначальная дружба съ Монтегью, 41; вступаетъ въ свѣтъ подъ покровительствомъ Дорсета, 160.
Пресвитеріане. См. Нонконформисты.
Престонъ, Ричардъ Грагамъ, виконтъ: назначается лордомъ-намѣстникомъ Вестморланда и Кумберланда, 162; безуспѣшно пытается осуществить планы короля, 164; назначенъ лордомъ-предсѣдателемъ государственнаго совѣта, 308; присутствуетъ при допросѣ королемъ епископовъ, 312; назначается членомъ верховнаго совѣта, 340; подчиняется временному правительству, 388; получаетъ отъ Мельфорта письмо Іакова къ конвенту, 472.
Претендентъ. См. Стюартъ.
Придо, д-ръ Гомфри, деканъ норичскій, 189.
Пуритане. См. Нонконформисты.

Р.

Райсъ, Стивнъ, 264.
Райтъ, сэръ Робертъ, предсѣдатель суда королевской скамьи, 112; назначенъ членомъ слѣдственной коммиссіи въ Оксфордѣ, 136; приглашенъ къ королю на совѣщаніе о предѣлахъ королевской власти, 176; предсѣдательствуетъ въ судѣ надъ семью епископами, 209—219; удерживаетъ за собою мѣсто главнаго судьи послѣ процесса епископовъ, 254.
Рапенъ де-Тойра, 315 и 413.
Революція 1688 года: особенный характеръ, 487; благотворныя послѣдствія, 493.
Регентство: планъ Санкрофта, 444; предложеніе Финча, 455; пренія лордовъ, 458; непослѣдовательность плана Санкрофта, 461; его непрактичность, 462; онъ отвергнутъ лордами, 464.
Регуляторы: коммиссія, назначенная Іаковомъ для преобразованія муниципальныхъ корпора-

ций, 153; безуспѣшность ея дѣйствій, 171—176.
Римско-католическіе провинціяльные джентльмены XVII столѣтія, 167—170.
Римъ: исторія посольства Кастельмена, 102—106; посольскія привилегіи, 270.
Рирсви, сэръ Джонъ, 343.
Розвелль, Томасъ, 61.
Ронкильо, испанскій посолъ въ Англіи, 392.
Россель, леди Речель, 474.
Россель, лордъ Вилліамъ, 18.
Россель, Эдвардъ (графъ Орфордъ): ведетъ переговоры съ Диквельтомъ, 90; предлагаетъ Вильгельму вторгнуться въ Англію, 239; привлекаетъ Шрусбёри къ участію въ заговорѣ противъ Іакова, 241; подписываетъ приглашеніе, отправленное къ Вильгельму, 246; отправляется въ Гагу, 277.
Россель, Эдвардъ, двоюродный братъ предъидущаго, 332.
Ротландъ, графъ Джонъ: отставленъ отъ должности лейстерширскаго лорда-намѣстника, 161; присоединяется къ сѣвернымъ инсургентамъ, 315.
Рочестеръ, Джонъ Вильмотъ, графъ, 17.
Рочестеръ, Лоренсъ Гайдъ, графъ, лордъ-казначей: послѣдствія его отставки, 31; безуспѣшно пытается осуществить планы Іакова, 163; подаетъ королю просьбу о созваніи парламента, 338; произноситъ въ томъ же смыслѣ рѣчь въ совѣтѣ лордовъ подъ предсѣдательствомъ Іакова, 355; принимаетъ сторону Вильгельма, 386; говоритъ въ пользу регентства, 459.
Rouge Dragon, 493.

С.

Сайонъ-Гаусъ, 414.
Салисбёри, городъ, 368.
Салисбёри, Джемсъ Сесиль, графъ: совращается въ папизмъ, 35; драка его слугъ съ уличною толпою, 225; преданъ уголовному суду, 363.
Санкроптъ, Вилліамъ, архіепископъ кентербёрійскій: митингъ прелатовъ въ его дворцѣ, 184; составляетъ протестъ противъ декларація объ индульгенціи, 186; подвергается допросу въ тайномъ совѣтѣ, 195; заключенъ въ Тоуэръ, 196; позванъ въ судъ королевской скамьи и отпущенъ до востребованія, 203; возвращается въ свой дворецъ, 205; издаетъ пастырское посланіе послѣ процесса епископовъ, 228; получаетъ аудіенцію у короля, 300; увѣряетъ Іакова въ своей вѣрнопреданности, 312; приглашенъ королемъ на совѣщаніе по поводу декларація Вильгельма, 326; представляетъ Іакову просьбу лордовъ о созваніи парламента, 338; предсѣдательствуетъ на митингѣ лордовъ въ Гильдголлѣ, 387; становится во главѣ роялистовъ, 421; не является въ собраніе лордовъ, созванныхъ Вильгельмомъ, 422; его планъ въ пользу регентства, 444; образчикъ его сочиненія, 445; уклоняется отъ участія въ преніяхъ палаты лордовъ о планѣ регентства, 459. См. Епископы.
Сарсфильдъ, Патрикъ, 346.
Сачеверелль, Вилліамъ, 450.
Сачеверелль, Генри, 227.
Свифтъ, Джонатанъ, 240.
Сеймуръ, сэръ Эдвардъ: присоединяется къ Вильгельму, 341; организуетъ союзъ приверженцевъ принца, 342; назначенъ правителемъ Эксетера, 345; положеніе въ палатѣ общинъ, 452.
Свитъ-Эвремонъ, 159.
Свинъ-Викторъ, 382.
Свинъ-Жерминъ, 431.
Сидни, Генри, 240; пытается привлечь Галифакса къ соучастію въ заговорѣ противъ Іакова, 241; увѣдомляетъ Вильгельма, что Ноттингамъ струсилъ, и переписываетъ приглашеніе, отправленное къ принцу, 244; подпи-

сываетъ эту бумагу, 246; переѣзжаетъ въ Голландію, 277; его связь съ графинею Сондерландъ, 281.

Ситтерсъ, Арнольдъ, голландскій посолъ при дворѣ Іакова II: не присутствуетъ при рожденіи принца Валлійскаго, 200; благосклонно принятъ Іаковомъ на аудіенціи, 286; уѣзжаетъ въ лагерь Вильгельма, 368.

Скарсдель, графъ, 162.

Скельтонъ, полковникъ Бевиль, англійскій посланникъ при версальскомъ дворѣ, 284; отозванъ изъ Франціи и посаженъ въ Тоуэръ, 286; назначенъ комендантомъ Тоуэра, 359; отставленъ, 388.

Скоттъ, сэръ Вальтеръ: защита Драйдена, 38; разсказъ о Литлькотъ-Гаусѣ, 374.

Смитъ, д-ръ Томасъ: домогается мѣста президента Магдалинской коллегіи, 125; предлагаетъ отложить избраніе президента, 127; даетъ уклончивый отвѣтъ на требованіе слѣдственной коммиссіи, 136; освобождается отъ обязанности просить прощенія у короля, 139; прозванъ д-ромъ Плутомъ, 140; изгнанъ изъ Магдалинской коллегіи, 141.

Соединенныя провинціи. См. Голландія.

Сойеръ, сэръ Робертъ, генералъ-атторней, 178; уволенъ отъ службы, 179; адвокатъ семи епископовъ, 211, 214 и 217; возбуждаетъ на митингѣ коммонеровъ вопросъ о титулѣ Вильгельма, 425.

Сольмсъ, графъ: вступаетъ съ полкомъ своимъ въ Эксетеръ, 323; занимаетъ Вайтголль для Вильгельма, 413.

Сомерзъ, Джонъ, адвокатъ семи епископовъ, 212; рѣчь въ судѣ надъ прелатами, 218; вступленіе въ парламентъ, 451; доводы на конференціи съ лордами въ пользу объявленія престола вакантнымъ, 478; президентъ комитета для составленія Декларація Права, 482; отзывъ объ англійскомъ законодательствѣ послѣ революціи 1688 года, 491.

Сомерсетъ, Чарльзъ Сеймуръ, герцогъ: отказывается принять участіе въ парадномъ шествіи нунція, 108; отрѣшенъ отъ должности лорда-намѣстника, 161.

Сондерландъ, графиня, 280.

Сондерландъ, Робертъ Спенсеръ, графъ, 153; назначенъ лордомъ-намѣстникомъ Варвикшира, 166; докладываетъ королю о шести епископахъ, 187; совѣтуетъ Іакову сдѣлать уступку, 192; присутствуетъ при рожденіи претендента, 201; предписываетъ капелану Тоуэра прочесть декларацію объ индульгенціи, 203; тревожится по поводу холодности къ нему Іакова, 207; обращается въ папизмъ, 208; свидѣтельствуетъ въ судѣ противъ епископовъ, 217; извѣщаетъ Іакова о результатѣ процесса, 223; переговаривается съ Вильгельмомъ, 277; поддерживаетъ заблужденіе Іакова, 283; похваляется своимъ коварствомъ, 287; отставленъ отъ всѣхъ должностей, 307.

Спекъ, Гью: объявляетъ себя авторомъ поддѣльной прокламаціи, 364, и виновникомъ Ирландской ночи, 398.

Спратъ, Томасъ, епископъ рочестерскій: читаетъ декларацію объ индульгенціи въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, 191; отказывается отъ своего мѣста въ Верховной коммиссіи, 255; приглашенъ Іаковомъ на совѣщаніе по поводу декларацiи Вильгельма, 326.

Стамфордъ, Томасъ Грей, графъ, 345.

Стаффордъ, Вилліамъ Говардъ, виконтъ, 17 и 255.

Стиллингфлитъ, Эдвардъ: полемика съ Драйденомъ, 39; отказывается читать декларацію объ индульгенціи, 183.

Стонгинджъ, 368.

Стьюартъ, Джемсъ, 101.

Стюартъ, Джемсъ Эдвардъ, принцъ Валлійскій: рожденіе, 198; тайному совѣту представлены доказательства законности его рожденія, 305; отправленъ въ Портсмутъ, 340; возвращенъ въ Лондонъ, 379; отправленъ во Францію, 382.
Сѣверное возстаніе, 343.

Т.

Тайные кабинетные переговоры, 48.
Танетъ, графъ Томасъ, 161.
Темпль, сэръ Вилліамъ, 12.
Тенисонъ, д-ръ, 185 и 186.
Тиллотсонъ, деканъ кентербёрійскій: отказывается прочесть декларацію объ индульгенціи, 184; присутствуетъ на митингѣ у примаса, 186; вліяніе на принцессу Анну, 474.
Тиндаль, Матью, 36.
Тирконнель, Ричардъ Тальботъ, графъ: негодность его къ занятію высокихъ государственныхъ должностей, 34; ненависть къ патеру Мансвиту, 60; представляется королю въ Честерѣ, 132; замышляетъ отдѣлить Ирландію отъ Англіи, 146; формируетъ армію изъ ирландцевъ, 260; деспотическія его мѣры, 264.
Титусъ, Сайласъ: назначенъ членомъ тайнаго совѣта, 255; тщетно добивается аудіенціи у Вильгельма, 410.
Тольмашъ, 323.
Тонтонъ, городъ, 56.
Торвей, заливъ, 316.
Торговыя свидѣтельства, 177.
Тори: отношенія къ Вильгельму, 21; признаютъ его своимъ главою, 31; попытки Іакова задобрить ихъ, 48; перемѣна въ ихъ мнѣніяхъ относительно страдательнаго повиновенія, 230—238; состояніе ихъ партіи по отреченіи Іакова отъ престола, 440—448; ихъ сила въ верхней палатѣ, 453; настаиваютъ, чтобы ихъ планъ былъ подвергнутъ обсужденію прежде резолюціи коммонеровъ, 458; отвергаютъ предложеніе виговъ о провозглашеніи Вильгельма и Маріи королемъ и королевою, 470; терпятъ пораженіе въ палатѣ общинъ, 473.
Торквей, городъ, 316.
Торнеръ, Франсисъ, епископъ илайскій: участвуетъ въ собраніи лондонскаго духовенства у примаса, 184; подписываетъ протестъ противъ декларацiи объ индульгенціи, 186. См. Епископы.
Трайндеръ, адвокатъ со стороны правительства въ судѣ надъ епископами, 210.
Треви, сэръ Джорджъ, адвокатъ семи епископовъ, 211; произноситъ рѣчь въ честь Вильгельма, 416; поддерживаетъ Сомерза на конференціи между палатами, 478; отзывъ объ англійскомъ законодательствѣ послѣ революціи 1688 года, 491.
Трелони, сэръ Джонъ, епископъ бристольскій, 186; сочувствіе къ нему жителей Корнваллиса, 206; обѣщаетъ оказать поддержку Вильгельму, 276; привѣтствуетъ войска принца въ Бристолѣ, 366. См. Епископы.
Трелони, полковникъ Чарльзъ: обѣщаетъ казать поддержку, Вильгельму, 276; увѣряетъ Іакова въ своей вѣрноподданности, 337.
Турки передъ Вѣною, 29.
Тьюксбёри, городъ, 174.

У.

Университеты англійскіе, 113—116. См. Кембриджскій и Оксфордскій университеты.

Ф.

Фагель, великій пенсіонарій голландскій: письмо къ Стьюарту, 101; составляетъ, по порученію Вильгельма, проектъ декларацiи, 293.
Фаншо, виконтъ Ричардъ, 155.

Фармеръ, Антони, 126.
Фаулеръ, д-ръ Эдвардъ, 184.
Фенъ, сэръ Виръ, 452.
Фергюсонъ, Робертъ, 18; принимаетъ участіе въ экспедиціи Вильгельма, 293; безобразничаетъ въ Эксетерѣ, 326.
Ферфаксъ, д-ръ, членъ Магдалининской коллегіи, 128; непреклонно сопротивляется незаконнымъ требованіямъ Іакова, 138.
Фивершамъ, Льюисъ Дюрасъ, графъ, 30; доноситъ Іакову, что духъ арміи ненадеженъ, 347; получаетъ отъ короля приказаніе распустить армію, 384; исполняетъ это повелѣніе, 386; замедляетъ своимъ поступкомъ прибытіе Вильгельма въ Лондонъ, 398; отправляется въ Ширнессъ освобождать короля, 404; отправленъ Іаковомъ съ письмомъ къ Вильгельму, 405; арестованъ по приказанію принца, 407; арестъ его тревожитъ Іакова, 409; освобожденъ изъ-подъ ареста, 427.
Финчъ, сэръ Гениджъ, генералъ-солиситоръ при Іаковѣ II, 85; адвокатъ семи епископовъ, 211; неумѣстное краснорѣчіе, 216; неосновательное отношеніе къ нему общественнаго мнѣнія, 224; предлагаетъ въ палатѣ общинъ учредить регентство, 455.
Финчъ, Даніэль. См. Ноттингамъ.
Финчъ, Джонъ, хранитель печати при Карлѣ I, 84.
Фицджемсъ, Джемсъ. См. Бервикъ.
Флетчеръ-Сальтаунъ, Андрью, 292.
Фоконбергъ, виконтъ, 161.
Франсисъ, Альбанъ, 116.
Фриманъ, мистрисъ, 96.
Фрюстенбергъ, кардиналъ, 272.

Х.

Христина, королева шведская, 104.

Ц.

Церковь Англиканская: тревога, причиненная мѣрами Іакова II, 53; пререканія съ королемъ, 55; благосклонность къ диссидентамъ, 57; охлажденіе прежней вѣрноподданности, 142. См. Духовенство и Епископы.

Ч.

Чарнокъ, Робертъ, общникъ Магдалининской коллегіи Оксфордскаго университета, 127; поддерживаетъ незаконныя притязанія короля, 133; обѣщаетъ повиноваться предписаніямъ слѣдственной коммиссіи, 136; освобождается отъ обязанности просить прощенія у короля, 139; возбуждаетъ противъ себя негодованіе полуобщниковъ, 140.
Чартергаусъ, 129.
Чатсвортъ, 89.
Честерфильдъ, графъ Филиппъ, 345.
Честеръ, городъ, 131.
Чоман, лордъ, 345.
Чорчилль, баронъ Джонъ: сношенія съ Диквельтомъ, 91; важное значеніе его услугъ для Вильгельма, 93; привязанность къ женѣ, 84; корыстолюбіе, 96; письмо къ Вильгельму, 97; побуждаетъ Корнбёри къ измѣнѣ Іакову, 333; клянется королю въ вѣрноподданности, 337; совѣтуетъ Іакову осмотрѣть войска въ Ворминстерѣ, 347; передается Вильгельму, 348.
Чорчилль, Сара Дженнингъ, леди: отношенія къ мужу и къ принцессѣ Аннѣ, 93—96; бѣгство изъ Лондона на сѣверъ Англіи, 352; склоняетъ принцессу Анну въ пользу вигскаго плана относительно престола, 474.

Ш.

Шарпъ, Джонъ, деканъ норичскій, 465.
Шведскіе рейтары Вильгельма, 322.
Швейцарская пѣхота Вильгельма, 323.
Шельдонъ, Джильбертъ, архіепископъ кентербёрійскій, 114.

Шерифы 1688 года, 167.
Шерлокъ, д-ръ Вилліамъ: принимаетъ участіе въ совѣщаніяхъ лондонскаго духовенства по поводу декларацiи объ индульгенціи, 183 и 186; планъ относительно престола послѣ бѣгства Іакова II изъ Англіи, 442.
Шоверъ, сэръ Бартоломью, лондонскій городской судья, 112; адвокатъ правительства въ судѣ надъ епископами, 210.
Шомбергъ графъ Фридрихъ, 291; отправляется вмѣстѣ съ Вильгельмомъ осматривать мѣстность около Торбея, 318; вступаетъ съ принцемъ въ Эксетеръ, 323; отказывается отъ волонтеровъ изъ простаго народа, 341; уклоняется отъ сраженія съ королевскими войсками, 345; сопровождаетъ Вильгельма въ Лондонъ, 415.
Шотландія: свобода богослуженія при Іаковѣ II, 47; сочувствіе къ семи епископамъ, 206; событія послѣ бѣгства короля изъ Англіи, 436.
Шрусвёри, Чарльзъ Тальботъ, графъ 156; получаетъ угрозное письмо, 161; присоединяется къ заговору противъ Іакова II, 241; подписываетъ приглашеніе, отправленное къ Вильгельму, 246; вступаетъ въ Бристоль, 366; назначается посломъ къ Іакову, 411.

Э.

Эджгилль, 132.
Эдинбургъ, 436.
Эйльсвёри, графъ, 122.
Эксетеръ, 320.
Эльдонъ, лордъ, 75.

Ю.

Юмъ, сэръ Патрикъ: присоединяется въ Гагѣ къ принцу Оранскому, 293; принимаетъ участіе въ совѣщаніи шотландскихъ лордовъ, 439.

Я.

Ярмутъ, городъ, 172
Ярмутъ, графъ, 164.

1236415
RL 028871
REGIONE LAZIO · ASSESSORATO CULTURA
SOPRINTENDENZA AI BENI LIBRARI

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВОСЬМАГО ТОМА.

ГЛАВА VII.

	стран.
Принцъ Вильгельмъ Оранскій. Его наружность	1
Его отрочество и воспитаніе	2
Его богословскія мнѣнія	4
Его воинскія качества	5
Его любовь къ опасности и плохое здоровье	8
Холодность его манеръ и сила его чувствъ	9
Его дружба къ Бентинку	10
Принцесса Марія Оранская	13
Джальбертъ Борнетъ	15
Онъ возстановляетъ доброе согласіе между принцемъ и принцессой	19
Отношенія между Вильгельмомъ и англійскими партіями	21
Его чувства къ Англіи, Голландіи и Франціи	22
Строгая послѣдовательность его политики	27
Аугсбургскій трактатъ	30
Вильгельмъ становится главою англійской оппозиціи	31
Мордонтъ предлагаетъ Вильгельму сдѣлать высадку въ Англіи. Вильгельмъ отвергаетъ этотъ совѣтъ	33
Неудовольствіе въ Англіи послѣ паденія Гайдовъ	34
Обращенія въ папизмъ. Питерборо. Салисбёри	35
Вичирлэ. Тондаль. Гензъ	36
Драйденъ	37
«Лань и Пантера»	40

СТРАН.
Перемѣна въ политикѣ двора относительно пуританъ 42
Шотландіи дарована частная вѣротерпимость 47
Тайные кабинетные переговоры 48
Неуспѣшность ихъ. Адмиралъ Гербертъ 49
Декларація объ индульгенціи 50
Чувства протестантскихъ диссидентовъ 52
Чувства Англійской церкви 53
Дворъ и церковь наперерывъ другъ передъ другомъ стараются подѣлаться къ пуританамъ 54
«Письмо къ Диссиденту» 57
Поведеніе диссидентовъ 58
Нѣкоторые изъ нихъ принимаютъ сторону двора. Керъ. Ольсопъ. Розвелль 61
Лоббъ. Пенъ 62
Большинство пуританъ высказывается противъ двора. Бакстеръ . 63
Гоу. Боніанъ 64
Кпффинъ 67
Принцъ и принцесса Оранскіе относятся враждебно къ декларацiи объ индульгенціи 72
Защита ихъ образа мыслей относительно англійскихъ католиковъ 74
Вражда Іакова къ Борнету 80
Посольство Диквельта въ Англію 82
Переговоры Диквельта съ англійскими государственными людьми. 83
Данби. Ноттингамъ 84
Галифаксъ 86
Девонширъ 87
Эдвардъ Россель 90
Комтонъ. Гербертъ. Чорчилль 91
Леди Чорчилль и принцесса Анна 93
Диквельтъ возвращается въ Гагу съ письмами отъ многихъ знатныхъ англичанъ 96
Посольство Зулестейна 97
Возрастающая непріязнь между Іаковомъ и Вильгельмомъ . . 98
Вліяніе голландской прессы 100
Переписка между Стьюартомъ и Фагелемъ 101
Посольство Кастельмена въ Римъ 102

ГЛАВА VIII.

Посвященіе нунція въ Сентъ-Джемскомъ дворцѣ 107
Публичный пріемъ нунція. Герцогъ Сомерсетъ 108
Распущеніе парламента 109

СТРАН.
Незаконныя наказанія за военные проступки 110
Дѣйствія Верховной коммиссіи 112
Университеты 113
Дѣйствія правительства противъ Кембриджскаго университета . 116
Графъ Мюльгревъ 117
Состояніе Оксфорда 120
Магдалинская коллегія Оксфордскаго университета. 122
Король предлагаетъ въ президенты Антони Фармера 126
Избраніе президента 127
Общинки Магдалинской коллегіи передъ Верховною коммиссіею 128
Предложеніе Паркера въ президенты. Чартергаусъ 129
Путешествіе короля 130
Король въ Оксфордѣ. Онъ даетъ пагоняй общинкамъ Магдалинской коллегіи 133
Пеннъ пытается уладить дѣло 134
Особая церковная коммиссія въ Оксфордѣ 136
Протестъ Гофа. Вступленіе Паркера въ должность президента . 137
Изгнаніе общинковъ изъ коллегіи 139
Магдалинская коллегія обращена въ папистскую семинарію . 141
Озлобленіе духовенства 142
Замыслы іезуитской кабали относительно престолонаслѣдія . . 143
Замыселъ Іакова и Тирконнеля относительно Ирландіи 146
Беременность королевы. Общее недовѣріе 147
Настроеніе избирательныхъ корпорацій и перовъ. 150
Іаковъ рѣшается подгасовать парламентъ 152
Коммиссія регуляторовъ 153
Многіе лорды-намѣстники уволены отъ службы 154
Графъ Оксфордъ 155
Графъ Шрусбёри 156
Графъ Дорсетъ 158
Вопросы, предложенные мировымъ судьямъ 162
Отвѣты мировыхъ судей. Неудача плановъ короля 163
Списокъ шерифовъ. Характеристика римско-католическихъ провинціяльныхъ джентльменовъ 167
Настроеніе диссидентовъ. Преобразованіе личнаго состава муниципальныхъ корпорацій 171
Переборка личнаго состава всѣхъ вѣдомствъ 176
Отставка Сойера. 177
Генералъ-солиситоръ Вилліамзъ 178
Вторая декларація объ индульгенціи. Духовенство получаетъ приказаніе прочесть ее въ церквахъ 180
Оно колеблется. Патріотизмъ протестантскихъ нонконформистовъ

*

СТРАН.
Лондона 182
Совѣщаніе лондонскаго духовенства 183
Совѣщаніе въ Ламбетскомъ дворцѣ. Просьба семи епископовъ представлена королю 186
Лондонское духовенство не слушается королевскаго указа . . . 190
Колебаніе правительства 192
Епископовъ рѣшено предать суду за пасквиль 193
Они подвергаются допросу въ тайномъ совѣтѣ 195
Они заключены въ Тоуэръ 196
Рожденіе претендента. Всѣ думаютъ, что ребенокъ подложный . 198
Епископы позваны въ судъ королевской скамьи и отпущены подъ условіемъ явиться туда по востребованію 203
Волненіе общественнаго мнѣнія 206
Безпокойство Сондерланда 207
Онъ объявляетъ себя католикомъ. 208
Процессъ епископовъ 209
Приговоръ 220
Восторгъ народа. 221
Особенное состояніе общественнаго мнѣнія въ это время . . . 226

ГЛАВА IX.

Перемѣна въ мнѣніи торіевъ относительно законности сопротивленія 230
Россель предлагаетъ принцу Оранскому сдѣлать высадку въ Англіи 239
Девонширъ. Шрусбёри. Галифаксъ. Данби. 241
Епископъ Комтонъ. Ноттингамъ 243
Лонли. Приглашеніе, отправленное къ Вильгельму 244
Поведеніе Маріи 246
Трудности Вильгельмова предпріятія 247
Поведеніе Іакова послѣ процесса епископовъ 252
Отставки и повышенія 253
Дѣйствія Верховной коммиссіи. Спратъ отказывается отъ своего мѣста 255
Неудовольствіе духовенства. 256
Событія въ Оксфордѣ 257
Неудовольствіе джентри 258
Неудовольствіе войска 259
Въ Англію призваны ирландскія войска 260
Общественное негодованіе 261
«Лиллибуллеро» 266
Политика Соединенныхъ провинцій 267

СТРАН.
Ошибки французскаго короля 269
Его ссора съ папою по поводу посольскихъ привилегій . . . 270
Кёльнское архіепископство. 272
Искусный образъ дѣйствій Вильгельма. 273
Его сухопутныя и морскія приготовленія къ экспедиціи . . . 274
Онъ получаетъ изъ Англіи множество обѣщаній поддержки . . 276
Сондерландъ 277
Безпокойство Вильгельма. Іаковъ получаетъ предостереженія . 282
Усилія Людовика спасти Іакова 284
Іаковъ дѣлаетъ ихъ тщетными 285
Французскія войска вторгаются въ Германію 288
Вильгельмъ получаетъ согласіе генеральныхъ штатовъ на экспедицію 290
Шомбергъ 291
Британскіе авантюристы въ Гагѣ. 292
Декларація Вильгельма. 293
Іаковъ начинаетъ сознавать опасность своего положенія . . . 296
Его морскія средства 297
Его сухопутныя средства 298
Онъ пытается примириться со своими подданными 299
Онъ даетъ аудіенцію епископамъ 300
Его уступки приняты дурно 301
Тайному совѣту представлены доказательства законности рожденія принца Валлійскаго. 305
Опала Сондерланда. 307
Вильгельмъ прощается съ генеральными штатами Голландіи, садится на корабль и отправляется въ море. Буря относитъ его назадъ 309
Его декларація приходитъ въ Англію. Іаковъ допрашиваетъ лордовъ 310
Вильгельмъ отплываетъ вторично. 313
Онъ проходитъ Па-де-Кале. 314
Онъ высаживается въ Торбеѣ 316
Онъ вступаетъ въ Эксетеръ. 320
Разговоръ короля съ епископами. 326
Смуты въ Лондонѣ 329
Знатные люди начинаютъ переходить къ принцу 330
Ловлесъ 331
Кольчестеръ. Абингдонъ 332
Измѣна Корнбёри 333
Просьба лордовъ о созваніи парламента 338
Король отправляется въ Салисбёри 340
Сеймуръ. Дворъ Вильгельма въ Эксетерѣ. 341

Digitized by Google

СТРАН.
Сѣверное возстаніе. 343
Стычка при Винкантонѣ 346
Побѣгъ Чорчилля и Графтона 348
Отступленіе королевской арміи изъ Салисбёри. Побѣгъ принца Георга и Ормонда 350
Бѣгство принцессы Анны 351
Совѣщаніе лордовъ подъ предсѣдательствомъ Іакова 354
Іаковъ назначаетъ коммиссаровъ для переговоровъ съ Вильгельмомъ 358
Переговоры—увёртка 359
Дартмутъ отказывается отправить принца Валлійскаго во Францію. 362
Волненіе въ Лондонѣ. Поддѣльная прокламація. 363
Возстанія въ различныхъ частяхъ Англіи. 365
Кларендонъ присоединяется къ принцу въ Салисбёри. Раздоръ въ лагерѣ принца 368
Прибытіе принца въ Гонгерфордъ. Стычка въ Ридингѣ. Прибытіе королевскихъ коммиссаровъ въ Гонгерфордъ 372
Переговоры. 373
Королева и принцъ Валлійскій отправлены во Францію. . . . 379
Лозёнъ. 380
Приготовленія короля къ бѣгству 383
Его бѣгство. 384

ГЛАВА X.

Бѣгство Іакова дѣлается извѣстнымъ. Сильное волненіе . . . 386
Лорды собираются въ Гильдголлѣ 387
Безчинства въ Лондонѣ 390
Разграбленіе дома испанскаго посла. 392
Арестованіе Джеффриза 393
Ирландская ночь. 395
Король задержанъ близъ Ширнесса 399
Лорды приказываютъ освободить его 404
Затруднительное положеніе Вильгельма. 406
Арестованіе Фивершама. Прибытіе Іакова въ Лондонъ. . . . 407
Совѣщаніе въ Виндзорѣ 410
Голландскія войска занимаютъ Вайтголль. 413
Депеша отъ принца вручена Іакову. Іаковъ отправляется въ Рочестеръ 414
Прибытіе Вильгельма въ Сентъ-Джемсъ. 415
Приверженцы принца совѣтуютъ ему овладѣть короною по праву завоеванія 417

СТРАН.
Онъ созываетъ лордовъ и членовъ парламентовъ Карла II. . . 419
Бѣгство Іакова изъ Рочестера. 422
Пренія и резолюціи лордовъ. 423
Пренія и резолюціи созванныхъ принцемъ коммонеровъ. Созваніе конвента 425
Усилія принца возстановить порядокъ. 426
Его вѣротерпимость 427
Удовольствіе римско-католическихъ державъ 428
Состояніе умовъ во Франціи 429
Пріемъ англійской королевы во Франціи. 431
Прибытіе Іакова въ Сенъ-Жерменъ 432
Состояніе умовъ въ Соединенныхъ провинціяхъ 434
Избраніе членовъ конвента. 435
Шотландскія дѣла 436
Состояніе партій въ Англіи. 440
Планъ Шерлока. 442
Планъ Санкрофта 444
Планъ Данби 446
Планъ виговъ. 448
Собраніе конвента. Вожди палаты общинъ 450
Избраніе спикера 452
Пренія о состояніи націи 454
Резолюція о вакансіи престола 456
Она представлена лордамъ. Пренія лордовъ о планѣ регентства . 458
Разрывъ между вигами и сторонниками Данби. 466
Митингъ у графа Девоншира 468
Пренія въ палатѣ лордовъ по вопросу о томъ, вакантенъ ли престолъ. Большинство отвѣчаетъ отрицательно 470
Агитація въ Лондонѣ 471
Письмо Іакова къ конвенту. Пренія. Переговоры. 472
Письмо принцессы Оранской къ Данби. Анна одобряетъ планъ виговъ. 473
Вильгельмъ объясняетъ свои намѣренія. 475
Конференція между палатами 477
Лорды уступаютъ. 479
Новые законы, предложенные для обезпеченія свободы. . . . 480
Пренія и компромиссъ 481
Декларація Права 483
Прибытіе Маріи. 485
Предложеніе и принятіе короны 486
Вильгельмъ и Марія провозглашены королемъ и королевою. Особенный характеръ англійской революціи. 487

ПОГРѢШНОСТИ:

Стран.	*Строка:*	*Напечатано:*	*Читай:*
143	26	верались	вергись
163	2	королевствуюкакъ распространилась	королевству распространилась
165	12	Ланканширъ.	Ланкаширъ.
194	33	$^{14}/_{22}$	$^{12}/_{22}$
236	2	ній рѣшится,	ній, рѣшится
252	11	оправданы, епископы,	оправданы епископы,
320	3	полуденникъ затѣмъ,	полуденникъ; затѣмъ
343	12	короля, бунтовался	короля бунтовался
403	31	на мѣстѣ жизнь	на мѣстѣ, жизнь
452	7	свободы, онъ	свободы, онъ,

Digitized by Google

Digitized by Google

ИЗДАНІЯ НИКОЛАЯ ТИБЛЕНА.

(Мартъ, 1863 г.).

Печатаются:

Бокль: Исторія цивилизаціи въ Англіи, т. 2.
Куно Фишеръ: Исторія новой философіи, т. 3.
Курсель Сенеллъ: Трактатъ о политической экономіи, т. 2.
Маколей: Полное собраніе сочиненій, т. 5 и 9.
Шмидтъ (Юліанъ): Исторія французской литературы.
Геттнеръ: Исторія литературы XVIII вѣка, т. 1.

Готовятся къ печати:

Геттнеръ: Исторія литературы XVIII вѣка, 2.
Куно Фишеръ: Исторія новой философіи, т. 4.
Маколей: Полное собраніе сочиненій, т. 10 и слѣд.
Миль (Д. С.): О представительномъ правленіи.

Въ конторѣ помянутой типографіи продаются также:

Редтенбахеръ: «Данныя для постройки машинъ», 2 тома, съ таблицами, п. 3 р. 50 к.
Майокій: «Путеводитель за границею», двѣ части въ одномъ томѣ, съ планами городовъ, картами и пр., п. 4 р. с.

Digitized by Google